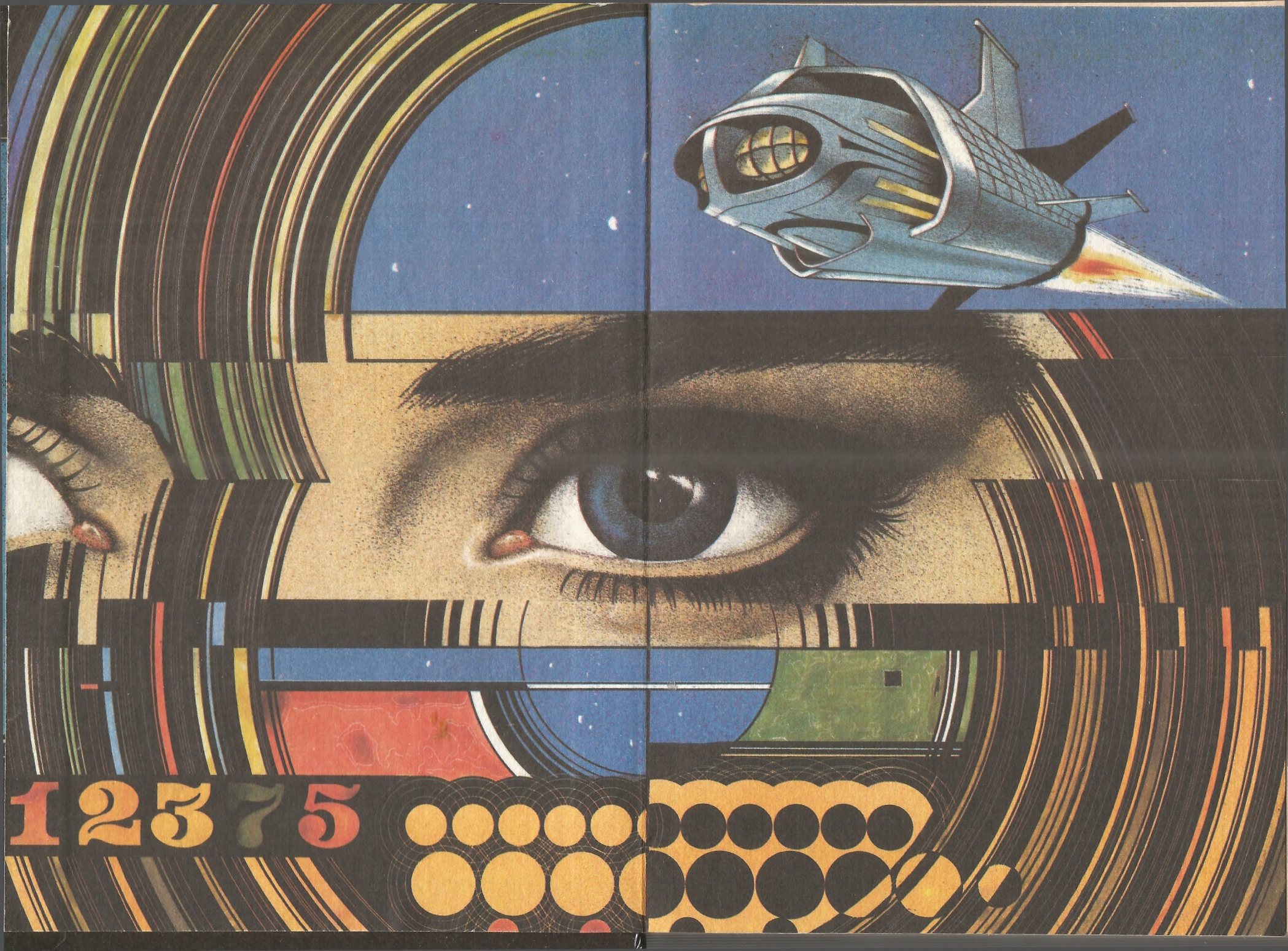
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Андре Нортон

ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ

ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ

Андре Нортон


1237 5

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

Андре Нортон

ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1993

ББК 84.7 США
Н 83

Художник **А. ТАРАСОВ**

Нортон Андре

Н 83 Долгая ночь ожидания: Фантастические романы, повести, рассказы/Сост. Н. Резанова; Пер. с англ. Л. Дейч, Н. Хохловой, Н. Резановой.— Нижний Новгород: Флокс, 1993.— 480 с.: ил.

ISBN 5-87198-046-5

Сборник фантастических произведений знаменитой американской писательницы. Приключения в далеком прошлом, параллельных пространствах и на неизведанных планетах способны увлечь любого читателя.

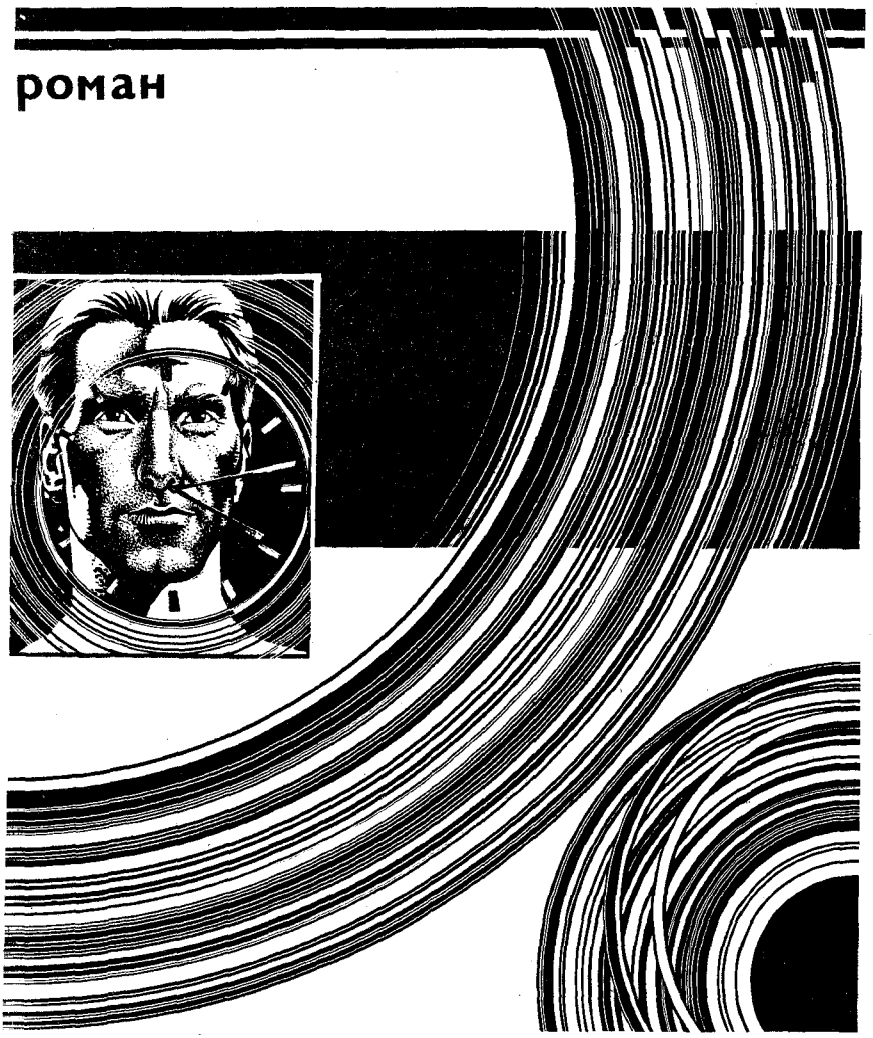
Н $\frac{4703040100—016}{Д40(03)—93}$ **без объявл.** **ББК 84.7 США**

ISBN 5-87198-046-5

© Составление, перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1993
© ГИПП «Нижполиграф», 1993

ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»

роман



ГЛАВА 1

— Атлантида? Сказки все это! — стоявший у окна человек обернулся.— Вы же не можете всерьез...— начал он уверенно, но видя, что лицо собеседника не изменило выражения, несколько поубавил самоуверенности.

— Пленки первых трех заходов вы видели? Неужели они похожи на чью-то фантазию? Вы же сами выступали за меры предосторожности против обмана, а теперь говорите, что это сказка,— седой спокойно откинулся в кресле.— Мне бы очень хотелось знать, что лежит в основе некоторых традиционных легенд. Летописями исторических путешествий давным-давно доказана истинность некогда считавшихся вымыслом скандинавских саг. В нашем фольклоре много искажено кланами или национальными записями. Например, драконы... Были времена, когда на нашей планете водились драконы в чешуйчатой броне...

— Но ведь не на человеческой памяти!

Харгрейвс отошел от окна и, уперев руки в бока, выставил вперед подбородок, словно бы изготовился к сражению, хоть и словесному.

— А вы никогда не задумывались над тем, почему некоторые легенды живут веками, пересказываясь вновь и вновь? Дракон, пожиравший людей...

Харгрейвс улыбнулся.

— Настоящий дракон, как я слышал, предпочитал юных девушек понежнее, если только какой-нибудь отважный и доблестный рыцарь мечом или копьем не заставлял его поменять вкусы.

Теперь засмеялся Фордхейм.

— Но драконы твердо удерживались в фольклоре всего мира, несмотря на пристрастие к такой специфической диете. И по Земле некогда странствовали их подобия.

— Но это все, повторяю, было во времена, предшествующие появлению нашего примитивного предка.

— Это насколько нам известно,— внес поправку Фордхейм,— а я имею в виду те сказки, что имеют некоторые очень устойчивые типы. Когда мы, по известным вам причинам, основали этот проект, нам понадобилась отправная точка. И этой точкой стала Атлантида, поскольку она — одна из самых прочных наших легенд. Она стала настолько неотъемлемой частью нашего наследия, что ее, я думаю, вообще принимали за факт...

— Но это все основано на нескольких фразах Платона, использованных им ради авторитета некоторых своих аргументов...

— А если, допустим, Атлантида все же существовала, но не здесь, не в этом мире...

— И где же? На Марсе? Взорвалась, оставив кратеры в пустыне?

— Согласно легенде, как ни странно, атланты взорвали себя случайно. Нет, здесь, на нашей планете. Вы, конечно, слышали о теории альтернативной истории? Будто к образованию двух альтернативных миров ведет любое важное историческое решение?

— Это фантастика! — прервал его Харгрейвс.

— А так ли? Предположим, что это факт и Атлантида существует на одной из этих альтернативных временных линий, а на другой — драконы, частично совпадающие по времени с родом человеческим.

— А нам откуда знать об этом, даже если бы так оно и было?

— Справедливо. Но от этих линий мы можем быть отделены целой сетью важных решений. Однако можно предположить, что когда-то мы были к ним ближе и тогда произошла своего рода утечка — возможно, даже индивидуальные переходы. Мы имеем вполне достоверные рассказы об исчезновениях из нашего мира, очень странных и необъяснимых. Кроме этого, есть сведения о появлении здесь, при весьма непонятных обстоятельствах, необычных людей. А легенда об Атлантиде, захватывающая воображение многих поколений, звучала настолько правдоподобно, что мы взяли ее в качестве контрольного пункта.

— Каким образом?

— Все обрывки сообщений об этом предмете, известные современному миру — от информации геологов, измеряющих глубины океана в поисках возможных горных цепей затонувшего континента, до «откровений» служителей культов — мы вложили в Ибби, и взамен она выдала нам уравнение.

— Вы хотите сказать, что установили на это поисковый луч?

— Вот именно. Результаты мы видели на пленках, а исходили они из расчетов Ибби. Согласитесь, что они ни с нашим временем, ни с местом никакого сходства не имеют.

в сторону тихой чащи леса, понял, что снова идти туда он не может, по крайней мере, сейчас. Он только лишь подумал об этом, как сердце его тяжело забилось. Это открытое место почему-то показалось ему меньшим из двух зол, поэтому он пошел вперед и через некоторое время обнаружил в равнине разрыв. Внизу находилась узкая лощина, по которой бежал водяной поток, а вокруг этого потока рос высокий кустарник. Рей нашел тропу и начал спускаться, но в это время внизу послышался треск ломаемых ветвей и из тянувшихся почти перпендикулярно к склону зеленых зарослей выскочила темная фигура. Это создание начало яростно бить копытами в стену оврага, пытаясь подняться, но только сбрасывало вниз камни и землю. Сообразив наконец, что оно здесь не поднимется, создание с оленьими рогами вскинуло голову и повернулось к своим преследователям.

Чтобы не соскользнуть, Рей вцепился в росшую на краю траву. Прямо под ним находилось преследуемое животное, которое, опустив голову, тяжело дышало. В реальность этого Рей никак не мог поверить. В Южном Огайо лоси — если, конечно, этот огромный зверь был лосем — в таком диком состоянии не встречались. Рога у этого животного достигали не менее шести футов, а рост — намного выше Рея. Он, как и деревья в лесу, превышал все пропорции.

Неожиданно из кустарника выскочило несколько волкоподобных косматых животных. Одно из них вцепилось в ногу не ожидавшего такого коварства лося, явно избегая встречи с рогами, другие же, стремительно нападая, моментально отскакивали, так что лось не успевал защититься.

Раздавшийся крик отвлек Рея от созерцания этого поединка. Одно из косматых животных тут же прекратило битву, ответив на крик резким лаем. Появились двуногие охотники, у которых не было ничего, что можно было назвать оружием, и лишь у одного в руках была небольшая металлическая палка, нацеленная в горло лося. Из ее верхушки сверкнул красный луч, и лось, поднявшись на дыбы, с мычанием рухнул вперед, придавив своим телом одну из собак. Вся свора ринулась терзать вздрагивающее тело, но охотники хорошо направленными пинками и криками отогнали их.

Один из мужчин, вытащив кинжал из висящих на поясе ножен, начал разделывать тушу, другой занялся собаками, крепя к их ошейникам, обитым металлом, поводки, а третий — обернул огненный жезл тряпкой и спрятал за пазуху.

Широкие плечи и тяжелая верхняя часть рук придавали им вид карликов, хотя все трое были среднего роста. Длинные, до плеч, жесткие черные волосы были скреплены кожаными ремешками и блестели от жира. Цвет кожи был средним между оливковым и медным. Их облик завершали темные глаза, крючковатые носы и широкие толстогубые рты.

Одеты они были в сероватые туники из кожи, выдубленной до мягкости ткани, доходившие до середины бедер, а поверх туник — обшитые металлом кожаные жилеты. На ногах — сапоги на толстых подошвах, достигавшие колен. Голые руки украшали металлические браслеты с тусклыми камнями. Довершали наряд широкие пояса, на которых висели ножны с кинжалами.

Скорчившись, Рей больше не пытался совместить увиденное с реальностью. Просто это сон. Конечно же, сон, и сейчас он проснется...

И все же его обнаружили. Красные глаза одной из собак нашли источник забившего ей ноздри чужого запаха, и, рыча, она натянула поводок. Первый рывок плетеный кожаный ремень выдержал, но после второго — лопнул. Спасла Рея отвесная стена оврага, по которой собака, как и лось, не смогла взобраться. Напрасно она скребла гравий, высунув язык. Рей растерялся от неожиданности, когда один из охотников, крича, указал на него. Тот, у кого находился жезл, выхватил его из-за пазухи и прицелился. Рей хотел бежать, но не смог двинуться, словно что-то застыло в нем.

Он стоял и ждал появления врагов, неспособный даже пальцем шевельнуть. А охотники, используя свое единственное странное оружие, выжгли в стене лощины несколько ступенек. А Рей продолжал стоять в оцепенении, осознавая лишь одно: сразу, как лось, он не умрет.

Он разглядел их, когда они поднялись к нему и подошли вплотную, и его охватило беспокойство, потому что неподвижные лица охотников и глаза не отражали никаких эмоций. «Маски,— подумал Рей,— причем довольно злые». От сознания того, что перед ним нечто чуждое, выходящее за пределы его нормального мира, к горлу подступила ледяная тошнота.

Теперь охотники окружили Рея, с интересом его рассматривая. Первым молчание нарушил главарь, задав вопрос на гортанном шипящем языке. Когда Рей не ответил, мужчина угрожающе выпятил грубую челюсть.

Он снова спросил, но на этот раз звук был певучим, даже мурлыкающим, и Рей понял, что это был другой язык, но он продолжал молчать, чем, вероятно, немного обескуражил захватчиков.

В конце концов главарь не выдержал и выкрикнул резкий приказ. Один из подчиненных шагнул к Рею и кожаным ремешком, снятым с пояса, связал сложенные вместе его бессильные запястья. Рей был вынужден подчиниться, так как все еще находился под влиянием их странного оружия, хотя от отвращения при прикосновении охотника его прямо-таки затрясло.

Как только Рея связали, главарь поднял жезл. Луч из верхушки жезла не вышел, пленника просто-напросто вновь заморозили. Носитель жезла, не оглядываясь, пошел прочь. Связавший Рея

охотник слегка хлестнул пленника, как бы приказывая идти следом. Отвращение, возникшее у Рея не только к охотникам, но и к той ситуации, в которую он попал, переросло в ярость. Он почувствовал, что обязан узнать и отплатить за это, хотя представления не имел, где он и почему. Он нашел в своей ярости силу, за которую уцепился так, как цепляется за скалу утопающий среди бушующей стихии.

По краю лощины они прошли примерно полмили, пока не добрались до других ступеней в стене. Ползти ему не хотелось, хотя связанным спускаться по этой лестнице он не мог. Понуждая Рея к движению, стражник ударил его плашмя по ребрам длинным кинжалом. Рей стал спускаться, но на четвертой ступени потерял равновесие и упал, проехавшись вниз в облаке пыли и грязи. Его путь закончился ударом о ствол молодого деревца, от которого его длинные ноги оказались выше ободранного лица.

«Конечно же, это не сон,— думал он угрюмо.— Такой удар, если бы это был сон, меня бы обязательно разбудил». По основанию черепа разлилась тупая боль. Он лежал беспомощный, в ожидании воли своих пленителей, не в состоянии подняться.

А те на спуске не торопились, но когда наконец спустились, один из них подошел к Рею и дал ему хорошего пинка. Но и после этого Рей не поднялся. Тогда к нему подошли двое и так резко подняли на ноги, что Рей снова чуть не упал, но сильный толчок послал его вперед.

Кровь, сочившаяся из порезанных губ и подбородка, привлекала мелких жалящих летающих насекомых, но из-за связанных рук он не мог их отогнать и только до дурноты дергал головой. Подойдя к тому месту, где лежал лось, охотники вернулись к разделке мяса, предварительно привязав Рея к дереву. Закончив работу, они накормили собак, а оставшееся мясо завернули в зеленую кожу. Потом один из охотников взял внутренности и, оставляя кровавый след, потащил их по земле.

Он отошел на некоторое расстояние, где в склоне с песчаным холмиком внизу чернело отверстие. Бросив внутренности в это отверстие, охотник прутиком повертел там и моментально отскочил назад, а оттуда хлынула волна крупных муравьев.

Тем временем другие охотники отвязали Рея и рычащих собак и, захватив мясо, отправились вниз по ручью. Оглянувшись назад, Рей не увидел останков лося, так как они были покрыты черным колышущимся одеялом.

По его прикидкам они шли примерно с час, когда лощина расширилась, превратившись в настоящую долину. Кустарник, который рвал его незащищенную кожу, оставляя на голых руках охотников красные царапины, сменился чащей деревьев и полянками травы, доходящей до пояса.

Почти с каждым шагом возрастали неудобства. Распухло исцарапанное и искусанное лицо, глаза затекли и превратились в щелочки. Боль в основании черепа, постоянно мучившая его, распространилась на плечи и по спине, онемели связанные руки. Однако в какой-то мере он приветствовал все эти мучения, ибо они удерживали его от мыслей. Где он? Что с ним произошло? Он все еще надеялся, что это только сон, и отчаянно цеплялся за эту надежду, хотя теперь уже в это не верил.

Долина резко перешла в побережье, а ручей миниатюрной дельтой разлился по берегу моря. Моря?

Острый соленый воздух вновь пробудил в Рее способность мыслить связно. Море? Посреди континента? Тупой ужас охватывал его, когда он смотрел на бледный полумесяц песка.

Здесь не могло быть моря... Выходит, это не его родной мир! Все его существо охватил кошмарный ужас.

Охотники ускорили шаг, подстегнутые окриком с берега. Таща с собой Рея, они подталкивали его с двух сторон. Схожий с утренним туманом, тянулся тонкий дымок от костра, расположенного у кромки этой невероятной воды. От костра поднялись несколько темных фигур, приветствуя охотников.

* * *

— Ну что, будете утверждать, что это сказка? — не отрывая глаз от видеоэкрана, спросил Фордхейм.

Но не слыша ответа Харгрейвса, он оглянулся и увидел сдвинутые брови собеседника, придавшие воинственно-злой вид его лицу.

Такую реакцию Фордхейм видел и раньше, но на этот раз побитые очевидностью признаки сомнения вызвали в нем радость.

— Все правильно. Кое-что я уже видел, например, деревья, похожие на те, что были на других ваших пленках.

— Деревья? — переспросил Фордхейм.— А такие вы когда-нибудь видели?

— Нет,— с явной неохотой признал Харгрейвс.

— В этой части планеты, вероятно, уже несколько столетий нет таких деревьев,— продолжал напирать Фордхейм.— О проблемах расчистки этой местности сообщали первые поселенцы. На уничтожение девственного леса и выкорчевку пней с корнями они иногда тратили годы.

— Ладно, кое-что у вас имеется, согласен. Через этот луч мы видели участок местности, какого сейчас явно нет и, вероятно, очень давно не было. Но вот перемещение во времени Атлантиды... Прежде чем я дам какие-либо рекомендации, мне необходимо как можно больше доказательств.

— Возьмите с собой пленки. Я же вам не обещал Атлантиду, а только говорил о ней как о возможности. Мы еще не способны доказать или опровергнуть уравнение Ибби. Так что считайте, что видели просто доколумбов или дореволюционный Огайо. Только вы должны признать, что начало было впечатляющее.

— То, за чем мы следили только что, я хочу увидеть в фильме,— сказал Харгрейвс.— Мне хочется посмотреть, замечу ли я точку перемены во время прохождения луча.

— Это мы мигом. Подождите немного.

— Ради этого — сколько угодно,— Харгрейвс нахмурился еще больше.— Мне хочется видеть, что я с собой беру, так как меня обязательно засыпят вопросами.

* * *

— Вот, смотрите,— Фордхейм сел у проектора,— здесь мы, а здесь — срез...

Под негреющим зимним солнцем сырая земля, слева тень от бульдозера, подъем спорного кургана...

— Я перемену видел, поэтому надеюсь, что и фильм ее покажет.

— Гипноз? — засмеялся Фордхейм.— Уж не думаете ли вы, что я занимаюсь им? И что это даст? Если только вы не считаете, что я до полной потери здравого смысла одержим своим хобби. У нас должна быть более детальная картина, так как мы впервые так долго держали луч.

Харгрейвс уставился на экран.

— Когда вы сможете...— он замялся.

— Сами перейти черту? О передвижении мы ничего не знаем, поэтому нам понадобится гораздо большая мощность...

— Это, в первую очередь, увеличение пиломатериалов,— Харгрейвс смотрел на ту часть леса, которую для них удержали луч и фильм.— Вероятно, будут и другие ресурсы. Посмотрят, как на пустой мир...

— А так практически и будет, предполагая, что мы сумеем открыть дверь в любое время, в любое место, вроде этого, чтобы перекачать сюда ресурсы. А какова будет реакция сейчас, когда вы, делая представление комитету, подчеркнете это? Как вы считаете?

— Конечно же, они пожелают удостовериться, что шансы равны. А как, по-вашему, когда можно будет поставить реальный эксперимент?

— Вы имеете в виду, когда мы сможем послать кого-нибудь? Не знаю. Для того, чтобы получить то, что сейчас, нам потребовалось два года.

Харгрейвс кивнул.

— Давайте пленки, которые нужно показать. Возможно, мне удастся выбить вам хотя бы половину того, что вы просите.

— Щедро, но надеяться можно, я так полагаю,— в словах Фордхейма не чувствовалось сильного неудовольствия, какого можно было ожидать, словно он внутренне был вполне удовлетворен своим полуобращенным собеседником.

Подавшись вперед, Харгрейвс вместе с Фордхеймом продолжали следить за ходом записи. Вот рубец среза, вот курган... затем мерцание и деревья. Но неожиданно гудение проектора было прервано резким восклицанием Фордхейма.

— Ленгстоун,— обратился он к оператору,— верните пленку назад, к изменению, а потом поставьте на замедленный ход.

— А в чем собственно...— начал было протестовать Харгрейвс, но при взгляде на своего компаньона прекратил выражение неудовольствия.

Пленка начала крутиться снова, и в поле зрения вновь возник срез земли у кургана.

— Смотрите... вот здесь... слева от кургана...

И Харгрейвс увидел еле различимую человеческую фигуру как раз на пути луча. Мерцание, видимое ими при обычной скорости фильма, обернулось ослепительной вспышкой, а потом возникли деревья... рядом с одним из них — человеческая фигура.

— Пошли! — бросил Фордхейм и с поразительной для его возраста скоростью устремился к двери.

Они буквально летели по холму, ведущему к небольшой внешней лужайке. Стремительно рванув дверь кара, Фордхейм протиснулся за руль. Харгрейвс еле успел примоститься рядом и закрыть дверь, а они уже летели к воротам по бетонной дорожке.

Увидев их, охранник, видимо, что-то сообразил, потому что включил автоматику как раз вовремя. Харгрейвс с некоторым облегчением перевел дух: похоже, Фордхейм чуть не врезался в этот барьер.

Дорога впереди, к счастью, была пуста, поэтому они выскочили на нее с непозволительной скоростью. Но в какой-то момент Фордхейм все-таки вспомнил об осторожности и чуть-чуть притормозил. Свернув на вырубку, они двинулись по неровной дороге, буксуя и подскакивая.

Когда машина остановилась, директор выпрыгнул из нее и понесся к кургану, держась впереди Харгрейвса на несколько шагов то ли под действием страха, то ли от возбуждения. Поэтому, когда Харгрейвс обежал курган, он наткнулся на резко остановившегося Фордхейма. В руках директора была фотокамера, но фигуры, увиденной в фильме, не было и в помине.

— Он исчез! — констатировал очевидное Харгрейвс.

Фордхейм поднял от камеры мертвенно-бледное лицо.

— Да, он исчез — отсюда...— Через плечо он бросил взгляд на то место, где они видели деревья.

Поняв, наконец, каким образом тот человек исчез в никуда, Харгрейвс вздрогнул.

ГЛАВА 2

— И где же он? — выразил свою мысль словами Харгрейвс.

— Вероятно, в Атлантиде,— ответил Фордхейм чуть слышно.

— Но... но вы говорили, что лес тот — доколумбов или даже более поздней эпохи! — возразил Харгрейвс.

— Может, и так, а может, нет. Вы видели лес и фильм, а теперь — это.— Он указал на камеру.— Очевидно, тот бедняга откуда-то шел, или возвращался, или просто пересек этот путь — как хотите, так и считайте — ну, а мы его послали...

— А вернуть его вы можете? — Харгрейвс, как всегда, когда добирался до факта, был настроен на действие.

— Чтобы собрать энергию для нового луча, понадобится дня четыре, если не больше. Для всего этого необходим расчет. Почему для попытки мы выбрали именно этот день и час, как вы думаете? Это ведь не кнопку нажать, чтобы открыть дверь. Необходима тщательная обработка кода. Четыре дня...— Он осмотрелся вокруг.— Мы не имеем представления, как там идет время. Не будет же он четыре дня сидеть на одном месте, потому что понятия не имеет, что мы будем пытаться вернуть его назад. А за то время, что мы готовимся, он может уйти отсюда на много миль.

Отвернувшись от кургана, Харгрейвс посмотрел на свежую расчистку.

— Это необходимо сделать. И чем быстрее возьмемся за дело...

— Разумеется,— произнес Фордхейм, но в его голосе ощущалась безнадежность.

— Нет, не Атлантида! — решительно произнес Харгрейвс, не сводя взгляда с вырубки.

* * *

Недалеко от грубо выложенного очага Рей споткнулся и упал лицом в песок. Он был доволен тем, что лежит, так как полностью выбился из сил, и поэтому не обращал внимания ни на притащивших его сюда охотников, ни на ожидавших их в этом лагере. Но в покое его все же не оставили.

Мимо него прошли кривые ноги, обутые в сапоги из жесткой кожи с остатками грубой шерсти. Затем носок сапога зацепил Рея и перевернул лицом вверх.

Владелец этого сапога был одет в такую же, как у охотников, кожаную тунику и юбку из лязгающих при движении металлических полосок. Для защиты плеч и выпуклой груди на нем были отлитые в одно целое грудные и спинные пластины, заменившие усиленный металлом жилет. Металлический манжет покрывал его левую руку от локтя до запястья, а на правой — лишь два драгоценных браслета.

Ветер раздувал черные пряди волос на его непокрытой голове, хотя шлем с крыльями летучей мыши висел у него на локте. Завершал наряд висевший на поясе меч. Он был ростом выше охотников, но не такой смуглый, как они, словно принадлежал к другой касте, зато лицо было также лишено выражения.

Он долго разглядывал Рея, потом пролаял приказ, и тут же один из охотников развязал ему руки и поставил на ноги. Затем посыпались вопросы в отношении пленника, на которые охотник отвечал и словами, и жестами. Выслушав его, офицер приступил к допросу пленника — широкий взмах руки в сторону запада и одно слово:

— Му?

Рей отрицательно покачал головой, но офицер был этим ответом, похоже, сильно встревожен, поэтому он, нахмурившись, указал на восток и произнес другое слово, которое Рей почти не расслышал. Однако он понял, что их интересует, откуда он пришел, и указал назад, в сторону угрюмого леса.

Но реакция, последовавшая за его ответом, была для него неожиданна. Прищурившись, как кот, офицер усмехнулся толстыми губами, показывая желтые зубы с красноватыми деснами, и тут же разразился презрительным смехом. Недоверие его было совершенно очевидным, поэтому он приказал другому охотнику еще раз повторить рассказ о пленении Рея, что тот и сделал. Потом, чтобы привлечь внимание офицера, он показал на короткие волосы Рея и дернул его кожаную куртку не мытой после разделывания лося рукой. Офицер дал Рею знак, чтобы он снял куртку, и охотник обыскал карманы, извлекая из них носовой платок, записную книжку и запасную пленку поочередно.

Прошло всего лишь несколько минут, как вся одежда Рея лежала на песке, а сам он дрожал на ветру от холода. Будучи уверенными, что в одежде пленного должен быть запрятан какой-то важный предмет, охотники продолжали обыскивать его карманы. Один из них уже завладел карманным ножом Рея, другой приглядел было наручные часы, вертя их в руках, но тут же положил назад, услышав резкий приказ офицера.

Офицер встряхнул носовой платок пленника, сложил на него содержимое карманов и, завязав все это в узелок, положил в плетеную корзину.

Рей хотел было взять свою одежду и уже протянул за ней руку, но сильный удар офицера сбил его с ног. Вместо своей одежды Рею швырнули свернутую кожу. Скудная одежда вроде юбки, которую вынужден был напялить, горя от злости, Рей, абсолютно не защищала от холода. И он подумал, что может произойти, если попытаться прыгнуть на офицера.

Между тем, пока воображение рисовало детали, удовлетворяющие Рея, его схватили стальные пальцы и, повернув, оттянули правую руку. На бледной коже предплечья виднелась не стершаяся с годами юношеская попытка татуировки — маленький синеватый кружочек с расходящимися лучиками. Осмотрев эту татуировку, офицер оскалился и плюнул.

— Му,— сказал он с уверенностью.

Ночь пришла в новый мир. Рея, по всей вероятности, собирались как-то использовать в будущем, потому что хорошенько накормили мясом. Потом, правда, его снова связали, а когда он попытался зарыться в песок, чтобы согреться, один из мужчин набросил на него кожаную попону.

Где он? Это сейчас почему-то было гораздо важнее, чем то, как он попал сюда. Сначала исторический курган, затем деревья, а теперь здесь. Индейцы? Нет, это не индейцы, если даже путешествия во времени возможны не только в фантастике. И моря нет в Огайо, и... и... Рей боролся с паникой, снова овладевшей им и понуждавшей бежать, вопить.

Ну хорошо, пусть он понятия не имеет, как и куда попал, это не так важно. Главной и первоочередной проблемой были охотники и их планы в его отношении. Но через некоторое время мозг его оцепенел от усталости так же, как и дрожащее тело, и в изнеможении Рей заснул.

На заре его разбудил резкий птичий крик. Под палаткой, сделанной второпях из плащей, двигался, фыркая, офицер, часовой клевал носом у угасающего костра, и Рей понял, что сон продолжается. От попытки встать в тело жестко впились ремни. Он стал отклоняться, разрывая песок пятками, пока его плечо не коснулось большого камня. Тогда он стал осторожно поворачиваться, принимая сидячее положение.

Нежно-розовый свет на востоке сгустился. Серая птица в поисках пищи ныряла в волнах. Очнувшийся часовой поднял голову и, зевнув, шумно сплюнул в огонь. Потом он поднялся, глянул на Рея со злой усмешкой и пинком в бок нагнул его, проверяя надежность веревок, после чего пихнул обратно к камню. Выполнив эту обязанность, он вернулся к костру, чтобы расшевелить огонь.

Рей потряс головой. Лицо было залеплено пылью и засохшей кровью, пульс тяжело стучал и в горле, и в висках. Освободить бы хоть руки!..

С расстегнутым поясом, поддерживающим его нижнюю тунику, из палатки выкатился офицер. Швырнув одежду на снятые перед сном латы, он направился в воду. Не успев поплескаться как следует, он неожиданно закричал, указывая рукой в открытое море. Все остальные вскочили на ноги и тоже стали кричать. Сквозь сине-зеленое прорезалась черная тень.

Вернувшийся офицер, обсушившись и одевшись, обрушил на людей град приказов, и они моментально зашевелились. Один подошел к Рею и, развязав лодыжки, поставил его на ноги.

Подошедший корабль не был похож ни на одно судно, какое хотя бы на картинках когда-либо видел Рей. В полумиле от берега из его узких боков высунулись весла, и он, как водяной жук, стремительно понесся к берегу.

Он был схож с римскими галерами, изображение которых видел Рей, но у тех были мачты и паруса, а у этого только покрытые крышей надстройки на носу и корме. Эта крыша, очевидно, служила им одновременно и верхней палубой. Гребцы работали в открытых впадинах, поскольку шкафут был ниже. Острый нос украшала ярко раскрашенная голова, а на высоком шесте полоскался кроваво красный флаг.

Мощью и угрюмой эффективностью веяло от этого гладкого жестокого корабля. Кто бы ни были эти люди, захватившие Рея, они в этом странном мире явно должны были себя оберегать.

Корабль встал на якорь. Через несколько минут спущенный на воду бот ритмичными взмахами весел приблизился к берегу, на котором с узлами наготове и затоптанным огнем в ожидании стоял отряд охотников.

Освободив запястья Рея, офицер весьма понятным жестом положил руку на рукоять меча. Пленник должен быть освобожден от пут для удобства захватчика, но бежать, если не хочет быть дураком, пусть не пытается.

Шесть матросов и офицер составляли команду бота. Прыгая через борт, чтобы подвести бот к берегу, они громко задавали вопросы охотникам, поэтому офицер берегового отряда вытолкнул Рея вперед для показа. По-видимому, для отряда охотников Рей был большой достопримечательностью, чему откровенно завидовал офицер бота. Затем, указывая в глубь страны, офицер с корабля задал вопрос, на который другой ответил кивком головы.

Трое охотников, взяв собак на поводки, ушли прочь, а остальные отправились к боту. Поскольку от веревок у Рея онемели и руки и ноги, влезал он в бот неуклюже, поэтому его толкнули между двух сидений. И бот пошел обратно к кораблю.

Подойдя к борту, они, в ожидании веревочной лестницы, вынуждены были отталкиваться короткими веслами. Сначала поднялись двое из берегового отряда, потом предложили лестницу Рею. Холодея от мысли, что может выпустить веревку и упасть, он начал карабкаться кое-как, стараясь не качаться. Поднимавшийся следом за ним офицер нетерпеливо подталкивал его.

Не обращая внимания на пленника, упавшего на полный народа шкафут, офицер вскинутой рукой отсалютовал индивидууму в красном плаще. Этот плащ, похожий на пылающий уголь, бросался в глаза. Впрочем, это был, собственно, и не плащ, а достающая до пят мантия алого цвета, покрывавшая высокого худощавого мужчину — почти лысый череп округлой формы, большие черные внимательные глаза, нос, похожий на клюв, и выдающийся вперед подбородок.

Поглаживая челюсть коричневой рукой, человек глядел на рапортующего офицера и на Рея. Под этим испытующим взглядом тусклых черных глаз у Рея возникло ощущение, что по его телу поползло нечто грязное и скользкое. Ему подумалось, что если офицер и охотники были жестоки, то этот человек был чем-то полностью чуждым его родному миру. Он испытывал давящий ужас под этим взглядом, необходимость восстать против носителя красной мантии и всего того, что представлял этот человек.

— Итак... Муриец...

Рей вздрогнул. Хотя этих слов он не мог понять, однако понял. А может, он их «услышал» мозгом?

— Итак, муриец, ты восстаешь против Темного, как и все ваши? Ты, ничтожный последователь умирающего племени, думаешь, что мы твою волю не можем связать с нашей? Помни, что бык может выскочить из пламени. Кто смеет воспротивиться его воле?

Рей затряс головой не в отрицание слов, а стараясь освободиться от охватившего его головокружения, чтобы осознать, что означает понятое им и что оно несет в себе. Кто такой Темный и что такое «муриец»?

По лицу мумии в красной мантии скользнула слабая тень эмоций.

— Не пытайся прибегать к таким слабым уловкам, так как прекрасно понимаешь все, что тебе говорят. Иди к своему товарищу внизу и учись унижению.

Что это, чтение мыслей? Возможно, это часть этого дикого сна. Когда трое воинов подошли к Рею и потащили его вдоль шкафута, он не сопротивлялся. Его распластали на стене в дальнем конце и закрепили вбитыми в обшивку железными скобами.

Дождавшись, когда воины ушли, Рей повернул голову и увидел компаньона по заключению. Они были прикованы так близко, что соприкасались пальцы их рук. Опустив голову на грудь так, что

длинные волосы закрыли лицо, пленник обессиленно висел на скобах. От экипажа корабля он резко отличался цветом кожи, которая была не темнее, чем у Рея, и высоким ростом. Спутанные и запачканные кровью длинные пряди волос имели цвет полированной бронзы. Доходившая до середины бедер желтая туника свисала с одного плеча лохмотьями, а на талии эти лохмотья удерживались широким поясом, украшенным драгоценностями. Пустые ножны указывали на то, что этот человек был когда-то вооружен мечом. На ногах незнакомца, как и у охотников, были высокие сапоги, только гораздо лучшей выработки.

Рей решил, что пленник без сознания, но поскольку беда у них была общая и, очевидно, по общему делу, он свистнул тихонько, надеясь на ответ. Послышался слабый, как вздох, стон. Рей свистнул снова, и незнакомец мучительно медленно повернул голову.

Испорченное порезами и уже зеленоватыми синяками совершенство черт лица незнакомца, как показалось Рею, отдаленно напоминало греческую статую. Но такими широкими скулами и полускрывшими голубые глаза тяжелыми веками сыны аргонавтов никогда не обладали. Сначала он ошеломленно смотрел на Рея, потом зашевелились его разбитые губы, задавая вопрос на мягком наречии, впервые услышанном Реем от охотников. Но когда он отрицательно покачал головой, незнакомец явно испугался.

— Кто ты, не знающий языка матери-страны?

Что это? Снова прикосновение к мозгу? Но на этот раз Рей уклоняться не стал, ибо подобный контакт никакого намека на грязное вторжение не имел.

— Рей. Рей Осборн... пленник...— ответил он по-английски мысленно, но незнакомец, кажется, понял его.

— Откуда ты? Только вспоминай помедленнее, чтобы я имел возможность читать из твоей памяти, твоими глазами видеть...

Рей начал вспоминать свое путешествие от посещения кургана до непонятного и необъяснимого леса, до встречи с охотниками. И опять в нем вспыхнула паника. Что произошло? Где он? Что это за мир?

— Выходит, есть возможность пройти сквозь... Но времени твоего я не узнаю.

— Моего времени? — удивленно переспросил Рей.

— Да, твоего времени. Ты или из далекого будущего, или из прошлого. О возможности такого путешествия известно лишь Наакалям, хотя, если судить по нашим записям, никто из пытавшихся назад не вернулся. С тобой это произошло совершенно случайно, что очень странно, поскольку о таких вещах думают лишь ученые первого ранга, да и то только после тщательного изучения и длительной тренировки.

Рей судорожно сглотнул. Похоже, что такое безумие этот

незнакомец принял за возможное без всякого удивления, ибо знал, что когда-то такое делалось. Пройти сквозь... сквозь что? Во что? Куда? Ему хотя бы знать куда, чтобы на чем-то закрепиться, что имело смысл. Из запутанного клубка мыслей выполз первый заданный вопрос.

— Что за люди на этом корабле?

— Мы пленники атлантов,— охотно ответил он,— детей Темного. Их знак видишь? — Подбородком он указал на флаг над палубой.

Не может этого быть! Атлантида не существовала, была лишь легенда о континенте, который, как предполагалось, исчез в результате катастрофического бедствия, происшедшего задолго до того, как заложили первый камень Великой Пирамиды. Сказка эта дала название одному из океанов в родном мире Рея.

— Почему ты думаешь, что плен повлиял на мой разум? — поинтересовался незнакомец.— Я не свихнулся, а говорю чистую правду. Нас пленили сыновья Баала, Темного существа из Великого Мрака. Дней через пять корабль будет в пределах видимости утесов самой Красной страны...

— Это не может быть правдой! — воскликнул протестующе Рей.— Атлантида — всего лишь греческий миф.

— Ничего не знаю насчет греческого, но уверяю тебя, Атлантида реальна. Когда мы отдадим швартовы в доке Пятистенного Города, ты в этом сам убедишься. Атлантида реальна, как эти скобы, которые выковали ее кузнецы, как ненависть этого сына Баала, командующего кораблем, как удары, которые наносят нашим телам. Ветром и волной Западного моря теперь правят красные существа. Для нас, детей Пламени, это позор. Атлантида взбесилась и теперь выступает против всего мира, считая себя сильнее всех.

— Это какой-то бред...

— Почему ты свой мозг отклоняешь от истины? Ты бодрствуешь, живешь, как и я, ты чувствуешь, дышишь, видишь. Прими очевидность своих чувств — что ты пришел в наш мир из своего времени и мира. Такое путешествие без подготовки, если верить ученым, человек проделать не может. Вот именно поэтому ты сейчас и не можешь поверить правде.

— Просто не смею,— прошептал Рей пересохшими губами, весь дрожа.

— Выходит, ты один из тех ничтожеств, не умеющих управлять ни своими мыслями, ни страхами? — резко и презрительно спросил незнакомец.

— Это просто безумие... это безумие.— Легкая вспышка злости, придавшая ему силы, была реакцией на это презрение.

— Нет, такое происходило с другими. Как я уже говорил тебе, ученые делали это...

— И никто не вернулся,— досказал за него Рей.

— Все правильно, однако и с гибелью они, по-видимому, не встретились. Ты ведь жив, разве не правда? Все возможно, пока человек жив. Ты узнал бы истинные пути времени, если бы мы добрались до Города Солнца. Неужели люди твоего века не знают, что время — это великая змея, которая, поворачиваясь, свивается кольцами так, что одно время другого почти не касается? В этом случае человек может пройти сквозь... Наши исследователи, не вернувшиеся из таких поисков, смотрели сквозь завесу времени на другие времена и места. Они видели поля отстоящей от нас на тысячи лет назад Гипербореи, ставшей теперь лишь легендой. Пусть это прошлое не пугает тебя: смотри в будущее, ибо эти черные собаки Великого Мрака, схватившие нас здесь, вокруг тебя. А эта опасность гораздо хуже любой другой, виденной когда-нибудь тобой.— Звучащие в мозгу Рея слова были холодны и тверды.— Клянусь тебе в этом Пламенем!

Выходит, что он совершенно одинок и невероятно затерян, если действительно попал в другое время! И американец запаниковал с новой силой.

— Ты сказал, что они назвали тебя мурийцем? Что ж, для тебя это даже лучше, поскольку догадайся они, что ты иной, и тебя отдали бы жрецам Великого Мрака...

— Скажи мне, что такое «муриец»? — попросил его Рей.

— Муриец — это, как и я, сын Великой матери-страны. Я в матери-стране — Че из Дома Солнца, а люди моего двора — меченосцы самого Ре Му.

— Мать-страна? — Похоже, Рею нужно учиться и учиться чему только можно, ибо всякое знание, полученное им, послужит ему или инструментом, или оружием, или защитой.

— Страна находится далеко на западе, где жизнь, как гласят легенды, возникла снова от немногих семей, оставшихся после гибели Гипербореи. Землю к жизни вызвала Му. С берегов ее пришли четыре человека из народов му, майякс, уйгуров и атлантов. До тех пор, пока атланты не сунулись в запретные знания, миром правил Ре Му. Атланты же, нарушив запрет, попали под Тень, а может, и по своей воле пошли туда. Как бы то ни было, Первый вождь их, Посейдон, был из Дома Солнца в матери-стране. Впоследствии род его вымер, и народ избрал своего правителя, который, будучи силен желанием власти, свернул с тропы жизни для уничтожения стены между нашей землей и Тенью. А эту стену создало Пламя, чтобы защитить человека от всего ползающего в темноте по ту сторону. Упиваясь властью, как пастухи в холмах упиваются грезами от сока тракмона, он не пожелал встать в Зале Ста Королей для получения слова Ре Му, а направился своим путем...

Рей слушал рассказ, забыв про свой страх, цепляясь за необходимость получить представление об этом новом мире, тем самым воздвигая против опасных мыслей барьер.

— Таким вот образом началось правление отца зла, ненависти, вожделения и всех тех вредных для человека мыслей и желаний, Баала. Сначала это началось втайне, под землей, а потом более открыто, как ржавчина, расползаясь среди воинов, моряков и народа. Верен Пламени остался только Солнцерожденный, который был в конце концов низложен, а Атлантида осталась одна.

— Значит, здесь идет война?

— Пока нет,— покачал головой Че.— Мать-страна стала теперь как бы пустой раковиной, растеряв былую силу, которую щедро раздавала своим детям. Она отдала колониям лучших людей и материалы. А теперь разорвать покрывало мира готовится Посейдон, внук первого дьяволопоклонника. Причиной моего появления здесь и явилось его вызывающее поведение.

— Тебя захватили в бою?

— Нет. Такого удовольствия я, к сожалению, не имел. Сюда, в Бесплодные Земли, меня послали для поиска каких-либо тайных фортов атлантов или укреплений, где между набегами могли прятаться их корабли. Мы попали в устроенную пиратами засаду во время разведки. Они меня оставили в живых из-за моего ранга и продали Красной Мантии за три меча, выкованных челебийцем, и четыре изумруда. Это, очевидно, дороже, чем они бы получили, продав меня на рынке Семпара Проклятого, где накипью всех наций правит Королева-Ведьма. Это произошло сегодня на заре.

— И что они с тобой сделают?

— Буду гнить у них в башне, если удастся избежать алтаря Баала — на что они и рассчитывают. Три наших корабля бесследно исчезли в течение одного месяца вместе с экипажем. Я надеюсь, что Пламя ко мне будет милостиво...— он внезапно смолк.

ГЛАВА 3

Послышался лязг брони и топот сапог, и Рей понял, что по трапу в гребной отсек кто-то спускается. Мимо него, неся в руках гладко вычищенный, блестящий череп с рогами — наверное, лосиный — прошли два охотника. Положив на палубу свой груз, они ушли обратно, но шедший за ними офицер задержался, прикрывая череп тканью. Внезапно Рей уловил мысленное обращение:

— Друг, будь наготове! Беги в угол палубы, под тень лестницы, если будешь освобожден. В случае, если я не смогу присоединиться к тебе, бросайся в море. Это будет намного лучше того, что ожидает тебя на корабле.

Муриец уставился на офицера, и движения атланта стали менее уверенными, хотя он не поднимал глаз и вроде бы не знал, что на него смотрят. Споткнувшись, он взглянул на пленников, встретился с взглядом Че и, выпрямившись, стал двигаться явно под принуждением.

Медленно переставляя ноги, атлант направился к пленникам. Было ясно, что им управлял взгляд мурийца. Вот он остановился перед Реем и разомкнул железные кольца, которые держали запястья американца, тем самым освободив руки Рея. Затем, опустившись на колени, он снял и ножные кольца. Все это офицер проделывал, не отводя глаз от Че, на ощупь. Теперь Рей был свободен. Поколебавшись не более секунды, он, по совету мурийца, бросился в тень и там оглянулся. Атлант освобождал Че.

Внезапно офицер рывком выпрямился и, неуверенно поднеся руки ко лбу, затряс головой. Держась за поручни, Рей переминался с ноги на ногу. Было совершенно очевидно, что державшая атланта в повиновении сила ослабла. Сможет ли Че вновь собрать свою энергию? Вероятно. Офицер опять потянулся к кольцу.

Неожиданно он покачнулся, а когда установил равновесие, нанес мурийцу сильный удар кулаком в лицо. Второй, более злобный удар рассек Че губы. Рей прыгнул... но не в море.

— Уходи! Стража...

Но американец не дослушал приказа Че. Он согнул руку в локте, обхватил горло офицера как петлей и, оттащив назад, нанес резкий удар в основание черепа. Потом он выхватил у свалившегося атланта из-за пояса меч и опустил на его голову тяжелую рукоять.

— Уходи! — вновь прозвучал приказ Че.

Не обращая внимания на приказ, Рей оттянул кольца, и, действуя мечом, как рычагом, открыл их.

— Пошли!

Они завернули за угол, и Че дернул дверцу.

— Это для огнемета. Надеюсь, что для нас отверстие будет достаточно широко. Лезь! Плавать умеешь?

— Умею. Нашел время, когда спрашивать.

— Тогда двигайся и постарайся оставаться под водой как можно дольше.

Обдирая голые плечи, Рей прополз в узкий лаз и очутился в воде. Его руки и ноги заработали автоматически. Он оглянулся.

— Давай!

Кровь стучала в висках от необходимости вздохнуть. Ребра опоясала резкая боль. Он уже подумал, что ему не выплыть, как внезапно оказался среди света и воздуха. Гладкое плечо рассекло волны перед ним, и он поплыл следом за вожатым. Болели мышцы спины, лицо и царапины на плечах обжигала вода, которой он успел наглотаться до тошноты, и все же он плыл, несмотря на

неровность гребков. Где же берег? Ничего, кроме чего-то плывущего впереди, он не видел.

Держа голову над водой, Рей упрямо двигался вперед, мечтая отдохнуть. От усталости отяжелели руки и покалывало в ребрах.

Он наткнулся на камень, больно стукнувшись коленями о его грубую поверхность, и между ногами вспучился песок. Собрав остатки сил, Рей сделал рывок. Его схватило прибоем и поволокло, забивая песком глаза и рот. Кашляя и отплевываясь, Рей выполз из воды и ничком плюхнулся на берегу.

Пришел он в себя от раздражающего зуда, вызванного въевшейся солью в царапины на лице и теле. Солнце обогревало его. Кое-как поднявшись, Рей огляделся.

Поодаль, уронив голову на руки, лежал Че. Слегка отряхнув песок, налипший на тело, Рей подполз к мурийцу и попытался его поднять, обхватив за плечи.

— Пойдем... лучше нам уйти,— прохрипел он.— Они пошлют бот и снова нас схватят.— Ему все еще не верилось в удачу.

— Нет необходимости,— произнес Че, поддаваясь принуждению Рея и садясь лицом к морю.— Сыны Баала уходят.

Прикрыв глаза от яркого света ладонью, Рей тоже посмотрел на море. По бокам судна плескались весла, а это означало, что атланты продолжали идти прежним курсом, не пытаясь вернуть сбежавших пленников. Это казалось невероятным.

— Почему?..

— Там охотник.

Рей проследил взглядом за рукой Че и увидел иглоподобную тень, появившуюся далеко на горизонте.

— Он из флота. Стервятники их боятся и избегают прямой схватки. Видишь, они даже курс сменили.

И точно, корабль атлантов резко повернул на восток. Если охотник не изменит курс, то между ними возникнет широкое пространство, постоянно увеличивающееся.

— А разве мурийцы не будут их преследовать?

— Разумеется, нет. Мы можем только защищаться, в случае, если они нападут первыми, а начинать атаку запрещено. Но они удирают от равносильного врага, потому что в этом не уверены. Так поступают только крысы, когда фермер на лугу ставит факел,— с видимым удовольствием засмеялся Че.

— Но каким образом здесь оказался мурийский корабль?

— Он пришел за нами.

— Откуда они узнали?

— Я не знаю, как тебе объяснить,— развел руками Че.— Разве людям вашего времени неизвестны обычные силы? Как же можно жить такими калеками? Хотя ты, похоже, жил. Они идут на мой мысленный зов, который я послал, как только меня схватили.

— «Мысленный зов»? А что это?

— Разговор без слов. Как мы с тобой разговаривали. Кстати, тебе тоже необходимо выучить наш язык, потому что для обычного разговора нужно постоянно использовать силу, а от этого человек быстро устает. Таким способом мы зовем тех, кто знает нас и ждет нашего возвращения,— муриец вздохнул.— А почему ты не сделал так, как я тебе сказал? Почему ты остался, когда ослаб мой контроль над атлантом? — спросил он неожиданно.

— А что я должен был, по-твоему, делать? — возмутился Рей.— Бросить тебя, а самому бежать?

Че внимательно посмотрел на Рея, некоторое время помолчал, а потом заговорил совершенно о другом.

— Смотри, жители Тени со всех ног бегут, удирают как от собак, прекрасно зная, что преследования не будет.

Хотя весла с боков судна исчезли, узконосый корабль продолжал уноситься к востоку с поразительной скоростью. Мурийский же крейсер продолжал приближаться к берегу, не изменяя курса. И вот уже можно было разглядеть оранжевый флаг.

— Сейчас они пойдут на веслах,— пробормотал Че.

Высунувшиеся весла с окрашенными в алый цвет лопастями дружно опустились в воду и повели судно в более медленном темпе. С величественной гордостью резал волны серебристо-серый корабль, хотя без мачты выглядел в глазах Рея каким-то незаконченным. Он остановился, дойдя до бывшей якорной стоянки корабля атлантов, и спустил бот, быстро понесшийся к берегу. Последний мощный взмах весел — и маленькое суденышко проскочило линию прибоя. Два человека, спрыгнув по пояс в воду, подвели бот к берегу.

Рей с острым любопытством разглядывал прибывших. Было очевидно, что к расе последних его захватчиков эти высокие молодые люди не принадлежали. Их белая кожа была слегка позолочена загаром, а цвет длинных волос варьировал от соломенного до красного дерева. Одеты они были в кожаные туники, и у каждого на поясе находился меч. На широких воротниках и на браслетах сверкали драгоценные камни. Их движения были так легки и грациозны, что Рей мысленно сравнил их с бойцами дзюдо из своего мира.

Отбросив все свое достоинство, они бросились к Че и ухватились за него, словно он был какой-то давно потерянной драгоценностью, найти которую они уже не надеялись. Че поздоровался со всеми, потом повернулся к Рею и, не отводя от него взгляда, протянул пустую ладонь, требуя что-то. Лидер команды бота немедленно вложил в руку Че свой меч, острие которого муриец вонзил в песок между собой и американцем. После этого он взял его правую руку, сжал в своей, и эти сжатые руки положил на рукоять меча. Стоявшие позади него люди, все еще пристально глядя на Рея, подхва-

тили. Лидер с коротким кинжалом в руке шагнул вперед и уколол запястья обоих мужчин так, что тонкие струйки крови смешались на рукояти меча.

— Этим я удостоверяю, что отныне ты мой брат по мечу, товарищ по оружию, новый сын двора моей матери и одной крови с Домом моим...

Слова клятвы ясно горели в мозгу Рея. Он познал минутное колебание и ощущение того, что, принимая такое родство, пройдет через другую дверь. Но хотя одну часть его сознания это предупреждающее сомнение и укололо, другая часть, отрицая его, с жадностью тянулась к тому, что в чужом мире могло дать безопасность. Может, от него ждали какой-нибудь благодарности? Он понял, что это был официальный ритуал, а внутреннее предупреждение подсказывало, что этот ритуал принесет больше ответственности, чем можно было предположить, но, несмотря на это, он ответил громко:

— Да,— зная точно, что Че его понял.

Рей вторично оказался на борту корабля, только теперь рядом с ним находился Че, и он был свободен. А может, нет? Имел ли он, в сущности, выбор? Надежда боролась против этих предупреждений, возрастая, пока они поднимались по веревочной лестнице на палубу, заполненную людьми, собравшимися поприветствовать мурийца, потом спускались вниз, в большую каюту, потребовавшую полного его внимания.

Убранство этой каюты, по стандартам своего века, Рей мог назвать варварским из-за щедрого использования драгоценных металлов и ярких красок. Однако это был не восточный стиль и не подражание «местному» стилю, а нечто, подобного которому Рей никогда не видел, хотя разбирался в искусстве как фотограф.

Вокруг стен шли инкрустированные затейливыми рисунками панели из черного дерева. Эти инкрустации были скомбинированы из драгоценных камней и блестящей краски. Между панелями висели длинные занавеси, сделанные из блестящей ткани, противоположный конец каюты занимал стол из черного дерева, с каждой стороны которого стояли длинные скамейки, а во главе — кресло с высокой спинкой.

Освещалась каюта двумя шарами в филигранной оправе, сияющими розовым светом. От движения судна покачивались розовые цепочки, на которых эти шары висели, создавая ощущение, будто свет то убывает, то усиливается.

Пока Рей осматривал помещение, муриец подошел к столу и налил какую-то жидкость в высокий бокал, не переставая слушать доклад молодого офицера, представленного Рею как Хейн.

— Нам сообщили о закрытии Северного и Восточного морей, а это означает...— Он протестующе отставил графин.

— Войну? — высказал предположение американец, тут же смутно подумав: «Разные миры, разные времена, а война, похоже, присутствует всегда».

Че кивнул.

— Если пожелает и когда пожелает Ре Му, но сейчас мы отправляемся домой.— Он повернулся к Хейну, очевидно, задавая новый вопрос.

Сквозь стены и пол каюты Рей ощутил ровную вибрацию и, внезапно потеряв уверенность в своем равновесии, оперся рукой на инкрустированную панель, взглянув на скамью как на более безопасное место. Неожиданно офицер сделал резкое движение рукой, словно отражая удар, скривил рот от боли и, поклонившись Че, вышел. Че проводил его печальным взглядом.

— Ленор, упавший рядом со мной с кинжалом пирата в горле, был его братом по мечу, и с этой минуты печаль гложет Хейна, ибо долг этот останется неоплаченным. Но когда мы поднимем меч против меча приверженца Баала, то вспомним об этом долге и посчитаемся. А теперь давай есть и пить, потом ляжем спать. Человеку вредно быть голодным и усталым.

Хотя пили они из бокалов тонкой работы и ели из таких же блюд, Рея больше всего интересовало их содержимое. Когда Рей насытился, он стал разглядывать декоративный узор на панели позади головы Че и обнаружил, что это карта. Наклонившись вперед, он взглядом обежал береговые линии на этой невероятной карте, и его дыхание участилось. Очень немногое, но все же кое-что было ему знакомо. Северный и южный континенты лишь слабо напоминали известные Рею. В то время как Аляска вплотную примыкала к Сибири; Миссисипи, Огайо и большая часть северо-востока и юга североамериканского континента оказались теперь под водой, а центральную часть Бразилии окружал океан. Взамен знакомых ему затонувших стран здесь были два новых континента: восточный и западный. Таким образом, карта напоминала грубый ромб с земельными массивами в каждом углу. С помощью этой карты Рей получил гораздо более отчетливое представление о переменах, чем за прошедшие два дня.

Очевидно, шок в какой-то мере отразился на его лице, потому что Че отставил бокал и протянул Рею руку.

— В чем дело?

— Да вот — карта.

— Мне кажется, она больше для декорации, чем для пользы,— заметил муриец, заглядывая через его плечо.

— Значит... значит, это не ваш мир? — облегченно выдохнул американец.

— Наш-то, наш, да только пути кораблей на этой карте не обозначены, хотя она вообще-то довольно точна. Посмотри,—

сказал Че, подходя к стене.— Вот Бесплодные Земли,— провел он по оставшейся части Северной Долины Огайо кончиком пальца,— где бывают *лишь охотники и преступники, а поселений* настоящих нет. Для того, чтобы кого-то привлечь, кроме нуждающихся в укрытии и исследователей, эта страна слишком сурова. Мы же сейчас примерно здесь,— палец его продвинулся ниже, в море.— Двигаясь на юг, пересечем Внутреннее море.— Палец скользнул к Бразилии.— Это союзник матери-страны, сильный и богатый Майякс. Затем Западными каналами мы пойдем в океан, а оттуда — в Му.— Он показал на земельный массив, расположенный на западе.

— А Атлантида на востоке,— Рей не спрашивал, а скорее утверждал.

— Значит, правильно, что в твоем времени карта земель сильно отличается от нашей, раз ты так испугался при виде ее. Но почему ты испугался?

— Потому что шел человек по знакомой земле, по своим делам и вдруг... оказывается в каком-то другом месте, где все совсем не такое. В это трудно поверить,— Рей говорил медленно, подбирая понятные слова.— Все, обозначенное здесь, например, море — для меня земля.— Теперь он подошел к карте.— Густонаселенная земля со множеством растущих городов, хотя такое распространение населения люди считают угрозой.— Здесь вот,— он показал на море Бразилии,— тоже суша, а вот тут нет ни Атлантиды, ни Му — лишь разбросанные острова и океан...

Послышался вздох Че.

— Да, брат, долгое и громадное время разделяет наши миры! На лице планеты такие перемены происходят нелегко. Ты сказал, что Атлантида в вашем мире — легенда. Что это значит? Ей придет конец? А может, это о Му, матери-стране?

— Об Атлантиде. Есть рассказы, предположительно легенды, но без каких-либо фактических данных, повествующие об исчезновении ее под водой в результате прилива и землетрясения, происшедших из-за недобрых дел ее народа. У нас этот океан носит название Атлантического из-за старинной, но устойчивой веры в то, что под ним лежит Атлантида. А о Му я не слышал.

— А что ты делал, брат, в своей северной стране? Был воином? Ты использовал удивительный прием, когда повалил атланта. Я ничего подобного никогда не видел.

— Я был воином недолгое время. Некоторые семейные неприятности потребовали моего присутствия дома...

— Нужен был дома... А как же теперь, когда ты не можешь вернуться домой?

— Теперь в этом нет необходимости,— покачал головой Рей, не желая об этом думать.— Когда со мной это произошло, я как

раз собирался вернуться в армию. Согласно правительственному проекту необходимо было строить новые здания,— продолжал говорить Рей, не зная, многое ли поймет Че из его рассказа.— При расчистке местности возник спор из-за древнего индейского кургана. Людей возмутило то, что его собирались сравнять с землей, не использовав по-настоящему. Мой знакомый Лес Уилсон написал на эту тему несколько статей, пытаясь заставить ждать тех строителей, и к ним нужно было приложить несколько хороших снимков этого кургана. Пообещав ему сделать их, я как раз и собирался этим заняться, когда неожиданно оказался среди огромных деревьев, каких отродясь не видел. До сих пор я не знаю, что произошло и почему. Вот, собственно, и все.

Че выглядел растерянным.

— Снимки индейского кургана...— повторил он медленно, как бы запутавшись окончательно.

— Есть такая машина в нашем мире, которая называется камерой или фотоаппаратом,— пояснил Рей,— для получения изображений предметов. Этот способ сохранности визуальных сведений очень удобен и популярен. Когда мой народ четыреста лет назад пришел с востока колонизировать северный континент, он, завладев местностью, обнаружил местных жителей — индейцев. Какие-то, исчезнувшие еще до появления первых поселенцев моей крови, ранние племена построили большие земляные курганы, сохранившиеся по сей день. Мы эти курганы изучаем, чтобы как можно больше узнать о народе, построившем их.

— Поскольку мир твоего времени такой старый,— медленно произнес Че,— следовательно, там должны быть останки очень многих исчезнувших народов, еще неизвестных вам.

— Да, да, развалины и древние захоронения давно забытых рас разбросаны во многих местах. По нескольким отдельным камням, подсказавшим нам, что некогда человек здесь что-то строил, мы знаем о некоторых расах. Но больше ничего.

— А тебе нравились поиски древних?

— Я не археолог,— пожал Рей плечами,— но эти исследования похожи на охоту за сокровищами. Об этом я много читал. Когда я вернулся домой, у меня появилось много времени, чтобы читать.— И он снова прогнал эти болезненные воспоминания.

— Я мог бы много сказать тебе, брат, только слова, как бы хорошо они не произносились, прогнать мысли не смогут,— произнес муриец, глядя на Рея с печалью.— Ты сражаешься на поле, где брат ни по правую, ни по левую руку с мечом встать не может, поскольку это только твоя битва. Если можешь, забудь об этом,— он показал на карту,— и постарайся уснуть.

Рей последовал за Че в кабинку, где тот уже стаскивал с себя обрывки промокшей туники.

— Отдыхай, пока есть возможность. Неизвестно, что с собой принесет утро.

Неохотно забравшись в теплое гнездо из мягких покрывал, Рей закрыл глаза, но мысли не давали ему покоя.

* * *

— Ну, что у вас? — спросил Харгрейвс, опускаясь на стул. Тени под глазами подчеркивала темная щетина на подбородке. Медленно моргая, он как бы старался держать глаза открытыми, сфокусированными на чем-то, вне его видимости.

— Этот человек, как нам теперь стало известно, Рей Осборн, посланный Уилсоном сделать несколько снимков кургана. Он — его знакомый и подрабатывает в местной газете фотографом.

— Час от часу не легче! — взорвался Харгрейвс.— Нам только этого не хватало, чтобы газета впутывалась в это дело! Для нас это все равно, что атомная бомба.— Он яростно отшвырнул пустую сигаретную пачку.— Думаю, что информация об исчезновении Осборна уже пережигает телеграф на востоке и западе.

— Пока еще нет. Снимки Осборн должен был принести лишь утром, так что нам в этом повезло. Я поставил Уилсона в известность, что за нарушение наших территориальных прав Осборн нами арестован, а снимки конфискованы,— ответил Фордхейм.

— О господи, а это-то зачем? У нас из-за этого будет лишь куча неприятностей, и все начнут вопить о свободе прессы.

— Нет,— покачал директор головой.— С мыслью, что это секретная зона, уже все смирились. А мы скажем, что Уилсон знал о попытках Осборна подсматривать, поэтому и послал его сюда. Поскольку Уилсон не раз предупреждался в отношении подрыва безопасности, это даст нам время. Но Осборн, к счастью, одинок...

— Ну и что, что он одинок? Уилсон возьмется за его родню, чтобы ее расшевелить, и сюда лаяться в воротах прикатит какой-нибудь юрист.

— Нет, он абсолютно одинок,— взяв со стола лист бумаги, Фордхейм зачитал:

«Рей Осборн — сын Лэнгли и Дженет Осборн; старинная семья здесь, в долине, но в данный момент никаких родственников, кроме дальних кузенов, нет. Родился в 1960 году, значит, ему сейчас около двадцати. Год проучился в колледже, а потом завербовался в армию. Прослужил шесть месяцев, находясь за морем; специалист по рукопашной борьбе без оружия и разведке. Интересовался фотографией. Родители десять месяцев назад попали в автокатастрофу, в которой отец его погиб, а мать тяжело пострадала. Ему

выхлопотал увольнение Красный Крест для ухода за матерью.

Вернувшись, он устроился работать на неполный рабочий день, и все свободное время ухаживал за матерью-инвалидом. Она умерла месяц назад. Со слов издателя газеты, у него было намерение вернуться в армию. Близких друзей нет. Большая часть прежних знакомств прервалась службой в армии и болезнью матери.

Спокойный, начитанный парень, бродя по окрестностям, делал снимки и кое-что из них продавал. Он ни с кем не ссорился, к нему относились хорошо, но ни привязанности, ни неприязни не было».

— Ну, в таком случае, нам сильно повезло, раз засланным неизвестно куда оказался именно он, Осборн.— Харгрейвс сел прямее.— Ни семьи, ни друзей — некому шум поднимать. Но вот что я думаю...— Он уставился на стену невидящим взглядом.

— Ну? — заторопил его Фордхейм, видя, что пауза затягивается.

— Вы упомянули о его намерении вернуться в армию, о котором он говорил людям. Мне кажется, что можно представить дело так, будто он свое намерение выполнил: подобрать документы, и он наш человек. До тех пор, пока мы не вытащим Осборна обратно, всю эту историю можно положить под сукно.

А он нам нужен, очень нужен, ибо его информация имеет гораздо большую ценность, чем одна лунная станция с двенадцатью космическими платформами впридачу. Вытащив его, мы выжмем все, что он оттуда вынесет, до последнего дыхания.

— Если, конечно, удастся...

— Должны, и это приказ. Но вы не огорчайтесь! Для выполнения этой работы вам пришлют любого человека, любой материал, какой вам только понадобится. Мы обязаны вернуть его любой ценой. Мы стоим на пути никогда не исследованных Восточных Сил, вы это понимаете? И принадлежит это только нам!

— А что, если он умер?

— Тогда любым способом нужно достать его тело.

— Но луч, который мы, вероятно, скоро снова сможем направить, охватывает очень ограниченный район. Вдруг Осборн покинул это место и удалился за многие мили? В этом случае выследить его нет никакой возможности...

Харгрейвс ослабил узел галстука, и он петлей повис на мятой рубашке.

— В этом направлении, правда, другим методом, кое-кто уже работает. Как только вы откроете дверь, они моментально сообразят, как в том времени разыскать нашего человека. Поэтому помощь леди Удачи нам тут не повредит.

ГЛАВА 4

Ему снились деревья, бег по проходу между огромными стволами, устланному мхом... Его кто-то преследовал, только он не видел кто...

Рей проснулся весь в холодном поту и взглянул в иллюминатор. Стояла глубокая ночь. Койка товарища пустовала, и он был в каюте один. На сей раз Рей проснулся, точно зная, где он. Все его чувства находились в состоянии готовности, словно за этим почти забытым тревожным сном сработало какое-то примирение с фактом, и это было настолько реально, как ощущение ткани под руками.

Рей потянулся к сброшенной перед сном юбке, но, к своему удивлению, обнаружил другую одежду. С большим трудом он оделся, то и дело путаясь в незнакомых застежках и пряжках, обулся в легкие сандалии и, завязав ремешки вокруг лодыжек, вышел в большую каюту.

С наступлением темноты розовый свет стал более насыщенным. Каюта была пуста, и он задумался, подождать здесь или выйти на палубу? Эта минутная нерешительность позволила ему взглянуть на себя в зеркало.

На него смотрел худой незнакомец с покрасневшей от солнца кожей и непокрытыми черными волосами. Тело, обещавшее выносливость, несмотря на худобу, облегала светло-серая туника, на плечах блестели серебряные пряжки с узором из плотно усаженных мелких камушков. С таким же узором был и пояс, окружавший его талию.

Внезапно оробевший Рей почувствовал себя неважно. Зеркало отражало не Рея Осборна, и самоуверенность, с которой он проснулся, увяла. Вдруг кто-то вошел в каюту, и он резко отвернулся от зеркала, но в ту же секунду вытаращил глаза от удивления.

Перед ним стоял Че, но не тот оборванец, каким он увидел его впервые. Красная с золотом туника облегала его тело, запястья украшали драгоценные браслеты, а пояс и ножны для меча сияли ледяным блеском. Откинутые назад длинные волосы скреплял металлический обруч. И только синяки на лице напоминали о плене. Его пышный наряд, как и убранство каюты, имел в себе избыток цвета и орнамента, что считалось варварством в эпоху Рея.

— Ну что, брат, ты потрясен? — засмеялся муриец.— Неужели одежда так меняет человека? Такой наряд положен мне по рангу, но и твой ничуть не хуже. Ничего, ты тоже будешь выглядеть настоящим мурийцем, когда отрастут твои волосы. Такую одежду носят свободнорожденные воины. Ну ладно, теперь самое время и поесть.

В каюту по знаку мурийца вошел человек с подносом. Че подозвал Рея к столу, на котором уже стояли блюда, накрытые крышками, и стаканчики.

Рей не мог узнать содержимое этих блюд, поскольку последний раз ел в тумане усталости и голода, зная только, что это пища. Но сейчас он постарался быть более внимательным. Тут было и тушеное мясо, и нарезанное на порции жаркое, и лепешки с джемом, и даже торт с вином.

Покончив с едой, муриец вздохнул:

— Нам бы еще свежих фруктов, тем более, что на борту они могут храниться несколько дней. Тебе хорошо спалось?

— Во сне я видел...— начал, не зная зачем, Рей, но тут же вздрогнул от следующего, более резкого вопроса.

— Что же ты, брат, видел? — В голосе Че ясно слышалась нотка приказа.

— Какой-то лес, где очутился, войдя в ваше время,— быстро ответил Рей.— Деревья, между которых я бежал, а сзади...

— А что сзади? — спросил настойчиво муриец.— Что сзади? — повторил он, видя, что Рей молчит.

— Не знаю,— пожал плечами американец,— только я от него бежал. Но какая разница? Это же всего-навсего сон,— добавил он, удивляясь, что Че принимает это всерьез.

— Только сон... А почему ты так говоришь, брат? Для любого человека сны — это духовные провожатые, предупреждающие бодрствующий мозг об ощущениях, ему неизвестных. Разве в твоем времени не задумываются люди о значении снов?

— Не совсем так. Для меня, во всяком случае, вполне естественно увидеть сон, что я бегу от таинственной опасности в незнакомом лесу, в котором стараюсь узнать, как со мной все это произошло.

— Ты, вероятно, прав,— сказал Че, хотя сам, как показалось Рею, убежден не был.— Выйдем на палубу? — Он взял два плаща, один из которых протянул американцу.

Над кораблем висела полная луна, чей свет время от времени перерезали облака. Корабль шел, хотя не было парусов и весла были втянуты внутрь. А вибрация, сотрясавшая корабль, как понял Рей, происходила от какого-то механизма. Он присоединился к Че, вставшему к рулю.

— Если весла убраны, что же тогда двигает корабль?

— А вот это,— охотно ответил Че, направляясь на шкафут.

В проходе между скамейками Рей увидел полуоткрытый люк в маленькую кабину с металлическими стенками и заглянул туда.

Здесь хозяйничал Апо, помощник Че. Он налаживал рычаги на боксе, гудящем и жужжащем, как живой, который и распространял вибрацию.

— Это наш энергетический приемник. Со станции на суше передаются волны энергии, улавливаемые кораблем. Ими нельзя пользоваться вблизи берега или в гавани, а некоторые старые корабли не могут этого делать даже во Внутреннем море, и поэтому поль-

зуются веслами. Каждому судну приписаны определенная длина волны, откуда оно может черпать энергию, а если нет крайней необходимости, то и определенное время.

К ним с сообщением подошел Хейн. Рей почувствовал досаду от незнания языка, когда Че начал ему переводить:

— На западе чужой корабль, так как зов послан давно. Это или пираты, или атланты. Говорить с ним мы не будем, чтобы не вызвать нападения...

Неожиданно перевод сообщения был прерван криком Хейна. С поверхности волн вверх изогнулся оранжевый столб света. Че тут же отдал приказ, и с носа их корабля моментально вылетел зеленый луч, отчего свет на море сначала затуманился, а потом вспыхнул красным.

Рей попятился, давая дорогу людям, которые, исполняя команды Че, бежали в различных направлениях. Их зеленый луч стал теперь перламутрово-белым, но, превратив ночь перед кораблем в день, сам корабль оставил в темноте. Свет на волнах побелел.

— Это кто-то из наших, потому что этот сигнал корабли атлантов подделать не могут. Нам нужно узнать, какова его миссия и почему он здесь после зова,— пояснил Че.

Их луч превратился в серию вспышек, и как только они получили такой же ответ, Че перевел Рею: «Корабль флота «Огненная Змея» пострадал от шторма. Идти можем только на веслах. А кто вы?»

— Сигнал помогает им,— сказал Че Хейну, и Рей, к своему удивлению, понял эти слова.

Далекий свет вспыхнул снова.

«Корабль поврежден очень сильно и пройти Внутреннее море не может. Слова прощания передает Солнцерожденная Айна...»

— Команду мы возьмем на борт, а судно-калеку потопим, чтоб не досталось волкам Красной страны! Леди Айне не повезло — первое командование и такая бесславная потеря судна...

— А у вас разве командуют кораблями и женщины? — удивился Рей.

— Разумеется. Ре Му служат все Солнцерожденные. В один прекрасный день леди, вероятно, будет послана в какую-нибудь колонию как его глашатай, поэтому должна уметь отдавать приказы флоту. А командование кораблем — своеобразная учеба.— Удивлению Че не было границ.— Разве в твоем времени, брат, нет такого?

— Нет, у моей нации, по крайней мере.

— Да, различий у нас довольно много. Нам нужно их когда-нибудь сравнить. Мне еще не доводилось встречаться с леди Айной из Дома Солнца в Уйгуре, но о ее храбрости и мудрости наслышан. Поэтому не сомневаюсь, что она, в случае необходимости, уничтожит свой корабль своими руками не задумываясь.

По ведущему их свету они поспешили вперед. Хейн время от времени подавал сигналы своим лучом, получая с поверхности волн ответ. Внезапно Че приказал Апо заняться приемником и повернулся к Рею:

— Они замечены рейдером, и теперь все зависит от того, кто быстрее доберется до корабля.

Под острым носом корабля кипели и расходились волны. С большими щитами и мечами наголо воины занимали боевые позиции, а некоторые занялись приземистыми машинами.

«Огненная Змея» уже находилась в зоне видимости. Окутанная светом своего же луча с почти залитой нижней палубой, она низко сидела в воде, а где-то в темноте подкрадывался рейдер-убийца.

Че отдавал команды, передающиеся от офицеров к матросам. На качающемся судне Рей различал тени фигур, перебегающих по накренившейся палубе. На воду были спущены небольшие лодки, которые, кроме одной, оттолкнулись и направились к кораблю Че.

— Эта ждет леди Айну,— сказал муриец, указывая на оставшуюся лодку.— Леди должна уничтожить корабль.

На залитой водой палубе метнулась светлая фигура, прыгнула в ожидающую лодку и отогнала ее от тонущего корабля сильными ударами весел. Секундная тишина сопровождала стремительно несущуюся лодку, видимую в свете, все еще остававшемся на опустевшей палубе, а затем... пурпурный столб пламени взметнулся вверх, заливая светом своим небо и море, а ревом возвещая о гибели корабля. И «Огненная Змея» исчезла.

Командир корабля подошел поприветствовать первых спасенных, которые уже перелезали через поручни. Чужие, подняв руки в приветствии, громко выкрикнули какой-то клич. Поднявшийся офицер потянулся назад, кому-то помогая, и на палубу шагнула Солнцерожденная Айна.

Худощавая и не слишком красивая, держалась она, по мнению Рея, словно императрица. Шлема на ее голове не было, а темные волосы и лоб украшала жемчужная полоса, концы которой были вплетены в косы. Эта полоса указывала ее ранг.

Одета она была в тунику, доходившую до колен, а грудь и спину прикрывали латы.

— Приветствую тебя, лорд Че! — четко произнесла она низким и приятным голосом.— Я прошу твоей милости для моих людей, ибо «Огненной Змеи» больше нет.

И опять Рей был поражен, осознавая, что речь ее понятна ему, хотя леди Айна не посылала менто-луча, в этом он был уверен.

— Леди Айна, Солнцерожденная Уйгура,— произнес Че, поднося пальцы ко лбу,— тебе нужно только пожелать. И корабль и его люди в твоем распоряжении.

Девушка рассмеялась, и все ее величие улетучилось.

— В таком случае, лорд Че, давай уходить, пока не произошло худшего. Красные твари, привлеченные сигналами, унюхали нас.

Че согласно кивнул и отдал приказ. Леди Айна повернулась к своим офицерам и представила их.

— Это — Хик, это Румаха.

Че так же представил своих людей, а потом положил руку Рею на плечо и подвел поближе: — Это Рей, мой брат по мечу.

— Я счастлива вас приветствовать, милорды,— произнесла с улыбкой леди Айна,— хотя, если говорить честно, мне было бы намного приятнее встретиться с вами в более удачное время. Атлантида, похоже, начинает открытую войну.

Она спустилась в большую кабину твердым шагом моряка и села в предложенное Че кресло.

— Это правда, что они решились напасть на «Белую Птицу»? — спросила она, беря в руки бокал с вином.

— Очевидно, причиной этому послужил приказ о возвращении, данный нам. И они примут весь гнев Ре Му на себя, если это действительно так.

Леди Айна, вертя в пальцах бокал, нахмурилась.

— Хотя мать-страна и терпелива, но всякому терпению когда-нибудь приходит конец, и жители Тени скоро об этом узнают. А выжившие после наказания не скоро забудут. Лорд, мы получили известие, что Красные захватили тебя в плен. Это правда?

Вместо ответа Че протянул ей руки, на запястьях которых еще сохранились следы оков.

— Пираты продержали меня десять дней, а потом продали атлантам.

— Значит, это правда! — воскликнула она, чуть не задохнувшись от гнева.— Как они посмели наложить руки на Солнцерожденного, словно он преступник какой-нибудь или бездомный? И как тебе удалось освободиться?

— С помощью Пламени, работая над их темным мозгом...

— Да! Как бы они не старались, на это у них нет ответа.— Ее глаза блеснули.— Сам Баал бессилен против этого. Значит, ты убежал...

Че опять прикоснулся к Рею.

— В этом мне помог мой брат. Я не смог до конца держать власть, так как лишения истощили мои силы, но брат меня освободил.

— Но это после того, как ты освободил меня,— поправил его Рей.

Заслышав голос Рея, леди Айна переключила на него все свое внимание.

— Кто ты, говорящий на незнакомом нам языке? С какого ты корабля, лорд Рей?

— Я не с корабля...

— Тогда откуда же? В Бесплодных Землях я ни одной колонии не знаю...

— Я из далекого будущего. Хотя это и звучит немыслимо, я понимаю, но это, похоже, правда, потому что другого объяснения нет. Я находился в своем времени и неожиданно очутился в странном лесу, где был захвачен охотниками-атлантами, которые отвели меня на свой корабль. Здесь я и познакомился с Че.

Леди Айна пристально его рассматривала, словно читала его мозг, взвешивая каждую мысль Рея.

— Да, это правда. Наакали в храмовых школах рассказывают о таких путешествиях. Но из отважившихся на это, никто не вернулся. Ты похож на нас — ты прошел долгий путь. Только время ты выбрал неудачно, или его для тебя плохо выбрал случай.

Рея удивило спокойствие, с которым она выслушала его объяснение. А как встретили бы подвергшегося такой же судьбе мурийца в родном мире Рея? Думать об этом ему не хотелось.

— Спасибо тебе, лорд Че, за помощь в эту ночь,— сказала леди Айна, вставая.— Теперь мне необходимо послать матери-стране рапорт. Для отдыха моему телу у тебя, надеюсь, найдется каюта?

Раздвинув стенные занавеси, Че показал на ожидавшую ее койку. Леди Айна, прежде чем задернуть за собой занавес, остановилась на секунду:

— Начиная с этого часа, удачи тебе и всем нам.— Занавес упал на место.

Через час Рей сидел плечом к плечу с Че на носу «Властелина Ветра», в отсыревших от брызг толстых плащах.

Облака заслонили луну, но они, хотя и не видели, знали, что рейдер прячется где-то в темноте, пытаясь перерезать им путь.

— Рискни мы напасть на них с зубами и когтями, они бы сбежали от нас, подобно трусливым пожирателям падали. Но мы в море одни, поэтому сражаться было бы безумием. Это всего лишь, как нам известно, разведчик. Они набросятся на нас все, словно кондоры Майякса, собирающиеся убить пуму.

— Ну а если разведчик нападет?

— Пусть только попробует,— улыбнулся муриец.

Когда они шли к «Огненной Змее», весь экипаж находился в боевой готовности, так и сейчас вдоль борта стояла стена щитов, в готовности находились машины, люди заняли свои боевые посты, хотя «Властелин Ветра» вернулся на прежний курс.

Прозвучал приказ — и раздался слабый звон. По бокам скамеек для гребцов до уровня верхней палубы поднялись экраны, из бокса неподалеку от Рея вытянулась длинная металлическая трубка, около которой суетились три матроса. С рапортом подошел один из офицеров леди Айны.

— Да, все в полной готовности,— сказал Че.— Люди леди Айны не с пустыми руками пришли к нам, а с огнеметами, которые установили рядом с нашими. Нам остается лишь послать боевой сигнал, и тогда смерть притупит зубы рейдеру?

Че последовал на корму, осматривая по пути приготовления, а добравшись до задней палубы, принялся нервно шагать взад и вперед. Рей следовал за ним неотступно. И пока муриец крутил край плаща, Рей пристально всматривался в темноту.

— Хоть бы они появились,— бормотал он.

Очень давно — или так теперь казалось — и очень далеко отсюда (ему было легче думать о мире своем, как отделенном от него пространством) его обучали для войны. Не такой, но сражаться он умеет, да и сражения не так уж различаются. Подумав так, он знал уже ответ — ожидание, это древнейшее оружие, которым пользовались во множестве мест многие люди в течение многих столетий.

— Как раз это они и хотят сделать,— продолжил Че его слова.— Цену вынужденного ожидания они знают: пока хоть немного не ослабеет первоначальная бдительность. И тогда они начнут атаку. Нам нужно без устали следить за ними. Если когда-нибудь я пройду пять стен, которыми, как щитами, пользуются сыны Баала, и с ними встречусь лицом к лицу, чтобы спины их были у таких же стен и не было бы дыры, куда бы они могли удрать,— тогда за ожидание будет заплачено, за каждую минуту этой ночи. Только вот луну скрыли облака — Солнце желает нам туманного утра!

Рей взглянул на низкие облака.

— Значит, будет плохая погода?

— Вероятно. Пойдем-ка на переднюю палубу и еще разок посмотрим.

Настил, положенный через скамьи на шкафуте, составил новую палубу, заполненную дежурным комплектом людей. У машин и трубки на носовой палубе тоже находились люди. Освещение здесь было мягкое.

— Ничего не видно, Солнцерожденный,— доложил дежурный.

И опять Рей понял сказанное, не переставая удивляться.

— Пока не видно,— пробормотал про себя Че.— А ты как считаешь, будет на заре туман?

Хейн изучал облака, высоко подняв голову и как бы принюхиваясь к ветру.

— Туман будет, Солнцерожденный, и возможно, дождь. Только я опасаюсь, что мы должны идти в одном направлении.

— Да, рейдер обязательно воспользуется таким прикрытием, чтобы подобраться незаметно! — сказал Че, ударив по поручням кулаком.

— Вот именно, Солнцерожденный. Но это и для нас прикрытие — если удача будет к нам благосклонна.

— А так и должно быть,— проговорил Че.— Они обнаружат пустую сеть, как только ее вытянут. Но недооценивать их и считать, что удача целиком на нашей стороне, нельзя ни в коем случае. Я уверен, что пока берега Внутреннего моря не сомкнутся вокруг нас, до тех пор никто свободно не вздохнет.

— Твои слова истинны, Солнцерожденный. Атлантам известны все хитрости отца Мрака, от которого расплодилось все зло.

— Пусть будет так,— сказал Че твердо и холодно.— В наших руках, даже если удача отвернется от нас, останется последняя и самая мощная хитрость, воспользоваться которой можно лишь по нашему приказу. И этот путь сегодня ночью указала нам Солнцерожденная Айна.

— Взрыв корабля, ты это имеешь в виду? — спросил Рей.

— В этом случае мы пойдем к Солнцу с полным почетом, прихватив с собой на последний суд многих врагов. Ни один корабль матери-страны не должен попасть в их поганые руки, пока жив хоть один человек истинной крови. Такой конец даст нам гораздо более чистый и быстрый переход из этого мира, чем тот, который нам даровали бы атланты. И мы это прекрасно знаем.

— Лорд Че, ты на боевом посту? — спросила подошедшая к ним леди Айна.

— Ждем рейдера. Он обязательно придет,— ответил Че, кивая на море.— А ты уже подготовила свой рапорт?

— Конечно. Великий, выслушав известие о гибели «Огненной Змеи», одобрил мои действия. Тебе он шлет благодарность и приказ поспешить, так как на помощь в случае нападения нечего и надеяться. Кроме того, лорд Че, потом произошло нечто, очень сильно меня напугавшее...

Хотя леди Айна говорила очень тихо, Рей обратил внимание на ее побелевшие суставы пальцев, с такой силой она вцепилась в свой плащ.

— И что же произошло? — спросил встревоженный Че.

— Лорд Че, я была отрезана!

От изумления Че отшатнулся.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Был прерван мой контакт с матерью-страной. Это произошло не по воле Великого, ибо такого еще ни разу не случалось.

— Прерван? Но как?

Леди Айна вздрогнула как от холода.

— Возникло ощущение, словно опустили черный занавес. Я задала мысленный вопрос, но... ответа не получила. Я выждала два круга на хранителе времени, прежде чем сделать повторную попытку... Молчал даже береговой наблюдатель в храме Майякса!

Видя, что Че по-прежнему молчит, леди Айна почти жалобно спросила:

— Лорд Че, что может это означать?

Лицо мурийца застыло в глубокой задумчивости. Он не видел ни леди Айны, ни окружающих, а когда она коснулась его руки, он даже вздрогнул.

— Что... что это значит? — спросила она еще раз.

— Это значит только одно, что атланты, для раскрытия секрета Солнцерожденных, полезли в Проклятые Мистерии,— ответил он.

Леди Айна отшатнулась как от удара, Хейн вскрикнул, и только Че блеснул глазами.

— Очень скоро они будут жить по ту сторону холода и мрака! Как же они рискнули? Надо обязательно предупредить Великого о происшедшем, ибо дверь внутренней власти для нас отныне закрыта. Теперь, если нам доведется сражаться, рассчитывать мы сможем лишь на свои силы и оружие, чтобы враги поняли, что будем защищаться до последнего вздоха.

Леди Айна словно бы вернула себе прежнюю безмятежность, а может, это был контроль.

— Не знаю, может ли спорить с судьбой человек, но мы должны быть достойны того, что на нас возложено, поэтому нечего говорить о поражении раньше времени.— Она улыбнулась, давая тем самым понять, что ее слова не упрек.— Я сделаю еще одну попытку, но как только появится рейдер, ты меня вызови,— сказав это, она повернулась и ушла.

— Ты, парень, похоже, и впрямь попал в сети,— сказал Че, посмотрев на Рея.— Вражда эта ничего для тебя не значит, но равнины Бесплодных Земель были бы куда безопаснее, чем эти воды, когда Красные волки выйдут из них!

И он был абсолютно прав: Рея это вражда абсолютно не касалась, так как происходила за много эпох до его рождения. Но было кое-что...

Тогда это были лишь слова, обряд другой расы, но теперь... Эта вещь вспомнилась Рею и застряла в мозгу.

— Когда на рукояти меча смешивалась наша кровь, ты сказал, что теперь мы братья...

— Так оно и есть!

— А раз так, то как же мы не разделим сражение? Хоть я и попал сюда против своей воли, но теперь должен сделать выбор, который уже сделал. У меня больше нет родины, но друзья, думаю, есть?

— Об этом и спрашивать нечего,— моментально ответил Че.

— Значит, враги у меня тоже есть — оттуда,— кивнул он в сторону моря.— И это мой выбор.

Че кивнул.

— Надеюсь, брат, ты не пожалеешь об этом.

«Аминь»,— подумал Рей про себя, но вслух этого не сказал.

ГЛАВА 5

— Выходит, что они ваше радио выключили,— произнес Рей, истолковывая по-своему слова леди Айны.

— Выключили радио?..— повторил муриец.

— Да, да, вашу систему коммуникаций.

— Ты считаешь, что это машина? — улыбнулся Че.— Ах да, я совершенно забыл, что ты о нас слишком мало знаешь. Чтобы общаться с Солнцерожденным Ре Му, не нужно никакой машины. Это мысле-посыл. Некоторые из высших офицеров, перенесшие потрясения, обучаются принимать мысли Наакалями. Например, мой мозг теперь может касаться твоего. Именно таким образом рапортовала о потоплении «Огненной Змеи» леди Айна. Но делать подобное могут только рожденные с такой силой или же этому обученные.

— Тогда как же смогли вмешаться в телепатию атланты? — спросил поверивший в нее по собственному опыту Рей Осборн.

— Вот это мы и должны узнать. Кроме обученных мысле-посылу, это никто не может сделать, а нам все известны. Вернее, мы так думали до сегодняшнего дня. У Красных Мантий в этом роде, как нам было известно, что-то есть, но чтобы вмешиваться в истинный посыл... Выходит, могут! О нашей судьбе здесь, на севере, теперь не узнают ни Ре Му, ни мать-страна, если только нам не удастся пробиться в Майякс. Нам и в голову не приходило, что такое может произойти за всю нашу историю!

Небо на востоке медленно серело, а холодный пронизывающий ветер пробирался даже под теплые плащи.

— Как и предсказал Хейн, туман и дождь,— отметил Че.— Нам будет трудно разглядеть сынов Баала, но я надеюсь, что и они нас не разглядят. Пойдем, поедим, пока позволяет обстановка.

Спустившись в каюту под палубой, они обнаружили там сидящую в конце стола леди Айну. В розовом освещении ее лицо казалось осунувшимся. Заставив себя улыбнуться, она на беззвучный вопрос Че только покачала головой.

— Нет, милорды, ничего не получается, стены остаются. Если будет сражение — мы в одиночестве.

— Вполне возможно,— произнес Че, тяжело опускаясь на скамью,— но, может быть, по воле Пламени, до этого не дойдет. Давайте-ка лучше поедим.— Хлопком в ладоши Че вызвал слугу.

Леди Айна выпрямилась.

— Мать-страна прославилась своим провиантом. Таких лакомств, как в Му, нет у Уйгура, если верить словам офицеров, побывавших по делам в Му,— оживленно прокомментировала она.

— А где находится Уйгур? — поинтересовался Рей.

Она взглянула на него широко открытыми глазами, а Че подо-

шел к стене, на которой висела карта, поставил палец на раму и, обходя часть Атлантиды, двинул его вправо. Часть Му в Тихом океане осталась слева, а за ней, сильно отличаясь от знакомой Рею, береговая линия азиатского материка. В ту часть, где должен бы быть Китай, вторгался океан, а высокогорье будущего Тибета и часть пустыни Гоби образовали новый берег, на который Че и указал.

— Это Уйгур.

— Как случилось, что ты не знаешь Уйгура? — спросила Рея леди Айна, не сводя с него глаз.

— Причины те же самые, по которым два дня назад я не знал и Му. Мы в своем времени об Уйгуре ничего не помним.

— Зато помните Атлантиду,— медленно произнес Че.— Почему Красная страна легендой вошла в будущее, а остальные забыты? Что сделали эти поклонники Тени, какой великой огонь они зажгли в своем времени, что через неисчислимые столетия прошли тепло и дым его?

Глаза леди Айны помрачнели.

— Очевидно, какое-нибудь бедствие. Скажи, лорд Рей, что известно твоему народу о Красной стране?

— Только то, что в океане, который в наше время имеет лишь небольшие острова далеко на западе и востоке, был континент, погрузившийся в океан во время сильного землетрясения и гигантского прилива, происшедших в результате недобрых, злых действий его обитателей.

— Выходит, потерянная земля. А в ваше время ее искали? Хотя бы остатки этой земли пытались найти?

— Конечно, причем очень тщательно. А теперь научно доказано, что Атлантида вообще никогда не существовала, поэтому считается, что это лишь легенда.

Слуга принес поднос с кушаньями, и они принялись за еду. Но Рей нет-нет да и поглядывал на эту карту, потому что его удивляло отсутствие остатков такой цивилизации, которые сумели бы легенду превратить в правду. В его время мир, виденный им на карте, графически очень изменился. Теми же остались лишь некоторые части. И все же любой фрагмент такой высокой цивилизации не мог исчезнуть полностью.

— Рейдер в зоне видимости,— доложил Хейн, стоя в дверях.

От неожиданности Рей разбрызгал содержимое чашки, выронив туда ложку, а муриец молниеносно выскочил на палубу.

Хейн показал на темное пятно в тумане: — Вон он!

— Все по местам! — распорядился Че.

К стоявшему у поручня Рею кто-то подошел. Он оглянулся и увидел леди Айну. Он подумал, что она должна была оставаться внизу, но тут же вспомнил, что леди Айна командовала таким же боевым кораблем, поэтому больше Рея знала об этих делах.

А рейдер тем временем изменил курс, скрываясь в тумане, очевидно, не заметив их, но несмотря на это, напряжение на «Властелине Ветра» не спадало.

— Он еще вернется,— произнес Че.— Сейчас унюхает нас подобно пантере и вернется. Ну вот, смотрите, он возвращается!

Да, Че оказался прав. Туман снова прорезал острый нос чужого корабля, и он стал поближе к «Властелину Ветра», обойдя его кругом. Представить себе, что на этом черном клине могут находиться люди, похожие на тех, какие окружали Рея здесь, ему было трудно.

Пока «Властелин Ветра» продолжал двигаться своим курсом, кроме плеска волн не было слышно ни звука. Затем рейдер сменил курс, будто знал, что они здесь, и, словно играя в кошки-мышки, пошел прямо на судно мурийцев.

Но Че это нисколько не взволновало, и он абсолютно спокойно скомандовал:

— Апо, чтобы ни случилось, держи полный вперед. Во что бы то ни стало мы должны избежать боя. Хейн, в случае, если мы будем достаточно близко, используйте только огнеметы. До моего приказа держи все наготове.

Офицеры разбежались по своим постам. Люди из экипажа леди Айны, Хик и Румаха, заняли свои места на шкафуте. Из кабины, неся три щита и длинные налокотники из красноватого металла, вышел солдат-слуга.

Нацепив один налокотник на левую руку Рея, муриец объяснил, каким образом на нем крепится щит.

— Эта защита от огнеметов,— объяснил Че.— Это такие черные трубки, какие держат за поясом наши люди. Как только увидишь их в действии, сразу же прикройся щитом. Правда, я не уверен в наличии смерть-дыхания у этого рейдера, так как они им редко пользуются, но будем надеяться, что его нет, потому что это от него,— он показал на щит,— защита слабая.— Че прихватил свой щит и пошел к рулю.— Через сутки мы будем во Внутреннем море и свободны от всякого преследования.

Леди Айна повела плечами, словно сбрасывая тяжелый груз.

— Чего нам тогда бояться? — почти весело ответила она.— Мы — люди истинной крови! Неужели на это время мы не сможем удержать последователей Тени подальше? Смотрите! Они хоть и заняли боевую позицию, но напасть, видимо, боятся, поэтому и виляют...

А темный корабль и в самом деле пребывал в нерешительности, хотя в полускрывающем его искажающем тумане это могло быть просто иллюзией. Однако Рею показалось, что в то время, как «Властелин Ветра» двигался своим курсом, нос рейдера повернулся немного в сторону. Права была леди Айна. Безудержное продвижение врага чуть замедлилось и отступило. А «Властелин Ветра», продол-

жающий свой курс, прошел мимо и теперь почти скрылся в тумане.

— Они нас боятся! Они боятся отведать мощь матери-страны и не отваживаются на открытый бой! — торжествующе воскликнула девушка.

Че с явным недовольством покачал головой.

— Все это очень странно. Почему они вдруг свернули, хотя, по всем правилам, должны были напасть на нас.

— А на что может рассчитывать против готового к бою и желающего его корабля флота какой-то рейдер? — возразила леди Айна.— Просто капитан здравомыслящий человек. Встать перед нашими зубами они не рискуют, поэтому будут прятаться поблизости и высматривать какую-нибудь выгоду, посланную им Баалом.

Последующие два часа, казалось, давали повод считать, что в оценке ситуации леди Айна была права — рейдер явно избегал открытого боя. Он шел за ними по пятам, оставаясь на виду, но в завесе тумана, и только.

Но недоверие Че к этой скользящей угрозе разделял и Хейн, потому что время от времени поднимал голову от руля и бросал взгляд на непрошенного компаньона почти рассеянным взором. Так продолжалось до тех пор, пока сквозь облака не пробились первые лучи полуденного солнца.

Отдав приказ подать людям еду прямо на палубу, сам Че тоже ел стоя, находясь настороже.

— Они, вероятно, дожидаются ночи.— Че стряхнул с пальцев крошки.— Ведь темнота благоприятствует им.

— Давайте, Солнцерожденный, и мы ее подождем,— проговорил Хейн.— Хорошая ночь — удачная вещь, и мы, возможно, сумеем скрыться...

— Нет! — отрезал Че, скидывая плащ.— Нет! Они уже приближаются!

К ним на большой скорости подходил рейдер. Рей вытащил меч, который ему дал муриец, и стал разглядывать блестящее лезвие с интересом и любопытством. Оружие, конечно же, не для его рук, потому что он и держать-то его не умел, и даже поводил по острым краям пальцем. Он вздохнул и вложил меч обратно в ножны. В конце концов ему лучше послужат его голова, руки и умение драться. Хотя в своем времени Рей много и упорно тренировался, но только сейчас впервые почувствовал, что участвует в настоящей войне. Команда готовила оружие, делая все спокойно и эффективно, но с таким умением и ловкостью, что Рей даже позавидовал.

— Помни, щит служит для защиты,— напомнил Рею муриец.

Рей кивнул.

Атака, подобно тропическому ливню, произошла совершенно неожиданно. Вылетевший с носа рейдера зеленый луч, яркий даже на солнце, ударил в борт «Властелина Ветра».

— Чересчур низко! — крикнула леди Айна.

Зеленый свет дюйм за дюймом полз все выше, подбираясь к тому месту, где в ожидании стояли мурийцы.

— Подними против этого свой щит! — приказал Че, хватая Рея за руку.

Взмахнув щитом, который показался Рею легким и бесполезным, он пригнулся. По палубе, где они стояли, заскользил луч.

Страшно закричал один из людей, обслуживающих смерть-дыхание, и конвульсивно откинул правую руку, на коже которой, словно змея, извивалось ярко-зеленое пятно. Отскочив от машины, матрос вновь закричал и упал неподалеку от Рея. Американец хотел помочь ему и протянул руку, но Че дернул его назад.

— Ему уже ничем не поможешь, он мертв, а это перекинется на другую живую плоть.

Взвыв еще раз, человек скорчился и затих. Все отступили от него.

— Смотри! — прошипел Че.— Оно один раз поело, а теперь ищет следующую жертву.

Зеленое пятно, ставшее более материальным, ничем не напоминало луч света и жило своей злой жизнью: вытянувшись в змею, оно покинуло руку мертвеца и двинулось по настилу.

В руке склонившегося над рулем Хейна появился грушевидный кристалл, из которого вылетела искра, ударившая прямо в световую змею. Зеленая вещь мгновенно исчезла, издав оглушительный визг и оставив чернеющее пятно на палубе с крошечной струйкой дыма.

— Как же это... оно было живое?! — выдохнул Рей.

— Живое, только не той жизнью, известной нам,— ответил Че.— Это их самое любимое оружие. Внимание! Сейчас будет второй луч...

С рейдера снова вылетел такой же луч, только нацеленный выше. Ударившись в щит Хейна, он вцепился в него, ища возможность проникновения сквозь металлическую преграду. Но когда у него ничего не вышло, он отскочил и стал ударять одного за другим всех остальных. Но вот луч добрался до Рея и, навалившись на него страшным весом, вынудил удивленного американца отступить назад, пока до него не дошло, что особо сильного давления, в сущности, и не было. Что-то, уцепившееся за край щита, вертелось и извивалось в попытке добраться до Рея... потом оно ушло. Безрезультатно метался луч в поисках другой жертвы, но везде, от шкафута до передней палубы, натыкался на металлический экран, поэтому его поиски закончились ничем.

Но что больше всего удивило Рея, так это то, что никакой контратаки «Властелин Ветра» не предпринял, а продолжал идти прежним курсом, не снижая скорости. Рейдер же, наоборот, несколько поотстал: очевидно, на скорость влияла установка луча. Но на этом

рейдер не успокоился и подготовил вторую атаку, которая прошла с большим шумом, подобно дождю, игнорируя первую неудачу.

Рей взглянул себе под ноги и увидел еще дрожащие от ударов две металлические щепки. Раздался вопль Хейна. Из его плеча торчала точно такая же щепка. Че рванулся к рулю.

— Выпустить смерть-дыхание! — крикнул он.

Стоящий рядом с Реем матрос установил на боксе трубку, а его товарищ тут же вставил желтый шар и отпустил маленькую рукоятку.

Молниеносно взлетевший в воздух шар, покружившись над рейдером, упал на носовую палубу, и вверх взметнулось ярко-желтое облако дыма.

Рейдер быстро повернулся, но это не помогло ему, так как дым уже стелился по его палубе. Через небольшой промежуток времени корабль до самой ватерлинии был окутан плотным облаком.

— Исключительная необходимость вынудила нас сделать это, вопреки всем приказам,— сказал Че, передавая руль одному из матросов.— А у тебя как дела, Хейн?

Офицер обессиленно склонился к поддерживающему его Рею. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок, несмотря на морской загар. Очевидно металлическая стрела несла какой-то смертоносный яд.

— Солнцерожденный, пусть мои обязанности выполняет кто-нибудь другой, а я...

Всей тяжестью своего тела он навалился на Рея, который вынужден был снять свой щит, чтобы уложить Хейна на палубу. Че, поддерживая голову Хейна, обнял его за плечи.

— Обо мне не скорби — я иду к Солнцу. Зажги от Пламени свечу... я иду... за...

Его голова упала на грудь мурийца, который нежно коснулся его лба, покрытого потом. Потом он бросил взгляд на ныряющий в волнах рейдер, словно никто им не управлял.

— Вы заплатили, последователи Баала и Тени, но не все. Клянусь Пламенем, оплата будет стребована! В Пятистенном Городе будет взыскана настоящая и последняя цена крови Хейна! Пусть не сейчас, не в этом году — но взыщем!

Пока матросы проворно вытаскивали металлические стрелы из палубы, не касаясь обесцвеченных наконечников, Рей помог мурийцу завернуть в плащ мертвого офицера. И для Хейна, и для умершего от зеленого огня матроса это был последний бой.

— Солнцерожденный, взгляни на рейдер!

Корабль, от которого они отошли, оставив мотаться по волнам без управления, снова шел вперед, хотя и не с такой скоростью. Создалось впечатление, что им управляет чья-то опытная рука.

— Этого не может быть! — поразилась леди Айна.— Смерть-

дыхание должно было уничтожить всех, находившихся на борту!

— Выходит, у них имеется неизвестная нам защита,— ответил Че.— И все же они, похоже, покалечены. Подождите до завтра, и мы будем свободны, если только они не вызовут сигналом другой корабль.

— Они могут это сделать,— отозвалась леди Айна.— Видите, они нас не оставляют, хотя еле-еле плетутся.

Как покалеченная собака не бросает охоты, так и рейдер продолжал ползти, не меняя курса, несмотря на то, что «Властелин Ветра» намного опередил его. В этом было что-то ненормальное, даже сверхъестественное. Такое настойчивое преследование заставляло задуматься.

Ночь под затянутым облаками небом наступила рано, но молчаливое судно атлантов, угрюмо «принюхиваясь», продолжало неотступно следовать как привязанное, хотя поравняться с «Властелином Ветра» не имело ни сил, ни желания. Мурийцы подняли белый бегущий свет, но по воде никакого ответа не приходило. Зато их собственная иллюминация, разливающаяся по волнам, вселяла в них уверенность, что вражескому отряду незамеченным к ним не подобраться.

Рей протер уставшие от напряженного слежения за морем со стороны кормы глаза. Мышцы руки ныли от давившего на них щита, который он не снимал, как и все. Если верить Че, завтра они войдут во Внутреннее море, где могут надеяться на помощь фортов из залива, когда она понадобится.

У руля, зашитые в собственные плащи и готовые к погребению на заре, лежали Хейн и матрос, а в их кильватере продолжал шлепать темный и молчаливый враг.

Че встал к рулю, а леди Айна спустилась вниз. И Рей решил подождать на палубе, пока муриец не освободится. Еще никогда в жизни он так не уставал, а кроме того, он очень сильно боялся, хотя даже себе признался в этом очень неохотно. Человек все может вынести, даже рукопашный бой на мечах, но имеющий подобие жизни ползущий зеленый огонь и дождь отравленных металлических шипов никоим образом не уравновешивался с его тренировкой. Пальцы его сомкнулись на мече, как вокруг оружия далекой эры — винтовки, потом гранаты... Мысленно он составил список самого необходимого, что хотел бы иметь вместо бесполезного, грузом висевшего на его бедре меча.

Но вот Че наконец-то освободился и, передав пост другому, сказал: — Самое время отдохнуть. Пойдем.

Леди Айны в каюте не было. Рей снял щит и промокший плащ, а Че упал на скамью и положил голову на руки.

Откинув голову к стене, Рей закрыл глаза. Еще секунду назад он только и мечтал о том, чтобы уснуть и забыть обо всем, но теперь,

не успел он закрыть глаза, перед ним возникли... деревья! Лес деревьев, целые ряды, поднимающие к небу свои ветви, которые начинались на много футов выше головы Рея, а между деревьями мелькали и колыхались волны теней.

Слабое беспокойство устало шевельнулось внутри Рея. Он чувствовал, как в глубине его гаснет желание войти в тень деревьев по возможности глубже, словно где-то там находились ворота — прореха в ткани времени. Ему показалось, что если он найдет эту прореху, то сможет вернуться...

Деревья начали темнеть, пока не слились воедино, и ветви, и стволы, и беспокойные тени. Желание вернуться к воротам постепенно исчезло... Рей уснул.

* * *

В кабинете директора вместо двух человек теперь находились пять. Внимание всех привлек один из пяти.

— Обещать что-либо я не могу, джентльмены, потому что психофизика — такая же экспериментальная программа, как ваша «Операция Атлантида».

— Я знаю о существовании сотни разных экспериментальных программ,— сказал Фордхейм.

— Вы будете гораздо ближе к истине, если скажете — тысяча,— сказал первый.

— Ладно, доктор Бартон, пусть будет тысяча. Вы мне только вот что скажите: знает кто-нибудь во всей полноте, что нужно сделать?

— У них есть рапорты...

— Да кто читает эти рапорты? — улыбнулся Фордхейм.— Разве что некоторые комитетчики. А полную картину кто-нибудь скоординировал?

— Нет, по всей вероятности. Ожидают, пока не возникнет необходимость или не произойдет что-то подобное,— предположил Бартон.

— Итак, доктор Бартон, если я вас правильно понял, вы считаете, что можете найти способ, влияние которого вернет нашего человека к отправной точке? Это какой-нибудь ментальный процесс? А может, вы предполагаете, что Фордхейм опять откроет свою дверь? — нетерпеливо спросил человек в генеральском мундире.

— Генерал Колфикс, уберите слово «может»,— попросил Бартон.— У нас были поразившие нас кое-какие результаты, но это все зависит от испытуемого, а также от обстоятельств. Та ситуация, в которой оказался этот Осборн, говорит в нашу пользу. Он был к ней совершенно не подготовлен, поэтому должен оказаться в силь-

ном напряжении. С нашим методом тренировки, как показывают сведения о нем,— сказал он, держа в руке лист бумаги, но не глядя на него,— контакта Осборн абсолютно не имел. Он был, как говорят, одиночкой, следовательно, вполне самостоятелен и впадать в панику не будет. Никто не может угадать, как поступит он со своим перемещением, поэтому его мы можем сравнить лишь с изученными нами контрольными животными. Если он имеет представление о случившемся, то, вероятно, мечтает о возвращении, и наша задача в этом случае относительно легка. Но если он испугался и, запаниковав, бежал, тогда мы можем воздействовать на мозговые клетки. В той временной эре он один-единственный, поэтому есть надежда. Предполагая, что он забрался не так уж далеко, можно подобрать настолько созвучный его типу образец призыва, что он вернется обратно.

— Это всего лишь куча «если»,— прокомментировал генерал Колфикс,— а мне кажется, что надежнее послать отряд...

— Хорошо,— прервал его Фордхейм,— предположим, что вы провели свой отряд в дикую местность североамериканского континента, какой она была четыреста тысяч лет назад. За одним человеком охотиться там будет довольно непросто. Поэтому, если доктор Бартон имеет возможность вернуть его...

— Опять это «если»! Почему вы считаете, что эта местность должна быть совершенно другой?

— Мы показали вам фильм,— ответил Фордхейм.— Где в Огайо вы видели нечто подобное? Например, такие деревья...

— Я полагаю, они росли столетиями,— ответил Колфикс.— А вдруг не сработает машина доктора?

— А вот к этому надо быть готовыми! — вмешался в разговор молчавший до сих пор Харгрейвс, моргая покрасневшими глазами.— Мы можем вообще никогда не увидеть Осборна вновь. Фильм мы сняли, а он там умер. Мы не уверены, можно ли пережить такое путешествие. Но рано или поздно мы пошлем исследователей, независимо от того, найдем его или нет. Если не получится с Осборном, то в следующей попытке, нам, может быть, поможет мыслелуч доктора.

— И когда вы будете готовы? — обратился к Фордхейму доктор Бартон.

— Меньше переносной рации мы ничего не получили, поэтому нам предстоит демонтаж, транспортировка, сборка заново. Сказать точно я не могу, но мы будем работать круглосуточно, по возможности срезая все углы, что займет, примерно, несколько недель.

— Как несколько недель! — воскликнул Колфикс.— Вы представляете, что может произойти с Осборном за это время, если, конечно, он еще жив?

ГЛАВА 6

Проснувшись, Рей некоторое время лежал, пытаясь вспомнить то, что было во сне — что-то очень важное — но так и не вспомнил. Едва видимый в сером свете пасмурного дня, над ним стоял Че.

— Восход,— сказал муриец таким тоном, словно утверждение имело какой-то внутренний и важный смысл.

Морщась от боли в сведенных судорогой мышцах, американец встал и следом за Че поднялся на верхнюю палубу. Туман и облака исчезли, океан вокруг был настолько гладким, насколько позволяло ему вечное движение волн, а небо на востоке окрасилось в розово-золотистый цвет. На палубе лежали зашитые в плащи два трупа.

Че помедлил немного.

— Хейн, мой друг...— сказал он наконец и пошел к поручням.

Матросы подняли доски с трупами. Экипаж, включая и Рея, стоял, как на смотру, по стойке «смирно». На корабельной мачте приспустили флаг.

— Море,— заговорил Че, и его голос с каждым словом креп,— древнее наше наследие, раскройся и прими этих сыновей твоих, которые теперь отдыхают, честно выполнив свои обязанности. В то время, как души их будут в безопасности на холмах Солнца, ты укрой их тела...

Как только доски наклонились, Рей услышал вздох леди Айны. Взошло солнце, позолотившее волны, и «Властелин Ветра» продолжил путь.

В предрассветном мраке ночи за ними шла черная тень рейдера. Рей лелеял надежду, что с новым ярким утром она исчезнет, но... к своему удивлению, обнаружил, что они все еще в границе видимости.

Хотя рейдер не приближался, вероятно, не мог, но команда мурийского корабля продолжала внимательно наблюдать и стоять наготове.

Разговоры во время слежки за своей кормой прерывались длительными паузами.

— Неправильно, все неправильно! — высказал Че свое мнение, опираясь на поручень и вглядываясь в преследователя.— Они должны быть мертвыми! Кораблем управляют мертвецы!

Леди Айна, словно сдерживая ненужные слова, закусила губу, но Рей не удержался.

— Возможно, ты и прав, поскольку знаешь силы, которыми управляешь, но рейдер пока что не приближается...— говоря так, он тем не менее ощущал, как постоянно присутствующая тень на море, действует на нервы. Она оставалась угрозой гораздо худшей, чем можно было себе представить, хотя по-прежнему не приближалась, но и не отступала.

— Да, ближе он пока не подходит...

— Да, ближе он пока не подходит...— повторила леди Айна, как эхо.— Морские ворота Майякса, очевидно, уже близко. Лорд Че, ты же знаешь, что матери-страны я никогда не видела и окажусь, как и лорд Рей, в чужой местности, как только мы войдем в гавань Города Солнца. А он похож на Уйгур? — за этой болтовней она пыталась скрыть свои мысли.

Намеренно оставив слежку за кормой, Че галантно ответил ей:

— Нет, он совершенно другой. В матери-стране по берегам рек расположены широкие поля. В устье одной такой реки и лежит Город. Жители внутренних дворов для развлечения делают иногда маленькие кораблики, которые пускают по воде; они поют, играют на арфах... Уйгур же расположен в горах и узких долинах.

— Это все в мирное время,— вздохнула леди Айна.— Да, от нашей продуваемой ветрами страны, где на аванпостах бегают стада диких лошадей, где преступники сражаются с людьми-зверями и дьяволами, чтобы сохранить в своих телах жизнь, она сильно отличается.

— Выходит, еще существуют дьяволы Тьмы? — спросил Че.

— За месяц до отплытия «Огненной Змеи» с данью мехами были доставлены длинные клыки и шкура одного. Иногда на них охотятся юноши внутренних дворов. У меня есть кинжал с рукояткой, сделанной из дьявольского зуба. Этого дьявола еще в юности убил мой отец. Живут они в горах, по одиночке. Охотиться в стране их вынуждает голод, заставляя спускаться с гор.

— Интересно. Я слышал, что все дьяволы давно уничтожены, но существуют в сказках, какими пугают детей. Для сведения, Рей, дьяволы похожи в какой-то мере на человека, только чересчур волосатые и с большой головой. Они имеют изогнутые клыки, но ходят на двух ногах. Живут всегда в высоких диких местах, а по ночам охотятся, оставляя громадные страшные следы на снегу.

— А, снежный человек,— вспомнил Рей.

— В твоем времени они тоже есть? — быстро спросила леди Айна.

— Это также легенда. В стране, называемой вами Уйгуром, в моем времени находятся высочайшие в мире горы, где замечали ваших дьяволов, видели их следы, но не поймали и не убили ни одного.

— Это странно, очень странно,— медленно произнесла леди Айна.— В вашем времени знают о дьяволах, но забыта такая страна как Му. А что еще осталось?

— Скажи мне, почему одно помнится, а другое забывается? — вмешался в разговор Че.— Почему остались Атлантида, дьяволы Тьмы?

Наступивший день был безоблачен и ярок, стало так тепло, что им пришлось снять плащи. Над волнами появились в основном сине-зеленые птицы, поверхность океана покрывали остатки темной травы, а однажды из воды высунулась, как бы разумно рассматривая проходившее судно, рыбья морда.

— Смотрите, дельфины!

— Морской танцор,— поправила Рея леди Айна, проследившая за его пальцем.— Ты тоже их знаешь, лорд Рей?

— В моем времени их значение возрастает. Мы, узнав о их высоком интеллекте, пытаемся изыскать способы общения с ними.

Леди Айна переводила взгляд с Рея на дельфина и обратно.

— Морские танцоры, как известно, очень дружелюбны, в трудную минуту оказывают пловцам помощь и находятся под защитой Солнца, поэтому никто не смеет поднять руку, чтобы навредить им. Но мы живем на поверхности, в кораблях, хотя и плаваем иногда, а они живут в море, в закрытом для нас мире.

— Да, конечно,— кивнул головой Рей.— Просто у вас нет ни субмарин, ни масок для подводного плавания или водяных легких...

— Значит, твоему народу уже известно средство для открытия морских глубин? — спросил внимательно слушавший разговор Че.— Какое же?

Рей как можно доходчивее описал действие субмарин, рассказал о глубинных спусках и об использовании аквалангов для длительного пребывания под водой.

— Это просто удивительно! — воскликнула леди Айна.— Подводное путешествие! Ты живешь поистине во времена чудес! Весь мир открыт человеку! Нам говорили, что так должно быть, как только мы преодолеем войну.

— А война до сих пор с нами,— ответил Рей.— Мы лишь потому многому научились, что нужно было либо нападать, либо защищаться. Нет, моему веку далеко до золотого...

— Золотого? Какого золотого? — спросила леди Айна.

— Род человеческий оглядывается назад, на счастлиое и мирное время без войн...

— Когда это было, брат? В наше время, ставшее для вас легендой? Как видишь, мира у нас нет. В дни Гипербореи? У нас тоже имеются свои легенды, повествующие лишь о смерти и бедствиях, которые возникли от алчности и вожделения человека. Где найти этот Золотой век, если он и был? В прошлом — нет! Но нас учили смотреть в будущее.

— В моем времени это будущее темное,— ответил Рей.

— Лорд! Сигнал! — раздался голос дозорного.

Они повернулись в сторону юго-запада, куда указывал дозорный, и увидели на фоне послеполуденного неба белый след, прочерчивающий на голубом линию.

— Башня внешних ворот подает сигнал,— сказал Че.

— Выходит, что бег мы в конце концов выиграли,— подытожила леди Айна.

Рей взглянул за корму. Рейдер был едва заметен, словно остановился. И он понял, что держало их в таком напряжении: ожидание последней атаки этого зловеще-черного пятна.

— Они уходят, и воздух словно чище становится,— произнесла леди Айна после глубокого вздоха.— Теперь мы будем смотреть не назад, а вперед, потому что нас ждет будущее.

Поднялась страшная суматоха, упали металлические стены, загораживающие шкафуты. Их команда укрыла военные машины. Впереди, на вдававшемся в море узком мысу, который заканчивался острыми зубьями скал, возвышалась высокая башня.

Че пошел на палубе, отдавая приказы. Вернувшись назад, он сказал:

— Мы войдем прямо в канал, не делая остановки в Мануа. Взгляните, нас узнали и салютуют флагом.

С вершины башни взлетели белые залпы, опустившийся было флаг снова поднялся, и, когда ветер на минуту развернул его, Рей увидел эмблему: на зеленом поле лучи восходящего солнца.

Обойдя риф, они взяли курс на запад и на юге увидели мыс с приземистым строением, похожим на форт, которое было обложено землей. Че улыбнулся, и с его лица сошло напряжение.

— Мы теперь внутри. Сейчас поедим и выпьем спокойно.

Они вернулись на верхнюю палубу, когда еще был день, и Че стал ходить без устали взад и вперед, почти не обращая внимания на других.

— Смотрите, мы не одни теперь,— сказала леди Айна, показывая на море.— Вот торговое судно с зерном, идущее из материстраны, а за ним — корабль Северного флота. Одни в этих водах работают, другие же вызваны сюда на время, пока Северное море небезопасно. А внутреннее море не знает ни северного шторма, ни капризов южных бурь, поэтому всегда спокойно.

— Почему же они тогда свернули? — спросил Рей.

Изменив курс, два идущих впереди корабля освободили для «Властителя Ветра» проход.

— Это потому, что мы вывесили наш флаг,— пояснил Че, показывая на малиновое полотнище с гордо сияющим полным солнцем на его поле.— Был дан приказ на открытую воду для нас, так как в башне уже известно, что у нас важные известия.

Как только стемнело, на этот флаг был направлен свет, потому что он продолжал заявлять на необходимость быстрого прохода. И даже на следующий день, хотя шли они по проходам вокруг гавани Мануа, переполненным судами, соглашение это продолжало действовать.

Рей видел Мануа, столицу имперской провинции, только с моря, но высокие белые башни ее производили впечатление давно установленной цивилизации.

В эти же дни он с удивлением понял, что язык матери-страны стал ему близким. Хотя он немного запинался на его щелкающих согласных и смазанных гласных при ответах, но зато легко понимал и по возможности продолжал практиковаться. Че помогал ему и, кроме того, давал еще уроки атлантского языка.

У каналов Западного моря они столкнулись с первой задержкой. Рей отметил здешнее отличие от континента его времени. В будущем хребет Южной Америки должен стать острым гребнем Анд, сейчас же за портовым каналом города с палубы «Властелина Ветра» виднелись лишь небольшие округлые холмы.

Приходили и уходили чиновники, создавая на борту толчею, но в конце концов их пропустили, и воды другого моря приняли киль «Властелина Ветра».

— Благодарение Солнцу, мы наконец свободны! — произнес Че, отворачиваясь от зрелища отъезда последнего портового офицера.— После всего случившегося я не собираюсь давать повод для новых портовых слухов, поэтому мне не нравятся эти задержки.

— Ре Му...— начала было леди Айна.

— Да, ему скажем всю правду, не скрыв ни одного слова, хотя эта правда неприятная. Возможно, Ре Му сочтет, что можно было поступить гораздо лучше, но у нас, увы, нет его мудрости. К тому же, это первое мое командование...

— Да, но ты все-таки со своим кораблем вернулся,— быстро вставила леди Айна.

— Если бы судьба прогневалась на меня так же, как на тебя, этого бы не произошло. Но поскольку человек сделал все, на что был способен, бесчестья в этом провале нет.

— Взгляните, какое синее море,— неожиданно воскликнула леди Айна, явно желая сменить тему разговора.— На севере, где омывает Бесплодные Земли, оно очень темное, а у берегов Уйгура — серое.

— А почему вы эти земли зовете Бесплодными? — поинтересовался Рей.— Места, конечно, дикие, вы правы, но не бесплодные. Там есть леса...— он вдруг замолчал, вспоминая высокие темные деревья.

— Там нет колоний,— ответил ему Че,— очевидно, поэтому. А кроме того, они запретны для жителей матери-страны, то есть для нас — тайны, хранящиеся там, будто бы не для человеческих глаз.

— А как в твоем времени? — обратилась к Рею леди Айна.— Поведай нам об этих землях.

И Рей стал рассказывать о множестве городов, заполненных

людьми, о перенаселении Земли, о больших магистралях, аэропортах, о космических полетах...

— Значит, вы желаете управлять луной? Производить посадку на других мирах? — восторг охватил мурийца.— Как много может сделать человек! Но, судя по твоим словам, это все трещит.

— Вот именно. Чем больше человек делает приборов, тем больше смертей от них. Машины падают, поднимаясь в небеса, а люди, находящиеся в них, гибнут или в своем полете несут смерть женщинам и детям, умирающим в своих домах. Повсюду, говоря о планете, люди сами нарушают созданные ими же законы. Одни, не имея куска хлеба, умирают, другие же имеют такое богатство, что даже сосчитать невозможно, вот так...

— Так было всегда,— сказала леди Айна задумчиво.— Но вы, однако, все еще люди — одни добрые, другие злые. А ты... ты сам в небо когда-нибудь поднимался?

— Разумеется.

— И на что это похоже?

— На плавание. Мир можно видеть внизу или попасть в облака...

— Мне бы обязательно понравилось,— мечтательно произнесла леди Айна.— Вот хорошо было бы, если б ты принес с собой такую птицу.

— Есть много хороших и полезных вещей, которые можно было принести, но о самолете я бы никогда не подумал,— засмеялся Рей.

— Такую птицу могли бы сделать Наакали,— подметила леди Айна.— Им нужно посоветовать отыскать такие знания.

— Советовать Наакалям никто не может,— испугался Че.— Какие нашим ногам будут открыты тропы мудрости, решают только они.

— Они должны пойти по этой тропе, как только услышат речи лорда Рея,— настойчиво повторила леди Айна.

Че, вероятно, раздражала ее настойчивость, поэтому он сказал:

— Конечно, как только Наакали услышат о появлении Рея, они обязательно захотят его послушать, и он им все скажет, но советовать мы не можем.

— Наакали? Кто это? — полюбопытствовал Рей, сообразив, что леди Айна собирается возражать.

— Наакали — жрецы Пламени, стражи древней мудрости, искатели новых знаний и наши учителя. Путешествуя по колониям, они распространяют знания, тем самым увеличивая в нас его запасы, насколько это возможно. Лишь Ре Му да некоторые неболтливые и правильно заботящиеся о мудрости Солнцерожденные удостаиваются более глубоких разговоров. Такую честь оказали и моей матери, ставшей дочерью храма после смерти моего отца.

— Как только закончится моя служба на море, я тоже войду в храм,— сказала леди Айна.

— Это ты сейчас говоришь, миледи,— улыбнулся Че,— а через год ты позовешь к своей правой руке какого-нибудь воина, и мы никогда больше не услышим о храмах, готов поспорить.

Леди Айна сверкнула глазами и скривилась.

— Ты что, как Наакали и те, вернувшиеся и прошедшие девять таинств, получил власть читать будущее? — спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла в соседнюю кабину.

Ре вопросительно взглянул на все еще улыбающегося Че.

— О том, что мы для них ничто и они предпочитают силы храма, время от времени говорят все женщины, а когда приходит пора для свадебных браслетов, это все быстро забывается.

— А от Му мы еще далеко?

— В гавань мы войдем перед наступлением ночи, а спать будем в доме моей матери. На аудиенцию, я думаю, нас пригласят не раньше завтрашнего дня, хотя леди Айна наверняка пойдет туда ночью.

Спустя час радостный крик возвестил «Земля!» Вытащив весла, гребцы заняли свои места. Один из офицеров на маленьком барабане начал отбивать ритм, а гребцы дружно и привычно ловко заработали веслами.

— Полиция гавани! — возвестил Че, указывая на легкий бот, направляющийся к ним.

— Кто такие? Что за корабль? — последовал вопрос с бота.

— С важными известиями для Ре Му «Властелин Ветра» Северного флота под командой Солнцерожденного Че.

— Можете проходить,— дал добро полицейский бот и повернулся к тяжело передвигающемуся «торговцу».

Гавань овальной формы кишела судами разных видов. Здесь были и величавые пассажирские корабли, и тяжелые торговцы, и корабли флота, а также баржи и рыбачьи смэки, качающиеся на якорях. Доки с жужжащей толпой работающих напоминали потревоженный улей. А за гаванью, террасами поднимался город. Белый, блестящий металл, радужные тона стен и башен, поднимавшихся выше и выше — не город, а мечта. Дома и дворцы Мануа, виденные Реем издали, казались какой-то окраиной деревни в сравнении с этими «грубыми хижинами».

— Что ты думаешь о сердце нашего мира? — спросил Че.— Можно его сравнить с городами твоего мира?

— Вряд ли. Если только по размерам, но только не по красоте.

Как только корабль вошел в док, Че передал своему помощнику командование и под салют почетной стражи высадился на берег.

— Ты очень быстро прошел, Солнцерожденный,— заметил офицер стражи, обращаясь к Че.

— От Внутреннего моря — три дня,— ответил Че с ноткой гордости.

— Отличное время, милорд,— похвалил офицер и добавил: — Носилки ждут леди Айну, а вы, конечно, во двор леди Эйи?

— Разумеется,— ответил Че с нетерпением.

— Ну что, милорды, наши пути, похоже, расходятся,— сказала леди Айна, присоединяясь к ним.— Церемонные прощания, друзья и соратники, совсем не обязательны. До встречи! До новой встречи! Пусть вас хранит Пламя! — Подняв руку в приветствии, она вместе с эскортом затерялась в толпе.

— Солнцерожденный, какие будут дальнейшие приказания? — спросил оставшийся офицер.

— Помогите нам побыстрее пройти.

Офицер мигом расчистил проход, и они двинулись дальше. Рею очень хотелось увидеть как можно больше, но Че торопил его. Через два-три поворота они оказались в более тихом месте, хотя здесь также были люди, лошади, повозки и ломовые телеги. Перед глазами Рея мелькали яркие одежды и различные расы, так что у него создалось впечатление, будто город собрал здесь в редкой смеси большую часть мира, и он подумал, что в свободное время обязательно постарается разобраться в том, что видел, слышал и ощущал.

Обогнав офицера, их сопровождавшего, Че свернул в тихий узкий переулок и остановился перед красной дверью, располагавшейся в левой части стены.

— Милорд, благодарю за помощь и компанию,— произнес муриец.

Тем временем под его резким толчком дверь открылась. Видя нерешительность Рея, офицер ободряюще улыбнулся.

— Лорда Че мы все отлично знаем. Он прекрасный сын леди Эйи. Отдыхайте в свете Пламени, милорд,— сказав это, офицер отсалютовал и ушел.

Закрыв за собой дверь, которую Че оставил полуоткрытой, Рей очутился в большом саду с пальмами, цветами и выложенным мрамором бассейном, который окружали папоротники, отражающиеся в его спокойной воде.

Че остановился около этого бассейна и оглянулся на Рея.

— Она идет.

Лужайку пересекала женщина с опущенными глазами, словно погруженная в свои мысли. С Че она была одного роста, перламутровая кожа сливалась с цветом платья, жемчугом на ее шее. Толстые, перевитые жемчужными нитями белокурые косы змеями спускались до пояса. Но Рей, кроме спокойной красоты ее лица, ничего не видел.

В нем шевельнулось воспоминание. Не в силах сдержаться, он быстро повернулся и пошел назад, к красной двери в белой стене. Он шел, как слепой, видя только то, что было у него в мозгу. На его толчок дверь не ответила, и он ударил по ней кулаком изо всех сил.

— *Сынок...*

Это прозвучало не вслух, а в мозгу, точно так же, как при первой встрече с Че, и нахлынувшее непонятным образом исцеление прогнало воспоминания. Но он не хотел и не мог повернуться, чтобы увидеть... И он с новой силой ударил в упрямую дверь.

— Рей!

Осборн не мог оттолкнуть требовательный зов, заставляющий повиноваться, и с явной неохотой повернулся. Глаза, полные заботы и сострадания, смотрели в него, на то, что было им пережито за последние месяцы. Он был уверен, что эти глаза, проникшие через барьер, разделявший этот мир и его собственный, знали...

— Рей,— прозвучало в третий раз.

Но это было лишь приветствие, а не призыв к вниманию. Он сознавал, что рука на его руке, как и всезнающие и всевидящие глаза, тянула в сад и одновременно притягивала к невидимой, но ощутимой двери. На какое-то время Рей освободился от своего мира, родного мира.

ГЛАВА 7

— *Проснись!*

Рей открыл глаза. Дрожа от холода и внутреннего озноба, он огляделся. Он лежал не на снегу, но и не на том ложе, где уснул. Перед ним на полу тянулись такие полосы лунного света, что глаза слепило, а пол под ногами был очень холодный. Как он очутился здесь, в этом холле? Почему, стоя здесь, положил руку на дверной засов? Не имея никакого представления об этом, он чувствовал лишь полнейшее замешательство.

— Проснись! — приказал негромкий голос за спиной Рея.

Он оглянулся. Наполовину в тени, наполовину в ярком лунном свете стояла фигура в мантии с капюшоном. Подняв руку, фигура отбросила капюшон — и Рей узнал леди Эйю.

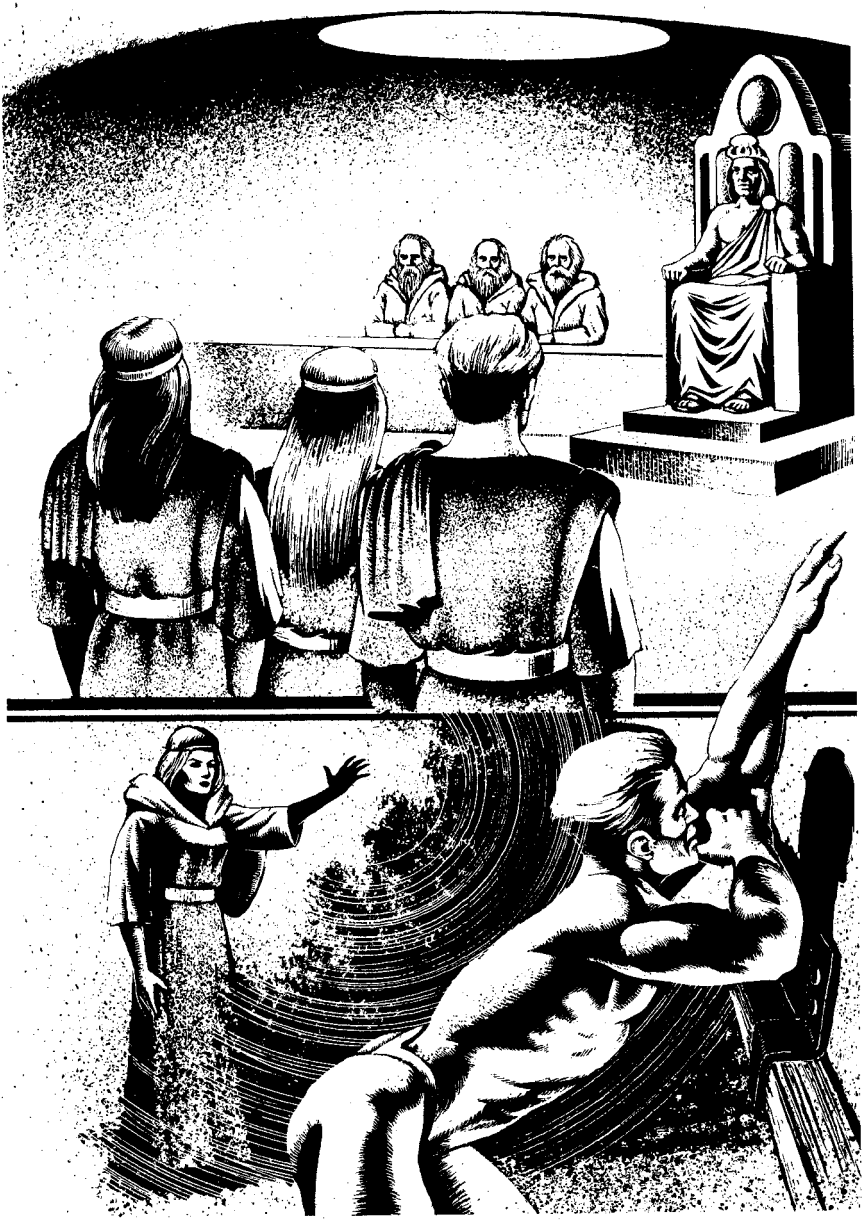
Она протянула ему руку, на раскрытой ладони которой лежал шарик, на какое-то мгновение ослепивший Рея чистым белым светом.

— Пойдем...— позвала она тихим, близким к шепоту голосом и, повернувшись, словно зная, что он повинуется, бесшумно пошла к полуоткрытой двери холла, освещенного луной.

Здесь она положила светящийся шарик на невысокий треножник, и разгоревшийся свет мгновенно осветил комнату, в которой находились стулья, кушетка и стол, заваленный полотняными свитками.

Она указала ему на стоящий возле стола стул.

— Садись!



Рей послушно сел, продолжая дрожать от внутреннего холода.

Взяв белую чашу в форме цветка, леди Эйя налила в нее вино, в которое добавила несколько капель жидкости из маленького флакончика длиной в палец.

— Выпей! — приказала она и сунула чашу в руку Рея.

Рей снова повиновался и, пока пил, ощущал теплоту жидкости, которая становилась все теплее. Как только он поставил пустую чашу на стол, леди Эйя подошла к нему и заставила его встретиться с ней глазами, положив руки ему на плечи.

Это было... это было, словно все унесено силой власти, какую ни понять, ни контролировать нельзя. Тут же ушло слабое инстинктивное сопротивление Рея. Она явно ждала от него какого-то ответа, но он понятия не имел о чем.

Наконец ее руки перестали давить ему на плечи, контакт разорвался, и только тогда Рей осознал, насколько твердо держало его это.

— Ну и что? — отважился он впервые задать вопрос, хотя даже не знал точно, о чем именно хотел узнать: то ли о том, каким образом оказался в этом холле, то ли о том, что от него хочет леди Эйя.

— Ведомый какой-то силой, идущей не из твоего бодрствующего мозга, ты шел спящий. Я изучала природу этой силы, откуда бы она не исходила.

— Ходил во сне?.. Но...

— Такого раньше не происходило, ты это хотел сказать? Насколько я знаю, это правда. Ты знаешь, сын мой, что я была в храме, поэтому обучена. Время твое во многом полагается на материальные вещи, на знания, доказывающие, что человек может и видеть, и слышать, осязать или ощущать. У нас же учение другое, не так легко проявляющееся и имеющее дело с невидимым, неслышимым и с тем, что ощущается лишь косвенно, не задерживаясь в чистом свете дня.

Многое, лежащее в тебе, для нас ново, потому что ты не нашей крови и не из нашего мира. Хотя в таких делах мы имеем опыт, у вас, вероятно, есть неизвестные нам силы. Эти силы, непонятные нам, могут согнуть твою волю. Если из моего народа кто-то ходит во сне, это знак — он «под контролем». В таких случаях жертва подвергается очищению в храме, поскольку это может быть злом.

— Что это такое «под контролем»?

— Значит, им двигает чужая воля. Именно такую вещь и творят сыны Тени.

— Я не атлант,— покачал головой Рей.— И Че, и тебе я сказал чистую правду.

— Я это знаю,— кивнула леди Эйя.— Прикосновение Тени для человека из Храма, как сажа на его лице. Я бы узнала, что тобой завладели против воли, когда «читала» тебя минуту назад. Мне непонятно, что заставляет тебя идти, когда спокойна другая часть

твоего мозга? Узнать это очень важно, так как, может быть, твой дух все еще держит твое собственное время и требует тебя, а может быть...

— Что? — Хотя его подготовка и обучение делали этот вопрос не весомее лунного света в холле, все то, что она говорила, звучало правдоподобно.

— Воспользоваться тобой стремится что-то еще. Один из Красных Мантий, когда тебя захватили атланты, смотрел на тебя, так? Твои захватчики отдали ему твою одежду. Таким образом, у него есть твое мысленное изображение, вещи, носимые тобой на теле... С этим сильный мозг очень многое может сделать. Если это так, то ты в безопасности только на некоторое время. Поэтому, чтобы тебе больше не быть мишенью такого вторжения, необходимо твое точно сделанное изображение. Над этим для тебя поработают люди нашего храма.

— Но... но послушай, это ведь колдовство! Оно не реально! Это вроде того, что, втыкая иголки в куклу, воображать, что страдает враг...

От шумного и резкого вздоха леди Эйи Рей поднял глаза.

— Что тебе известно о куклах, иглах и желании зла? — Теплота в ее голосе сменилась отчужденностью и недружелюбием.

— В моем времени это считается сказкой, в которую не верят разумные люди.

— Ах, вот как? В таком случае, они не разумные, а просто дураки. На зов делающих зло приходят некоторые силы, хотя древняя власть, вероятно, почти забыта. Человек из другого времени, не презирай старые сказки, ибо в них лежит зерно факта. Люди склоняются или к свету, или к тьме, существующим в мире. Каждое требование имеет свою цену, поэтому, если они хотят платить, к ним приходит знание и возможность им пользоваться, зависящая от степени обучения. Не имеющие знаний видят в них несколько меньше. Они боятся, потому что не понимают, и от того, что лежит под этими игрушками, в страхе бегут. А эти вещи, в то же время, отнюдь не игрушки. Прислушайся и поверь, потому что насмешка может стоить тебе жизни!

Эти слова произвели на Рея сильное впечатление помимо его воли. Он должен был принять это как часть этой жизни, тем более, что она сама безоговорочно верила в то, о чем говорила.

— Значит, атлантский жрец, по-твоему, пытался направить меня на некий путь. А зачем?

— Если ты хорошенько подумаешь, то сможешь сам перечислить все причины. Во-первых, ты — новый элемент, брошенный в старые распри во время кризиса, с которым обращаться нужно всегда осторожно.

— Но у меня нет особых способностей...

Ее отчужденность несколько смягчилась.

— Повернуть течение истории в новое русло может и один человек, нарушивший баланс. Людям, с которыми ты останешься, может оказаться полезным содержание твоего мозга. Этого было вполне достаточно, чтобы подвергнуть тебя мысленному контролю, и попытка совершить это в истинной цитадели Солнца доказывает невероятную дерзость. Во-вторых, для них ты мог бы стать глазами и ушами, поскольку мы приняли тебя и ты среди нас. Нет, нет, сердиться не нужно.— Вероятно, она правильно прочла его чувства.— Со своим сознательным знанием ты был бы для них выгоден. Я, по всей вероятности, поступила не совсем правильно,— она слегка нахмурилась.— Возможно, гораздо лучше было бы продолжить следить и ждать...

— Следить, куда пойду? — понял он ее мысль.— А если я снова это сделаю.

— Не сейчас,— покачала головой леди Эйя.— И вообще, по крайней мере, несколько дней ты никуда не пойдешь. Я же сказала, что для освобождения тебя от чужого влияния сделано твое изображение. Только жрецы храма узнают намного больше меня.— Ее руки снова легли на его плечи, но на этот раз давая понять, что ему нужно встать.— А теперь ты будешь спать, чтобы утром проснуться спокойным и освеженным.

Поворачиваясь на кушетке и ощущая на голове и плечах горячие солнечные лучи, Рей подумал, что эта встреча ему, вероятно, приснилась. Но нет, не приснилась, она была во всех деталях у него в мозгу, а со сновидениями так не бывает. Это было своеобразное предупреждение.

— Эй, вставай, брат! — сказал Че, входя.— Кроме завтрака нас ожидает прекрасное утро!

Они искупались в бассейне с серебристым песком на дне и рядом вырезанных по краям фантастических злобных чудовищ, а потом оделись в шелковые туники.

— У тебя уже отрастают волосы,— обратил внимание на его голову Че.— Очень хорошо. Свободнорожденный воин, в отличие от слуг, не стрижется.— Он закрепил свои длинные волосы заколками, украшенными драгоценными камнями, предварительно расчесав их.

На террасе над садом за столом их уже поджидала леди Эйя, бросая на каменный проход крошки лепешки для стайки ярких птиц и смеясь над их жадностью. Она протянула руку сначала Че, а потом Рею, который поцеловал ее, стараясь подражать грации мурийца.

— Утро, дети, прекрасное, но провести его по желанию нельзя...

— Вызов? — спросил Че.

— Вот именно, во дворец. А город Рею мы покажем, только позднее.

Американцу на какое-то мгновение почудилась строгость во

взгляде, как если бы мысли леди Эйи были мрачными. Неужели она до сих пор думает о нем как о бессознательном шпионе в их среде, или что он — угроза всему этому? Призрак холода прошлой ночи пробежал по его спине, хотя небо было безоблачным.

Тем временем Че быстро начал обучать его всему, что согласовывалось с придворным этикетом, и Рей был вынужден заставить себя сосредоточиться на его словах. Похоже, мурийский император жил не в такой пышности, чтобы эта полуофициальная встреча, на которую их вызвали, стала бы для них суровым испытанием, но соблюдать форму следовало.

Немного погодя леди Эйя прервала сына:

— Рей, нет ни одного человека в нашем мире, да и в вашем, мне кажется, тоже, похожего на Ре Му. Он и в самом деле особенный, избранный Солнцерожденный, подтвердивший это во время обучения, перенеся такие пытки и испытания, какие не смог бы вынести обычный человек. Наше правление не передается по наследству от отца к сыну, как это происходит в небольших королевствах. Все Солнцерожденные проходят тщательный отбор, в результате которого правление переходит к лучшему человеку следующего поколения. Сидящий на троне Солнца — одни из нас, доказавший свое право держать в руках всю власть. И в правду, и в фальшь он заглядывает намного глубже всякого другого, поэтому перед ним не смущайся, ибо честный и добрый человек в его присутствии страха не ощущает.

Что это, успокоение или предупреждение? Кто знает? И хотя Рей относил себя к честным, отступать ему было некуда. Неожиданно Рея испугали собственные же мысли... А причем здесь его честность? Нет, надо выкинуть из головы все эти предупреждения, колдовство, сосредоточившись на происшедшем. Каждое слово в его рассказе — абсолютная правда.

Во дворец их должны были доставить в занавешенных носилках, согласно обычаю, хотя Рею такая транспортировка не очень нравилась.

Носилки сопровождал дворцовый эскорт, который, следя за быстрым продвижением, расчищал путь. Как только носилки опустились на землю, Рей увидел себя во внутреннем дворе перед лестницей, по которой их повела леди Эйя. Держась на два шага позади, слева шел Рей, а справа — Че. Часовой посторонился, как только она назвала их имена, и пропустил в холл.

В дальнем конце холла висел занавес цвета слоновой кости, перед которым находился гонг с молотком из серебра. В этот гонг и ударила леди Эйя дважды. Не успело стихнуть эхо, как из-за занавеса раздался голос.

— Эйя, дочь моя, входи вместе с сыном брата моего и иноземцем издалека.

Они вошли в большую комнату, где стены и пол были из слоновой кости, гладкость которых ни металл, ни драгоценные камни не нарушили. Под отверстием в центре сводчатого потолка, открывавшем небо, сидели четыре человека. Одеты они были не в яркие шелка, виденные Реем раньше. Трое из них были облачены в белые мантии с откинутыми капюшонами, похожие на ту, что была на леди Эйе прошлой ночью. Это были сгорбленные старцы с волосами под цвет мантии. Четвертый в желтой тунике сидел чуть поодаль. Пояс на нем был из того же красноватого металла, что и защищавшие людей в бою щиты. А голову венчала корона в виде украшенного девятиглавой змеей солнечного диска.

Леди Эйя опустилась перед ним на одно колено, а следом за ней то же самое сделали Че и нерасторопный Рей.

— Я приветствую тебя, Эйя, и тебя, Че,— правитель большей части мира перевел свои темно-голубые глаза в сторону Рея,— и тебя, иноземец, который совершил такое далекое путешествие.

Он поднялся со стула и, приглашая их за собой, проследовал в другой конец комнаты. Он велел им сесть на стоящие там скамьи из слоновой кости с шелковыми подушками.

— Нам много рассказывала леди Эйя...— заговорил он, когда они сели.

Рей старался не глазеть на императора, но не мог удержаться. Ему казалось, что эти синие, как у леди Эйи, глаза видели не то, что перед ними, а лежащее за внешними признаками. Они были очень старые и мудрые, однако императору было не больше пятидесяти.

— Ты почувствовал, что рейдер тот — странное судно? — спросил император Че, глядя на него.

— Мы выпустили смерть-дыхание после того, как были убиты двое из моего экипажа. Несмотря на то, что смерть-дыхание окутала весь корабль, он продолжал двигаться за нами, словно на борту находились живые.

— Но от этого оружия, согласно нашей науке, нет защиты,— сказал один из Наакалей, придвигаясь ближе.— Выходит, они обладают такой Мудростью, какой нет у нас?

— Боюсь, что, если это так, они заплатили за нее такую цену, которая ляжет на них в дальнейшем тяжким грузом,— ответил Ре Му.— Они еще пожалеют...— он чуть заметно улыбнулся, сделав паузу.— Ты правильно поступил, Че. Ну а теперь...— Глаза его опять обратились к Рею.— Ты, человек из будущего, уже оказал нам некоторую услугу, освободив из рук атлантов Че. Силы твои, возможно, вне пределов нашего знания и чужды нам, но почему ты свою судьбу связал с Му?

— Потому что мой собственный мир исчез. А что касается помощи Че, то вы ошибаетесь, потому что он первым помог мне. Но

в отношении другого — не знаю,— он немного помолчал.— Смогу ли я когда-нибудь вернуться в свое время?

Император повернулся к Наакалю, ответившему высоким тонким голосом.

— Как к нам во сне приходит юность, как мы духом посещаем другие времена — так могло быть, но идти в теле — совсем другое дело. Из наших, отважившихся на такое, никто не вернулся.

— Тебе, я думаю, нужно принять истину,— сказал Ре Му, взглядом проникая в Рея все глубже и глубже.— Твое имя, Рей,— продолжил Ре Му после небольшой паузы,— похоже на слово, которое у нас означает власть Солнца — это могущественный знак. Скажи-ка нам свое мнение о корабле атлантов, шедшим за вами, несмотря на то, что должен был превратиться в мертвую скорлупу?

— Это было зло.

— С тобой все согласны. Я тоже считаю, что он нес зло. Так что, встретив новое зло, следует хорошенько подумать о нем.— Он снова замолчал на некоторое время, а когда заговорил, его голос звучал официально.— Пусть этот юноша числится сыном нашего дома как Солнцерожденный. На него будут возложены обязанности, соответствующие его положению, потому что наши обязанности, скажу тебе, очень сильно перевешивают наши права. Наш мир покажется тебе, вероятно, грубым, так что изучай его, как можешь, несмотря на то, что и он будет изучать тебя.

По окончании аудиенции они были отпущены. Выйдя в холл и оказавшись вдали от реального присутствия императора, Рей попытался осознать причину воздействия Ре Му на него. Ни мурийская манера держаться, какой бы хорошей она ни была, ни какая-то великая мудрость его слов и даже не то, что говорил или делал Ре Му. Дело в том, что за ним присутствовало нечто, подобное волнующей громадной мантии, заставляющее благоговеть перед императором и чтить его.

Они вернулись к ожидающим их носилкам и эскорту.

— Мне хочется показать Рею центр города,— улыбнулась леди Эйя,— поэтому, поскольку мы теперь свободны, предлагаю отправиться на рыночную площадь.

Очевидно надобность в закрытых носилках отпала, потому что Че открыл занавеси, и Рею представилась возможность смотреть на город. Хорошо вымощенные улицы, украшенные цветниками, были довольно широкими. Остановившись на площади, леди Эйя отпустила носилки и эскорт с благодарностью.

Рей разглядывал толпу людей, среди которых встречались более просто одетые, чем он и его спутники, зато ни одного не было в лохмотьях и ниже средней упитанности.

Леди Эйя обратила их внимание на буйство красок.

— Продавцы цветов.

Подойдя к одному из лотков, Че через минуту вернулся, преподнеся матери букетик цветов, издающих сильный сладкий запах.

— Почему в нашем саду не растет дыхание весны? — спросила леди Эйя, нюхая цветы.— Сколько раз мы пытались вырастить его, ухаживая и холя, знает только Пламя, но он все равно погибал. Эту тайну не разрешат и Наакали. А сейчас, по случаю вашего благополучного возвращения,— она коснулась руки Че,— с меня причитаются подарки. Выбирайте.

— Нас все еще приветствуют? Ну что ж, мы этим воспользуемся,— засмеялся Че.— Куда направимся, миледи?

— Я думаю, к Крафити.

Пройдя переулок продавцов цветов, они вышли на улицу, вдоль которой шли открытые лавки. На товарах, разложенных на подносах, играло и переливалось солнце. Такой открытой выставки драгоценностей Рей никогда не видел и теперь в изумлении глазел широко раскрытыми глазами, чуть было не потеряв своих спутников. Обратив внимание на незнакомый ему красный металл, в который были оправлены некоторые камни, он обратился за пояснением к Че.

— Это орихалк. В его состав входят золото, серебро и медь, но в какой пропорции — секрет кузнецов.

Один из торговцев поднялся с места, чтобы поприветствовать леди Эйю.

— Поистине Пламя сегодня ко мне милостиво, если мою бедную лавчонку пожелала посетить Солнцерожденная леди со своими лордами...

— Вот именно, Крафити, поэтому продолжай испытывать наше терпение, раз желаешь показать шедевры. До меня дошли слухи о каком-то головном украшении...

— Пока это принесут для осмотра, пусть Солнцерожденная соблаговолит сесть. А-Хойм, принеси корону ста десяти,— обратился он к помощнику.

— Нам представится возможность увидеть настоящую красоту,— шепнул Че американцу.— Крафити — большой мастер. Его агенты рыщут по всему миру, доставая ему лучшие камни.

С подносом из эбенового дерева появился помощник. На черной поверхности этого подноса стоял в натуральную величину бюст женщины с короной на голове, выполненный из такого же черного дерева.

Сетка из розового жемчуга предназначалась для зачесанных назад волос, а на лбу поднималась девятиглавая змея, выполненная из таких же жемчужин, величина которых достигала ногтя большого пальца Рея. Коснувшись пальцем змеиной головки, леди Эйя сказала: — Что-что, а искушать ты мастер. Что ж, я не успокоюсь, пока не стану обладательницей этой красоты.

— Разумеется, Солнцерожденная, ибо сделана она специально для вас. Я не собирался ее никому другому предлагать, и если бы Солнцерожденная не пожелала, я бы ее разобрал, чтобы использовать жемчуг для других целей.

— Раз она моя, прикажи отнести ее в мой двор, а сейчас, по случаю возвращения воинов, служивших в далеких местах, я должна сделать подарки, поэтому покажи нам браслеты.— Леди Эйя улыбнулась Рею: — У нас такой обычай — вернувшимся из трудных путешествий дарить небольшие подарки, поэтому выбери себе браслет и носи на счастье.

Рей в замешательстве посмотрел на принесенные браслеты, сверкавшие драгоценными камнями, и сказал:

— Если это твой подарок, то выбери его для меня сама.

Видя улыбку на лице леди Эйи, Рей догадался, что она довольна.

Между тем леди Эйя указала на вырезанный из черного янтаря браслет в форме девятиглавой змеи с глазами-бриллиантами и произнесла:

— Я выбираю этот, потому что змеи — символ мудрости, в которой испытывают нужду все люди. Кроме того, этот браслет от всех отличен.

Но только не от этого,— быстро сказал Крафити, показывая на браслет из молочно-белого нефрита: та же змея, но с рубиновыми глазами.

— В таком случае, Че, это для тебя, если он тебе нравится,— сказала леди Эйя.

— Какая прекрасная работа! — воскликнул Че.

— Тогда пусть напишут имена на внутренней стороне: на черном — «Рей», а на белом — «Че»,— приказала леди Эйя торговцу,— и вместе с короной пришлют мне.

— Будет исполнено, Солнцерожденная.

Рей обратил свое внимание на яркий контраст черного и белого браслетов, лежавших рядом, и подумал, что здесь, очевидно, змеи в почете и никакого предубеждения, как в его времени, к ним нет.

Но несмотря на то, что прекрасный браслет был настоящим произведением искусства да еще подарком друзей, Рею неизвестно почему не хотелось его брать. Он больше всего желал, чтобы этот браслет носил кто-то другой, а еще лучше, если он останется там, где был, словно в нем было что-то зловещее.

Осознав наконец, что леди Эйя внимательно наблюдает за ним, что его ждут, он быстро вскочил.

— Что случилось? — чуть резковато спросила леди Эйя.

— Ничего. Просто контрасты белого и черного сильно притягивают.

— А ты прав,— сказала она, взглянув на браслеты.— И это все?

— Все,— ответил он быстро, но твердо, не желая больше думать о рожденных воображением предчувствиях, ибо они слишком легко возникают в этом мире.

ГЛАВА 8

Жизнь в доме леди Эйи была отнюдь не праздной, хотя по внешнему виду и роскошной. Рей поставил перед собой задачу изучить мурийскую грамоту, чтобы иметь возможность читать свитки. Несмотря на то, что это было делом нелегким, Рей делал заметные успехи. Но за это время он заметил, что свитки, в которые он погружался, были ему гораздо больше открыты, чем некоторые стороны мурийской жизни.

Храмовые обязанности надолго отвлекали леди Эйю. В городе храм был единственным большим зданием, но туда Рея не приглашали. Храм, как считал Рей, был сердцем страны, но ему почему-то его не показали.

Однажды утром, глядя на зелень через окно, Рей подумал, что это было простое упущение, но вскоре услышал обрывки разговора Че с матерью, из которых понял, что в Храме будет проходить особо торжественная церемония, посвящавшаяся памяти погибших в море. Но Рея туда не пригласили, хотя Че готовился.

Может быть, он снова ходил ночью, подчиняясь чужой воле, как считала леди Эйя? Он не знал об этом, но ему подумалось, что именно поэтому он находится под подозрением и только поэтому его не приглашают в святая святых.

Символом верховного божества считалось солнце, что можно было легко понять, так как это была из всех религий самая древняя. Но было еще и Пламя, которое также считалось знаком религиозной силы и о котором упоминали время от времени.

Итак, Рей сделал вывод, что его приглашают на прогулки по городу, в морские доки с Че, на рынок, а однажды даже удостоили чести пригласить вместе с городскими гостями леди Эйи на увеселительную прогулку по реке, но только в определенных границах.

Откладывая в памяти увиденное, чтобы потом, на досуге, обдумать, Рей все больше убеждался в возрастающем чувстве, что от него скрывают реальную жизнь страны, показывая лишь внешнюю сторону. Следовательно, он так и оставался чужаком для них, несмотря на дружеское обращение.

— Милорд...

Рей настолько ушел в свои мысли, что от звука голоса вздрогнул, подумав, что один, очевидно, никогда не остается.

Он оглянулся. В дверях стоял слуга.

— Да, Темпро?

— Посланец от Великого, милорд.

— А леди Эйя и лорд Че ушли...

— Милорд, посланец желает поговорить с тобой. Он очень спешил.

Посланец императора к нему?

— Впусти.

Но слуги уже не было, а вместо него появился человек, облаченный в форму дворцовой стражи.

— Приветствие Солнцерожденному. Великий желает твоего присутствия в Зале Неба.

Мысли Рея путались, и он забыл, как положено отвечать на официальное приглашение, просто кивнул и пошел к носилкам. Как только он занял место, занавеси опустились, так что ни Рей ничего не видел, ни его никто не видел. Почему? Куча ответов, собранная его воображением, была невообразимо дика. Крупная рысь, которой бежали носильщики, свидетельствовала о невероятной спешке.

Послышался оклик часового и чуть слышный ответ сопровождающего. Они свернули на сравнительно тихую улицу и наконец остановились.

Рей вышел из носилок и очутился в узком пространстве между высокими стенами. Строгость белой каменной протяженности, вызывающей угрюмую настороженность, никакие растения не нарушали. Прямо перед собой Рей увидел дверь, ведущую в башню, которая отличалась от стен. Когда Рей пригляделся, то увидел золотые символы на ней. Но он не смог их прочесть, несмотря на терпеливое обучение, а кроме того, его поторапливал стоявший в дверях офицер-посланец.

—Великий ждет! — нетерпеливо произнес он.— Прошу наверх.— И, посторонившись, пропустил Рея на лестницу, а сам остался внизу.

Архитектура внутри башни была проста до удивления. Было ощущение, что все это скопировано с формы более древней и грубой, еще с тех времен, когда человек только учился мастерству строителя, и скопировано сознательно. Лестница пронизывала всю внутреннюю часть башни. Рей миновал одну пустую комнату, другую, третью... пока не очутился на самом верху, где, кроме Ре Му, его ожидали двое Наакалей. Круглое пространство стены прерывалось правильными промежутками, закрытыми непрозрачными овалами, а так как солнечный свет через них не проникал, следовательно, это были явно не окна. К тому же помещение освещали расположенные на треножниках шары. Эти треножники стояли возле трех сидений. Но больше в этом помещении ничего не было, оно было пусто, как и те, которые при подъеме миновал Рей.

Хотя Рей и чувствовал себя неуклюжим, но все же, следуя дворцовому ритуалу, преклонил колено. Несмотря на то, что его никто

не приветствовал, он ощущал на себе пристальные взгляды, и от этого его недоверие возросло. Все очень походило на инквизицию, хотя грехов, за которые следовало отвечать, за Реем не было.

— Ты абсолютно прав, мы тебя вызвали не для отчета,— произнес Ре Му.— Ты нужен нам для грядущего действия, а не из-за прошлого.

— Ты считаешь, что я замыслил каким-то образом навредить вам? — растерялся Рей.

Так и есть. Не зря его мучили недобрые предчувствия... Подозрение леди Эйи.

— Нет-нет, ты не сделаешь нам зло. Мы ждем от тебя только блага. У-Ча, расскажи ему.

— Дело в том,— заговорил один из Наакалей,— что с тех пор, как страна и живые существа после гибели Гипербореи в бездне моря вышли с морского дна, мысли имели свободный проход, а теперь он закрыт атлантами. Мозги, которые умели общаться с подобными себе в колониях, в матери-стране были всегда. Ре Му отдавал приказы вице-королям других земель именно таким образом, но сейчас мы этого делать не можем, сообщаясь только лишь с пограничными постами Майякса. Добровольцы, пожелавшие уйти в Тень, поставили барьер, пробить который никто из нас не может. Ради спасения матери-страны мы должны узнать, что замышляется за этим барьером.

Ре Му чуть подался вперед, и Рея снова захлестнула всезаполняющая аура, которая была как бы частью императора, так что американец оказался в сомнении, было ли это по воле Ре Му, или нет.

— Итак, этот барьер мы не в силах разбить, хотя есть небольшой шанс... Мы считаем, что это можешь сделать ты, пришедший из другого мира и времени, в котором народ иначе мыслит и имеет другую силу. Нам кажется, тебе не помеха то, что для нас является преградой. Нас очень интересует, захочешь ли ты заглянуть за этот барьер, чтобы узнать замыслы наших врагов и тем самым помочь нам?

— Ты хочешь сказать... ты намекаешь... Я имею в виду, вы хотите отправить меня в Атлантиду? — медленно произнес Рей.

— О нет, не телом, а только сознанием,— ответил Наакаль У-Ча.

— Предосторожностей для такого путешествия у нас вполне достаточно,— тут же добавил Ре Му, но мгновенно замолк, удерживая взглядом глаза Рея.— Ты слишком мало знаешь о мозге и о его силе, как я вижу. Сила в твоем времени основана совершенно на других значениях. Ты не можешь выпустить то, чего не понимаешь и не контролируешь, поэтому для тебя это страшная вещь. Но ты, как мне стало известно, уже разговаривал мозгом

с мозгом, значит, со временем сумеешь использовать внутреннюю силу так же, как все Солнцерожденные. Эти нехоженные места без проложенных троп для тебя, поэтому я понимаю твое колебание и уважаю.

Рей понял, что нужен им, значит, с ним будут обращаться бережно, как с дефицитным инструментом. Да, он общался с Че и с другими, это правда. И хотя от этого не было никакого вреда, однако...

Может быть, как его предупреждала леди Эйя, он уже проверен как инструмент... другой стороной...

Но Ре Му опять прочел его мысли.

— Нет! Нет! Ты только подумай о том, что будь у нас хоть капля сомнения, разве мы могли рисковать тобой? Но если не веришь, то сейчас мы тебе представим доказательства этого.

Второй Наакаль достал из рукава своей мантии точно такой же кристалл, какой был в руке леди Эйи, когда Рей ходил во сне в ту ночь.

— Возьми этот кристалл обеими руками и приложи сначала к сердцу, а потом ко лбу.

Жрец, стоя на расстоянии, кинул кристалл Рею, и тот, поймав его, послушно сомкнул ладони. Камень оказался тепловатым, а не холодным, как он думал. Следуя жесту Наакаля, Рей прижал кристалл сперва к груди, а затем ко лбу.

— Теперь верни его,— потребовал Наакаль, протягивая руку.

Рей вернул камень таким же манером, как и получил. В руках Наакаля кристалл только слегка заблестел, но остался без изменений в остальном. Взглянув на него, все трое дружно кивнули.

— Все правильно,— произнес Ре Му.— Запятнанный Тенью этого бы сделать не смог. Так что ты выберешь? Знай, это дело нужно делать добровольно.

— А если я пойду, как мне узнать, на что нужно смотреть?— поинтересовался Рей.

— Ты будешь направлен в точно назначенные места,— ответил Ре Му.

— Когда это нужно?

— Прямо сейчас, ибо проволочка очень опасна.

От волнения перед принятием решения у Рея пересохло во рту, и он облизнул губы. Да или нет? В их уверенности в удачном исходе этой операции он нисколько не сомневался, но для него это был вопрос. Что ж, раз это так важно — поверим.

— Я согласен,— быстро произнес Рей, опасаясь, что возьмет верх его нежелание.

Встав с кресел, Наакали прикоснулись к стене, плита повернулась, открывая взору бассейн с искрящейся водой.

Наакали, раздев Рея, вымыли его этой водой, которая слегка

покалывала кожу. После купания его одели в белую мантию, как у них, и посадили в кресло, в котором до этого сидел император. А Ре Му, стоя за спиной Рея, плотно закрыл ему глаза ладонями.

— Теперь смотри на висящий перед тобой черный занавес,— приказал император.

Перед Реем внезапно возник падающий тяжелыми складками плотный, черный и реальный занавес.

— *Вперед!* — прозвучал в его ушах приказ.— *Иди через него!*

Рей повиновался, и тут же его пальцы ощутили гладкую ткань этого занавеса, а также и вес, когда откинул его, проходя. Но в это мгновение вокруг него заметалось обжигающее пламя, и он был вынужден вцепиться в занавес.

— *Назад!* — услышал он слабый голос.

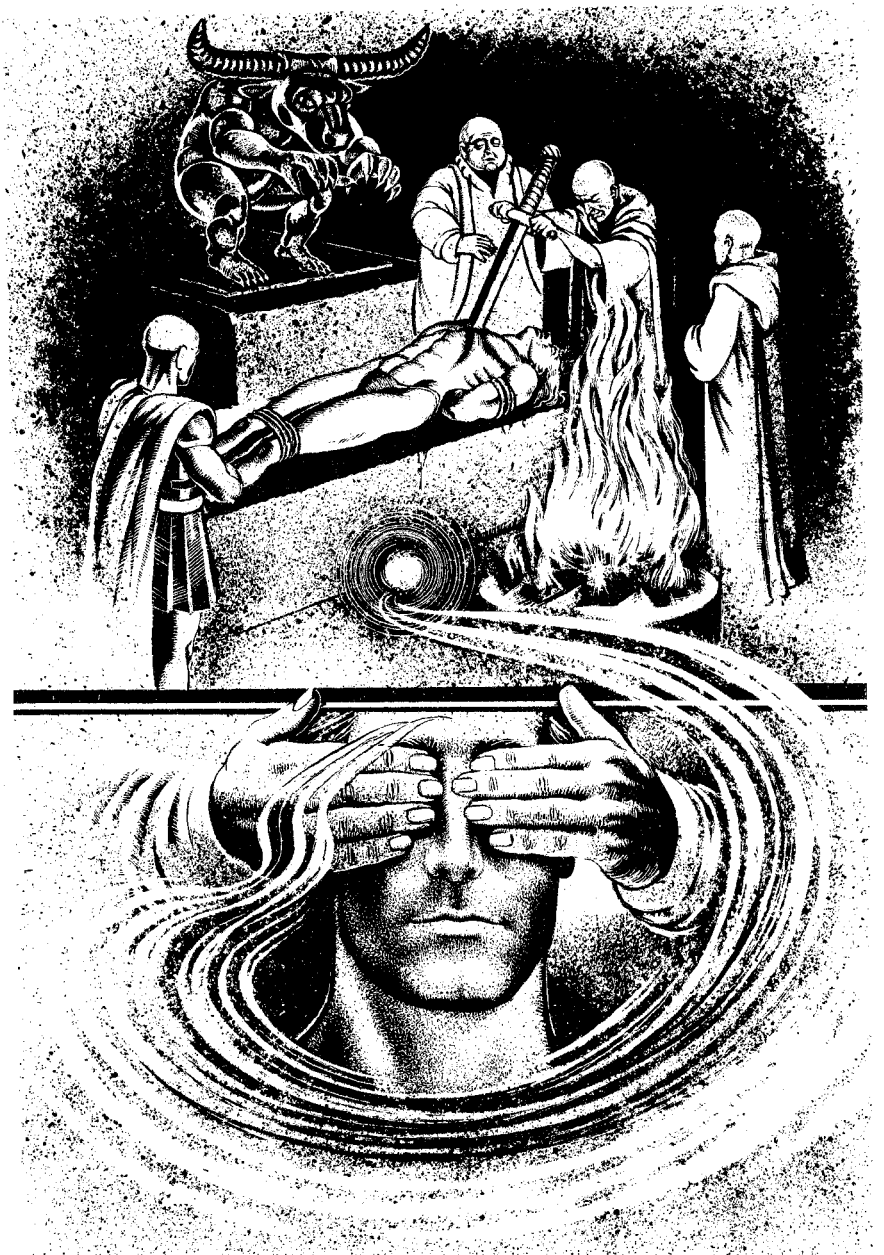
Ход, обещавший избавление от невидимого Реем огня, был открыт. Качнувшись вперед, Рей нырнул... и оказался на свету в конце длинного холла с колоннами, красные стены которого поглотили тени. Стены украшали фрески, выполненные в приглушенных тонах, но очень детальные... Такое могли придумать и изобразить лишь демоны ада. Смотреть на это было противно до тошноты, и Рей попытался отвернуться, но контролировавшее его действия воля приказывала рассмотреть весь этот ужас, словно хотела оценить изображенные непристойности и жестокость.

Продолжая двигаться в тени колонн, Рей обнаружил, что здесь он не один. За черным каменным алтарем и вокруг него стояла, поглощенная каким-то действием, группа людей. Они монотонно пели. Слов Рей не понимал, но чувствовал, что это нечто такое, чему ему необходимо быть свидетелем.

На алтаре находилась пригнувшаяся золотая статуя, неумело изображавшая бычью голову с широко раскинувшимися рогами в соединении с человеческим телом. Все вокруг окутывало мрачное темное облако. В статуе, без всякого удивления, Рей признал Зло, ибо оно было присуще мыслям того, чьим символом было это изображение.

Из пятерых, стоящих у алтаря, двое были одеты в красные мантии, имели лысые черепа и очень походили на атлантского жреца, виденного Реем на корабле. Это были, по всей видимости, служители этого мерзкого бога. Третий был облачен в воинские доспехи, а четвертый — в богатую, украшенную драгоценностями мантию. У него был круглый рот с бледными губами, очень похожий на присосок осьминога, а в глубине складок жирной кожи прятались маленькие глазки. Жгучая ненависть и отвращение вспыхнули в Рее с такой силой и так быстро, словно все эти эмоции были усилены.

Пятый человек, беспомощный пленник — раздетый и связанный — лежал на нижней ступеньке алтаря. Рей почувствовал ис-



ходящее от него излучение отчаянной храбрости, а волосы и цвет кожи подсказали ему, что пленник — муриец.

Когда пение закончилось, один из жрецов с лезвием, на котором играл мрачный свет, двинулся к пленнику.

— Негодяй! — выкрикнул пленник и плюнул на Красную Мантию.— Против вашего дьявольского бога и против вас всех восстанет Му!

Лезвие вонзилось в пленника. От удара тело выгнулось и застыло. Второй жрец взял чашу и принялся собирать кровь, хлынувшую из раны, потом передал чашу другому. Она пошла по кругу, и люди из нее пили.

От этого Рея замутило. Он боролся с державшей его здесь волей, пока его наконец не отпустили и этот ужасный зал не исчез. Теперь Рей находился на высокой стене, над забитой кораблями гаванью. Хотя для него это было лишь множество кораблей разных размеров и форм, он оставался здесь некоторое время, но потом гавань исчезла, и Рей очутился в дворцовом зале. Тот же красный камень, только другого тона, а на стенах — гобелены фантастического рисунка.

На троне, в окружении придворных, сидел человек в драгоценной мантии, виденный Реем у алтаря бога-быка. Мрачное облако парило над этим собранием. Зная, что это испарения духа, Рей не удивился тому, что способен их видеть. Это был Посейдон. Перед ним стояла группа крепко скованных пленников-мурийцев.

Зрение Рея стало намного острее слуха, поэтому слова правителя он услышал слабо, как будто с огромного расстояния.

— Ваша мать-страна оставила вас нам, и теперь вы одни. Кровь вашего капитана утолила жажду Баала этой ночью. Теперь Му — щепоть пыли на нашей мантии, которую мы, стряхнув, развеем по ветру. Вы это еще увидите...

Смахивая с лица спутанные волосы, один из пленников, гордо откинув голову, сказал:

— Му будет жить вечно, запомни это, Творящий Зло! Над нами всегда ЕЕ руки, и если по ее воле и для блага других понадобится наша смерть, мы умрем. Ни один сын Му не совершит по твоему приказу зла, как ты надеешься, отродье Мрака.

Жестокая улыбка скользнула по губам Посейдона.

— Ну что ж, прекрасно,— произнес он таким тихим и далеким голосом, что Рей едва расслышал слова.— Убивать тебя сейчас я не буду, ибо в твоем голосе звучат надменность и вызов, а посмотрю на тебя, когда ты пройдешь по оставшимся от Му углям.

— Зря надеешься. Не так-то просто уничтожить мать-страну. Пока хоть один из вас будет дышать, Му не падет,— быстро произнес пленник.— А ты, если веришь всему тобой же сказанному — круглый дурак!

От злости жирные щеки Посейдона набухли и потемнели.

— В ямы их!

Рей бросил последний взгляд на уволакиваемых пленников, когда воля снова вызвала его и на сей раз направила в торговую лавку, похожую на лавки мурийского города, которые он посещал.

— Стоять в стороне от торговцев Му осталось уже недолго,— произнес человек с кружкой в руке, из которой отпил, и деликатно промокнул губы куском льняной ткани.

— Вряд ли,— ответил один из его компаньонов с сомнением в голосе.— Мать-страна обладает великими силами.

— Да ну? А разве жрецам Баала меньше известно? — сказал торговец после очередного глотка и облизнул губы.

Неожиданно Рей очутился то ли в высоком здании, то ли в башне, в комнате, из окна которой далеко внизу виднелись проблески света. Он оказался в окружении близких к его эпохе предметов впервые с тех пор, как прошел через ворота времени.

Комната, в которой он очутился, была скорее всего лабораторией. За столом сидели два атланта в красных мантиях.

— Нам для корма необходим человек,— произнес один, и его слова опять донеслись до Рея как бы издалека, несмотря на то, что он стоял очень близко.

— У нас есть один мурийский пленник. Пусть он, как в будущем весь его род, встретит объятия Преданного.— Нетерпение, похожее на голод, засияло на лисьем лице жреца, а над его головой облако зла сделалось еще темнее.

Но длинное лицо его напарника, смотревшего на свои руки, лежащие на столе, выражало сомнение.

— А что будет, если мы, открыв ворота, не сможем их закрыть? Мне кажется, что мы зашли чересчур далеко и слишком быстро, так что я иной раз боюсь...

— А у тебя что, есть сомнения, станет ли защищать свое добро Владыка Тени? День Пламени близится к закату.

Рей не запомнил, какое зло творили они тогда, так как воля, наблюдавшая за этим через его глаза, очевидно, вымела это из его мозга прежде, чем он снова очутился у черного занавеса. Ему вновь пришлось пройти через огненную агонию, пока он не ощутил в руке ткань занавеса, а когда открыл глаза, то обнаружил, что опять находится в комнате башни, где непрозрачные стенные отверстия напоминали ему слепые глаза. Он чувствовал себя больным и измученным.

В лице Ре Му, стоявшего перед ним, не было никакой официальности, а Наакали походили на людей, которые смотрели на неизбежную гибель, зная, что никакой защиты от нее нет. Усталость, как болезнь, давила на Рея тяжким грузом.

— Так вот что они делают! — прошептал император.— Они

открывают ворота, на которые не имеет права класть руку ни один человек... Разве им неизвестно, что вызванное ими в конце концов против них же и обернется? Одно дело — вызвать, но загнать обратно — другое. Мир тем, кого они послали к Солнцу! Ну а тебе, Рей,— он постарался как можно плотнее запахнуть мантию на плечах американца,— мы безмерно обязаны. Многое могло бы стать нашей гибелью, не разузнай мы их дел.

— А что же делалось в той лаборатории? — спросил Рей.

— Благодари бога, что ты не помнишь,— ответил Ре Му.— Нам же нужно идти и готовить ответ. До тех пор, пока мы не успокоимся в наших нишах-гробницах, это будет тяжким грузом лежать на наших мозгах. Нет прощения греху, совершенному ими, поэтому такой же будет и расплата. У-Ча, принеси воды жизни...

Старший Наакаль наполнил чашу искрящейся жидкостью и подал императору, который в свою очередь передал ее Рею. Пока американец пил, правитель поддерживал его, обняв за плечи. С каждым глотком Рей ощущал прилив жизни и энергии.

— Теперь тебе необходим отдых. Мои люди проследят, чтобы сон твой был лишен сновидений, а когда проснешься — отправим тебя домой.

Но Рей уже не видел, как Наакали принесли циновку, как сам правитель помогал уложить на нее американца, так как тяжесть сна придавила его веки. Как только он закрыл глаза, на него нахлынули воспоминания об увиденном, так что он даже вздрогнул, несмотря на огромное желание уснуть. В то же мгновение его лба коснулась чья-то рука, прозвучали какие-то слова на непонятном языке, и воспоминания исчезли. Рей уснул.

Проснувшись, Рей обнаружил над собой мягкий свет, лившийся из слепых овалов и освещавший всю комнату. Он услышал, что в комнате кто-то пошевелился, и медленно повернул голову, так как даже такое малое движение требовало невероятных усилий. Ему улыбалась леди Эйя.

— Я пришла, как только мне сообщили о твоем поступке. Кто-то из твоего собственного дома должен же позаботиться о тебе.

Глаза Рея непроизвольно закрылись. «Из твоего собственного дома». К чему ему мурийский дом. Это не его время и не его мир, поэтому-то он здесь чужак...

Из земли, как башни Му, поднимались высокие деревья, а меж ними, делая запутанный лабиринт, мелькали тени. Где-то там... дальше и дальше... Ему нужно идти дальше...

— Рей! Рей!

Зов этот был таким же слабым, как и голоса атлантов во сне. Зов был слышен только Рею, чтобы он остановил свой бег к неведомой цели...

— Рей!

Кто-то схватил его за руку, и он стал вырываться, но безуспешно.

— Вернись!

На сей раз зов прозвучал громом, возвещавшим начало шторма. Рей съежился, как бы боясь молнии, такая сила звучала в этом зове.

— Вернись! — В голосе не было и намека на сомнение в том, что Рей может не повиноваться.

Открыв глаза, Рей увидел леди Эйю, стоящую перед ним на коленях. Руки, державшие его, дрожали. Старый Наакаль, стоявший за спиной леди, положил пальцы на ее плечи, словно этот контакт должен был их связать.

— Встань! — приказал ей Наакаль, убирая с ее плеч руки и склоняясь над Реем. В его руках неизвестно откуда появился хрустальный шар. Свет, струившийся от стенных панелей, устремился к этому шару и, превратившись в сверкающее облако, окутал Рея. Он закрыл глаза. Ни деревьев, ни какой-либо необходимости искать что-то больше не было... Все внезапно куда-то исчезло и остался только целительный сон.

ГЛАВА 9

По песку, отмечавшему высоту прилива, в поисках пищи зигзагообразно бежала длинноногая птица. Слегка закусив небольшим скатом, она обошла скалу в предвкушении более богатых находок, но быстро повернула обратно, дико заверещав.

Потревоженный этим испуганным криком, Рей поднял голову и стал оглядывать маленькую бухточку. Кроме бабочки с металлически-синими крыльями, порхавшей над его головой, здесь никого не было, потому что он специально искал уединения.

Несмотря на то, что мурийцы оказали ему очень теплый прием, он все равно чувствовал себя одиноким, словно между ними проходил барьер. А кроме того, в нем постоянно было ощущение нереальности.

Что же, в конце концов, произошло со страной, с народом? Какая мировая катастрофа разделила суши и моря на известные в его мире части, тем самым изменив лицо планеты? Может быть, остатки мурийской расы бежали в более плодородные земли? А может, они схвачены на горных вершинах, в которые превратились острова, в результате свертывания мурийских равнин? Да, в таком хаосе могла погибнуть любая цивилизация. Все исчезло... лишь легенда осталась, а мурийские короли, очевидно, превратились в полузабытых богов дегенерирующих рас. Он не мог сообразить, что сейчас — первые дни Му или последние?

Бесплодные Земли были и его землей, если здесь могло быть

с ним хоть что-нибудь связано. Когда-нибудь... Возможно, когда-нибудь он туда вернется.

Обманутая неподвижностью Рея, жадная птица рискнула и вернулась. Некоторое время она следила за американцем, а потом заторопилась к скале на другой стороне бухты, но тут же с диким криком ринулась обратно. До Рея донесся плеск, будто по мелководью кто-то двигался. Он слышал голоса, благодаря какому-то акустическому трюку скал, но все же надеялся, что сюда никто не придет. Внезапно внимание американца привлекла одна фраза.

— Сегодня храм Баала празднует ночь середины года. Неужто ради Му рисковать шеей? Они дураки, если в это верят. Мне кажется, нужно выгнать Солнцерожденных, как сделала Атлантида, и освободиться самим. Пусть они уходят. А если не захотят, тогда встретятся с Баалом. Такими, как я понимаю, он умеет пользоваться,— говоривший злобно рассмеялся.

— А ты, вероятно, держишь курс на восток? — поинтересовался другой голос.

— Считая от этого дня, на третий, а если удастся, то, может быть, и раньше. Это мурийское дурачье моими морскими полномочиями не интересуется. Они знают меня по одежде. Для них я — торговец зерном из Уйгура, который направляется к окраинам Майякса, и только. Плохо одно, что здесь находится знающая меня в лицо леди Айна — одна из проклятых Солнцерожденных. Я был в ее доме до того, как получил пять лет за дело тайных кораблей, поэтому опасаюсь, что она сразу же сообщит, как только меня здесь увидит, на сто двадцать шестой запретной территории. Именно потому я и предлагаю отдать Баалу всех Солнцерожденных.

— Но чтобы добраться до своих друзей, тебе придется пройти мимо восточной стражи. Как ты это сделаешь?

— Это секрет. Дай мне спокойно унести добытые мной сведения, и твои братья в Тени будут мне рады. Мне не впервой делать такое.

— В храме есть запретные отделы, но я не рискнул узнавать слишком много, потому что они хорошо защищены. Эти жрецы, охраняемые Пламенем, имеют возможность читать не только поверхностные мысли. Пусть учеником, но я все же рад, что меня вообще приняли.

— Ты узнаешь все, что нам необходимо,— произнес первый голос с нотой угрозы.— Нам стало известно, что недавно им каким-то образом удалось проникнуть под занавес Тьмы и обнаружить Преданного. Поэтому нам жизненно важно узнать их планы. А теперь иди, пока тебя не увидели, иначе поинтересуются, почему любящий сын, шедший навестить больного отца, неожиданно очутился на взморье в обществе капитана-торговца из Уйгура.

— Чтобы не увидели? — Острый страх сквозил в этом вскри-

ке.— Но ты же дал слово, что в этом месте можно встретиться без опасения быть обнаруженным!

— Ты просто дурень! Полностью безопасных мест нет, а в наших делах всегда присутствует элемент риска. Если же ты этому не веришь, значит, ты еще хуже, чем дурак. Помни, что ты, несмотря на свой охранный талисман, всегда ходишь над пропастью, и никогда об этом не забывай. А теперь ступай!

Рей быстро пополз к скале, но опоздал, увидев только спины уходивших. На одном была белая мантия Наакаля, а на другом — кожаная туника, когда-то синего цвета, а теперь выцветшая и в пятнах от соленых брызг. Волосы скрывал простой шлем, без гребня, и со спины он походил на любого капитана торгового судна.

Как только они исчезли за утесом, Рей встал и, отряхнув с одежды песок, постарался вспомнить, где на дороге находится ближайший сторожевой пост, который он наверняка проглядел, когда добирался сюда.

Но пока он выбирался на дорогу, тех двоих скрыло облако пыли, поднятое парой слонов, а ему попался лишь верховой с рогом королевского курера за плечом, пытавшийся обогнать тяжело нагруженных животных.

Все, кто путешествовал, останавливались у внешних городских ворот в ожидании, когда их пропустит стража. Это был давно забытый древний обычай, но возродившийся вновь.

— Ваше имя и ранг? — хриплый голос солдата, задавшего Рею этот вопрос, свидетельствовал о том, что ему не раз за этот час приходилось задавать его и, без сомнения, придется делать это еще неоднократно.

— Солнцерожденный Рей из дома леди Эйи.

— Проходи,— произнося это слово, солдат с неприкрытым удивлением уставился на американца, ибо ему никогда не доводилось видеть Солнцерожденного одного да еще и пешего, и это вызвало подозрения.

Но Рей сильно торопился и даже не думал о том, что солдат высказал свои подозрения своему старшему. Его конечной целью была цитадель, где ему нужно быть как можно скорее. У внешней стены дворца его остановили.

— Солнцерожденный Рей с важным сообщением для Ре Му! — он снова назвал себя часовому и прошел во двор с фонтанами.

После небольшого ожидания Рея препроводили в зал для аудиенции, где кроме Ре Му его встретили Наакали и воины, взиравшие на американца с огромным удивлением.

— Пришедший в такой спешке должен знать что-то очень важное,— произнес император, подзывая Рея к себе.

Рей бросил в сторону офицеров короткий взгляд, и Ре Му поднял руку, давая тем самым им понять, чтобы они отошли.

— Теперь говори.

Как только американец изложил услышанное, лицо императора превратилось в маску власти.

— Ты правильно поступил, что поспешил к нам. А лица этих людей описать можешь?

— Нет, Великий. Единственное, что я могу сказать, что один был в мантии Наакаля, а другой из Уйгура, капитан-торговец. Еще я могу узнать их голоса, если доведется услышать еще раз.

— Леди Айна, по твоим словам, знает моряка, это уже помощь, а вот ученик...

Один из Наакалей зашевелился.

— Изменника и искусство, примененное им, чтобы быть неузнанным стражами Пламени, мы найдем, не сомневайся,— в его голосе звенела холодная ярость.— Все, что скажут его уста, будет передано тебе, лорд Пламени.

— Моряка мы оставим у нас. А ты, Солнцерожденный, будь готов к его опознанию. Ну а пока оставь нас.

Рей вернулся в дом леди Эйи. Здравый смысл подсказывал ему, что в ход пущены все силы закона, более эффективные, чем любительские усилия, но его так и подмывало вернуться в док, чтобы попытаться разыскать уйгурского моряка, одетого в запятнанную куртку.

— Ты где был, Рей? — По садовой дорожке шел Че.— Мы уже с ног сбились.

— На взморье...— Рей слегка замялся, не зная, рассказывать ему или нет. Обещания молчать с него никто не брал, почему бы и не рассказать? Поднявшись на террасу, он обнаружил хозяйку дома, сидящую за столом.

— Прошу прощения,— поспешил он извиниться.— Я не думал, что уже так поздно...

— Мне кажется, у тебя есть гораздо лучшее извинение, чем ссылка на недостаток памяти,— выражение лица леди Эйи изменилось.— Я права или нет?

Рею пришлось рассказать всю историю еще раз.

— Обо всем этом я сообщил Ре Му,— сказал он в заключение.

— О, Пламя! — воскликнул муриец.— В городе изменники!

— В самом Храме! Как злу удалось так удачно замаскироваться, что оно смогло незаметно проникнуть в Храм? — Рею впервые довелось слышать такой дрожащий и неуверенный голос у леди Эйи.

— Наакаль пообещал в скором времени разыскать его.— Видя ее горе, Рей чувствовал себя неуютно, тем более, что раньше это была уверенная в себе женщина, надежная поддержка во всех трудностях.

— Я не завидую тем, кто захочет перейти дорогу Наакалям,—

заметил Че.— Их можно даже пожалеть, поскольку жизнь для них станет таким адом, что держаться за нее слишком долго не захочется.

— Нет-нет! — сказала мать резко.— Никакой жалости служителям Мрака, сознательно искажающим свет, и тем, кто служит Злу по собственной воле, познав добро. Как и атланты, он выбрал Тень.

— Я думаю, что теперь мы приблизились к дню, когда флот двинется на восток шага на два,— произнес Че, радуясь этой мысли.

Рею вспомнилось путешествие во сне. Но сон ли это был? Эта битва могла стать для Че победой добра над злом. Он сам о ней отзывался таким образом, когда ему приходилось упоминать о будущем. Но, помимо этого, была лаборатория атлантов в башне и то, что из памяти Рея было стерто. Ему сейчас очень хотелось это вспомнить, ибо воображение могло ухудшить факт, но всякий раз, когда он пытался вспомнить, дикий ужас тотчас же пробуждался в нем.

— Кажется, у них есть новое оружие,— произнес Рей.— Но оно очень странное.

— Я не вправе задавать какие-либо вопросы, но ты так говоришь, словно знаешь наверняка.

После своего визита в башню, Рей, повинуясь инстинкту, ничего никому не говорил, хотя о том, чтобы держать этот сон в секрете, разговора не было. А Че заговорил об этом впервые, хоть и намеком.

— У меня нет полной уверенности в этом. Возможно, что я вообще ничего не знаю,— ответил Рей правдиво, ни на секунду не сомневаясь, что его ответ Че воспринял как уклончивый.

— Это не столь важно,— пожал плечами муриец.— Приказ есть приказ.

Рей заколебался. В этом мире у Рея был только Че, и то совершенно случайно, потом — леди Эйя, но здесь всего лишь симпатия... Что произойдет с ним, если он утратит имеющуюся у него малость? Но как только он решился заговорить, слуги принесли ужин и разговор перекинулся на повседневные мелочи.

Американец был очень голоден, поэтому ел, не разбирая ни вкуса, ни запаха, но некоторое время спустя обратил внимание на то, что леди Эйя к поданным блюдам почти не прикоснулась. Наконец она встала из-за стола и направилась в конец сада.

— Сколько это продлится? — спросила она отчетливым, но тихим голосом.— Как нам сказали предсказатели Храма, эту войну мы переживем, хотя конец рано или поздно наступит и Мрак будущего нас поглотит. Это может произойти не при нашей жизни, не при жизни наших детей и даже не при наших внуках, но когда-нибудь произойдет. Помнишь, Рей, ты говорил, что о нас в твоем

времени не знают? Так вот, Атлантида пропадет, у человечества о ней останутся лишь смутные воспоминания, а от Му даже легенд не останется. Обе наши страны покроет море, возникнут новые земли с расами, не знающими закона. И начнется все сначала. Появятся дикие орды, из которых возникнут новые города, нации, учения, новые сражения... И не будет конца ни боли, ни войне, ни злу, так ведь?

— Так,— кивнул Рей.

— В твоем времени, как ты рассказывал, люди высаживаются на Луну, прокладывают дороги к новым планетам, а вот войну победить не могут и несут ее дальше, в космос. Что же хорошего?

— Хорошего, конечно, мало,— согласился Рей,— но...

— Вот именно, но,— подхватила леди Эйя его мысль.— Война то внутри нас, то снаружи — это заложено в нашей природе. Куда бы мы ни пошли, с собой несем зло. И это будет продолжаться до тех пор, пока мы не победим самих себя. Мне кажется, что мы даже на свет звезд положим свои окровавленные пальцы, хотя от такой мысли нас бросает в дрожь, ибо это навеяно Тенью, чтобы мы поверили, что легче сдаться, чем бороться. И чтобы Тень не покрыла нашу Землю в этом месте и времени, мы выступаем против Атлантиды. Состарилась Му, старятся Майякс и Уйгур, Атлантида от зла гниет, а что такое Бесплодные Земли, Рей?

— Ну, это великие равнины, лес...— он замолчал, вспоминая этот лес,— ...деревья.

— Деревья? — переспросил муриец, и Рей понял, что это произнесено им, видимо, вслух.

— В моем времени, по крайней мере, в этой части страны, таких деревьев нет,— пояснил он.— Мне кажется, что эта местность людям чем-то неблагоприятна,— внезапно он осознал, что разгадал какую-то часть тайны.— Лес не приветствует человека, это правда, и противится, стараясь изгнать чужака.

— И все же это твоя страна,— произнесла леди Эйя.

— Она будет его, а сейчас, пока человек не начнет с ней сражаться, она не для него.

— Когда-нибудь обязательно станет,— с уверенностью произнесла леди Эйя.

— Посланец из Цитадели,— сказала вошедшая горничная Лисса.— Солнцерожденным лордам необходимо явиться немедленно.

— Идите с миром,— сказала леди Эйя, протягивая руки обоим,— хотя мира у нас, мне кажется, осталось слишком мало. И все же, из того, что мы имеем, это самое драгоценное.

На этот раз они пошли пешком, в сопровождении взвода охраны. В тишине боковых улочек звон мечей о доспехи казался слишком резким, зато в шуме главной дороги он терялся.

В аудиенц-зале на троне восседал Ре Му. Из придворных здесь присутствовали лишь два Наакаля да отряд воинов. Перед троном, спиной к вошедшим, стоял человек. Эскорт, сопровождавший Рея и Че, обнажил мечи и отсалютовал императору. Звон металла заставил стоявшего перед троном обернуться. Злобный взгляд полоснул вошедших.

Приняв их коленопреклонение, Ре Му распорядился:

— Скамью для Солнцерожденных.

Как только два воина поставили вперед узкое сидение, мурийский правитель обратил свое внимание на человека, стоявшего перед ним.

— В соответствии с разрешением ты держишь курс на западные окраины Майякса с грузом зерна.

— Это так, Великий.

Удивленный Рей всмотрелся в говорившего. Да, это был изменник из Уйгура, голос которого он слышал на взморье, и готов был в этом поклясться.

— Чен-Чель — твой родной порт?

— Так, Великий.

Он был намного моложе, чем предположил Рей. В нем ощущалась какая-то уверенность: то ли это было хорошим прикрытием для привыкшего к опасностям человека, то ли безрассудной решимостью бросать вызов врагам до конца.

— Сколько лет ты во флоте?

— Как обычно, Великий, пять лет. Это Солнцерожденные гуляют по палубам три года.

Услышав это, Рей понял, что это не прикрытие. Этот человек знает, что его ждет, поэтому решил сражаться до конца, и теперь бросил открытый вызов.

— Ты знаешь, кто такой Сидик?

— Да. Это бывший офицер флота. За кражу общественных доходов его судили.

— Да, его приговорили к пяти годам, однако он здесь. Ты его видел?

— К чему загадки, Великий?

Один из стражей шевельнулся, намереваясь пресечь нахальство пленника, но удержался на месте, повинуясь жесту императора. Глаза Ре Му продолжали спокойно смотреть на пленного.

— Никаких загадок, Сидик. Тебя опознала Солнцерожденная леди Айна, у которой имелись причины хорошо знать тебя.

— Что ж, она права. Кто я, чтобы спорить с Солнцерожденной? Теперь, согласно закону, ты можешь продать меня на открытом рынке.

Дерзость уйгура очень удивила Рея. Неужели он и не подозревает, что о нем известно гораздо больше, и надеется отделать-

ся наказанием за побег? Тогда почему его не удивляет, что таким мелким случаем занимается сам Ре Му? Неужели Сидик не догадывается об истинной причине его ареста?

— Лорд Рей!

От внезапного окрика американец вздрогнул и тут же встал, повинуясь жесту императора.

— Тебе знаком голос этого человека?

— Да, Великий. Это тот голос, о котором я имел честь говорить.

— И ты клянешься в этом?

— Да, Великий.

— Можешь сесть.

То ли Сидик был в достаточной мере тверд, то ли настолько тренирован, но даже если он и заподозрил худшее, то ничем этого не показал.

— Предатель!

Это слово с такой силой ударило Сидика, что морской загар, покрывавший его лицо, не смог скрыть бледность.

— Твой соучастник, выдавший все ваши планы, в данный момент получает заслуженную награду от тех служителей Пламени, которых пытался запачкать лишь одним своим присутствием в Храме. Нам известно, зачем ты сюда явился. Ну что, жалкий дурак, помог тебе твой Баал? Поднимут ли его обманутые последователи в твою защиту хоть один меч? Не бойся, говори свободно. Может быть, сострадание умерит правосудие...

Возможно, минутой раньше Сидик и покачнулся бы, но теперь он прикрывался щитом то ли самоуверенности, то ли безнадежности.

— Если мне суждено умереть, то я умру, но от меня мало что узнают...

— Ты так думаешь? — чуть заметно улыбнулся Ре Му, и у Рея от этой улыбки дрожь прошла по телу.— Пойдешь с Наакалями!

— Хорошо.— Тень прошла по лицу уйгура, но тут же пропала.— Но я все равно буду молчать, пока хватит сил.

— Ты — Зло, ты добровольный слуга Зла, и все твое мужество лишь только для зла, хотя сейчас есть множество людей, страдающих ради блага других,— голос Ре Му принял церемониальную окраску.— Солнце Му решает: да будет так!

Сидика повели. Поравнявшись с Реем, уйгур взглянул на него пристально и прошипел:

— Настанет тот день, Солнцерожденный, когда ты меня вспомнишь.— В его голосе звучало презрение, когда он произносил титул Рея.— Баал знает способствующих умереть его слуге, и его храм в скором времени увидит тебя. У нас иногда бывает истинное зрение перед смертью, поэтому я это знаю! — И он засмеялся скрипучим смехом.

Вскочивший с места Че посмотрел ему вслед.

— Он видел... он видел тебя в Красном храме. Перед лицом смерти человек никогда не лжет, ему видна правда будущего. Но может случиться, что в храм ты войдешь не пленником, а воином-победителем!

— Долгие годы мы были великодушны,— прервал мурийца Ре Му.— Эти изменники, промедли мы хотя бы еще день, были бы уже вне нашей досягаемости. От ученика, правда, мы ничего не узнали, ибо он им завербован совсем недавно да и робок к тому же, а вот от Сидика я надеюсь узнать побольше.

Ре Му замолчал и, казалось, погрузился в какие-то свои мысли, позабыв об окружающих. Рей рассчитывал, что его отпустят, так как миссию свою он выполнил, но ошибся. В зале воцарилась тишина, нарушаемая слабым звяканьем оружия воина, менявшего позу. Тянулись минуты. Чего они ждут?

Рей завозился на скамье, стараясь обратить на себя внимание и избавиться от этого томительного и бесцельного ожидания. У него возникло ощущение, что зал заполняют не естественные сумерки, а зловещие тени, которые, сгущаясь, с угрозой наползают на трон.

На двери раздвинулся занавес. Вошедший стражник, отсалютовав императору, протянул исписанную табличку. Прочитав написанное, Ре Му поднял глаза.

— Своим хозяевам лично Сидик неизвестен, но перед арестом получил приказ не контактировать с ними. Лорд Рей, что тебе сказал Сидик перед тем, как его увели?

— Он сказал, что видел меня в храме Баала.

— В храме? А он не сказал, каким образом ты попадешь туда? Значит, он видел только часть правды. Благодари за это всех известных тебе богов.

— Великий,— шагнул вперед Че,— поскольку своим восточным хозяевам Сидик неизвестен, его не будут пока искать. Может, кто-нибудь из нас сможет занять его место, чтобы таким образом попасть в сердце вражеской страны?

— Посылающие шпиков должны быть готовы к встрече таковых, и мне кажется, что у них это дело поставлено гораздо лучше. У-Ча, что ты думаешь об этом? Будем рассматривать такое предложение?

— На звездах именно так и записано.

— В таком случае...— у мурийца прервалось дыхание,— ... для этой службы осмеливаюсь предложить себя.

— Спешить с решением мы не будем,— медленно покачал головой Ре Му.— Надо посмотреть, подумать...

— Великий,— обратился к нему старший Наакаль и так тихо забормотал, что никто ничего не слышал, кроме императора. Рей заметил только, что Ре Му согласно кивнул.

— Лорд Че, согласно нашей воле тебе надлежит по карте Бесплодных Земель подобрать удобные гавани для использования в качестве укрытия любому разведчику флота.

— Слушаюсь, Великий.

— Лорд Рей, ты пойдешь с А-Камом и запишешь все, услышанное от Сидика.

Отошедший от трона младший Наакаль подождал Рея, и они вышли в коридор, воспользовавшись другой дверью. Коридор был пуст, и Рей решил, что это личный проход императора. Он внимательно взглянул на своего провожатого и увидел в его руках светящийся кристалл, который неожиданно испустил такой яркий луч, что ослепил американца.

ГЛАВА 10

— ...Сидик из Уйгура как сын маршала, некоего У-Вала, из Дома леди Ма-Лин был направлен для обучения во флот в день своего пятнадцатилетия и служил под...

Имена, имена... В голове Рея кружилось множество имен, а голос монотонно твердил о подробностях жизни некоего Сидика. Рей безуспешно пытался закрыть глаза, заткнуть уши и отключить мозг, но обнаружил, что это не в его власти, так как он находился в рабстве этого монотонного голоса, который вкладывал в мозг Рея то, что уже невозможно будет стереть. Голос заставлял Рея осознавать каждую мелочь из жизни Сидика. Он чувствовал на своем теле руки, ощущал что-то холодное и мокрое, странные запахи.

— Ты был схвачен мурийской стражей, но сумел освободиться, подставив вместо себя ученика Ру-Чина как изменника. Ты сказал им, что Ру-Чин обратился к тебе с просьбой вывезти его из Му, но получил отказ. Кроме того, будет обработан экипаж «Режущего волны». А теперь слушай приказ: через два часа, с момента, когда ты бросишь якорь у пограничного поста У-Ма-Чель, тебе необходимо одному тайно покинуть корабль, по изгибу бухты в сторону севера добраться до двух высоких скал с острыми вершинами и там дожидаться маленького бота. Командир этого бота должен сказать: «Восток поднимается», твой ответ: «Запад падает». Поднявшись на бот, ты сделаешь то, что должно быть сделано.

Что, почему? Сети, в которые он попал, его не выпустят.

— Ты будешь в течение месяца наблюдать и выполнять заложенное в тебя. В течение трех дней вдали от гавани Пятистенного Города тебя будет ждать корабль флота, переряженный в южного фруктовщика. Чтобы никто не приближался к его борту, на нем будет поднят флаг чумы. Не позднее четвертого дня ты, если, конечно, сможешь, должен добраться до него. Ты все понял?

Несмотря на то, что он ничего не понял, голова его кивнула сама собой.

— Ты — Сидик из Уйгура!

Рей открыл глаза и увидел перед собой зеркало, отражающая поверхность которого показала черноволосого человека с падающими на лицо жирными прядями, с кожей желто-коричневого цвета. Его лицо каким-то чудом стало грубее и старше собственного лица Рея. Из-за зеркала протянулась рука, указывающая на сверток, лежащий на столе.

— Вот твоя одежда.

В свертке находилось белье из грубой ткани и бывшие когда-то синими, а теперь выцветшие и от морской воды пятнистые куртка и юбка, сохранившие запахи пота и моря; морские сапоги из шкур с небольшой бахромой сверху из оставленной шерсти вместо сандалий, простой меч с черной рукоятью из кожи и бронзовый шлем без гребня. На запястье был надет медный браслет, а над ним — небольшая татуировка. В кожу рук въелись черные полосы, ногти были грязные и грубые.

— Мы сделали все, что могли,— прозвучал голос позади Рея, хотя зеркало никого не отразило.— При ходьбе не забывай сутулиться; ты с дальних границ и манерам не обучен. Ты что делаешь? — встревожился вдруг голос.

Сначала Рей провел ладонью по правой руке, потом по левой, не имея понятия, что ищет, но зная твердо, что это черное... да, оно было черное! Он всегда носил его здесь, поскольку для него оно было очень важно!

Его мозг окутал туман, с которым он начал бороться.

— Черное... Черный браслет... мой! — зеркало отразило движение его губ, выговаривающих эти слова.

Внезапно его мозг, как зеркало, отчетливо отразил принадлежавший ему черный браслет, и он, заупрямившись, решил не двигаться с места, пока не получит его обратно. И это упрямство как будто защищало его.

За его спиной возникло какое-то движение, хотя зеркало по-прежнему ничего не отражало, и он попытался повернуться. Ему это удалось с большим трудом, поскольку даже в такой малости тело не хотело повиноваться.

Позади него стояли трое: один, судя по одежде, офицер, другой — одетый в тунику слуга. У него на плече висело покрытое желто-коричневыми пятнами полотенце, похожее на кожу Рея. Он занимался с ящичком, в котором находились бутылочки и горшочки. Третьим был Наакаль, державший в руках черный браслет в форме змеи с бриллиантовыми глазами. Рей потянулся к браслету.

— Он выдаст его первому встречному атланту, потому что такое

сокровище не носит ни один торговец,— офицер попытался помешать Рею, но был остановлен Наакалем.

— Я не знаю как поступить,— произнес жрец, глядя на Рея.— Его желание так велико, что отказать будет очень трудно. Сын мой, зачем он тебе?

Эта черная полоска была для Рея теплом, живой вещью. Она была ему необходима, он должен иметь ее, раз она принадлежит ему, и никто ее у него не отнимет!

— Мое! — прорычал он, потянувшись за кинжалом.

Все его помыслы сомкнулись на этом браслете и на необходимости заиметь его. Он уже хотел отнять браслет силой, но делать этого не пришлось. Наакаль одной рукой протянул ему браслет, продолжая вглядываться в него пронзительными глазами, а другой дал знак офицеру, чтобы он отошел.

— Хотя ни он, ни мы точно не знаем, но на это есть причина. Только об одном прошу тебя, сын мой, не носи его в открытую.

В следующее мгновение Рей ощутил холод браслета. Да, он знает, что носить его опасно, поэтому необходимо надежно спрятать... очень надежно... Он сунул браслет себе за пазуху.

— А теперь слушай.— Голос жреца стал властным, и Рей невольно посмотрел ему прямо в лицо.— Ты, вероятно, подумаешь, что мы в эту ночь сделали тебе зло, но поверь, что у нас не было выбора. Ни время, ни судьба в час надежды не оставили нам этого. Ты единственный человек у матери-страны, которому можно придать сходство с Сидиком. С твоей помощью мы хотим открыть закрытые для наших глаз ворота. Мы уже выяснили, что Тень не является для тебя барьером, когда ты проник в тайное место атлантов, а из этого следует, что судьба снова вынуждает нас положить руку на данное тобой оружие под властью Пламени. Об этом мы прочитали по вспышкам и звездам. Кроме того, те же вспышки и звезды сказали нам и то, что смерть не потребует тебя, хотя будет висеть над тобой, как плащ на плечах, ибо твои голые руки несут гораздо большую потенцию, чем какой-либо меч. Обстановка вынуждает нас пользоваться тобой, не спрашивая согласия, и за это ты нас, конечно же, ненавидишь, но все же...— Он выдержал паузу.— Иди с миром и девятикратным благословением Пламени.— Он поднял руки, собрал в ладони что-то невидимое, вытянутое из воздуха, и простер над американцем.

Вперед шагнул офицер.

— Корабль отплывает на рассвете. Дней через десять прибудете на место встречи. Будешь сидеть внизу, под палубой, пока корабль не пройдет канал, как будто у тебя лихорадка. За капитана будет твой помощник. Теперь все. Пошли!

Из дворца Рей вышел в сопровождении офицера, когда рассвет едва забрезжил. Сзади шли два стражника, так что о побеге нечего

было и помышлять, а кроме этого, им, как шахматной фигурой, двигало наложенное в Цитадели какое-то принуждение, которое не оставит его, пока он не выполнит то, что от него ждут. Как только он выиграл эту маленькую битву за браслет, его разум, оцепеневший и отупевший, погрузился в какой-то туман, гасивший малейшую искорку возмущения.

Как только они приблизились к стоящему в доке судну с зерном, с затененной палубы их окликнули. В свете фонаря Рей заморгал.

— Капитан,— доложил моряк после приветствия,— все готово...

Что-то внутри Рея подсказало, что это Ра-Пан, его помощник.

— На заре отплываем,— сказал Рей.

— Есть, капитан.

Но задерживаясь и не простившись, офицер вместе со стражниками из Цитадели ушли, а Рей остался у поручней. За гаванью лежал спящий город, хотя кое-где горел свет. Вернуться... Нет, нахмурился Рей, об этом даже думать тяжело. Он — Сидик из Уйгура, и ни о чем другом думать не имеет права.

Рассвет наступил, и на палубе появился Ра-Пан. Повернувшись к нему, Рей произнес заранее подготовленные слова:

— Командуй за меня, а я спущусь вниз. Мне что-то нездоровится.

Не найдя в этом ничего удивительного, помощник тотчас же приступил к командованию, а Рей спустился вниз, в небольшую темную кабину, из которой открывались незакрытые альковы. Как только Рей вытянулся на койке Сидика, в его мозгу закружились мысли и воспоминания Сидика. От этого американец и в самом деле выглядел больным. Поднявшись, он напился из кувшина затхлой воды, лег снова и уснул крепким сном.

Разбудил его холод. В каюте на столе его ждал кусок мяса с двумя кукурузными лепешками. Он почувствовал тошноту от запаха мяса и, отложив его в сторону, съел только лепешки. Потом поднялся на палубу. Они находились в открытом море, дул сильный ветер. За штурвалом стоял Ра-Пан.

В Рее заговорили знания Сидика о корабле и экипаже, тем самым он удостоверился, что команда, каким-то образом подготовленная, готова принять его за своего настоящего командира. Но малейшая допущенная им оплошность могла навлечь подозрения. Рей посмотрел на восток. Там, вдали, лежала Атлантида, и он даже представления не имел, что будет делать, когда прибудет туда. И все же был уверен в том, что, какие бы поступки он ни сделал, его все равно приведет к ней. У канала скопились суда, и им пришлось дожидаться очереди. Рей был вынужден три дня провести в дурно пахнувшей каюте, пока они не вышли во Внутреннее море.

Однажды вечером Ра-Пан утверждающим тоном сказал Рею, что они сделают остановку в Мануа. Внутри Рея как сигнал вспыхнуло предупреждающее чувство. Но он решил ради самосохранения повиноваться приказам, которые в него вложены, поэтому ответил:

— Нет, мы пойдем прямо в У-Ма-Чель.

— Такого еще не случалось,— нахмурился Ра-Пан.

Рей испугался, что контроль над командой дал трещину. А если это так, то может вспыхнуть бунт.

— Ну и что из того, что не случалось? — он постарался смотреть на уйгура подчиняющим взглядом, каким смотрели на него жрецы, пытаясь убедить помощника в своей правоте, иначе еще до начала миссии они рассчитаются с Реем.— Ты что, отказываешься выполнять мои приказы?

— Нет, конечо. Просто мы всегда останавливались в Мануа,— ответил помощник, облизнув губы и тщетно пытаясь отвести глаза.

Рею показалось, что в голосе Ра-Пана звучит нотка неуверенности, и он надеялся, что не обманулся. Ему очень не хотелось, чтобы задавались какие-либо вопросы, так как это тревожило его больше всего.

— А теперь мы сделаем остановку в У-Ма-Чель! — сказал он твердо.

Не сводя с Рея глаз, помощник кивнул.

Осборн зорко следил за командой, ел только после того, как помощник снимет пробу, а спать старался как можно меньше и всегда с мечом.

У восточного входа в океан они были через семь дней. Ночью облака затягивали небо, хорошая погода шла на убыль. Рей стоял у поручней в ожидании света маяка. Внезапно он ощутил боль под туникой. Что-то резко надавило ему на грудь. Он пальцами сжал браслет. Был только один во всем мире, похожий на этот...

Рей встрепенулся. Кто это сказал? Когда? Белый браслет, принадлежавший кому-то, кого когда-то знал Рей. Достав браслет, он повертел его в руке, стараясь вернуть память. Бриллиантовые глаза змеи сверкали искрами.

— Ах...

Сжав браслет в кулаке, Рей резко повернулся. Около него стоял Ра-Пан. В его глазах уже не было тупости, и он так смотрел на сомкнутые пальцы Рея, словно мог видеть сквозь плоть и кости.

— Ты почему не у штурвала? — резко спросил у него американец.

— Я только хотел спросить, войдем ли мы в порт, ведь уже ночь,— сказал помощник, не отводя взгляд от руки Рея.

— А я разве тебе не сказал? Быстро на пост!

Ра-Пан поплелся назад, а Рей снова вздрогнул. Он уже при-

близился к первой части приключений, а о следующей не желал знать.

— Капитан, сигнал из форта! — доложил дозорный, указывая на береговые вспышки.— Они запрашивают наши намерения.

Рей усмотрел в этом шанс для себя.

— Ра-Пан, ответь им.

Он ожидал каких-либо возражений, но помощник беспрекословно повиновался и с двумя матросами сел в лодку. Тем временем Рей сделал свои поспешные приготовления, сел в маленькую шлюпку и погреб вдоль береговой линии. Но звуки голосов на берегу его испугали.

— ...он носит под туникой, а его цена равна шестимесячному жалованию. Мы убьем его, и никто об этом не узнает, а еще лучше, если его обобрать и потом отдать жрецам Баала. Нам даже заплатят за него.

Последовал тихий ответ, который Рей не расслышал, а потом резкое возражение:

— Сидик? Нет, нет, это не Сидик. Они произвели какое-то свое проклятое мысленное вмешательство и на его место сунули своего. Я вам точно говорю. На востоке за это известие мы получим жирную награду!

Услышав такое, Рей даже грести перестал. Выходит, на Ра-Пана воздействие потеряло свою силу, а это значит, оставлять этого человека за своей спиной нельзя...

Рей подгреб немного и на белом песке увидел тени спорящих. Их было всего двое, а ему достаточно одного гребка...

Он вложил всю силу в этот гребок, бросил весла и выпрыгнул на омытый волнами песок. Тени обернулись. У одного в руке блеснул меч.

— Мне кажется, что этой ночью вам с Баалом торговаться не придется! — выкрикнул Рей, схватил горсть песка и швырнул меченосцу в лицо.

Кинувшись на второго, он ребром ладони рубанул его и пнул в стиле боя, который был неизвестен врагу.

Коротко вздохнув, человек упал, а Рей, инстинктивно пригнувшись, обернулся и приготовился к отражению нападения. Они стремительно налетели друг на друга и оба упали. Послышался тошнотворный треск черепа, это противник напоролся на скалу, а Рей остался невредимым, только дышал тяжело. Он подошел к вытянувшемуся меченосцу, пощупал пульс и, не обнаружив признаков жизни, оттащил к напарнику, присыпав песком.

Не зная, были ли у них сообщники или нет, Рей выигрывал какое-то время в любом случае, но, не приняв некоторых предосторожностей, он не мог покинуть эту бухту. Поэтому Рей перевернул свою лодку вверх дном и заставил ее тем самым дрейфовать. Трюки

такой войны он изучал давно, но случаев, когда своими руками приносил смерть, не помнил. Потом он пошел вдоль берега, увязая в песке и с трудом отыскивая признаки, указывающие на место встречи. Он не свернул с дороги, хотя возросло ощущение внутреннего холода, но и к той личности, которой был до вторжения в мозг Сидика из Уйгура, вернуться не мог.

Холод начал охватывать его и снаружи, но плаща не было — он остался в лодке, запутанный вокруг сидения, что, по мнению Рея, будет безмолвным ответом на вопрос, что произошло с капитаном Сидиком. Обогнув мыс, он увидел две остроконечные скалы и облегченно вздохнул. Очевидно это и было место встречи. Но он, поскольку никто не ждал его, пришел слишком рано.

Рей сел у скалы и стал смотреть на море, переживая случившееся. Сегодня своими руками он совершил убийство. Вне всяких сомнений, они убили бы его, пусть не здесь и не сейчас, и способом куда менее милосердным — выдав атлантам. В нем вспыхнули смутные воспоминания о человеке, который ожидал смертельного удара, лежа на алтаре храма с красными стенами. И с ним было бы то же, если не хуже.

Внезапно до него донеслись звуки, похожие на скрип уключин. Рей вздрогнул и спрятался за скалу. Через полосу прибоя к берегу приблизился скиф с двумя фигурами на борту.

— *Восток поднимается,— произнес гортанный голос.*

— Запад падает,— ответил Рей полушепотом.

— Надо быстро уходить, мы слишком близко к форту, а крысы Му начеку.

Рей забрался в скиф.

— Ты хорошо сделал, что поспешил,— сказал атлант.— Мы долго оставаться не рискнули, поскольку тут часто шляются их патрули. А ты один?

Что это, подозрение? Но Наакали его не предупредили...

— Меня выдали...

— Кто? За тобой следили?

— Да, мой помощник Ра-Пан. Его подкупили мурийцы,— быстро сымпровизировал Рей.— Но теперь он мертв.

— Вот как! Дело хорошее.

Быстро и уверенно заработал гребец, и через некоторое время мыс остался далеко позади. Тем временем морской воздух стал еще холоднее, и Рей, как ни старался, не мог сдержать дрожь. Перед ним из мрака возник остроконечный корпус, к которому они причалили. По сброшенной веревочной лестнице он взобрался на темную палубу, где не было даже палубного фонаря со щитком. Тут, по-видимому, и в самом деле опасались быть замеченными.

— Давай вниз,— приказал человек со скифа и, схватив Рея за руку, потянул за собой.

Спустившись по трапу и пройдя меж кожаных полотниц занавеса, они очутились в главной каюте, стены которой были окрашены в красный цвет и увешаны поразительной коллекцией оружия. Выщербленный и грязный пол был в черно-белую клетку. Запах пота и пролитого вина затруднял дыхание, а самым неприятным была неразборчивость командира этого судна в одежде.

Сам корабль был, похоже, рейдером, так как здесь находилась, если можно так выразиться, куча добычи. На столе вперемешку валялись металлические и грубые глиняные блюда, сам стол, изрезанный и исцарапанный, был чудесной вещью из черного дерева, инкрустированного серебром и слоновой костью. На скамьях валялись смятые и испачканные шелковые занавеси.

Сбросив плащ на скамью, провожатый Рея плеснул в щербатый стакан вина из резного графина.

— Опрокинь стаканчик. Ночь холодная, а мужчине необходима искорка огня для разогрева.

Рей понял, что дрожь его слишком заметна, но надеялся, что ее припишут холодному ветру. Выпив вино, он с непривычки задохнулся, но постарался скрыть это, закашлявшись. Склонив лицо над краем стакана, Рей изучал своего хозяина. Атлант был ниже его ростом дюйма на два, широкоплечий, с толстыми руками, которые уравновешивались размерами большого брюха. Огромные волосатые лапы-кисти завершали его фигуру.

В отличие от мурийцев с гладкими лицами, у атланта была начинающаяся прямо от скул черная борода. Эта растительность приняла форму клина, благодаря щедрому применению жира и доставала до верхней части груди. Губы были толстыми и такими ярко-красными, словно их накрасили. Но когда он снял свой шлем, то оказалось, что у него почти голый череп, если не считать единственной пряди на макушке, которая обвивала верх коричневого черепа и тоже была жирной.

Показав в усмешке желтые зубы, он провел рукой по шелковой, запятнанной следами пищи тунике. Золоченый пояс застегивался на петлю из цепочки, тем самым удлинив его, так как он не был предназначен для такого брюха.

— Добро пожаловать, брат, на «Черный ястреб». Я Тейт,— капитан этого судна. В то время, как все торговцы торчат под защитой во Внутреннем море, пожива слишком хилая, поэтому мурийцы очень неблагосклонно относятся ко мне.

Поставив стакан, Рей жестом дал понять, чтобы его снова наполнили.

— Я Сидик из Уйгура.

— Я знаю, тебя разжаловали из офицеров, но ты все же моряк. Время от времени к нам присоединяются такие. Как в эти дни поживает мать-страна?

— А ты, похоже, раньше был рейдером, капитан,— Рей принужденно засмеялся.— Я удрал вовремя, поскольку Му наконец-то начинает пробуждаться.

— Я всегда говорил, что мурийцы чересчур уж доверчивы, и был уверен, что когда-нибудь они прозреют, так как быть слепым окончательно невозможно. Но об этом хватит. Ты весь мокрый, и тебе необходимо переодеться.— Тейт подошел к сундуку и достал одежду.— Вот неплохое барахло, принадлежащее офицеру корабля, захваченного нами в Северном море. Своим просигналить он не успел и, как я слышал, встретился с Баалом.

Стараясь не показать своего неудовольствия, Рей неохотно облачился в одежду мертвеца, украдкой перенеся в новое хранилище драгоценный браслет.

— Землю мы увидим лишь завтра, поэтому ложись и отдохни, если хочешь,— предложил Тейт, указывая на один из альковов.

Когда он вышел, оставив Рея одного, американец выбрал наименее вонючую койку и устало вытянулся. Он представления не имел, что ждет его в следующий день, даже в следующий час, хотя чувствовал, что зашел слишком далеко.

ГЛАВА 11

Хотя деревья Рею этой ночью не снились, зато он проходил через удивительно выплывающие одна из другой сцены, будучи одновременно и участником, и наблюдателем. Он был переживающим прошлые годы Сидиком из Уйгура и в то же время сторонним наблюдателем, стремившимся во что бы то ни стало узнать, что делал Сидик, чем он был, и все это запомнить.

Из сна Рея вырвал чей-то крик: «Земля!» Чувствуя, что не отдохнул, он минутку полежал. С палубы послышались приглушенные приказы, раздался топот ног, и Рей понял, что началась подготовка к высадке, о которой вчера говорил Тейт. Значит, он так погрузился в свои сны, что очень долго проспал.

Он не спеша поднялся. На стуле возле кровати висела просоленная одежда Сидика, которая, высохнув после вчерашнего купания, сморщилась и еще больше выцвела. Но Рей всем награбленным нарядам предпочел бы, конечно же, эту одежду. Застегивая пояс, он вышел на палубу.

За рулем стоял сам капитан Тейт.

— Хулла! — воскликнул он.— Здорово же ты устал, друг, раз спал так крепко! Хочешь увидеть Красную Страну? Милостью Баала, попутный ветер за нами. В гавани мы будем еще до ночи, бьюсь об заклад на пять монет. На сей раз я брошу там якорь с превеликой радостью. У крыс Му зубы остры, да и глядеть они стали зорче,—

ухмыльнувшись, он подошел к поручням поближе, чтобы сплюнуть в море.— Когда купцы Посейдона обещают больше, чем не заходящие в Северное море торговцы, добыча тощая. Хотя служба Посейдона обещает больше, чем только драка без добычи. Чем скорее сбудутся эти золотые обещания, тем, я думаю, будет лучше. Надеюсь, друг, слова эти не дойдут до безобразного Хроноса-Посейдона. Мы, северные волки, иногда объединяемся с ним, но на верность не присягаем, так как желаем большего, чем его простые обещания. Ну об этом довольно. Как ты смотришь на каравай хлеба и хороший наполнитель для брюха? Нет, это не та отдающая тараканами черная пакость, предлагаемая на кораблях Хроноса...

Они спустились в каюту. Поданная в разномастной посуде еда Рею понравилась больше, чем та, какую он ел после отъезда из Му, так как была намного вкуснее. Такой стол, вероятно, был и слабостью, и гордостью капитана Тейта.

— А мне казалось, что ты служишь в атлантском флоте,— сказал Рей, отставляя очередное блюдо, предложенное ему капитаном.

— Что, во флоте? Я — Тейт? Ну уж нет! Я свободный капитан. Таких людей в гавани Пятистенного Города сейчас с десяток, но это, заметь, лишь сейчас. Планы у Посейдона большие, а в других местах ничего не ухватишь. Но хозяина над нами нет: мы ссоримся и с толстопузыми торговцами, и с мурийцами, когда они держат меч между нами и теми, кого мы хотим взять. Однако о том, что мы должны остаться с Му, они говорят так же громко, как о нашей добыче в Красной Стране рассказывает Хронос. Но Му, хотя и держит свои обещания, от нас никого не получит. Мы выбрали дорогу и идем в свободный город Саннар — гавань Атлантиды. У нас были эмиссары от Хроноса для откровенных переговоров, но мы хорошо знаем, что, когда идешь по Красной Стране, нужно смотреть перед собой и по сторонам, не забывая оглядываться назад. Зная, что Хронос в нас нуждается, мы подняли его знамя, но поглядывать, чтобы к нам с берега не протянулось никакой тени, не забываем. За привычку приказывать то так, то этак, мы Хроноса не любим и в этом отношении, следуя древней мудрости, изображаем некоторую глухоту. Кроме того, он имеет привычку посылать людей к Баалу или к Преданному — приходящему по зову Красных Мантий новому дьяволу.

Мы похожи на странных волков, встречающихся в лесах Бесплодных Земель. Они так же рычат, принюхиваются, но чтобы не вызвать собственной смерти, не нападают. На судьбу равно влияют и ненависть, и страх, поэтому мы ждем и наблюдаем, готовя клыки на тот случай, если Хроносу вздумается вообразить себя сильнее всех...

— Ваших кораблей десять?

— Да, десять, и на каждом, если ты пожелаешь, друг, для тебя есть койка. Мы вправе брать моряков, которые не давали клятвы на верность Красной Стране. В качестве предупреждения, Сидик, я скажу тебе, что в Хроносе ты найдешь щедрого хозяина и надолго останешься у него на службе. И помни, что, нахватавшись запахов страха в его дворце, ты можешь спокойно вернуться к нам, морским волкам, тем более, что, как бы ты преданно и честно ни служил ему, настанет день, когда тебя или без всякой награды вышвырнут, или же отправят к Баалу. Среди свободных капитанов я имею некоторый вес, поэтому, когда ему необходим корабль, он называет мой, но, если я попаду в плен к мурийцам, Хронос и пальцем не пошевельнет, чтобы освободить меня. Поскольку мы возвращаемся, значит, потеряна часть его игры. Из этого следует, что известие, которое везешь ты, должно быть, ради тебя же, ценнее его разочарования. Но если тебе понадобится убежище, ты можешь обратиться к нам. Помни об этом.

— Как ты можешь предлагать такое, совершенно ничего не зная обо мне? — спросил удивленный Рей.— Почему?

— А я и сам не знаю почему,— ответил Тейт, пожимая тяжелыми плечами.— Может, потому, что ты молод, или потому, что, как и мы, такой же моряк, не знаю. Я не люблю ни Баала, ни каркающих в его храмах ворон в Красных Мантиях. А может быть потому, что такая малость даст мне возможность нарушить планы Хроноса.— Внезапно он насторожился.— Слышишь? — На палубе послышался шорох.— Идем наверх. Похоже, мы входим в гавань, а это значит, что я выиграл свой заклад.

Стоя на палубе, Рей с жадностью разглядывал главный порт Атлантиды, расположившийся в широкой бухте с узким входом. За ним лежал, в противоположность мурийской столице, черный город с темными стенами.

— Это владения Хроноса. Если верить словам, то из-за пяти стен и трех каналов их невозможно штурмовать, хотя это,— усмехнулся Тейт,— никогда не проверялось. Мне бы пару улыбок судьбы за сотню хороших мечей... я сумел бы доказать ложность этого утверждения.

Взгляд Рея остановился на стоявшей на шкафуте волкоподобной команде, и ему почудилось, что в их устремленных на береговую линию взглядах отражается жестокий голод...

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал он.

— А вот Хронос не уверен,— захохотал Тейт.— Не забудь, друг, если возникнет нужда, приходи к нам.

Проложив путь через массу кораблей, рейдер встал на якорь неподалеку от доков с привязанными торговыми кораблями. Два матроса спустили маленькую шлюпку и сели в нее. Рей кивнул капитану:

— Пусть Солнце...— он резко осекся, поняв, какую дурацкую шутку сыграла с ним память. Рука его машинально потянулась к мечу, хотя никаких шансов у него не было.

— Попридержи язык, Сидик,— сказал капитан рейдера, полоснув его острым взглядом.— Слишком долгое пребывание в мурийских землях пошло тебе во вред. Услышав такое пожелание, тебя тут же убьют, а уж потом будут задавать вопросы. Быстро проваливай! Только не забывай, что мы здесь...

В полной растерянности Рей перелез через поручни и смирно сел в шлюпку. Он глядел на док, к которому они направлялись, а мысли занимал капитан Тейт. Откуда такая непонятная настойчивость, с какой он приглашал Рея? Рейдер, судя по всему, продал бы его сразу же, как только уловил, что он, Сидик, не тот, кем кажется. Для Рея теперь необходимым щитом была подозрительность, ибо правда — чересчур невероятна, чтобы держаться ее...

У дока стоял человек в простой броне.

— Откуда ты, чужеземец? — спросил он наглым тоном.

— Уйгур,— ответил кратко Рей.

— Имя твое, случайно, не Сидик?

— Возможно.

— Пойдешь со мной, если ты Сидик,— произнес солдат,— а если нет, то за игру с теми, кто ждет тебя, горько поплатишься.

Атлант двинулся сквозь толпу, и Рей был вынужден поспешить. Неподалеку возвышалась стена из красного камня. Пройдя вдоль нее, они достигли ворот с решеткой. Как только солдат переговорил со стражником, подъемная решетка с острыми зубцами на концах скользнула вверх, пропуская их на узкий подъемный мост через канал, вода в котором рябила и крутилась. Мост заканчивался у ворот в белой стене. Второй мост вел к черной стене. Третий канал...

— Видишь стражей Атлантиды? — спросил атлант.— Ворота закроются и все мосты уйдут, как только какой-нибудь враг пожелает пройти. Через защиту ни одна армия не пройдет.

Рею вспомнилась похвальба капитана Тейта. Ему показалось, что для врагов, вооруженных виденным им оружием, эта защита не по зубам.

После третьего канала им пришлось миновать еще две стены, прежде чем они очутились в городе. Здания здесь были выкрашены или красным, или черным, или грязно-белым цветом и выглядели таким образом, что создавалось впечатление, будто их строили с учетом возможного использования в качестве укреплений.

Улицы были заполнены людьми совершенно другой расы. У них не было ни белой кожи, ни высокого роста мурийцев, зато большинство было вооружено. Словно опасаясь быть подслушанными даже своими ближайшими соседями, они тихо переговаривались

на гортайном языке. Запах города Хроноса был каким-то особенным, не имеющим абсолютно ничего общего с запахами города, в котором большая скученность населения. Это был запах страха. Рей был уверен, что это правда, хотя понятия не имел, откуда ему это известно.

На большой площади, куда Рея привел провожатый, прямо перед ними находились остатки когда-то величественного храма, построенного из белого мрамора. Теперь же он, казалось, был с намерением ободран и обезличен. Атланты, как заметил Рей, избегали подходить близко к этому храму, перед ведущими внутрь ступенями которого была когда-то платформа храма, а теперь стояли два столба, обернутые пыльной, рваной и тусклой тканью малинового цвета.

Смеясь, солдат указал пальцем и сказал:

— Смотри, это храм Пламени, который построен теми, из Му! Наши служители Баала, до прихода в свой собственный храм нашего Темного, обращались с ним несколько небрежно.

— А обернуты они зачем? — поинтересовался Рей.

— Говорить об этом запрещено,— ответил солдат, резко оглядываясь по сторонам.— Пошли.— И он ускорил шаг.

Идя через площадь, они были вынуждены пройти близко от покалеченного храма. Вдоль одной стены на уровне человеческой груди Рей увидел изломанную и зазубренную линию и коричневые пятна на камне. Указывая на эту линию, атлант пояснил:

— Здесь были поставлены Солнцерожденные и их прислужники. Они удивительно упрямые. Даже умирая, они молчали. А их дети? Говорят, что малыши, когда их отдали Баалу, тоже молчали. Да, они мужественны, но против воли Баала это ни плащ, ни щит. Их теперь больше нет, кроме нескольких, сидящих в яме и отданных для опытов жрецам...

— А с теми, в яме, что будет? — спросил Рей, отводя взгляд от стены и отгоняя нарисованную его воображением картину, навеянную словами солдата.

— Временами их вытаскивают для допроса, а вообще-то они содержатся для какой-то определенной цели. Ладно, уже поздно. Пошли.— Но, пройдя молча несколько шагов, он вдруг спросил: — Скажи-ка, человек из Уйгура, ты был в Му. Правда, что мать-страна так богата, как говорят?

— Я думаю, что да.

— А много ли там Солнцерожденных?

— Очень много,— ответил Рей, пользуясь шансом посеять тень сомнения.— Это их древняя родина, поэтому власть там сильна.

— После того, как их мужчины будут отданы Баалу, Хронос обещал нам их женщин. Никакая сила и власть им не помогут, когда мы нападем на Му. Тех, кто не Солнцерожденные, мы сделаем

рабами, а богатства их заберем себе. Так обещал Баал! — В голосе атланта звучала полная уверенность.

У Рея возникло огромное желание схватить этого солдата. Воспоминания приобрели более четкие формы. С того момента, когда Рей вошел в этот город, многое пробилось сквозь корку, покрывающую мозг Сидика. И подумать невозможно, чтобы леди Эйя и леди Айна могли подвергнуться...

— Я видел мурийцев, поэтому сомневаюсь, что их так легко удастся победить, как вы думаете. Они отличные воины, так что смахнуть их с дороги не так-то просто.

— У них нет Преданного,— с гордостью заметил солдат.— А вот и храм Баала.

В конце широкой улицы возвышалось громадное здание из красного камня, но Рей взглянул на него лишь мельком, перед тем как свернуть на другую улицу, ведущую к дворцу Посейдона. Передав Рея офицеру стражи, атлант ушел.

Офицер повел Рея длинными темными коридорами с узкими окнами-щелями, расположенными высоко и далеко друг от друга, к винтовым лестницам, а по ним вверх. Сырость и холод этого места множества теней вызывали дрожь. Это был не дворец, а скорее всего угрюмая крепость, не имеющая ни малейшего сходства с дворцом мурийского правителя. В конце концов они приблизились к высокой арке, ведущей во двор под открытое небо.

— Человек из Уйгура! — возвестил офицер.

Рей знал твердо, что для его роли настало реальное испытание. Малейшая ошибка вроде той, какую он позволил себе допустить перед Тейтом, приведет его к смерти. И Рей шагнул вперед. Он — Сидик и только Сидик. Для него другого спасения не было.

— Ну и где же он? — спросил чей-то раздраженный голос.— Мегос, прикажи ему показаться.

— Иди, человек из Уйгура,— приказал другой голос.

Рей сделал шаг в свет заходящего солнца.

— Ты опоздал,— произнес первый голос.

— Грозный Лорд, произошла задержка,— ответил Рей осторожно.

— Иди же сюда!

Подойдя к золотому ложу, Рей быстро опустился на колени и склонил голову в надежде, что выглядит полностью униженным и достаточно испуганным слугой.

— Ну-ка, подними глаза, Сидик из Уйгура! Дай взглянуть, что ты за человек.

Это был Хронос, Посейдон Атлантиды, каким его однажды видел во сне Рей... Нет, об этом в таком обществе сейчас опасно вспоминать.

На жирном обрюзгшем лице под бахромой волос, надушенных

и тщательно завитых, сверкали маленькие глазки. Время от времени жирные руки заученными жестами подносили к надутым губам какое-то лакомство, беря его с блюда, стоявшего на маленьком столике возле локтя правителя.

Стоящий возле ложа с голым черепом и очень блестящими глазами жрец в красной мантии выглядел гораздо страшнее Посейдона, хотя считался его слугой.

— Пожелает ли Грозный выслушать слова раба своего? — спросил Рей, придерживаясь внедренной в него установленной формы.

— Мегос, ему обязательно нужно говорить? — обратился к жрецу Хронос.

— Я думаю, что для экономии времени, Грозный, это было бы совсем неплохо. Но если ты сочтешь необходимым, то позднее перед советом он повторит свой рапорт.

— В таком случае говори, человек из Уйгура.

— Я путешествовал в Му, следуя приказам, данным тобой своему рабу,— начал Рей, и слова так легко лились, словно их заложили в его мозг заранее, специально для такого допроса.

— Да, да, но какова их защита? — нетерпеливо поинтересовался Посейдон, завертевшись на своих подушках.

И снова к Рею пришли нужные слова.

— Укреплены все прибрежные форты и вызваны резервы. Флоту для крейсирования в западных морях предложено набрать побольше людей и получить новые корабли...

— Глупец! Нам все это давно известно. А более важного для наших ушей у тебя ничего нет? Как обстоят дела с тем делом, на которое у тебя был особый приказ? Что ты разнюхал?

— Твой раб подкупил молодого ученика храма, который знал кое-что...

— Ну и что? Им известно о Преданном?

— Да, Грозный. Они видели Преданного, пробив занавес Тьмы.— Он не понимал цели своих разоблачений, хотя слова, вложенные в него, прямо отлетали от языка.

Хронос ударил по подушке жирным кулаком и взглянул на жреца.

— Так... А занавес, оказывается, не такой уж непроницаемый, как ты говорил. Выходит, что власти у Наакалей больше, чем...

— Грозный! — указав на Рея, Красная Мантия сделала рукой предостерегающий жест.

Но несмотря на то, что жрец обсуждать эти дела сейчас не хотел, его венценосный хозяин был настроен говорить.

— Выходит, что власти у этих Наакалей все-таки больше? — повторил он визгливым и резким голосом.

— Грозный, я уже говорил тебе, что добраться до нас не смог

бы ни один рожденный в Му мозг,— спокойно и рассудительно ответил жрец.— Но кое-что мы сообразили. Если они проникли в храм...

— Если! — вскричал Хронос, перебивая жреца.— Какое если, когда они это сделали! А ты,— повернулся правитель к Рею,— что ты узнал о защите против Преданного? Что поведал тебе щенок жрецов об этом?

— Только то, Грозный Лорд, что они работают над защитой и что это луч черного света.— От испуга Рею хотелось закрыть себе рот и заглушить голос, так как он не знал, откуда эти слова пришли, но это был уже не его голос — чей-то мозг пользовался им извне. И в нем вспыхнул новый страх.— Больше я ничего не успел узнать, потому что ученика разоблачили и схватили. Твой раб успел скрыться, вовремя предупрежденный.

— Луч черного света,— повторил Мегос в задумчивости.

— Что это может быть? Ты когда-нибудь о таком слышал? — спросил Хронос с волнением.

— Не знаю. Нужно просмотреть записи,— ответил уклончиво жрец.— Ты можешь сказать нам еще что-нибудь? — поинтересовался он у Рея, явно отвлекая Хроноса от щекотливого предмета.

— Уйгур волнуется, Грозный,— услышал свой ответ американец.— Эта страна не спешит на защиту матери-страны, как та надеется, поскольку не является законной дочерью...

— Прекрасно! — удовлетворенно прошипел Хронос.— Вот видишь,— обратился он к жрецу,— заботливо посаженное нашими агентами семя начинает уже прорастать и в скором времени даст плоды. Никто не ответит Му, когда в назначенный день мать-страна начнет сзывать союзников. Она останется одна, готовая для нашего захвата.

— Скажи-ка,— обратился жрец к Рею с новым вопросом,— пока ты находился в Му, не слышал ли разговоров о вошедшем в милость к Ре Му иноземце? Человек этот не муриец. Он пришел откуда-то издалека и обладает очень странными силами.

— Я слышал такие разговоры,— ответил Рей, чувствуя, что им по-прежнему владеет пославшая его сюда чужая воля,— но не могу ручаться за достоверность. Еще говорят, что Ре Му и Наакали для своих нужд вызвали силу извне...

— Неужели это правда? Возможно ли такое? — Хронос повернулся за ответом к жрецу.

— Кто знает, Грозный? Слухи многое приносят, но из них лишь немногие содержат каплю истины. Однако это вполне логично: у нас есть причины и помощь, идущая из неизвестного нам мира; возможно, что и Наакали призывают ее таким же образом. С проколом занавеса это вполне согласуется, ибо для этой цели они могли вызвать кого-то.

— А такой вызванный может оказаться сильнее нас? — продолжал допытываться Хронос.

— Мы вызвали помощь из Тьмы, а они, если это произошло на самом деле, из других сил. А определить, кто сильнее, можно лишь тогда, когда они столкнутся в открытом бою. Пусть под знамена Му встает кто угодно, а у нас есть наш Преданный. Больше ты ничего не знаешь насчет этого? — спросил Мегос у Рея.

— Нет, сын Баала, только городской шепоток, а такие слухи, ты правильно сказал, не имеют и тени правды.

— Так-то оно так, но случается, что и их бывает вполне достаточно, чтобы как следует подготовиться. Что ж, человек из Уйгура, для нашего дела ты хорошо поработал. Так ли это, Грозный?

— А-а... да, да.— Казалось, что властителя вырвали из сетей раздумья.— Ты можешь быть свободен. Наружный офицер покажет приготовленную для тебя квартиру.

Не вставая с колен, Рей отполз к двери и только здесь осмелился подняться. Он поднял глаза и увидел: Посейдон шепчется о чем-то с жрецом. Ему показалось, что Мегос успокаивает своего царственного господина.

ГЛАВА 12

Перегнувшись через подоконник, Рей посмотрел вниз. Окна верхнего этажа были шире, чем в нижних помещениях. Гавань сияла светом, несмотря на ночь. С этой высоты Рею хорошо были видны доки, расположенные за стенами.

Где-то внизу находился привезший его сюда рейдер. Настойчивость капитана Тейта и его неожиданное предложение помочь Рею с убежищем в случае необходимости заставили американца задуматься. Он повторил это несколько раз. Почему он это сделал?

Комната, в которой обосновался Рей, была обставлена бедно, почти голая. Похоже, что со своими верными слугами с окраин Посейдон обращался не слишком хорошо. Четыре стены красного цвета, пол, покрытый пылью, и сломанные скамейка и кушетка. Одежду Рея забрали, выдав взамен форму атлантского офицера — броня из металла по коже. Правда, он думал, что его запрут, но они этого не сделали. Рей надел плоский черный шлем и вышел в тихий коридор. Эту часть дворца, похоже, посещали не слишком часто, что вполне устраивало Рея. В дальнем конце нижнего коридора, куда спустился Рей, на скамьях праздно расположились младшие офицеры вместе с солдатами. Здесь было гораздо светлее и более оживленно, временами раздавался смех. Рею не очень-то хотелось составлять им компанию, но несколько услышанных им слов привлекли его внимание.

— ...да, вечером. Редкое развлечение в течение часа в аудиенц-зале. Мурийцы.

Неужели мурийские пленники? Он должен их увидеть. Как и во время встречи его с Хроносом, чужая воля взяла над ним верх и у него не было возможности с ней бороться.

На гулкий звук гонга атланты быстро вскочили и направились в зал. Рей пристроился в хвост отряда.

Красный холл, в который они вошли, Рей видел во время своего путешествия во сне, а на золотом троне вновь восседал Хронос.

Вытянувшись за одной из колонн, Рей принял неподвижную позу стражника в надежде, что этого никто не заметит. Бормотание голосов стихло, как только Посейдон поднял свой скипетр — бронзовый трезубец.

— Пусть вперед выступят Двенадцать Дающих Закон!

В этом огромном зале голос Хроноса был дрожащим и слабым и терял все свои достоинства, к которым бесспорно стремился Посейдон. Свои места по обе стороны трона, по шесть с каждой, заняли двенадцать мужчин.

— Люди Атлантиды, слушайте волю любимца Баала Посейдона. Флот Атлантиды, на третий день месяца Конца Ветров, через двенадцать дней, начиная с сегодняшнего, направится в мать-страну, чтобы предать огню и мечу Му, угнетателя.

Двенадцать человек подняли руки.

— Это также и ваша воля, глашатаи провинций? — спросил Хронос.

— Да, Грозный,— ответили они в один голос.

— Пусть будет так, и слово закона не может быть заменено.

Слегка наклонившись вперед, Хронос обвел оттопыренные губы языком, словно облизывал новое лакомство.

— Привести уже пойманных в сети мурийских крыс!

С другого конца зала вошла шеренга солдат, сопровождавшая группу скованных цепями пленных. Выпачканные зеленой липкой слизью пленники еле держались на ногах, но шли, поддерживая друг друга. Они не отсалютовали Хроносу, когда их поставили перед троном, а лишь насколько могли гордо подняли головы.

— Наше гостеприимство, по-видимому, чересчур щедрое, поскольку духа вы еще не утратили! — Хронос хихикнул.

— Что тебе от нас нужно, фальшивый король? — спросил один из пленных хриплым, словно лишенным силы, голосом.

— Может, теперь ты сменишь верность и признаешь меня истинным королем...

Рей знал, что это лишь жестокая шутка, а не настоящее предложение. А муриец уже отрицательно покачал головой.

— Всем, кто к нам присоединится, мы предлагаем свободу и честь,— произнес Хронос, не переставая улыбаться.

— Честь! — ответ мурийца хлестнул кнутом, и одутловатые щеки Хроноса побелели.

— Так, так,— протянул злобно Хронос и внезапно замолчал. Подошедший жрец дернул его за рукав.

— А, это ты, Мегос,— кивнул ему Хронос.— Да, да, я помню, что ты для своей лаборатории просил людей.

До Рея донесся быстро заглушенный вздох одного из пленных. Остальные продолжали стоять в молчании.

— Мегосу и Баалу нужны сильные люди. Мне кажется, что эти тебе подойдут, раз у них хватает воли стоять перед нами так дерзко. Забирай их, Мегос, а я постараюсь прийти, чтобы взглянуть на твои увлекательные проделки с ними.

Только теперь до Рея дошло, для чего послала его сюда управляющая им воля. Но что можно сделать в одиночку? В данный момент, конечно, только последить, куда поведут обреченных, а потом... а потом ждать, что судьба смилуется и пошлет ему более-менее подходящий случай, хотя уповать на одну лишь удачу довольно рискованно.

Стоя в тени колонны статуей, Рей смотрел на проходящих пленников, окруженных стражей, и, улучив момент, последовал за ними. Он надеялся, что никто из стражников его не заподозрит, поскольку их обязанность — внимательно следить за своими подопечными. Хотя кто в собственном дворце Хроноса вздумает оказать помощь пленным мурийцам?

Процессия стала подниматься вверх. Ну конечно, эта лестница ведет в то крыло дворца, где находилась комната Рея.

Быстро поднявшись к себе, Рей притаился за полуприкрытой дверью и стал наблюдать за отрядом, проследовавшим в конец коридора. Втолкнув пленников в дальнюю комнату, они поставили у двери часового.

Схватив покрывало с кушетки, Рей замер в ожидании стука шагов возвращающихся стражников. Дождавшись, когда шаги стихнут, он достал из поясного кармана две металлические монеты квадратной формы и швырнул их на пол. Ударившись о каменный пол, монеты зазвенели, привлекая внимание часового.

Как только часовой подошел, американец выскочил из своей комнаты и ударил ребром ладони по горлу в то место, где не было ни шлема, ни брони. Подхватив падающего атланта, он уложил его на пол, стараясь производить как можно меньше шума, затем покрывалом обернул бесчувственное тело, отволок в комнату и там запер.

Проделав это за считанные мгновения, он поспешил к комнате, где были закрыты пленники, и открыл засов. Через узкую щель на него уставились глаза мурийца, говорившего в аудиенц-зале.

— Кто ты? Что тебе нужно?

— Тихо! — приказал Рей и, пользуясь взятым у часового ключом, занялся их цепями.

— Не поддавайтесь, друзья! — отдернулся муриец.— Не верьте в фальшивую надежду — это просто новая пытка.

— Я вас освобождаю,— не на шутку разозлился Рей, так как времени на споры не было, нужно было торопиться.

— Кто ты?

— Я из Му.

— Сказать легко, а ты докажи.

— Это долго объяснять, поэтому вы должны мне просто поверить. А ты, может, ждешь милости от Мегоса?

— Друзья, а ведь он прав,— сказал один из пленных.— Если из этой комнаты мы выйдем со свободными руками, то нас вновь могут взять лишь только мертвыми. И такая перспектива меня больше устраивает.

— Ну хорошо, а как нам быть дальше, когда доберемся до гавани? У нас же нет корабля, а бежать в глубь страны просто глупо.

Рей вспомнил Тейта, и у него затеплилась искорка надежды.

— Пошли! Возможно, что у нас будет корабль.

Они вышли в коридор. Лидер мурийцев поднял меч часового.

— Я прибыл сюда лишь сегодня, поэтому расположение переходов дворца мне неизвестно,— признался Рей.— Может, это известно кому-нибудь из вас?

— Я был здесь раньше,— вышел вперед один пленник,— только Мегос мной не воспользовался.— Его скелетоподобное тело сотрясла дрожь.— Я смогу указать путь к внешним воротам.

— Тогда веди!

Гид повел их, но не к лестнице, а в боковой коридор, потом по узкому пролету вниз. Шли они крадучись, постоянно прислушиваясь, пока неожиданно не наткнулись на дверь.

— Здесь находится помещение для охраны Мегоса,— прошептал Рею на ухо проводник.— Там наверняка солдаты...

По виду Рей был из дворцовой стражи, поэтому мог войти, не опасаясь вызвать подозрения, и он, оттолкнув мурийцев, открыл дверь. На него с удивлением смотрели три пары глаз.

— Что вы сидите? Пошли! — крикнул он приказным тоном.— Мурийские пленники сбежали!

— Как? — спросил один из сидящих, а двое просто разинули рты.

— А я откуда знаю? — ответил нетерпеливо Рей.— Получен приказ разыскать их и схватить.

— Но мы не слышали гонга тревоги...— прищурился стражник.

— Потому что не было времени. А кроме того, если бы мы подняли тревогу, то тем самым предупредили бы беглецов, и они поторопятся. Пошли!

Двое стражников встали и послушно направились к двери, но третий потянулся к гонгу. Недолго думая, Рей нанес ему резкий и точный удар и, не глядя на падающее тело, лягнул ногой стоявшего поблизости второго, сбивая с ног. С третьим стражником, находившимся уже в дверях, расправился муриец, поднявший меч часового. Через мгновение стражники были раздеты и связаны. В сторожке были найдены доспехи сменщиков, так что почти все пленники были переодеты в форму атлантов.

Как только все были готовы, Рей сказал:

— Я датор, а вы мой отряд. Нам поручено сдать на корабль флота рабов, а заодно арестовать заподозренного в измене капитана рейдера Северного моря Тейта, поэтому мы сейчас отправимся в гавань. А вы,— он обратился к тем мурийцам, которым не досталась одежда,— должны сыграть роль пленников-рабов. Вы готовы к такой пытке?

— Да, мы готовы, лорд! — И такая решительность звучала в их голосах, что тем, кто осмелится задавать вопросы, ничего хорошего это не сулило.

Рей взял с собой сдернутый со стойки гонг, и они вышли в коридор. Взглянув на своих новых друзей, Рей сильно поразился тому, что всего несколько минут назад эти люди ни капли не походили на атлантов, а теперь их нельзя было отличить от настоящих воинов Хроноса. Длинные волосы они запрятали под шлемы, лохмотья заменили формой, а недостаточное освещение не позволяло рассмотреть их лица. Двигались же они, как настоящий отряд.

С вновь вспыхнувшей самоуверенностью Рей отдал приказ идти. Отряд тронулся, а между воинами плелись с вроде бы связанными за спиной руками четыре пленника. Не успели они выйти во двор, как увидели часовых.

— Кто идет? — задал вопрос часовой у ворот, когда Рей со своим отрядом приблизился к порталу, как посоветовал один из мурийцев, потому что это был боковой вход во дворец.

— Датор Сидик по слову Посейдона,— ответил он, стараясь держаться как можно увереннее. Слова звучали грубо и тихо из-за пересохшего рта, но для атлантов это было вполне естественно. Его сердце стучало так сильно, что Рей опасался, чтобы эти удары не услышал стражник.

— Куда направляетесь?

— В гавань. У нас важное задание, о котором я не могу кричать.— Рей подпустил в голос немного злости, хотя не сомневался, что им придется пробиваться с боем.

Но к их вящему удивлению, страж махнул рукой, разрешая пройти. И они, не теряя времени, двинулись быстрым шагом, хотя Рею хотелось пуститься бегом, пока их не разоблачили. Сразу же за воротами он избавился от захваченного гонга.

Улицы города были безлюдны, так как уже наступила ночь, но им предстояло преодолеть пять стен и три канала. Уверенный в том, что такая поразительная удача долго сопутствовать им не будет, Рей сказал об этом мурийцам.

— Мне кажется, что удача не оставит нас до тех пор, пока не будет сигнала тревоги из дворца,— сказал лидер мурийцев,— поскольку они ждут зла не изнутри, а снаружи... А впрочем,— он пожал плечами,— сделаем, что сможем.

Пройдя мимо разоренного храма Пламени, они приблизились к воротам в первой стене.

— Кто идет? — спросил часовой.

Охранник, как показалось Рею, не слишком удивился появлению отряда.

— Датор Сидик по приказу Посейдона,— ответил Рей, подходя к часовому.

— С какой целью, датор? — вопрос был задан совершенно спокойно, без каких-либо признаков тревоги или подозрения.

— Сдать в гавани рабов на весла, а кроме того, взять под арест капитана рейдера.

— А табличка-разрешение, датор?

— Вот, пожалуйста,— сделал еще один шаг Рей.— Смотреть будешь?

— Так точно, датор!

Рей, как бы стараясь быть поближе к свету, сделал шаг и протянул руку. Офицер направился к нему. Рей нанес быстрый удар правой рукой, потом подхватил падающее тело и, быстро его перевернув, приставил к горлу атланта выхваченный из-за пояса длинный кинжал.

— Давай! — послышался тихий приказ мурийского командира.

Люди из отряда набросились на стражников, которые тут же упали, едва успев придушенно вскрикнуть. Еще один приказ, и поверженные были оттащены в сторону, чтобы их не увидели. Муриец приблизился к Рею.

— Ты хочешь этим типом воспользоваться?

— Мне кажется, это наш ключ.

— Он без сознания,— сказал муриец, откидывая вялую голову пленника назад.

— Ничего, он очнется,— сказал уверенно Рей.— Однако нам пора.

Пройдя в ворота, они заклинили их и занялись пленным. Рей шлепал пленного по лицу, а один из отряда лил на атланта воду, пока тот не очнулся, тяжело вздохнув. Но как только атлант открыл глаза, Рей моментально зажал ему рот.

— Ты останешься жить только в том случае,— сказал Рей, выговаривая каждое слово четко и стараясь, чтобы оно дошло до ат-

ланта,— если будешь делать то, что мы скажем тебе. Но берегись, если поступишь иначе, потому что тебе не удастся посмотреть на нашу неудачу. Понял?

Атлант резко кивнул.

— Ну что ж, ладно.— Опустив руку с кинжалом, Рей развернул пленного так, что тот оказался рядом с ним, а за спиной — мурийский лидер с кинжалом, направленным атланту в спину.

— Вперед! — скомандовал американец.

Пока они шли ко вторым воротам, Рей полушепотом давал атланту последние указания. Конечно же, атлант понимал, что имеет дело с людьми, умеющими держать свое слово, но вот сможет ли он, а главное, захочет ли повиноваться? Со временем они это, несомненно, увидят.

— Кто идет? — послышался окрик от вторых ворот.

— Датор Во-Хан,— ответил атлант, откашлявшись.— Есть приказ этого датора с отрядом провести в гавань.

Образовалась пауза. Рей ощутил слабое движение атланта, словно тот получил легкий угол, и услышал его слабый вздох.

Их пропустили. Возможно, что Рей оказался прав, оставив Во-Хана как ключ. По крайней мере, если у часового какие-либо подозрения на их счет и возникли, то он не высказал их. Хотя они и прошли вторые ворота, тем не менее, Рей ни на мгновение не расслабился, зная, что вздохнет свободно лишь в доках.

Мост. Вот и третьи ворота. Во-Хан исправно выполнял роль ключа, и мурийцы продолжали продвигаться дальше. Второй мост и четвертые ворота. Сомнения ни на секунду не оставляли Рея, так как все шло чересчур гладко. Внезапно внутри Рея вспыхнуло как бы предупреждение. Есть ли надежда уйти?

Они вступили на последний мост, а вдали показались последние ворота, но никакой тревоги. Свободное продвижение в сопровождении Во-Хана.

И вдруг...

Какое счастье, что они не очень-то надеялись на судьбу! Так как Рей шел рядом с атлантом, он неожиданно ощутил напряжение тела пленного. А когда они прошли половину узкого прохода над темной водой, пленный внезапно всем своим весом навалился на Рея и закричал. Рванувшись вперед, Рей упал, а атлант, перелетев через него, с криком плюхнулся в воду. Мурийский лидер перепрыгнул через ноги американца и рванулся к воротам. Сзади послышались крики, и Рей ощутил вибрацию моста под ним. Вероятно, часовые задних ворот решили раздавить беглецов и стали поднимать мост.

Не тратя времени на то, чтобы подняться, Рей на четвереньках пополз вперед. Чьи-то руки ухватили его за плечи и вытащили с уже поднимающегося пролета.

А в это время, очищая путь остальным, у ворот сражалась половина отряда. Воспользовавшись выступом-площадкой, которая образовалась там, где мост опускался для пользования, поскольку эти мосты предназначались не для ловли беглецов, а для сдерживания атакующих, люди пробились к воротам и только тогда услышали буханье гонга тревоги. Очутившись на дороге, ведущей к докам, они бросились бежать.

— Куда? — спросил лидер мурийцев, когда они добежали до берега.

— В воду. Плавать умеете?

— Мы же с флота,— рассмеялись мурийцы.

— Тогда прыгайте!

Выбравшись на пристань, они побежали мимо ящиков и тюков по петляющей тропе, без остановок. Лишь Рей на мгновение задержался для ориентировки, ища запомнившиеся приметы военного корабля Тейта.

— Стражники!

Но Рей не нуждался в предупреждении, так как топот ног и крики донеслись и до его ушей.

— В воду! — приказал он.

Те, кто изображал галерных рабов, моментально выполнили его приказ и уже находились в воде, поджидая тех, на ком были доспехи.

Море было настолько холодным, что у Рея перехватило дыхание, как только над его головой сомкнулась вода. Вынырнув, он поплыл, уверенный в том, что мурийцы следуют за ним.

Доплыв до свисающей с борта корабля лестницы, Рей был вынужден задержаться на мгновение, так как сильно заледенел и любое усилие давалось ему с большим трудом. Кроме того, он ждал сигнала от палубного вахтенного. Но поскольку долгое ожидание было очень опасно, он собрался с силами и, поднявшись вверх, очутился на палубе, осторожно перебравшись через поручни.

— Спокойно, красавчик! — Свет фонаря выхватил из темноты черную тень, державшую в руке обнаженное лезвие.

— Капитан! — произнес Рей, узнав голос Тейта.

— Никак это так называемый Сидик из Уйгура, клянусь глубоководной змеей! — узнал его капитан, но лезвие не убрал.

— Капитан Тейт, я пришел по твоему приглашению...

— И привел добрую свору собак,— фыркнул Тейт.— А с чем еще?

Даже с такого неблизкого расстояния до их слуха доносились крики.

— Так какие змеиные яйца высидел ты, человек из Уйгура, и в какой степени это касается меня?

— Я не имею понятия, почему это касается тебя,— ответил

решительно Рей,— но ты, насколько мне помнится, предлагал мне убежище. Твое право отправить нас в руки стражников Хроноса, хотя сделать это, предупреждаю, будет не так-то легко. Но если же ты не станешь торопиться с выстрелом, тогда получишь возможность с обнаженной сталью повести своих людей во дворец Посейдона.

— Ах вот как! Значит, чтобы учинить ему скверный конец, у тебя и с рейдером схема действий? Прекрасно. Кто разрешил вам лезть на мою палубу? Кто вы такие? — заворчал он, увидев поднимавшихся и встающих за спиной Рея мурийцев.

— Капитан, значительная часть этой так называемой прескверной работы уже проделана, так что окажи мне услугу и получишь огромную поддержку...

— ...Му,— с уверенностью закончил фразу капитан.— И что же может предложить Му за то, что я попрусь почти на другой конец света?

— Вас включат в списки вооруженных сил матери-страны, простят старые прегрешения и не забудут при захвате добычи в Атлантиде...

— А у тебя что, есть власть на это?

— Возьми,— Рей протянул Тейту свой драгоценный браслет.— Доставишь в Майякс этих людей и получишь все, что я обещал.

— А ты в себе чересчур уверен...

— И в тебе тоже,— ответил Рей смело, стараясь не упустить этот безрассудно дикий план, так как ничего другого не было.

Капитан Тейт спрятал меч в ножны и сказал:

— Уж если ты сумел вывести из города десять мурийцев, то я, клянусь железными когтями Баала, постараюсь вывести их из гавани и доставить в Майякс, а там, по воле морского бога, твои люди замолвят словечко в мою защиту перед моими бывшими недругами, прежде чем они меня утопят.

— Они защитят тебя.

— А ты?

Рей потер рукой лоб. Там, за плотью и костью, он ощущал холодные и четкие знания того, что принимать участие в прорыве Тейта к свободе он не может, ибо приведшая на дороги Атлантиды воля еще не оставила Рея.

— Я еще не выполнил полученное задание,— правдиво ответил Рей.

— Но ведь тебя ждет верная смерть! — запротестовал мурийский лидер.— Тебе нельзя возвращаться!

— Что ж, у меня нет выбора,— тихо ответил Рей.— Я прошу, если ваше возвращение закончится благополучно и ты снова окажешься в матери-стране, передать им, что атланты сделали оружие себе на службу.

Его прервал капитан Тейт.

— Раз тебе необходимо остаться здесь, запомни, что в случае необходимости ты можешь обратиться к парусному мастеру, которого найдешь в конце третьей пристани, в притоне для выпивки. Назовешь ему свое имя и мое, и он окажет тебе некоторое убежище.

— Мы не оставим тебя...— начал один из мурийцев.

Но Рей отрицательно покачал головой.

— Возвращайтесь. Му очень нуждается в вас. Ему нужны такие отважные воины, а десять вооруженных солдат — большая сила. Тем более вы привезете очень ценные сведения о городе и его укреплениях.

— Нелегко говорить это, но ты прав,— согласился офицер.— Только возвращайся скорей под Солнце и помни: десять преданных воинов ждут тебя, милорд, чтобы встать под твое знамя. Пусть каждую тропу, по которой тебе придется идти, освещает свет Пламени!

Несмотря на то, что он может угодить в лапы Баала, Рей повернулся и шагнул к веревочной лестнице, торопясь вернуться обратно.

ГЛАВА 13

Услышав приглушенные голоса, Рей спрятался под пристанью, вцепившись в сваю. Хотя из своего убежища ему не был виден рейдер, но он знал, что охотники ушли. Его начали одолевать сомнения и подозрения, так как слишком легко перешел к Му капитан Тейт. А вдруг он специально дождался, когда Рей уйдет, чтобы спокойно сдать бежавших мурийцев стражникам Посейдона? Но зачем, в таком случае, он отпустил Рея, раз замыслил такой план? За него он получил бы большое вознаграждение.

А может, он рассчитывал, что с его помощью выйдет к другим контактам мурийцев в городе? Как же тогда парусный мастер? Впрочем, там может быть и засада...

В промокшей тунике Рей съежился в своей щели, дрожа не только от холода. Для чего он вернулся? А может, это его вернули? Когда Рея превращали в Сидика, в его мозг ввели каким-то образом приказы, которых он не понимал.

Движение наверху прекратилось, и Рей поплыл к западу, избегая ближайшей набережной, где его обязательно схватили бы. Куда же теперь? Возвращение в город равносильно сдаче первому встречному стражнику, а он до такой степени устал, что ни о чем другом, кроме сна, и думать не мог. Ему бы заползти в темный уголок и немного поспать.

Место, в котором обосновался Рей, было очень тесно, и у него появилась мысль, что он даже сбежать не сможет отсюда, если врасплох застанут. И он решил вылезти наружу. Двигаясь от

одной сваи к другой, неуклюже перемещаясь, Рей то и дело останавливался, чтобы прислушаться или к шуму наверху, или к звукам с воды.

Поколебавшись какое-то время, он решился вылезти на пристань. Найдя щель между наваленными тюками, Рей залез туда и, пригревшись, по всей вероятности, задремал. Разбудил его топот ног. Между тюками посветлело. Что это, утро? Докеры пришли на работу?

Рей вылез из своего укрытия, держась около воды на случай возможного бегства, и оглядел себя. Куртку, шлем и латы он бросил на набережной, когда они прыгали в воду, и теперь на нем была только нижняя туника. Правда, от не слишком чистой воды она стала такой грязной, что вполне походила на рабочую. Но вот сапоги... Рей понадеялся, что они не так уж сильно смахивают на часть униформы, так как не мог от них отказаться. Из оружия у него был только кинжал.

Еще, правда, оставалась пара рук. Поскольку о боевой тренировке его родного мира в этих местах ничего не знают, руки для Рея были лучшей защитой, чем сталь.

Рей ощутил муки голода, но тут же постарался не думать об этом.

Неожиданный крик, сопровождавшийся резким щелчком, заставил его вздрогнуть и приготовиться к нырку, но через мгновение он успокоился, отполз в конец кучи тюков и выглянул. Под свист кнута надсмотрщика по пристани шла команда рабочих-рабов. Рей обратил внимание на то, что одеждой мало отличался от них, если не считать, что у рабов на ногах были веревочные сандалии, а у него сапоги. Он хотел было присоединиться к такой группе, но потом решил не рисковать, так как зорко следящие надсмотрщики могут быстро заметить лишнего, поскольку рабов и так немного.

Пробежав в конец пристани, он выбрал место, с которого удобно было выбраться на набережную. Здесь стояла груженая ящиками повозка, и Рей укрылся в тени, ожидая удобного случая, чтобы выбраться. Среди грузчиков он обратил внимание на тощего человека с наполовину заросшим лицом и в рваной тунике. Он, как и Рей, старался не попасть на глаза, а сам вовсю смотрел то на ящики, то на разгружающего их человека. Внезапно он метнулся в конец шеренги, схватил ящик и пустился наутек в противоположную сторону. Рей посчитал этот дерзкий акт удобным моментом и с криком: «Держи вора!» — выскочил из своего укрытия.

Конечно же, Рей даже не подумал, насколько был уместен его крик при данных обстоятельствах, но таким же криком ответил надзиратель, а грузчики, побросав груз, кинулись за бегущим. Рей принял «активное» участие в охоте за человеком, мелькавшем между грузчиками и повозками. Во время погони его внимание

привлек дверной проход в тени, куда он и юркнул. Дверь под его рукой подалась, и он вошел.

В это раннее утро здесь было гораздо темнее, чем снаружи. Среди скверных запахов, витавших в воздухе, присутствовал также и запах пищи, от которого у Рея свело желудок. Здание, видимо, было обитаемо, так как откуда-то до его ушей доносились слабые звуки скрипа, храпа, и он тихонько пошел. Пройдя до конца коридора, так никого и не встретив, он обнаружил еще одну дверь, запертую на щеколду. Со многими предосторожностями он открыл ее.

За дверью оказался вымощенный булыжником узкий переулок, и Рей огляделся по сторонам. Род человеческий за столетия ничуть не изменился. Некоторые запахи были экзотичнее, чем в его время, только и всего. Это был, по-видимому, задний ход через какие-то трущобы. В переулок выходили окна. Но люди в таких районах обычно занимаются своими повседневными делами, не видя и не слыша того, что их не касается, поэтому Рей надеялся, что никто не смотрит через них и не интересуется им.

Пробираясь через кучи булыжника и мусора, он уже приблизился к выходу, когда неожиданный звук заставил его замереть на месте. Что это, стон? Ну конечно же, стон, доносившийся из-за набитой доверху мусором полусгнившей корзины.

Шагнув к ней, Рей пнул ногой вонючее гнилье, но через мгновение пожалел о своей глупости. На него с ножом кинулась дикая фигура, выскочившая из-за этой корзины. Имеющий навыки в тактике драки Рей отразил эту атаку, но рука его, обхватившая запястье нападающего, чуть-чуть запоздала...

Рей прижал руку к боку, радуясь, что не в сердце. Он не стал осматривать рану, поскольку боли пока не было, хотя ощущал под туникой теплую струйку крови.

Носком сапога Рей пнул неподвижное тело, голова которого слабо держалась на плечах. По всей видимости, нападавший сломал себе шею, ударившись о стену. Рей поднял нож и еще раз посмотрел на мертвое тело.

Атлант был почти мальчишкой и такой худой, что под желтой прыщавой кожей ясно виднелись кости. Туника, подпоясанная поясом с серебряными бляшками, была лучше, чем у рабочих дока. С пояса свисал кошелек, в одном ухе болталась серьга, а на пальцах — два кольца. Это, вероятно, был вор, причем весьма удачливый, подумалось Рею, а стон — хорошо отработанный трюк, отлично действовавший в прошлом. Стоном он привлекал внимание жертвы, а потом уходил, забрав добычу и не заботясь о ее дальнейшей судьбе.

Тем временем рану начало жечь, и Рей был вынужден еще крепче прижать руку. Следовало позаботиться о ней. Подняв тунику, Рей

осмотрел порез. Хотя рана была поверхностной, но очень болезненной. Нужно было остановить кровотечение, чтобы пятна, темневшие на его тунике, не привлекли чье-либо внимание.

У Рея не было выбора, и он принялся за дело...

Некоторое время спустя Рей вышел из переулка с гораздо большей уверенностью, чем вошел. На нем была коричневая одежда вора, скрывающая повязку, а вместо сапог — обувь вора, которая была чуть-чуть ему великовата. На поясе болтался кошелек с серебром. Ничего не осталось от того, что связывало Рея с Сидиком из Уйгура.

Позади него раздался звук тяжелых шагов... Рей обратил внимание, что взгляды прохожих прикованы в том направлении, а некоторые торопились укрыться в дверных проемах. Рей хотел последовать их примеру, но потом решил, что это будет ошибкой, и продолжил свой путь не оглядываясь и не интересуясь, что именно побудило их прятаться.

Удача и ноги привели Рея к небольшой таверне, где пахло стряпней и прокисшим вином. Рей один раз уже убедился, что сильные запахи вызывают спазмы желудка, но на этот раз он решил хоть что-нибудь съесть. Передняя часть помещения выходила на улицу, по которой маршировал отряд стражников Посейдона. Когда они остановились у входа, Рей осознал, что удача его оставила. Сейчас враги его проверят...

Рей быстрым взглядом окинул помещение. Кроме трех столов со скамьями с каждой стороны, в помещении ничего не было. Не считая его, здесь было еще два посетителя.

Один из них навалился на край стола, уронив на руки голову, и выглядел так, словно имел намерение просидеть так всю ночь. Перед ним валялось множество опустошенных кружек, а сам он сопел и похрапывал с еще одной кружкой в руках.

Другой посетитель, одетый в такую же просоленую куртку, какая была на Рее раньше, когда он играл роль Сидика из Уйгура, сидел напротив и сосредоточенно ел, после каждой ложки набивая рот хлебом. Заметив быстрый взгляд, который тот бросил на солдат, Рей понял, что обедающий лишь делает вид, будто увлечен едой.

Из внутренней комнаты появилась женщина. Ее волосы, переплетенные кожаными ремешками, были подняты вверх, гротескно имитируя замысловатость причесок дам при дворе Посейдона. Платье, висящее мешком на ее костлявом теле, спереди было до талии зашнуровано, а по подолу неровно обрезано до середины икр. Когда-то ярко-оранжевая, теперь одежда была вся в пятнах и линялая. Пухлое и жирное лицо женщины было яркой противоположностью ее тощему телу, поэтому она являла собой удивительное несоответствие между головой и телом. Руки до самых плеч украшали медные браслеты, а в ноздре — позолоченная серьга.

Подойдя к Рею, она спросила:

— Что будете? — слова были смазаны, а голос такой жалобный, что Рей просто догадался, о чем она спрашивает.

Он не знал, что обычно заказывают в этом заведении, поэтому оказался в затруднении, но, взглянув на сидящего напротив мужчину, попросил:

— Если готово, то что-нибудь из этого.

Она проворчала что-то, что можно было принять и как утверждение, и как отрицание, и тем не менее направилась к внутреннему помещению... но не дошла. Резкий звук заставил всех повернуться к входной двери: там стоял датор стражи с двумя сопровождающими. У него был вид человека, уверенного, что не встретит сопротивления. Ударом меча в ножнах по столу он потребовал внимания.

Ну вот и все, подумал Рей, прикидывая расстояние, отделяющее его от внутренней комнаты, в дверях которой застыла женщина. Плохо было то, что он не знал, есть ли запасной выход в таверне, а загнать сам себя в ловушку он не хотел. Проведя тыльной стороной ладони по губам, женщина улыбнулась.

— Что желают лорды? Вина?

— Нам не нужно твоего дерьма,— сказал датор.— Эй, ты,— обратился он к моряку,— кто такой и откуда?

— Риссак,— ответил человек, проглотив пищу, что была во рту.— Матрос с «Морской Лошади», а что? Я не первый раз в этом порту. У тебя и намека на бороду не было, когда я бывал здесь.

— Такие дерзкие языки мы укорачиваем ножом,— ответил датор и, не усугубляя это дело, повернулся к Рею.— А ты?

— Ран-Син, с севера,— быстро сымпровизировал Рей.

— Встань! — приказал стражник.

Рей поднялся, прикидывая, каким путем выбраться на улицу: обогнуть стол или перешагнуть через него. Правда, снаружи остальной отряд, готовый схватить любого подозрительного, спугнутого командиром...

Но датор, к удивлению Рея, не отдал приказ на задержание, а только оглядел его с головы до ног и обратно. И Рей мысленно поблагодарил судьбу, пославшую ему вора, одежду которого он надел на себя. Вероятно, они получили описание примет...

Один из стражников кивнул в сторону сидящего.

— А этого?

— Ничего похожего...— мотнул головой датор.

Что ж, Рей не ошибся и у них есть описание. А датор относился к типу людей, которые деталям уделяют гораздо больше внимания, тем более, если это идет из официальных источников.

Как только стражники ушли, Рей сел на свое место и стал обдумывать случившееся.

Откуда им известно, что надо кого-то искать? Ведь свою часть

сделки капитан Тейт выполнил, почему же тогда не предположить, что все бежавшие добрались или, по крайней мере, пытались добраться до Северного моря?

А может быть, капитан все-таки обманул его? Может, их всех взяли, и из допросов выяснили, что он, Рей, остался? От этих мыслей у него голова пошла кругом, и все же он решил, что лучше поверить в самое плохое.

Но что самое интересное, он так и не знает, что должен делать здесь. Почему молчит его невидимый и неслышимый руководитель? Почему этот так глубоко внедренный в него руководитель, с которым даже бороться невозможно, привел его обратно? Конечно же, не для игры в прятки с людьми Посейдона, а для чего-то большего.

Тем временем женщина вернулась из кухни и принесла поднос, на котором стояла миска тушеного мяса, ломоть хлеба и кружка, наполненная вонючей жидкостью, которую здесь считали вином.

При виде монеты, которую Рей достал из кошелька, глаза женщины чуть расширились. Рей зажал монету так, что был виден только ее краешек.

— Что еще желает милорд? — заискивающе улыбнулась женщина.

— Комнату, в которой можно было бы отдохнуть.

— Конечно, мы найдем вам такую.— Она опять посмотрела на монету и подбородком указала на внутреннюю дверь. — Поднимитесь по лестнице наверх. Комната за синей занавеской.

Рей отдал монету, которую женщина быстро схватила и мгновенно спрятала, взял поднос и не торопясь пошел, стараясь не вызвать подозрений.

Чтобы попасть на лестницу, Рею пришлось пройти через кухню, где сидела женщина постарше и страшнее официантки и горбатый мужчина, который, шинкуя какие-то овощи, склонился над столом так низко, что рисковал отрезать собственный подбородок.

Пока Рей поднимался по головоломному пролету на второй этаж, эти двое наблюдали за ним. Указанная комната была от площадки второй и представляла собой помещение, очень похожее на клетку. На грязном полу стояла рама на четырех ножках с соломенным тюфяком, а на стене висела полка, на которой стоял кувшин, и больше ничего. Окно закрывали ставни.

Рей поставил поднос на койку и попытался открыть окно. Это удалось ему после некоторых усилий и с помощью кинжала. От окна в нескольких футах проходила глухая каменная стена, очевидно, соседнего дома, а между стенами, больше чем наполовину заваленный мусором, тянулся узкий проход. Хотя для быстрого бегства мусор этот представлял большую опасность, Рей ощутил небольшое облегчение от того, что под руками было окно.

Сев на край грязного и вонючего тюфяка, Рей принялся за еду,

не обращая внимания на ее странный вкус и излишек перца. Он только думал, что это излишество остроты вынуждает клиентов покупать больше выпивки.

Утолив голод, Рей откинулся к стене и стал размышлять. Довлеющая над ним воля при свидании с Хроносом диктовала Рею все, что он говорил. Он был уверен, что несмотря на то, что некоторые детали действий в пути придуманы им, в целом спасение мурийцев было направленным. Что же еще оставалось сделать?

Он не знал, сколько времени ему придется ждать, когда его подтолкнут к выполнению каких-то обязанностей, и по этому поводу выражал свое негодование. Потом он стал успокаивать себя, говоря мысленно, что время встречи с пославшими его сюда еще не настало, следовательно, это чувство нужно подавлять, ибо ошибки совершает в первую очередь человек, ослепленный злобой и потерявший контроль над собой. Успокоив себя таким образом, Рей стал смотреть в окно.

— Хорошо,— пробормотал он,— я буду ждать. Но если ожидание слишком затянется, то меня, возможно, уничтожат; в этом случае останется не сделанным то, что вы хотите от меня... А что вы от меня хотите?

Он пытался мысленно крикнуть это, словно через три моря мог дотянуться до мозга или Наакаля, или Ре Му, или еще кого-нибудь, кто вводил в него принуждение.

Неожиданно у Рея возникло ощущение, что потемнели камни стен. Деревья! Он быстро зажмурил глаза, потом медленно открыл. Он видел крошечные ряды деревьев, как будто смотрел в перевернутый бинокль, а мозг ему подсказывал, что по-настоящему они высотой с башни...

Нет, нет! Это не ответ! Причем тут деревья! Он зажмурился. Деревья здесь ни при чем. Он не должен видеть их, не должен думать о них...

Рей стал думать о той воле, как будто она была радиопередачей на прерывающейся частоте, которую он мог ловить лишь изредка.

— Приди, приди,— умолял он.— Приди и дай мне знать, что нужно делать! Приди и дай мне знать, пока еще не поздно!

* * *

Выходит, Бартон поверил, что это ответ, подумал Фордхейм, сжимая пальцами полоску перфорированной бумаги.

— Не вытягивать, не сгибать, не рвать,— процитировал Харгрейвс.— Я полагаю, что теперь нам следует пользоваться всеми видами магии, будь то черная, белая, красная, голубая или зеленая, но согласиться, что человек может быть уменьшен до такого,

я отказываюсь! Даже верить этому не хочу, откровенно говоря. Это... В конце концов это просто непристойно!

— Да не человек, нет,— поправил его Бартон.— Для того, чтобы установить, каким должен быть призывной прибор, пригодный для мозга определенного типа, мы и требовали уравнение, которое нам выдал ваш же собственный компьютер. Он же и снабдил вас уравнением для Атлантиды.

— Оно вообще не могло быть правильным! — мгновенно выпалил вспыливший Харгрейвс.— Вы, конечно, помните, что мы видели и засняли лишь лес? Пока я не увижу хоть какое-нибудь доказательство, в Атлантиду не поверю.

— Ну хорошо, хорошо, успокойтесь! Никто не настаивает, что это именно Атлантида,— заметил Фордхейм,— хотя доктор Бартон и прав. Заложив сведения, мы получили уравнение, а воспользовавшись им, получили то, что засняли и что вы сами видели. И человека мы потеряли там. Будет логично предположить, что на том месте, где вышел, он не остался до сих пор. И если сработает это...

— Вот именно, если сработает,— подчеркнул Харгрейвс.

Фордхейм провел руками по лицу, чувствуя смертельную усталость. Он даже затруднялся вспомнить, когда последний раз спал. Ему было трудно даже лишнее движение сделать.

— Вы должны понять, что это не все, что нам нужно,— заметил Бартон.— Кроме фактов его армейской биографии, сведений от знавших его людей, справки о здоровье у нас абсолютно ничего нет, поэтому у меня нет уверенности, что прибор сработает, хотя это лучшее, что мы можем сделать. Хорошо бы иметь диаграмму его поведения, чтобы получить больше шансов. Неплохо было бы узнать еще какие-нибудь сведения, отражающие хотя бы последние два года...

— К сожалению, нам придется довольствоваться тем, что есть, раз нет ничего другого,— от усталости слова Фордхейма как бы смазывались.— Иной раз случаются чудеса...

— Временами я начинаю думать, что прав был генерал Колфикс, предлагая послать поисковый отряд...— высказал свою мысль Харгрейвс, пожимая плечами.

— Чтобы и его потерять? — спросил Фордхейм.— Ну уж нет. По крайней мере до тех пор, пока у нас не появится хоть какая-нибудь уверенность.

Он опять посмотрел на полоску бумаги, которая, по мнению компьютера, составляла живого, думающего, дышащего и любящего человека. А составляла ли? До тех пор, пока эта длительная пытка не увенчается успехом и Рей Осборн не вернется на этот экспериментальный призыв в свой собственный мир, у них не будет уверенности в этом.

ГЛАВА 14

Внутри Рея прозвучал сигнал опасности. Он поднял голову, внимательно прислушиваясь, но из коридора не донеслось ни единого звука. Бесшумно подойдя к окну, он выглянул, но и там никого не было, хотя ощущение пристального взгляда не проходило. Ему казалось, что в углу комнаты находится фигура человека и стоит только повернуть голову, как он ее увидит.

Из-за этого ощущения, что кто-то наблюдает за тобой, у Рея возникло настойчивое желание находиться на открытом месте, противиться которому он больше не мог. Ему казалось, что стены вокруг него готовы сдвинуться, чтобы таким образом лишить его необходимого воздуха. Такую угрозу, довлевшую над всем этим, Рей знавал лишь в страшном сне. Все эти ощущения как бы намекали ему, чтобы он покинул свое временное убежище, что он и вознамерился сделать, несмотря на остатки осторожности и на осознание того, что это вражеское принуждение, а не родственное, державшее его в атлантском порту. Кроме того, это было также нечто такое, с чем бороться невозможно.

Он чувствовал, что давление не прекратится, пока он не уберется отсюда, в противном случае будет вынужден кричать этим четырем стенам о себе, как бы призывая врагов прийти и взять его.

Повинуясь этому приказу, он все же сохранял какую-то собственную волю, даже уступая так много. У него будет хоть какая-то возможность увертываться, бороться, бежать. Ему бы знать только, с какой целью он здесь оставлен...

Может, ему направиться к упомянутому капитаном Тейтом парусному мастеру? Конечно, верить в добрую волю капитана причин никаких нет, а здесь — хоть капля надежды. Ведь кроме этого у него ничего больше нет.

Внезапно он повернулся, дотрагиваясь до бока, и поморщился, так как рана была еще достаточно чувствительна. Осмотрев ее еще раз, он убедился, что заживление началось, потому что она покрылась коркой.

Рей вновь подошел к окну, высунулся из него как можно дальше и осмотрел проход. Он обратил внимание, что к левой стороне фасада таверны примыкает высокий забор, образующий тупик, следовательно, там нет выхода. Значит, он должен быть с другой стороны. Рей рывком сдернул с постели единственную простыню и быстро привязал ее одним концом к ножке койки. Получившаяся веревка была не слишком длинная, но для безопасного приземления вполне достаточная, поэтому Рей, не задумываясь, вылез в окно, спустился вниз и, покачавшись над мусором несколько секунд, спрыгнул, как его учили, чтобы избежать увечья, хотя свалка в программе обучения не предусматривалась.

Американец пробил верхний слой мусора и с силой ударился о менее хрупкий материал, ощутив в боку стреляющую боль. Полежав некоторое время в этой куче и понадеявшись, что все ребра целы, он выбрался оттуда и начал осторожное путешествие к тылу таверны, придерживаясь за стену, чтобы не застрять. За ним никто не гнался, значит, грохот от его приземления либо никого не привлек, либо никто просто не удосужился сделать это.

Узкий проход тянулся до конца здания. Высокий забор был весь из гнилых досок. Глухая же стена другого дома продолжалась дальше. Он подошел к углу забора, обойдя вонючую лужу гниющих отбросов. Он начал бить ногами и рвать плохо державшиеся гнилые доски, силясь вырваться на необходимую ему свободу. Ему нужно было пространство для бегства. Наконец доски затрещали и оторвались, открывая лаз в переулок, как две капли воды похожий на тот, в котором он встретил вора.

Рей осмотрелся. Парусная мастерская, если он не утратил чувство направления полностью, находится в левой стороне.

Вдалеке он увидел рывшегося в мусоре человека. Длинной палкой с крючком он переворачивал отвратительные куски, время от времени что-то вытаскивая и складывая в мешок, волочившийся за ним. Пока что Рей имел возможность видеть тонкие, как палки, руки, которые были такие грязные и старые, что потеряли всякий цвет. Но чем ближе Рей подходил к этому мусорщику, тем сильнее убеждался, что его вряд ли можно считать человеком. Как только Рей оказался на расстоянии длины его поисковой палки, этот ходячий скелет с неожиданным проворством взмахнул своей палкой, пытаясь зацепить Рея и сбить с ног. Из кучи лохмотьев высунулась визгливо хихикающая голова.

И на этот раз Рея спасли его тренированные рефлексы. Он увернулся, отчего мусорщик потерял равновесие, качнулся и вынужден был на два шага отступить, потому что его палка не встретилась с ногами Рея, как планировалось.

— Яаххх! — Нападавшего первый промах, вероятно, не смутил, так как он предпринял вторую попытку.

Однако приближаться к этому существу Рей не стал, ибо это создание было настолько ниже человека, что вызывало отвращение.

Пнув мешок, в который это существо складывало свои находки, Рей снова увернулся от удара. Существо, попятившись, запнулось за мешок и, визгливо завывая, плюхнулось на землю, а Рей убежал.

Тяжело дыша, он добрался до конца узкого переулка, ширина которого была едва ли больше раскинутых рук американца. Переулок вывел Рея на оживленную улицу, запруженную тяжело груженными подводами, направлявшимися в доки, откуда они возвращались уже пустыми. На подводах, кроме правящих ими людей в форме, находились несколько стражников.

Чтобы отдышаться, Рей неприметной тенью прижался к стене, а потом с некоторым вниманием стал наблюдать.

На корабли флота, по его догадкам, грузились боеприпасы, а это означало подготовку к решительному наступлению или на Майякс, или на Му. Но сначала они, конечно, должны были иметь дело с Майяксом, перед тем как взять или попытаться взять Му. Каким же образом Хронос надеялся вовлечь в открытую войну весь мир? Может, есть способ захватить Му, идя не на запад, а на восток? Но полной карты этого мира видеть Рею ни разу не удалось. А как насчет Африки? Существует ли в этом веке такой континент? Если существует, то кто им управляет? Впервые Рей пожалел, что очень мало знает о таких полезных вещах.

Но из его мозга возможные географические перемены улетучились. Хотя он ушел из таверны, избежал нападения мусорщика, но не утратил ощущения, что за ним наблюдают, подгоняя его к движению.

Рей подумал, что стражников на подводах наверняка встревожит любое необычное для этих мест поведение, поэтому продолжил свой путь к гавани, держась стен зданий слева. Если... Если державшая его здесь воля пожелает вернуть Рея в город, то такому возвращению могут помочь эти телеги. Изыскивая способ спрятаться на одной из этих телег, он стал их рассматривать, стараясь по возможности не показывать излишнюю заинтересованность.

Но как убедился Рей, на это, по крайней мере днем, не было никакой надежды. Таким манером он достиг перекрестка и очутился перед широкой улицей, с одной стороны которой, как ребра у хребта, расположились доки. Он постарался пройти мимо повозок ровным шагом и не сгибая плеч под взглядами возчиков и стражников, хотя каждую секунду ждал или окрика или колющей его стали.

Путешествуя по переулку, тянувшемуся вдоль гавани, он добрался до его западного конца и принялся высматривать нужное ему здание.

Команда, воспринятая Реем, ввела его сначала в заблуждение, так как была услышана мозгом, а не ушами, и тут же принудила к повиновению. Его остановили! От удивления он замер как вкопанный, так что на него налетел шедший за ним прохожий, который, обернувшись, прорычал что-то на почти незнакомом Рею жаргоне.

— *Иди!*

Рей понял, что у него нет другого выхода, кроме как отвечать на этот зов, поэтому должен был повиноваться.

Помочь ему было некому. Этот зов шел не от державшей его здесь воли. Как только Рей вопреки всем своим желаниям повиновался этому зову, он тотчас же понял, что та воля уменьшается, съеживаясь, словно в нем не могли существовать два давления одновременно.

— *Иди!*

Его сознание не знало, куда идти, зато хорошо знало контролируемое тело.

Он направился на восток таким же неторопливым, размеренным шагом, каким шел и раньше, не в силах сломить заставляющий его передвигать ноги захват.

Рей шел по переполненным докам среди людей, телег, животных и грузов, миновал таверну, мимо которой проходил совсем недавно, но все шел, шел...

Среди обильного великолепия красочных одежд, попон и вьюков животных Рея притягивало красное пятно, пылавшее, казалось, внутренним огнем. Оно ждало его... Он был пленником в клетке из плоти и костей, которая двигалась по команде такого же одушевленного столба... Нет, это был не столб, а глубокого кровавого тона мантия, надетая на человека, который был больше, чем простой человек.

Страхи живут во всех людях со дня рождения и до самой смерти, но они бывают разные. От одних человек съеживается или бежит с громкими воплями, другие подстрекают его на действия. Одни делают его врагом чего-либо и готовят для сражения, другие становятся укрытием для мыслей, подрывающих рассудок и здравый смысл.

Рей считал, что встречался со страхом много раз еще до того, как пошел к нему здесь, в гавани Атлантиды, но теперь убедился в обратном. Такого страха, как сейчас, он еще никогда не испытывал!

— *Иди!*

И он шел, потому что у него не оставалось выбора, и ни один изученный им в родном мире трюк не мог ему помочь. Эта ужасающая аура страха загипнотизировала Рея и тащила...

Красную Мантию, стоящую с замкнутым лицом, не выражавшим ни торжества, ни жажды битвы, и Рея разделяло всего лишь несколько футов.

Жрец сосредоточил свою волю на том, чтобы задержать Рея и подтащить к себе, и делал это весьма успешно.

Худое лицо с крючковатым носом и острым подбородком показалось Рею знакомым, а когда жрец поднял руку, внимание Рея приковала блеснувшая на его запястье пластинка. Какая-то малая часть мозга Рея сообщила, что это браслет для часов. Часы здесь? Его часы! В самом начале его невероятного приключения у него отняли часы пленившие его атланты. Выходит... Выходит, что Красная Мантия с того самого корабля?

Как только рука с часами сделала жест, в голове Рея взорвалась боль, и он упал от удара, нанесенного подошедшим к нему сзади воином.

* * *

Рей очутился в темноте. Он лежал на твердой поверхности, отдававшей таким холодом, что ныли кости. В его голове пульсировала сильная боль. Рей хотел поднести руку, но как бы предупреждая о бесполезности таких движений, скрипнул металл, а запястье что-то дернуло.

— Что, друг, проснулся? — Услышал он голос из темноты, но пока слова эти дошли до него, прошло какое-то время.— Я уж было посчитал тебя пустым каркасом, а ты, смотри-ка, удрал...

— Кто... кто здесь? — Рей попытался разглядеть говорившего в кромешной тьме, но ничего не было видно.

— Плейник, как и ты. Ожидаю развлечений Хроноса, пусть кости его сгниют раньше плоти, а душа воет в ветрах, бездомная навеки!

— Ты кто, муриец?

Рей сделал усилие, чтобы подняться, но от вспыхнувшей боли в голове снова упал.

Хотя ничего смешного в своем вопросе Рей не нашел, человек издал звук, похожий на смех.

— Нет, я не муриец. Хотя по рождению я и атлант, но не вхожу в число приближенных Хроноса и не являюсь его другом. А кто ты?

Рей замешкался с ответом. Кто же он на самом деле? Шпион, если можно так выразиться.

— Я из Му.

Он и не мог ответить по-другому, чтобы не рассказать о себе большего, чем о нем уже было известно.

— Ты имеешь в виду высадку? Или войну?

— Нет еще пока.

— Но, очевидно, скоро будет? Для того, кто сидит тут вот уже пять лет, это приятное известие.

— Пять лет здесь? — Рей не мог поверить, чтобы в этой норе можно было сохранить не только разум, но и счет времени.

— Вовсе нет. Сюда меня перевели совсем недавно, а дней, когда сплошная ночь, не сосчитаешь. До перевода меня держали в верхней камере, где можно было увидеть не только день, а даже солнце иногда. Кроме того, восемь раз приносили еду. Только я не знаю, что происходит за этими стенами.

— Атлантида готовит нападение на Му.

— Ну, этот зуд у них уже давным-давно. Жрецы Баала в течение ста лет разрабатывали какую-то магию, которая привела бы их к этому концу. И они вроде бы приблизились к вершине своего зла лет пять назад. Об этом шептались...

— А почему ты жив до сих пор?

Снова раздался звук, напоминающий смех.

— Очевидно, храбрый Хронос очень за себя боится и против

древних пророчеств идти не решается. Он пока не настоящий властелин мира, что произойдет, вероятно, не так скоро, а до тех пор есть такая кровь, пролить которую он не может. Очень давно было предсказано, что убийство истинного держателя Трезубца навлечет на страну ярость моря.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что было предположение о прекращении линии истинных Посейдонов еще лет сто назад, а это оказалось неверным. Дочь последнего Посейдона, бежав в горы, распространила слух о своей смерти, чтобы не стать женой человека, выбранного ей жрецами Баала. А там, в горах, она обменялась браслетами с Солнцерожденным, как и она, капитаном своей стражи. Я — прямой потомок этого союза, что очень хорошо известно Хроносу. Он уничтожил всех захваченных Солнцерожденных, разрушил храм Пламени, но меня ударить ножом не смеет, так как на звездах написано, что пока в Атлантиде есть истинная кровь, страна будет существовать. Это прочитали даже жрецы Тени. Вот он и держит меня под рукой, а убить не может.

— Но ты по-прежнему верен Му?

— Разумеется, а иначе и быть не может,— ответил он без всякой рисовки.— Я ведь из Дома Солнца в Атлантиде, а идти против матери сын не может. Одна из причин, почему Хронос ненавидит нас черной ненавистью, это то, что он сам не из Солнцерожденных. А теперь, друг, я скажу тебе, что не верю в то, будто сыны Му станут дожидаться, чтобы выродки Баала напали первыми... Пусть же Солнце подгоняет корабли Му.

— Я тоже надеюсь,— сказал Рей в ответ, а сам тут же подумал о том, что делает он в этой, не относящейся к нему сваре? От участи, которую уготовила ему Атлантида, его может спасти только чудо, хотя надеяться на это было бы слишком глупо.

— Ну а как насчет тебя, друг? Ты, как я понимаю, попал сюда совсем недавно. Хоть ты сказал, что из Му, но на жителя материстраны, насколько я рассмотрел при свете факелов, абсолютно не похож.

— Я из Бесплодных Земель. Зовут меня Реем.

— А там разве организовали колонию?

— Я не принадлежу к мурийцам, но этот титул даровал мне Ре Му,— медленно ответил Рей.

Даровал? Нет, он сделал Рея оружием или еще чем-то, усыпив его подозрения. Для этого здесь им управляла воля. Воля... Внезапно Рей осознал ее отсутствие. Может, она ушла под натиском силы Красной Мантии, которая затащила Рея в плен? А может, отпала необходимость в нем, и она ушла от него сама?

— Бесплодные Земли,— повторил собеседник Рея, но тут же приказал: — Молчи. Сюда идут!

Раздался резкий щелчок, открылась дверь и через нее проник овал света. Когда в камеру вошли два стражника с факелами, Рей сделал попытку прикрыть глаза.

— Я вас приветствую, собаки Хроноса! — выкрикнул его сокамерник.— Как дела? На вас уже напали люди Му или же вы продолжаете верить своей грязной черной магии, которая, как вы надеетесь, воздвигнет для вас новые стены против воинов Му?

У Рея появилась возможность увидеть своего товарища, и он повернул голову. К стене неподалеку от него был прикован истощенный молодой человек. Вокруг рта красивой формы залегли глубокие складки, противоречащие его веселому голосу. В длинных черных волосах сверкали серебряные нити.

Один из воинов поставил флягу с водой прямо на пол и, что-то ворча себе под нос, швырнул туда же несколько кусков темного хлеба, а его напарник воткнул факел в железное кольцо на стене. Сделав свое дело, оба стражника удалились.

— Интересно, что бы это могло значить, хотелось бы знать,— указал на свет атлантский пленник.— Вероятно, замышляют какую-то плутню. В этой тюрьме даже камни стен допрашивают. Учти, просто так, без цели, Хронос ничего не делает. Мегос многому его научил.— Дотянувшись до одного куска, он передал его Рею.— Ешь, друг, пока можешь, а то вдруг Хроносу захочется проверить, сколько ты протянешь без еды. Он обожает такие опыты. Теперь же позволь мне назвать свое имя. Я — Уран. Подожди, все не ешь,— посоветовал он, видя, как Рей принялся уписывать безвкусную дрянь.— Лучше сегодня иметь немного, чем ничего завтра. Я уверен, что Хронос в своем бесформенном черепе вынашивает какой-то план, ничего нам, кроме зла, не обещающий. Ты знаешь, мне кажется, Хронос не только меня боится. Не зря он поместил нас в одну камеру. Ты, по-видимому, его тоже чем-то напугал. А меня обещание звезд может и не спасти...

— Недавно мне встретился человек, капитан рейдера, клявшийся тем, что, имея подходящих людей, он мог бы захватить этот город, несмотря на ограждающие его стены и каналы,— произнес Рей тихо, вспомнив это неизвестно почему.

— И он абсолютно прав. Хотя в стенах Хроноса есть секреты, сделать это можно. Он такой защитой обеспечил стены, что они и для него являются секретом.

— Это ты о чем?

— Здесь есть комнаты и подземные переходы, где человеческой ногой пыль не потревожена уже целое столетие. Об этом есть легенды, о которых, возможно, слышал и твой капитан. А может, ему известно и нечто большее, чем легенды. Ему откроется сердце города, если он отыщет такой путь. Скажи, твой капитан предан Теням или нет?

— Теперь, я надеюсь, нет. Он отплыл, приняв на борт группу бежавших из плена мурийцев.

— В таком случае у Хроноса появится прекрасная возможность в скором времени встретить незваных гостей,— улыбнулся Уран.— Было бы интересно взглянуть на его лицо, если это, конечно, произойдет. Впрочем, ему будет не слишком весело уже сегодняшней ночью.

— Это почему?

— Нас, как мне кажется, подслушивают, следовательно, Хроносу станет известно все, о чем мы говорим.

— Неужели? — удивился Рей, уставившись на стены.

— Можешь мне поверить. За годы его гостеприимства у меня обострился слух. Тем более, это уже не первый случай. Теперь поднимется суматоха, будут проверяться подземные ходы. Как только трусу шепнешь в ухо предупреждение, он сразу же начнет чувствовать нож в горле. Всех переходов он, конечно же, не обнаружит, так как их здесь сотни, а некоторые из них заложены слишком давно. Поэтому страх заставит его попотеть...

— А вдруг ему удастся отыскать правильный ход? Ведь тогда он устроит там засаду,— предположил Рей, удивляясь излишней оптимистичности своего сокамерника.

— Это уж как будет судьбе угодно. Только мне почему-то кажется, что этого не произойдет. Может ли человек изменить начертанные на его лбу еще при рождении линии или предсказанное звездами будущее? Я верю в то, что буду жить здесь и править...

Рея помимо воли тронула искренняя вера атланта. Неужели эти люди и в самом деле могут видеть будущее или хотя бы его часть? Правда, однажды леди Эйя сказала, что они не только могут видеть будущее, но даже в состоянии изменить его.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Как ты можешь спрашивать, если уже прошел положенные по твоему возрасту Первые Мистерии? И что ты за человек? Если ты из Бесплодных Земель, муриец по милости Ре Му, и все же не колонист, кто же ты тогда?

— Я человек, но только не из этого времени.

— Это как же?

— А так. Родился я в мире далекого будущего, а сюда попал сквозь время, но как и почему — не знаю.

Видя, что Уран молчит, Рей подумал, что также усомнился бы, услышав подобную историю.

— Выходит, ты ответил на посланный Наакалями зов и пришел? — спросил Уран после некоторого молчания.

— Нет, нет, это произошло совершенно случайно.— И в нескольких словах Рей рассказал все.

— Но ведь ты можешь никогда не вернуться?

— Я не знаю этого. Не знаю, что будет со мной через день, через час, и вообще будет ли у меня какое-то будущее. Конечно, если иметь в виду наше положение сейчас, то о каком будущем может идти речь?

Уран покачал головой.

— Это хорошо, если ты готов к беде, друг мой, но будущее свое пока не отталкивай. А теперь давай немного отвлечемся, чтобы дать пищу подслушивающим. Расскажи мне, пожалуйста, о своем мире... хотя нет, сначала я покажу тебе мой...— И Уран стал рассказывать о горных долинах, где в юношеские годы ловил и объезжал коней.— Поверь, друг, в мире нет ничего прекрасней скачущей лошади с развевающейся по ветру гривой, когда копыта бьют подобно военным барабанам. Конечно же, моряки говорят о кораблях, охотники — об охоте, а в моем сердце только лошади. Кто приводил к победе Огнедышащего пять раз? Я,— и в его голосе звучала сильная страсть.— А теперь ты расскажи,— попросил он Рея после небольшой паузы, но неожиданно сделал предостерегающий жест в сторону двери.— Опять идут,— прошептал он.

Сначала, как почудилось Рею, в камеру вошла какая-то зловещая тень и, затуманив свет факела, зависла над его головой.

ГЛАВА 15

На сей раз в камере появился жрец, сопровождаемый стражниками.

— Приветствую тебя, брат Тени,— произнес Уран, обращаясь к жрецу, пока стражники освобождали от стенных колец их цепи.— Ради чего слуге Баала вздумалось беспокоить нас?

Не говоря ни слова, жрец отвел взгляд от Рея и пристально вгляделся в Урана, как бы оценивая. Этот холодный взгляд сильно поразил Рея.

Не отвечая Урану, жрец приказал стражникам:

— Выводите!

Они держались на ногах с большим трудом. Короткие цепи стягивали их таким образом, что создавалось впечатление, будто свело мышцы спины и бедер, но они потащились в узкий коридор, спотыкаясь под тычками стражников.

— Обрати внимание, брат, на сопровождение. Нас, вероятно, считают могучими героями, раз прислали за нами восемь воинов во главе со жрецом!

Его насмешка явно была адресована атлантам, но эскорт на эти уколы не отреагировал, а лишь плотнее окружил пленников, заставляя их двигаться быстрее. Когда они спускались вниз темными переходами, Рею показалось, что это напоминает гигантскую

паутину. Но вот они вошли в более широкий и лучше освещенный коридор и остановились перед металлическим занавесом.

Стражники двигались с явной неохотой, не сводя с занавеса глаз, и Рей пришел к выводу, что их недовольство вызвано тем, что они присланы сюда. Завеса открылась лишь только тогда, когда жрец положил на нее свою правую руку. Воин толкнул Рея вслед за Красной Мантией с видимым облегчением, а рядом то же самое проделали с Ураном.

Там их схватили два поджидавших жреца с ловкостью, которая свидетельствовала о большой и долгой практике. Рей и опомниться не успел, как его руки крепко защелкнули за спиной.

— Вперед! — скомандовал доставивший их сюда жрец.

Пройдя через пустую комнату, они очутились во второй, где на стенах виднелись следы засохшей крови. Здесь никакой мебели не было, кроме единственного, с виду не очень удобного широкого кресла, вырезанного из целого куска черного камня. Как и Хронос на своих подушках, сидящий на этом кресле прекрасно себя чувствовал. Это был Мегос. Его ожидающий, хотя уже и пресыщенный, вид напоминал грифа на бойне.

Чуть подавшись вперед, чтобы лучше слышать шепот другого жреца, Мегос улыбался, если можно было назвать улыбкой легкий изгиб тонких губ. Но вот его подобие улыбки превратилось в злобную ухмылку, как только его глаза остановились на пленных.

— Итак, ты все же пришел ко мне, милорд Солнцерожденный,— произнес он, обращаясь к Урану.— Ты не забыл нашу последнюю встречу, когда отказался слушать волю Темного Властелина? Именно в тот день, Уран, ты сам себя отрезал от будущего. Ну и как, жалеешь об этом?

Высоко подняв голову, Уран ответил:

— Ты, Мегос, считаешь себя сыном Баала, а согласна ли Тень с этим? Было бы очень интересно узнать. Ты, как и любой рожденный от плоти и крови, стремишься играть роль старательно, потому что в здоровый мозг такое зло войти иначе не могло, я в этом убежден. Если ты снова намереваешься умолять меня...

— Я? Умолять тебя? — холодным смехом рассмеялся Верховный жрец.— Ну уж нет, Мегос дважды не просит. К тому же это теперь не имеет значения, потому что на этот раз ты послужишь совершенно для другой цели.

— А это уж как Солнце решит. Будущее-то в храме лежит...

— Нет, в гробнице Баала.

— Не думаю, потому что в этом городе есть еще и другой храм.

— Пламя в этом храме уже давно погасло, а тебе платить долг...

— В конце, Мегос, оплата придет от тебя, это я тебе говорю. Такой оплаты еще не видел мир.

Глядя на исказившееся лицо Урана, можно было поверить, что

он заглянул в будущее и прочел достаточно, чтобы слова его стали пророчеством, а не угрозой.

— А ты — насекомое, которое слуга Баала раздавит, даже не заметив этого. Ты так не считаешь? А зря. Ты не смеешь говорить со мной, Властелином Мира под Тенью, таким тоном.

— Правда? А если Хронос услышит твои слова, Мегос? Ведь он себя считает Властелином Мира?

На хищное лицо жреца вернулась прежняя улыбка.

— Хронос? А что из себя представляет Хронос? Самое обыкновенное орудие, которым пользуется человек для выполнения дела, но как только работа завершается, отпадает надобность в орудии и от него избавляются. Так я поступлю с Хроносом. Растопчу, превращу в ничто, когда сочту нужным. Поэтому обращаться к Хроносу я не советую.

Теперь засмеялся Уран.

— Мегос, я повторяю еще раз: с твоими словами, о которых ему обязательно донесут сегодня же ночью, Хронос может не согласиться.

— Все это уже неважно,— ответил Мегос, не переставая улыбаться,— а тебя вообще не касается.

— Зачем же тогда ты, сын ямы, послал за нами?

— Мне, как и любому человеку, не чужды развлечения, и иногда у меня возникает интерес даже к азартным играм. Вот, например, я побился об заклад с моим другом Контом,— Мегос кивнул на жреца, который ему шептал,— на любопытное уйгурское кольцо, дающее какие-то странные силы его владельцу, что человека, подвергшегося некоторым изменениям в лаборатории, сохранить живым в течение семи дней не смогу. Я горжусь ловкостью своих работников и хочу выиграть кольцо с такой привлекательной историей, поэтому, перебрав всех пленных, остановил свой выбор на тебе...

Несмотря на всю свою выдержку, Уран был потрясен.

— Ты дьявол!

— Не ты первый, кто так меня называет,— произнес довольный верховный жрец и указал на отверстие, расположенное в дальнем конце комнаты.— Другие, до тебя, так же называли меня, пока не прошли в ту дверь, а потом молили, чтобы я даровал им смерть. Когда я внимал их мольбам и дарил им смерть, они меня благословляли, но это много позднее. Ты, Уран, силен, и этот парень — такой же. Я надеюсь выиграть заклад.

Как только Мегос встал, в плечи Рея впились когти стоявшего за спиной жреца, толкая его вперед. Сделав два шага, Мегос повернулся назад.

— Мне, как истинному сыну Тени, пришло в голову, что, может, свое слово скажет Баал? Вам обоим придется сделать выбор между черным и белым камнями. Мой заклад выиграет тот, кому мой гос-

подин пошлет черный камень, а обладателю белого придется некоторое время подождать. Я считаю, что так будет справедливо.— Он довольно засмеялся, и его смеху вторили жрецы.

Жрец Конт, взяв чашу, демонстративно положил в нее указанные камни, но Мегос неожиданно поднял руку.

— Добавь еще два белых. Если выпадут они — значит, этих людей желает для себя Баал. Наше высшее желание — воля Тени. Итак, за Урана тянет Конт, а за чужеземца — Пат-Тэн. Тяни, Конт.— Мегос поднял чашу выше уровня глаз жреца.

Нырнув в чашу, рука Конта вернулась, держа белый камень. Пат-Тэн проделал то же самое и бросил свой камень на пол. Он подкатился к ногам Рея, и тот увидел, что камень белый.

— Наш господин сказал свое слово,— прервал молчание Мегос.— На то его воля.

Хор жрецов повторил его слова. Но Рей задумался. Смахивает на какой-то трюк. Почему Мегос сначала угрожал, а потом попятился? Выбор камней, может, и в самом деле не случаен, но Мегос не решился пренебречь им, поскольку достаточно суеверен. Кроме того, он был уверен, что пальцы жрецов вел сам Баал.

— Скажи, Уран,— спросил Верховный жрец, делая шаг вперед,— что бы ты выбрал для себя: нож и алтарь или...— он помолчал мгновение,— или объятия Преданного?

— Солнцерожденному воину не важно, как он встретит смерть, если сделает это под Пламенем, потому что умирает только тело, а то, что составляет настоящего человека, остается. Тебе известно, что я и в смерти побеждаю выбравших трон Тени. Поэтому я выбираю алтарь этого дьявола или, как ты сказал, Преданного...

— Я говорил о дьяволе? Нет, Уран, говоря о малоизвестных вещах, нельзя употреблять неподходящие слова. Как только Преданный явится, ты начнешь призывать на помощь свое Пламя, но оно на твой зов не придет. Потом ты начнешь вымаливать смерть, которую получишь, но в свое время. Это и к тебе тоже относится! — Мегос впервые взглянул на Рея прямо.— Отведите пленных в храм. Когда пробьет час, они должны быть под руками.

Жрецы взяли их за цепи и вновь повели темными коридорами, некоторые из которых были настолько темны, что людям казалось, будто они пробиваются сквозь бесконечную ночь. Только однажды Рею удалось разглядеть на стенах струйки маслянистой влаги и оставленные безымянными подземными жителями скользкие следы. Потом им пришлось подниматься по лестнице вверх, примерно на пару уровней. Здесь они очутились в освещенном факелами коридоре с красными стенами, который привел их в украшенный фресками зал, показавшийся Рею знакомым. И он вспомнил, что был здесь во время своего мысленного путешествия.

— Мы находимся в храме Баала,— тихо сказал Уран.— По-

смотри, брат, как демонстрирует свои мерзкие развлечения Властелин Тени!

Быстрым взглядом скользнув по этим непристойным картинкам, Рей тут же отвел взгляд.

Один из провожатых подскочил к Урану и нанес ему по губам хлесткий, жестокий удар.

— Молчать! Для воплей и призывов давно погасшего Пламени время еще не пришло, хотя Солнцерожденные, как я слышал, пощады не просят. Только мне кажется, это лишь потому, что они не сталкивались с Преданным. Ничего, как только ты попадешь в объятия Преданного, заорешь как миленький. Последний муриец, попавший в объятия Того, Кто Ползает, поначалу тоже храбрился...

Жрецы впихнули их в тесную боковую комнатку, цепи прикрепили к кольцам в стене, а сами ушли.

— Тебе известна цель Мегоса? — спросил Рей, когда за жрецами закрылась дверь.— Как ты думаешь, это был розыгрыш или он на самом деле верит в выбор Баала?

— Кто его знает? Мне кажется, что, если он разыгрывал,— это не полностью нацелено на нас. Но мне, честно говоря, очень бы хотелось узнать о Преданном побольше.

Только Рей решил по-другому. Лично ему этого не хотелось. Как только он прислонился к стене, с полной силой вернулась его старая проблема. Для какой цели держала его здесь воля? Какую задачу он не выполнил? Место в нем, заполненное прежней волей, опустело с тех пор, как его вызвала на набережную Красная Мантия. Что с волей? Или она сама ушла, или могущество атлантского жреца вытянуло ее?

Для чего он здесь?

Его спина ощущала холодные, равнодушные камни. Он потерян... Одна часть его находилась в месте, описать которое он не мог, а другая — дрейфовала вне его контроля. Да, он потерян так, как не могло бы потеряться никто и ничто...

Затем... Затем то, чем он стал — был схвачен дрейфующий обрывок небытия... удержан... увлечен в другом направлении... в о л е й!

Да, Рей вновь находился в своем теле! То же покалывание плоти, то же тепло, распространяющееся под кожей — это ощущение было однажды в мурийской цитадели от искрящейся воды. В нем опять твердо укрепилась воля, ожидавшая чего-то, но чего именно, он по-прежнему не знал.

— Брат! — окликнул его Уран.

Повернув голову, Рей увидел подкатывавшегося на длину цепей товарища, который вытянутой рукой пытался до него дотронуться. Изумление и внимание отразились на его лице. Встретившись глазами с глазами Рея, он поспешно спросил:

— Что с тобой?

— Ничего, ничего, полный порядок,— ответил ему Рей, чувствуя, что говорит чистую правду.

С волей к нему вернулась уверенность в себе, но осторожностью он все же решил не пренебрегать.

— Ты... ты... выходил из тела,— тихо прошептал изумленный Уран.

— Да, и вернулся. И так же...— Рей замялся.

— Да?

— Я думаю... Слушай! — Рей по-прежнему прижимал голову к стене, чувствуя проходящий сквозь камень глухой и далекий звук.

Послушно повернув голову, атлант также приложился ухом к стене.

— Похоже, морской прибой,— сказал Уран спустя несколько минут.

— Послушай, а это что?

Но они не долго размышляли, так как вернулись жрецы и, сняв цепи со стенных колец, вывели их в большой зал храма. Звук здесь был слышен яснее и резче, так что казалось, будто в здании находилось улавливающее и усиливающее его какое-то акустическое устройство. Через мгновение этот звук перешел в ужасный рев.

— Это... это битва! — воскликнул Уран, повертев головой.

«Как, Му? Но каким образом?» — спросил себя Рей. У матери-страны не было времени собрать армию, чтобы направить ее в самое сердце вражеской страны. Но откуда у него такая уверенность?

— Прекрасно,— сказал Уран и взглянул на державшего его цепи жреца.— Теперь, брат ямы, смотри как следует за крыльями вашей Тени, потому что, когда Пламя танцует, исчезают все тени! А уж если мать-страна взялась за очищение земли, значит, никого не останется и некому будет прикрывать вашего Темного Властелина...

Жрец опять ударил Урана.

— Молчи! Баал не перо, чтобы взлететь. А тебя очень скоро Преданный заставит забыть обо всем.

— Лучше за собой присмотри,— ответил Уран, сплевывая кровь с разбитых губ.— Духи убитых собираются, ведя своих мстителей, возвещающих о конце правления Баала! Верь, что Пятистенный Город исчезнет с лица земли так, что в памяти людей даже имя его не сохранится, а вашему Баалу придется вновь лезть в свое логово. Его прислужников поставят перед светом, которого они больше меча боятся. Вызванное вами станет хозяином, а не слугой, как хотелось бы вам, и будет им до тех пор, пока его не заставят вернуться обратно.

В голосе Урана не было и намека на угрозу, зато звучала такая

уверенность, словно он видел ближайшее будущее, подобно полностью убежденному пророку.

Жрец было снова замахнулся, но не ударил, потому что рев неожиданно затих, а по коридору раздался сильный топот. Из-за колонны, держа шлем на локтевом сгибе, вылетел жрец, облаченный в бронзовые латы поверх мантии.

— Мурийцы...— выпалил он, тяжело дыша.— Они пустили две горящие галеры в середину флотилии, потопив тем самым корабли, стоящие у входа в гавань. Другая армия высадилась на севере, и к ней присоединились равнинные пастухи. Мегос приказал эту падаль отправить к пирамиде над стенами, чтобы мурийцы смогли нашу силу, которая их пожрет, увидеть.

Да, именно за этим он и был послан. Об этом ему сказала воля. Он — оружие этой части битвы.

Пока жрецы подгоняли их вперед, первичное осознание этого ослабело.

Вокруг них сомкнулись люди, одетые наполовину в одежду жрецов, наполовину — воинами, и потащили из храма.

До них доносился грохот, они видели позади стен и каналов свет огня, распространяющийся из доков. В городе ощущалось напряжение, солдаты, заполнившие улицы, затрудняли передвижение, поэтому они были вынуждены идти очень медленно. Рей чувствовал, что все испытывали шок, ибо не ожидали такого скорого нападения. К тому же быстрое и тайное появление вооруженных мурийцев застало врагов врасплох — закупорив атлантов в собственном городе.

Хотя уже наступил рассвет, небо было затянуто темными тучами, на что обратил внимание пленных один из стражников.

— Взгляните, ваше Солнце закрыто защитным покрывалом, которое натянул Баал именно в этот день!

Рей натолкнулся на Урана, и ему бросилось в глаза, что тот втягивает в себя городской загрязненный воздух с голодной жадностью, но тут же вспомнил, что для его собрата по плену этот воздух был чистым и свежим.

— Нас ведут к пирамиде у западной стены.

Рей посмотрел в ту сторону. Под мрачным небом возвышалось темное сооружение из чередующихся черных и красных блоков. Над примыкающей к зданию стеной поднималась на несколько десятков футов квадратная платформа, на которой, ожидая пленников, топталась небольшая группка людей.

Лестница, ведущая наверх, была очень крутая, и Рей дважды оступился, но оба раза его подхватывали стражники и тащили наверх.

На платформе, рядом с Мегосом, в золотой мантии, но без шлема и доспехов стоял Хронос. Грызя ногти на коротких пальцах, он

смотрел не на дым и огонь над гаванью, а на далекие, низко спускавшиеся тучи, и на пленников даже не взглянул.

По ступеням с головоломной скоростью поднялся офицер.

— Грозный,— отрапортовал он,— мы оттеснили назад вошедших в город из разрушенного храма.

Повернув голову, Хронос дикими глазами посмотрел на офицера, словно не видя ничего вокруг. В уголках толстых губ выступила пена. Рей понял, что предполагаемого властелина мира переполнял страх.

— Убить! Убить! — визжал он.— Чтобы никто не ушел! Жгите, убивайте! Пусть будет пожар и кровь! Без их голов не возвращайтесь!

Когда офицер проходил мимо Рея, американец обратил внимание на его измученное и искаженное лицо, словно он не о частичной победе рапортовал, а о поражении.

Хронос вновь взглянул на тучи, так как оттуда доносился звук, похожий на яростный прибой, возвещавший о великой битве.

— Поставьте их к столбам,— приказал Мегос,— да покрепче привяжите.

Платформу, где они стояли, окружали крепко врытые столбы, которые были выше Рея и Урана на несколько футов.

Как только пленников привязали, Мегос проверил надежность узлов, а потом повернулся к Хроносу.

— Все готово, Грозный,— доложил он.— Прикажешь начинать? — Его внешнее раболепие таило злобу.

С большой неохотой покинул Хронос свой наблюдательный пост, прижал руки к колышущемуся брюху, как будто его терзала внутренняя боль, но возможности понасмехаться над Ураном не упустил.

— Ну что, Атлантида падет, если умрет истинная кровь, так, кажется, говорили все в прошлые годы? Ха! Просто говорившие об этом были незнакомы с Преданным! — Хронос взглянул на Рея.— Как сказал Мегос, может, Сидик из Уйгура больше его, может, меньше... если ты, конечно, тот самый, вызванный Наакалями из другого мира. Вот сейчас мы и проверим, чье мужество больше. Мое мнение, что ты меньшее могущество, потому что Федур, творя магию с принадлежащей тебе вещью, ухитрился вызвать тебя. Такая магия действует лишь на слабых людей, а своим ответом на нее ты доказал, что для нас абсолютно не страшен. Мы имеем дело с Потусторонними Существами, гораздо более могущественными и страшными. А раз так, значит, ты станешь пищей более сильного, а также приманкой... для его родственников.

Далеко не все из сказанного имело смысл, только кое-что, но атланты, похоже, догадывались, кто он, и поэтому считали, что он — сосредоточие неведомой силы. И это было неправдой. Рей попытался вступить в контакт с волей внутри его, но она молчала.

— А мурийцам это будет хорошо видно? — спросил Хронос с беспокойством в голосе.

— Даже слишком хорошо, поскольку на нас наведены имеющиеся у них стекла дальнего видения.

— Тогда можно начинать. Ты чего ждешь? Или для нас это опасно? — испуганный Хронос начал пятиться к лестнице.

— Нет, нет, Грозный, никакой опасности,— успокоил Посейдона Мегос.— Против своих хозяев Преданный не пойдет. Эй, готовьте пленных для объятий!

К ним подошли стражники, которые сорвали с них туники, оголив тела до пояса.

Потом один из стражников сделал два крестообразных разреза сначала на груди Рея, а потом — Урана. Хотя разрезы были неглубокие, но кровь выступила. Они не знали, для какой цели это сделано, и приготовились к худшему.

Как только стражники сделали это, Мегос жестом приказал им уйти, что они и сделали с большим проворством, а Хронос отступил к краю платформы. Было очевидно, что Посейдон, несмотря на заверения Мегоса, приближаться к главному своему оружию не собирался.

Мегос взял в руки коричневую чашу очень грубой выработки, словно она была вылеплена из грязи, достал из жаровни несколько слабо тлеющих угольков и бросил в чашу. Раздув уголья, Мегос поставил чашу между столбов с пленниками и сыпанул в нее горсть черного порошка.

Заклубившийся зловонный, едкий, коричневый дым перехватил Рею горло, вызвав удушливый кашель и обильные слезы. Казалось, что в этой горсточке порошка сконцентрировались все городские нечистоты.

Тошнотворный запах пропитал воздух, несмотря на то, что дым уже рассеялся. Хронос попятился на лестницу, а Мегос улыбался, оставаясь на месте. Взглянув на его улыбку, Рей подумал, что запомнит ее на всю жизнь, если удача не отвернется от него и он останется жить.

— Ну, Мегос, что же дальше? — поинтересовался Уран.— Дыма и вони ты произвел предостаточно, а зло твое не торопится.

— Ты помолчал бы лучше, Уран, и сосредоточил свой взгляд перед собой. Тот, Кто Ползает, уже на пути к нашим жертвоприношениям. Он может настолько взбудоражиться, что призовет сюда всю свою родню! — предостерег их жрец, указывая на камень.

Рей взглянул в указанном направлении и увидел какую-то странную тень. Она росла! Она обретала форму прямо на его глазах, как бы вытягивая субстанцию из материала, на котором покоилась. Чем больше она увеличивалась в объеме, тем большую плотность приобретала. Теперь это была уже не тень.

ГЛАВА 16

Для Рея и Урана весь мир, все, что их окружало, сконцентрировалось в этой тени, постепенно приобретавшей все более четкие, реальные очертания. Вот стали видны раздувающиеся жирные бока, слепая голова без каких-либо признаков глаз, раскачивающаяся из стороны в сторону, словно старалась уловить какой-нибудь звук. Затем, нарушая червеобразный контур головы, появились черно-зеленые рога. Вместо ног внизу зияла ритмично сжимающаяся складками и разжимающаяся пасть, которая колыхалась и утоньшалась. Возле этой пасти извивались с язвами присосок два щупальца. Черный цвет существа испещряли ядовито-зеленые пятна. От него исходила невыносимая вонь. По мнению Рея, это была обыкновенная улитка без раковины — слизняк, только огромного размера. Ничего такого, что вызвало бы спазмы желудка, в этом существе не было.

Вперед вышел Мегос. Чудовище тут же повернулось и, вытянув длинную шею, заколыхало рогами, среагировав то ли на звук шагов, то ли на вибрацию голоса.

— Иди, Житель Потустороннего Мрака, ищи свою жертву,— приказал жрец.— Запах крови приведет тебя к добыче.

Голова чудовища поднялась еще выше. Рей попытался закрыть глаза, но не смог. Через одну-две секунды существо уловит запах крови из порезов на теле пленников и поползет к ним.

Рога существа продолжали колыхаться, как будто испытывали воздух, затем голова опустилась, сгорбив существо, как улитку в движении, и оно заскользило к пленникам, подобно потоку грязной воды.

Рей видел, что оно выбрало, понял кого, и великий ужас парализовал его. А существо продвинулось немного, потом скорчилось, припав к полу, и снова подняло рогатую голову, словно проверяло запах. Зловоние усиливалось. Рей начал мысленно поторапливать чудовище, желая, чтобы все поскорее кончилось, но оно не торопилось, наслаждаясь отвращением, страхом жертвы и предвкушением пиршества.

Через некоторое время оно снова поползло, и нельзя было от него скрыться. Нельзя скрыться... А что можно? — то ли в нем шевельнулась чужая воля, то ли он сам подумал. А если... Что «если», Рей не знал, но в данный момент он был похож на человека, который попал в зыбучие пески и старался ухватиться за спасительную ветку, повисшую как раз над этим местом. Он также пытался схватить в себе что-то такое, что могло помочь ему в его схватке с чудовищем.

Черное существо... Ползущее черное порождение Мрака... Что можно противопоставить черному? Белое... Свет! Белые стены

мурийского храма, белые мантии Наакалей, белое Пламя! Но этого не может быть, потому что огонь красный! И все же Пламя. Пламя слепящей чистоты. Белое Пламя! Воля, находившаяся в Рее, и все то в нем, чему угрожала смерть, напряглось в защите. Белое Пламя!

Внезапно Рей почувствовал, что существо замедлило движение, вспыхнув недовольством, и понял, что это порождение бездны смертельно боится Пламени. Молчавшее до этого момента существо неожиданно издало тихий, жалобный звук. А может, Рею просто показалось?

Пламя... Вспыхивающее Пламя... Оно двигается, создавая стену между Реем и этим существом. Белое Пламя здесь, Рей видел его вполне реально. Он знал, что оно могло своей силой опалить ему глаза, но не сделало этого. А в нем и только через него росла и расцветала воля... Так вот оно что! Он был здесь вроде инструмента, с помощью которого... Нет, надо все выбросить из головы, потому что в этой борьбе он должен быть весь целиком.

Вновь осев немного, существо с жалобы перешло на визг от все увеличивающегося страха. Рей понял, что должен использовать этот страх в свою пользу, как использует хлыст укротитель зверей для отражения нападения. И он щелкнул своей мыслью, как кнутом:

— Назад! Вернись в свой мир, безымянное зло! Уйди туда, где тебе надлежит быть, и назад не возвращайся!

Но существо продолжало оставаться на месте, только голова моталась из стороны в сторону, словно билась о стену. Рею стало понятно, что существо удерживает противосила Мегоса, которую жрец черпал из какой-то внутренней силы, чтобы направить существо вперед. Рей дрогнул, так как Преданный сгорбился и опять двинулся. Пламя... Пламя...

Пламя было здесь. Движение улитки снова прекратилось, и она злобно завыла. Затем, принуждаемая Мегосом, она стала метаться взад и вперед, усиливая вой. Но Рей продолжал держаться, не зная, надолго ли его хватит.

Они сошлись в молчаливой схватке. Мегос со своим созданием Мрака пытались отыскать у Рея какую-нибудь слабину, канал для воли, что сильно утомляло американца. Он очень устал. Существо снова двинулось, потом остановилось и снова двинулось...

— Отдай ему мое тело, брат! — донесся до Рея слабый и далекий голос Урана.— Отдай и получишь выигрыш во времени...

— Нет! — ответил Рей, собравшись с духом, хотя тело его сотрясала дрожь.

Он чувствовал, что на ногах его удерживают приковывавшие к столбу цепи.

А Преданный полз...

— Вперед! — приказал жрец.

— Назад! — скомандовал Рей.

Послышались шум, крики... Это отвлекло Рея, нарушило его сосредоточенность.

Чудовище прыгнуло. Рей опоздал поставить барьер, и щупальца Преданного, скользнув по его телу, закрепилось на порезанных местах с помощью присосок. Не имея возможности избежать этого оскверняющего объятия, Рей сжался.

Он снова призвал на помощь Пламя... Пламя, которое бы коснулось существа, обезумевшего от жажды крови. Но Пламени не было. И все же Рей не собирался сдаваться. Он воззвал к воле, требуя от нее так же, как это делала она.

— Приди,— говорил он этой воле, высоко подняв голову.— Приди, чтобы быть со мной!

И воля подчинилась ему. Сделав его своим слугой, своим оружием в момент необходимости, теперь, когда он находился в бездне обреченности, воля это изменила. После минутного, растерянного сопротивления, Рей ощутил прилив никогда еще им не испытываемой силы.

Щупальцы отвратительной чудовищной плоти, причинявшие ему физическую боль, отпали. Сопротивляясь, чудовище очень неохотно отползло назад, но Рей слишком поздно заметил случившееся.

— *Пламя!* — приказал он мысленно, хотя ему показалось, что это он произнес вслух.— *Пламя!* — прозвучал его собственный приказ силе, влившейся в него.

И Пламя снова появилось. Оно было ослепительное, пляшущее.

— Держись! По лестнице уже поднимаются люди Му!

Для Рея это были ничего не значащие слова, так как во всем мире существовало только сотворенное из его мысли Пламя, которое нужно держать, держать, держать...

Шипя и крутясь, отступал от Пламени Преданный, а с лестницы уже доносились крики.

— Держись, брат! — вновь крикнул Уран.— Продержись! Осталось еще немного!

Отчаяние охватило Мегоса, мощь его ослабла, что сразу же почувствовал Рей, но это его не обрадовало. Он знал, что ему, если он и победит, придется сначала встать перед реальным боем...

Между тем Верховный жрец метался по платформе, нанося удары по ужасному существу быстрыми и резкими мыслями, похожими на молнии. Извиваясь и корчась, Преданный отступал, но потом снова полз вперед.

Рей не падал духом, но тело его устало, и Пламя уменьшилось. В то же мгновение вокруг него вновь сомкнулись мерзкие щупальцы.

— *Рей! Рей!* — звучал в мозгу чей-то голос.

Воли, которую безуспешно призывал Осборн, не было больше...

Блеснул белый огонь... Снова Пламя? Рей быстро поднял голову и увидел, что это луч, падавший на рога Преданного. От этого луча Преданный скорчился, а щупальцы, разрывая плоть Рея, отпали. Глаза американца смотрели как сквозь туман, а в голове гудело.

Зазвенела сталь. Оковы, державшие Рея, упали, его кто-то подхватил и очень бережно опустил на пол. Над Реем склонилось расплывающееся лицо. Че... из очень далекого прошлого... Че...

— Пре... Преданный,— предупреждающе прошептал Рей, но эти далекие голубые глаза поняли его, и губы скривила холодная, как зимний шторм, улыбка.

— Взгляни сюда, брат,— поднял руку муриец, показывая вспыхивающий радужным кристалл, из центра которого сиял луч белого цвета.

Направив этот луч на рога существа, Че стал снова оттягивать его назад. Увернуться от него ползун не мог.

Лицо стоявшего позади Че жреца исказилось так, что ничего человеческого в нем не осталось. Он направлял свою силу на них и Преданного, но чудовище его уже не слушалось.

— Дьявол! — завизжал Мегос.

— К тому же пьющий кровь,— добавил Че.— Вот теперь и слушай своего зверя. Он, как мне кажется, очень голоден. Вы его как-то кормите, когда вызываете? Очевидно, да. Вот вам и расплата!

Между тем потерявший терпение от голода Преданный набросился на жреца, обвив вокруг Мегоса свои щупальцы.

Освободив одну руку, Мегос стал вырываться из объятий отвратительно скользкого существа, нанося ему удары кинжалом, но все усилия были безрезультатны, поскольку кинжал никаких следов в теле чудовища не оставлял. Зато Преданный испытывал наслаждение, питаясь его телом.

Первым не выдержал Рей. Он опустил голову на руку мурийца, не в силах смотреть на это, так как недавно сам был близок к такому концу. Но Че продолжал смотреть, удерживая чудовище лучом кристалла, как только оно пыталось повернуться.

Их слух резанул истошный визг. Че еще крепче прижал к себе Рея, а через некоторое время поднял кристалл последний раз.

— Все кончено,— проговорил он.— Теперь настала очередь исполнителя.

Рей поднял голову. Там, где совсем недавно стоял Мегос, лежала лишь куча растрепанных и запачканных лохмотьев, над которыми тихо ползло распростершееся чудовище. Как раньше Рей ощущал ярость Мегоса, так сейчас он ощутил чувство полного удовлетворения.

Свет мечом радиации ударил по ползающему существу, и оно замолчало. Рей почувствовал его недовольство и тревогу. Луч из

белого превратился в розовый, потом в красный. Существо визгливо завыло. Свет зарябил, словно невидимый источник усилил волны, и ритм этой ряби восприняло тело Рея.

Под действием этого света Преданный корчился, извивался, визг достиг такой высоты, какую уже не воспринимало человеческое ухо. Существо начало таять, его контуры стали расплывчатыми, а черная лужа, вытекающая из-под него, распространила такое зловоние, что стало невозможно дышать.

Но существо не сдавалось и делало отчаянные попытки выжить. Оно подняло голову, тело, концентрируясь для броска, потяжелело, но направляемый рукой мурийца луч не дал ему этой возможности.

Мерзкое существо погибло, оставив после себя лишь зловонную лужу, которую тут же истребил лучом Че.

Неожиданно на лестнице раздались восторженные крики, подхваченные с улиц внизу.

— Город пал,— торжественно возвестил Че.— Побросав мечи, жители просят пощады. А теперь, брат, необходимо заняться твоими ранами.

Возле Рея опустился на колени другой муриец, лицо которого показалось ему знакомым. Ну конечно же, это был предводитель освобожденных пленников.

— Это ты? Тейт, значит, выполнил обещание?

— Разумеется, лорд, и даже больше,— заговорил он, но Че его прервал.

— Твой рассказ подождет,— проговорил он, смазывая грудь Рея мазью.— Его нужно завернуть в плащ и как можно скорее доставить к Наакалям.

— А что делать с этим атлантом, милорд? — спросил один из мурийцев, держа за плечо Урана.

— О нем позаботятся.

Вторгшийся на платформу отряд был малочислен — всего двенадцать человек, четверо из которых были, вероятно, из команды Тейта. Уран преклонил колено перед Тейтом.

— Тебе, товарищ, высший воинский салют и огромное спасибо, что ты обо мне не забыл. Вот взяли атланта. Мне кажется, за него вряд ли кто заступится.

Взглянув в указанном направлении, закутанный в плащ Рей увидел Хроноса, которому связывали руки за жирной спиной два мурийца.

— Это пленник...

— Разумеется. Здесь его держали ненависть и трусость. Он, ненавидя нас, хотел быть свидетелем нашей смерти, но как трус боялся сражения внизу. Игра его проиграна, а расплата, я думаю, не обрадует.

Рей слышал все, о чем говорили, но находился в каком-то оце-

пенении. Наложенная Че мазь сняла боль, во всем теле ощущалась странная легкость и опустошение. Воля, как подумал он, на этот раз ушла от него с доброй целью и все его окружающее показалось нереальным, так как он остался жив, чудовище исчезло, прихватив с собой Мегоса, а Хронос стал пленником.

— Нам, очевидно, придется остаться здесь на некоторое время,— произнес Че, возвращаясь от лестницы.— Улицы запружены народом, так как некоторые группки отчаянных все еще продолжают сопротивляться, и нам пришлось бы пробивать себе дорогу боем.

Че присел возле Рея на пятки, снял со своей руки черный браслет и надел его на вялую руку американца.

— В каком-то смысле, это явилось нашим ключом к городу.

— Каким образом?

Эффект, произведенный на Рея прикосновением браслета, был удивительным. Мир, введенный в фокус, вновь установился.

— Этот браслет привез капитан Тейт, в защиту которого высказались все привезенные им мурийцы. Капитан провел наши отряды внутрь города известными ему внутренними ходами.

— А я что говорил? — воскликнул Уран.— Здесь были неизвестные Хроносу секреты, неисследованные даже Красными Мантиями.

— Но... Но каким образом оказались здесь мурийцы так быстро? — спросил Рей, поглаживая браслет другой рукой.

— Ну, об этом ты спроси у Ре Му или у Наакалей. Были и такие, которые считали, что мы не видим опасности, поэтому не готовимся к ней. А видишь, что получилось? Наш флот вышел из Майякса, а с востока — легионы Уйгура. Я плыл с Тейтом в авангарде, воспользовавшись своим правом.

— Что это за право?

— Как «что за право»? Ты уже состоишь на службе в Красной Стране, а кроме этого, ты мой брат по мечу. Значит, я должен был находиться здесь — это и есть мое право. Смотри! — Он показал свои руки в красных волдырях на ладонях.— Мы так торопились, что, я думаю, поставили рекорд. Когда было нужно, на весла садились даже офицеры. Командование было возложено на Тейта, поскольку никто лучше него не знал побережье. У него такой опыт в подобных рейдах, что я чувствовал себя первогодком-меченосцем. На секрет же он наткнулся совершенно случайно, когда спасался от преследовавшего его сторожевого судна, командира которого не смог подкупить. Когда их корабль попал в этот узкий проход среди утесов, он и мысли не держал, что из этого может выйти что-нибудь нужное. В результате они обнаружили полоску мели и пещеру, за которой находился туннель, прорубленный, по-видимому, еще в незапамятные времена. Этот туннель

проходил под городом, ведя к нижним помещениям храма Пламени. Там мы и высадились ночью, оставив один отряд, чтобы он провел людей с подошедшего флота. Тейт поклялся, что, как только мы появимся в центре, сыны Тени будут уже частично побеждены, поскольку сильно надеялся на свои стены и каналы. И он, как мне кажется, оказался прав.

Когда на заре мы схватили Красную Мантию, он посчитал нас душами убитых Солнцерожденных и поэтому поведал о намерении Мегоса призвать Преданного, чтобы накормить его хорошенько. В этом случае он мог бы захватить из собственного места обитания своих родичей, ибо такова природа этого чудовища. А устоять перед таким оружием мы не сможем.

Сначала мы стали пробиваться к храму Баала, посчитав, что это произойдет именно там, но слишком поздно поняли свою ошибку. Легионы Уйгура выбивали сопротивляющихся участок за участком. С ними рука об руку сражались атланты, недовольные правлением жрецов Великого Мрака. Пока шло сражение, через проходы храма прибывали и прибывали новые силы...

— А это? — спросил Рей, указывая на кристалл.

— Это сделали Наакали. У них всего несколько штук, одну из которых они отдали мне вроде предупреждения, что им можно пользоваться, только подойдя близко к чудовищу. Результат ты видел своими глазами. Но вот что для меня осталось загадкой: дважды на наших глазах это создание отступало, хотя ты был прикован и без оружия. Как же это случилось?!

— Если бы я не был свидетелем этого, то мог бы поклясться, что такого сделать никто не смог. А вот он сделал! — вмешался в разговор Уран.— Силой своей воли он отогнал и не подпускал этот ужас.

Все еще поглаживая браслет, связывающий его с этим местом и временем, Рей сказал:

— Все абсолютно не так. Я сделал лишь то, что в меня было заложено: вызвал Пламя...

— Пламя? — переспросил Че.

— Да, Белое Пламя,— повторил Рей, впадая в какое-то странное отрешенное состояние.

— Неумирающее Пламя,— произнес Че.— Подожди, но... но это... но это не для человека... человек не может на него смотреть! Воистину над тобой в этот день поднялся щит материстраны!

— Когда-то в этом городе Пламя горело в святилище алтаря,— сказал Уран.

— Но этого уже не будет никогда,— произнес Че.

— Что ты хочешь этим сказать? — поинтересовался атлантский принц.

— Получен приказ Ре Му о полном разрушении города, как только он будет взят. Здесь были открыты ворота между двумя мирами, которые никогда не станут родственными, поэтому город будет стерт с лица земли, чтобы память людская не сохранила его имени. Следовательно, закроется дорога для Преданного и его рода.

«Два мира... родственными не будут никогда...» — эти слова почему-то застряли в голове Рея.

— А как же народ? Что же будет с его жителями? — быстро спросил Уран.

— Зло должно пожинать плоды своего зла и за него расплачиваться, а остальные... Остальных мы вышлем в глубь страны, а флот Атлантиды исчезнет с мировых морей.

— На равнинах внутри страны царят мир и спокойствие. Они богаты и плодородны,— заметил Уран.— Может, к нам снова придет былое величие?

— Я слышал, что так написано, потому что мать-страна с течением времени падет, а сушей и морем впоследствии будет править Атлантида, как мечтал сделать это сейчас Хронос,— печально согласился Че.— Только свершится это в далеком будущем.

— Время это тоже пройдет...

— Пройдет,— кивнул Че.

— А что будет пото́м?

— Потом поднимутся новые земли, возникнут новые страны, среди которых будет и твоя, Рей.

— Долгое, очень долгое время,— сказал американец.— Много стран: Вавилон, Крит, Египет и Греция, Рим и многие другие. Много разных правителей. Мир не под одним управлением даже в моем мире и времени. До сих пор он разделен на множество стран и наций, которые время от времени воюют.

— Против Тени и Баала война кончилась навсегда,— подытожил Че, поднялся и направился к лестнице.— Ну что ж,— сказал он, вернувшись,— путь свободен и мы можем отправляться в храм...

Рей сделал попытку сесть, но оказалось, что это невозможно. Тогда он закрыл глаза, и не видел, каким образом его снесли с лестницы.

Пока они добрались до храма, им пришлось дважды отбивать небольшие атаки. К Рею снова вернулась боль. В его груди отдавался каждый шаг несших его на импровизированных носилках людей.

Как только они очутились под разбитой крышей, к ним поспешил один из Наакалей. Рея положили на ложе, сделанное из множества циновок, и предоставили жрецу Пламени осмотреть его.

— Что с ним? — спросил Че, когда осмотр был закончен.

— Все нормально, он поправится. А ты, сын мой, приступай к своим обязанностям. Твоему брату по мечу ничего не грозит.

— Конечно, это больно, и раны из такого источника необходимо как следует очистить,— успокаивающе произнес Наакаль.

— А я тебя знаю,— прошептал Рей.— Это ты ожидал со светом в коридоре до того... до того...

— До того, как ты отправился в это путешествие,— договорил за Рея жрец.— Ты абсолютно прав.

— А воля...

— Воля не моя,— ответил жрец,— только ты сейчас постарайся ни о чем не думать. Отдыхай в мире, это для тебя самое необходимое после пережитого. Со временем ты все поймешь, а пока спи...— приказал жрец, коснулся лба Рея пальцем, словно поставил печать на свой приказ.

Рей погрузился в глубокий сон.

* * *

— Мы все установили,— сказал Бартон, глядя на покрытый снегом земляной склон, ведущий к кургану.— Работа эта лоскутная, так что мы ничего не обещаем. Это, надеюсь, понятно?

— Мы вынуждены понять, поскольку вы слишком часто это повторяли,— пробурчал Харгрейвс.— А дальше что?

— Теперь мы имеем возможность увеличить напряжение энергии и на пять интервалов держать в готовности,— проинформировал Фордхейм.— Сначала начинаем с часа и постепенно уменьшаем до пяти минут, так как именно столько она продержится в последний раз. На дальнейшее мы составили график попыток. Осборн найдет открытую дверь все семь дней, если поисковому лучу удастся привести его к ней. Она будет открыта по пять минут. Только после этого мы будем вынуждены перезаряжаться.

— Это обыкновенная игра,— прокомментировал Харгрейвс.

— Разумеется, это игра, но отнюдь не простая. Это игра в самые сложные эксперименты, какими мы когда-либо занимались. Простая игра... Стрельба в Луну, по сравнению с ней — школьное упражнение,— возразил Бартон.

— Когда будет произведена первая попытка? — поинтересовался генерал Колфикс, молчавший все это время.

— Ровно в четырнадцать ноль пять. После этого мы откроем ворота на целый час. «Искатель» в соответствии с уравнением будет активизировать Бартон.

— И после этого мы ждем...— как бы про себя произнес генерал.

— Мы ждем,— эхом откликнулся Фордхейм.

— А потом перейдем на вечное ожидание,— добавил Харгрейвс.

ГЛАВА 17

Рей приподнялся на локте, оглядывая главный зал разрушенного и разоренного храма. Отсутствующая часть кровли позволяла обозревать ночное небо. Предназначенные для освещения каменных блоков светящиеся стержни, вставленные в скобы, служили теперь столами и стульями мурийским военным капитанам.

— Как твое самочувствие? — спросил Наакаль, видя, что Рей проснулся.

— Спасибо, уже лучше.

— Ты устал от наших забот,— улыбнулся жрец.— Тебе хочется уйти? — Его пальцы коснулись запястья, проверяя пульс.— Вполне вероятно, что ты сделаешь по-своему, несмотря на то, что я этого тебе не позволю.— Человек в белой тунике храмового слуги по знаку жреца принес одежду.

Рей с его помощью надел мягкую кожаную тунику, прикрывшую перевязанное от подмышек до талии тело, а поверх туники — куртку с металлическими полосами. Нагрудные пластины жрец отвел жестом.

— Для твоих ран они чересчур тяжелы, а кроме того, в них нет необходимости.

— А где Че? — поинтересовался Рей.

— У западных ворот. Он на посту.

— А как дела в городе?

— За исключением внутренней дворцовой башни, город сдался. Большая часть стражи бросила оружие, как только увидела плененного Хроноса. Сопротивляются только жрецы Баала, потому что знают, что от нас им не будет пощады.

— Рей! — воскликнул Че, быстро пересек зал и остановился, оглядывая его.— Отлично! Готовый воин, только без меча. Может, этот подойдет? Я отнял его у офицера, охранявшего ворота,— Че протянул Рею пояс с мечом в ножнах, рукоять которого украшал узор из рубинов.— Вот теперь то, что нужно. Будь готов.

— К чему? Сражение, по словам Наакаля, закончилось.

— Не к сражению. Город теперь в наших руках, кроме внутренних частей двора. На заре сюда прибудет Ре Му.

— А что с Хроносом?

— Хронос под охраной меченосцев Великого. А тебя желает видеть Ре Му.

Рей подумал о том, что тоже желает видеть императора, чтобы

задать ему несколько вопросов, хотя сомневался, что получит такую возможность.

Его снова охватило чувство реальности. Он ни в чем не участвовал, а только смотрел и слушал. С этим миром, в котором он был лишь зрителем, его ничто больше не объединяло, даже прикосновение к браслету.

Когда Ре Му вошел в Пятистенный Город, Рей был вместе с Че, видел большую, запряженную фыркающими конями военную колесницу Солнца, и отсалютовал императору, копируя мурийца. По знаку правителя он вместе с Че вышел вперед и преклонил колено.

— Милорды, я вижу вас,— поприветствовал их Ре Му официально.

— Великий, мы твои со всей нашей преданностью и силой,— ответил Че как положено и поклонился.

Рей же смотрел прямо в синие глаза. Его внешний вид говорил об уважении, но если Ре Му прочел мысли Рея, то понял, что это только вид.

— Милорды, мне кажется, никто и никогда еще не служил Солнцу так, как вы,— произнес император.— Я прошу вас к себе через час.

— Слушаем и повинуемся, Великий,— ответил Че и выпрямился.

Колесница покатилась дальше.

Слушать и повиноваться... Да, он слушает и повинуется, но ему необходимо получить ответы...

Следуя за королевской процессией он, вместе с Че, направился в центр города, где уже толпились жители полуразрушенной столицы.

Мурийские отряды безуспешно пытались навести хоть какой-то порядок и очистить от толпы переулки — дороги были забиты.

— Как нам попасть к Великому? — спросил Че, обращаясь к уставшему офицеру.

— Только не здесь, Солнцерожденный,— ответил тот, разводя руками.— Попытайтесь пройти по дальним улочкам и даже по крышам, но не советую спешить...

Вняв совету офицера, они пошли боковыми улочками, а кое-где и по верхам, пока не добрались до храма. Когда они достигли цели, Рей был вынужден прислониться к стене, ощущая смертельную усталость.

— А где Уран? — спросил он у Че.

— Не знаю,— ответил муриец.— Он еще ночью пошел к Великому. Если он именно тот, за кого выдает себя...— Че неожиданно замолк, увидев, как офицеры и толпившиеся здесь солдаты подались на платформу, поспешно устраивая трон.

Они составили вместе храмные блоки, задрапировав их блестящими военными плащами.

Император готовился судить город.

Ре Му окружила сверкающая масса людей в полированных доспехах, украшенных драгоценностями, смешанная с простыми белыми мантиями Наакалей. На более низком каменном блоке по правую руку от императора расположился Наакаль У-Ча. Подавшись вперед, он вглядывался в сцену перед собой, словно был близорук.

Как только Че и Рей смешались с воинами, раздался резкий и требовательный рокот стоявших на ступенях трона четырех военных барабанов.

Напоминавшее прибой бормотание толпы внизу моментально стихло.

Несмотря на бесстрастное лицо императора, создавалось впечатление, что он видит мысли каждого отдельного человека, которого собирался судить.

Под его взглядом стоящие в передних рядах опускали головы, смотрели в сторону, но через некоторое время вновь поднимали глаза, словно повинуясь приказу, не подчиниться которому они не могли.

Слегка подняв руку, император сжал пальцы на рукояти стоявшего меж его колен обнаженного меча, острие которого упиралось в треснувший и грязный камень под его ногами. Повинуясь этому легкому жесту, один из воинов отошел от своего главного места слева от правителя на один шаг. Это был Уран, Рей его сразу узнал.

— Люди Атлантиды! — повелительный голос Ре Му походил на жившие под плащом Тени барабаны...

По переполненной площади пробежала рябь. Люди, падая на колени, поднимали руки, хотя одни делали это униженно, а другие — с явной неохотой.

— Прости...— прозвучало как рыдание, постепенно нарастающее.

— В некоторых поступках вы перешли все границы прощения. Выбравшие Мрак, посмотрите на эти стены и подумайте, каким образом на них появились несущие против вас свидетельство красные пятна.— Восходящее солнце пробежало по лезвию поднятого меча императора, острие которого указало на те места, где нашли свой конец Солнцерожденные.

— О Великий, прости нас! Мы же только выполняли приказы!

— Люди, имеющие сердце, обязаны были уничтожить любого, отдающего такие приказы, являющиеся злом, а не прятаться в день суда под прикрытием слов: «Я выполнял приказ», иначе они не люди. Понятие о добре и зле заложено в человеке от рождения,

и он выбирает то или другое каждый день и каждый час. Наступит последний день для тех, кто выбрал зло, когда их будут судить именно по тому выбору, не принимая во внимание: от страха, от слабости, от злобы или от алчности сделан этот выбор. Вашим предкам, пришедшим в эту страну, были вручены два сокровища, чтобы они, глядя на них, помнили о справедливости.— Вновь блеснувший меч указал на закрытые пыльными тряпками колонны.— Вы открыто предали их, поэтому не смеете смотреть на них, и потому они скрыты теперь от глаз ненависти, страха и позора. Выбрав покрытие Тени, вы тем самым вычеркнули эти символы справедливости, а некоторые даже в бездну последовали за ней. Итак, чтобы кровь покрыла кровь, этот город должен быть стерт из глаз и памяти людей. Такой вид справедливости люди Атлантиды, очевидно, понимают лучше всего.

— Пощады... просим пощады,— прозвенел тонкий плач женщин и детей, так как стоящие в толпе мужчины рта не открывали.

— А в свой день какую пощаду оказали люди Атлантиды? Подумайте об этом! С наступлением ночи этот город будет уничтожен, словно его и не было. Что будет с вами, сделавшими его местом нечистот?

Воцарилась полная тишина, прерываемая иногда вскриками или ребенка, или женщины.

— Да, это по вашей милости город превратился в свалку для нечистот, над которыми гордо возвышался храм Баала, поэтому я не вижу оснований, чтобы освободить жителей от той же участи, которая ожидает город.

— Пощади, Великий, пощади! Хотя бы ради наших детей! — поднялся полный мольбы голос.

— Выслушайте мои слова, люди Атлантиды! Правосудия и суды бывают разные. Зло в вас, в большинстве из вас было воспитано, поскольку вы слабы и глупы, но оно проявилось не во всех одинаково, поэтому я предлагаю вам покинуть стены этого города, взяв с собой только носимую одежду и пищу. Высшая кара настигнет каждого, не успевшего до захода солнца выйти за ворота.

— Великий,— перед императором преклонил колени Уран,— это мой народ, поэтому я прошу позволения покинуть город вместе с ним, чтобы вести его до тех пор, пока он заново не постарается...

— Одумайся, Уран. Они отвернулись от твоего дома в прошлом, отбросив правление людей твоей крови и взяв себе вождя, сделав свободный выбор между добром и злом. Между тем в матери-стране тебя ожидают почет и служба, соответствующие твоему положению. Ты желаешь вести этот народ, который кровью твоих близких запятнал стоящие перед твоими глазами стены?

— Великий, сколько раз я слышал от тебя слова о жизненном выборе и о результатах такого выбора. Я — Солнцерожденный, но я из этой страны, с этим народом делю ее и буду с ним до конца. Я сделал свой выбор и приму все, что он мне принесет.

Поднявшийся высоко в воздух меч Ре Му опустился, слегка коснувшись сначала правого, а потом левого плеча Урана. После этого Ре Му позволил Урану поцеловать рукоять, повернув лезвие к себе.

— Люди Атлантиды, хорошенько выслушайте! — вновь заговорил император.— Во главе вас я ставлю такого вождя, какого не было у вас с тех самых времен, когда страна была чистой и прекрасной. Он из Атлантиды, хотя и Солнцерожденный. Он не иноземный завоеватель, а атлант из атлантов, поэтому будьте верны такому выбору, а также повинуйтесь ему и дорожите им.— Он замолчал на мгновение, потом продолжил: — Уран, Посейдон Атлантиды, даешь ли ты клятву вновь воссоздать жилище Пламени, продолжить борьбу с Тенью, чтобы вывести к свету свой народ, держать закон и справедливость под Солнцем всеми ее легионами, и в час нужды стать для матери-страны мечом и щитом?

— Великий, я клянусь в этом на Пламени и за себя, и за свой народ.

Уран снова поцеловал рукоять меча императора и встал, повернувшись лицом к стоящей внизу толпе.

Люди молчали. Но как только Уран стал спускаться по ступеням храма, они зашевелились, некоторые начали протискиваться вперед, падать на колени, целуя руки и край его плаща. Спустившись вниз, он снова повернулся к трону, окруженный людьми.

— Великий, мы уйдем к заходу солнца, повинуясь данному тобой приказу,— произнес он.

По площади еще раз пробежала рябь, и Рею показалось, что люди собрались расходиться, но их остановила барабанная дробь.

Толпа замерла в молчании, а в наступившей тишине раздался голос Ре Му.

— Люди Атлантиды! Вас призвали на суд, теперь же пришла ваша очередь судить! Вы должны решить дальнейшую участь этого человека!

Мимо расступившихся мурийцев, стоявших рядом с троном, прошагал отряд стражников, конвоировавший седого человека с дергающимся лицом и трясущейся головой.

Это был Хронос.

Раздавшийся рев так резанул слух Рея, что он попятился. О ярости толпы Рей слышал и читал, но видеть это в действии не доводилось.

В своей ярости люди были схожи с Преданным.

— О Великий, отдай его нам! — завопили сотни и тысячи глоток.

— А ты что скажешь, Хронос? Это справедливо? Ты сам желаешь такой справедливости?

Свергнутый Посейдон, к удивлению Рея, опустил голову, которая продолжала дико дергаться.

— Это будет справедливо,— ответил он, и Рей решил, что он сошел с ума.

— Ты сделал выбор, да будет так! — произнес император.

Не успели стражники расступиться, как хлынувшая людская волна поглотила Хроноса, и он исчез, не издав ни звука. Ничего особенного не произошло, только небольшой водоворот, а через мгновение толпа распалась, растекаясь по площади. Ре Му покинул свой импровизированный трон и в окружении Наакалей скрылся в храме.

К мурийцу и Рею подошел офицер.

— Солнцерожденные, вас желает видеть Великий.

Они направились в ту часть храма, в которой камень был гораздо больше изрублен и сильнее изуродован огнем, и Рей решил, что когда-то это был центральный алтарь. Здесь находился Ре Му и Наакаль У-Ча.

В первую очередь император заговорил с Че.

— Солнцерожденный, ты желал пост наивысшей опасности и хорошо поработал. С твоей помощью было уничтожено вызванное из другого мира порождение зла. Скажи, что ты хочешь в награду?

— Я выполнил свой долг, а для воина нет награды выше этой.

— Это всего лишь ответ юности и мужества, который тает в утре жизни, но я уверен, что этого недостаточно. Подойди ко мне.

Че подошел и преклонил колено перед императором. Ре Му отцепил от своего военного шлема кольцо змеи и передал его мурийцу.

— Змея предназначается тебе, а впоследствии перейдет в полную принадлежность твоим сыновьям и от них — своим сыновьям.

После этих слов все воины, окружавшие его, подняли обнаженные мечи вверх.

Тем временем император обратился к американцу.

— Ты, чужеземец, оказал нашей стране неоценимую услугу, хотя выполнял чужую волю, навязанную тебе без твоего согласия. Следовательно, ты имеешь полное право требовать от нас что угодно.

— Да,— ответил Рей кратко.

— Это не твоя война, ибо ты не нашей крови, но мы, несмотря на это, воспользовались твоими возможностями в момент наивысшей опасности. Хотя использовать тебя было злым деянием, но оправданием моего поступка было спасение от гибели всего моего

народа. Невидимые для людей и стали барьеры, окружавшие эту страну, и барьеры, воздвигнутые Мегосом вкупе с учеными, не давали нам возможности дотянуться до нее, моментально схватывая любого смельчака нашей крови. Тебе тоже довелось испробовать их оружие на своей шкуре.

У тебя оказались некие врожденные предохраняющие силы, которые мы не надеемся развить у себя, и поэтому тебя сделали нашим оружием, вложив в твой мозг самое для нас необходимое. Ты был нашим единственным ключом к их двери.

— И к Преданному тоже? — спросил Рей, спокойно глядя прямо в глаза правителю большей части мира, не преклонив колена и не ощущая благоговейного трепета.

— Разумеется,— согласно кивнул император.— Если хочешь, Преданный лишь первый разведчик той армии, которую хотел выпустить на нас Мегос. Всякий раз, когда Преданного вызывали и кормили, крепли его связи с этим миром. Он стал как бы ключом. И кто знает, может быть, со временем весь его род протоптал бы сюда дорогу или что-нибудь похуже, ибо Мегос вызывал его из чуждой вражеской цитадели. А в этой бездне, очевидно, и не такие ужасы обитают. У нас был шанс разделаться с Преданным и закрыть ворота, но чтобы его выманить, потребовалась приманка... то есть ты...

Такого человека, чтобы так самоотверженно послужил материстране и всему народу, как сделал это ты, чужеземец, не было за всю нашу историю. До тебя не было ни одного человека, способного не только встретиться с таким злом, а еще и удержать его на расстоянии в беспомощном состоянии. Я не могу наградить тебя, чужеземец, ибо не знаю такой награды, способной по достоинству оценить сделанное тобой, но готов данной мне властью выполнить любое твое пожелание. Проси!

— Великий, верни меня в мое место и время,— попросил Рей.

После длительного молчания Ре Му медленно произнес:

— Чужеземец, все имеющиеся у нас знания — твои, но я не знаю, можно ли сделать то, о чем ты просишь. А вдруг нельзя?

— Н-не знаю,— Рей замялся, затрудняясь выразить свои ощущения словами.— Возможно, я не смогу вернуться назад, но обязан хотя бы попробовать.

— Это твое право. Да будет так!

Рей вместе с Че отступили назад.

— Брат... Ты нас ненавидишь за свершенное? — лицо мурийца было опечалено.— Я, конечно, не в курсе всего этого, но когда в человеке вызывают злобу, вижу...

Но Рей не ощущал никаких эмоций, кроме усталости и опустошенности. Им овладело странное чувство, словно он не жил, а только существовал в каком-то месте, абсолютно для него безразлич-

ном. С момента освобождения его от управляющей им воли и смерти Преданного он был как бы наблюдателем, а стать вновь реальным...

— Что ты, брат, какая ненависть, это лишь усталость. Я очень устал...— ответил американец.

— Что же будет, если ты не сможешь вернуться? — Че протянул было руку, чтобы коснуться Рея, но не сделал этого, словно почувствовал преграду, возникшую между ними.

— Я не знаю...

Че опустил руку и, продолжая по-прежнему идти рядом, время от времени поглядывал на Рея, у которого действительно был очень усталый вид.

Они вернулись в ту часть храма, где Рея лечили, и легли на ложе из кучи плащей. Че уснул мгновенно, а Рей не мог, несмотря на усталость. Закрыв глаза, он попытался увидеть деревья, молчаливый лес...

Император предлагал выполнить любое его желание. Может, нужно было попросить корабль? Пойти на нем на север, к равнине, пересечь ее и вновь очутиться в сумрачном лесу, чтобы встать на то место, на котором оказался, войдя в этот мир. А если ничего не произойдет?

Он открыл глаза, услышав около себя шорох. Возле ложа стоял У-Ча и смотрел на Рея. В своей белой мантии, казавшейся более материальной, чем хрупкое тело в ней, Наакаль выглядел старым и увядшим.

— Я знаю, что той волей во мне был ты,— неожиданно произнес Рей.

— Да, но лишь частично,— признался У-Ча.— Не знаю, поверишь ли ты, но твоя сила была намного больше моей воли.

— Прости, но я не хотел...

— Что, подчиняться нашим приказам? Это тоже верно, в какой-то степени, но пойми одно: подобного тебе среди нас нет. Ты другой, судя по нашим меркам, сложный... Возможно, это связано с другой жизнью, которой ты жил и о которой нам ничего не известно. Но теперь, как мне кажется, ты совершенно изменился в сравнении с тем, каким пришел в наше время.

Рей встал. Раны, несмотря на повязки, побаливали, но это его почему-то не беспокоило, а наоборот, действовало успокаивающе и живительно.

— Что ты имеешь в виду? Что перемена меня здесь не оставит?

— Я думаю, сын мой, что в твою голову тоже приходила такая мысль, так как ты очень сильно изменился, уверяю тебя. Такие процессы, насколько мне известно, идут в рост, поэтому я считаю, что твои изменения начались именно тогда, когда ты покинул свой мир. Значит...

— ...я должен быть готов к неудаче,— закончил его мысль Рей.— Спасибо, что предупредил. Но ты не откажешься помочь мне?

— Разумеется, нет. Ты можешь распоряжаться всеми нашими знаниями и умениями.

— Ты не понял меня. Мне нужна помощь не в Му, а на севере...— сказал Рей.

— На севере? — удивился У-Ча.— В Бесплодных Землях? Но там нет ни храма, ни места для изучения...

— Но я пришел с севера, следовательно, и вернуться должен на север, причем как можно скорее, иначе вообще ничего не получится. Я в этом уверен.

— Хорошо. Пусть будет так,— Наакаль склонил голову, потом поднятой худой рукой, испещренной толстыми синими венами, начертил в воздухе знак.— Мы сможем оказать тебе помощь на этом пути, но только ни сегодня, ни завтра. Может, через многие завтра... А пока пусть твой ум отдохнет, а мозг придаст твоему телу легкость. Желаю тебе мира и покоя до нужного времени.

Рей снова лег и окунулся в долгожданный сон, нарушить который не смели никакие воспоминания.

Солнце клонилось к закату, когда Рей, Че и грубые рейдеры, приведшие к цитадели мурийских воинов, вышли за город. Через внутренние ворота, слившись в семейные группы и компании, тянулись последние жители, чтобы отправиться в долгий-долгий путь. Охраняли их конные мятежники с равнин. А между тем в городе происходил последний обыск каждого дома, чтобы не остался кто-нибудь забытый. Сумерки окутали город, когда за ворота вышли последние обыскивающие. Как только последние люди с мурийских кораблей достигли холмов, с моря и из глубины страны вылетели лучи света.

От их столкновения разнесся страшный треск, а землетрясение сбило с ног многих наблюдателей. К темному небу понеслись тучи пыли, поднятые крутящимся ветром.

— Смотри! — воскликнул муриец, хватая Рея за плечо.— Смотри на храм Баала!

В лучах света угрюмо возвышалось нетронутое красное строение. Вновь столкнувшиеся лучи сконцентрировались над этим зданием... исчезли... Здание по-прежнему оставалось невредимым. Тогда с неба упал яркий и ослепляющий свет, подобный разрушающей машине, поднятой неизвестной силой природы, и произвел такой грохот, что Че с Реем чуть не оглохли.

Когда же они наконец смогли открыть глаза, храма уже не было.

И именно в этот момент у Рея возникло любопытное, но необъяснимое впечатление, что он увидел улетающую тень человеческой фигуры с головой быка, которую прикрывал плащ Мрака, распростертый над ней.

Поверить в это было настолько трудно, что даже впоследствии он никому об этом не рассказывал.

Они повернулись к своим кораблям, но в это время из процессии медленно двигающихся атлантских беженцев вырвался всадник. Это был Уран.

— Я не забыл тебя, друг,— сказал он Рею, наклонившись с седла.— Ты только скажи, и твоим будет все, что есть у меня; позови, и я приду к тебе даже на край света. Так будут поступать и мои сыновья, и внуки. Ну а теперь, прости, но я должен быть со своим народом. Только ты, брат, помни...

— Меж нами нет долга,— ответил Рей, хватая его за руку.— Идите свободно, в мире...

Пальцы Урана, стиснувшие руку Рея, разжались, и он ускакал.

— Нас ждут корабли и мать-страна,— сказал стоявший рядом Че.

Не говоря ни слова, они направились к берегу.

ГЛАВА 18

— Тебя высадить в этом месте? А ты уверен, что это здесь?

Рей понимал сомнения капитана Тейта, так как никаких отличительных признаков на этом пустынном берегу не было... Но хотя все прибрежные участки были абсолютно одинаковы, Рей уверенно и твердо произнес:

— Здесь.

В нем возникло ощущение, словно какая-то нить влекла его сюда, а по мере приближения к Бесплодным Землям она становилась более настойчивой, и ничто не могло порвать эту нить.

Два дня назад Че заговорил о возвращении домой, в мать-страну, но Рей точно знал, что это возвращение не для него. У него есть одна дорога, которая, как он говорил У-Ча, ведет на север. Доставить Рея в нужное место согласился Тейт, который выслеживал жалкие остатки флота атлантов, плавая под новыми, мурийскими, парусами.

Дул схожий с дыханием зимы холодный ветер, и капитан вынужден был запахнуть плащ как можно плотнее. В эту страну, как было известно Рею, должна была прийти зима, которая напоминала о себе, запятнав белым снегом отмели.

— Иди, но помни, что мы крейсируем к востоку. Если возникнет желание, чтобы тебя подобрали, дашь световой сигнал.

Рей согласно кивнул, хотя в глубине души был уверен, что сигнала давать не придется, только не знал, как объяснить это капитану попонятнее.

— Я иду искать свой народ, поэтому могу не вернуться,— сказал он.

— Ну-ну, свои секреты есть у каждого, но люди говорят: «Не хочешь услышать вранья — не задавай вопросов»,— ответил Тейт.— Здесь только дикие места и никаких колоний. Кроме того, здесь встречаются преступники, могут даже появиться пираты из спасшихся атлантов, корабли которых крейсировали здесь раньше. Так что, воин, будь осторожен и не снимай руку с меча. А твоего сигнала мы все же подождем.

— Хорошо, но если в течение пяти дней сигнала не будет, меня больше не жди и не ищи, а отправляйся по своим делам,— твердо произнес Рей.— Договорились?

— Ладно, только что я скажу при возвращении? Что высадил тебя в диком месте и без всякой охраны бросил? Да если я такое скажу, мне не избежать вызова на мечах. Больше всего я опасаюсь встречи с Солнцерожденным Че, от которого ты сбежал обманным путем, принеся с собой приказы на борт моего корабля.

— В случае чего направишь его к Наакалю У-Ча. Он в курсе и все ему объяснит.

Нетерпение сжигало Рея до такой степени, что он готов был добраться до берега вплавь. Но Тейт, очевидно, понял это, так как не стал тратить драгоценное время на бесполезные споры и отдал приказ.

Спущенная на воду лодка стрелой понесла Рея к долгожданному берегу.

Когда лодка почти приблизилась к берегу, Рей прыгнул в воду, не дожидаясь полной остановки, и в мгновение ока оказался на берегу. Рулевой кинул ему сумку с провиантом. Рей почти на лету поймал ее и, не оглядываясь, направился к дюнам.

Несмотря на то, что ветер и волны очень неплохо над ними поработали, но камни, предназначенные для сигнального костра, сохранились.

Да, внутреннее чувство, направлявшее Рея, не обмануло его. Здесь, когда Рея взяли в плен, находился лагерь атлантов.

Пора идти. Рей достал из сумки самое необходимое, а остальное спрятал за более-менее подходящий камень, надеясь, что это ему больше не понадобится, и направился в глубь местности с такой уверенностью, словно двигался по гладко вымощенной и хорошо отмеченной дороге.

В скором времени он оказался у знакомого оврага, на дне которого лежали очищенные добела кости лося, и поднялся вверх. Перед его глазами темнела полоса леса.

День был пасмурным, а небо холодным и мрачным, отчего мороз был гораздо ощутимее.

Несмотря на сезон, на деревьях оставались листья, поэтому в лесу было сумрачно из-за все еще висевшего над головой темного навеса. Его ноги утопали в мшистом ковре, зелень которого слегка тронуло коричневым. Но как он ни вглядывался вдаль, кроме мрака ничего не видел. Это был его много раз повторяющийся сон: темный лес, что-то там двигающееся, которое хочет его встретить. И поскольку путь этот был его, свернуть он уже не мог. Чувство необходимости двигаться вперед, к тому месту, где он прошел сквозь время, захлестывало его. Но оно не походило на то, что было в Атлантиде, когда его страхами и желаниями руководила воля.

Сначала это чувство беспокоило его лишь слегка, но, возрастая с каждым днем, оно подталкивало его так сильно, что даже если бы он и захотел, сопротивляться больше он не мог.

Исчезла носимая им раньше кожаная куртка, и теперь он был одет в тунику из выделанной до мягкости ткани шкуры, усиленную металлом, военную юбку и латы поверх перевязанной груди. Пояс обвивал талию, а на нем бился о бедро меч в ножнах.

Перемена в одежде очень сильно изменила Рея, и он подумал, что она придаст его фантастическому рассказу какую-то достоверность при встрече с людьми его времени.

В конце концов Рей пробился через подлесок и пустился бежать между деревьями, не обращая внимания на царапины и опасаясь не найти точку пролома во времени. Но притягивающая сила не прекращалась, словно работал какой-то аппарат, и Рей, успокоившись, продолжал бег, только на этот раз не из леса как раньше, а в лес. Вперед... вот... сейчас...

* * *

— Смотрите, что-то двигается! — воскликнул Бартон, сбрасывая наушники.

Все посмотрели на экран.

Перед их глазами появилась чуждая сцена: гигантские деревья, край поляны.

Оглянувшись на собравшихся, Харгрейв подумал, что, несмотря на фильм и снимки, они «реально» этому не верят. Конечно, в это нельзя поверить, пока своими глазами не увидишь!

Повернувшись к своим ассистентам, Бартон резко потребовал повторения показаний, и каждый из них повторил свою серию. Нахмурив брови, Бартон настраивал шкалы перед собой.

— Дальберг, повторите свою серию!

Ассистент еще раз перечитал цифры, которые Бартон быстро

записывал, протыкая ручкой блокнотные листы. Подведя итог, он резко перечеркнул написанное и ниже написал новый цифровой ряд, углубив складки на своем лбу.

— Это что? — поинтересовался генерал Колфикс.

Бартон, требуя тишины, махнул рукой в нетерпении и обратился к другому ассистенту:

— Кемпбелл, сделайте попытку...— И принялся диктовать новый поток уравнений.

Ассистент коснулся пальцами кнопок и повернул циферблаты. Сгорбившись, Бартон наклонился к небольшому видеоэкрану, который повторял сцену на большом.

— Минут десять продержится,— произнес Фордхейм.

— Но может и не хватить,— ответил Бартон, оглядываясь.— Луч поймал или его, или кого-то другого. Постарайтесь держать подольше.

— В таком случае придется воспользоваться резервом, иначе в ближайшее время мы можем потерять возможность другой попытки.

— Но я же сказал, что мы его поймали.

— Вы сказали, что луч поймал то ли его, то ли кого-то другого, а это звучит довольно неопределенно,— сказал генерал.

— Это все делается, основываясь на предположении уравнения, выведенного из сведений, весьма неадекватных,— пояснил Бартон,— и вполне естественно, что какие-то варианты мы должны предполагать.

Вот поэтому мы, используя луч, сделали упор на мозг, и неудивительно, что кто-то отозвался на этот призыв. Но я твердо уверен, что, кроме нашего человека, никого другого мы поймать не могли. Мы знали об этом человеке, только о нем, и на этой основе строили зов.

— И все же у вас нет полной уверенности,— констатировал Колфикс, взяв со стола маленький коммутатор.— Предупредите своих людей, Смолл, чтобы они хватали всякого, проходящего сквозь... И доставить сюда через две минуты после его появления.

— На этом установлении шесть минут,— сказал Фордхейм, поглядев на свои циферблаты, и повернулся к Бартону.— Он близко?

— Да, уже меньше мили. Включайте экстра-время!

Фордхейм помолчал немного, барабаня пальцами по краю панели, и подтянул микрофон.

— Пусть идет в экстра. Да, как только кончится время, включайте запасную энергию!

— На экране деревья являются лишь невинной картинкой,— рассуждал Харгрейвс.— Вдоль индейского кургана расположились люди, получившие приказ схватить того, кого в это время тащит

луч. Может, это Рей Осборн, а может, кто-то другой, но главное, что этот кто-то имеет человеческий мозг, потому что в ином случае луч Бартона его бы не поймал, не вытащил. А вдруг это человек, родной мир которого — этот страшный лес?

* * *

Споткнувшись о корень, выступавший из земли, Рей вытянул руки, пытаясь удержаться на ногах, и наткнулся на дерево. Он судорожно вцепился в кору, но... дерево вдруг растаяло! Еще раз споткнувшись, он уже не удержался и упал на одно колено. Вокруг него и над ним в диком танце закружились тени, а впереди замаячила большая тень... Нет, это куча земли... курган... Не может быть, индейский курган!

С криком бросившись к нему, Рей внезапно остановился... его руки ничего не коснулись...

Вот же курган, он видел его очень отчетливо и даже ударил по его твердой поверхности кулаком... но ни о какой поверхности, тем более о твердой, не могло быть и речи... Хотя глаза уверяли, что это холм замерзшей земли, его рука, не встретив никакого препятствия, прошла сквозь него.

Из-за кургана выбежали менее реальные тени, чем сам курган, которого он не мог коснуться, и Рей отступил назад. Люди... Он видел их туманные лица, униформы, протянутые руки, пытающиеся его схватить. Один, бросившись на землю, подкатился Рею под ноги... хватаясь за то же ничто, встретившееся на кургане Рею.

— Нет! — услышал Рей свой собственный дикий вопль.

Это был виденный Реем не во сне и не наяву конец кошмара, и он снова отступил. Люди... Тени людей. Внезапно одна из теней подняла винтовку... Раздался выстрел...

— Нет! — вновь вырвался крик из его горла, и он рванулся в лес, в безопасность, желая, чтобы снова были деревья, чтобы вновь все вернулось.

Не надо ни туманных людей, ни кургана, которые и есть... и нет! В нем вспыхнуло дикое возмущение, и тянувшая его назад, в это безумие, нить лопнула. Деревья... деревья... Закрыв глаза, Рей начал думать о деревьях, и они, высокие, крепкие и ожившие, возникли в его мозгу.

Да будет так!

У своего плеча он ощутил что-то твердое, вытянул руку, не осмеливаясь открыть глаза, и почувствовал грубую кору. Дерево! Да, много деревьев вокруг него, и он как можно крепче прижал пальцы к шершавой поверхности.

Когда он в конце концов рискнул открыть глаза, то увидел, что вокруг него возвышались деревья, а впереди — курган и стоявшие рядом с ним солдаты.

Для Рея теперь это были чужаки в мире чужом и запретном, поскольку порвалась тянувшая его нить.

Простоял он так довольно долго, пока не исчезло окно то ли во время, то ли в пространство. Рей глубоко вздохнул и прислонился к дереву. В лесу он был один.

Что же произошло?

То, что Рей наполовину вернулся в свой мир, было фактом очевидным и бесспорным, явным доказательством которого были курган и окружавшие его люди в форме. Он видел, но не коснулся и не сумел пройти полностью, а из этого следует, что он вынужден смириться с тем, что возврата не будет. Но эта утрата почему-то не взволновала Рея. Он радовался, что ему удалось убежать от этого полумира, и его охватило величайшее облегчение.

* * *

Первым нарушил молчание генерал Колфикс.

— Что произошло? — спросил он.

Бартон, все еще не веря своим глазам, продолжал вглядываться в экран, вцепившись в край панели.

— Все кончилось! — ответил Фордхейм.— Приборы полностью сгорели.— И он постучал по циферблатам, стрелки на которых замерли в неподвижности.

— А его вы видели? — Бартон повернулся к Харгрейвсу.— Ведь видели!

— Да, тень... похожую на призрак...— Харгрейвс как бы подбирал подходящие слова.

— На нем были латы и меч,— добавил генерал.— Это человек не нашего времени. Но если это все-таки Осборн, то что он там делал и почему не прошел сквозь?..

— Вероятно, не мог,— ответил Фордхейм.— Я думаю, что если и был Осборн, которого нам удалось привести обратно, нашему миру он больше не принадлежит. Задумав операцию «Атлантида», мы изучали множество теорий. Когда речь заходит о путешествиях во времени, всегда цитируют старый парадокс, в котором говорится, что человек может не только вернуться назад, но и историю собственной семьи изменить, а в результате может и сам не родиться. Конечно, такой род путешествия во времени мы испытывать не собирались, но если предположить, что на том уровне Осборн сделал для истории что-то важное, например, вмешался

в действие, дающее ему корни здесь, то вот вам и результат — его закрепление в том мире.

— Если вы правы, то выходит, что такая вещь произойдет с любым, рискнувшим пройти? — поинтересовался генерал, вставая.

Фордхейм кивнул, подтверждая.

— Я составлю рапорт,— произнес генерал, вертя в руках свой коммутатор.

— Проект нужно отложить,— не спрашивая, а утверждая, произнес Фордхейм.— Отложить, но продолжать следить. Идти туда, пока многое не прояснится, я не советую.

— А Осборн как же? — поинтересовался Бартон.

— Осборн, как мне кажется, если, конечно, это был он, нашел свое место и останется там до тех пор, пока мы не узнаем как можно больше,— заключил Фордхейм.

— Если предположить, что мысле-луч поймал именно Осборна, то ему там не так уж и плохо, я думаю,— вмешался в разговор Харгрейвс.— Ведь с тех пор, как он попал в незнакомый мир и там затерялся, прошло несколько недель, а на зов луча он полувернулся в латах и с оружием. Из этого следует, что там он оказался вполне на месте, если обитатели того уровня вступили с ним в контакт и даже снабдили одеждой и оружием. Вполне вероятно, что доктор Фордхейм прав, и он сделал что-то, по-видимому, очень важное для них. Только вот что, хотелось бы знать?

— А вот этого мы, вероятно, никогда не узнаем,— произнес Бартон, медленно вставая.— Но он где-то в безопасности, хотя добраться туда мы не можем.

— Не где-то, а в нигде не отмеченном когда-то,— подчеркнул Фордхейм, качая головой.

А в это время генерал Колфикс поднес к уху щелкнувший на руке коммутатор.

— Говорите, генерал Колфикс слушает.

Он внимательно слушал в течение минуты, а затем с ошеломленным видом повернулся к присутствующим.

— Докладывают из Пентагона. В Атлантическом и Тихом океанах возникли новые земли. Да, да, возникли внезапно, словно были всегда, а не поднялись с океанского дна.

— Не может этого быть... Атлантида...— в изумлении прошептал Фордхейм.— Но каким образом... почему?

— За ответом следует обращаться к вашему компьютеру. Затребуйте новое уравнение... Мы получили два континента в обмен на нечаянно посланного туда человека. Выходит, что и на этой стороне мы можем иметь «когда-то». С этими землями, если они открыты и населены, стоит иметь дело...

— ...для захвата,— продолжил его мысль Харгрейвс,— если только они возникли вместе с обитателями. Но насчет этого не мешает подумать хорошенько. Отныне из двух возможных миров Осборн будет иметь лучший!

* * *

Ветви высоких деревьев пронизывали небо, создавая под собой тьму, но, несмотря на это, ничего тревожного вокруг теперь не ощущалось. Рей легким шагом возвращался назад, на взморье, и хотя гид, приведший его сюда, молчал, он надеялся найти обратную дорогу.

С возвращением деревьев пришло чувство безопасности, словно побег из призрачного полумира избавил его от опасности, которая грозила не только телу, но и чему-то большему.

Только сейчас он осознал правильность предупреждения Наакаля У-Ча о невозможности возвращения, потому что его действия здесь создали своеобразный барьер между Реем и прошлым. И как только он это понял и принял, к нему вернулось утраченное в Пятистенном Городе чувство реальности. Теперь он знал, что то, в чем он нуждался, было здесь и сейчас. А что бы ему дало или могло дать его собственное время? Гораздо меньше найденного здесь.

Выйдя из леса, Рей прибавил ходу.

До вечера было довольно далеко, и он не знал, сколько времени доведется проболтаться на берегу. Может, на его счастье, рейдер болтается где-нибудь поблизости и, увидев сигнал, скоро заберет его?

Теперь Рей бежал, как уже бежал однажды из этого мира. Ему в голову пришло обещание Ре Му выполнить любую его просьбу.

Теперь Рей точно знал, что хочет укрепиться на этой земле. Здесь будут жить желающие. Это будет его собственной страной, держаться за которую он будет не из-за того, что это единственная связь с его миром, а из-за Бесплодных Земель. Какие же они Бесплодные? Это название ошибочно, потому что, если посмотреть хотя бы на этот лес или на равнину... Хорошая страна! И она ждет людей.

Рассеявшиеся тучи пропустили солнечный свет, позолотивший сухую равнинную траву. Нет, это не Бесплодные Земли! Пройдет время, и здесь вырастут города, будет много людей...

Задохнувшись от бега, Рей пошел медленнее и наконец вышел на взморье.

Забыв про боль в бедрах, про недавнюю усталость, он полез на

скалы за сушняком, чтобы разжечь сигнальный костер для следящего дозорного капитана Тейта.

Собрав достаточное, по его мнению, количество топлива, Рей достал из поясного кармана зажигательную палочку и, присев на корточки, раздул искру в могучую жизнь.

Нет, эти земли реальны... Ему подумалось об окне и о тенях за ним. Ведь это было здесь, сейчас. А что именно э т о? Где-то... нет, когда-то... Но в данный момент э т о никакого смысла для него не имело.

Подбросив в костер как можно больше кустарника, Рей стал смотреть на столб темного дыма, спирально поднимавшегося навстречу теплому и утешающему солнцу.

ГЭРАН ВЕЧНЫЙ

роман

Часть первая

ГЭРИН ИЗ ТАВ

Глава 1

СКВОЗЬ ГОЛУБОЙ ГАЗ

Через шесть месяцев и три дня после подписания Шанхайского мира и объявления конца Великой войны 1985-88 гг. на истощенной Земле молодой человек плюхнулся на парковую скамью в Нью-Йорке, неприкаянно уставившись на гравий у своих плохо обутых ног. Он был обучен заполнять место в кабине боевого самолета — и ничему больше.

Поиск жизненной пищи во время мира стоил ему здоровья и честолюбия.

На другой конец скамьи опустился еще один человек. Летчик с горечью рассмотрел его. Он-то носил приличную обувь, теплую куртку и тот ореол довольства миром, который является результатом экономической безопасности. Будучи скорее средних лет, этот человек обладал скупой грацией движений и постоянной готовностью к действиям.

— Вы не капитан Гэрин Фезерстоун?

Пораженный летчик утвердительно кивнул. За два года до этого он, капитан Объединенных Демократических Сил Гэрин Фезерстоун, провел опасный бомбовый рейд в обширные пустыни Азии, чтобы стереть с лица земли значительную экспедиционную армию, тайно собранную там. Это было эффектное предприятие, и уцелевшим оно принесло некоторую славу. Из пухлого бумажника вновь

подошедший вытащил газетную вырезку и помахал ею перед соседом по скамье.

— Вы — тот человек, которого я ищу.— Чужак снова сложил вырезку.— Пилот с инициативой, смелый, мыслящий. Человек, совершивший такой рейд, плохо одет...

— Ваше предложение?— устало спросил Фезерстоун. Он больше не верил в удачу.

— Я — Грегори Фэрстон.— Его сосед повернулся, как будто это было ответом на вопрос.

— Человек из Антарктиды?

— Именно так. Как вы, возможно, слышали, моя последняя экспедиция была отложена из-за внезапного распространения войны на этот регион. Сейчас я снова готовлюсь к отплытию на юг.

— Но я не вижу...

— Чем можете мне помочь? Очень просто, капитан Фезерстоун. Мне нужны пилоты. К несчастью, война распорядилась большинством из них. Я счастлив, что вошел в контакт с таким, как вы...

И это действительно было так просто. Но Гэрин не поверил в это по-настоящему, пока несколькими месяцами позже они не достигли ледяных берегов полярного континента.

Когда же они выгрузили на берег три больших самолета, Фезерстоун начал гадать о побудительных мотивах, скрытых за смутными планами Фэрстона. Как только вспомогательный корабль отбыл, но не для того, чтобы вернуться через год, Фэрстон созвал всех вместе. Трое из этой компании были пилотами, все — ветеранами войны, двое — инженерами, проводившими большую часть своих рабочих часов за увеличением карт, сделанных Фэрстоном.

— Завтра,— руководитель экспедиции скользнул взглядом по лицам,— мы стартуем внутрь страны. Здесь,— на развернутой перед ним карте он указал линию, отмеченную контурами,— десять лет назад я был участником экспедиции Вердейна. Однажды, летя на юг, наш самолет был подхвачен каким-то капризным потоком ветра и сбился с курса. Когда мы полностью вылетели за границы наших карт, то увидели вдали плотный голубоватый газ. Казалось, он поднимается ото льда прямо к небу. К несчастью, наше горючее было на исходе и мы не осмелились рискнуть на более подробное исследование. Поэтому мы отыскали обратный путь на базу. Вердейн, однако, проявил мало интереса к нашему отчету, и мы не исследовали это. Три года назад экспедиция Каттака, охотясь за залежами нефти по приказу Диктатора, докладывала, что видела такой же газ. Теперь мы собираемся его исследовать.

— Почему,— спросил Гэрин с ухмылкой,— вам так не терпится туда проникнуть?

Фэрстон заколебался, прежде чем ответить.

— Часто высказывалось предположение, что под ледовым щи-

том этого континента спрятаны залежи минералов. Я предполагаю, что этот газ является результатом каких-нибудь форм вулканической активности, может быть, трещины в коре.

Гэрин неодобрительно посмотрел на карту. Он был не очень удовлетворен этим объяснением, но Фэрстон оплачивал счета. Фезерстоун беззаботно выкинул все это из головы. Многое можно простить человеку, который позволил тебе вновь питаться регулярно.

Через четыре дня они стартовали. Хелмли, один из инженеров, Роулсон, пилот, и Фэрстон заняли один аэроплан. Другие — инженер и пилот — были во втором. Гэрин на случай экстренной помощи находился на третьем один.

Он был рад своему одиночеству, когда они взлетели над бело-голубой пустыней. Его аппарат был тяжело нагружен, так что он не делал попыток подняться на высоту полета других аэропланов. Они поддерживали связь по радио, и Гэрин, пристегивая ларингофоны, вспомнил, что сказал Фэрстон нынешним утром.

— Газ влияет на радио. В нашем походе вблизи от него статические разряды были очень сильны. Хотя,— он усмехнулся,— и похожи на речь на непонятном языке.

С гулом мчась надо льдом, Гэрин гадал, могло ли это быть речью — кроме, конечно, секретной вражеской экспедиции, похожей на экспедицию Каттака.

В своей герметической кабине он не чувствовал ни капельки мороза; машина шла ровно. С легким вздохом удовлетворения он откинулся на подушки сиденья, сохраняя дистанцию с самолетами впереди и рядом.

Через час после вылета с базы Гэрин уловил далеко впереди смутную тень. В это самое время голос Фэрстона задребезжал в его динамике.

— Это он. Держитесь прямо по курсу.

Тень росла, пока не стала пурпурной стеной с голубыми переливами от земли до неба. Первый аэроплан был уже совсем рядом и углубился в газ. Внезапно машина резко повернулась и скользнула к земле, как будто потеряла управление. Затем она выровнялась и повернула назад. Гэрин смог услышать, как Фэрстон пытается узнать, в чем дело. Но из первого самолета ответа не было. Так как самолет Фэрстона продолжал двигаться, Гэрин снизил скорость. Действия первого корабля вызывали беспокойство. Что, если этот газ токсичен?

— Прикрой, Фезерстоун! — рявкнул Фэрстон внезапно.

Гэрин послушно приблизился, пока они не полетели крыло к крылу.

Газ был уже перед ними, и теперь летчик мог видеть движение внутри него; темные, непроницаемые волны. Машины углублялись в них. На стеклах оседала клейкая, туманная влага.

Внезапно Гэрин почувствовал, что он больше не один. Где-то в пустой кабине, позади него, находится иной разум, соразмерная сила. Летчик яростно боролся против нее — против самой подобной идеи.

После долгого, страшного мгновения, когда это, казалось, изучало его, Фезерстоун вновь овладел управлением. Но на самом деле разум его был полностью подчинен неизвестной силой.

Машина рвалась сквозь густеющий туман. Летчик давно потерял из виду опознавательные знаки самолета Фэрстона. И хотя Гэрин еще боролся с волей, овладевшей им, его сопротивление становилось все слабее. Затем пришел приказ нырнуть в темное сердце пурпурного тумана.

Они опускались все ниже. Один раз, когда газ приоткрыл свою завесу, он мельком увидел серую скалу, кажется, с желтизной. Фэрстон был прав: здесь лед был расколот трещиной.

Ниже и ниже. Если его приборы были точны, то самолет был сейчас уже ниже уровня моря.

Газ истаял и пропал. Под самолетом простиралась равнина, покрытая живой зеленью. То там, то здесь были видны скопления, напоминающие деревья. Он видел также воды желтого потока.

Но что-то пугающе-чуждое было в этом ландшафте. Даже кружась над ним, летчик пытался сломать хватку той воли, что привела его сюда.

В его микрофонах возник кудахчущий звук, и в этот момент настоящее исчезло.

Нос машины пошел вверх согласно его, летчика, воле. Неистово вырывался он из зеленой страны. Снова газ поглотил машину. Гэрин видел пузырьки газа на стеклах. Еще сотня футов — или около того — и он будет свободен от этого — и от невероятной страны внизу.

Но тут со зловещим шипением отключился левый мотор. Машина накренилась и вновь свалилась в штопор. Перед ним снова закружился спокойный свет зеленой страны. Деревья проявились на грунте; огромные, древовидные папоротники с малиновыми чешуйчатыми ветвями.

К такой группе деревьев и направился самолет. Гэрин отчаянно боролся за управление. Машина выровнялась; штопор сменился плавным скольжением. Летчик уже высматривал прогалину на земле, когда почувствовал, что шасси скребет по какой-то поверхности. Прямо по курсу вырисовывалось одно из дальних деревьев. Самолет мчался вдоль длинной ветви, когда раздался громкий треск расщепляющегося дерева и скрежет металла. Красные облака вспыхнули перед взором Гэрина.

Гэрин пришел в себя сквозь красный туман боли. Он был стиснут массой смятого металла, бывшего когда-то кабиной. Через

щель в стенке кабины пробился длинный зеленый шип; лохмотья листьев еще висели на нем. Пилот лежал и наблюдал за веткой, стараясь не двигаться, чтобы не вызвать большей боли, чем он сможет вынести.

Так было, пока он не услышал, как снаружи кто-то подкрадывается.

Казалось, что некто мягкими движениями тянет и толкает обломки. Древесная ветвь вздрогнула, и часть стенки самолета с лязгом свалилась вниз.

Гэрин медленно повернул голову. Сквозь отверстие пролезла фигура, похожая на гоблина.

Он был пяти футов роста и передвигался на задних лапах почеловечески, но его ноги были коротки и как бы обрублены; они кончались стопами с пятью пальцами равной длины. Тонкие руки красивой формы имели маленькие кисти с четырьмя пальцами. У твари был хороший округлый лоб, но она была лишена подбородка; лицо по своим очертаниям было ящероподобным. Кожа тускло-черная с рифленой поверхностью. Вокруг пояса создание носило короткую юбку из металлоткани; одеяние поддерживалось поясом изысканного мастерства.

Долгое мгновение создание обозревало Гэрина. И от этих немигающих золотых глаз, сфокусированных на нем, страх покинул пилота. В их глубине не было ничего, кроме доброжелательности и глубокой печали.

Человеко-ящер наклонился и откинул влажные от пота волосы с лица пилота. Затем существо ощупало металлические оковы, удерживающие летчика, как будто оценивало их на прочность. Проделав это, оно повернулось к отверстию и, видимо, отдало приказ, а вернувшись назад, присело рядом с Гэрином. Еще два существа такого же рода появились, чтобы разобрать обломки кабины. Хотя они проделали это очень осторожно, Гэрин потерял сознание раньше, чем его освободили.

Когда Гэрин начал вновь приходить в себя и осознавать окружающее, он обнаружил, что лежит на носилках, висящих меж двумя неуклюжими животными, которые могли бы считаться карликовыми слонами, не будь они лишены хоботов и не обладай четырьмя клыками каждый.

Они пересекли равнину вплоть до башнеподобного входа в гигантскую пещеру, где за носилки взялись четверо мужчин-ящеров. Гэрин лежал, уставившись в потолок пещеры. В черном камне были вырезаны ветви и цветы, щедро переплетающиеся. Блестящие пылинки, излучавшие слабый свет, мелькали в воздухе. Со временем, по мере их продвижения, пылинки собрались в углах, и свет стал ярче.

На полпути по длинному коридору носильщики остановились,

пока их предводитель нажимал кнопку в стене. Овальная дверь повернулась назад, и отряд прошел внутрь.

Они попали в круглую комнату, стены которой были оформлены молочным кварцем с фиолетовыми прожилками. В самой высокой точке потолка висел большой шар из пылинок, мягким светом озарявший все вокруг.

Двое ящеро-людей, одетых в длинное платье, посовещались с вожаком отряда, прежде чем подойти и встать рядом с Гэрином.

Один из одетых покачал головой при виде покалеченного тела пилота и направил носилки во внутреннюю комнату. Здесь стены были тускло-голубые; точно в центре стоял длинный блок кварца. Носилки были установлены на его верхнюю грань, и носильщики скрылись.

Одетый острым ножом разрезал мех и кожу, обнажая изломанное тело Гэрина. Другие подняли его тело к кварцевому столу и там скрепили его металлическими обручами. Затем один из них отошел к стене и нажал металлический рычаг. Странный голубой свет вырвался из верхушки потолочного свода, чтобы разбиться о беспомощного Гэрина. Он почувствовал дрожь в каждом мускуле и связке, покалывание в коже, и скоро его страдания улетучились, как будто их никогда и не было.

Свет потускнел, и три ящеро-человека собрались вокруг пилота. Его облачили в мягкую одежду и перенесли в другую комнату. Она была такой же круглой, высеченной в виде половинки гигантского пузыря. Пол понижался к центру, где было углубление, заполненное подушками. Сюда и положили Гэрина. Из верхушки «пузыря» оформилось розоватое облако. Пилот сонно посмотрел на него и моментально заснул.

Что-то теплое шевельнулось у его обнаженного плеча. Летчик открыл глаза и целую минуту не мог вспомнить, где он.

За обернутую вокруг его тела одежду кто-то дергал, и Гэрин посмотрел вниз.

Если ящеро-люди своими гротескными очертаниями были похожи на гоблинов, то нынешний посетитель напоминал эльфа. Это существо было трех футов роста; обезьяноподобное тельце было целиком скрыто белыми шелковистыми волосами. Крошечные руки по форме были человеческими и безволосыми, но ноги больше всего напоминали кошачьи лапки. С каждой стороны маленькой круглой головы росли большие крыловидные уши. Лицо было шерстистым, огрубленное жесткими кошачьими усами, торчащими с верхней губы.

Эти Аны, как позднее стало известно Гэрину, были счастливыми маленькими созданиями, каждый из которых выбирал себе господина или госпожу из Народа, когда встречались с кем-нибудь из них. Аны рады были следовать за своими большими покровителя-

ми, онемев от восхищения пустячным подарком. Преданные и смелые, они могли выполнять простые задания или носить письма для своих избранных друзей и оставались с ним вплоть до смерти. Не люди и не звери, они были результатом эксперимента, по слухам, проведенного Древними вечность назад.

Ощупав плечи Гэрина, Ана с удивлением дотронулась до волос летчика, сравнивая их бронзовую длину с собственным белым мехом. Народ был безволос — волосы странное явление в Пещерах. С довольным мурлыканьем Ана потерла своей рукой руку пилота.

С внезапным клацаньем открылась дверь в стене. Ана вскочила на ноги и подбежала поприветствовать вновь вошедшего. Вождь Народа, каким и был тот, кто первый нашел Гэрина, вошел, сопровождаемый несколькими соплеменниками.

Летчик сел. Боль не только не появилась, он почувствовал себя сильнее и моложе, чем был в эти последние несколько месяцев. Он с удовольствием ощупал свои плечи и широко улыбнулся ящерообразным, радостно заворчавшим в ответ.

Ящеро-люди занялись Гэрином: опоясали его короткой юбкой и поясом, украшенным драгоценностями,— явно единственным видом одежды в Пещерах. Когда все было закончено, Вождь взял его за руку и повел к двери.

Они пересекли коридор, стены которого были покрыты инкрустацией и резьбой из мерцающего камня с металлической оправой, и наконец вошли в гигантский зал со стенами, скрывающимися во тьме.

На подиуме стояло три трона, и Гэрина подвели к их подножию.

Самый высокий трон был из розового хрусталя. С его правой стороны стоял трон из зеленого жадеита, покрытый паутиной столетий. Левый был вырезан из целого блока гагата. Розовый и черный не были заняты, но на сиденьи жадеитового восседал один из Народа. Он был выше своих собратьев, и в его глазах, пристально смотревших на Гэрина, светилась мудрость и вдумчивая печаль.

— Хорошо,— слова отозвались в голове летчика.— Мы выбрали мудро. Этот юноша под пару Дочери. Но его следует испытать, как огнем испытывают металл. Он должен будет завоевать Дочь и впредь бороться с Кептой...

Шипящий шепот эхом пролетел по всему залу. Гэрин догадывался, что здесь собрались сотни Народа.

— Ург,— приказал сидевший на троне.— Возьми этого юношу и наставь его. А после этого я стану говорить с ним вновь. Ибо,— теперь слова окрасила печаль,— мы должны вновь заполнить розовый трон, а черный сжечь во прах. Время движется быстро.

Вождь увел удивленного Гэрина.

Глава 2

ГЭРИН УЗНАЕТ О ЧЕРНЫХ

Ург привел летчика в одно из шаровидных помещений, в котором напротив металлического экрана стояла низкая скамья с подушками. Здесь они сели.

То, что затем последовало, было уроком языка. На экране появлялись объекты, которые Ург называл и заставлял Гэрина повторять.

Как позднее узнал американец, лучи, под воздействием которых он находился, ускоряли мыслительные способности, и в невероятно короткое время он наработал словарь.

Судя по изображениям, ящеро-люди были повелителями кратерного мира, хотя здесь обитали и другие формы жизни. Слоноподобные Танд были вьючными животными, похожие на белок Ирон жили под землей и занимались настоящим сельским хозяйством на малых вырубках, приходя дважды в год для обмена зерна на жидкую резину, производимую Народом.

Существовали также Гиби, чудовищные пчелы, дружественные ящерам. Они снабжали обитателей Пещер воском, и наоборот, Народ давал им убежище в нездоровое время Великого Тумана.

Народ был высоко цивилизован. Они не производили ручной работы, кроме обработки прекраснейших драгоценных камней. Машины ткали их металлическую одежду, готовили их еду, убирали поля, выдалбливали новое жилье. Освобожденные от ручного труда, ящеро-люди обратились к приобретению знаний. Ург показывал на экране изображения обширных лабораторий и больших научных библиотек. Но всему, что они узнали, их вначале выучили Древние, раса, непохожая на их собственную, которая предшествовала им в правлении страной Тав. Даже сам Народ был результатом постоянно ускоряемой эволюции и экспериментов, проводимых этими Древними.

Вся эта мудрость охранялась чрезвычайно тщательно, но против кого или чего, Ург не мог сказать, хотя и настаивал, что опасность была вполне реальной. В голубых стенах кратера было записано то, с чем спорил закон Народа.

Когда Гэрин сделал попытку продолжать, раздался звук гонга. Ург поднялся.

— Это час еды,— объявил он.— Пойдем.

Они пришли в большую комнату, где тяжелый стол из белого камня тянулся вдоль трех стен, со скамьей перед ним. Ург сел и нажал кнопку на столе, жестом указав Гэрину сделать то же самое. Стена прямо перед ними открылась, и наружу выскользнули два лотка. В них было блюдо из горячего мяса под пряным соусом, ка-

менная чаша овсянки и гроздь фруктов, еще державшихся на веточке вместе с листьями. Ана так жадно смотрела на них, что Гэрин отдал их этому созданию.

Народ ел молча, а закончив, спокойно поднялся; их приборы снова исчезли в стене. Гэрин заметил, что в помещении только самцы, и вспомнил, что он еще не видел женщин среди Народа. Он рискнул спросить.

Ург расхохотался.

— Так вы думаете, что в Пещерах нет женщин? Значит, мы должны пойти в Зал Женщин.

И они пошли туда. Он захватывал дух своей роскошью. Камни, стоимостью в золотой запас целой страны, сверкали с его куполообразного свода и украшали стены. Здесь находились и матроны, и девушки Народа; их черные формы драпировались платьями из серебряной ткани, в которых каждое переплетение нитей было усажено крошечными жемчужинами так, что казалось, будто они обернуты блестящей чешуей.

Их было немного — около сотни, и очень немногие вели за руку маленькие копии самих себя, которые глазели на Гэрина круглыми желтыми глазами и застенчиво указывали на него черными пальчиками.

Женщинам была поручена тончайшая ювелирная работа, и они с гордостью показывали незнакомцу свои изделия. В дальнем конце зала в процессе работы находилась замечательная вещь. Одно из серебряных полотен, бывших основой их платьев, было пристегнуто там, и три женщины насаживали маленькие розовые драгоценные камни, каждый на свое микроскопическое место. То здесь, то там узор освежали крошечные изумруды или огненные опалы, так что окончательным результатом была настоящая радуга.

Одна из работавших пригладила платье и посмотрела на Гэрина; мягкая усмешка слышалась в ее голосе, когда она объясняла:

— Это для Дочери, кода она взойдет на трон.

Дочь! Что говорил Лорд Народа?— «Этот юноша подходит в пару Дочери».— Но Ург говорил, что Древние ушли из Тав!

— Кто такая Дочь?

— Фрейла Светлая.

— Где она?

Женщина вздрогнула, и в ее глазах мелькнул страх.

— Фрейла находится в Пещерах Тьмы.

— Пещеры Тьмы!— Имеет ли она в виду, что Фрейла мертва? Должен ли он, Гэрин Фезерстоун быть жертвой какого-либо ритуала священного жертвоприношения, которое было создано, чтобы соединить его с мертвой?

Ург коснулся его руки.

— Нет, не так. Фрейла еще не вышла на Площадь Предков.

— Ты знаешь мои мысли?

Ург рассмеялся.

— Мысли легко читать. Фрейла жива. Сэра служила Дочери в качестве горничной, когда та еще была среди нас.

— Сэра, пожалуйста, покажи нам Фрейлу, какой она была.

Женщина пересекла зал, подойдя к стене, на которой было такое же зеркало, как и то, которое Ург использовал для урока языка Гэрина. Она пристально посмотрела в него и указала летчику занять место рядом с нею.

Зеркало затуманилось, и тут он стал смотреть, как будто в окно, в комнату, чьи стены и потолок были из розового кварца. На полу лежали толстые ковры из серебристых роз. Большая гора подушек образовывала низкое ложе в центре.

— Внутренняя комната Дочери,— объявила Сэра.

Круглая панель стены открылась, и сквозь нее вошла женщина. Она была очень юной, едва ли не девочка. Ее малиновые губы были совершенной формы, а фиалковые глаза сияли весельем. Ее фигура была человеческой, но красота — неземной. Нежные краски, казалось, слабо играют на ее жемчужно-белой коже, они напоминали Гэрину перламутр — мать жемчуга — своим оттенком. Иссиня-черные волосы окутывали ее, подобно грозовой туче, и опускались ниже колен. Ее платье из той же серебряной ткани было опоясано по талии гирляндой из драгоценных камней с розовыми тенями.

— Такой была Фрейла до того, как Черные забрали ее,— сказала Сэра.

Ург рассмеялся при возгласе разочарования Гэрина, когда изображение исчезло.

— Какое тебе дело до тени, когда сама Дочь ждет тебя. Ты должен привести ее из Пещер Тьмы...

— Где эти Пещеры...— вопрос Гэрина был оборван звоном гонга.

— Черные!— вскрикнула Сэра.

Ург пожал плечами.

— Если они не обходятся без Древних, как можем мы надеяться на спасение? Пошли, мы должны пройти в Тронный Зал.

Перед жадеитовым троном Лорда Народа стояла маленькая группа ящеро-людей рядом с двумя носилками. Когда Гэрин вошел, Лорд заговорил:

— Пусть чужестранец подойдет ближе, чтобы иметь возможность видеть работу Черных.

Гэрин неохотно продвинулся вперед и встал рядом с теми, кто шептал свое сообщение между стонами и воплями агонии. Они были людьми Народа, но их черная кожа казалась зеленой от жара.

Лорд склонился с трона.

— Хорошо, вы можете отойти.

Как будто повинуясь его приказу, жизнь покинула замученных, после чего они замолкли и успокоились.

— Посмотри на работу Черных,— сказал Гэрину правитель.— Джив и Бетв были захвачены, когда их послали к Гиби-со-скал. Кажется, Черным был нужен материал для лабораторий. Они даже Дочь пытались отдать своим рабочим ужаса!

Жуткий крик ненависти поднялся в зале, а Гэрин скрипнул зубами. Отдать это прекрасное видение, которое он только что видел, на такую смерть, как эта!..

— Джив и Бетв содержались в плену недалеко от Дочери и слышали угрозы Кепты. Наши братья, зараженные гнойной болезнью, были силой отосланы нести чуму нам, но они переплыли озеро кипящей грязи. Они умерли, но зло умерло вместе с ними. И я думаю, пока у нас рождаются такие, как они, Черным придется нелегко. Выслушай теперь, чужестранец, историю Черных и Пещер Тьмы, историю того, как Древние подняли Народ из слизи давно высохшего моря и сделали его великим и как Древние под конец пришли к собственной гибели.

В дни, предшествовавшие тому, как земли внешнего мира были рождены из моря, даже до того, как Земля Солнца — Му и Земля Моря — Атлантида восстали из расплавленных скал и песка, здесь, на дальнем юге, была земля. Простая земля из скал и равнин; и болота, где слизистая жизнь спаривалась, жила и умирала.

Тогда со звезд пришли Древние. Их раса уже тогда была старше, чем эта земля. Их мудрые мужи наблюдали ее рождение при отщеплении от Солнца. И когда их мир погиб, горсточка сбежала в этот новый мир, захватив с собой в ничто большую часть их крови.

И когда они вышли из своих космических кораблей, перед ними был ад, ибо они получили вместо своего любимого дома голые скалы и вонючую слизь.

Они выжгли этот Тав и вошли в него вместе с сокровищами своих космических кораблей, а также с некоторыми живыми существами, захваченными в болотах. Из них были выведены Народ, Гиби, Танд и ухаживающие за землей Ирон.

Среди всех них Народ был более других жаден до мудрости и поднялся высоко, но учение Древних все-таки осталось вне их понимания.

За века, когда Древние обитали внутри своей защитной стены газа, внешний мир изменился. Холод пришел на север и юг; Земля Солнца и Земля Моря поднялись, чтобы носить на себе истинных людей. Поэтому они переместили Черных на южную сторону Тав и отдали им Пещеры Тьмы. Черные никогда не должны были появляться севернее Золотой реки — не должны были и Древние уходить южнее ее.

На протяжении примерно тысячи лет Черные следовали закону. Но они работали, создавая силы разрушения. Пока дела оставались такими, Древние исследовали мир в поисках людей, которые могли бы обновить расу. Однажды туда пришли люди с острова на далеком севере. Шестеро живыми проникли сквозь туман и взяли жен среди Дочерей. Другой раз они воззвали к желтоволосым людям другого происхождения, великим скитальцам морей.

Но Черные тоже воззвали. Как Древние искали среди лучших, так Черные — среди наиболее усердных во зле.

И наконец они преуспели в перекрытии каналов посылки мыслей так, что Древние больше не могли позвать.

Тогда Черные пересекли Золотую реку и вступили на землю Древних. Фрэн, Обитатель Света, Лорд Каверн, созвал Народ к себе.

— Придет сюда один, чтобы помочь вам,— сказал он.— Попытайтесь позвать снова после того, как Черным будет казаться, что они победили. Фрейла, дочь Света, не войдет в Комнату Приятной Смерти с остальными женщинами, но предаст себя в руки Черных, так что они будут думать, будто по-настоящему победили. Вы, Народ, вернетесь на Площадь Рептилий, пока Черные не уйдут. Но не все Древние исчезнут — большинство будет спасено, но способ их спасения я не рискну рассказать. Когда солнечноволосый юноша придет из внешнего мира, пошлите его в Пещеры Тьмы освободить Фрейлу и положить конец злу.

И тут встала леди Фрейла.

— Как сказал Лорд Фрэн, пусть так и будет,— сказала она мягко.— Я предоставлю себя в руки Черных, чтобы их гибель могла прийти за ними.

Лорд Фрэн улыбнулся ей и сказал:

— Да будет вашей участью счастье. После Великого Тумана разве не приходит свет?

Женщины Древних попрощались со своими и проследовали в Комнату Приятной Смерти, в то время, как мужчины готовились к битве с Черными. На протяжении трех дней они сражались, но новое оружие Черных позволило им выиграть бой, и вождь Черных установил свой трон из черного гагата, как символ своей мощи. С тех пор тем не менее Черные не были счастливы в Кавернах, в жажде темноты своих Пещер, они скоро вернулись обратно, и мы, Народ, снова вышли наружу.

Но сейчас пришло время, когда один из Черных возжелал священной жертвы, жертвы Дочери своему злу. Если ты сможешь выиграть ее свободу, чужестранец, они исчезнут, как будто их и не было.

— А Древние? — спросил Гэрин.— Те, остальные, о которых Фрэн сказал, что они будут спасены?

— Об этом мы ничего не знаем кроме того, что, когда мы переносили тела павших, некоторых из них не хватало. Чтобы вы мог-

ли увидеть правдивость этого рассказа, Ург возьмет вас в галерею над Комнатой Приятной Смерти, и вы увидите тех, кто там спит.

Ведомый Ургом, Гэрин вошел по крутому пандусу, ведущему из Тронного Зала, на узкий балкон, одна сторона которого была из чистого хрусталя. Ург указал вниз.

Они находились над узкой комнатой со стенами, украшенными зеленым жадеитом. На полированном полу были разбросаны горы подушек. Каждая была занята спящей женщиной, и некоторые из них обнимали детей. Их длинные волосы струились по полу, загнутые ресницы бросали темные тени на бледные лица.

— Но они спят!— запротестовал Гэрин.

Ург кивнул.

— Это сон смерти. Каждые десять часов туман дважды поднимается из-под пола. Тот, кто вдохнет его, не пробудится вновь, и если их не тревожить, они пролежат здесь тысячелетия. Смотри туда...— Он указал на двойные закрытые двери зала.

Там лежали первые люди Древней расы, которых увидел Гэрин. Хотя они тоже казались спящими, их красивые головы лежали на руках, как на подушках.

— Фрэн приказал, чтобы те, кто пережил последнюю битву в Тронном Зале, вошли в Комнату Приятной Смерти, чтобы Черные не могли пытать их ради своего удовольствия.

Сам же Фрэн остался, чтобы закрыть дверь, и так умер.

У спящих не было возраста, никто из людей, казалось, не насчитывал тридцати годов, и многие казались моложе.

Гэрин спросил об этом.

— Древние выглядят так со дня их смерти, хотя многие из них прожили по два века. Лучи хранили их. Даже мы, Народ, можем возвращать возраст назад. А теперь пойдем. Лорд Фрар будет говорить с тобой вновь.

Снова стоял Гэрин перед жадеитовым троном Фрара и слышал, как в сумраке зала волнуется множество народа. Фрар вертел в своих мягких руках жезл из сверкающего зеленоватого металла.

— Слушай хорошенько, чужеземец,— начал он,— ибо у нас остается мало времени. Через семь дней Великий Туман сомкнется над нами, и тогда ни одно живое существо не рискнет оказаться вне убежища, чтобы избежать смерти. И до этого времени Фрейла должна выйти из Пещер Тьмы. Этот жезл будет твоим оружием, Черные не владеют его тайной. Смотри!

Двое представителей Народа поставили перед правителем металлический брус. Лорд коснулся его стержнем, и в этом месте появился большой слой ржавчины, быстро распространившись по всей поверхности. Брус согнулся пополам, и один из Народа втоптал его в пыль, где он и остался.

— Фрейла в сердце Пещер, но люди Кепты с годами стали бес-

печны. Храбро войди и положись на судьбу. Они ничего не знают о твоем прибытии и о словах Фрейлы, касающихся тебя.

Ург выступил вперед и протянул руки, привлекая внимание.

— Что такое, Ург?

— Владыка, я хотел бы пойти с чужестранцем. Он ничего не знает о Лесе Моргелов или о Грязевой Воронке. Легко заблудится в лесных землях...

Фрар покачал головой.

— Так нельзя. Он должен идти один, именно так сказал Фрэн.

Ана, державшаяся в тени Гэрина весь день, пронзительно свистнула и поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до его руки.

Фрар улыбнулся.

— Она может пройти, ее глаза сослужат тебе хорошую службу. Ург доведет вас до внешнего портала Площади Предков и укажет дорогу в Пещеры Тьмы. Доброго пути, чужестранец! Пусть духи Древних пребудут с тобою.

Гэрин поклонился правителю Народа и повернулся, чтобы следовать за Ургом. У двери стояла маленькая группа женщин. Сэра выдвинулась вперед, протягивая мешочек.

— Чужестранец,— сказала она торопливо,— когда ты увидишь Дочь, расскажи ей о Сэре, скажи, что я ждала ее долгие годы.

Он улыбнулся.

— Так я и хотел.

— Если ты помнишь, чужеземец, я — важная леди среди Народа и имею собственных поклонников, но все-таки думаю, что могу позавидовать Дочери. Нет, я не могу объяснить этого,— она весело рассмеялась.— Ты поймешь меня через несколько дней. Здесь — пакет с пищей. Теперь иди быстро, чтобы мы смогли увидеть вас среди Народа еще до Тумана.

Это напутствие женщин Народа преследовало его на всем пути. Ург выбрал наклонный туннель, ведущий вниз. У его окончания находилась небольшая скальная ниша, над которой горел тускло-розовый свет. Ург протянул руку в нишу и вытащил оттуда пару высоких котурнов, которые помог Гэрину завязать. Они хорошо сидели, будучи сработаны для человека Древней расы.

Проход перед ними был узким и ломаным, под ногами лежал толстый ковер пыли с отпечатками следов Народа. Гэрин со своим провожатым обогнули угол, и в темноте неясно обрисовалась высокая дверь. Ург нажал на эту плоскость, раздалось клацанье, и камень повернулся назад.

— Это Площадь Предков,— объявил он, войдя.

Они находились на пороге колоссального зала, чей куполообразный потолок скрывался в темноте. Толстые колонны мерцающего кристалла делили зал на нефы, сходящиеся к приподнятому подиуму овальной формы. Нефы были заполнены кушетками, и на

каждом мягком ложе расположился спящий. Около двери лежали мужчины и женщины Народа, но ближе к помосту располагались Древние. Здесь и там на кушетках были надписи. Сын донорманской Ирландии, Ург обвел согнутым пальцем архаические письмена, вырезанные в каменном основании ложа.

— Возлюбленные Света спят сладко. Свет вернется в назначенный день.

— Кто лежит там? — Гэрин двинулся к подиуму.

— Первые Древние. Подойди, посмотри на тех, кто создал Тав.

На помосте двумя рядами располагались кушетки, а между ними, в центре, стояло одинокое ложе, возвышавшееся над остальными. Пятьдесят мужчин и женщин лежали так, словно прилегли отдохнуть на час, с улыбками на безмятежных лицах, но с тенями усталости под глазами. Над ними витало нечто нечеловеческое, отсутствовавшее у их потомков.

Ург подвинулся к высокому ложу и знаком пригласил Гэрина присоединиться к нему. Там лежали мужчина и женщина; опущенная голова женщины покоилась на плече мужчины. Ург остановился рядом с ними.

— Смотри, чужестранец, здесь тот, кто был вызван из вашего мира. Марена из Дома Света с благосклонностью смотрела на него, и дни их счастья были долгими.

У мужчины на ложе были золотисто-рыжие волосы, на его плече покоился толстый обруч из золота, подобный которому Гэрин вряд ли видел на человеческой груди. На лице спящего было что-то, заставившее Гэрина отвернуться. Он чувствовал себя так, будто грубо вторгся туда, где никого не должно быть.

— Здесь лежит Фрэн, Сын Света, первый Лорд Каверн, и его жена Фрейла, Живущая Под Светом. Они лежат так уже тысячи лет и будут лежать, пока эта планета не рассыплется в прах. Это они вывели Народ из грязи и сотворили Тав. Таких, как они, мы больше никогда не увидим.

Они молча прошли вдоль нефов смерти. Один раз Гэрин мельком увидел еще одного золотоволосого мужчину, возможно, еще одного чужестранца, поскольку все Древние были темноволосы. Ург остановился еще раз, прежде чем они покинули зал. Он стоял у ложа человека, завернутого в длинное платье, чье лицо было искажено мукой.

Ург назвал простое имя:

— Фрэн.

Так это был последний Лорд Каверн! Гэрин наклонился ниже, изучая мертвое лицо, но Ург, кажется, потерял терпение. Он торопился исполнить свое поручение у двери-панели.

— Это южный портал Каверн,— объяснил он.— Пусть Ана ведет тебя, и обходи Кипящую Грязь. Если Моргелы унюхают те-

бя, убивай их побыстрее; они слуги Черных. Да будет удача с тобою, чужеземец!

Дверь была открыта, и Гэрин, выглянув из нее, посмотрел на Тав. Мягкий голубой свет был так же ярок, как и в первый раз, когда пилот увидел его. С Аной, вскарабкавшейся ему на плечо, зеленым жезлом и сумкой с едой в руках он вышел на дернистый торф. Ург поднял руку в приветствии, и дверь с лязгом встала на место.

Гэрин остался один, поклявшись вывести Дочь из Пещер Тьмы.

Глава 3

В ПЕЩЕРАХ ТЬМЫ

Ни дня, ни ночи не было в Тав, поскольку голубой свет был постоянным. Народ делил свое время искусственно. Как бы то ни было, Гэрин, выйдя обновленным из-под лучей здоровья, усталости не чувствовал. Пока он колебался, Ана верещала и уверенно указывала дорогу вперед.

Перед ним высился густой лес из папоротниковых деревьев. В лесу было тихо, когда Гэрин прокладывал свой путь в его сумраке; здесь впервые он заметил особенности земли Тав. Здесь не было птиц.

Часть лесных земель, которые они пересекали, были лишь крайним выступом лесов запада. После часа путешествия они вышли на берег медленной реки. Мутные струи потока были тускло-шафранными, и Гэрин решил, что это и есть Золотая Река, Граница Черных Земель.

Он обогнул излучину и подошел к мосту, такому старому, что, казалось, само время скруглило его углы. Мост выходил на широкую равнину, где высокая трава становилась сухой и желтой. Слева что-то свистело и клокотало; огромная масса воды и пара поднялась в воздух. Гэрин закашлялся на густом от химикалий ветру, дувшем от гейзера. Привкус серы в воздухе чувствовался на всем пути через равнину.

И он был рад нырнуть в маленькую рощу папоротников, наполовину скрывавшую родник. Здесь Гэрин вымыл руки и голову, пока Ана доставала еду из сумки, врученной им Сэрой.

Они вместе ели хлебные кексы и сочные фрукты, а когда покончили с едой, Ана дотронулась до руки летчика и показала вперед.

Гэрин осторожно прокладывал свой путь через густой подрост, пока наконец не выглянул на поляну, на другом краю которой виднелся вход в Пещеры Черных. Две высокие колонны, выточенные в виде отвратительных чудовищ, охраняли дыру с грубо вырезанными краями. В ее пасти клубился тончайший зеленоватый туман.

Гэрин изучил вход. Не было видно никакой жизни. Сжав разрушающий жезл, летчик на дюйм выдвинулся вперед, перед зеленым туманом взял себя в руки и проник внутрь.

Зеленый туман окутал Гэрина и проник в его легкие. Горячий влажный воздух отдавал сладковатым, болезненным запахом, как от чего-то прогнившего. Зеленые пылинки давали немного света и, казалось, льнули к незваному гостю.

С Аной, шагающей впереди, он пошел вниз по крутому спуску. Мягкие подошвы его котурнов не производили шума. На равных расстояниях вдоль стен в нишах стояли маленькие статуэтки. И у каждой отвратительной фигурки была корона из зеленоватых пылинок. Ана остановилась. Ее большие уши развернулись, улавливая малейший шорох. Откуда-то из-под земли донесся вой обезумевшей собаки. Ана заверещала и тесно прижалась к человеку.

Спуск вел дальше, становясь все уже и круче. И все громче звучал безумный, прерывистый собачий вой. Наконец проход внезапно оборвался решеткой из черного камня. Гэрин вглядывался сквозь ее прутья в пролет ступеней, спускающихся в яму. Оттуда поднимался рычащий хохот. Вперед и назад там бродили твари, которые могли быть задуманы демонами. Безволосые и лоснящиеся, большие, как пони, они были похожи на крыс. С кончиков их острых зубов капила густая красная слюна, но в глазах, которые они сейчас подняли и направили к решетке, светился разум! Это и были Моргелы, сторожевые псы и рабы Черных.

Со второй пары ступенек прямо через яму доносился стонущий крик. Отворилась дверь и вошли два человека. Моргелы порывисто подались вперед, но тут же отпрянули, когда над их головами защелками бичи.

Хозяева Моргелов с виду были людьми. Они носили черные набедренные повязки, а за плечами длинные, похожие на крылья, плащи.

Насколько мог разглядеть Гэрин, они не были вооружены ничем, кроме своих бичей. На головах у них были матерчатые капюшоны, полностью закрывающие волосы, из которых торчали зазубренные гребни, отчасти схожие с петушиными.

Вторая партия сошла вниз по ступеням. Меж двух Черных боролся за жизнь пленник. Он вел безнадежную и отчаянную схватку, но его тащили к краю ямы, где и остановились. Моргелы, в надежде на добычу, обещанную им, притаились ниже.

На пять ступеней выше стояли две фигуры, и стража смотрела на них в ожидании приказа. Один был мужчиной, обличенным властью, со стройным, красивым телом и злым, холодно-патрицианским лицом. Его рука собственнически сжимала руку его спутницы.

Это Фрейла стояла рядом с ним, с гордо поднятой головой! Выражение веселья исчезло с ее губ, и теперь на них читались толь-

ко печаль и смирение. Но дух, как белое пламя, сверкал в ее глазах.

— Смотри!— приказал ее страж.— Разве Кепта не выполняет своих обещаний? Должны ли мы бросить Дандтана в пасти наших рабов, или вы возьмете назад некоторые ваши слова, леди Фрейла?

Пленник ответил за нее:

— Кепта, сын зла, Фрейла не для тебя. Запомни, Любимая,— обратился он прямо к Дочери,— день избавления близко!

Гэрин почувствовал внезапную, странную пустоту от легкости, с которой пленник назвал Фрейлу любимой.

— Я жду ответа Фрейлы,— потребовал Кепта.

И он получил этот ответ.

— Зверь среди зверей, ты можешь послать Дандтана на смерть, ты можешь нагромождать обиды и зло мне, но я все-таки скажу, что Дочь для тебя неприкосновенна. Скорее я обрежу нить своей судьбы своими собственными руками, приняв на себя кару Древних.— Она опустила взгляд к пленнику:— Дандтан, я говорю тебе: «Прощай». Мы встретимся за Завесой Времени.— Она протянула к нему руки.

— Фрейла, дорогая!..

Один из ее стражей ладонью зажал ему рот, не дав договорить.

Но теперь Фрейла смотрела мимо него, прямо на решетку, которая укрывала Гэрина. Кепта толкнул ее, чтобы привлечь внимание: — Взгляни! Так умирают мои враги. В яму его!

Охранники вынудили своего пленника встать на край ямы; Моргелы подползли ближе, их глаза не отрывались от юноши.

Гэрин знал, что не должен принимать ничью сторону в этой игре. Ана тянула его направо, где был открытый дверной проход, ведущий на балкон, идущий вокруг ямы. Те, внизу, были слишком увлечены своим развлечением, чтобы заметить пришельца. Но Фрейла взглянула вверх, и Гэрин подумал, что она его видит. Что-то в ее позе привлекло внимание Кепты, и он тоже посмотрел вверх. На минуту он замер в немом изумлении, затем отбросил Дочь в дверь за своей спиной и сделал знак, по которому решетка сама поднялась. Теперь Гэрин стоял над ямой.

— Ха, чужеземец! Добро пожаловать в Пещеры! Итак, Народ вмешался...

— Приветствую тебя, Кепта,— Гэрин сам был удивлен словами, которые так легко слетали с его языка.— Я пришел, как было обещано, чтобы остаться, пока Черный трон не исчезнет.

— Даже Моргелы не хвастают, прежде чем добыча не упокоится в их пасти,— вспыхнул Кепта.— Что за звериные манеры у тебя?

— Манеры чистого зверя, а у тебя — нет. Прикажи своим двуногим Моргелам освободить этого юношу, пока я не потерял терпения.— И он повернул зеленый жезл так, чтобы его стало видно.

Глаза Кепты сузились, но улыбка не исчезла.

— Я слышал от стариков, что Древние не разрушают...

— Как чужеземец я не ограничен их рамками,— парировал Гэрин,— что вы сейчас и узнаете, если не отзовете вашу вонючую стаю.

Хозяин Пещер расхохотался.

— Ты глуп, как безмозглый Танд. Ты никогда не увидишь Каверн снова...

— У тебя есть выбор, Кепта. Сделай его побыстрее.

Черный вождь, казалось, обдумывал это, затем махнул рукой своим людям.

— Освободите его,— приказал он.— А ты, чужеземец, смелее, чем я думал. Мы можем сторговаться....

— Фрейла уходит из Пещер, и Черный трон становится пылью, таковы условия Каверн.

— И если я их не приму?

— Тогда Фрейла уходит, трон становится пылью, а Тав получит судный день, которого никогда не знал прежде.

— Ты вызываешь меня?

Снова слова, имевшие, казалось, какое-то постороннее происхождение, пришли к Гэрину.

— Как в Ю-Лэке, я должен забрать...

Прежде чем Кепта смог ответить, в яме возникло замешательство. Дандтан, освободившись от своих стражников, прыжками пересекал ее, Моргелы ринулись вслед за ним.

Гэрин бросился плашмя на пол и опустил украшенный драгоценными камнями ремень своего пояса над ямой.

Мгновением позже тот щелкнул, туго натянувшись, и летчик напрягся для рывка вверх. Пятки Дандтана были уже над оскаленными пастями Моргелов. Американец обхватил юношу за плечи и поднял. Они вместе покатились к стене.

— Они ушли! Все они! — Дандтан закричал, когда ему удалось встать на ноги.

Он был прав: Моргелы выли внизу, но Кепта и его люди уже исчезли.

— Фрейла! — воскликнул Гэрин.

Дандатан кивнул.

— Они снова поместили ее в камеру, полагая, что там она в безопасности.

— Плохо они считают.— Гэрин наклонился, чтобы поднять зеленый жезл.

Его компаньон рассмеялся.

— Лучше пойдем, пока они не подготовились к встрече с нами.

Гэрин подобрал Ану.

— Каким путем?

Дандтан показал ему проход, начинающийся за другой дверью,

затем проследовал в боковую комнату и вернулся с двумя крылатыми плащами и набедренными повязками, чтобы замаскироваться под Черных.

Они прошли мимо входов в три боковых туннеля, все были пустынны. Никто не видел их прохождение. Все Черные покинули эту часть Пещер.

Дандтан тяжело вздохнул.

— Все не так. Я боюсь ловушек.

— Пока мы можем идти, пойдем.

Проход свернул направо, и они вошли в овальную комнату. Снова Дандтан покачал головой, но протеста не выразил. Вместо этого он бросился открывать дверь и торопливо спустился в небольшой зал.

Гэрину казалось, что в темных углах слышатся странные шорохи и скрипы. Затем Дандтан остановился так внезапно, что американец налетел на него.

— Это комната охраны, и она пуста!

Гэрин через его плечо посмотрел в большую комнату. На стенах висели полки со странным оружием, спальные тюфяки были аккуратно сложены, но людей нигде не было видно.

Они пересекли комнату и прошли под аркой.

— Даже решетки не опущены,— заметил Дандтан и указал вверх, где висели каменные опускные решетки.

Гэрин рассматривал их с дурным предчувствием, но Дандтан потянул его в узкий коридор, образованный двумя рядами зарешеченных дверей.

— Камеры,— объяснил бывший пленник и отдернул решетку одной из дверей.

Портал скользнул вбок, и они влетели внутрь.

Фрейла вскочила, обернувшись к ним. Забыв о маскировке, которую они носили, Гэрин отшатнулся, охлажденный ее ледяным взглядом, полным достоинства. Но Дандтан прыгнул вперед и подхватил девушку на руки. Она бешено сопротивлялась, пока не увидела под капюшоном лицо своего похитителя. Она издала крик восторга; ее руки обвили шею юноши.

— Дандтан!

Он улыбнулся.

— Вот именно! Но это дело рук чужеземца!

Она повернулась к Гэрину, изучая его лицо.

— Чужеземец? Такое холодное имя не для вас, если вы так служите нам.— Она протянула ему руки, и летчик поднес их к своим губам.— И как вас зовут?

Дандтан засмеялся:

— Это вечное женское любопытство!

— Гэрин.

— Гэрин...— повторила она.— Как похоже...

Слабый румянец засветился под ее жемчужной кожей.

Рука Дандтана легко упала на плечо его освободителя.

— В самом деле, он похож на того. С этого дня пусть он носит другое имя. Гэран, Сын Света.

— Почему нет? — холодно ответила она.— В конце концов...

— Награда, которую мог бы получить Гэран, может принадлежать ему? Расскажи ему историю его тезки, когда мы снова будем в Кавернах...

Дандтана прервал испуганный писк Аны, затем донесся насмешливый голос.

— Итак, добыча вошла в ловушку по собственной воле. Сколько охотников может похвастать тем же самым?

Кепта наклонился к двери, свет злобного торжества плясал в его порочных глазах. Гэрин сбросил свой плащ на пол, но Дандтан, должно быть, прочитал, что было в его мыслях, ибо схватил его за руку.

— Так ты изрядно научился мудрости, пока живешь среди нас, Дандтан? Хорошо бы и Фрейла сделала то же самое. Но прекрасная женщина делает меня слабым.— Он окинул ее гордую фигуру таким взглядом, который заставил бы Гэрина перервать глотку врагу, если бы Дандтан не удержал его.— Итак, у Фрейлы будет второй шанс. Как вам понравится зрелище этих мужчин в Комнате Инструментов, Леди?

— Я не боюсь вас,— она отвернулась.— Фран сделал однажды пророчество, а он никогда не говорил попусту. Мы должны завоевать сво...

— Будет так, как велит судьба. Тем не менее я предоставляю вас себе.— Он быстро повернулся и захлопнул за собой дверь.

Они расслышали, как скрипит решетка, опускающаяся на место. Потом его шаги замерли.

— Там идет зло,— мягко прошептала Фрейла.— Возможно, было бы лучше, если бы Гэрин убил его, как и собирался. Мы должны уйти...

Гэрин вытащил из-за пояса жезл. Зеленые световые пылинки собрались и повисли вдоль его полированной поверхности.

— Не касайся двери,— предупредила Фрейла,— только ее петель.

Под кончиком жезла камень становился рыхлым и, разрушаясь, падал вниз. Дандтан и Гэрин подхватили дверь и уложили ее на пол. Одним быстрым движением Фрейла подхватила с пола плащ Гэрина и обернула его вокруг себя, скрывая блеск своего отделанного жемчугом платья.

В коридоре чувствовалась удивительно холодная мертвенная атмосфера. Несущие свет пылинки исчезли, будто их сдуло.

— Быстрее! — подгоняла Фрейла.— Кепта забрал живой свет, чтобы мы стали бродить в темноте.

Когда они добрались до конца холла, свет уже почти исчез, и Гэрин наставил себе синяков, наткнувшись рукой на опущенную решетку. Откуда-то с другой стороны барьера долетел звонкий смех.

— О, чужеземец,— насмешливо воскликнул Кепта,— ты довольно легко прорвешься, если вспомнишь о своем оружии. Но тьму тебе так легко не победить, как и то, что мчится по залам.

Гэрин уже занялся жезлом.

Минут через пять их путь был свободен, но Фрейла остановила мужчин, когда они хотели пройти.

— Кепта выпустил охотников.

— Охотников?

— Моргелов и других,— объяснил Дандтан.— Черные ушли, и только смерть ходит по этим дорогам. И Моргелы видят в темноте...

— Как и Ана.

— Недурная мысль! — согласился сын Древних.— Она сможет нас вывести.

Как бы в ответ, Гэрина кто-то дернул за пояс. Обернувшись, он взял Фрейлу за руку, зная, что та, в свою очередь, взяла за руку Дандтана. Так, сцепившись, они пересекли комнату охраны, затем Ана надолго замерла, как будто вслушивалась. Ничего, кроме темноты, видно не было, но она висела над людьми, словно складки душного занавеса.

— Что-то преследует нас,— прошептал Дандтан.

— Бояться нечего,— заявила Фрейла.— Это не осмелится напасть. Такое не в обычаях Кепты. И смерти, главным образом, боится тот, чья жизнь неправедна... Идет...

Донеслись звуки чего-то, медленно крадущегося мимо.

— Кепта не будет пытаться сделать это вновь,— продолжила Дочь презрительно.— Он знает, что его чудища не нападают. Они могут устрашать только на свету — и то лишь из-за своей ужасной внешности.

Ана снова дотронулась до пояса своего хозяина.

Они протиснулись в узкий боковой проход, но у всех осталось ощущение, что вокруг, в темноте, таится нечто, относительно чего Фрейла упорно настаивала, что это безвредно. И все же Гэрина это «нечто» наполняло отвращением.

Затем им пришлось войти в длинный коридор, кончавшийся ямой Моргелов, куда выходили три холла. Здесь, как считал Гэрин, Моргелы представляли наибольшую опасность.

Внезапно Ана остановилась и отпрыгнула за ногу Гэрина. В темноте появились два желтых диска с шафрановыми искрами в глубине.

Гэрин передал жезл в руки Фрейле.

— Что ты собираешься сделать? — спросила она.

— Я собираюсь расчистить путь. Слишком темно, чтобы использовать жезл против движущихся тварей...— бросал он слова поверх плеча, двигаясь с немигающими глазами.

Глава 4

БЕГСТВО ИЗ ПЕЩЕР

Уставившись в эти бездушные желтые диски, Гэрин сорвал свой капюшон и, скрутив его в ком, прыгнул. Его пальцы скользнули по гладкой коже, острые клыки рванули предплечье, тупые когти царапали ребра. Зловонное дыхание пахнуло прямо в лицо, и теплая слюна закапала по шее и груди. Но его план удался.

Ком был засунут в глотку Моргелу, и зверь медленно задыхался. Кровь капала из рваных ран, но он угрюмо держался, пока не увидел, как свет исчезает из этих желтых глаз. Умирающий Моргел сделал последнюю безумную попытку освободиться, протащив своего противника по каменному полу, но тут Гэрин почувствовал, как тяжелеющее тело обмякло у его собственного. Летчик, тяжело дыша, оперся о стену.

— Гэрин! — закричала Фрейла. Ее протянутая рука дотронулась до его плеча и подкралась к лицу.— С тобой все хорошо?

— Да,— ответил с одышкой тот.— Пошли.

Пальцы Фрейлы задержались на его плече; теперь она шла за ним, ее плащ шелестел, задевая пол и стены.

— Подождите,— внезапно предостерегла Дочь.— Яма Моргелов...

Дандтан скользнул мимо них, шепча: — Я проверю дверь.

Через миг он вернулся.

— Открыто.

— Кепта считает,— подумала вслух Фрейла,— что мы останемся в безопасности галереи. Тем не менее, пойдемте, перейдем Яму Моргелов. Они ушли, найдя себе лучшие условия для охоты.

Они перешли через яму. Захватывающая дух вонь поднималась из-под ног; беглецы шли очень осторожно. Они влезли по ступенькам дальней стороны, не столкнувшись с опасностью. Вел Дандтан.

— Жезл сюда, Гэрин! — воскликнул юноша.— Эта дверь зарешечена.

Гэрин вдавил оружие в руку Дандтана и прислонился к скале. Его тошнило, кружилась голова, длинные и глубокие раны на его руке и плече отдавали острой болью с каждым ударом пульса.

Когда беглецы вышли, он задыхался от усилий, но они все еще

двигались в темноте и его страдания остались незамеченными.

— Плохо,— пробормотал он почти сам себе.— Мы идем слишком легко...

И ему ответили из темноты:

— Хорошо подмечено, чужеземец. Но вы пойдете свободно до определенного момента, как и Фрейла с Дандтаном. Наше окончательное представление еще не закончено. А теперь прощай, пока мы не встретимся в Тронном Зале. Я готов аплодировать твоей смелости, чужеземец. Возможно, ты еще придешь служить мне.

Гэрин повернулся и бросился на голос, но ударился телом о стену. Кепта рассмеялся.

— Не с твоей ловкостью неуклюжего Танда поймать меня!

Его второй смешок был явно оборван, как будто закрылась дверь. В тишине все трое поспешили вверх по наклонному коридору и, как из-за занавеса, вышли наконец на свет страны Тав.

Фрейла позволила упасть окутывающему ее плащу и протянула руки к землям кратера. Ее сверкающее платье облегало тело, как ножны, подчеркивая красоту, и она негромко, нежно запела в восхищении от собственной радости. Дандтан обнял ее, и она прильнула к нему, глядя вокруг, как могло бы смотреть изумленное красотой дитя.

Гэрин тупо удивлялся, как сможет он проделать все путешествие назад, к Кавернам, когда его руку и плечо пожирает всепоглощающее пламя. Ана, вглядываясь в побелевшее лицо, теснее прижалась к нему.

В себя их привел вой из Пещер. Фрейла вскрикнула, и Дандтан ответил на ее невысказанный вопрос.

— Они пустили Моргелов по нашему следу!

Вою из Пещер ответило эхо из леса. Моргелы и впереди, и позади них! Гэрин может противостоять одному из них, Дандтан другому, Фрейла сможет защитить себя жезлом, но в конце концов стая убьет их.

— Мы должны воззвать к защите Гиби-со-скал! По закону они должны оказать нам помощь,— сказала Фрейла и, подобрав свое платье, побежала к утесам.

Гэрин поднял плащ и набросил его на плечи, скрыв свои раны. Когда он больше не сможет выдерживать взятый ею темп, Фрейла не должна догадаться о причине, по которой он упал.

Впоследствии Гэрин мало что помнил об этом броске через лес. Под конец бурлящая вода ворвалась в его уши, где стучала кровь, пока он ковылял в добрых десяти шагах от компаньонов. Они подошли к опушке леса, тянущегося вдоль берега реки.

Без колебаний Фрейла и Дандтан погрузились в маслянистую воду, легко доплыв до другого берега. Гэрин уронил плащ, гадая, сможет ли он, раз вступив в эти желтые воды, бороться, чтобы вы-

браться обратно. Ана уже шлепала лапами по воде, делая круги у берега, и умоляла хозяина следовать за ней. Гэрин устало окунулся.

Вода, смывшая кровь и пот с его горящего тела, была слегка солоноватой и вновь обожгла его раны. Он не мог больше сопротивляться ленивому потоку, и тот отнес его вниз по течению, довольно далеко от того места, где вышли на берег остальные.

Но под конец он ухитрился высвободиться, выкарабкавшись недалеко от места, где речушка вливалась в реку. Здесь он остался лежать, задыхаясь, лицом в мох. И здесь они нашли его; вода капала с его запачканного богатого наряда, и Ана гладила его вымазанные грязью волосы.

Фрейла вскрикнула от сострадания и приподняла его голову, примостив к себе на колени, пока Дандтан осматривал его раны.

— Почему ты не сказал нам? — спросила Фрейла.

Он не пытался ответить, довольный тем, что лежит так, а ее руки поддерживают его. Тем временем Дандтан скрылся в лесу, но скоро вернулся, держа охапку размятых листьев. Ими он залепил раны Гэрина.

— Лучше бы вам идти вперед,— предупредил Гэрин.

Дандтан помотал головой.

— Моргелы не умеют плавать. Если они собираются пересечь реку, им придется идти к мосту, а это расстояние в полкратера.

Ана опустилась среди них, в ее маленьких ладошках горкой лежали пурпурные фрукты. И так они пировали — Гэрин, отдыхая на ложе из папоротников, принимая пищу из рук Фрейлы.

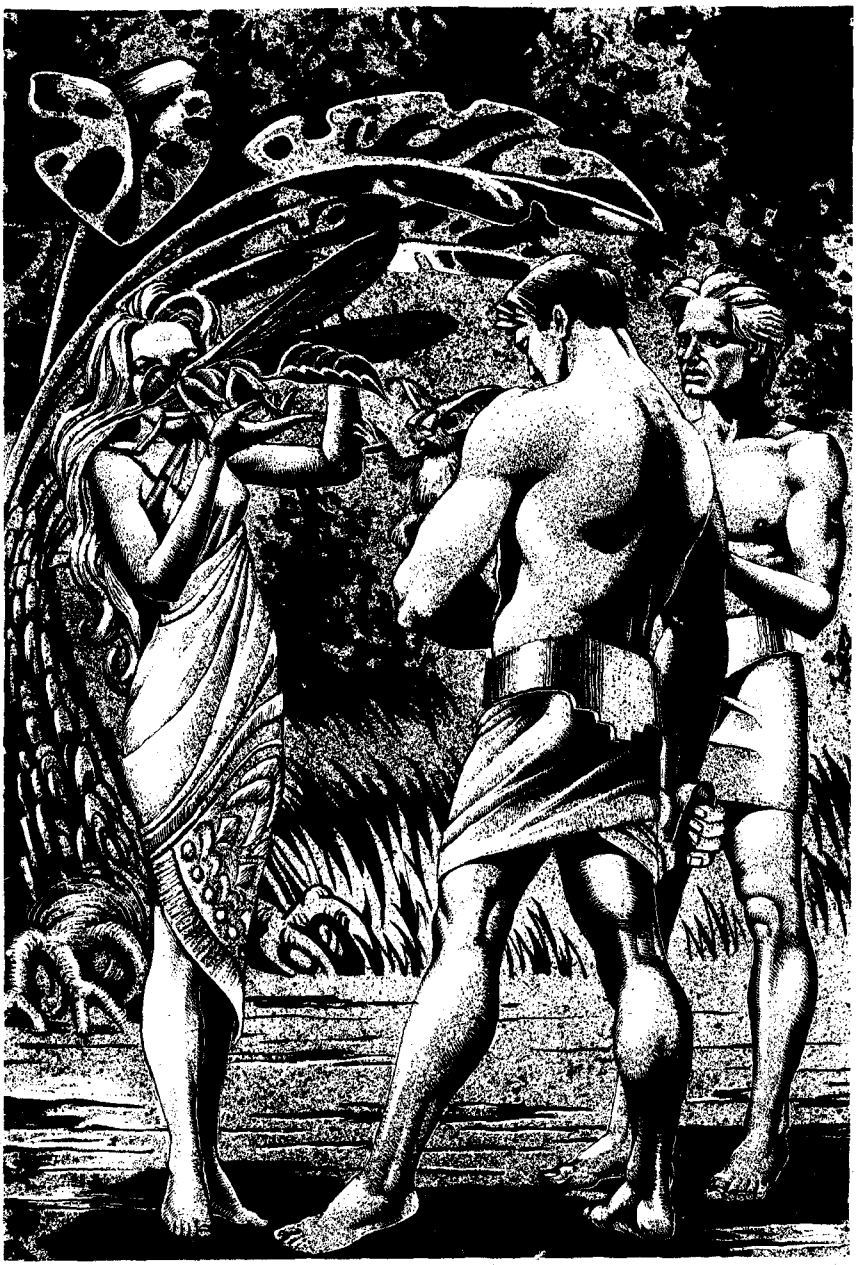
В лиственных пластырях Дандтана, очевидно, были кое-какие достоинства, ибо после короткого отдыха Гэрин оказался в состоянии подняться на ноги, сморщившись от боли всего лишь раз или два. Но они пошли более умеренным шагом.

Среди мшистых долин и залитых солнцем лесных опушек, где издавали аромат странные цветы, пролегал их путь. Ручей, по которому они шли, делился дважды, прежде чем они удалились в сторону от проводника — его воды, через медоносные луга к стене кратера.

Внезапно Фрейла повернула голову назад и издала пронзительный вопль, почти свист. С неба опустилось насекомое, желтое и черное, большое, как сокол. Дважды оно сделало круг над ее головой, а затем уселось на ее вытянутое запястье.

Его пухлое тело было пронзительно черным, кривые ноги, по три с каждой стороны,— желты, как хром. Круглая голова оканчивалась острым клювом; у него были большие многофасетчатые глаза. Крылья, лениво пробовавшие воздух; были черными, лишь слегка тронутые золотом.

Фрейла гладила круглую голову, в то время как насекомое



мирно жужжало у ее щеки. Потом девушка убрала руку, и насекомое улетело.

— Теперь нас будут ждать, и мы сможем пройти, не беспокоясь, что к нам пристанут.

Вскоре они вновь услышали шелестящий звук. Стена кратера замаячила впереди; деревья у ее основания казались карликовыми.

— Там — город Гиби,— заметил Дандтан.

Цепляясь за скалы, там висели башни и башенки из множества восьмигранных ячеек.

— Они готовятся у Туману,— заметила Фрейла.— У нас будет компания в нашем путешествии к Кавернам.

Они прошли мимо деревьев и оказались у подножия восковых небоскребов, головокружительно громоздившихся над их головами. Огромное облако Гиби заклубилось вокруг них. Гэрин ощутил мягкое касание их крыльев. Насекомые роились, ревниво оттесняя друг друга, чтобы быть поближе к Фрейле.

Мягкое «ш-ш» их крыльев наполняло промежуток, в котором приближалась большая Гиби выдающейся красоты. Простые смертные заволновались, раздвинулись, и Фрейла приветствовала Королеву Сот как равную, а потом повернулась к своим компаньонам с сообщением, которое передала им Королева Гиби.

— Мы как раз вовремя. Завтра Гиби отправляются. Моргелы пересекли реку и вышли из-под контроля. Вместо того, чтобы охотиться на нас, они мародерствуют в лесных землях. Весь Тав предупрежден о них. Но эти твари могут быть захвачены Туманом и таким образом уничтожены. Мы отдохнем в убежищах меж утесами, а Гиби должны будут идти с нами, когда настанет время отхода.

Гэрин проснулся от громкого шепота. Дандтан стоял на камнях рядом с ним.

— Мы должны идти. Гиби уже запечатывают последние ячейки.

Люди торопливо поели зерно и медовые лепешки, а пока они обедали, их вновь посетила Королева.

Первые из роя уже направили крылья на восток. Когда Народ Гиби повис над ними, как штормовая туча, трое людей направились через луг. Пурпурно-голубой газ уже густел и, то здесь, то там, подобно пыльным дьяволам пустыни, поднимались, танцевали и скрывались вновь забавные силуэты. Тропическая жара Тав усилилась, словно сама земля стала источать пар.

— Туман приближается, и мы должны спешить,— задыхаясь, вымолвил Дандтан.

Они пересекли участок леса, граничивший с лугом, и вышли на центральную равнину Тав. Стояла тягостная тишина. Ана, угнездившаяся на плече Гэрина, дрожала.

Их шаг перешел в легкий бег; Гиби собрались в кучу. Один раз дыхание Фрейлы пресеклось сдавленным рыданием.

— Они летят медленно из-за нас, а еще так далеко...

— Смотрите! — Дандтан указал на равнину.— Моргелы!

Стая Моргелов, гонимая страхом, передвигалась скачками. Они промчались в сотне ярдов от троицы, не свернув со своего курса, хотя некоторые фыркнули на них.

— Они уже мертвы,— заметил Дандтан.— У них нет времени добраться до убежища в Пещерах.

Прошлепав через ручей, трое начали бег.

Первой споткнулась и нарушила ритм бега Фрейла. Гэрин передал Ану Дандтану и подхватил девушку на руки прежде, чем она начала протестовать.

Между тем газ стал плотнее, колеблясь над ними, как занавес. Черные волосы, тоньше шелка, захлестнули горло Гэрина. Голова Фрейлы лежала на его плече, ее вздымающаяся грудь выгибалась дугой, когда она задыхалась в сернистом воздухе.

Неожиданно они упали в толпу Народа. Одна из встречавших потянулась к Фрейле с напевным возгласом. Это Сэра приветствовала свою госпожу. Фрейла была унесена женщинами, оставив Гэрину чувство пустоты.

— Туман, чужеземец.— Это был Ург, указывавший на вход в Каверны.

Двое из Народа всем своим весом налегли на рычаг. Перекрывая отверстие, щит из хрусталя с лязгом встал на место. Пещеры были запечатаны.

Газ снаружи теперь был чернильно-черный, и волны его жара били по защитному барьеру. Такова могла быть полночь в самую темную, наиболее беззвездную ночь.

— Так будет сорок дней. Все, что снаружи — умирает,— сказал Ург.

— Тогда у нас есть сорок дней для подготовки,— высказал свою мысль вслух Гэрин, и мрачное лицо Дандтана просветлело.

— Хорошо сказано, Гэрин. Сорок дней до того, как Кепта сможет найти нас. И у нас много дел. Но сначала — наше почтение Лорду Народа.

Они вместе пошли к Тронному Залу, где, увидев Дандтана, Фрар поднялся, держа свой скипетр с жадеитовым наконечником. Сын Древних коснулся его.

— Привет, Живущий под Светом и чужеземец, который исполнил прорицание Франа. Фрейла снова в Кавернах. Теперь мы должны повергнуть этот черный трон в пыль...

Гэрин вытащил из-за пояса свой разрушающий жезл, но Дандтан покачал головой.

— Время еще не пришло, Фрар. Кепта должен закончить тем же образом, что и начал. У нас есть сорок дней, а потом придут Черные.

Фрар задумался, решаясь.

— Что ж, так и должно быть... Фрэн не видел другой войны...

— Но он видел конец Кепты!

Фрар выпрямился, как будто какой-то груз упал с его плеч.

— Ты хорошо сказал, Лорд. Когда здесь есть тот, кто сядет на Розовый Трон, чего мы должны бояться? Слушай, мой Народ, Свет вернулся в Каверны!

Его крик эхом откликнулся среди собравшегося Народа.

— А сейчас, Лорд,— он повернулся к Дандтану с почтением,— каковы будут приказания?

— На время одного сна я должен войти в Комнату Обновления вместе с этим чужеземцем, который больше не чужеземец, но Гэрин, принятый Дочерью согласно закону. И пока мы отдыхаем, пусть все будет подготовлено...

— Живущий под Светом сказал! — Фрар сам проводил их из Зала.

Через многочисленные переходы они пришли к глубокому бассейну, в глубине которого таилась какая-то странная, пурпурная тень. Дандтан обнажился и нырнул в него, Гэрин последовал его примеру. Вода была освежающе прохладной и покалывала; они не задержались в ней долго. Оттуда молодые люди прошли в шаровидную комнату, похожую на ту, в которой лежал Гэрин после ванны в лучах целебного света; в центре ее, на ложе, они расположили свои усталые тела.

Когда Гэрин проснулся, он испытал то же самое возбуждение, что и раньше. Дандтан рассматривал его с улыбкой.

— Теперь за работу,— сказал он, потянувшись, чтобы нажать на кнопку, установленную на стене.

Появились двое из Народа, несущие им чистую одежду. После того, как они оделись и поели, Дандтан отправился в лаборатории. Гэрин направился было за ним, но его перехватила Сэра.

— Дочери хотелось бы поговорить с Лордом Гэрином...

Дандтан рассмеялся.

— Иди,— приказал он.— Приказами Фрейлы не пренебрегают.

Зал Женщин был пуст. И коридор рядом, сводчатый, по стенам отделанный пластами серебристо-розового хрусталя, был столь же пустым. Сэра отодвинула в сторону золотой занавес, и они оказались в комнате аудиенций Фрейлы.

Полукруглый подиум из чистейшего хрусталя, заваленный розовыми и золотыми подушками, стоял перед ними, впереди фонтан в форме цветка, качающегося на изогнутом стебле, струил воду в бассейн в виде раковины. Стены комнаты были разделены на альковы мраморными колоннами, каждый вырезан в виде папоротниковой вайи.

Со сводчатого потолка на витых золотых цепях изливали свет

семь ламп, каждая из которых была вырезана из целого желтого сапфира. Пол устилала мозаика из золота и хрусталя.

Две маленькие Аны, игравшие среди подушек, быстрым топотком подошли обменяться приветствиями с Гэрином. Но хозяйки комнаты не было видно.

Гэрин повернулся к Сэре, но прежде, чем он смог произнести свой вопрос, она насмешливо спросила:

— Кто такой Лорд Гэрин, что не может ждать с терпением? — И тут же исчезла в поисках Дочери.

С неловким чувством Гэрин осмотрелся. Эта роскошная комната — не место для него. Он стал пристально смотреть на дверь, в которую вошла Фрейла.

— Мое приветствие Дочери.— Его голос звучал формально и холодно даже для него самого.

Ее руки, вытянутые в приветствии, упали. Хмурое выражение проявилось на прекрасном лице.

— Приветствую, Гэрин,— медленно ответила она.

— Вы посылали за мной,— подсказал он, готовый сбежать из этой шкатулки с драгоценностями от недостижимого сокровища, которое она хранила.

— Да.— Холодность ее ответа вызывала дрожь.— Я хотела узнать, как ты добрался и не беспокоят ли тебя раны?

Он посмотрел вниз, на свою гладкую кожу, исцеленную без шрамов мудростью Народа.

— Я снова стал самим собой и охотно займусь той работой, которую Дандтан сможет найти мне...

Ее платье, казалось, недовольно прошелестело, когда она повернулась к нему.

— Тогда тебе лучше немедленно уйти,— приказала она.

И он слепо повиновался. Она говорила будто со слугой, с одним из тех, кого можно вызвать и прогнать от себя. Даже если ее любовь принадлежала Дандтану, она могла бы выразить ему свою дружбу. Но он чувствовал, что дружба была бы бедными крохами пиршества, которого так желало его сердце.

За ним возник топоток шагов. Так, она собирается позвать его назад! Гордость погнала его дальше. Но это была Сэра. Она так вытянула шею, что поистине напоминала ящерицу.

— Дурак! Моргел! — шипела она.— Даже Черные не обижали ее так сильно. Убирайся из Покоев Женщин, пока они не разделили твою шкуру меж собой!

Гэрин игнорировал ее упреки. Он пошел искать лаборатории, попросив одного из Народа проводить его.

Глубоко под поверхностью Тав, там, где световые мошки призрачно сияли во тьме, они вошли в помещение, полное кипучей деятельности, где столы были загромождены инструментами, стек-

лянной посудой и металлическими трубами, другим оборудованием и приспособлениями.

На платформе в дальнем конце зала Гэрин увидел высокого сына Древних, работающего над решетчатой конструкцией из металла и светящегося хрусталя.

Дандтан поднял голову в приветствии, когда Гэрин присоединился к нему. Вскоре он уже получал инструкции — стал дополнительными руками и ногами Дандтана. Они лихорадочно работали над изготовлением защитных средств против поднимающегося Тумана. Поскольку в лаборатории не было ни дня, ни ночи, они могли спокойно работать длительными периодами. Дважды они возвращались в Комнату Обновления, но за исключением этих прогулок к верхним уровням, молодые люди не выходили из лабораторий. От Фрейлы не было ни знака, ни звука.

Обитатели Каверн защищались двумя средствами: ядовитой зеленой жидкостью, выбрасываемой в хрупких стеклянных шарах, и с помощью экрана, заряженного энергией.

Вскоре после подъема Тумана это вооружение было доставлено ко входу и установлено на местах. Дандтан и Гэрин проводили последнюю инспекцию.

— Кепта делает ошибку, недооценивая своих врагов,— рассуждал Дандтан, осторожно ощупывая край экрана.— Когда меня захватили в плен, в День Смерти моего народа, я был послан в лаборатории Черных с тем, чтобы их искатели знаний выведали секреты Древних. Но я оказался, скорее, способным учеником, чем учителем, и открыл средство защиты от Огня Черных. Узнав, что мне это известно, Кепта потерял терпение из-за моей предполагаемой неспособности объяснять знание Древних и попробовал использовать меня с целью подчинить Фрейлу своей воле. За это, как и за многое другое, он должен заплатить — и плата будет не в той монете, которую он чеканит. Давай-ка подумаем об этом...— он повернулся, чтобы приветствовать Урга и Фрара, а также других лидеров Народа, которые приблизились незамеченными.

Среди них стояла Фрейла. Ее взгляд был устремлен на хрустальную стену меж ними и редеющим Туманом. Она смотрела на Гэрина не больше, чем на Ан, играющих ее шлейфом, или женщин, шепчущихся за ее спиной. Но Гэрин отступил назад, в тень — и то, на что он глядел, было отнюдь не оружие войны, а вьющиеся, как облако, черные волосы и грациозные белые руки, драпированные чем-то блестящим.

Ург и один из других Вождей повисли на рычаге двери. С протестующим скрипом стеклянная скала скрылась в стене. Зелень Тав приглашала на прогулку по своей свежести; она обновилась и жила новой жизнью. Но на лугу и в лесу стояла странная тишина.

— Часовых,— приказал Дандтан.— Черные скоро прибудут.

Он пригласил Гэрина вперед, обращаясь к Фрейле:

— Пройдем в Тронный Зал.

Но Дочь не ответила на его улыбку.

— Не годится проводить время в праздной болтовне. Вместо этого давайте воззовем к помощи тех, кто ушел прежде нас,— произнося это, она метнула на Гэрина взгляд, холодный, как арктические земли вне границ Тав, а затем отвернулась к Сэре и ушла вместе с ней, шесущей шлеф.

На миг Гэрина соблазнила мысль о возможности рассказать правду о том, что он и не пытался сломать какой бы то ни было барьер, который она выбрала для возведения, но тут же понял, что в этом не было для него чести. И летчик молча покачал головой.

Никто из них больше не видел Фрейлу до того дня, когда Смерть вошла в Каверны.

Глава 5

БИТВА В КАВЕРНАХ

Гэрин стоял рядом с Дандтаном, всматриваясь в равнину Тав. На некотором расстоянии находились две тонкие, со стальными верхушками, башни, которые в действительности были полыми трубами, заполненными Черным огнем. Перед ними, закованные в черное, были заняты делом какие-то фигуры.

— Они, кажется, считают нас уже побежденными,— прокомментировал происходящее Дандтан, касаясь экрана, который они выставили вертикально перед входом в Каверны.

Пока он говорил, Кепта хвастливо прошагал через высокую траву, чтобы выкрикнуть приветствие:

— Хоу, обитатели скал, мне хотелось бы поговорить с вами...

Дандтан обогнул край экрана, Гэрин последовал за ним на полшага сзади.

— Я вижу тебя, Кепта.

— Хорошо. Я верю, что ваши уши послужат вам столь же отлично, сколь и глаза. Мои условия таковы: отдайте мне Фрейлу, пусть живет в моих покоях; и чужеземца, пусть обеспечит развлечение для моих капитанов. Не сопротивляйтесь, но откройте Каверны так, чтобы я мог занять свое законное место в Тронном Зале. Сделайте это, и у нас будет мир...

Дандтан недвижно стоял у края экрана.

— А наш ответ таков: вернись в Пещеры; разрушь мост между нашими и вашими землями. Не позволяй ни одному черному вновь подойти ближе, даже...

Кепта расхохотался.

— Так это ваше решение! Тогда вот что мы сделаем: возьмем

Фрейлу, пусть будет моей на время, а потом пойдет моим капитанам...

Гэрин бросился вперед и почувствовал, как губы Кепты расплющились под его ударом; его пальцы сжимались вокруг глотки противника, когда Дандтан, пытавшийся оттолкнуть американца от его жертвы, выкрикнул предупреждение: «Смотри!»

Из травы выпрыгнул Моргел, его зубы щелкнули у запястья летчика, заставив того отпустить Кепту. Тут уже Дандтан уложил врага без чувств ударом своего пояса.

Кепта на четвереньках отполз назад, к своим людям. Нижняя часть его лица была красной, в пятнах. В безумной ярости он пронзительно выкрикнул какой-то приказ.

Дандтан тянул все еще разъяренного Гэрина за экран.

— Будь немного благоразумней,— с одышкой выговорил юноша.— С Кептой можно и нужно иметь дело иными способами, а не голыми руками.

Башни повернули свои верхушки к входу, Дандтан приказал плотно установить экран на его месте и заклинить его.

Снаружи Моргел, которого оглушил Дандтан, шатаясь, поднялся на ноги. Когда он уже проскакал половину обратного пути к хозяину, Кепта приказал открыть огонь. Широкий луч черного света из вершины ближайшей башни охватил голову твари. Пронзительный вопль агонии — и там, где был Моргел, развеялся по ветру серый пепел.

Громкое потрескивание возникло в тот миг, когда черный луч ударил по экрану и отразился обратно. Зеленая трава внизу превратилась в запекшуюся землю и голубую грязь. Те, кто в Кавернах скорчился за своей хрупкой защитой, наполовину ослепли от сияния сгоравшей травы и закашлялись от высвободившихся газов, просачивавшихся сквозь трещины в скале. Затем луч исчез. Прозрачный дым курился султаном из верхушек башен, густой — поднимался с почерневшего грунта. Дандтан сделал глубокий вдох.

— Он выдержал! — закричал юноша, позволив себе выдать страх в момент, когда тот его оставил.

Одни мужчины Народа установили трубчатые машины перед экраном, в то время как другие вынесли шары с зеленой жидкостью.

Дандтан стоял в стороне, как будто бы это было делом исключительно Народа, и Гэрин вспомнил, что Древние были противниками убийств. Сейчас командовал Фрар. По его приказам шары были помещены в держатели ложкообразной формы. В щите открылись бойницы. Фрар повел руку вниз в сигнале. Шары неторопливо поднялись, соскользнули с ложек и выплыли к башням через бойницы.

Один, нацеленный на более короткое расстояние, ударился о грунт там, где огонь выжег его догола, и разбился. Жидкость лениво вытекла, образуя в местах соприкосновения с воздухом серо-

зеленый газ. Другая спираль газа поднялась почти от самого подножия башен — и еще одна...

Немедленно последовали мучительные вопли, вскоре стихшие до слабых стонов. Защитники Каверн еще могли различить формы, уже не человеческие, но и не звериные, шатающиеся в тумане.

Дандтан отвернулся, его лицо побелело от ужаса. Руки Гэрина были прижаты к ушам, чтобы заглушить крики.

Наконец стало тихо; у башен больше не было движения. Ург поместил сферу розового света на ближайшую машину и забросил ее в лагерь врагов. Она втянула в себя зеленые щупальца газа, как будто была магнитом для них, и оставила воздух чистым. Здесь и там валялись сморщенные сине-багровые формы, над которыми наклонились башни.

В толпу защитников Народа ворвалась женщина из свиты Фрейлы.

— Спешите! — она вцепилась в Гэрина.— Кепта схватил Фрейлу!

Она развернулась и бросилась в том направлении, откуда пришла. Гэрин наступал ей на пятки.

Они ворвались в Тронный Зал и увидели борющуюся перед помостом группу. Гэрин услышал, как кто-то завыл, подобно животному, осознав, что этот звук вырвался из его собственной глотки. Второй раз его кулак оставил отметку на лице Кепты. С воплем ярости Черный выпустил Фрейлу и прыгнул к Гэрину; его когти прочертили борозды на лице летчика. Дважды Гэрину удавалось выкрутиться и нанести сокрушительные удары по ребрам противника. Затем его пальцы сомкнулись вокруг горла Кепты. Несмотря на все сопротивление Черного, он держал его, пока безвольное тело не свалилось у его ног.

Задыхаясь, Гэрин поднялся с закапанного кровью пола и схватился для устойчивости за подлокотник жадеитового Трона.

— Гэрин! — Руки Фрейлы обвились вокруг него, ее милосердные пальцы коснулись его ран.

И в этот момент он забыл Дандтана, забыл все, что заставил себя запомнить. Она была в его объятиях, и его рот властно пил ее дыхание. Она не осталась безответна, покорилась, как полевые цветы ветру.

— Гэрин! — нежно прошептала она и тут же почти стыдливо высвободилась. Рядом с ней стоял Дандтан с побелевшим лицом; его губы были плотно сжаты. Гэрин опомнился, но, почти обезумев от боли и страсти, опустил глаза, пытаясь не видеть очарования Фрейлы.

— Так, чужеземец, Фрейла спешит в твои объятья...

Гэрин немедленно обернулся. Кепта сгорбился на сиденье гагатового трона.

— Нет, я не мертв, чужестранец — не суждено тебе убить меня, как ты думаешь сделать. Сейчас я уйду, но вернусь. Мы встречались и ненавидели, боролись и умирали — ты и я. Ты был просто Гэран, Маршал Воздушного Флота Ю-Лэка в исчезнувшем мире, а я — Лордом Коома. Это было до того, как Древние пионерами освоили пространство. Ты, я и Фрейла, мы связаны друг с другом, и даже судьба не может нарушить эту связь. Прощай, Гэрин. И ты, Фрейла, вспомни конец того, другого Гэрана. Он был не из легких.

С последним злобным смешком Кепта откинулся на трон. Его избитое тело обмякло. Затем четкие линии трона замутились; он задрожал на свету. Внезапно и он, и занимающий его исчезли. Все присутствующие изумленно уставились на пустое место, около которого вырисовывались очертания розового трона Древних.

— Он говорил правду,— пробормотала Фрейла.— У нас были другие жизни, другие встречи — значит, мы встретимся вновь. Но сегодня он вернулся во тьму, которая высылала его вперед. Кончено.

Неожиданно низкий гул заполнил Каверны; стены трескались и шатались. Люди и ящеры, все смешались, сбились вместе, пока колебания не прекратились. Наконец появился гонец с новостями, принесенными одной из Гиби, обнаружившей, что Пещеры Тьмы погребены под обвалом. Угроза Черных определенно исчезла.

Хотя в Кавернах обрушились некоторые скалы и часть переходов оказалась перекрыта, немногие из Народа пострадали от ран. Разведчики Гиби рапортовали, что земля у входа в Пещеры провалилась и что Золотая река, вышедшая из берегов, быстро наполняет бассейн и образует озеро.

Насколько они смогли разведать, никто из Черных не пережил битвы и обвала в Пещерах. Но они не могли быть уверены, что где-нибудь в пределах Тав не было уцелевших изгнанников.

Сам кратер изменился. На центральной равнине Тав появился ряд новых холмов. Воронка исчезла, и деревья в лесу лежали, будто скошенные гигантской косой. По своем возвращении в скальный город, Гиби нашли большинство своих восковых небоскребов в руинах, но занялись перестройкой без жалоб. Белки-фермеры выбрались из своих нор и снова хлопотали на полях.

Гэрин чувствовал себя чужим всей этой активной деятельности, что заполняла Каверны. Более чем когда-либо он был чужеземцем без подлинных корней в Тав. Без отдыха он исследовал Каверны, проводя много часов на Площади Предков, где изучал тех мужчин из внешнего мира, кто предшествовал ему на этой ужасной земле.

Однажды ночью он вернулся в свою комнату и нашел там поджидавших его Дандтана и Фрара. В позе Дандтана была суровость, странная суровость, а в манерах Фрара угрюмая уравновешенность.

— Ты видел Зал Женщин со времени битвы? — резко спросил сын Древних.

— Нет,— коротко ответствовал Гэрин, гадая, не обвиняет ли его Дандтан в двуличии.

— Ты писал Фрейле?

Гэрин снова сдержался.

— Я не осмеливаюсь рисковать там, где не могу.

Дандтан кивнул, как если бы его подозрения оправдались.

— Видишь, как обстоят дела, Фрар.

Правитель медленно покачал головой.

— Но призыв никогда не был ошибкой...

— Ты забыл,— перебил его Дандтан.— Однажды такое было — и наказание свершилось. Так должно быть снова.

Гэрин смотрел то на одного, то на другого в смущении. Дандтаном, казалось, несомненно овладел безжалостный гнев, однако Фрар был столь же явно огорчен.

— Это должно произойти после совета, по желанию Дочери,— сказал Лорд Народа.

Дандтан шагнул к двери.

— Фрейла не должна знать. Собери совет сегодня ночью. Тем временем посмотри, чтобы он,— Дандтан ткнул пальцем в Гэрина,— не покидал этой комнаты.

Так Гэрин стал пленником под охраной Народа, не в состоянии выяснить, в чем его обвиняют или как смог он вызвать ненависть правителя Каверн, если только здесь не проявилась ревность Дандтана и тот не решился избавиться от соперника.

Предположив это, американец охотно шел к комнате, где ждали его судьи. Дандтан сидел во главе длинного стола, Фрар справа от него, и менее благоразумные из Народа — поодаль.

— Обвинение вам знакомо,— слова Дандтана буквально сочились ядом, когда Гэрин подошел и встал перед ним.— Чужеземец обвинил себя собственными устами, поэтому прошу объявить ему судьбу того чужеземца второго призыва, который восстал против него.

— Чужеземец допустил ошибку? — спросил один из Народа.

Фрар печально наклонил голову: — Допустил.

Когда Гэрин открыл рот, чтобы потребовать объявить обвинение против него, Дандтан заговорил снова.

— Что вы скажете, Лорды?

Долгий миг они сидели в молчании, затем качнули своими рептильими головами в знак согласия.

— Действуй согласно своему желанию, Живущий под Светом.

Дандтан безрадостно улыбнулся.

— Смотри, чужеземец.— Он повел рукой над стеклом установки зрительного зеркала в крышке стола.— Такова судьба мятежников...

В сияющей поверхности Гэрин увидел изображение пролома в стене Тав. У ее подножия стояла группа людей из Древних, а в их середине — сопротивляющийся пленник. Они вынуждали его лезть

на стену кратера. Гэрин видел, как он достиг края и вскарабкался наверх; шатаясь, перебрался через источающую пар скалу, увертываясь от кипящих струй газа горячих источников, пока не упал вниз в скользкую грязь.

— Таков был его конец, и таков будет твой конец...

Холодная жестокость этого утверждения возбудила гнев Гэрина.

— Скорее я умру таким образом, чем задержусь в этом логове! — пылко выкрикнул он.— Ты, который обязан мне жизнью, пошлешь меня на такую смерть, даже не сообщив, в чем меня обвиняют. Невелика же тогда разница между тобой и Кептой, в конечном счете — за исключением того, что тот открыто был врагом!

Дандтан вскочил на ноги, но Фрар схватил его за руку.

— Он говорит справедливо. Спроси его, почему он не хочет выполнить предназначение.

Пока Дандтан колебался, Гэрин перегнулся к нему над столом, бросая свои слова, как оружие, прямо в это холодное лицо.

— Я признаю, что люблю Фрейлу — полюбил с того момента, когда увидел ее на ступенях Ямы Моргелов в Пещерах. С каких это пор стало преступлением любить то, что не может быть твоим?

Фрар освободил Дандтана, его желтые глаза сияли.

— Если любишь ее, позови. Это твое право.

— Разве я не знаю,— Гэрин повернулся к нему,— что она принадлежит Дандтану? Фрэн не имел представления, что Дандтан выживет, когда налагал свою волю. И я должен унизиться до того, чтобы удерживать ее согласно нежеланной сделке? Пусть идет к тому, кого любит...

Лицо Дандтана окаменело, его оставшиеся на столе руки задрожали. Один за другим Лорды Народа выскользнули прочь, оставив этих двух лицом к лицу.

— И я думал обречь тебя на смерть.— Шепот Дандтана был сиплым, как будто протискивался сквозь сухие губы.— Гэрин, мы думали, что ты знаешь — и, зная, отвергаешь ее.

— Знаю что?

— Что я сын Фрэна — и брат Фрейлы.

Пол покачнулся под неверными ногами Гэрина.

— Я дурак,— медленно сказал американец.

Дандтан улыбнулся.

— Очень гордый дурак! Теперь ты получишь Фрейлу, которая заслуживает того, чтобы услышать о всей этой путанице.

Так оно и было, и вместе с Дандтаном Гэрин второй раз прошел знакомый путь по залам, мимо золотого занавеса и встал в покоях Дочери. Она бросилась со своего ложа прямо в его объятия, когда увидела выражение его лица. Им не нужны были слова.

И с этого часа началась жизнь Гэрина в Тав.

Часть вторая

ГЭРАН ИЗ Ю-ЛЭКА

Глава 1

ЛОРД Ю-ЛЭКА

Я (бывший в мире за Барьером Тумана Гэрином Фезерстоуном, сейчас — Гэран Пламенный, супруг царствующей Леди Фрейлы, Дочери Древних) часто слушал эту полузабытую историю правящей расы, которая бежала с гибнущей планеты сквозь пустоту пространства на землю антарктического континента нашего юного мира и выжгла на нем великий кратер Тав в качестве своего будущего места обитания.

Время от времени они, как мне говорили, обновляли энергию своего рода, вызывая к себе из мира по ту сторону барьера, ими же воздвигнутого, некоторых мужчин. Я был одним из тех, кого призвали таким образом. Но мне довелось прийти в позднюю эпоху и в темное время, ибо в кратер вошло зло и обитателей Тав расколол конфликт. И сейчас, в настоящем (после несомненной победы, которую мы одержали над Кептой, Лордом Темного Пламени, с помощью его собственной преступной натуры, и над теми, кто последовал за ним) из Древней Расы в живых остались только моя жена и ее брат Дандтан.

В момент своего свержения Кепта сделал какие-то темные предсказания, касающиеся нашего необычного будущего и столь же невнятные ссылки на далекое прошлое, которые привлекли мой интерес. Ибо он заявил, что мы трое, Фрейла, Кепта и я, были связаны

вместе. Мы жили и сражались прежде, как будем жить и сражаться вновь.

Есть Гэрин, лежащий в Кавернах Спящих, чью историю поведала мне Фрейла, но до него — задолго до него — были другие. Ибо, когда я спросил Дочь о словах Кепты, она увела меня в одну из этих забавных, круглых, как пузырьки, комнат, где зрительные зеркала были встроены в столы. Там она села на покрытое подушками ложе и притянула меня сесть рядом с ней.

— Давно и издалека мы пришли,— мягко сказала она,— но не настолько давно и не так издалека, чтобы я не могла вспомнить начало. А ты помнишь?

— Ничего,— отвечал я, не сводя глаз с зеркала.

Она вздохнула.

— Возможно, это и так в нынешнем воплощении: моей была та ошибка — моим будет и груз памяти. То, что совершили мы двое в великом городе Ю-Лэке на исчезнувшей планете Кранд, надолго разделило нас. Сейчас это наконец прошло, и я почти боюсь вызвать это вновь.

Я резко поднялся.

— Пусть будет так.

— О нет! — Она схватила меня за руку.— Мы уже заплатили свою цену в троекратном размере. Один раз в Ю-Лэке и дважды в Кавернах. Наши несчастья позади, и сейчас я была бы даже рада взглянуть вновь на наиболее блистательные деяния, свидетельницей которых была когда-то. Смотрите, милорд.

Она подняла свои изящные руки над зеркалом. Оно затуманилось...

Я стоял на причудливо резном балконе опалесцирующего камня, еще не совсем очнувшись после сна. На розовом небе, странном для моих, наполовину земных глаз, и все-таки знакомом, появились первые золотые полосы зари. Ю-Лэк Могучий лежал передо мной, и я был Лорд Гэран, Маршал Императорского Воздушного Флота, пэр Империи.

По рождению я не имел права ни на титул, ни на такое положение, ибо моей матерью была придворная дама, а моим отцом — офицер. Они нарушили закон, запрещающий браки между различными кланами и кастами, и своим тайным союзом обрекли меня быть гражданским стражем и нижайшим из низших.

К счастью для меня и таких неудачников, как я, Император Форс, восходя на Розовый трон во Дворце Света, издал декрет, разрешающий гражданским стражникам службу в армии. В свои пятнадцать лет я сделал свой выбор и принял клеймо военного.

Жизнь была трудной, но это было спасением от худшего и — имея кое-какие амбиции и способности, без сомнения, унаследованные от отца,— я поднимался вверх шаг за шагом. Четырнадцать лет

спустя я стал Маршалом Императорского Воздушного Флота и военным лордом, получив титул по личному распоряжению Императора.

Но солдат, стоявший на балконе, глядя вниз на удивительную красоту, которую являл взгляду Ю-Лэк на заре, не был ни счастлив, ни доволен. Весь этот трудно завоеванный почет значил для него не больше, чем шрамы, которыми было отмечено его тело. Ибо он осмелился (хотя ни один человек этого не знал) поднять глаза и отдать сердце той, что стояла столь же далеко от него, как красное солнце Кранда от его желтых полей.

Я, ветеран бесчетных малых пограничных войн и рейдов, так же страдал от любви и так же падал духом, как самый юный и неопытный из рекрутов, томящийся бессонницей в казармах под моей башней. Хотя я решительно откладывал мою нерадостную страсть днем, по ночам и на рассвете моя память и мои сны вырывались из-под контроля, и я не пытался чересчур уж усердно держать их в узде.

Как кающиеся жрецы в великом храме Она, я мучал себя воспоминаниями, которые причиняли боль, вдвойне более жгучую, чем любое телесное страдание. Товарищи считали меня закаленным воином с холодным сердцем, не интересующимся ничем, кроме армейской карьеры. И все же...

Три года — ради Она, неужели это было так давно?

Тогда я был командиром Императорского флагманского корабля, счастливого трехмоторного судна, которое было избрано перенести Леди Фрейлу из ее храмовой школы в Торан, хрустальный дворец ее отца, венчавший центральный холм Ю-Лэка.

Принцесса Империи была окружена бесчисленными придворными, но этой благословенной ночью она смогла ускользнуть от своей свиты и вошла в кабину управления, где по капризу небес я вел машину один, и стала наблюдать за полетом. Фрейлой, не Ее Императорским Высочеством, стала она, когда прошел наш час, украденный у судьбы.

Дважды видел я ее с тех пор. Первый раз, когда преклонил колено у ног Императора, получая жезл своей должности, и осмелился поднять глаза на тот золотой трон, что по правую руку от него... А второй? Это было в королевских садах наслаждений, где я ждал аудиенции. Она прошла со своими дамами. Кто я такой, с военным клеймом, глубоко отпечатавшимся на моем плечевом мускуле, чтобы смотреть на Несравненную?

Касты Кранда были строго организованы. Человек мог подняться к почестям в одной из них, но не мог перейти в другую. Крестьянин мог стать лордом, землевладельцем и знатным, но никогда ни он, ни его сыновья не могли служить ни при дворе, ни во флоте.

Так солдат вооруженных сил, даже если он был рожден титулованным, не имел права пылать страстью к дочери Ученого, ибо они

были нашими правителями и нашей великой знатью, намного высшей, чем простые смертные, по широте своих знаний. Они имели такие же возможности причинить вред или подчинить своей воле как людей, так и силы природы, сколько имел и я над безмозглыми рабами на полях: той недочеловеческой расой, которую Ученые вывели в своих лабораториях. Они стояли вне рас, благословенные — или проклятые — сверхчеловеческими силами.

Но Фрейла была моей возлюбленной, и все декреты Императора и цепи древних обычаев не могли бы изменить этого, как не могли бы и удалить ее образ из моего сердца. Я думал, что кончу свою жизнь, довольствуясь, в крайнем случае, только поклонением моей мечте о ней, не помышляя о судьбе, решившей предоставить совсем другое будущее всем людям-пигмеям, ползающим по шару, чье имя Кранд.

Этим утром я недолго предавался удовольствию самоистязания и бесплодных желаний. Тоненький колокольчик мелодично прозвенел в комнате за моей спиной, давая знать, что кто-то желает войти в мою спальню. Я пересек комнату, подошел к настенному диску и провел по нему рукой. На его полированной поверхности появилось подобие моего адъютанта, этого юного шалопая, Анатана из Хола.

— Войди,— сказал я через переговорную трубу за диском; тем самым мой голос отпер дверь.

— Ну, бездельник, во сколько драк ты ввязался? — спросил я, смирившись, ибо меня частенько встречал ранним утром раскаивающийся, хотя и виновный, юный офицер, который хотел бы, чтобы я помог ему выпутаться из затруднительного положения, в которое бросала его частенько его безрассудная юная душа.

— На удивление,— ответил он весело,— ни в одну. Слава Ону. Но здесь, внизу, гонец из дворца.

Несмотря на все мое самообладание, мой пульс участился. Я повернулся к своему переговорному диску и приказал военному чиновнику из моего внутреннего офиса заверить посланника, что я приму его настолько быстро, как только смогу пристойно одеться. Анатан занялся выбором моей формы и вооружения, пока я плескался в смежной со спальней ванной. Он спокойно проводил время, выбалтывая слухи и сплетни как казарменные, так и дворцовые.

— Лорд Кепта собирается нанести нам визит,— доложил он.

Я уронил китель, за которым потянулся.

— Кепта из Коома? — переспросил я кратко, надеясь, что мое возмущение не будет замечено.

— Кто же еще? Существует только один Кепта, о котором у меня есть сведения.— Его серьезная наивность не обманула меня.

Но Анатан, при всей его беззаботной болтовне и легкомысленных поступках, всегда был верен мне, и я не боялся, что он изменит

мне сейчас. Не было никого, кого бы я ненавидел больше, чем Кепту из Коома, у которого было достаточно власти раздавить меня, как насекомое, и кто очень быстро воспользовался бы той самой властью, если бы только подозревал о моих истинных чувствах к нему.

В каждой груде плодов всегда есть один, мягче других и более склонный к гниению, чем остальные — и этот самый плод, если его вовремя не удалить, заразит остальные. По моему мнению, владетель Коома был этим самым гнилым плодом среди Ученых.

Он почти не общался с остальными коллегами по касте, а держался замкнуто в гигантской черной каменной цитадели своего темного, открытого всем ветрам города, проводя там тайные эксперименты в лабораториях глубоко под корой Кранда. Только каковы они, эти эксперименты, не мог сказать никто из Ученых, но у меня были кое-какие собственные подозрения, и не из приятных. Во всех знаниях есть и темная, и светлая сторона, и Кепта, если слухи верны, поворачивался ко тьме гораздо чаще, чем к свету. Я многое слышал и даже расследовал один-два слуха, но что я мог сделать без доказательств? Лорд Кепта был Ученым по рождению, а я — гражданским стражником, который по благосклонности Императора завоевал некоторую славу и положение. Если я хочу сохранить и то, и другое, и даже мою жизнь, для меня лучше бы забыть эти неясные истории.

Кепта был популярен среди определенного класса офицеров в моих частях. Время от времени он щедро и обильно развлекал их, и его кошелек всегда был открыт для тех, кто временно испытывал финансовые затруднения. Но для моего подозрительного ума это выглядело так, будто он хотел заполучить как можно больше солдат, обязанных ему. У меня всегда были готовы какие-нибудь вежливые отговорки в ответ на его частые приглашения и, под моим руководством, Анатан и лучшие среди его товарищей поступали так же.

Тем не менее не часто случалось, чтобы Хозяин Коома рисковал выбраться из своего высокого убежища, предпочитая приглашать всю компанию к себе, чем выезжать наружу в поисках таковой вне своей крепости.

Но за прошедший месяц в Ю-Лэке должны были бы состояться сборы Ученых, и Император, без сомнения, призвал его присоединиться к ним.

Если он собирался прибыть, чтобы занять свое место среди пэров, его не ожидали так рано, насколько я знал. Мне как Командующему Аэропортом не было дано никаких предупреждений о его прибытии, чтобы я смог подготовить стоянку для его личного судна среди прогулочных и туристских кораблей Императорского Двора. Его внезапное, почти негласное прибытие означало беспокойство для каждого, думал я, нетерпеливо.

Я застегнул пряжку моего инкрустированного чешуйками пан-

циря, предназначенного скорее для церемоний, чем для защиты, и щелкнул застежкой перевязи меча. Из рук Анатана я принял серебристый боевой плащ и покинул свои апартаменты.

Пандус, спускавшийся от моей квартиры к общественному учреждению, шел вокруг центрального столба башни-конуса, разворачиваясь удобной, постепенной спиралью. Стены пандуса были изобильно украшены фресками с изображениями традиционных сцен войны и охоты, занятий, всегда владевших умами моей расы.

Но в гладкую поверхность разрисованных стен то здесь, то там были глубоко посажены экраны, чтобы проходящий мимо мог видеть любую точку любого уголка огромного военного дела, чьим сердцем была башня.

Сейчас я с удовольствием проверял, по мере своего спуска, боеготовность моих низших офицеров, окинул взглядом одну из почти полностью устаревших частей, возвращавшуюся с ранних утренних маневров. Люди двигались непринужденно. Их маленькие грифоны с чешуйчатой кожей охотно становились под навес конюшен, волоча свои тяжелые бронированные хвосты по пыли парадного плаца. Оставались только две таких части, и их обязанности были легки: действовать в качестве гвардии Императора, когда тот совершает торжественные шествия.

Коммерция в лице торговцев, ломающих границы городов, первой продемонстрировала преимущества воздуха перед нашими усеянными островами морями и гористыми землями по быстроте и легкости передвижения. Войска не замедлили последовать поданному ими примеру.

Пехота и части грифонов быстро расформировывались; надменные и всесильные Воздушные Силы развили и упрочили свои позиции в течение десятка лет. Военно-морские силы исчезли из умирающих гаваней Кранда, за исключением горсточки судов, ржавеющих, крутясь на якорях, и вряд ли достойных титула некогда рожденного полумиллионом боевых кораблей.

Не довольствуясь выгодами и верховной властью, Министр Воздушных Сообщений пытался, как я первый заподозрил и теперь мог доказать, установить окованную железом монополию. Какую дикую цель поставил он перед собой, одному Ону ведомо, и все-таки, несмотря на все предупреждения, правители Кранда отказывались и пальцем пошевелить против него.

Выходя, я нащупал рукоятку своего меча. Люди, не замедлив, обращались к металлу для разрешения своих личных проблем, но оружие, которое я носил, было лишь красивой игрушкой, надеваемой чисто символически, как знак различия офицера моего ранга.

Война располагала более изощренным оружием — в жидкостях, сжигающих или замораживающих, нуждалась в смерти, заставляющей сам воздух сворачиваться над жертвой.

И непредставляемый большей частью человечества ужас был создан в удаленных лабораториях. Выскочившая искра — что может предусмотреть человек, какой конец?

И это собрание в Ю-Лэке... Ни одно дикое приграничное племя не поднимало восстаний, пять великих наций жили в мире уже долгие годы.

Говорилось, что со всех сторон нет места страху — и все-таки я беспокоился, и моя рука сама искала рукоятку меча как способ успокоения.

— Трон желает присутствия достопочтенного Лорда Гэрана,— продекламировал он официально.— Будет угодно его личное присутствие в Зале Девяти Принцев около трех часов.

— Слушать, значит повиноваться в этом, как и во всем другом,— пробормотал я стандартный ответ, требуемый от получившего королевское послание.

Он опустился на колено и коснулся пола передо мной.

В три часа? Тогда у меня еще было время позавтракать перед уходом. Взяв Анатана за руку, я вошел в трапезную, используемую всеми, кто жил в границах башни. Мы заняли свои места за полированным столом, который одной стороной был прикреплен к стене. Анатан дважды нажал на малиновый рычаг на крышке стола. Панель в столе напротив нас отъехала назад, и наружу выскользнули две чашки с едой. Фарш был хорошо ароматизирован и высокопитателен, но приготовлен с такими красителями и вкусовыми добавками, что никто не мог бы поклясться, что знает происхождение любого блюда.

Эта мода, введенная сверхцивилизованными горожанами, никогда не была у меня в почете, и я мечтал о более грубых, но для меня более сочных блюдах, что подают в пограничных лагерях или в маленьких сельских гостиницах.

Обитатели города, пресыщенные, как будто изысканность жизни могли предпочесть всему, теряли многие из истинных радостей жизни. Их благоуханные «дворцы удовольствий» вызывали у здоровых сельских жителей справедливый ужас. И, хотя многие слухи, доходившие до нас, были плохо обоснованы, тайная полиция тем не менее могла бы найти достаточно интересного по своей части в одном из этих прекрасных, схожих со сновидениями замков.

Как будто прочитав мои мысли, Анатан нарушил молчание.

— В квартале Сотан новый дворец.

— Так,— я снисходительно посмотрел на него.— Ты рискнул пробраться туда нынче ночью?

Он потряс головой в забавном отрицании.

— Это не для таких, как я. Канддон из Стала входил, когда я проходил мимо, и я видел охрану Лорда Пэлкана у тех же дверей.

— Такая высокая игра? — вслух удивился я, поскольку он назвал имена двоих наиболее богатых и влиятельных людей, имевших резиденции в Ю-Лэке.

— Это и кое-что другое,— ухмыльнулся он в известной манере, которая плохо шла к его мальчишескому лицу.— Если Лорд Гэран нанесет туда визит, не нужен ли будет ему компаньон?

— И когда это, щенок, я глупо расточал время за занавесом «дворца наслаждений»? Но я тебе обещаю,— я говорил довольно беззаботно, не умея читать будущее,— когда войду в такой дворец в Сотане, ты будешь рядом со мной.

— Сделано! Вы обещали, милорд,— он охотно ругнулся.

Тут мы оставили эту тему, поскольку я забрался в одномоторный флайер, который должен был перенести меня через весь город к посадочной площадке за хрустальными стенами Императорского дворца.

Глава 2

ХОЗЯИН КООМА

Было раннее утро, воздушное пространство над городом еще не было загромождено прогулочными и деловыми судами, которые парили, пикировали или пересекали курс в более поздние часы. За исключением одного-двух патрульных, никто не оспаривал моего курса почти до самого момента, когда я кинул свою машину вниз, чтобы приземлиться на стоянке, поближе к середине, уклоняясь от огня цитадели. Именно тут изящная черная спарка, чьи обтекаемые формы говорили как о скорости, так и о легкости в управлении, пересекла мой курс прямо перед носом моей машины, управляемая в дурной манере, и пошла вниз, захватив своим брюхом тот самый пятачок, который я наметил для себя.

Приготовив горячую речь для дерзкого юнца, столь нагло узурпировавшего мое место, я перевел свой крохотный флайер, чтобы сбросить якорь за сияющим черным скоростником. Но тот, кто появился передо мной, когда я вышел наружу, не был придворным молокососом.

Ибо с пренебрежительной и, по моему мнению, с более чем подозрительной, глумливой улыбкой, искривившей его тонко очерченные губы, на входе в нижний ярус замешкался высокий Повелитель Коома. Его надменно вскинутая голова была свободна как от церемониальной короны, так и от шлема, и его вьющиеся черные волосы шевелил утренний ветер, тот самый ветер, который трогал тяжелые складки его длинного оранжевого плаща.

Рядом с ним стоял его воздушный командир, угрюмый парень

Яплан из Тока, уже долгие годы имевший дурную репутацию среди всех военных. По крайней мере, он не претендовал на желание завоевать мою дружбу, но хмурился так воинственно, что бугристая кожа его лба стянула брови, образовав единую кустистую полосу.

— Наш достопочтенный Лорд Гэран,— промурлыкал Кепта.— Могу я осмелиться поздравить победителя Тарнана с его подвигом? У Яплана развился приступ зависти, когда новость о вашем успехе достигла наших бедных родных вод. Я изумляюсь, каким чудом он полностью выздоровел. Ведь выздоровление было полным, не так ли, Яплан? — уколол он насмешкой своего угрюмого офицера.

— О, да,— проворчал тот, хотя у него на лице ясно читалось его истинное мнение обо мне и всех моих трудах.

Мое солдатское воспитание не способствовало изощренности в придворной манере речи и мыслей, когда кто-то в лицо превозносит человека, в душе презирая его, поэтому моя речь была такой же прямой, как и мои мысли; мне не было нужды играть в учтивость более, чем необходимо.

— Вы оказываете мне слишком большую честь, милорд,— ответил я со всей куртуазностью, на какую оказался способен.— Слова похвалы от Повелителя Коома не так просто заслужить.

Его опущенные веки чуточку приподнялись, и улыбка стала более явной.

— Ваше частое пребывание при дворе отшлифовало вас в законченного придворного, лорд Гэран,— сказал он, и теперь издевка в улыбке стала заметнее.

Человека моей собственной касты и моего ранга я бы отблагодарил кулаком по зубам и за меньшее. Положение Кепты ставило его вне моих обид и негодования, что он очень хорошо знал, и все-таки никогда раньше его враждебность не была столь откровенной.

Я гадал — а кровь быстрее побежала по моим венам — не открыл ли он каких-либо моих расследований и не возмутили ли они его. Его маска «хорошего парня» треснула, и я увидел реального человека, который носил эту маску ради собственной выгоды.

Потому, хотя мои мускулы и напряглись, я сдержал поднимающийся гнев. Однажды, по воле Она, я еще встану лицом к лицу с этим глумливым человеком — и один на один.

— Я благодарю Повелителя Коома.— Мой ответ был холоден настолько, насколько я мог остудить его, оставаясь формально вежливым.

Он собрал свой плащ поплотнее вокруг широких плеч, резко отвернулся и ушел вместе с Ялланом. Я подождал минуту-другую, позволив им скрыться, прежде чем последовать за ними по спуску.

Пока я медлил там, обтекаемые формы коомианского флайера привлекли мой взгляд и возбудили интерес. Воздушные корабли были моей жизнью, и новые конструкции всегда околдовывали меня.

Хоть я и не рискнул задержаться, чтобы обследовать его поближе, но знал, что форма этого флайера, особенно внешний вид его машинного отделения, предполагает кое-какие удивительные открытия, нечто такое, что в корне отлично от большинства новых конструкций.

Работникам темного северного острова явно удалась новая форма пропульсора, что привело к созданию двигателя, меньше и компактнее всех, доселе мне известных.

Я все-таки оторвался от него, хотя и неохотно, зная, что Кепта начнет что-нибудь подозревать, если я задержусь слишком долго. Но, поставив ногу на пандус, я решил раскрыть секрет этой нарядной машины прежде, чем ее хозяин снова улетит на ней прочь от Ю-Лэка.

Спуск кончался одной широкой ступенью, и оттуда я вышел на мощеную малахитом и янтарем дорожку, ведущую к Залу Девяти Принцев. Вздымающиеся колонны полированной меди поддерживали крышу перехода, чьи стороны были открыты всем ветрам. Слева от меня четыре глубоких ступеньки из тускло-зеленого камня углублялись в первый из чудесных садов, которые и делали внутренние владения распростершейся цитадели местом чудес и изумления.

Справа ступеньки, спускавшиеся вниз, были не так круты и давали доступ к бронзовому причалу, где полдюжины или около того ярко разрисованных лодок вертелись на желтой, усыпанной лепестками воде одного из пяти каналов. Поскольку было еще рано, никто не остановил одинокого гвардейца, проходившего по переходу. Ни одна дама, вопреки моим дерзновенным надеждам, не каталась по усеянному лепестками каналу. Здесь царил лишь мягкий, задумчивый покой.

Но когда я вошел, Зал Девяти Принцев был уже заполнен. Одна из самых маленьких совещательных комнат и помещений для принятия решений была известна массивным столом, выточенным из единого кряжа и обработанного знаменитым процессом карбонизации в Императорских мастерских, пока он не стал твердым и прочным, как вековые скалы Имурийского моря.

Точно напротив центра столешницы стояло кресло из того же материала, расположенное так, чтобы занимающий его видел единственный вход в комнату, а по обе стороны кресла — скамьи без спинок.

По праву своего положения я был хорошо знаком с Императором и членами его всевластного Совета. Последние, по большей части, были справедливыми, хотя и суровыми людьми, требующими от тех, кто был им подвластен, твердой, всепоглощающей лояльности государству. Однажды, убедившись в моей верности, они даровали мне полную свободу действий в моем собственном департаменте, довольствуясь простым отчетом раз в полмесяца. В прошлом, когда

я принял свою высокую должность, наши отношения были довольно дружескими, хотя никогда не становились теплее, чем строгая формальность, принятая при дворе.

Но сейчас в их позах было что-то новое. Долгие годы почти постоянных военных действий и солдатской службы снабдили меня шестым чувством, дарованным тем, кто живет под колпаком опасности. И сейчас я немедленно почувствовал напряжение, некоторую холодность, которой встретили меня, как только я вошел.

Стоял ли я перед персональной опасностью или каким-то возмутившем всех их явлением вне моего ведения, у меня не было средств узнать. Но то же самое чувство, что привело мою руку к мечу нынешним утром, когда я торопился встретить императорского посланника, снова повернуло мои пальцы к оружию на поясе. Я кожей чувствовал — здесь была беда.

— Маршал Флота приветствует Повелителя Воздуха, Правителя Пяти морей, Возлюбленного Оном,— начал я формальное приветствие.

— Довольно,— голос Императора сухо оборвал мою речь.— Садитесь, лорд Гэран,— там.

Он сделал движение к стулу в каких-то шести шагах от места, где я стоял. Я подчинился, но во рту у меня разом пересохло. Здесь была опасность для МЕНЯ!

— Вы поддерживаете секретную службу информации, не так ли?

— Да, конечно, Великий. Это часть моих обязанностей.

— А это тоже часть ваших обязанностей? — Он вручил две металлические пластины служителю рядом с собой.

Служитель поднялся с места и, обойдя стол, подошел и встал передо мной, держа в руках то, что нес, так, чтобы я мог взглянуть на это.

В мягкой поверхности металла были вырезаны буквы и формулы, полностью мне неизвестные. Глубоко удивленный, я поднял глаза на Императора, чье лицо было холодной маской.

— Я никогда не видел этого прежде, Великий, и не понимаю их значения.

— И все-таки они были найдены среди личных записей вашей разведывательной службы,— ответил он многозначительно.

Я посмотрел на него в упор.

— Повторяю, Великий, прежде я этого не видел.

После этого Малькус из Фрота, тощий и костлявый человек, избегавший малейшего проявления эмоций, слабо хихикнул, закрывшись костлявой ладонью. Эта злая пародия на полногласный мужской хохот возмутила меня, чего он, без сомнения, и добивался.

— Разве Маршал Флота стал приверженцем зла, Великий? Я прошу вас, милорды, быть немного прямее с вашим слугой.

Император нахмурился.

— Против этой службы и вас была подана жалоба людьми из Коома...

Коом! Это имя вспыхнуло в моем мозгу огненным жаром! Коом! Значит, я был прав, приписывая какое-то дьявольское значение необъявленному прилету Кепты.

— Кое за какими личными делами Правителя следили...— начал я, хотя тут моя совесть была не вполне чиста. Я должн был отыскать ключ к темной загадке Кепты. В этом я был виновен.

— И теперь, как и предсказывал лорд Кепта, это было найдено среди ваших записей,— Император был неумолим.

— Государь и вы, милорды, я могу только сказать как и прежде, что пластины, которые вы мне показали, я никогда до этого не видел. Если их нашли среди записей Флота, у меня нет сведений, как они туда попали. Но я обещаю вам,— договорил я сквозь зубы,— что не замедлю добраться до сути событий, странных событий.

Малькус опять хихикнул, и сухой скрежет его непристойной радости эхом разнесся по комнате.

— Смотри-ка, оскорбленная добродетель! — изрек он насмешливо.

Я стремительно обернулся к нему.

— Вы издеваетесь надо мною, милорд?

Он пожал плечами, но не удостоил меня другим ответом. Я поднялся на ноги, недрогнувшими руками отстегнул пряжку своей перевязи и стянул ее с себя.

— С тех пор, как я, Великий, похоже, больше недостоин Вашего доверия, я хочу вернуть в Ваши руки этот символ моей власти. Я был ничтожным, но верным солдатом и буду доволен, если солдатом останусь. Я мало знаю о политике правительства, но догадываюсь, что ради каких-то государственных целей требуется козел отпущения. Если я могу лучше послужить Ю-Лэку моим персональным позором, я подчиняюсь, ибо знаю, что был верен во всем, насколько это было в моих силах.

— Сейчас, милорды, немногие могут так сказать в Ю-Лэке,— ясно раздался спокойный голос через всю комнату.

В дверях стоял человек моих лет, Ученый по одежде. Но даже среди Великих знал я лишь троих, обладающих столь мощным самоконтролем. Это были леди Фрейла, сам Император и — Кепта. У коомианца сила была другой, не похожей на остальных. Кем мог быть этот вновь вошедший, я не знал, но нечто, глубоко скрытое в моей душе, распознало и приветствовало вождя людей.

— Приветствую, Фрэн,— поднялся Император.

— И вы, Государь, пребудьте в мире. Пусть все будет хорошо у вас, милорды.

С легкой грацией он пересек комнату, чтобы стать рядом со мной.

— Но что я вижу, милорды? Почему этот благородный офицер возвращает свой меч? В чем любой житель Империи может обвинить Гэрана из Ю-Лэка?

— Не так давно, милорд,— горько произнес я,— я тоже мог бы задать вопрос вроде вашего.

Его взгляд встретился с моим, и я почувствовал, как меня охватывает какое-то тепло.

— Я наблюдал за вами, лорд Гэран. И, свободно выступая перед этим Советом, заявляю, что в границах внутренних морей нет иного человека, кому бы я скорее вручил свое доверие. Фрэн из Горля сказал это!

Император улыбнулся, его ледяная маска дала трещину.

— Возьмите свой меч, милорд. Где отсутствует выгода от злодеяния, нет необходимости в аргументах за и против человека. Но хорошо было бы добраться до сути этих дел для вашего же собственного блага. Слово, сказанное на ухо умному человеку, больше привлекает внимание к опасности, чем шорох пролетевшего ветерка.

Чрезвычайно удивленный таким оборотом событий, я пристегнул меч к поясу и опустился на колено, коснувшись пола перед Советом.

— Должен ли я покинуть зал, Великий?

Император кивнул.

Я повернулся, чтобы уйти, но каким-то образом ощутил, что Фрэн провожал меня взглядом, пока я не вышел из комнаты. Разыгрывалась какая-то игра, где ставкой или целью был я, а потому не мог ее понять. Или она началась только сейчас? Но я был в этой игре только пешкой, в этом не было сомнений.

Все еще озадаченный этой странной встречей в Зале и последними словами Императора, я повернул в сторону садов вместо того, чтобы вернуться прямо на посадочную площадку к моему флайеру.

Мне было ясно приказано навести порядок в своем доме и представить лицо или лиц, ответственных за появление документов из Коома среди моих записей. Я должен был безотлагательно привести в движение машинерию наблюдательности и дедукции.

Но мои мысли продолжали возвращаться к соображению, что кто-то попытался дискредитировать меня перед советом и таким образом заставить уйти с моей должности. Это могло значить только одно: я был в опасности. Министр Воздушных Сообщений с его все возрастающей силой, или приверженный злу лорд Кепта из Коома, каждая капля крови которого заставляла меня содрогаться от отвращения — кто двинулся против меня? Ибо за последний год я проник в тайны обоих, стремясь открыть то, что, я ЗНАЛ, лежит, дожидаясь открытия.

Где-то на Кранде был центр возмущений, ответственный за каждый прорыв границы, каждый подъем городских масс, даже за учас-

тившиеся воздушные инциденты — в этом я был твердо убежден. Но — цель? Какой человек может воззвать к темным чувствам, чтобы обернуть их к своей выгоде?

Эта мысль своим пробуждением принесла и любопытство. Почему Фрэн из Горля, на ком никогда прежде не останавливался мой взгляд, появился точно в тот момент, когда его речь в мою защиту могла принести мне как можно больше пользы? Я подумал, что был знаком со всеми лордами из Ученых, но он был для меня чужим. И все-таки человек такой личной притягательности и силы должен быть широко известен. Горль был скалистым островом далеко на севере; на нем не было городов какой-либо значимости, и население его составляли по большей части полунищие рыбаки. Кем был Фрэн из Горля?

Поглощенный этой и другими проблемами, я зашел в сады глубже, чем намеревался, и сейчас вышел на широкую ровную поляну густой желтой травы, где собралась группа дам, любовавшихся редким зрелищем пары крохотных созданий, называемых Анами. Я бы сразу ретировался, но одна из девушек, бросив на меня взгляд, воскликнула:

— Милорд, возымейте жалость к нашему положению. Ана Сан-Саны сбежал в заросли и не хочет выходить оттуда, потому что эти две злюки выщипывают его мех. Он уже давно там кричит. Освободите бедное создание для нас?

Анаталия, девушка, позвавшая меня, была младшей сестрой Анатана, дочерью старой и благородной военной семьи.

Сейчас, по ее просьбе, я сбросил стеснявший меня плащ и, надвинув шлем, углубился в густые заросли, ободряемый их криками.

Ана пошел ко мне без понуканий, и я с триумфом вынес его, хотя мои волосы дико сбились и пара длинных царапин заалела на моем лбу. Над последними Анаталия была склонна много восклицать и ничего не делать, поэтому я вынужден был отойти к ближайшему пруду, где бил фонтан и где мои пустячные ранки можно было промыть.

В этом легкомысленном обществе я почти забыл о своих неотвязных тревогах. Я никогда по-настоящему не был юным и никогда не предавался удовольствиям беззаботной молодости. В свой пятнадцатый день рождения я поступил на службу и принял на себя заботы взрослого мужчины. С этого дня я никогда ни на час не расслаблялся в своей настороженности против мира, который, как я знал по трудно завоеванному опыту, был мало приспособлен для обитания. Но сейчас, на короткие полчаса, в компании этих придворных девушек, я перехватил малую толику той, неиспытанной юности. Правда, все кончилось очень скоро, но я не сожалел об этом. Сквозь гибкие вайи папоротниковых деревьев шла та, кого я хорошо знал.

Фрейла из Ученых улыбалась мне.

Каждый завиток ее черных волос, казалось, оплетал собой мое сердце, и чудо этого видения заставило меня онеметь. Я радовался, наблюдая за сменой выражений на ее лице, когда дамы с криками радости и удовольствия собирались вокруг нее.

Глава 3

ДВОРЕЦ НАСЛАЖДЕНИЙ СОТАНА

— Приветствую вас, лорд Гэран,— она снова улыбнулась, глядя мне в глаза.

— И я вас, Цветок Ю-Лэка,— дотронулся я губами и лбом до руки, которую она протянула мне.

— Вы пренебрегаете нами, милорд. Разве заботы вашего ведомства так тяжелы, что вы не можете подарить нам час-другой, проведя их в нашей компании?

Я стоял, остолбенев от изумления, не в состоянии призвать свое остроумие для быстрого ответа на эту мягкую насмешку.

— Я, как всегда, жду ваших приказаний, Королева,— произнес я, запинаясь.

— Тогда именно сейчас вы должны мне подчиниться,— изящно нанесла она встречный удар.— Проводите меня к Голубому пруду, милорд. Там нужна еще одна пара рук в помощь моим. Нет, маленькие, оставайтесь здесь.

Таким образом, отпустив своих девушек, она увела меня с собой, но вместо того, чтобы следовать по дорожке к Голубому пруду, она отыскала маленький розарий и села на каменную скамейку возле него.

— Садитесь, Гэран; мне надо много сказать и довольно мало времени, чтобы высказать то, что нужно. Первое — позвольте мне посмотреть на вас. Сколько времени прошло? Три года, не так ли? Я могу сказать даже сколько часов в этих днях. Почему вы не родились?.. Но довольно! Вы хорошо для себя поработали, Гэран.

— Только потому...— начал я охотно, но ее нежные пальцы взлетели, чтобы запечатать мои мятежные губы и стать преградой для стремительной неосторожности слов.

— Не то, Гэран, не то! Есть другое, о чем нам следует поговорить. Видимо, вы зачерпнули из опасного пруда знаний, задавая неосторожные вопросы другим людям. И что вы узнали?

Я пожал плечами.

— Довольно мало. Каждый след кончался в конце концов глухим тупиком.

Она кивнула.

— О, они умны, умны. Но вы кое-что сделали для начала. Из-за этого — ну, посматривайте вокруг себя по ночам, Гэран. Вы идете по гнилому мосту, удостоверьтесь, что он не сломается, дабы повергнуть вас в пучину. Но с этого часа вы сражаетесь не в одиночку, солдат. Вы знаете Фрэна из Горля?

— Я впервые увидел его час назад.

— Фрэн, как и вы, приложил ухо к земле и услышал вещи, ему не предназначенные. Дважды пути его тайных наблюдений пересекались с вашими, таким образом он узнал, что есть еще один человек, который не доверяет будущему. Ибо все мы, Гэран, не лентяи и не дети, играющие на солнце. Некоторые из нас готовятся к надвигающемуся шторму.

— Так у вас есть определенные соображения о том, что происходит? — нетерпеливо прервал я ее.

— Еще нет. Есть один новый дворец наслаждений, открытый в районе Сотан неделю назад...

Я нахмурился, невероятно изумленный стремительной сменой темы разговора.

— Так говорил мне мой адъютант.

— Возможно, вам неплохо было бы посетить его, Гэран.

— Но...— торопливо запротестовал я.

— О, всем хорошо известно, что вы не снисходите к таким игрушкам, но позвольте пригласить вас — этой ночью. Сейчас я не могу сказать большего, только будьте осторожны, Гэран. Теперь уходите и быстро, прежде чем мои девушки придут искать меня. Три года, Гэран...— ее нежный голос преследовал меня, когда она отослала меня от себя, но я не рискнул оглянуться.

С изумлением, рожденным моими ощущениями, я увидел посадочную площадку и свой флайер.

Черная машина из Коома еще отдыхала здесь, заметная и чуждая среди ярко-окрашенных судов, которые сейчас усеивали поверхность платформы, но я уделил ей не больше внимания, чем позволял единственный беглый взгляд. Мои мысли были полностью поглощены предшествующим разговором и тем, что могло скрываться за двумя ее словами — «три года».

Я не пришел в себя окончательно, пока мой флайер не приземлился на площадке защитной базы и пока я не увидел мальчишескую фигуру Анатана, торопливо пересекающего площадку, направляясь ко мне. Тут я вспомнил обещание, которое так легко дал ему этим утром. Невозможное стало реальностью.

— Закат из Ру прибыл, милорд. Он ждет вас в гардеробной,— выпалил юный офицер едва ли не ранее, чем мои ноги коснулись поверхности посадочной площадки.

— Сразу же приведи его в мои личные комнаты! — приказал я.

Ру был самой северной колонией в блистательной цепи зависи-

мых от Ю-Лэка провинций. На три месяца в году его обдуваемые ветром равнины становились почти необитаемыми, но его суровые горы скрывали слишком большое богатство, чтобы о нем забыли, и мы держались за этот остров мертвой хваткой. Линия укрепленных постов, крохотных оазисов цивилизации, была границей, которую мы проложили на этой суровой земле.

Закат был офицером старой школы, который правил людьми и страной тяжелой, но всегда справедливой рукой. Я доверял ему больше, чем иным из моих младших офицеров. Событие, которое могло привести его в Ю-Лэк должно было быть достаточно угрожающим, чтобы затемнить будущее.

С чувством внезапного озноба я прошел в свои апартаменты, дожидаясь его прибытия.

— Привет, лорд,— плотная фигура вытянулась прямо в дверях в официальном приветствии.

— Входи, Закат. Я рад вновь пожать твою руку. Но какой судьбой тебя вынесло с твоего заснеженного севера без предупреждения?

— Дурной судьбой, Гэран.— Он измерил меня взглядом и затем, с видимым облегчением, добавил: — Это хорошо. Ты еще не стал высокомерным, как городские жители. Ни жира, ни дрожащих рук, ни мутных глаз, что предало бы тебя. Ты все еще тот парень, который последовал за мной в Улал в былые дни?

— Я не изменился, боевой пес. И ты не изменился, как я погляжу. Дай мне открытую схватку, и я буду рад...

— Открытая схватка! — он скорчил гримасу.— Это именно то, что я не могу даровать тебе, клянусь Волосом Тьмы! Какой человек сможет биться с тенями и победить?

Странно было слышать собственные мысли, исходящими из уст этого северного капитана.

— Что случилось в Ру?

— Ничего, на что я мог бы наложить руку, иначе это бы быстро кончилось, можешь быть уверен,— ответил он многозначительно.— Но есть растущее беспокойство, перешептывания, которые я не могу проследить до их источника, беспочвенные слухи, мятежные разговоры. Скажу тебе, Гэран, честно — сегодня я один в Ру.

— Какой помощи ты хочешь? — спросил я наудачу.

Он тряхнул головой.

— Ты должен бы знать меня лучше, парень. Где и когда это было, чтобы я, визжа, бежал к своему хозяину? Ну нет, никакой помощи в материальном смысле, но иногда две головы лучше, чем одна. Я хочу свободно поговорить с единственным человеком в Империи, которому могу полностью доверять. В Ру затруднения, и я не могу их унюхать, ибо первое время каждое мое начинание проваливалось...

— В этом ты не одинок.

— Что ты имеешь в виду?

— За исключением тебя, Анатана из Хола и еще одного человека,— я думал о той, что оставил в саду,— я тоже сегодня один. Этим утром Император потребовал доказательств моей лояльности.

— Что? — Он вскочил, уставившись на меня в крайнем изумлении.

— Это правда. Все потому, что я, как и ты, попытался просеять до основания эту массу интриг, опутывающих весь Кранд. Я тоже сражался с тенями, Закат.

— Так.— Он снова сел.— Значит, так обстоят дела? Ну, парень, кажется, Улал будет снова, только на этот раз мы должны сражаться с помощью умов, а не кулаков. Давай-ка обменяемся рассказами и раскроем, что произошло за эти последние годы, с тех пор, как мы стояли вместе.

— Расскажи мне о Ру,— настоял я на своем.

Он нахмурился.

— Трудно переложить чувства в слова, которые охватывают меня, когда я перехожу от поста к посту. На поверхности все хорошо: здесь нет затруднений.

Страна в мире с варварами, и нет волнений на рудниках, и все же я чувствую себя так, как будто иду по мосту, нижние опоры которого разрушены. Меня преследует мысль, что сердцевина этих событий лежит открыто, на виду, если бы я был достаточно умен, чтобы найти их. Это зло, задуманное демонами.

Последний месяц продукция шахты в Сейпите была на десять процентов ниже, чем должна быть, а инженеры продолжали встречать меня вежливыми объяснениями, которые я понимаю недостаточно, чтобы задавать вопросы. За последние три месяца произошло несколько сотен самоубийств. Новые рекруты в плохом состоянии умственно, морально и физически.

Три человеко-зверя были убиты вблизи форта Штаб-Квартиры, и нет ничего, что указывало бы, как они смогли проникнуть так далеко в населенные земли незамеченными. Неестественные огни появлялись на небе, и дважды таинственным образом возгорались склады легко воспламеняющихся руд.

Среди горцев стала практиковаться новая тайная религия. Все это мелочи, но в совокупности их достаточно, чтобы заставить человека задуматься поглубже.

— Кого ты подозреваешь?

Он вздрогнул, а затем уклончиво ответил.

— Был человек из Коома, который путешествовал по горам.

— Коом! Всегда Коом! — Я ударил кулаком по ручке кресла.

— Да, всегда Коом! — эхом ответил он с тяжелым вздохом.— А за каким призраком гнался ты?

— Хлебные бунты в провинции Кат, благодаря необъяснимой

порче посевов зерна пиест. Дождей было в изобилии, земли — богатейшие в Империи, но в тот год поля были странно бесплодны. И Ученые не объяснили этого, по крайней мере, мне.

Затем появился этот новый культ Блуждающей Звезды или еще какой-то чепухи. Я был вынужден наказать четверых из моих людей за посещение ими собраний и последующую пропаганду крамолы. Кое-кто занялся контрабандой бутылок портюкаля в бараки, и я должен был повесить одного типа за введение в практику курения листьев рэйта. Ты знаешь, к чему это ведет.— Он кивнул, и я продолжил.— Подобно тебе я почувствовал интерес к Коому настолько сильный, что привел в действие обычный механизм на протяжении трех последних месяцев.

— А результат? — в его вопросе была явная заинтересованность.

— Абсолютно никакого. И все-таки я не думаю, что соглядатаи, которых я внедрил туда, были так уж глупы.

— Предатели? — рискнул он спросить.

— Возможно. Но что я могу поделать? Не далее, как час назад, я получил предупреждение о необходимости охранять собственную особу. И потом, это дело с нахождением тайных документов Коома среди моих записей. Император приказал мне представить человека, ответственного за их появление там, или ответить за содеянное самому,— и я рассказал Закату все, что произошло, когда я стоял перед судом.

— Что ты знаешь об этом Фрэне? — спросил я в заключение.

Он тряхнул головой.

— Ничего. Горль — довольно незначительный, пропахший рыбой скальный выступ в Верхнем море. Я был там когда-то на гарнизонной службе вскоре после того, как принял клеймо. Тогда там не было Ученых. Но лорд Горль заинтересовался тобой неспроста. Я буду иметь это в виду. Итак, что здесь делает Кепта? В прошлом ему мало нравилась компания его коллег по касте.

— Когда ты возвращаешься в Ру? — внезапно спросил я его.

— Завтра с рассветом,— ответил он в некотором замешательстве.— Почему ты спрашиваешь?

Я улыбнулся.

— Тогда сегодня ночью ты должен получить положенный солдату отдых.

— На что ты намекаешь? — резко спросил он.

— Сегодня ночью мы нанесем визит новому дворцу наслаждений в квартале Сотан.

Он посмотрел на меня с некоторым отвращением.

— Никогда бы не подумал, что Гэран Флотский дойдет до посещения дворцов наслаждений...— начал он, но я перебил его.

— Мы идем туда с поручением. У меня есть причина полагать,

что там могут быть кое-какие интересные факты для тех, кто умеет наблюдать. Ты должен был бы знать меня получше и не сомневаться во мне так сильно, Закат.

Сморщенные линии у него на лбу разгладились.

— Три года абсолютной власти и легкой жизни меняют человека к худшему, парень. Я не хотел верить, что это случилось с тобой, но ты сумел оправдаться.

— Значит, ты придешь?

— С радостью. В конце концов мне в любом случае не повредит,— в его тоне звучал лукавый юмор,— если я увижу убранство дворца наслаждений.

— Прекрасно, значит, решено. А сейчас, что ты скажешь насчет утренней инспекции вместе со мной?

— Идет! Это мне больше по вкусу, чем все дворцы наслаждений в этом вашем оранжерейном городе.

Так, вместе с Анатаном и Закатом, я направился по своему ежедневному маршруту. И кажется, на мой обостренный происшедшим сегодня утром взгляд, что я достаточно открыл при этом туре, чтобы возбудить подозрения у самого благодушного человека. Замедление в доли секунды при выполнении строевых приказов, следы расхлябанности, упорно державшейся, несмотря на мои выговоры, зачатки деморализации в стрелковых частях, обычно трудно замечаемое безрассудство в молодых людях — я видел все это, и полученный результат не мог не навести меня, или человека, подобного мне, на мысль о растущей тени какой-то грядущей опасности.

Я знал, Закат тоже видел, что лежало прямо перед нами, и также взвешивал и просеивал впечатления, полученные на утренней поверке. Мы сели вместе за обед в трапезной, и между нами не возникло разговоров, пока мы не поели и я не повернулся к нему.

— Ну?

Он покачал головой.

— Как может человек упорядочить тени? Увиденное здесь — тоже самое, с чем я постоянно сталкиваюсь в Ру. И какой совет я должен дать, когда не могу навести порядок в своем собственном доме? Но клянусь Боевой Рукой самого Она, парень, что бы ни случилось, я останусь с тобой до конца. А теперь давай-ка пойдем в этот твой дворец, раз уж ты так на него настроился.

Мы осмотрели мою гардеробную и выбрали там самую богатую, но не бросающуюся в глаза, не парадную форму, ибо я надеялся, насколько возможно, сохранить инкогнито.

Анатан был предупрежден и поступил подобным же образом; после того, как я пристегнул кошелек, тяжелый от похожих на брусочки городских монет, к своему поясу, мы нашли его за дверью, причем он прямо пыхтел от возбуждения.

— Не забывай,— предостерег я его,— что нас ни в коем случае

не должны узнать, и сегодня ночью мы на службе. Не позволяй себе отделяться от нас и, помимо всего, держи язык за зубами.

— Слышать, значит повиноваться, милорд.

Я последний раз оглядел себя. Какое-то тайное чувство, должно быть, предупреждало меня, что пройдет много времени, прежде чем я вернусь сюда.

— Пошли.

На посадочной стоянке нас ждал простой флайер, не помеченный никакими опознавательными знаками. Мы забрались в него. Анатан принял управление, и мы поднялись по пологой спирали из военного квартала. Согласно с моей целью, мы должны были приземлиться на общественной стоянке, примыкающей ко дворцу, так как только регулярным и хорошо знакомым посетителям была дана привилегия пользоваться личной стоянкой на его крыше.

Закат сильно протестовал, но мое желание сохранить тайну пересилило его упорство. Несколькими минутами позже под нами оказались фиолетовые лампы общественной стоянки, и Анатан направил флайер вниз. Размахивающий руками служитель приблизился к нам, направил в шеренгу других судов и принял чаевые, переданные ему Анатаном. Закат и я держались сзади, нахлобучив наши шлемы так глубоко, что их птичьи «носы» затеняли наши лица.

Анатан положил в свою сумку квитанцию за корабль, и мы увидели спуск, сходивший до уровня улицы. Там, незамеченные, мы скользнули в толпу. Ю-Лэк, как всегда, был прекрасней всего после наступления ночи. Тогда ритм его жизни становился полнозвучным, иллюзия беззаботного веселья скрывала праздные развлечения горожан.

— Направо,— вел нас Анатан.

Я буквально задохнулся, когда впервые увидел нашу цель. Богатство должно было литься рекой, чтобы создать возникшую перед нами грезу. Стены с резьбой, изображающей цветы и животных, были из сливочного хрусталя, чуть отливавшего розовым.

Широкий портал был открыт, согласно правилам, но тонкий, мерцающий занавес затенял внутренние «радости» от глаз случайных прохожих. На двенадцати розовых ступенях, ведущих внутрь, бездельничали телохранители и слуги, носившие ливреи полудюжины богатейших лордов города. Там были представлены все касты, за исключением военной.

Стройная коричневая девушка-рабыня из Терьятона с дерзкими раскосыми глазами стояла в ожидании возможности отдернуть перед нами занавес. Она сверкнула мне злой и проказливой улыбкой.

— Так вы оказали нам честь сегодня ночью, лорд Гэран?

Мои слабые надежды на сохранение тайны исчезли.

— Да, лунный цветок. Неужели бедному воину заказано участие в ваших радостях?

— Никогда! — она странно рассмеялась, затем, выдернув из-за своего кушака флейту-свисток, что в обычаях ее родной пустынной земли, издала низкую нижнюю ноту.

Тонкая белая рука скользнула сквозь занавес и пригласила нас внутрь. Терьятонка улыбнулась.

— Вас ждут, милорд. Входите.

Со своими двумя компаньонами я прошел сквозь разрез занавеса.

Глава 4

ИЛА И ЛАНИЯ

Квадратный холл, где мы очутились, был освещен сочным желтоватым светом одной из новых солнечных ламп. Широкая арка, задрапированная искристым пурпуром с металлической зеленью, предстала перед нами. С рукой на складках этого занавеса стояла в ожидании нас провожатая, девушка со скованных льдом берегов Северного Ахола. Ее гибкие руки и ноги были окутаны янтарным шелком, а широкие полосы мягкой меди сковывали ее грудь и талию. Искусственно спутанная масса ее красно-золотых волос скрывала все, кроме узкого белого треугольника лица.

При нашем появлении она опустилась на колени и коснулась пола рукой, ладонью вниз.

— Не соблаговолят ли благородные лорды последовать за мной? — ее голос был тонок и пронзителен, но нежен.

Закат схватил меня за руку.

— Они, кажется, слишком рады нашему приходу. У меня такое чувство, что мы идем прямо в пасть сапта, сидящего в клетке.

Настороженно сжав его пальцы, я тоже чувствовал звон в ушах, будораживший мое тело. Сравнение Заката было как нельзя более к месту. Только три дня назад я был свидетелем того, как состарившегося и обессилевшего грифона уговаривали спуститься к клетке гигантского сапта. И он охотно шел, до самого конца доверяя людям, понукавшим его.

Девушка отбросила занавес, и я без колебаний вошел.

Подобна золотой чаше, вырезанной, чтобы встретить губы какого-то горного божества, была комната, где мы очутились. Она была овальной формы и окружена двенадцатью арками, похожими на ту, через которую мы вошли; каждая была завешена полотнищем ткани удивительных, переливающихся цветов. Вверху стены сходились в купол и переходили в острый конус, чья вершина была открыта звездам. С места, где мы стояли, пол понижался рядом ступеней, широких ступеней, полностью окружавших комнату. В центре этого

гнезда все суживающихся колец находилось небольшое овальное углубление, из которого ленивыми потоками поднимался яркий ароматный дым.

Массивные ступени загромождали груды бесценных чеканных безделушек, флаконов из усаженного жемчугом камня, столиками, заставленными лакомствами.

И здесь задерживалось большинство из тех, кто предшествовал нам, привлеченный красавицами дворца.

И они были прекрасны.

Никогда до этого я не видел все типы рас, обитающих под солнцем Кранда, собранными вместе.

Как и бронзовокожая терьятонка у внешней двери и белая ахолианка рядом со мной, каждая была совершенным образчиком своего племени.

Я услышал, как Анатан глубоко вздохнул и как закашлялся Закат.

— Это место — рай для грабежа,— заметил сухо Закат.— Не трудно понять, почему в такие дворцы преграждают доступ офицерам флота пониже рангом. Очень немногие из моих руйских парней бывали здесь...

— Клянусь Дыханием Занта,— прервал его Анатан,— посмотрите на эту девушку в черном. Видели ли вы когда-нибудь похожую на нее?

Он указал на одну из обитательниц Лапидианских пещер. Ее волосы, выбеленные до костяной белизны за много поколений лишенной света жизни ее народа, тяжелым венцом обвивали гордо посаженную голову. От подбородка до колен она была закутана в мертвенно-черное, но белые руки были обнажены до плеч. Странной и удивительной фигурой казалась она, медленно двигаясь через ряды своих более ярко одетых подруг.

— Задержитесь ли вы здесь, милорды, или, может быть, пройдете во внутренние дворы? — мягко спросила ахолианка, когда мы насмотрелись вволю.

— Внутренние дворы,— быстро ответил я, прежде чем Анатан смог запротестовать.

Мы последовали за ней вокруг самого верхнего яруса, где сходились двенадцать арок.

Анатан дотронулся до моего плаща.

— Просите разрешения увидеть Леди Дворца,— прошептал он.— Есть обычай поступать так в первый визит.

Гадая, где он набрался таких знаний, я повиновался его указанию.

Ахолианка кивнула и немедленно оттолкнула в сторону занавес из пламени и серебра, висевший над другой дверью. Много было чудес, мимо которых мы прошли. Я запомнил одну из комнат, чьи

стены были прозрачными кристаллами, за которыми плавали живые чудовища из внешних морей, странные создания с просвечивающими телами или челюстями, мерцающими в смутном свете. Там были и другие комнаты, столь же странные или жутко прекрасные.

И наконец мы пришли в небольшую комнату, белостенную и светящуюся, но потолок ее был лаковым, черным, как ночь, украшенным большими звездами из хрусталя. Здесь, на кричаще-красной кушетке, отдыхала одна из хозяек всего этого лабиринта цветов.

Судя по одежде и густо раскрашенному лицу, она была родом из Аркта. По контрасту со своими девушками снаружи, она была ужасающе некрасива. Худая, почти истощенная; ее прилегающее к телу облачение из серебристой ткани обнажало каждую кость и впадину. Ее лицо было грубо размалевано по моде ее страны — огромные пурпурные круги над запавшими глазами, оранжевые полосы над губами и остальное — просто белая маска.

Но роскошные волосы служили ей пропуском в этот дворец очарования. Черные и очень длинные, они не были обезображены никакими заколками или шпильками и свободно струились вниз, а когда она сидела, лежали на полу.

Тем не менее не на хозяйку дворца уставился я, открыв рот в изумлении, а на мужчину, что, развалясь, сидел у ее ног, неуклюжий и косноязычный. Фрэн из Горля, с двуручным кубком вина в дрожащих руках, покосился на меня. Ухватившись для устойчивости за кушетку, он, шатаясь, поднялся на ноги.

— Снова ваши друзья, Ила? Но тогда я не могу жаловаться, если другие ищут вашего общества, разве нет? Ваша нежность не для меня одного, увы! Могу ли я остаться или должен уйти?

Она качнула головой, и глаза, которые она обратила к нам, были пронзительно холодными от неприязни.

— Останьтесь, милорд. А вы, милорды-незнакомцы, прошу пожаловать вас в мои владения. Но шепните ваши желания на ухо Лании, и все, что вы захотите, предстанет перед вами.— Она указала рукой на ахолианку.

Так небрежно она отпустила нас.

Фрэн глумливо рассмеялся и качнулся ко мне.

— Здешние удовольствия не для вас, солдат. Идите, ищите другие сады для вашей добычи.

Что-то слабо щелкнуло по застежке моего плаща и упало в складки кошелька. Изображая сконфуженного грубияна, я вытолкал своих компаньонов из комнаты, оставив Илу и ее обольстителя в уединении, которого они так желали.

Мои пальцы коснулись плеча Анатана, и я приблизил к его уху свои губы.

— Отвлеки на миг эту Ланию.

Он быстро взглянул на меня и скользнул вперед, чтобы не отстать от скользящих шагов служанки-ахолианки. Я покопался в своем кошельке и вытянул овальную серебряную бусинку размером с мой большой палец.

Мгновенный осмотр под прямыми лучами одной из ламп коридора обнаружил слабую линию, раскалывающую бусинку посередине. Я был достаточно знаком с такими устройствами для безопасного хранения секретных сообщений.

Один поворот моих пальцев разделил ее пополам, а вслед за этим я быстро раскрутил кусочек исписанного шелка, на котором значилось:

«В комнате грифонов. Через час. Никому здесь не верьте».

Молча я протянул записку Закату. Он пристально вгляделся в простые линии и по-волчьи оскалился.

— Кажется, Гэран, мы гонимся по горячему следу. Это — Комната Грифонов. Сейчас нам надлежит разыгрывать гуляк, а твой мальчишка Анатан нам в этом поможет.

Взглянув вперед, я ощутил минутный приступ неловкости, увидев темную голову Анатана, очень близко склоненную к золотой головке ахолианки. Даже для самого глупого наблюдателя было ясно, что они достигли некоторого взаимопонимания и пустились флиртовать. Мальчика следовало предупредить, чтобы больше не валял дурака.

Я ускорил шаг и подошел к ним.

Выказывая манеры кабацкого забияки, я оттер плечом Анатана и грубо окликнул его спутницу.

— Ну как, девица? Мы уплатили долг вежливости хозяйке, теперь веди нас к вашей гавани наслаждений! Подавай нам ваши чудеса!

Анатан был готов запротестовать в ответ на мое непристойное поведение, когда я, используя складку своего плаща, как заслон, вручил ему послание Фрэна.

Рывок за плащ у меня за спиной дал понять мне, что он прочитал и понял.

— Что бы вы хотели, милорды? — спросила Лания, подчинившись покорно.— Вин? У нас — самые лучшие. Крепкие белые из Ру, золотые из Коома, целые реки пурпурного из Хола — и других в изобилии? Танцовщиц, чтобы развлечь вас? В одном из наших залов золотые девушки из запретных храмов Кура ступают по таинственным лабиринтам старых богов. Подобных вы нигде не увидите во всем Ю-Лэке. Или вы хотите компанию на вечер? Девушка из пустыни Терьяции, столь же стойкая в сопротивлении, как и один из яростных ветров ее родины, лапидианка с серебряными волосами и страстным ртом, женщина из Аркта, искушенная во всех

пороках больших городов. Все нации, все характеры собраны здесь.

— Храмовые танцовщицы,— быстро выбрал Закат, и я зааплодировал его выбору. Из всего, что предоставила нам Лания, это, казалось, меньше всего могло вовлечь в неприятности.

Не сказав ни слова, она свернула в коридор, ведущий вниз. Тогда впервые я увидел тень неудовольствия, упавшую на лицо Заката. Анатан был явно угрюм и шел немного сзади, как будто сомневался в нашем предприятии. В то время я считал, что он дуется, но со временем понял, что у него были веские причины не доверять нашему поспешному выбору вечернего развлечения.

Хол граничил с землей тропических джунглей Кура, и он подозревал, что лежит у подножия этого зловещего ската.

Хотя Кранд был един в поклонении Ону и так продолжалось века, у таких примитивных народов, как жители Кура и Ру, еще существовали храмы старых богов, чьим темным идолам поклонялся наш народ до того, как выбрался из дикости. Я сам мало знал о сути этого запрещенного, а теперь тайного культа; у него оставалось немного адептов, но они были. И для этих адептов Кур являлся последней крепостью.

Тонкое пиканье, столь высокого тембра, что наше человеческое ухо с трудом могло различить его ноту, нарушило тишину. И вместе с этим звуком появилась тихая пульсация, как если бы воздух, мертвый от тяжести невысказанных лет, пульсировал вне измерения каким-то нечеловеческим ритмом.

Закат внезапно помедлил, зашаркал ногами и изменил шаг.

— Ритм-гипнотический контроль,— пробормотал он.— Не подчиняйтесь ему.

Анатан тоже постоянно менял шаг, от бега до ковыляния и шарканья, и обратно. Неуклюже последовал их примеру и я.

Казалось, этот спуск ведет в глубины самого Кранда, и его гладкие полированные стены тянулись бесконечно. Вечно сияющие светильники, помещенные через определенные интервалы в крыше над нашими головами, постепенно изменяли цвет от теплого золотого до льдисто-голубого и затем до какой-то разновидности туманно-серого. А все еще пронзительное пиканье и глубокая пульсация отмечали размер наших шагов по мере того, как мы, то подскакивая, то шаркая, пытались избежать их связывающих чар.

Лания продолжала беззаботно идти вперед, не бросив ни взгляда назад.

Наконец мы вышли в своего рода переднюю с тускло-серыми стенами и потолком. Лания возвысила свой и без того высокий голос в приветственном возгласе, и секция стены немедленно отодвинулась внутрь, открывая темноту за собой.

— Мы вынуждены принять меры предосторожности.— Она кив-

нула на потайную дверь.— Некоторые из наших чар не для всеобщего обозрения.

Сквозь дверь, похожую на щель, все громче доходила жуткая музыка, звуки которой, казалось, жили какой-то странной жизнью и существовали сами по себе. Ахолианка прошла вперед, и мы последовали за ней, но Закат, всегда быстрый на выдумку, щелкнул застежкой ножен своего меча и поставил их так, чтобы они оставляли дверь открытой на добрых два дюйма.

Мы очутились в полной тьме, тьме столь густой, что ее, казалось, можно потрогать, как вуаль. Рука коснулась моей, и мои пальцы сомкнулись вокруг жемчужного браслета Анатана. Минутой позже я услышал тяжкое дыхание Заката справа от себя.

— Ждите и наблюдайте, солдаты,— в голосе Лании почудилась слабая насмешка.

Странный ломаный ритм становился громким и дрожащим.

— Давайте пальцами и руками двигать в противодействие этому ритму,— прошептал Анатан, и я почувствовал, как его запястье крутится, высвобождаясь от моей хватки.

Я послушно постарался выполнить его предупреждение.

Тогда из темноты над нами возник одиночный луч света, зеленый и все-таки серый. Свет казался излучением чего-то разлагающегося, порочного и издревле мертвого. В этом луче было какое-то призрачное и изменяющееся зло. Пока мы наблюдали за ним, чарующие крылатые золотые образы вплыли в луч и пронизали его насквозь, делая круги все ниже, пока наконец не коснулись черного пола, блоки которого могли быть вырублены Старшей Расой, теми, кто владел Крандом до того, как человеческая нога коснулась его поверхности.

Огромные золотые крылья опустились, сомкнулись и исчезли, как будто их носители нашли им другое применение. Затем пятнадцать фигур из живого золота начали свой танец. Диким и прекрасным, полным древней символики, означавшей абсолютное зло, был этот танец. Каждая поза соблазнительного призыва, каждый скользящий шаг, казалось, имели целью вытянуть из сущности наблюдающих ту ее темную часть, что он унаследовал от животных.

Почувствовав это, я начал отчаянную борьбу с темной силой в самом себе, чтобы сохранить контроль над обитающими в глубинах души чувствами и страстями, вызванными к жизни чарами танцовщиц. Я снова видел перед собой залитые кровью улицы Улала, отданного на разграбление, и все, что случилось тогда, когда пьяные от жажды убийства, мы прорвались в город, противостоявший нам так долго. И такое творилось в тот день...

Я ухватился в темноте за своих товарищей.

— Пошли, пошли отсюда! — закричал я.

Я почувствовал, как они пробудились от моего толчка, как буд-

то стряхнули с себя окаменивший их сон. И тогда мы повернулись и сбежали от вида этих золотых танцовщиц и той злой пелены, которую они ткали над нами.

Поместив наши пальцы в трещину потайной двери, мы потянули ее, заставляя открыться. Закат забрал свой меч, и мы оказались на спуске с вытаращенными глазами и сердцами, бьющимися так, будто мы участвовали в гонках, истощивших нас до предела сил. Мы были на полпути вверх, когда янтарная тень присоединилась к нам.

— Эти танцовщицы — слишком сильное зелье, солдаты,— снова насмешка окрасила тона Лании.

Я рявкнул на нее, полусерьезно, полуиграя роль, которую принял на себя.

— Не надо нам больше ваших дьявольских мистерий! Мы хотим человеческих удовольствий, а не тех, что придуманы ночными демонами!

— Слышать — значит повиноваться, милорд. Что вы скажете о спокойном ужине в уединенной комнате — с приятными спутницами на десерт?

— Так и сделаем, девица,— проворчал Закат, соглашаясь.

С таким видом, будто хорошо знает, как удовлетворить нас, она вела нас через путаницу поворотов, запутанных коридоров и богато обставленных залов, пока мы не вошли в маленькую, но причудливо круглую комнату в голубовато-стальных тонах. Четыре статуи в натуральную величину делили на четыре части полусферу, образованную потолком и стенами. Это были огромные серые грифоны, вставшие на дыбы, словно бы в ярости.

Закат мог бы и не хватать меня за руку, чтобы показать, где мы. Мы оказались в помещении, где Фрэн назначил нам встречу.

В дальнем конце комнаты стоял диван, куда Лания попросила нас присесть, пока она пойдет отдать приказ о том, чтобы нас обслужили.

Но когда уходила, она свободно посмотрела мне в лицо.

— Комната вас устраивает, лорд?

— Довольно хороша,— ответил я кратко.

К моему крайнему изумлению, она расхохоталась и откинула назад голову так, что мы впервые разглядели ее лицо под спутанной массой медных кудрей. Анатан вскочил на ноги с резким возгласом удивления, смешанного с огорчением.

— Анаталия!

— Именно так, братец,— она вновь рассмеялась, потом, отойдя направо от нас, отвела висевший там занавес.

Вперед шагнул Фрэн. Все признаки опьянения в нем исчезли, это снова был тот энергичный, властный человек, которого я видел сегодня утром в Зале Девяти Принцев.

И он вел за руку Илу, но теперь в ее манере держать себя было какое-то едва уловимое отличие от прежнего, будто под ее гримом таится совсем другая личность.

— Вы не узнаете меня, лорд Гэран? — мягко спросила она.

И я немедленно оказался на коленях, изумленно глядя на ее чудовищно измазанное лицо, ибо передо мной была леди Фрейла, скрываясь под краской и кричащим платьем женщины Аркта.

Она с улыбкой повернулась к Фрэну:

— Мы замаскировались лучше, чем думали. Нет, Гэран, я не та Ила, которую вы видели раньше. Ила и Лания в этот час в другом месте. Мы заняли их места. Настоящая Ила несколько иная...

— Что не удивительно,— сухо заметил Фрэн,— раз она креатура Кепты. Теперь перейдем к делу. Часы летят слишком быстро, когда над миром кружит опасность.

Глава 5

ПОХИЩЕНИЕ ФРЕЙЛЫ

— Уместно ли здесь разговаривать? — сухо задал вопрос Закат.— Известно, что во дворцах наслаждений из каждой стены растет не одна пара ушей.

— Не здесь. Эта комната безопасна. Ила и Кепта позаботились об этом ради собственных интересов,— ответил Фрэн.— Но что случилось с лордом Ру, если у него развилась такая подозрительность ума?

— Ничего — за что я мог бы ручаться,— проворчал тот.

— Ничего, за что вы могли бы ручаться. С таким же успехом это могли бы сказать все мы. И уже два года вы, лорд Гэран, ведете тайную слежку. Даже на отдаленном Горле в воздухе ощущается какая-то неловкость. Мы не испорчены — никто из нас,— его голос гордо возвысился,— и потому понимаем, что именно в этом месте сосредоточена ложь всего самонадеянного мира нашей планеты. Знаете, кто стоит за Илой? Кто столь тонко запланировал каждое порочное удовольствие этой навозной кучи? Кепта из Коома! Тот, кто нынешним утром попытался привлечь вас к суду, лорд Гэран, и тем самым выдал себя тому, кто уже начинал подозревать многое.

— Этот ночной демон, Ила — пара ему по изощренному уму, и вся эта шкатулка с диковинами — ее ловушка для тех, кто нужен Кепте — Канддона из Столя, Пэлкана и всех остальных. И сколько нас — тех, кто еще не ослеп, кто еще может увидеть достаточно ясно, чтобы отвернуться от Кепты и всех его дел? Горсточка против мира. Каких-то двадцать человек из моей касты, лорд Ру, вы и ваш юный адъютант. И кого можете предложить вы?

— Искренне — никого, кроме уже названных. Мои войска поражены скрытой заразой, которой я не могу дать имени. По-моему, весь Ю-Лэк охвачен какой-то отвратительной душевной болезнью.

— Вместо «Ю-Лэк» подставьте «Кранд» и будете ближе к истине. Кепта выстроил больше, чем загадывал. Ибо, если он сознает свою мощь, нас всех может постигнуть внезапная гибель. Говоря откровенно, Кепта был серьезнейшим искателем в том, что мы зовем «Темные Знания», и ему очень понравились силы, которые откликнулись на его призыв, настолько понравились, что он захотел заставить весь Кранд принять участие в его игре.

— Мы ошиблись, мы, Ученые,— вмешалась Фрейла.— Слишком долго мы дрейфовали по течению, теряя интерес ко всему, кроме глубин своей науки. Будь мы готовы, стоя на страже сил Внешней Тьмы, как в древние дни, это зло не родилось бы среди нас. Стал бы Си-Лин, основатель нашей расы, терпеть Кепту в живых хоть час, раскрыв, чем тот занят?

— Вы забыли,— в сочном голосе Фрэна была горечь,— Си-Лин был главой единого народа. Какая армия следует за нами? Нет, мы должны сражаться в одиночку, возможно, проигрывая битву.

— И как вы предлагаете бороться? — прервал его Закат.— Голыми руками? Я думаю, у Кепты есть более мощное оружие.

— Вот именно. Тем не менее мы должны проникнуть за барьер его хитрости, ибо прежде, чем мы выложим наши планы, мы должны знать цель и место его атаки. Один из нас должен попасть в Коом.

— Невозможно,— сказал я коротко.

— Почему?

— Вы думаете, я не пытался? — Я повернулся к нему.— Ученый или нет, я знаю свой долг и всегда выполнял его как можно лучше. Когда я брал отпуск три месяца назад, то совершил личную попытку. У меня не прибавилось знаний по возвращении. С этим.— Я отстегнул свой военный плащ и отвернул его у самой шеи, открыв тонкую голубую линию шрама.— Это должно было быть смертельно.

— Так,— Фрэн пристально посмотрел на меня.— Я не знал этого.

— И никто не знал. Кто станет хвастаться неудачей?

— Но наша проблема остается,— сказал горлианец.

Фрейла тряхнула головой.

— Наоборот, она решена.

— Что вы имеете в виду?

— Что в Коом должна отправиться я. Кепта не подозревает меня. С чего бы? Разве я не держалась вдали от всех лабораторных работ, не выказывая никакого интереса к поиску знаний, так что даже мой отец думал, что я дискредитирую нашу касту? Я хочу

попасть в Кооm ради приятного приключения, и его Повелитель не будет ничего подозревать.

— Ну нет! — Эти слова сорвались с моих губ с силой удара меча.— Вы не можете сделать этого! Если то, что я подозреваю о Кооме, правда, ни один чистый живой смертный не должен пытаться искать там приключений и надеяться вернуться назад незапятнанным. Из смолы, которую заварил Кепта, чистым не выйти.

— А кто такой лорд Гэран, чтобы говорить мне «да» или «нет»?

Конечно, тогда, в эту безумную минуту, я должен был открыть свою тайну, столь ревностно оберегаемую, но обреченную на обозрение всему миру.

— Нижайший из ваших многочисленных слуг, Королева. И все-таки в этом деле даже я смею сказать «нет» вашему желанию.

— Он прав,— мрачно подтвердил Закат.— Кооm — не место для женщины.

Фрэн кивнул в знак согласия, но Фрейлу это не убедило. Какие еще аргументы она привела бы в дальнейшем, чтобы обосновать свой план, мы никогда не узнаем, ибо внезапно, со сводчатого потолка над нами, мягко прозвенели колокольчики. Фрэн и Фрейла замерли и посмотрели друг на друга. В глазах их вспыхнуло волнение.

— Это предупреждение,— сказал горлианин.— Кто-то идет по коридору. Нам нужно уходить.

— Внутренний коридор,— предложила Фрейла.— Покажите им, Фрэн.

Он поднялся и отступил к занавесу, из-за которого они с Фрейлой выходили. Голая стена раскололась на две половинки, обнажая узкую дверь, сквозь которую мы протиснулись один за другим.

— Проходите, Фрэн,— прошептала Фрейла.— Помните, только женский голос открывает эту дверь.

Он послушно присоединился к нам в коридоре, но леди Фрейла не последовала за ним. Вместо этого половинки двери со щелчком сошлись, и мы в замешательстве остались в темноте. Фрэн бросился к гладкой стене.

— Невероятная глупость! — бушевал он.— Она не сможет сыграть Илу достаточно хорошо, чтобы обмануть кого-либо из близких друзей этой женщины.

При этих словах я впервые понял трюк, который сыграла с нами Фрейла. Выпустив нас из комнаты, она обернулась к вновь прибывшему, кем бы он ни был. Плечом к плечу с Фрэном мы навалились на дверь, но безуспешно. Кто-то яростно ткнул меня в спину длинным ногтем.

— Позвольте,— это Анаталия прошептала мне в ухо.— Эта дверь открывается только при определенных звуках женского голоса. Дайте мне попробовать.

Мы с Фрэном согласно отступили назад, освобождая ей место. Мы хранили молчание, пока она повторяла какую-то фразу высоким, пронзительным голосом Лании. Во всю длину стены появилась темная трещина, и с ее появлением мы смогли и видеть, и слышать, что происходит в Комнате Грифонов. Я, со своей стороны, не был удивлен, увидев смуглое, красивое лицо Кепты с его легкой насмешливой улыбкой. Фрэн схватил меня за руку.

— Ила!

Это была настоящая Ила, Ила бело-черной комнаты, с ее истощенным телом и роскошными волосами, размалеванным лицом и полным злобы голосом.

Лицом к ней, гордо выпрямившись, стояла Фрейла. Две Илы, и все же такие разные.

— ...неожиданная радость,— ровный голос Кепты прозвучал тоном выше.— Для леди Илы большая честь в том, что вы, должно быть, нашли удовольствие, следуя моде, что ввела в Ю-Лэке именно она. И все-таки, я боюсь, нам придется быть достаточно грубыми, чтобы выяснить причину этой восхитительной встречи...

Ила положила конец издевательству над Фрейлой, ибо заметила предательское волнение занавеса, скрывавшего потайную дверь, где притаились мы. Эти гобелены были сотканы так, что были прозрачны для тех, кто прятался за ними, но непроницаемы для находившихся внутри.

— Дурак! — фыркнула она на Кепту.— Она не одна. Хватай ее!

При этих словах я рванул занавес и прыгнул вперед с мечом в руке, но было слишком поздно, ибо Кепта с быстротой одной из известных рептилий, обитающих в дебрях Кура, рванул Фрейлу к себе и швырнул ее сопротивляющееся тело в безжалостные руки Илы. Он отразил мое нападение, опрокинув диван на моем пути.

Споткнувшись, я упал, а мгновением позже на мне оказались Фрэн и Закат. Но я мельком успел увидеть Анатана, огибающего нас и теперь оказавшегося всего в двух шагах от владетеля Коома.

Дико взъярившись, я вскочил на ноги. Закат, с ревом ярости, уже поднялся, и я не намного отставал от него. Но мы недалеко ушли, ибо, завернув за угол коридора, наткнулась на Анатана, яростно бьющего о стену кулаками и рукояткой меча.

— Они прошли сквозь это! — крикнул он, когда мы подскочили к нему.

Но на ровном изгибе стены не было и следа двери. Тут нас догнали Фрэн и Анаталия. Мы были сбиты с толку. Ученый сдерживал свой гнев.

— Они сбежали в Коом,— объявил он наконец.— Только в Кооме они будут в безопасности, ибо знают, что весь Ю-Лэк поднимется против них.

— Это Коом.— Я уступил силе его аргументов.— Хорошо, что...

Я повернулся, когда он схватил меня за руку.

— Куда вы собрались?

— В Коом.

— Как?

— У меня флайер...

Он сразу прервал меня.

— Они заставят вас упасть в шести милях от их морской стены. Есть иной путь.

— Какой?

— Через зал, где вы видели танцовщиц Кура. Это — часть древних Путей Тьмы, коридоров, пронизывающих под корой весь Кранд, созданных теми, кто жил до того, как человек стал правящей расой. Там есть путь в Коом — для того, кто осмелится по нему пройти.

— Я отважусь на любой путь,— горячо воскликнул я.

Закат оскалил свои желтые зубы.

— С хорошей сталью в руке человек может проложить любую дорогу. Когда мы отправляемся?

Фрэн вытянул папку с исписанными листами из поясной сумки и вручил ее мне.

— Разберите запросы на внеочередной неотложный отпуск для себя и Заката...

— И для Анатана! — выкрикнул младший из нас.— Нет,— добавил он уклончиво, поглядев в мое лицо,— я пойду, если должен следовать по вашим следам.

— Тогда для всех троих. Я прослежу, чтобы они добрались до нужных чинов. Нам нужны провизия и оружие...

Закат коснулся меча, но Фрэн покачал головой.

— Некоторые из опасностей, с которыми, если легенды не лгут, мы должны столкнуться, нуждаются в оружии более могущественном, чем сталь.

— Да? — вклинился я.— Ну, ресурсы моего ведомства открыты для нас. Дайте мне полчаса в великом арсенале, и я клянусь, что смогу снабдить нас оружием, способным обратить в прах весь Коом.

Анаталия предложила:

— Пусть лорд Гэран вернется в свой арсенал и возьмет то оружие, о котором говорил. Я проведу его тайными ходами. И за час до захода солнца мы встретимся в десятом дворе. Ты пойдешь с лордом Гэраном, Анатан.

— За час до захода солнца? Так долго? — спросил я, все еще видя, как Фрейла бьется в костистых руках этого демона в юбке и медленную улыбку Кепты, за которой скрывалось неизъяснимое зло.

Равнодушно вернуться, собирать оружие и припасы — каждый нерв во мне трепетал и дико протестовал. Мне хотелось мчаться

за Повелителем Коома, разить и убивать, пока горячая кровь не закипит на полу.

Сознание того, что Коом лежит в сотне воздушных миль от нашего побережья, и что на Путях дорога будет длиннее, никак не смягчало моего нетерпения.

— Он не осмелится причинить ей зло,— тихо сказал Фрэн.— Не причинит, даже если бы мог.

— Вы думаете?

— Вчера он просил у Императора Фрейлу в жены.

Мои пальцы сжались, словно в поиске невидимой глотки. Никогда прежде моя ненависть к Кепте не была столь сильна. Этот пресмыкающийся во тьме вздыхал — по ней! Я улыбнулся и увидел, как Анаталия вздрогнула от этой улыбки.

— Еще одна отметка в счете между нами,— пробормотал я, затем добавил горько: — Будьте любезны, покажите мне эти ваши тайные пути, госпожа. Чем скорее я займусь своим делом, тем скорее мы сможем начать преследование этого ползучего гада.

— За час до рассвета в десятом дворе,— напомнил нам Фрэн.

Я коротко кивнул и вместе с Анатаном последовал за хитроумной Анаталией из комнаты. Мы ковыляли за ней по тайным тропам, проложенным в стене и извилистым, как руны. Позднее я узнал, что эти трое: Фрэн, Фрейла и Анаталия — с самого начала наблюдали за строительством Дворца Наслаждений, догадываясь о его назначении. Старший конструктор по чудесам за определенную плату поделился своим собственным набором планов. Планами, на которых каждый секрет, где бы он ни был, представлен совершенно ясно. Дни и ночи напролет, со времени открытия Дворца, Фрейла и Анаталия играли свои партии в этих стенах, с легкостью проходя и уходя путями, которые Кепта и Ила считали известными лишь им.

Мы наконец вышли в узкую аллею, плохо освещенную и пустынную.

— Хорошо запомните это место,— приказала Анаталия, позволив нам выйти.— Когда будете возвращаться сюда, три раза ударьте ножнами своего меча. Теперь идите быстрее, пока вас не заметили.

Выйдя из темной аллеи, Анатан с некоторыми затруднениями нашел дорогу к общественной посадочной стоянке, где мы оставили флайер. У нас было мало времени, ибо город уже успокаивался ради нескольких часов дремоты перед восходом солнца. Должен сознаться, я мало обращал внимания на улицы, по которым мы торопливо шагали, ибо мысли мои были полны содержимым моего оружейного склада и я мысленно перелистывал список этого оружия и оборудования, которое должно будет сослужить нам величайшую службу.

Случилось так, что предупреждающий об опасности окрик раздался тогда, когда что-то бормочущее и слюнявое уже накинулось

на меня в щели между двумя зданиями. Я потянулся вынуть меч, но сразу оставил эту попытку. Времени для меча уже не оставалось.

Я успел бросить взгляд на атаковавшего до того, как тот приблизился ко мне вплотную. Его черты были жутко искажены жестокостью наркомана, пристрастившегося к рэйту. Слюна капала с потрескавшихся губ, скрюченные пальцы тянулись выдавить мне глаза — обычная привычка тех, кого рэйт обратил в животных. И, вдобавок к моему ужасу, я увидел, что он носил форму младшего офицера моих собственных сил.

Мой испуганный крик и вопли нападавшего слишком поздно заставили Анатана повернуться. Я был крепко стиснут, как в товарищеской схватке, и мой адъютант боялся ударить из страха ранить меня.

Избавившись от шока, я ухитрился нанести резкий боковой удар в шею нападавшего прежде, чем его короткие пальцы вцепились и стали рвать мышцы шеи над краем моего панциря. Это был единственный удар, который, должно быть, спас меня, ибо он поразил нерв больше по счастливой случайности, чем в результате каких-либо моих намерений, и тем моментально остановил нападавшего.

Мы с грохотом свалились на тротуар; атаковавший рвался к моей глотке, в то время как я, извиваясь, словно змея внешнего моря, боролся за освобождение из его объятий. Его потемневшие зубы со щелчком сошлись на расстоянии какого-то полудюйма от моей плоти, и я осознал со смешанным чувством страха и горечи, что бьюсь в руках одного из тех несчастных, кого рэйт обратил в каннибалов. Я был лишь пищей для утоления его хищного и неестественного голода.

Сразу же освободившись от первого потрясения, я перехватил его запястья захватом, выученным у лапидиан, которым они могли заставить человека сломать свои собственные кости. Тварь снова оседлала меня, воя и кусаясь, на этот раз вгрызаясь в мою кожу.

Я завел ему руку назад, а затем его зубы сошлись на моей левой руке, прокусив ее до кости. По милости Она я исхитрился удержать свой захват достаточно долго, чтобы Анатан пришел ко мне на помощь. Со всей силой он опустил тяжелую рукоять своего парадного меча на незащищенную голову наркомана.

Тот закрыл глаза, охнул и откатился от меня. Я еле-еле, шатаясь, смог встать. Кровь стекала с моей раненой руки, пятная тротуар. Но, к моему крайнему изумлению, мы были одни. Шум нашей борьбы и вопли нападавшего никого не привлекли. Я посмотрел на пустынную улицу, а потом на Анатана. Он горько кивнул, и я понял, что та же самая мысль, мелькнувшая в моем помутневшем сознании, занимала и его. Нас подставили.

Кто-то устроил ловушку, и мы угодили в нее. Курильщик рэйта был помещен сюда чтобы помешать нам.

— Оставим его лежать,— Анатан мотнул головой в сторону неподвижного тела моего недавнего противника.— Лучше доберемся до флайера, пока еще можем.

От всего сердца согласившись, я обернул край своего плаща вокруг окровавленной руки, и мы дали ходу. Хотя мы проходили по наиболее ярко освещенным и многолюдным улицам, мы с Анатаном не замедляли шага и вскоре, задыхаясь, поднялись к посадочной площадке.

Там мы должны были подождать, пока сонный служитель выведет наш флайер, и я не вздохнул свободно, пока мы не оказались в узком ящике его закрытой кабины.

— Давай к оружейной,— приказал я Анатану,— и садись на ее крышу. Я не хочу испытывать судьбу этой ночью еще раз. Когда мы вернемся, попытайся сделать посадку у этой аллеи.

— Трудное дело,— прокомментировал он.

— Но лучше, чем новая встреча с курильщиком рэйта. И это можно сделать, если постараться.

Секундой позже шасси коснулись плоской крыши приземистого арсенала, в котором и хранилось мое тайное оружие для защиты всего Ю-Лэка.

Глава 6

ПУТИ ТЬМЫ

При тусклом свете крошечного энергетического стержня, который я хранил в своей поясной сумке, я обнаружил захлопывающуюся дверь люка, открывающегося на спуске с крыши. У себя на шее я всегда носил ключ, который отпирал эту и любую другую дверь в границах военного квартала, и сейчас воспользовался им.

Но потребовалась вся сила Анатана, так же, как и моя, чтобы поднять этот тяжелый пласт армированного металлом камня и положить его на крышу. Снова пригодился световой стержень, осветивший густую тьму под нами.

Прикидывая в уме, какие камеры хранения я хочу ограбить, я шагал вниз по спуску, через лабиринт узких коридоров, выходящих к нему, пока наконец не подошел к двери, отмеченной широкой алой полосой. Я отомкнул ее, мои пальцы дрожали так, что ключ звякнул о замочную скважину, ибо я был твердо уверен, что участвую в гонке с самим временем.

Внутри, аккуратно сложенные в отсеки с застекленной передней стенкой, лежали чешуйчатые комбинезоны, созданные, чтобы

укрыть человека с головы до ног и даже до кончиков пальцев. Они были легкими, обработанными химически так, чтобы противостоять всем известным смертельным газам и тепловым лучам. Указав на них Анатану, я приказал ему:

— Отбери их столько, сколько понадобится для всех нас. Я присоединюсь к тебе позже, на крыше.

Оставив его, я спустился еще к одной двери внизу, выискивая помещение, где были запасены лучеметы радикального типа, самые новые, конечно, еще не поступившие на вооружение в армейские части. На полевых испытаниях они показали великолепные результаты как по точности, так и по дальности, но цена их не устраивала пока наших экспертов.

Я отложил в сторону шесть таких лучеметов, маленьких стержней, похожих на факелы; к ним — лучшие насадки из зеленых, фиолетовых и инфракрасных линз. К новому и неопробованному оружию я добавил равное количество образцов регулярно используемого, и также лучшие заряды к нему.

И, уже повернувшись, чтобы идти, натолкнулся на пояса из экипировки наездников на грифонах с большими лучевыми батареями — вооружение, что носят те, кто спускается в лапидианские пещеры. Я и их добавил к своей добыче. Вернувшись на крышу, я нашел Анатана, опередившего меня и нетерпеливо расхаживающего около флайера. Кроме сверхпрочных чешуйчатых комбинезонов, он прихватил четыре боевых меча древнего образца, что использовались в единоборстве на поле брани, а не как парадные.

Мы поставили крышку люка обратно, и я запер ее. Потом, уже во флайере, Анатан нажал на рычаг, который с ревом послал нас вверх. Избегая патрулей, производивших регулярный облет, мы сделали круг и вернулись на курс, которым прибыли.

К счастью, Дворец Наслаждений легко было опознать с воздуха, и Анатан быстро обнаружил нашу аллею. Затем, несмотря на свои сомнения, он произвел искусный маневр, посадив нас на ее грунт не более чем в десяти шагах от двери. Если бы мы не сидели в самой маленькой из личных машин, он не смог бы выполнить его, ибо между полированными боками флайера и стеной осталось расстояние не более чем в две человеческие руки.

Мы собрали нашу добычу и, нагруженные, подошли к двери. На мой стук она беззвучно открылась, и Анаталия выглянула наружу; яркий блеск ее одежды и украшений умерялся тенью.

Мы снова прошли по этим извилистым путям, скрытым в стенах, пока не вышли сквозь отверстие в маленький круглый двор. Здесь Фрэн и Закат нагнулись над исписанной полосой желтоватой рыбьей шкуры, на каких древняя раса записывала свои деяния.

— Вы вернулись так быстро? Хорошая работа, лорд Гэран. Ну, что вы теперь принесли нам?

Я торопливо объяснил мой выбор оружия и вручил Фрэну один из чешуйчатых комбинезонов для обследования. На свету кристаллические восьмиугольные чешуйки приобрели алмазный блеск. Закат погладил костюм со всей любовью опытного солдата к хорошему инструменту его ремесла. Но его интерес чрезвычайно вырос при виде древних боевых мечей, которые раздал Анатан.

— Добрая сталь.— Он провел большим пальцем сверху вниз по сверкающему металлу.— Я, скорее, предпочту это, чем все ваши лучевые стержни на Кранде, ибо сталь никогда не играет с человеком в фальшивые игры. Он умный парень, этот твой Анатан.

— Кажется, вы грабили свой арсенал с определенной целью,— согласился Фрэн, оглядывая нашу добычу во второй раз.— Но и мы тем временем не бездельничали.

Он повел рукой в угол двора; там были нагромождены маленькие контейнеры с концентрированной пищей и банки с так называемыми «водяными» драже, которыми пользовались в походах через пустыни. Обработанную таким образом воду и пищу, в количестве, достаточном для человека на несколько дней, можно было унести в поясной сумке не большей, чем два моих кулака. Вдобавок там была карта, над которой они склонились, когда мы вошли.

— Мы знаем довольно мало о подземных путях, за исключением территорий мутировавших лапидиан. Мы, человечество, остерегались подземных троп. Но были все-таки и такие, кто искал знания в странных местах. Таким был солдат Кем-лик, который жил в Ю-Лэке около пяти тысяч лет назад. Тогда копали котлован для закладки первой из великих защитных башен, и, чтобы поставить его на нерушимое основание, строители ушли намного глубже от поверхности, чем когда-либо проникали ранее. На двадцать седьмой день раскопок они обнажили часть одного из Путей Тьмы. Кем-лик испросил и получил разрешение войти и исследовать неизвестный ход с точки зрения его возможного использования в военных целях. Но он оказался не в силах и не в состоянии найти себе спутников и пошел один.

Снаряжение тех дней было, конечно, бесконечно примитивней того, которым пользуются современные исследователи подземелий, но он ухитрился исследовать и сделать карту большой секции Путей, пронизывающих скалу, на которой стоит Ю-Лэк. Многое свидетельствовало о том, что эти гигантские тоннели и помещения были выдолблены механическими средствами, и предполагалось, что они были результатом деятельности той негуманоидной расы, что предшествовала нам во владении планетой.

Первое подземное путешествие Кем-лика только увеличило его жажду дальнейших исследований. Он уходил вновь и вновь и, наконец, не сумел вернуться. Со временем Амет Великий, тогдашний Император Ю-Лэка, повелел закрыть отверстие.

Он принял это решение внезапно, после получения конфиденциального отчета, сделанного Кем-ликом по его возвращении из предпоследнего путешествия. Легко предположить, что солдат-исследователь открыл нечто, в высшей степени опасное для города. Что никогда не могло быть опубликовано.

Все предшествующие рапорты и карты Кем-лика истлевали в библиотеке Ученых в Сомте, пока почти полгода назад их не потревожили. Когда я пожелал просмотреть их, движимый любопытством, то обнаружил их исчезновение за исключением этой единственной карты, которая пристала к верхней крышке папки, где они хранились. Служитель информировал меня, что Кепта из Коома взял их с разрешения старшего библиотекаря для личного изучения.

Тогда шло строительство этого Дворца, и был выкопан ход, пересекающийся с одним из тех Путей, что были положены на карту Кем-ликом. В то же самое время у Кепты внезапно развился интерес к древним храмам Кура, и он нанес им несколько полусекретных визитов. А Кур — последний оплот той ужасной веры, что выкристаллизовалась из забытых ритуалов Древних.

Забыв эту единственную карту, Кепта тем не менее оставил в наших руках мощное оружие, ибо она прослеживает именно то, в чем мы нуждаемся сейчас более всего — маршрут под морем в Коом. И есть предание, что именно на этом маршруте Кем-лик набрел на то последнее приключение, из которого уже не вернулся. Судьба, что взяла верх над Кем-ликом почти пять тысяч лет назад, может еще ждать того, кто последует по его стопам сегодня. Но это именно тот путь, которым пошли Кепта и Ила сегодня ночью, в этом я уверен. Где-то вдали на этом пути лежит опасность, которая заставила Амета запечатать Пути. Существует ли еще эта угроза?

Закат фыркнул.

— Единственное, что мы можем — это пойти и посмотреть.

Я уже выкладывал чешуйчатые комбинезоны и делил вооружение. Фрэн рассмеялся.

— Кажется, род Кем-лика не исчез бесследно. Тогда давайте готовиться.

Мы сбросили наши панцири и нижние рубахи и натянули тесно прилегающие чешуйчатые комбинезоны. Основной материал, из которого состояли защитные чешуйки, имел эластичные свойства, которые заставляли их прилегать к коже владельца. Гротескные маски с оксовыми линзами, способными увеличить отдаленные объекты и позволявшие также любому, носившему их, ясно видеть при любом освещении, кроме разве что абсолютной темноты, свисали с наших плеч в полной готовности, чтобы их можно было сразу натянуть.

В такой упаковке, насколько я знал, мы были неуязвимы для

любого известного оружия. Гладкая поверхность чешуек могла затупить и отразить острейшее лезвие и столь же хорошо противостояла как обжигающим, так и замораживающим лучам.

Поверх чешуйчатых комбинезонов мы опоясались мечами, которые принес Анатан, подвесив вдобавок к перевязям как старые, так и новые образцы лучевых стержней. Дополнительные заряды для наших стержней и банки с припасами отправились в заплечные сумки наездников на грифонах.

Но когда мы подготовились и повернулись к двери, там нас поджидала пятая фигура, похожая на рептилию, Анаталия; ее рыжий парик исчез, и темные волосы вились у шеи; она была занята застегиванием на талии пояса с радиумными батареями. К ним она спокойно подвесила лучевые стержни, прежде чем шагнуть и подобрать сумку с припасами.

— Анаталия! — закричал ее брат.— Что за безумие?

— Я иду,— холодно прервала она его.— Где была Фрейла, пройду и я. И вы не сможете удержать меня. Я иду на эту авантюру с открытыми глазами так же, как поступала с самого начала. И Пути Тьмы содержат опасностей не больше, чем прежде Дворец Ю-Лэка. Я пошла.

И с этими словами она повернулась и исчезла в дверном проеме. Я повернулся к Фрэну, который складывал оставшийся чешуйчатый комбинезон — Анатан принес по какой-то причине шесть — в такой маленький тючок, какой только мог получиться, прежде чем сунуть его в свою сумку с припасами. Он посмотрел на меня с тенью улыбки на губах.

— Когда женщина говорит таким тоном, лорд Гэран, лучше сразу позволить ей идти собственным путем, ибо годы убеждения не приведут ее на ваш путь мышления. Анаталия не будет нам помехой, так как не раз доказывала свои силы и смелость в прошлом, на службе у своей госпожи. Она идет.

Так я был вынужден оставить эту тему, хотя мысль о женщине, делящей с нами неизведанные опасности, была, конечно, не слишком мне по душе. И мое негодование разделял Анатан, который был разъярен. Только Заката ничего не заботило, ибо он с нетерпением ждал возможности изведать опасности пути, предстоявшего нам.

Анаталия ждала нас в холле. Под ее опытным руководством мы пробрались через сеть коридоров и комнат в поисках того спуска, на котором на нас нападали так недавно и все-таки так давно.

Несмотря на мои невысказанные сомнения, мы не привлекли никакого внимания ни в одной из комнат, через которые проходили. Тем немногим полупьяным дуракам, что мы встретили, мы, в своей странной одежде, представлялись какими-нибудь актерами.

Мы снова отыскали широкий спуск и пошли по нему, но на сей

раз тут не было соблазнительного пронзительного ритма, запутывающего наши ноги и мысли, а лишь сухая и пыльная тишина, какую можно найти в первобытных горных храмах Ру, тишина, полная праха исчезнувших веков. Теперь светильники не меняли света, только становились бледнее по мере нашего передвижения, пока не угасли совсем и пока мы не остановились, чтобы приладить наши маски с их пронзающими тьму глазными щитками. Черный пол снова был под ногами, но теперь все несущие тление лучи и крылатые танцующие образы исчезли. Здесь лидером стал Фрэн, быстро ведя нас вперед через гулкое пустое пространство этого безлюдного зала.

Еще один спуск — такой крутой, что мы должны были держаться за поручни из отполированного временем камня,— открылся перед нами, и Фрэн без колебаний метнулся по нему вниз. На полпути он опустился на колени и поднял какой-то предмет, который протянул нам. На ладони его чешуйчатой перчатки сияла искрящаяся крупинка мерцающего вещества, украшавшего платье Фрейлы и Илы.

— Мы следуем верным путем, как свидетельствует этот вестник,— сказал он и откинул бисеринку прочь. Но я наклонился, отыскал ее и спрятал в свою сумку.

Все ниже и ниже мы шли в густеющую тьму, тьму, которая могла бы подавить нас всецело, не будь у нас спецлинз. Анаталия хотела было включить свою лампу от батареек, не зная, что или кто может лежать у нас на пути, но Фрэн не разрешил ей.

Насколько мы могли видеть вообще, лучше было не давать предупреждения о нашем приближении.

Теперь я заметил внезапное изменение в структуре стен. Прежде они были из гладкого светящегося камня, но теперь стены состояли из больших блоков какой-то серой субстанции, имевшей слабый неприятный блеск, как будто покрытой слизью. Фрэн кивнул мне.

— Мы вступили на Пути. Никто из тех, кто когда-либо видел ручную работу Древних, не может ошибиться в этом.

Все дальше и дальше шел спуск, становясь даже еще круче, так что мы вынуждены были как-то прервать наш несколько неосторожный бег и крепко ухватиться за поддерживающий поручень. Я с мрачным предчувствием гадал, не станет ли спуск слишком крутым для наших подошв, когда тот внезапно дал дорогу глубокому желобу, уходящему перед нами почти на одном уровне в густой мрак.

Когда я вышел на этот жуткий путь, то почувствовал, что те, кто конструировал эту улицу для своих собственных забытых целей, были полностью чуждыми мне и всем, подобным мне, теплокровным созданиям. Такими чужими, что я не мог вообразить их истин-

ных форм и целей. Какую службу выполняла эта дорога и другие, похожие на нее? Почему она возникла?

Первые несколько шагов убедили меня в том, что дорога никогда не предназначалась для человеческих ног, ибо обладала округлым, возвышающимся центром, что заставляло нас скользить и оступаться. Чтобы удержаться на ногах, мы были вынуждены изменить наш шаг на простое крадущееся скольжение.

Я не могу сказать, как много миль и часов мы следовали по этому прямому, неразветвляющемуся пути, но трижды останавливались, чтобы подремать и поесть из наших запасов. Было ничего не видно и не слышно, кругом была только тьма, проницаемая на несколько футов мощью наших линз.

Во время третьей остановки Фрэн вытянул свою карту из рыбьей кожи и Анаталия направила на нее свет своего пояса так, чтобы он смог разобрать трассу, пройденный нами путь и тот, который мы должны были пройти.

— Здесь должен быть крутой поворот направо, туда-то нам и нужно следовать. Мы должны быть почти у него.

— Тогда давайте пойдем,— сказал Закат, поднимаясь на ноги.— Пока что мы ползем в этой змеиной норе, а в ней так мало интересного для военного. Где обитает та опасность, от которой Кем-лик сбежал, чтобы заполнить уши своего господина дикими сказками?

— Где-то впереди нас, милорд. И я как-то доверю Кем-лику и его сказкам. Пойдем дальше, чтобы испытать их? — Он свернул карту и положил обратно в сумку.

Мы поднялись на свои усталые ноги и пошли дальше. Как Фрэн показал нам на карте, наша дорога резко разделилась на две, и один рукав пошел направо. Анатан и его сестра уже свернули в него, когда мерцание на поверхности другой ветви приковало мой взгляд. Мои пальцы сомкнулись на второй маленькой бусинке от платья. Я протянул свою находку другим.

— Может карта быть неправильной? — задал вопрос я, обращаясь к Фрэну.— Похоже на то.

— Если только не приманка на фальшивый путь.

— Верно. Но есть только один способ убедиться.

— И это?

— Разделить наш отряд. Каждый исследует свой рукав. Смотрите, я ставлю маленький инфракрасный заряд в свой лучевой стержень. Покуда он будет гореть, я буду следовать этой дорогой. Если я ни на что не наткнусь в течение этого времени, чтобы поддержать мой выбор, вернусь сюда и последую за вами. Вы сделаете то же самое.

Фрэн согласился сразу.

— Это самый мудрый путь. Кто идет с вами?

— Закат,— он сам немедленно назвал свое имя.— Мы раньше охотились вместе.

— Хорошо.— Фрэн пошарил в своей сумке, чтобы найти и настроить заряд в своем стержне на поясе.

Я сделал то же самое.

Когда оба наконец зажглись, мы на время попрощались друг с другом, ступив каждый на избранный маршрут: Фрэн, Анатан, Анаталия на правый, Закат и я — прямо вперед. Пока мы шли, моя рука сжимала в сумке те две бусинки.

Мы прошли некоторое расстояние, когда Закат поднял край своей маски и принюхался.

— По-твоему, ничем не пахнет?

Я последовал его примеру. Застарелая сухость воздуха смешивалась со слабым ароматом, запахом сладким, и все-таки с легким оттенком разложения.

— Ага,— ответил я.

— Мне это не нравится. Там воняет, как в некоторых из тех горных склепов. Что-то неприятное ждет нас впереди, но этого недостаточно, чтобы повернуть назад.

Вонь усиливалась по мере того, как мы продвигались, и, к моему изумлению, свет из моего лучевого стержня медленно изменил спектр, становясь изумрудно-голубым. Я обратил на это внимание Заката.

— Какая-то дьявольщина! Здесь есть нечто, что лучше не трогать. Наш друг из Коома охотился на запрещенных путях, но теперь охотимся мы — это другое дело. Давай-ка выбираться подальше от этого запаха.

Внезапно мы подошли к изломанному повороту тропы, первому, который нам встретился. Осторожно обогнув край, мы очутились на границе в никуда...

Глава 7

НЕЧТО ИЗ БЕЗДНЫ

Тропа внезапно кончалась на выступе над незримой пропастью. Из ее глубин доносился слабый вздыхающий шепот, отдаленный гул, как будто там ползло что-то живое, обитающее далеко внизу.

— Конец,— сказал Закат.— Наш выбор был неверен.

— Я удивляюсь...— размышлял я вслух.

Что-то, висящее над бездной, приковало к себе мой взор. Две длинные цепи из той же субстанции, что и стены Путей, висели туго натянутые так спокойно, будто удерживали какую-то невидимую тяжесть. Я отцепил свой стержень и направил его перед

собой так, чтобы луч света из еще пылающего патрона смог пройти через то, что могло висеть на цепях.

— А...— промурлыкал Закат, как гигантская Ана, ибо луч обнаружил мост из какого-то вещества, препятствующего свету, мост, ведущий за барьер тьмы.

Передвигая луч, я проследил очертания этого моста, чтобы увидеть, где он касается нашей стороны. Он не касался. В добрых трех футах от нас он кончался массой расщепленных обломков. Был ли этот разлом свежим или вековой давности, сказать мы не могли, но это могло обеспечить эффективную преграду.

Я измерил взглядом длину туннеля за нами. Человек, если он ловок и не страдает боязнью высоты, может преодолеть пролом прыжком с разбега — если будет на то милость Она. Но, предположим, поверхность моста будет гладкой или, допустим, обнаружится, что у него такие же закругленные края, как и те, что служили нам преградой в самом начале пути, и — бездна поглотит смельчака.

Закат увидел наш единственный шанс так же быстро, как и я.

— Один должен остаться здесь,— сказал он,— и держать луч на конце этой смертельной ловушки, пока другой пытается преодолеть ее. Затем, если, к славе Она, это удастся, он должен будет держать свой стержень в той же позиции, пока другой не присоединится к нему. Просто, но смертельно,— Закат рассмеялся.

Это было единственно возможное решение. Я приготовился, затянув пояс и крепко-накрепко пришвартовав сумку с припасами к плечам.

Затем, прежде чем мой спутник смог запротестовать, я вручил ему свой лучевой стержень и вернулся назад по коридору. Разбежавшись крупными шагами, я миновал Заката, который прижался к одной из стен, плотно сжимая стержень, чтобы осветить место моего приземления.

Затем я взмыл над бездной; сердце колотилось с бешеной скоростью. Мои ноги коснулись гладкой поверхности моста — и соскользнули. В попытке зацепиться я сделал бросок вперед, мои напряженные пальцы ухватились за гребень, и этот изгиб, казавшийся нам величайшей опасностью, спас меня. Я с мрачным упорством цеплялся за него, лежа ничком на этой слабо затененной поверхности, пока мое дико бьющееся сердце не успокоилось. Потом с помощью одной из гигантских поддерживающих цепей я оказался в состоянии вновь встать на ноги.

Из своей продуктовой сумки я достал два мотка тонкой, но очень прочной веревки, снабдить нас которой сообразил Фрэн. Одним концом я принайтовал себя к цепи, другой утяжелил жестянкой от консервов и перебросил через пустоту Закату. Тот привязал к концу мой стержень, и я вытянул его назад. Пока стержень висел

над пропастью, я пережил такое сверхъестественное испытание, какое едва ли может вообразить человек моего мира, ибо, когда луч перестал попадать на мост, последний исчез из виду, и мне стало казаться, что я стою в разреженном воздухе над пустым пространством, несмотря на то, что чувствовал под ногами твердую поверхность.

В один миг «светильник» оказался в моей руке. Вновь из ничего возник расщепленный конец моста.

Закат закончил свои приготовления и исчез, отходя назад по пути, которым мы шли. Затем он шумно вылетел ко мне из отверстия коридора, напряг какие-то силы, которых не хватало мне, и благополучно приземлился, так что я смог вытянуть его на ноги в полной безопасности.

— Насест демонов, если они существуют,— заявил мой друг, снова выпрямившись.— И я отказываюсь думать об обратном направлении. Ну уж нет, давай зажжем оба стержня. Я, со своей стороны, не испытываю ни малейшего желания ходить по пустоте, даже если мои ноги сообщают мне обратное.

Я отцепился от своей якорной цепи, и мы отправились дальше в это невероятное путешествие над бездной. Строители и инженеры Древних, вероятно, были мастерами, но насколько же чужд их способ мышления человеческому! Я восхищался смелостью этого Кем-лика, проникшего на Пути в одиночку, защищенного лишь слабым вооружением своего времени. Возможно, этот разлом на мосту объясняет, почему он не вернулся из своего последнего путешествия.

— Эта вонь становится сильнее,— ворвался Закат в мои размышления.

Он поднял свой факел, и тот бросил луч далеко вперед. В круге света как раз что-то двигалось. Закат резко остановился.

— Однако это место часто посещается! Кажется, там нас что-то ждет. Никогда не думал, что смогу поверить в ночных демонов. Но эта тварь (или тень?) появилась в круге света. Ты понимаешь, что это значит?

Я понимал и даже чересчур хорошо. Это нечто было невидимым в обычном свете, как невидим был мост, пока не появился под инфракрасными лучами. И оно двигалось к нам.

— Послушай, останемся здесь,— продолжил Закат, увидев, что значение его слов дошло до меня.— Лучше позволить неизвестному первым обнаружить свою силу, чтобы можно было разнюхать его слабость. И, кстати, о запахах...

Вонь разложения и непотребного гниения тяжело стояла в мертвом воздухе и с каждой минутой становилась все крепче. Сейчас и я, кажется, был способен даже уловить слабый звук, сердитое поскрипывание.

Закат вновь поднял свой жезл и бросил его луч перед нами. Порядочных размеров н е ч т о неуклюже отодвинулось из луча.

— Ну, что бы это ни было, ему не нравится свет,— удовлетворенно заметил мой компаньон.— Это слабость, из которой мы можем извлечь пользу. Заряди свой второй стержень, и мы принудим э т о вернуться.

С четырьмя излучающими стержнями наготове мы большими шагами пошли вперед. И то, что стояло перед нами на нашем пути, давало нам дорогу. Мы видели его как темную, неуклюжую, но мягко двигающуюся массу вне границы действия наших лучей.

Конец наступил довольно скоро. То, что бежало от нас, наконец либо собралось с духом, либо разрешило тайну нашего света, ибо в следующий раз, когда мы стали двигаться, оно не двигалось, а осело там, где было, поджидая нас.

Я видел кошмарных рептилий подземных лапидианских болот и летающий ужас холианских соляных равнин, но то, что смотрело прямо на нас на невидимом мосту Путей, было отвратительнее для человеческого взгляда. Прежде всего тем, что его невозможно было увидеть вне света наших стержней: оно существовало только как слабо светящийся контур. У него не было конкретной формы, ибо структура его тела казалась странно текучей, как будто бы оно могло менять ее проявления по собственной воле.

Но самое пугающее среди всего этого — глаза, горевшие, как тусклые пурпурные фонари в складках его толстой серой плоти. Казалось, оно не имело конечностей, только массивные колоды жира, с которых свешивались присоски, с помощью которых оно перетягивало это, задуманное дьяволом, тело.

— Клянусь вонючими ночными птицами Депта! — выругался Закат.— Этот слизняк из тех, что может заставить человека перестать верить собственным глазам. Если это именно то, чего боялся Кем-лик...

Не выказывая скорости, с которой оно сперва избегало нас, существо поползло перед. Его лапы и издавали тот тонкий, царапающий звук, который я слышал раньше. Взгляд его цепко держал нас паутиной кошмарного морока. И эта тварь обладала разумом. Весьма далеким от нашего, возможно, но таким, что своими силами превышал даже ее физические силы. Интеллект высокого порядка светился в этих странных глазах.

И все-таки наше появление озадачило ползуна не меньше, чем его — нас. Я чувствовал волну заинтересованности, выделяемую им. Это не было злом, как мы его понимаем, ибо, когда я смотрел прямо в эти пылающие глаза, мне дарили взгляд пугающе чужая раса и ее невероятная цивилизация. Раса, весьма далекая от свойственных нам стандартов морали. Поэтому, хоть я и чувствовал тошноту и некоторое отвращение, страха не ощущал.

Пока до нас еще оставалось какое-то расстояние, создание стянулось и приподнялось, создав впечатление, что оно остановилось посидеть и подумать над проблемой, поставившей его в тупик. Оно быстро оглядело нас и, повернув свою круглую, как у червя, голову, вгляделось вниз, в пропасть.

Далеко снизу донесся тонкий воющий крик, затем из темноты снизу вихрем взлетела полоса сияющего серебра, воспарив на широких крыльях. Оно грациозно порхало и кружилось вокруг моста и наконец, сложив крылья, встало за бесформенным чудовищем.

Оно было человекообразным, то есть обладало конкретным телом и конечностями, которые соответствовали нашим рукам и ногам. Но все четыре конечности кончались лапами с присосками, подобными тем, что были у ползуна. Его голова была круглой и, казалось, не имела никаких черт, кроме больших пурпурных глаз. Бахромчатая мембрана служила ему волосами. Эти последние медленно выпрямлялись, когда оно смотрело прямо на нас, пока кожа не встала над круглой головой, как световая туманность.

Сообщение ворвалось в мой мозг.

— Почему вы вступили на Древние Пути, люди?

Я знал кое-что о передаче мыслей, которую практиковали Ученые, поэтому я тщательно продумал свой ответ вместо того, чтобы сказать его вслух.

«Я иду по следу врага из моего собственного мира».

Серебряный обернулся к ползуну, и у меня создалось впечатление, что они обменялись вопросом и ответом. Затем снова дошел запрос.

— Он прошел этим путем?

— Так я полагаю.

Мой ответ, кажется, возмутил эти создания. Я каким-то образом знал, что они возмущены, выбиты из своей обычной безмятежности. Но теперь у меня самого был вопрос.

— Вы те, кого мы зовем Древними?

Я почувствовал их удивленное презрение.

— Нет, мы лишь глина, которую они сформировали на своем гончарном круге. Древние давно уже ушли. Мы остались. Есть здесь еще кое-что, что мы должны сделать. Глупец, глупец! Проводить свои дни в охоте за врагами, когда рок навис над этим обреченным миром!

— Что вы имеете в виду?

— Спроси того, кто прошел по запретным путям до тебя. Ищи его, человек!

После этого вся связь между нами прекратилась, ибо внезапно опалесцирующие огни появились на теле ползуна. Он приподнялся и бросился вперед. В толстых складках его тела появились сквозные раны. Его плоть распадалась на кусочки. Я затрепетал от прикосновения мысленных волн, бьющихся в несказанной муке. Его компаньон взмыл вверх, завис над ползуном на мгновение, затем повернулся и улетел прочь. Мы стояли одни.

Закат встряхнулся, как человек, очнувшийся от кошмара.

— Что все это значит? — воскликнул он.

— Ползающая тварь встретила смерть, как здесь под землей понимают ее, но не естественную,— ответил я.— Другой, вероятно, отправился искать причину.

— Давайте-ка оставим это место,— передернул плечами Закат, заглядывая вниз, в тот объем, что поглотил умирающего ползуна.

Мы вновь отправились по скользкой дороге, но сейчас — оставив в стороне осторожность, потому что очень хотели снова почувствовать под собой плотную надежность грунта. Шок, перехвативший мое горло и терзавший меня изнутри, возбуждал тошноту и головокружение, но Закат не хотел останавливаться, сказав, что было бы лучше всего достичь конца моста, прежде чем останавливаться вновь. Мы больше не видели ни крылатой фигуры, ни другого ползуна, и я мог бы почти поверить, что мы стали жертвой нашего собственного воображения, если бы не случившееся потом.

Со временем мы добрались до конца этого птичьего насеста, на этот раз легко переступив с невидимой поверхности на твердый грунт, но Закат споткнулся и опустился на колени. Когда же он вновь выпрямился, то держал тонкий металлический конус, распределитель разрушающего луча.

— Думаю, если бы не ползун, дыхание этого коснулось бы нас.

Он рефлекторно сжал пальцы.

— Это мы должны были так погибнуть. Властелин Коома решил, забавляясь, обратить на нас свое внимание!

В воздухе над нашими головами возник вихрь и трепет. Поддерживаемое широко распростертыми крыльями, висело серебристое творение из бездны. Оно помедлило на миг над нами и исчезло, но именно в этот момент я ощутил леденящий холод смертельной ненависти, направленный не против меня, но против того, кто уронил здесь этот предательский конус.

Закат с немалым удовлетворением взглянул на меня.

— Кажется, два охотника заполучили третьего, и этот — из бездны — не самый приятный враг. Кепта сейчас расшевелил глубины самого ада. Пусть благодарит Она, если мы настигнем его первыми!

Сердечно откликнувшись на это пожелание, я пошел по изогну-

той дороге. Убежденный смертью ползуна, что мы на верном пути, я почувствовал возможность выключить лучи наших стержней сохранив тем самым оставшуюся порцию зарядов.

Наше путешествие на протяжении долгих часов было простым повторением того, что мы делали на другой стороне моста: путь все прямо, мимо голых стен. Ничего не было ни видно, ни слышно. Трижды мы останавливались и ели, потом продолжали идти. Мне хотелось знать, последует ли за нами Фрэн, верный нашему договору, и что будет делать на пути через пропасть.

Я потерял всякое представление о времени в этом лишенном солнца и света мире, но, вероятно, прошло несколько дней после последней встречи с серебряным творением, когда мы внезапно перешли в район, где стены издавали мягкое фосфоресцентное мерцание. Оно усиливалось, пока мы, наконец, не оказались в состоянии совсем отбросить наши маски. Коридор, в котором мы находились, кончался у подножия возвышения, и мы без колебаний начали подниматься. Наверху оказалась закрытая тяжелая дверь из какого-то материала, иного, чем тот, тянувшийся вдоль Путей.

Мы бросили против нее наш общий вес и, после долгих отчаянных усилий с нашей стороны, она начала открываться. Когда щель стала достаточно большой, чтобы мы смогли проскользнуть внутрь, мы вынули свои стержни и вошли. Коридор без дверей, в котором мы стояли, был абсолютно современным и из нашего собственного мира. Чуждая атмосфера Путей исчезла. Таясь, мы проскользнули внутрь него, но несмотря на все наши усилия, чешуйчатые подошвы издавали при трении об пол слабый шуршащий звук.

В конце коридора нам встретилась еще одна дверь. Здесь мы снова были вынуждены напрячь все наши силы, чтобы сдвинуть ее массивную плиту.

Я не смог сдержать возглас крайнего изумления, сорвавшегося с моих губ, когда мы протолкнулись за эту вторую дверь. Перед нами лежала гигантская лаборатория. Мой натренированный мозг не мог охватить значения одной тысячной чудовищных приспособлений, собранных здесь. Мы находились в тайном рабочем помещении Кепты, куда даже Ученые никогда не проникали.

Закат, отказавшийся воспринимать впечатления, которые не понимал, двинулся вперед по более низкому проходу в этой коллекции супернаучной аппаратуры. Но в один миг его самоуверенность испарилась, он издал сдавленное восклицание. И когда я присоединился к нему, то увидел ряд закрытых хрустальных шкафов, стоящих вдоль стены узкого прохода. Даже сейчас я не могу позволить себе задержаться на том, что содержали эти боксы. Достаточно сказать, что мозг, ответственный за их содержимое, должен быть крайне, не по-людски безумен.

Отвернувшись от этого омерзительного зрелища, мы побежали по проходу, наша осторожность исчезла. Если бы я и раньше не ненавидел Кепту до самой глубины души, то почувствовал бы отвращение к нему после одного-единственного взгляда на результаты его зверских экспериментов.

Мы снова подошли к спиральному подъему и поднялись, охотно уходя с этого места безумного ужаса. Зал наверху был невелик, скорее передняя для каких-то комнат, находящихся за маскирующим занавесом. Приглушенный звук голосов остановил меня, когда я потянулся, чтобы отстранить ткань.

— Это здесь, моя дорогая Фрейла. Ясно? — вкрадчивый голос Кепты донесся сквозь занавес.

Ответ был заглушен, как если бы говорящий не мог оторвать глаз от какого-то пугающего зрелища.

— Ясно.

— Тогда вы согласитесь со мной, что эта наша надежда лежит...

Слова слились в неразборчивое бормотание, как будто Кепта удалялся от нас. Я не стал дольше ждать. Потянувшись, я рванул занавес.

Глава 8

РОК НАД МИРОМ

— Гэран! — Глаза Фрейлы, расширившись от удивления, остановились на мне.

Кепта резко обернулся, рычание исказило его губы.

— Септ! Я думал, ты...

— Мертв, Кепта? Нет еще — твой луч убил другого.

— Фрэн! — опять вскрикнула Фрейла.

— Нет. Кого-то из бездны. И его компаньон вынюхал твою вину. Я бы стал держаться подальше от Путей на твоем месте, Кепта, если, конечно, ты перешагнешь порог этой комнаты живым. Но что мы выберем? Сталь против стали или силу против силы? Это расплата.

Он рассмеялся мне в лицо, его минутное смущение прошло.

— И ты думаешь, что я снизойду до обмена ударами с таким, как ты, солдат? Здесь я господин, как ты скоро узнаешь.

Он отступил к дальней стене. Мне не нужен был крик Фрейлы, предупреждавший меня. Я прыгнул, но все-таки опоздал. Под его рукой стена, казалось, растаяла и он исчез. Я ударился о твердую поверхность и был отброшен назад, на пол.

— Он скользкий, как глубоководный саурианин! — пылко заметил Закат.

Окончательно взбешенный своей торопливостью и неповоротливостью, я попытался бы ударить в эту стену своим телом, если бы не бесполезность таких попыток, видимая с самого начала. Вместо этого я начал отыскивать какую-либо дверь, которая позволила бы мне пройти за стену, чтобы преследовать Хозяина Коома.

— Нет! — оттолкнула меня Фрейла.— У нас нет времени для личной вражды или мести. Смотри!

Она указала вниз, на панель, встроенную в полу. На тусклой черной поверхности мерцали и светились крохотные булавочные головки света.

— Что это? — спросил я тупо.

— Рок надвигается на Кранд и всех нас! — я никогда не слышал такого тона совершенной обреченности, как тот, что опустошил голос Фрейлы.— Не понимаете? Это карта небес, звезд, мириадов миров, что делят с нами вселенную. И теперь один из этих удаленных миров выброшен с привычного пути и летит в пространстве: ракета, нацеленная по воле богов на Кранд! Неисчислимые сотни лет он путешествовал к нам, и было время, когда мы могли бы спастись...— она заколебалась и ее пальцы конвульсивно дернули платье.— Могли бы спастись, понимаете? Стоять свободно и смотреть, как разрушение проходит мимо! Но Кепта заставил нас потерять этот шанс, наш единственный шанс! Ему нужна была мощность для своих отвратительных экспериментов, и он предпринял непростительный акт, деяние, которое Ученые поклялись не предпринимать еще сто тысяч лет назад. Он увеличил энергию нашего солнца! И поскольку ритм нашей солнечной системы был так тонко сбалансирован, он погубил нас. Дюйм за дюймом менялась наша планета за прошедшие годы. Мы, Ученые, знали это, знали с самого начала, но не могли найти причины. И теперь эта причина просто лежит перед нами — слишком поздно!

— Но Кепта — если он знал, что означает это разрушение...

Она дико расхохоталась, топнув каблучком по крохотным гвоздикам звезд.

— Кепта умен и изворотлив. Он никогда не попадет в собственную ловушку. Он планировал покинуть Кранд, отыскать новый мир, чтобы завоевать его с помощью темного знания, где-нибудь за звездами. А Кранд мог оставаться один на один с судьбой, которую он навлек на планету!

— Но Ученые, конечно...— начал я снова.

Она пристально глядела на меня какое-то мгновение, и при этом исступление, казалось, покинуло ее лицо. Перед нами вновь была хладнокровная женщина без нервов, которая рискнула сыграть Илу во Дворце Наслаждения Сотана.

— Вы правы, Гэран, упрекая меня. У нас нет времени для диких слов и бесполезных действий. Давайте возвращаться в Ю-Лэк,

а там посмотрим, что можно сделать. И, заодно, как бы Кепта не вернулся со своей гвардией, как он угрожал.

— Тогда обратно, на Пути,— решил я.— Весь Коом, вероятно, поднят сейчас против нас. Но мост...

— Это можно будет пересечь, когда прибудем,— сказал Закат.— Слушайте!

Откуда-то прямо из стен поднимался приглушенный рокот. Фрейла ухватилась за меня.

— Они подходят! Кепта...

— А мы — уходим! Пошли.

Мы снова шли по своему следу сквозь эту, внушающую страх лабораторию, вниз по коридору с замурованными в боксах чудовищами, сквозь две тяжеловесные двери во тьму Путей. И здесь Фрейла почти повисла на мне, ибо двигалась вслепую, лишенная наших пронзающих тьму линз. Но я не находил эту ситуацию непривлекательной.

Хотя мы быстро ковыляли вдоль этого изогнутого края, шум погони постоянно звенел в наших ушах, отзываясь громким эхом в пустоте Путей. Наконец Фрейла остановилась, дотянувшись рукой до стены, чтобы успокоиться.

— Вы идите,— ее дыхание вырывалось со свистом меж зубов,— идите в Ю-Лэк, а я спеклась.

Я рассмеялся, но все-таки увидел зерно мудрости в ее словах.

— Вы правы, один из нас должен остаться, чтобы удержать эту свору до расщелины. Закат, бери принцессу и иди!

— Разве вы не видите, Гэран? Это я не могу удержать темп. Дайте мне ваш лучевой стержень...

Тут я и вправду увидел, что она «спеклась»: девушка не могла равняться своими убывающими силами с нами. На это был только один ответ. Я повернулся к Закату.

— Иди!

Он качнул головой с угрюмой решимостью, вынудив меня применить мое последнее оружие.

— Это приказ! — сказал я резко.

Его голова дернулась вверх, и он посмотрел мне прямо в глаза.

— Раз ты командуешь, я должен подчиниться. Ты не оставляешь мне ничего, даже гордости.

С этим он повернулся и пошел от нас, двигаясь так медленно, словно груз его лет внезапно обрушился на него. Фрейла взглянула на меня.

— Иди, иди! Не оставайся здесь, ради моего сердца!

Я улыбнулся.

— Три года назад я, хотя и смутно, может быть, предвидел такую судьбу. Моя судьба — служить вам, леди, и так будет до конца. Вы, не желая того, дали мне то, за что стоит бороться. Он

милостив. Ибо я испытываю себя до самого конца на ваших глазах.

— Гэран! — она посмотрела на меня ясными глазами.— Гэран, раз это конец, Кранд и его глупые обычаи не имеют больше значения! Гэран, разве ты не понимаешь? Я твоя, возьми меня; три года, долгих года я была твоей, три года, сложенных из минут, часов и дней, с мыслями о тебе, пронизывающими все это время, как золотая паутина. Зачем нужны были мне надушенные записки и ничтожное ухаживание? Мы знали!

И тут ее руки обвили меня, я почувствовал ее губы, прижимавшиеся к моим с неистовой силой. Пути, Кепта, Кранд — все было забыто, пока мы стояли в розовом тумане, в сердце нашей мечты. Фрейла была моей! Моей! Ее нежная плоть трепетала под моими руками, ее волосы, знаменитые волосы, о которых я думал так много раз, щекотали мои щеки.

Так коротки были мгновения, что мы украли у судьбы, такой обреченной была наша любовь, и все же они навсегда обогатили мою жизнь, и я знал, будут ли мои дни долгими или краткими, смогу гордо пройти по ним из-за этих мгновений.

— Должно ли это так и кончиться? — прошептала она.

И тут, при ее вопросе, любовь к жизни вновь ожила во мне: я больше не хотел холодно принимать судьбу, лежащую перед нами.

— Если мы перейдем мост...— Я подхватил ее на руки и пустился в путь.

Жуткие окрестности, очевидно, испугали наших преследователей и поколебали их наступательное движение, ибо шум за нами становился все приглушеннее, пока мы шли.

Теперь, полный желания завоевать свободу, насладиться этим изумительным подарком Фрейлы под открытым небом, я продолжал путь и силы мои, казалось, лишь росли с каждым прошедшим мгновением. Иногда мы были вынуждены отдыхать, и, когда Фрейла восстанавливала свои силы, она шла не спотыкаясь впереди меня, держа один из лучевых стержней, чтобы наш путь был виднее. На последней из наших остановок перед мостом я заставил ее уступить моим желаниям и надеть мой защитный чешуйчатый комбинезон, оставив себе только отстегивающуюся маску. Атмосферу Путей я ощущал всей своей кожей как сырую и холодную, ибо был наг, за исключением набедренной повязки. Зато Фрейла была в безопасности.

Вновь мы рискнули пойти по этому незримому пролету, который перебросили через бездну инженеры давно исчезнувшей расы. Пока мы медленно, шаг за шагом передвигались по невидимой поверхности, проявлявшейся под нашими фонарями, звуки охоты за нами выросли до криков. И когда мы уже были где-то на трети пути через бездну, светильники, которые несла эта орда, стали видны пучками света над их головами. С этого расстояния мы могли раз-

личить только черные фигуры, двигающиеся вперед и назад, но было ясно видно, что людям Кепты не хватает духа следовать за нами по лежащей перед ними незримой дороге. Так что, после долгих препирательств, только один силуэт отделился от кучки и осторожно двинулся по нашим следам.

— Кепта! — приглушенно воскликнула Фрейла.

Я гадал, какое оружие он несет с собою, и, ослабев от страха, подтолкнул Фрейлу вперед, чтобы он не испробовал на ней какую-нибудь дьявольщину вроде разрушающих лучей. К моему удивлению, он этого не сделал, только шел за нами с угрюмой решимостью. Но когда он уже изрядно продвинулся по мосту, вопли ужаса и страха донеслись от его толпы людей. Они рассыпались, заметались в панике и бросились назад по пути, которым пришли, оставив пропасть нам троим.

Кепта, после одного долгого взгляда на своих ретировавшихся последователей, спокойно двинулся дальше, и я знал, что он горит желанием увидеть нашу смерть. Я отодвинул Фрейлу в сторону, ибо моей мыслью было пойти ему навстречу. Когда же я увидел желтое пламя, сверкавшее в его глазах, мне стало ясно, что его черная разрушающая ненависть ко мне победила осторожность. Удовлетворить эту ярость, горевшую в нем, Кепта мог лишь свалив меня своими собственными руками. Он отбросил свое оружие.

Мы шли друг к другу с разных сторон, осторожно балансируя на ниточке безопасности. Фрейла держала свой стержень так, чтобы я мог видеть, куда ступаю, а у Кепты такой помощи не было, и он ставил ступни чисто инстинктивно. Пока я шел, отбросил в сторону маску и сумку со снаряжением и теперь стоял свободно. Он тоже обнажился для боя, но пока я подкрадывался на расстояние борьбы, его рука опустилась на широкий пояс и на долю секунды я увидел блеск стали.

Затем мы сошлись, как сражающиеся рептилии джунглей. Слюна с моих окаменелых зубов капала мне на кожу. Мои пальцы стиснулись вокруг зловеще сжатого кулака, другая рука потянулась к его горлу. Он был умный и сведущий боец, Кепта из Коома. Я выдержал сотни казарменных схваток, но никогда не встречал такого узла великолепных мускулов и нервов для борьбы.

Я попробовал все трюки, которые знал, один за другим, и обнаружил, что он отлично парирует каждый из них. Выступивший пот сделал нашу кожу липкой и скользящей под сжимающимися пальцами, наши глаза затуманились. Один раз он почти выкрутился, освобождаясь, и я почувствовал жгучую боль, перехлестнувшую мои нижние ребра, но удар не был точным, и прежде, чем он смог ударить вновь, я прижал его к себе. Тут-то я и увидел тень, промелькнувшую по его лицу, искаженному бешеной ненавистью, лицу, оказавшемуся так близко от меня. Краска гнева сошла с его

щек, и я догадался, что мудрость вернулась к нему, заставив его осознать, что он никогда бы не встретился со мной на земле по моему собственному выбору. Больше он не боролся за то, чтобы заставить меня упасть, теперь его борьба шла всего лишь за освобождение, чтобы использовать какое-либо другое оружие, чем его собственная сила.

Как скользкий саурианин, с которым сравнил его Закат, он извивался и выкручивался, когда я просто пытался удержать свой соскальзывающий захват. Затем, сделав выпад, он разорвал мою хватку, отбросив себя тем же самым движением вне моей досягаемости.

Он споткнулся, поднялся после падения и отскочил к началу моста. Бесполезно было следовать за ним, головокружение заставило меня покачнуться опасно близко к краю бездны. Моя вытянутая рука сомкнулась вокруг одной из гигантских цепей, что поддерживали пролет, и здесь я повис, слабый и измученный.

— Гэран! — Я с усилием поднял голову.

— Назад! — крикнул я, и мой голос зазвенел в пустоте.— Возьми маску и все станет ясно. Он планирует сжечь нас лучом!

В ответ она еще раз шагнула туда, где я шатался у поддерживающей цепи.

— Я думаю — нет,— спокойно ответила она.— Смотри, как ты и предсказывал, мщение поднимается из бездны!

Сквозь туман, все еще клубившийся у меня перед глазами, я увидел серебристые силуэты, которые спиралями поднимались из пучины тьмы. Спокойными ударами своих могучих крыльев они пролетели мимо нас и скрылись, как боевые стрелы, идя по следу Кепты.

Что случилось, когда они упали на бегущего коомианина, какое страшное дело совершилось в этой тьме, мы видеть не могли, но когда оттуда донесся дрожащий вопль, крик страха, смешанного с неуемным ужасом, я догадался, что эти, из внутреннего мира, полностью выплатили свой долг. Плоды греховных исканий Кепты привели его, наконец, к собственному концу.

Птицеподобные проследовали сквозь мрак назад, скользнув мимо нас и не удостоив нас даже взглядом. И было или не было в их лапах с присосками обмякшее тело? Я думаю, что было, но мои глаза, возможно, мне изменили.

Мы думали, что они уже ушли, когда последний оказался над нами. Он покружился и спустился вниз, где его присасывающиеся лапы коснулись поверхности моста. Третий раз эти жуткие пурпурные глаза на лишенном черт лице остановились на мне.

— Ну, человек, исполнив свое желание, ты возвращаешься во внешний мир? Но я думаю, вы не долго задержитесь там. Мы тоже умеем

читать предупреждения, расставленные среди звезд, которых никогда не видели. Кранд нес нас вперед, теперь мы оставляем его, как кожу, из которой выросли. Следуй свободно, без страха перед нами, человек. Мы навечно отделяемся от вас.

Взмахи его крыльев стали стремительнее, он поднялся и ленивыми кругами скрылся в бездне. Мы остались одни.

Но пока мы медлили здесь, пытаясь собрать свои мысли воедино, отдаленные оклики откуда-то впереди нас загремели в наших ушах.

— Там помощь,— сказал я.

Мне показалось, что Фрейла вздрогнула, и лицо ее исказилось, будто какая-то маска вновь скользнула на место. Она медленно повернулась, и легкость, казалось, уходила из ее шагов.

Вместе мы пошли вперед; снова и снова я повышал голос в ответ на вопрошающие возгласы. Мы издалека увидели отблески света их лучевых стержней.

Но вместо того, чтобы ускорить шаги, Фрейла пошла еще медленнее, и взгляд ее остановился на мне. Только я не мог прочитать значения в его глубине. Экзальтация затопила меня. Разве не она охотно лежала в моих объятиях? Разве не была она моей?

Закат, Анатан и Фрэн остановились у сломанного края моста. Они держали веревочную сеть так, что мы могли перелететь к ним в сравнительной безопасности, избежав неопределенности моего первого прыжка. Фрейла шла первой, и когда я увидел, что она безопасно приземлилась в объятия Фрэна, быстро приладил веревку вокруг своего тела. Мгновением позже я повис над тьмой и руки Анатана подхватили меня.

— Кепта? — задал вопрос горлианец.

— Те, из глубин, затребовали его.

— Вы ранены! — рука Анатана скользнула по запекшейся крови на моих ребрах.

— Только царапина.

Но при свете фонаря Анатана, Фрэн осмотрел меня и забинтовал ничтожную царапину полосой шелка из своей сумки. Затем он подготовил шестой чешуйчатый комбинезон, который нес, и помог мне надеть его.

Все это время я не отрывал взгляда от Фрейлы, что стояла в стороне со своей служанкой, и с растущим беспокойством видел, что она старательно отводит глаза.

— Итак, Кепта исчез,— сделал замечание Фрэн, пока я возился с застежкой перевязи своего меча.

— Да, и удалился не самым приятным способом,— я про-

должил описание происшедшего и появление крылатых жителей бездны.

— Кепта ушел,— задумался горлианин,— Коом окончательно сломлен. Теперь остается Кранд.

Я увидел, как поднялась голова Фрейлы.

— О да,— ее голос был спокоен, хотя губы дрожали.— Теперь остается Кранд.

Глава 9

СПАСЕНИЕ

Мы торопливо повторяли свой путь, ибо теперь знали суть того, что предстояло нам, и жаждали выбраться наверх. Я не сомневался, что существует какой-либо способ избежать надвигающегося несчастья. Крылатые из бездны намекали на это, и Фрейла утверждала, что подготовка Кепты к полету была почти закончена.

То, что хотел сделать Кепта, должны теперь сделать мы, если, конечно, времени осталось достаточно. Так что одна часть моего сознания была занята мыслью о спасении, в то время как другая витала вокруг тех мгновений, когда на Путях Фрейла и я вырвали толику радости из пасти смерти. И думая о том, какой она была тогда, я не мог понять, почему она постоянно избегает меня теперь.

Она торопливо шла впереди, удерживая рядом с собой Анаталию, в то время, как я был вынужден отвечать на вопросы Фрэна, дождем сыпавшиеся на меня.

Его поиски на боковой ветви Путей привели в странную пещеру, смертоносную, похожую на болото, где жуткие и пугающие формы жизни таились между гигантских грибов. Один раз он и его сотоварищи были вынуждены выжечь себе дочиста путь своими лучевыми стержнями. Но когда в течение установленного времени они не нашли никакого ключа к дальнейшему, то вернулись, чтобы пойти нашей дорогой, и подошли к мосту как раз вовремя, чтобы увидеть, как Закат прыгает через провал.

Еще раз мы подошли к возвышению, ведущему из этого ужасного места, и прошли через холл, где танцовщицы Кура плели свои странные узоры. Вокруг нас лежал покинутый и пустынный Дворец Наслаждений. В каждой комнате, через которую мы проходили, были следы торопливого бегства ее обитателей. Но нигде не было видно ни души.

Снова Анаталия провела нас по проходам в стенах дворца, но на этот раз мы выбрали те, что вели нас под городскими улицами к отверстию, оканчивающемуся на окраине королевских садов, к проходу, который был сооружен по приказу Фрейлы, когда было

впервые задумано ее безумное предприятие во Дворце Наслаждений.

Была ночь, когда мы вышли на свежий холодок влажного от росы дерна. И я был рад снова глубоко вдохнуть промытый дождем воздух верхнего мира. У нас не было способа определить, как долго мы пробыли на Путях.

Мы быстро направились через сады, ибо таков был план Фрэна, чтобы показаться прямо Императору и рассказать ему свою историю. Когда мы добрались до громады дворца, он, избежав наиболее посещаемых залов и переходов, проследовал кружным путем к одной из внутренних комнат.

Он только раз властно ударил в дверь и распахнул ее настежь. Так бесцеремонно мы ворвались на заседание Совета в полном составе. И при виде Фрейлы Император с возгласом вскочил на ноги.

Тут вокруг нас сгрудились все и стали требовать немедленных ответов на мириад своих вопросов.

Я слушал отрывистый пересказ нашей истории, который вел Фрэн, и мало обращал внимания на него и его слушателей, ибо смотрел на Фрейлу. Когда горлианин подошел к концу, Император глубоко вздохнул.

— Так вот как это было. Для Кепты хорошо, что он не предстал сейчас перед нами. Но мщение худшее, чем все, что мы можем себе представить, дало себе выход, если вы говорите правду. Коом не представляет больше угрозы. Тогда остается лишь рок, который навлек на нас его повелитель. Не позволяйте себе ни слова из ваших уст об этом деле, на Кранд не должно быть наслано безумие. Наша жизнь внешне должна идти, как обычно, но в тайне мы можем подготовиться к концу. Сколько у нас времени, дочь? — он повернулся к Фрейле.

— Кепта сказал, что три месяца, прежде чем начнутся худшие изменения.

— Так мало? Тогда нам остается лишь согнуть наши спины в тяжелейшей работе. Дайте нам десять часов, чтобы собрать силы, и тогда мы встретимся снова.

Так он внезапно отпустил нас. Фрейла и Анаталия выскользнули через дальнюю дверь, не бросив ни взгляда назад. Закат, Анатан и я отбыли так незаметно, как только могли, в мою штаб-квартиру. Фрэн остался с Императором.

Добравшись до убежища в моих собственных апартаментах, я вымылся и бросился на постель, чтобы метаться там, лежа с открытыми глазами, пока мой мозг сверлили все те же проблемы. Наконец я задремал, погрузившись в полное видений забытье.

При втором экстраординарном собрании Совета мы встретили тех из Коома, на кого Император мог положиться, и некоторых членов других каст, которых сочли достойными доверия. И добрых

четыре часа или больше ведущий астроном Кранда читал нам лекцию, касающуюся разрушения нашей планеты и соседствующих с ней.

Еще в древности было доказано, что жизнь в том виде, как мы ее знаем, не может существовать ни на одной из двух других планет, которые делят с нами наше солнце. Но другие солнечные системы открыто лежали перед нами. Одна такая, в нескольких сотнях световых лет от нас, гордилась девятью планетами, одна из которых была новорожденной. Этот неостывший еще мир должен был стать нашей целью.

Когда это было предварительно решено, они повернулись ко мне за советом по поводу космических кораблей. Я выложил им все немногое, что знал.

— Ускорение, необходимое, чтобы космический корабль разорвал объятия притяжения Кранда, может убить путешественников прежде, чем будут пробиты все слои нашей атмосферы. Это должен быть корабль, радикально отличающийся по конструкции от всего, что мы когда-либо представляли себе, и с большей мощностью, чем любой из ныне существующих.

Фрэн кивнул.

— Но мы можем сейчас доставлять энергию в избытке, — сказал он угрюмо.

— Вы думаете?

— Источник Кепты лежит прямо перед нами. Используем его солнечную энергию.

Остальные слегка отодвинулись от выступавшего.

— Вы снова хотите нарушить древний обет? — тихо спросил Император.

Фрэн оглядел нас всех.

— Мы должны ясно понять, что предстоит нам. Для Кранда и большей части его населения будущего нет. Для горсточки, которая пронесет нашу расу дальше и построит мир заново, лучше, чем сделали это мы,— для них есть надежда. Один-единственный корабль, такой, как говорит лорд Гэран, корабль, постоянно обеспечиваемый неистощимой солнечной энергией, может освободиться. Вопрос, который стоит теперь перед нами, в том, бросим ли мы сами себя и нашу планету в период судорожной работы, чтобы ничтожная часть населения планеты могла прорваться сквозь пространство к безопасности. Осмелимся мы сказать, что достойны такой жертвы для части наших товарищей?

Император повернулся к одетой в белое фигуре справа от него, Верховному Жрецу Храма Знаний. Тона разгладил свою хламиду морщинистыми ладонями, и его старые-старые глаза, казалось, пристально всматривались в будущее.

— Он не закрыл для нас этот путь, так побоимся ли мы идти

по тропе, которая указана им для нас? — спросил жрец медленно.— Если те, кто идет, достойны доверия, мы сможем выполнить задачу, поставленную перед нами. Но с этим я говорю, люди Кранда, дни Ученых — в прошлом. По нашей вине рок обрушился на этот мир, посему в недолгие дни, еще оставшиеся нам, не должно быть Ученых и прочих, только братья, тяжко работающие для общего блага.

Слабый ропот сопровождал его речь, и мое сердце дрогнуло. Значит, барьер исчез, тогда Фрейла действительно моя, будь что будет! Я был свободен объявить о том, что она подарила мне, когда смерть находилась рядом с нами на Путях.

— Лорд Гэран.— Я с усилием призвал к порядку свои мысли и посмотрел на Императора.— Более, чем кто-либо из нас, вы знаете тайны воздушных конструкций. Наши эксперты под вашим руководством. Что вы можете предложить нам?

— Есть один человек, некто Хэй-лин из Кэмпта, который экспериментировал последние два года с межпланетными кораблями. Он достиг успеха, посадив ракеты на нашей соседке, Сойу. Но будет необходимо доверить ему наши тайны полностью.

— Вы ему доверяете?

Я заколебался.

— Я очень мало знаю о Хей-лине, кроме того, что узнал, контактируя с ним по работе. В течение последнего года он раз в месяц рапортовал мне о прогрессе своих экспериментов, но я ничего не знаю о нем лично. Тем не менее он сейчас единственный человек на Кранде, кто может решить нашу проблему.

— Хм...— Император потер пальцами подбородок.— Лорд Закат, что с вашими шахтами в Ру? Можете вы повысить их добычу вдвое, вероятно, в течение следующего месяца?

— Развяжите мне руки, и я попытаюсь,— ответил этот офицер с угрюмой осторожностью, хотя его ответ, кажется, обрадовал Императора.

— В таком случае остается выбрать некое обширное место, пригодное для закладки нашего корабля, и начать там работу. На время я должен освободить вашего инженера от его обязанностей и приказать ему рапортовать мне. Лорд Закат получит новые заказы на суда для Ру. И, слава Ону, мы сохраним наш Совет до конца. Вы согласны, милорды?

Один за другим они давали свое согласие, так это было решено.

Следующий месяц был периодом кошмаров, скрытой активности для всех нас. В то же самое время смута, посеянная Кептой, росла и расцветала так, что постоянно существовали угрозы восстаний и мятежей, осложнившие мою службу. Если бы не Анатан, которому я доверял все больше и больше с каждым днем беспокойства, я никогда не смог бы удержать армию в порядке. Юный холианец,

казалось, стал старше годами и был готов встать по моему призыву в любой час. Кроме того, что я хотел его помощи и что он нравился мне, у меня были еще другие мотивы держать его при себе, так как только через него я мог что-либо услышать о Фрейле. Анаталия, его сестра, должна была стать первой статс-дамой и постоянно пребывать в свите принцессы. И за все это время я не встречался с Фрейлой лицом к лицу.

Однажды вечером я сидел один в своей комнате, изучая отчеты из Ру, содержавшие личные замечания Заката о ситуации там, когда вошел Анатан и опустил маленькую металлическую коробочку с сообщением на стол передо мной. Рулончик шелка внутри нее нёс одну единственную строку:

«Грот на восходе луны».

Подписи не было, и я растерянно разгладил его.

— Где вы это взяли?

— У Анаталии,— коротко ответил он.

Зная теперь, из чьих рук это пришло, я торопливо сунул записку в свою сумку, но Анатан медлил рядом со мной, с ясно написанной на лице нерешительностью.

— Ну?

Он вытянул руку в беспомощном жесте.

— Это некрасиво! — крик, казалось, сорвался с его губ, потом он повернулся и убежал от меня, будто я был демоном ночи.

Весьма удивленный причиной его выходки, я подошел к окнам. До восхода луны оставалось недолго, и сердце бешено забилось в груди. Я схватил длинный темный плащ, полностью скрывавший мою военную форму, накинул его на себя и заторопился наружу.

Мой личный флайер сел точно на посадочную площадку дворца. Я поспешил вниз по склону, отвечая паролем встречным охранникам. Ветер садов был прохладен, и никогда обреченный Кранд не являлся моим глазам таким прекрасным, как этой ночью, когда я шел через императорские аллеи в поисках того грота, где мы задержались однажды.

Я пришел рано. Среди деревьев меня никто не ждал. Я шагал взад и вперед по полной теней лощине, сжигаемый нетерпением. Ждать мне пришлось недолго. Через кусты, хорошо мне знакомые, подошла белая фигура.

— Фрейла!

Мои руки сомкнулись вокруг ее покорного тела, мои губы ощутили свежесть ее кожи. Но она высвободилась и, прижав руки ко рту, отпрянула от меня.

— Что я сделал, дорогая? Испугал тебя?

Она качнула головой, и в проблеске лунного света я увидел, как слезы скользят по ее бледным щекам.

— Это я, я виновата, Гэран!..

— Ты устала, наверное? — прервал я ее в нетерпении.— Тогда я не стану беспокоить тебя, милая!

— Нет, нет! — ее голос поднялся почти до выкрика.— Как я могу рассказать тебе?

Ее тонкие пальцы сжались; слезы все еще капали прямо на цветы, приколотые к ее платью. Затем она, видимо, обрела какое-то самообладание.

— Ты ничего не сделал, ничего, Гэран, что не было бы правильным, благородным и всегда хорошим. У тебя и у меня будет что вспомнить, когда... когда...— ее голос упал.

Теперь уже я трепетал, и холод тронул меня до самых костей, ибо я узнал каким-то образом, что счастье изменило мне.

— Что же такое ты должна сказать мне, Фрейла? — спросил я так мягко, как только мог.— Не бойся меня, любимая!

— Я не свободна в жизни и любви, Гэран, не вольна в выборе радостей жизни. Издан декрет, что впредь, для блага Кранда, я принадлежу Фрэну. И знай глубину моего греха, ибо я уже была обещана Фрэну, когда стояла на Путях и выкрикивала слова любви, принадлежащей тебе. Я должна была принадлежать Фрэну с момента моего возвращения из Храма Света. Отвернись от меня сейчас, Гэран, ты имеешь теперь на это право. Я предала нашу любовь, я слишком слаба.

Теперь я чувствовал холод, прокравшийся до самого сердца.

— Вы стали супругой Фрэна? — спросил я сквозь стиснутые зубы.

Она вздернула голову.

— Нет, и не думаю, что когда-нибудь буду ею. Когда я впервые увидела тебя лицом к лицу в кабине управления отцовского корабля, когда наши глаза встретились и глубоко заглянули в тайны сердца каждого из нас, тогда я узнала, что никого другого я не смогу когда-либо честно взять в супруги, ибо ты — мой, Гэран, и я твоя, пусть даже миры колеблются между нами. Так было раньше и будет снова! Когда они настаивали на Фрэне, я откладывала и сопротивлялась, теряя время, в надежде, что судьба в какой-нибудь день сжалится. И когда мы стояли рядом на Путях, я думала, что смерть пришла, чтобы решить нашу безнадежную задачу, и тогда заговорила. Но мы прорвались, и теперь подходит конец всем моим помыслам. Сегодня днем Фрэн был избран руководить полетом с Кранда, и я пойду с ним. Мой день ясен до жестокости. Я должна отложить в сторону любовь. В сторону, Гэран...

Ее голос становился все слабее и наконец пропал. Она опустилась на скамью, уставившись широко открытыми глазами сквозь деревья, которые маскировали наше убежище. Я резко рассмеялся, и горечь этого звука резала даже мой собственный слух.

— Выходит, солдат должен посторониться. Вы так решили,

вы, Ученые. Ну, а если солдат не захочет, Фрейла? Что, если я оглашу то, что ты говорила, что ты на самом деле принадлежишь мне?

— Гэран,— у нее появились новые слезы.— Гэран, я поступила жестоко, но не вынуждай меня навсегда запомнить этот час только печальным! Я заставила потускнеть нашу любовь, но ты сломал бы ее!

— Виноват. Я больше не стану бунтовать, Королева. Гэран вернется на свое место, где может пригодиться Кранду,— с этими словами я повернулся и покинул ее, не обращая внимания на крик, который последовал за мной, ибо меня охватило кровавое бешенство и весь мир вокруг себя я видел сквозь темно-красный туман.

Когда я снова очутился один в своей запертой комнате, то уставился на стену тусклыми, невидящими глазами. Всю ночь я метался по комнате, но едва наступило утро, я подавил свой внутренний мятеж. За эти горькие часы во мне что-то умерло, сломалось навсегда, возможно, это был дух моей голодной и безрадостной юности.

Я холодно шел сквозь дни, что оставались мне, механически выполнял задания, которые должен был исполнить. Мои эксперты работали в пустыне Кор, где на своих опорах медленно обретал форму космический корабль. Закат творил чудеса у себя в Ру, откуда доходили рассказы о его безжалостном правлении. Анатан по-прежнему крутился около меня, глядя полными печали глазами. Но я шел своим одиноким путем.

Было решено выслать вперед луч конденсированной энергии, прямой луч, чтобы ударить им по планете, избранной в качестве нашей посадочной площадки. Внутри этого гигантского туннеля чистой энергии корабль пулей безопасно промчится к цели своего назначения. Невидимые стены будут охранять от блуждающих метеоров, спасать путешественников. Но времени проверить эту нашу теорию не было. Уже сейчас надвигающийся рок тяжело навис над нами — сияющий шар размером и цветом, как апельсин, в ночном небе.

За три недели до конца мы были созваны на последнюю большую конференцию в Ю-Лэк. Больше невозможно было хранить тайну судьбы Кранда: конец почти настал. Уже были подъёмы суши и две приливные волны с серией растущих по интенсивности землетрясений.

Этой ночью мы собрались, чтобы выбрать тех, кто дерзнет выйти в космос, чтобы могла спастись хоть какая-то часть нашего мира. Фрэн и Фрейла сидели вместе, и перед лордом Горля лежал список имен. Было ясно, что эти смельчаки должны быть юными и сильными, способными хорошо переносить тяготы космического путешествия. И немногих из собравшихся здесь можно было причислить

к этой категории. Но пока они слушали, ни тени не легло на их лица.

Имя за именем было прочитано. Я был сильно обрадован, услышав, что и Анатан, и Анаталия, оба включены в список. Но когда наконец Фрэн закончил, я выразил протест.

— Милорды, вычеркните мое имя.

— Но вы нужны нам...

Я оборвал ответ Фрэна.

— У вас будет мало необходимости в солдате на вашей новой, неосвоенной планéте. Я останусь здесь, где буду иметь какую-то цену в беспорядках этих последних дней. Нет, я не полечу. Я принадлежу Кранду и Кранду буду принадлежать до конца.

Я посмотрел на Фрейлу. Вся горечь и ненависть ушли от меня, и я смотрел на нее с улыбкой. Я видел, как ее рука коснулась дрожащих губ и двинулась ко мне. Я был доволен.

Так, несмотря на всю их настойчивость, я держался принятого решения. И Анатан остался бы со мной, если бы я не заставил его просто-напросто сесть в транспортный флайер, который должен был взять их в Кор, к кораблю.

Фрейла подошла ко мне в последний момент.

— Любимый,— сказала она ясно.— Сейчас ты подарил мне воспоминание более драгоценное, чем сокровища тысячи королей. До нашей следующей встречи, прощай! — И на виду у всех она прижала свои губы к моим.

Затем они ушли, а мы стояли на посадочной стоянке, глядя на черное пятнышко, быстро стирающееся от расстояния. Закат пошевелился первым. Он повернулся ко мне, протянул руку; старые морщины рассекли его грубое лицо.

— Ты был хорошим товарищем, Гэран. Когда мы встретимся за звездами, у нас будут длинные истории, чтобы рассказывать их друг другу, у тебя и у меня. А теперь прощай.

— Куда ты собираешься? — задал я вопрос.

— Назад, в Ру. Я в достаточной мере солдат, чтобы желать остаться на своем посту до самого конца.— И его флайер тоже исчез в туманном небе.

Я остался один.

Глава 10

ТЬМА

Мы находились на верхушке самой высокой из наблюдательных башен Ю-Лэка. Мое тело было прижато к камню так, что я мог ощущать его сквозь плащ. Но внутри меня было спокойствие самой смерти.

— Поднимается!

Был ли это голос Императора, или глухие удары крови в моих висках сошлись в слова?

Из-за отдаленных гор виднелось огненное пятно, расцветающий побег пламени. Прерывистый рев... Шум обезумевшего города был поглощен и исчез, но с поверхности нашей разбитой планеты поднималось копье света, все выше и выше. Копье сопротивления воле богов, преграждавших путь. У меня вырвался глубокий, прерывистый вздох. Рука Императора легла мне на плечи.

— Там уходит от нас сердце Кранда. Разве это не стоящая награда, сын мой?

«Нет!»— горячо ударила в мои вены кровь.

Я посмотрел прямо в его прекрасные глаза.

— О да! — мои губы сформировали ответ, которого не чувствовало сердце. Именно тогда, когда я ждал, копье пламени вывернулось в пространство. Небеса были темны, снова шел дождь. Снизу доносились крики сходящего с ума от страха и ненависти мира.

— До последнего, сын?

— До последнего.— Я скрепил печатью союз между нами.

Мы повернулись и бок о бок спустились с наблюдательного пункта к улице. Там мы разделились, он — чтобы выполнять свой долг, я — свой.

Как солдат я знал, что с этого мгновения и до конца должен буду использовать все свои силы и всех людей, из находящихся под моим командованием, чтобы сохранить порядок. Я хорошо понимал, что это была неблагодарная задача, и представлял всю ненормальность этого, пока торопливо двигался к казармам сквозь сгрудившиеся бесчинствующие толпы, заполнявшие улицы. Никакая сила под солнцем Кранда не могла надеяться навести порядок в этом хаосе — но попытаться мы были обязаны.

Повсюду в безнадежном смятении метались толпы. Некоторые затевали бессмысленные акты насилия, открытые уличные стычки, грабежи и поджоги зданий. С чувством гордости, которое держится и по сей день, я видел яркую форму моих собственных солдат, когда они буквально бились за то, чтобы сделать то немногое, что могли, лишь бы сохранить хоть какой-нибудь слабый контроль над положением. На каждом углу улицы, казалось, выросло по оракулу, некоторые из них молились, другие провозглашали проклятия на Ученых за приближающееся светопреставление, побуждая своих слушателей на насилие в лишившемся рассудка мире.

Я с боем проложил свой путь, приветствуя физическое действие, которое хранило меня от лишних мыслей. Было тяжело представить, что миледи Фрейла ушла, если не сменились планы, по своему пути, сквозь гигантское межзвездное пространство к другой планете и другой жизни, в которой мне не было места.

Я не был бы самим собой, если бы не смирился с такой потерей. Напротив, и тут, и там я клялся Ону, что, если бы он дал мне другое воплощение, хоть когда-нибудь, где-либо в другом мире, что, как думали некоторые из наших людей, было возможно, я смог бы вновь обрести смысл жизни, которым была Фрейла. И тогда — ничто, ни силы Богов, ни человеческие, не разлучили бы нас.

Держась за эту клятву, как моряк, приученный штормом, держится за спасательный плот, я добрался до казарм. Воинские части шеренгами выходили в окружающий хаос, чтобы противостоять ему.

Единственным, кто мог за этим наблюдать, был Ана, пытавшийся раздразнить грифона. На каждый акт насилия, предупрежденный войсками, приходилось на тысячу больше, дошедших до кровавого конца.

Следующие несколько дней были кошмаром неблагодарной и непрестанной деятельности. Настоящей ночи или дня не было — только долг и страшная усталость как ума, так и тела. Вся здоровая жизнь на Кранде, казалось, остановилась. Дворцы наслаждений были заполнены теми, кто искал забвения. Половина зданий в Ю-Лэке были разграблены и опустошены. Мы не арестовывали — не было ни времени, ни тюрем, а творили общее правосудие для каждого преступления. Только немногие продолжали вести нормальную жизнь и выполнять обычный долг: мои собственные люди, к моей вечной гордости, полиция и большинство Ученых. Если кому-нибудь было нужно доказательство зла, сотворенного безумием Кепты, ему надо было только открыть глаза и посмотреть.

Я оставался так занят в эти последние дни безумия Кранда, что имел очень мало времени думать о Фрейле или гадать о судьбе космического корабля.

На четвертый день подряд без сна и почти без отдыха я понял, что должен найти какой-то отдых или упаду прямо на ходу. К тому же, у меня было поручение во Дворце. Я устало прошел весь путь до крыши, где стоял мой флайер, и вышел навстречу пронизывающе холодной, овеваемой ветрами, кроваво-красной заре. Надо мной угрозой нависла надвигающаяся на нас планета, молох, покрывающий четверть неба. Я знал, что, если наши Ученые не ошиблись, сейчас был близок миг, когда Кранд расколется на куски.

Поднимаясь над опустошенным городом, я увидел, что сейчас у нас есть еще один безжалостный враг. Гигантские волны били по опускающимся берегам, разрушали стены, которые простояли неизменно долгие поколения, принося гибель любому, кто замешкался там чересчур долго.

Действуя по внезапному побуждению, как предупрежденный, я на пределе скорости рванулся ко Дворцу. Император и я заклю-

чили договор, я был уверен, что он охотнее встретит свой конец в чистом, дарованном Оном, воздухе. Ни он, ни я ничего больше не могли сделать для мира, где родились.

Я летел против порывов могучего ветра по той же самой необходимости выполнения приказов, что поддерживала меня на моем посту все эти безумно страшные дни. Управление флайером было врагом, с которым я должен был бороться со всей моей силой. Подо мной содрогались здания, трясясь подобно молодым деревцам в жестокий шторм, от которого шел оглушающий ревущий звук. Моя машина больше не реагировала ни на какое управление, что бы я ни предпринимал. Пока она вращалась, я мельком увидел меняющиеся местами землю и небо. Здания вдребезги разбивались на обломки над бегущей мелкотой, которой казались люди. Огромные волны откатывались назад, унося с собой щебень расколотых каменных туш.

Темнота — и вместе с нею паника, как физический удар по телу. Я ожидал всего, чего угодно, но это, несущее с собой все вековой давности страхи человека, было намного хуже любых возможных предположений. Это длилось один миг, пока нечто слишком большое, чтобы измерить глазом, прошло мимо и ушло в пространство. Внезапно я понял: Кранд раскололся и появилась новая луна — или Кранд ушел, вращаясь, и здесь оставалась луна?

Мой флайер полностью вышел из-под контроля, ветер со скрежещущим воем бил и трепал его. Только ремни сиденья пилота удерживали меня от возможности быть избитым до смерти. Дыхание... я не мог больше дышать... Сейчас, когда тьма опускалась на меня, я видел не хаос мира, такой, на который ни один человек не мог никогда взглянуть и остаться в живых. Я видел Фрейлу — Фрейлу, какой она была и всегда будет для меня!

На один долгий миг возникло между мною и миледи Фрейлой благоговейное молчание — и я был сейчас Гэран Пламенный пещерного города Тав. Те сцены, которые мы видели, были слишком живы в нашей памяти и даже сейчас слишком болезненны.

И кто я? Гэран из Ю-Лэка, что существовал — как далеко во времени, может ли кто-либо исчислить это сейчас? Или Гэран, который существует — здесь и сейчас, способный обрести потерянное и обладать им?

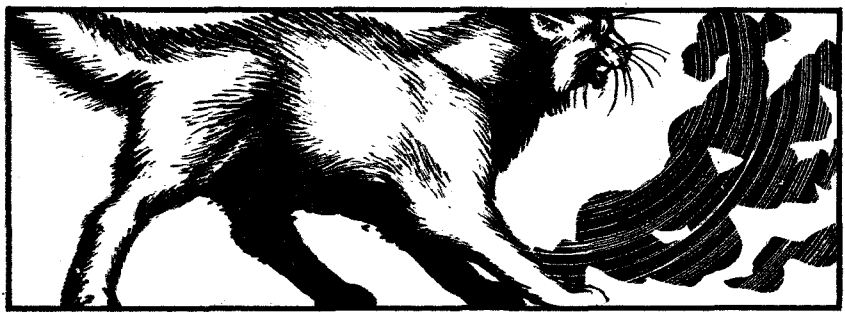
Фрейла... Я взглянул на нее, старательно стряхивая ту дозу прошлого, что опутала меня. Она рядом со мной, мои руки обнимают ее. Мы неразлучны — теперь и навечно.

Комната, где мы стояли, была забыта, зрительные зеркала ныне слепы.

Поиск был завершен — цель достигнута.

КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ

роман



ГЛАВА 1

Тикил, в сущности, представлял собой три города, два из которых были отмечены на карте северного континента Корвара, а третий — рана, нанесенный войной рубец, все еще не залеченный. Северная и Западная части Тикила были экзотическим цветком планеты, вбирающей в себя богатства с первого поселения, а в примыкающей к космодрому Восточной части Тикила находились тысячи различных заведений: склады, магазины, мастерские,— необходимые для ровного течения жизни в этом экзотическом цветке, где, осуществляя свои капризы, наслаждались жизнью три четверти элиты галактического сектора.

В Южной части находилось скопление мрачных непривлекательных построек — Диппл. Жить здесь — значило принадлежать к низшему классу. У человека из Диппла было три возможности пробиться: он мог попытаться прожить без гражданства и разрешения на работу в Центральном распределительном пункте, соперничая с такими же, как он, и надеясь на предоставление работы; он каким-нибудь образом мог собрать необходимую сумму для уплаты большого вступительного взноса и попытать счастья в процветающей и опасной, но незаконной Воровской Гильдии; он, наконец, мог подписать контракт на работу вне планеты и в замороженном состоянии улететь, не имея ни малейшего представления о том, что его ожидает.

Пять лет тому назад пришла к мертвой точке Война двух Секторов. Две главные соперничающие силы разделили «сферы влияния». Несколько больших и некогда богатых планет были списаны со счетов, поскольку ни один человек не решался высадиться на мирах, превращенных в шлак, но окраинные миры перешли во владения той или иной из главных держав — Союза и Конфедерации, и в результате этого несколько наций неожиданно оказались бездомными.

А еще лет на десять раньше, в самом начале войны, проводилась насильственная эвакуация с таких окраинных земель: пионеров сгоняли, чтобы разместить военные базы и замаскированные батареи. Так на Корваре, далеко от линии фронта, появился Диппл. В начальный период повышенного патриотизма поселенцы Диппла встретили хороший прием, но когда их родные планеты были или уничтожены, или проданы за столом переговоров, вспыхнули возмущения, а на некоторых планетах прошли демонстрации с требованием избавиться от докучливых переселенцев.

И вот теперь в Тикиле, перед рассветом, у внешней стены Центрального распределительного пункта сидели, понурившись, или слонялись у двери, где проходила граница между имущими и неимущими, люди из Диппла.

Трой Хоран следил за разгоравшимся золотом неба, так как наблюдать звезды было слишком поздно. Он попытался вспомнить небо на Нордене, и в его сознании вспыхнула одна из ярких картин-воспоминаний.

Над волнистой травяной равниной, где трава была сразу розовато-лиловой, бледно-зеленой и серебряной, опрокинулась серебряная чаша. Когда трава волновалась под ударами ветра, ее цвет менялся. Хоран знал тепло постоянно полуприкрытого радужной туманной вуалью солнца, чувствовал игру мускулов животного, на котором сидел. Это было одно из его последних воспоминаний о Нордене. Они широкой дугой огибали стадо пасущихся тупанов, следя, чтобы животные не ушли к сыпучим пескам у реки.

И именно в это утро, выжигая большие круги на равнине своими выхлопами, с неба спустились корабли Совета. А через три дня вместе со всем своим народом Трой покинул Норден в направлении Корвара. Их было трое Хоранов — маленькая семья. Но втроем они оставались недолго. Отец, спокойный и серьезный человек, способный установить странное взаимопонимание с любым животным, надел военный мундир и исчез в пасти транспортника, чтобы никогда не вернуться.

После этого Диппл поразил Большой Кашель, оставивший в живых только Троя Хорана — долговязого юношу с унаследованными умением и желанием, для которых на Корваре не было места. Кроме того, он обладал упрямой яростной независимостью, удерживающей его от искушения подписать контракт или вступить в Гильдию. А еще он был индивидуалистом — не воспринимал приказы. В Диппле после смерти матери близких знакомых у него не осталось, и вообще, из тех, кто прилетел с Нордена, их оставалось мало: мужчины вступили в армию, а их семьи, по какой-то причине, оказались особенно восприимчивы к Кашлю.

Дверь, ведущая в их будущее, отворилась. Сидевшие у стены мужчины встали. Хотя Трою нечего было приводить в порядок,

руки механически прошлись вдоль его длинного торса. Некогда синие полюшенные форменные брюки, вытертые до серого; башмаки, несколько широковатые для его узких ступней, с позвякивающими при ходьбе магнитными включениями; верхнее платье, напоминающее камзол без рукавов — все это контрастировало с широким поясом норденского всадника. Хорошо смазанный, с отполированными до блеска серебряными звеньями, образующими рисунок, этот пояс был единственным наследством Троя. Если бы он сейчас ехал по равнинам Нордена, а впереди галопировали тупаны — что ж, на их кремово-белых шкурах было бы клеймо такой же формы. Его отец, Ланг Хоран, был Хозяином Пастбища и Владельцем Стада.

Молодой, сильный и упрямый Трой находился поблизости от механического приемщика и с напряженной ревностью следил, как три человека перед ним побежали к штамповщику, чтобы получить рабочий знак на запястье, дающий им свободу передвижения в городе на один день. Но вот перед бездушным микрофоном и он сам.

— Хоран, класс два, Норден, законная работа...— эта старая формула произносилась им день за днем. Он стоял, словно перед ним находился готовый к схватке противник, а не машина: слегка расставив ноги и балансируя. Он сосчитал про себя до пяти, и в нем затеплилась искорка надежды, поскольку не был отвергнут немедленно, следовательно, у приемщика есть требование, которому Трой подходит по своим данным. Но прежде, чем приемщик задал вопрос, ему пришлось досчитать до десяти.

— Знание животных?

— Как у всякого норденского всадника...— Хотя это была не совсем правда, но надежда Хорана возросла.

Приемщик задумался. Несмотря на возбуждение, Трой чувствовал нетерпение стоящих за ним людей, только размышления машины были такими обнадеживающими...

— Нанят.

Трой вздохнул с облегчением.

— Срок найма — неопределенный, наниматель Косси Кайгер. Первый уровень, шестой квадрат. Явитесь туда немедленно.

Когда Хоран направлялся к штамповщику, подошвы его громко стучали. Он сунул руку в щель и почувствовал мгновенный жар — на его запястье был нанесен рабочий знак.

— Первый уровень, шестой квадрат,— повторил он из чистого удовольствия, что может назвать адрес своей работы.

Шестой квадрат находился на окраине делового района, а это означало, что Кайгер — торговец, занимающийся торговлей предметами роскоши высшего класса. Только непонятно, почему такой торговец испытывает нужду в работнике, лишенном гражданства. Обычно служители и высококвалифицированные продавцы таких

магазинов были полноправными гражданами. И при чем тут животные? Выставляя напоказ временно татуированную руку, чтобы избежать вопросов патрульных, Хоран свернул на одну из быстродвижущихся дорожек.

Было еще довольно рано, и поэтому пассажиров на дороге было мало. Над головой по воздушным линиям двигалось лишь несколько частных флиттеров. Большая часть витрин была закрыта ставнями, потому что туристы из отелей и покупатели с вилл двинутся в город только ближе к середине дня. Посещение магазинов на Корваре являлось одной из форм развлечений, потому что сокровища половины Галактики текли в Тикил — результат увеличения производства после войны.

Трой перешел на другую движущуюся дорогу, и чем дальше на запад он продвигался, тем больше вызывал подозрений. Но дело тут не в стандартной одежде, а в материале, который у прохожих был всегда богат, независимо от фасона костюма. Кроме того, сложные прически мужчин, встречавшихся на той же дороге, их браслеты с драгоценностями, шейные цепи и поясные ножи — все это создавало фон, на котором светлые волосы Троя, коротко остриженные, пояс, лишенный ножа, и слишком худое лицо делали его чересчур заметным. Несколько раз патрульные на контрольных постах настораживались, но, заметив на его запястье рабочий знак, тотчас же теряли к нему всякий интерес.

Шестой квадрат был районом с богатой растительностью, которой проектировщики сознательно скрывали внутреннюю структуру. Спрыгнув с дороги, Трой подошел к столбу с указателем.

— Кайгер,— сказал он в микрофон.

— Кайгер,— отозвался указатель.— Джентльхомо и Джентльфам, посетите Кайгера, и перед вами пройдут парадом живые сокровища тысячи миров! Смотрите и слушайте луминских говорящих рыб дофулда, бесценный фамсианский меняющийся наряд — единственный экземпляр, пойманный живым. Джентльхомо, Джентльфам, следуйте за огоньком к Кайгеру — торговцу экзотическими животными!

В стене под указателем вспыхнула маленькая искра, которая, отделившись от стены, задрожала в воздухе перед ним. Магазин животных! Теперь был понятен вопрос о знании животных, зато у Троя поубавилось энергии, так как его ответ распределителю оказался теперь еще менее точным. Девять лет прошло с тех пор, как он покинул Норден, и все девять лет никакого контакта с животными. И все-таки у Троя оставалась надежда, потому что распределитель выбрал его, а машина, как считалось, при назначении никогда не ошибается.

Он осмотрелся. Его окружала роскошная растительность разных миров: растения, кустарники. Их листва составляла сложный

рисунок красно-зеленого, желто-зеленого, сине-зеленого и серебряного цветов... И каждая клеточка тела Хорана вдруг страстно захотела, чтобы Кайгер оставил его у себя хоть на один день.

Привлекая его внимание к двери, танцевала искорка-проводник. Как только он остановился, искорка погасла. Глядя на витрину, Трой удивленно выдохнул: он смотрел на четыре разных ландшафта, каждый из которых занимал четвертую часть витрины, представляя собой миниатюрную часть перенесенной сюда какой-то планеты. В каждой части суетились маленькие существа, занятые жизнью и смертью. Все это было, конечно, трехмерное изображение, но съемки превосходные. Прохожего они совершенно очаровывали.

Очень неохотно приблизился Трой к самой двери, инкрустированной множеством странных насекомых из плексигласа, и ни одно из них он не узнал. Стоя у запертой двери, Трой колебался. Магазин был, по всем признакам, закрыт, и он не мог в него войти, так как не знал, где находится служебный вход. Внезапно среди изображений насекомых появилось человеческое лицо. На него без всякого выражения или интереса смотрели темные глаза на смуглом желтом лице.

Трой поднял руку, показывая рабочий знак на запястье. Глаза уставились на этот знак, не мигая, потом лицо исчезло. При поднятии двери создалось впечатление, что насекомые взлетают. Насыщенный разнообразными запахами поток теплого воздуха охватил Троя. Он вошел в магазин, словно притянутый за невидимую веревку.

Владелец глаз нетерпеливо ждал его, поэтому у Троя не было времени внимательно осматривать приемное помещение с его стенными шкафами и множеством сцен из чужих миров. Хотя Трой и привык к странностям людей, гуманоидов и негуманоидов, все же он нашел маленького человека необычным: он мог бы пройти под вытянутой рукой Хорана, но его небольшое жилистое тело было очень пропорционально и совершенно не походило на тело гнома. Черные волосы на круглом черепе росли пучками. Пучки таких же волос росли и на верхней губе, и на подбородке. Кроме обычного гражданского костюма, у него были еще кожаные перчатки. С кожаного пояса свисал более длинный и более широкий нож, чем обычно в Тикиле.

— Пошли...— произнес он гортанным голосом, указывая направление согнутым пальцем.

Следом за маленьким человеком Трой прошел две комнаты и вошел в коридор, из которого вели закрытые двери. Теперь запахи большого количества животных стали гораздо сильнее, а звуки из-за закрытых дверей свидетельствовали о наличии у Кайгера множества животных. Проводник дошел до конца коридора, вложил

во впадины замка руку и посторонился, чтобы пропустить Хорана.

Если уж желтокожий был необычен, то человек, увиденный Троем, тоже оказался сюрпризом. Немало торговцев повидал Хоран в Тикиле, и все они сверкали и блестели. Их замысловатые наряды необычных фасонов, замысловатые прически и драгоценности — все должно было привлекать всеобщее внимание. Но Кайгер...

Кайгер, если это был он, вовсе не сверкал звездным взрывом. Его мускулистое тело было затянуто в темный костюм из дорогой ткани без каких-либо драгоценностей. Правое запястье сжимал браслет ветерана-космонавта, череп был гладко выбрит, как у космического разведчика. Сильно загорелая, грубая кожа черепа подчеркивала шрам за правым ухом. Это сильно удивило Троя. Почему Кайгер не сделал пластическую операцию, которая уничтожила бы этот уродливый шрам?

Сидящий долго и пристально разглядывал Троя, как бы со всех сторон.

— Вы, как сообщил распределитель, с Нордена,— сказал он с незнакомым Трою легким акцентом.— А я бы подумал, что с Митгарда...

Трой выдержал его взгляд. Человек этот обладал знаниями космонавта о расовых типах и других мирах.

— Я родился на Нордене...

Сидящий, казалось, не слышал.

— Митгард или даже Земля...

— Норден,— вспыхнув, упрямо повторил Трой. Родом с Митгарда был отец Ланга Хорана, а раньше... Кто мог проследить родословные до самого истока у космических пионеров?

— Норден. Значит, вы считаете, что знаете кое-что о животных? — Серые глаза, холодные, как космическое пространство между пылающими звездами, переместились с лица Троя на его любовно отполированный серебряный пояс.— Хозяин Пастбища?

Трой промолчал и лишь повел плечами, не понимая, зачем собеседник старается его поймать. То, что Норден теперь принадлежит Конфедерации, известно всем, поэтому ни один из его прежних обитателей вернуться на родину не может.

— Ладно. Раз распределитель прислал вас, значит, не смог найти никого лучше.— Кайгер встал с кресла, и к нему тут же скользнул желтый человечек.— Нужные распоряжения даст вам Зул. Мы ждем груз с Часгара, поэтому вы вместе с Зулом отправитесь в порт и будете выполнять все его указания. Не меньше, но, разумеется, и не больше. Ясно? — В его голосе проскользнула резкая нота.

Хоран кивнул.

Зул оказался неразговорчивым спутником. Он поманил Троя за собой, и они вышли во двор через другую дверь. Двор был также

занят загонами и клетками, только разглядеть его обитателей у Троя не было времени. Вместе с Зулом он прошел к ожидавшему их флиттеру. Маленький человек сразу взялся за руль, как только Трой занял свое место, и они взлетели. Сделав круг, Зул направил флиттер на запад, к космопорту.

Движение в воздухе усилилось. Летело множество тяжелых фургонов, маленьких флайеров и флиттеров, как у них. Зул мчался с максимальной скоростью и минимальными условиями, а приземлился рывком недалеко от посадочных полос. Снова знак пальцем, и Трой следом за Зулом, пройдя через множество ходов, оказался в помещении таможни. Его маленького спутника здесь, по всей вероятности, хорошо знали, потому что два поста он прошел без всяких объяснений, и стражники их пропускали.

У третьей решетки Зул сказал «Кайгер» и положил перед стражником опознавательный знак-диск.

— Первая секция, третий блок...

Теперь они находились в коридоре, с одной стороны которого шла стена, а с другой — заполненные упаковочными корзинами, тюками и контейнерами ряды бункеров. Повсюду виднелись грузчики, а это означало, что содержимое багажа секции было слишком ценно, чтобы доверить его роботам.

Найдя нужный бункер, Зул опустил в замочную щель нужный диск. Защитная решетка отодвинулась, и вспыхнул свет. В бункере находились две корзины и большая, тщательно укутанная клетка. Зул осмотрел их внимательно и, поскольку все три места были громоздкими, бросил Трою:

— Приведите тележку.

Чтобы поискать моторную тележку, Трою пришлось выйти в коридор. Когда он выводил ее со стоянки, увидел полузнакомое лицо. Нажав на активизирующую кнопку и направляя тележку в коридор, он стал думать, что произойдет, если крикнуть, что здесь, в самом чреве тщательно охраняемого центра перевозки сокровищ в Корваре, работает член Воровской Гильдии. Многочисленным проверкам, в том числе и психопроверке, подвергается каждый входящий сюда, и человек с противозаконными намерениями будет немедленно обнаружен. И все же Трой был уверен, что в рабочем, поднимавшем корзину, он узнал недавно вступившего в Гильдию Джулнака Вармса.

Они вдвоем начали переносить груз на платформу, остановившуюся перед Зулом. Он оказался тяжелым, и когда была установлена вторая корзина, Трой вытер пот с лица и внимательно осмотрел корзину, пытаясь угадать, что за животные там сидят.

Испуганные? Это слово не подходит к ним, потому что обитатели клетки заинтересованы, оживлены, но никак не испуганы. Обитатели? Да, там их двое...

Стоя неподалеку и глядя на тщательно закутанную клетку, Трой напряженно думал, откуда он это узнал.

Интерес, все усиливающийся... Его что-то тронуло, но не физически. Его руки, словно проверяя гладкость кожи, силу мышц и крепость торса, что-то мягко коснулось. Коснулось — и тотчас же отдернулось. Помогая Зулу поднять клетку на платформу, Трой никакого движения внутри не ощутил, вообще ничего... Что же это было?

ГЛАВА 2

За все то время, что клетку с большой осторожностью устанавливали на сиденье водителя, изнутри не донеслось ни звука, но Трой еще раза два ощутил мягкое прикосновение, которое немедленно исчезало, как только он напрягался. Возвращая тележку на место, Трой напряженно размышлял. Может, Зул считал эти мягкие прикосновения чем-то обычным, а может, он их вообще не замечал? И что за существа находятся там, внутри?

О туземной жизни тысяч миров сейчас известно и космонавтам, и исследователям, и пионерам. Еще в Диппле Трой слышал рассказы людей, живших на расположенных в обширном секторе Галактики самых различных планетах, но никто даже предположения не высказал, что возможно существование жизни, устанавливающей контакт с разумом человека. С разумом!

Трой внезапно остановился. С разумом! Так вот это что такое! Он нашел название для этого прикосновения. Но...

Он даже не ощущал, что его глаза сузились, а пальцы выбивают легкую дробь на поясе. Ему следовало подумать. Прошлое напоминало закон о выживании и предупреждало его: смотри, слушай и храни свои мысли при себе.

Внезапно Трой уловил легкое движение и резко повернулся. Неподалеку, опираясь локтем на груду ящиков, стоял Вармс, очевидно, в ожидании очередных приказаний. Сейчас он делал вид, что не замечает Троя, хотя только что смотрел на него. Неужели он думает, что Хоран вызовет патрульного? Но Трою хорошо известны законы Диппла, поэтому он никому о нем не сообщит, пока Вармс ничего не предпримет против Кайгера, которому временно принадлежит верность Хорана.

Ничем не выдав, что узнал его, Трой прошел мимо Вармса в направлении к флиттеру. Следующее предупреждение он заметил совершенно случайно. У носильщика с одним из служителей таможни возник спор. Они явились к руководителю сектора, горячо споря и неся предмет спора: огромное зеркало в позолоченной раме с большой трещиной.

В этом-то зеркале, хотя трещина и искажала изображение, Трой увидел преследователей. Вармс! До сих пор Троя не интересовало, чем занимается новичок из Гильдии в таможне, но теперь... Хоть неуклюже и неуверенно, но по-своему настойчиво, он вдруг заинтересовался содержимым их груза.

Трой вышел наружу. На залитой солнцем стоянке флиттеров было множество фургонов и несколько пассажирских флайеров. Ряд двухэтажных патрульных вышек контролировал всю площадку. До сих пор здесь никто не мог заняться грабежом, так как каждый сантиметр пространства, должно быть, просвечивался специальными лучами. А когда они с Зулом будут в воздухе, их уже не достать. Вот если бы они двинулись на колесах...

Но тут он обнаружил, что Зул как раз по поверхности и собирается двигаться, так как из корпуса выдвинулись колеса, и маленький человек готовил машину к наземному передвижению!

— Что случилось? — спросил Трой, умещая рядом с Зулом свои длинные ноги.— Разве мы назад не полетим?

— Нет, мы назад не полетим,— Зул явно его передразнивал.— С грузом, который мы везем, нужно обращаться очень осторожно.

Это объяснение не удовлетворило Троя. Он подумал, что если уж обитатели клетки выдержали перелет в космическом корабле, то перелет в шестой квадрат тем более бы выдержали. Что-то здесь другое. И Вармс... Вместе с действиями Зула его появление приобретало смысл. Может, маленький человек и гильдийский новичок сговорились, а потом обвинят его?

Нет, слишком многое не вяжется, и Трой отбросил эту мысль. Правит Зул, а не он, это первое; до сегодняшнего дня Трой с Кайгером никаких связей не имел и ничего не знал о грузе для магазина. И кроме всего, что-то убеждало Троя, что, вопреки присутствию Вармса, Зул против хозяина ничего не замышляет. Но для этого наземного передвижения должна же быть какая-то причина!

Тут он заметил, что они движутся не прямым путем, а кружным, так как Трой достаточно хорошо знал этот район Тикила. Он бросил взгляд на водителя и понял, что на этот вопрос ответа не получит.

Усевшись поудобнее, Трой стал ждать. Он еще раз ощутил умственную активность, исходящую из клетки, хотя на этот раз она была обращена не к нему, а на окружающее. У Троя захватило дыхание. Он осознал, что обитатели клетки знакомятся с новым для них окружением, хотя не мог понять, как они могли это делать сквозь толстую оболочку, которая укутывала клетку.

Трою очень хотелось заглянуть туда, но он боялся потерять работу, потому что прекрасно понимал, что стоит только ему сделать попытку, как Зул вызовет ближайшего патрульного, а это

будет означать немедленное и постыдное возвращение в Диппл, поэтому он не собирался рисковать.

Они сделали еще один-два ненужных поворота. Поскольку вокруг виднелись другие флиттеры, доставляющие пассажиров к зданиям, то выбранный Зулом способ передвижения не был чем-то необычным. Но Трой все-таки более внимательно смотрел на экран обзора. Ему было интересно узнать, продолжает ли Вармс следовать за ними?

Хотя ни один флиттер не вызывал подозрений, Трой все же понимал, что не может сравниться ни с одним членом Гильдии, и в плане их ограбления может участвовать любой из этих флиттеров. Может, предупредить Зула?

Между тем Зул продолжал невозмутимо править на небольшой скорости. От напряженного ожидания кожа на спине Троя начала зудеть. Но самое удивительное, что его растущую тревогу разделяли и обитатели клетки. Их интерес сменился желанием предупредить... насторожить...

Трой открыл было рот, чтобы заговорить, когда из клетки донесся громкий крик. Голова Троя дернулась. Крик замер, но Трой понял, что опасность быстро приближается. Его рука схватилась за крышку ящика с оружием, но та не поддавалась.

Зул рывком бросил флиттер вперед, и из Авеню они вылетели в пространство, где расположился первый круг магазинов. Маленький человек виртуозно скользил между другими флиттерами, а Трой сидел в напряжении с раздвоенным вниманием: глядя и вперед, и назад. Криков из клетки больше не доносилось, но ему они были больше не нужны, так как он ощущал волны ожидания, понимая, что неприятности еще впереди.

Если бы Зул не ошибся, они могли бы выбраться на свободу. А может, его просто переиграли на несколько дюймов? Защищая голову, Трой поднял руки. Их флиттер врезался в другой.

При толчке крышка оружейного ящика открылась, и Трой увидел рукоять станнера. Принявшая на себя удар рука повисла, как плеть, но вторая была в порядке, и ее пальцы сжали оружие.

Левая дверь распахнулась, и Зул от удара вылетел. Хотя из раны на плече еще шла кровь, он уже поднялся и оперся о машину, так как стоять сам не мог.

Трой со своей стороны распахнул дверцу и со станнером наготове выскочил, уверенный, что встретит более опасного противника, чем владелец флиттера, с которым они столкнулись. Он увидел Зула, выхватившего нож, и направлявшегося к нему владельца другого флиттера.

Несмотря на столпившихся вокруг них зевак, патрульного никто не вызывал. Схватившись не за станнер, а за нож, Зул тем самым показал, что это вопрос чести, хотя законом такие поедин-

ки были запрещены. И если бы Трой не получил предупреждения, он бы сначала подумал, прежде чем прийти на помощь Зулу.

Он пристроил станнер на колено, ибо онемевшая рука была бесчувственна. На солнце сверкнули лезвия ножей. Прижавшись к флиттеру спиной, Зул защищался.

Помня наставления отца: «Тщательно прицеливайся, парень. Это важнее, чем быстрота», Трой нажал курок. Послышался слабый свист, и стоявший перед Зулом человек зашатался, опираясь на машину и очумело тряся головой. Так как Зул и теперь не вытащил станнер, Трой послал вслед второй заряд, сделав это своевременно: из клетки донесся пронзительный крик. Инстинктивно Трой отпрыгнул вправо, и в столб, где он только что стоял, ударился нож и со звоном отлетел на землю.

Человек, метнувший нож, отступил, и на его место встал другой. Рассчитывая дистанцию, он сузил глаза. Трой прицелился ему в голову, надеясь, что у него нет защитного экрана. Весь ход нападения, время и место свидетельствовали о том, что люди Гильдии охотились за очень ценным грузом или же получили высокую плату за его уничтожение, а это, в свою очередь, означало, что у них самое совершенное оборудование.

Но возможности проверить правильность своих предположений Трой так и не получил. В воздухе, прямо над головой человека с ножом, материализовалась белая проволока. Свернувшись в круг, она с поразительной быстротой опустилась на нападавшего, охватив его плечи, руки, тело и ноги. Яростно сопротивлявшийся человек через несколько секунд был спеленут, как добыча паука. Вторая такая же паутина охватила его товарища.

Выпрямившись, Трой бросил станнер на землю, чтобы патрульные не скрутили и его, и подошел к Зулу.

Кровь на лице человечка образовала дьявольскую маску. Он держался за оторванную дверцу флиттера, но было видно, что без поддержки он стоять не может. Только подойдя к нему, Трой внезапно осознал, что обитатели клетки больше не дают о себе знать и никакого контакта с ними больше не было.

Появились патрульные. Правдиво ответив на все вопросы о происшедшем, Трой умолчал лишь о мысленном предупреждении...

Из второго патрульного флиттера, к удивлению Троя, вышел Кайгер. Отправив Зула под присмотром врача, торговец осмотрел клетку, которую Трой помог ему вынести на тротуар.

— Поклажа вся цела,— сообщил Кайгер патрульному.— Вероятно, простая попытка ограбления, хотя никакой выгоды от него воры не получили бы.

— Почему? — Патрульный был с Свацерка, и на его смуглозеленой руке, державшей звукозаписывающий аппарат, виднелись следы чешуек.

— Потому, что это дикие животные, которые не могут жить без особого присмотра и специального импортного питания. Особый заказ для Джентльфам Сан дук Вар...

Свацерканин и глазом не моргнул, но при ответе Кайгеру в его голосе послышалось почтение.

— Ваше счастье, торговец, что этот груз не попал в руки бандитов.— Его мимолетный взгляд коснулся спеленутых пленников.— Этих драгоценных животных необходимо как можно быстрее доставить в магазин. Боюсь только, что вашу машину починить не удастся...

— Мне необходим запасной флиттер.

— Ага. Мулат, запасной флиттер для торговца!

Когда один из патрульных наклонился к переговорному устройству патрульного флиттера, Кайгер впервые показал, что заметил Хорана.

— Вы использовали? — кивнул он на станнер, лежавший на земле.

— Да.

— Отлично.— Кайгер поднял оружие и протянул его свацерканину, используя требуемую законом формулу: — Присягаю, что мой человек использовал оружие для защиты моего имущества.

— Записано, торговец.

Трой удивленно взглянул на Кайгера, так как такую присягу дают только по отношению к постоянному работнику, гражданину. Неужели Кайгер хочет...

Но времени на вопросы не было, потому что приземлился запасной флиттер и нужно было помочь торговцу перенести в него корзины и клетку. Из клетки по-прежнему ничего не доносилось. Можно было подумать, что все это Трою просто приснилось, хотя он и знал, что это не так. Его любопытство было возбуждено.

Заказанные женой сук Сафра животные должны быть на самом деле экзотическими и очень дорогими, поскольку сам сук Сафра являлся представителем Пятидесяти Благородных Семей на планете Вулф-Три. Только Сан дук Вар, если верить слухам, там не жила, а предпочла быть вместе с мужем на Корваре. Никакие богатства не давали возможности проникнуть в круг Пятидесяти.

Трой удивился, каким образом сук Сафра умудрялся на таком расстоянии править своей планетой. В его власти фактически, находилась группа из шести планетных систем, никогда не вмешивающихся в конфликты истинных хозяев космоса. Но непрочное равновесие сил могло нарушиться даже таким сознательным союзником. Сук Сафр — не единственный правитель, избравший Корвар своей неофициальной резиденцией.

— У вас семья в Диппле? — мысли Троя прервал вопрос Кайгера.

— Нет, торговец.

— Вы желаете заключить контракт на полный срок?

— С вами, торговец?

— Со мной. В ближайшем будущем от Зула мало толку, поэтому мне необходима для него замена. Кто знает, может, вас ожидает кое-что лучшее, дипплмен? — торговец взглянул на него и отвел глаза.

— Я подпишу контракт, торговец,— Трой заставил себя говорить спокойно, стараясь, чтобы его возбуждение было не очень заметно, так как не хотел показывать бывшему космонавту, что для него означает этот контракт.

Поднявшись прямо с места столкновения, они направились к магазину, где Трою было приказано отнести корзины на склад. Вернув флиттер на станцию, Кайгер стоял у клетки, а у Троя желание увидеть ее обитателей возросло еще больше.

— Ее тоже взять? — спросил Трой.

Повернувшись, Кайгер оглядел его с ног до головы, потом нашел на клетке какие-то скрытые крепления и нажал на них. Упаковка клетки отпала, и глазам Троя предстал ящик, отлично приспособленный для длительной транспортировки. Пол, стены и потолок для защиты от внезапных ускорений корабля были обшиты пластикеной. В нем были видны две ниши для подачи неизвестным животным корма и питья.

У передней решетки, обернув хвосты вокруг лап, сидели обитатели клетки. Один из них был черным такой глубокой черноты, что она казалась синеватой, а второй, несколько меньших размеров — голубоватого цвета, более темного оттенка на голове, лапах и хвосте. С интересом смотревшие на людей четыре глаза были цвета аквамарина.

— Земные кошки! — объявил Кайгер с ноткой гордости.

ГЛАВА 3

Аквамариновые глаза животных пристально рассматривали Троя, хотя он их тоже изучал, но других контактов не было. Однако он был твердо уверен, что предыдущий контакт — не плод его воображения.

Когда Кайгер открыл дверцу клетки, черная кошка встала, изогнула гладкую спину, вытянула передние лапы и осторожно вышла из клетки. Пока она исследовала окружающее при помощи своего носа, ее голубоватый товарищ держался позади.

— Ссс...— властный голос Кайгера перешел в бормотание. Он вытянул руку, давая ее обнюхать черной кошке.

Трою доводилось видеть кошек в доках, ибо они являлись

частью любого экипажа космического корабля, но таких — никогда. Вероятно, столетние межзвездные путешествия привели к радикальному изменению в породе. Из виденных им кошек ни одна не обладала такими данными: длинными и гибкими лапами, заостренной мордочкой, большими ушами и шерстью такого изумительного цвета и красоты. С таким же успехом Трой мог сравнить свою руку, изуродованную работой, и руку жителя виллы в Корваре, нежную и холеную.

Без всяких усилий черная прыгнула на крышу клетки, откуда вышла меньшая, и издала крик, похожий на тот, предшествовавший столкновению флиттеров.

— Голодные? — рассмеялся Кайгер.— Принесите пакет с пищей! — приказал он одному из служителей.

Трой наблюдал, как торговец положил в чашку, прикрепленную к стенке клетки, содержимое пакета. Сухое и жесткое, в чашке оно стало влажным. Принюхавшись, кошки принялись деликатно есть.

Ухаживал за ними сам Кайгер, хотя кроме него и Зула Трой обнаружил в магазине присутствие еще нескольких служителей: двое были заняты клетками во дворе, а остальные — внутри помещения. Странно, но Трой, вероятно, выполняя часть обязанностей Зула, должен был работать внутри. Он старался делать все, что велел ему Кайгер, хотя плечо его, ушибленное во флиттере, давало о себе знать.

В коридоре, ведущем от торгового помещения к кабинету, находились четыре двери. Две из них вели в комнаты птиц или летающих существ, которых можно было классифицировать как птиц. Наливая воду и расставляя кормушки с семенами, экзотическими фруктами, а иногда даже с кусками мяса и рыбы, Трой урывками наблюдал за ними. Два следующих помещения были различны: одно заполняли собаки и аквариумы с жителями моря, куда Трой только заглянул, так как там работал хорошо обученный человек, а другое предназначалось для маленьких животных.

Кошки исчезли в кабинете Кайгера, и Трой больше их не видел. Работая в комнате животных, он никакого ощущения контакта не испытывал. Все обитатели этой комнаты были вполне дружелюбны. Вытягивая лапы и издавая разнообразные звуки, они, тем самым, добивались его внимания. Он был заинтересован, ему было забавно, но только все это было не то.

Жители Диппла и горожане никогда не дружили, поэтому Трой ел во дворе, отдельно от остальных служителей Кайгера. После полудня он увидел, как отправляли земных кошек.

Во главе небольшой процессии служебный робот нес путевую клетку и корзину с пищей. За ним, сверкая драгоценностями, шла высокооплачиваемая компаньонка, а дальше — в почтительном

сопровождении Кайгера — вторая дама, черты которой невозможно было рассмотреть под модной раскраской: на щеки и лоб ее были нанесены сверкающие звезды. Ее рот, подбородок и почти всю голову укутывала ультрамодная «вуаль скромности». Одежда ее, в отличие от одежды компаньонки, была великолепно сшита и лишена украшений. В ее речи слышался неистребимый лидианский акцент. Было очевидно, что она в восхищении от своего приобретения.

Когда процессия проходила мимо Троя, он нырнул в комнату с рыбами, не понимая, почему ощущает странное раздражение. Ведь Джентльфам Сан дук Вар — одна из богатейших женщин Корвара, и именно для удовлетворения ее каприза были заказаны кошки. Почему же он возмущается, что их унесли? Почему? Теперь у него есть свой кусочек удачи — возможно, Кайгер оставит его у себя насовсем или, по крайней мере, до возвращения Зула.

Проводив покупательницу, Кайгер позвал Троя в свой кабинет. На стене была активирована коммуникационная панель, на которой должна была находиться длиной в ладонь белая полоса, хотя увидеть ее Трой и не надеялся.

— Контракт на семидневный срок,— Кайгер явно торопился закончить дело.— Он не предусматривает вылет за пределы планеты. Вы согласны, Хоран?

Трой кивнул, ибо контракт даже на семь дней был для него счастьем, и задал только один вопрос:

— Продление возможно?

— Возможно,— ответил торговец без колебаний, и настроение Троя улучшилось. Он пересек помещение и приложил ладонь к белой полосе.

— Трой Хоран, Норден, класс два, принимает семидневный контракт без вылета за пределы планеты у Кайгера,— произнес он необходимую формулу и уступил место торговцу.

— Косси Кайгер, зарегистрированный торговец, принимает семидневный контракт Троя Хорана.

— Записано и зарегистрировано,— произнес металлический голос.

Кайгер вернулся в свое кресло.

— Наденьте форму магазина. Вам нужно возвращаться в Диппл?

Трой отрицательно покачал головой. Принадлежавшие ему вещи он еще утром закрыл в сейфе, замок в котором откроется в течение десяти дней, следовательно, содержимое сейфа он сможет забрать в любое время. Кайгер, если ему не показалось, остался доволен.

— У нас есть дорогие животные, поэтому есть и ночное дежурство: один человек внутри, один — во дворе. Зул дежурил по ночам. Будете делать два обхода...— Его прервал гонг.— Переоденьтесь

и принимайтесь за работу, Хоран,— приказал он и вышел из кабинета.

Трой надел форму магазина, а поверх ее — свой пояс всадника. Форма была темно-синего цвета, который предпочитал в своем костюме Трой. На поясе не было ножа, но... Из Диппла он сделал лишь небольшой шажок...

Торговля длилась допоздна, и Трой дважды по вызову выносил клетки с животными. Когда в дверях появился Кайгер, он как раз вернул визжавшего детеныша в клетку, где сидели такие же, значащиеся как животные, но с перьями, шестью лапами и смотревшей на мир с интересом большеухой головой, и там началась смешная возня.

— Вот это закрывает нас на ночь, помещение охраны рядом со складом. Я — вот здесь,— Кайгер ткнул пальцем в заднюю стенку двора, где на втором этаже виднелся ряд окон,— вот...— Его рука указала на красную кнопку в двери.— Нажмете, если понадобится помощь. Такие кнопки есть в каждой комнате. Первый обход сделаете в три часа, а второй — в шесть. Таким вот образом,— он повернул ручку над кнопкой,— вы сможете услышать животных. Клетки, находящиеся во дворе, вас не касаются.

— Да, торговец,— кивнул Трой.

Выйдя в коридор, Кайгер закрыл дверь своего кабинета, приложив к замку палец. Делал он это нарочито демонстративно, чтобы новый работник был свидетелем его действий. Затем ушел, не сказав ни слова. Трой почувствовал груз ответственности.

Он вошел в комнату птиц. Большинство обитателей спали, и свет был притушен. Коммуниктор был включен в каждой комнате, кнопка вызова действовала. Осмотрев все комнаты, Трой направился в угол склада, где стояла его койка, но долго не мог уснуть, потому что был слишком возбужден.

За прошедшие три дня он вполне освоился с порядками в магазине Кайгера и даже справился с редкостным и очень раздражительным ястребом, с которым сам торговец не мог совладать. В нем затеплилась надежда, что его семидневный контракт будет продлен.

Кроме всего, Трой узнал, что Кайгер не только занимался торговлей, но и покупал. Во дворе магазина находился второй ход, через который тайком приходили люди, большей частью одетые в мундиры космической службы, и приносили клетки с различными дикими существами. Трою было приказано таких посетителей направлять сразу в кабинет Кайгера, а его вызывать специальным сигналом, если вдруг он был занят с покупателями. Трою или одному из служителей по окончании такого визита приходилось уносить результат сделки во двор, так как в магазине содержались только

самые редкие и ценные животные. Иногда Трою казалось, что число продавцов не соответствует числу посетителей, словно некоторые из этих людей приходили к торговцу по другим причинам. Но это можно было легко объяснить: зашли товарищи по полетам, если они остановились в порту. Хотя могла быть причина, связанная с нападением на Зула и с интересом, проявленным Вармсом.

Тикил — порт роскоши, а роскошь не всегда бывает законной. Можно было перечислить множество товаров, дающих огромную прибыль тем, кто сумеет протащить их через таможню. А если Кайгер и занимался такими делами, то Троя Хорана это абсолютно не касалось.

На четвертый день после заключения контракта Трой был вызван в торговое помещение, где находились два покупателя. Кайгер, занятый с женщиной, указал Хорану на ожидающего мужчину.

— Покажите Джентльхомо трехмерные изображения с Хатора. Да, Джентльфам,— он снова повернулся к посетительнице, сверкающей драгоценностями,— есть много других земных животных, которых и по уму, и по красоте можно сравнить с кошками. Позвольте показать вам...

Трой хотел пройти за трехмерным изображением, но человек, которого он хотел обслужить, кивком головы остановил его, очевидно, желая посмотреть то, что Кайгер собирался показать посетительнице.

Тем временем торговец нажал на кнопку, и из стены выдвинулся небольшой экран, закрепившийся так, чтобы было хорошо видно посетительнице. Она была старше жены сук Сафра и роскошнее одета. На ней была полупрозрачная, совершенно не соответствующая ее тощей фигуре одежда с Цинуса. Голос звучал очень резко. Трой узнал в ней Великого Первого Лидера с Сидона.

Сидон — группа из трех небольших планет вокруг умирающего солнца, где господствовал матриархат. На Звездной линии эти планеты занимали очень важное стратегическое положение, и поэтому Великий Первый Лидер обладал значительным влиянием.

Кайгер щелкнул пальцами, и на экране появилось трехмерное изображение.

— Вот, Джентльфам, это лиса. У меня как раз имеется пара лис, которую я могу вам предложить.

— Да? — нахмурилась Великий Первый Лидер, и уголки ее накрашенного рта дрогнули.— И во сколько кредитов мне это обойдется, торговец?

Сумма, названная Кайгером, дней пять назад показалась бы Трою невероятной, а теперь он лишь подумал, как долго будет продолжаться торг.

— Лиса,— произнес почти шепотом стоявший рядом с ним человек, как бы думая вслух.

Животное на экране было совсем как живое. Густой мех был желто-оранжево-красного цвета, черные лапы и белый кончик хвоста. Почти треугольная голова с заостренной мордой и ушами и зеленоватые глаза придавали морде настороженное и озорное выражение. Животное было больше кошки, и с хорошо замаскированным выражением разума.

Что-то в голосе покупателя, произнесшего «лиса», подсказало Трою, что с земной экзотикой он знаком. Однако, когда тот отступил в другую нишу, Хоран последовал за ним.

— Как я понял, у вас есть ястреб?

— Да, Джентльхомо.

— В полете его испытывали?

— Нет, Джентльхомо. Поскольку его напугал перелет в корабле, мы решили дать ему отдых.

Странные золотистые глаза смотрели на пояс Хорана.

— Вы с Нордена?

— Да, я родился там,— коротко ответил Трой.

— Следовательно, вам приходилось охотиться с ястребами?

— Я видел такую охоту,— губы Троя дрогнули,— только это было очень давно, Джентльхомо, еще до войны.— Хотя он был немного удивлен, но старался говорить спокойно.

На бывшего космонавта незнакомец похож не был, но вряд ли хоть один из десяти тысяч жителей Корвара смог бы узнать пояс Троя или знать, что всадники с Нордена в горных ущельях охотились с ястребами. Трой готовил экран и украдкой изучал своего собеседника.

Они были одного роста, только корварианин лет на десять старше. На аристократического обитателя виллы или на такого, кто дорого платит, чтобы находиться в хорошей физической форме, он не походил. Ни к одной из трех официальных служб он не принадлежит, поскольку не в мундире, но то, что это человек действия, видно сразу. Его кожа загорела не меньше, чем у Троя. На макушке, в соответствии с модой, у него была длинная прядь волос, перехваченная двумя золотыми кольцами, сами волосы тусклозолотого цвета почти ничем не отличались от металла. Светло-коричневого цвета одежда свободного покроя была сшита из металлопласта, в котором при движении сверкали маленькие золотые искорки. Впечатление щеголя из вилл он не производил, хотя в рукоятке поясного ножа и на браслетах сверкали жемчужины.

— Я вас здесь раньше не встречал. Где Зул? — вопрос был без высокомерия и задан так, словно незнакомца это на самом деле интересовало и сведения эти были ему необходимы.

— Он ранен... авария флиттера,— ответил Трой уклончиво,— а у меня временный контракт.

— Из Диппла? — это название незнакомец произнес без ак-

цента, делавшего его в Тикиле бранным словом.— Так что там у Кайгера с Хатора?

Он наконец сел, отмахнувшись от предложенного напитка. Хоран нажал кнопку — на экране появилась первая картина. Это было начало серии, предназначенной для показа покупателям, которые интересовались пернатыми хищниками, поддающимися дрессировке для охоты. Просмотрев всю коллекцию с Хатора, покупатель покачал головой.

— Не станешь брать второсортное оружие, когда знаешь, что можно приобрести первосортное. Раз у Кайгера есть подходящий ястреб, я ничего больше не возьму.— Он щелкнул курительной палочкой о ноготь, и она задымилась, испуская травяной запах.— А, Кайгер! — Он взглянул на подошедшего торговца.— Вы закончили? И сколько времени будет ждать новой игрушки мать трех миров?

В нише возникло что-то невидимое, как прикосновение из кошачьей клетки, какое-то напряжение, какой-то намек на натянутость, хотя внешне оба держались легко.

— Не очень долго,— ответил Кайгер, садясь в другое кресло, словно никаких ранговых барьеров между ними не было.— Прибывает пара с Фаммора.

— Да? Делаете игру на земном импорте, Кайгер?

Экс-космонавт пожал плечами.

— На земных животных сейчас очень большой спрос. Как передали мне мои друзья с кораблей, на них скоро будет разрешен свободный вывоз.

— Да,— кивнул покупатель.— Ну что ж, торговля лучше, чем война. Совет будет благосклонен к вам, если удастся привязать Землю.— Снова возникло ощущение напряжения. Золотой человек погасил курительную палочку.— У вас есть ястреб...

Взяв пластиковый шар с освежающим напитком, Кайгер выдавил его содержимое в рот.

— Да. Но прежде, чем птицу продать, я должен ее испытать в полете.

— Разумеется. Я как раз собираюсь в инспекционную поездку по Диким Землям и прошу доверить испытание мне. Можете послать со мной этого вашего человека.

— Хорошо,— Кайгер взглянул на Хорана.— Он умеет обращаться с ястребом? Вы когда едете и надолго ли?

— Дня на три. Хочу добраться до самых болот. А что касается вылета, то, скажем... через два дня. К этому времени и ваша птица отдохнет.

— Договорились.— Торговец сжал в руке шар с напитком.— Вы должны будете выполнять все приказы охотника Рерна,— сказал он Трою.

Когда золотой человек покинул магазин, его неслышная походка не показалась Трою необычной.

Некоторое время торговец продолжал сидеть, глядя на дверь, потом произнес негромко: «Рерн». Но никакого выражения в его тоне Трой распознать не сумел.

Рейнджеры Диких Земель считались легендой Тикила. Они охраняли и оберегали обширные пространства лесов и необжитых земель, где жители вилл Корвара могли наслаждаться видом примитивной природы, не покидая своих флайеров. За два столетия профессия охотников стала наследственной, включая членов десяти-двенадцати семей, восходивших к первым поселенцам Корвара.

Клан Рерна жил на севере, а человек этот, очевидно, один из братьев, чье открытие злополучной экспедиции Фауклова впоследствии превратилось в сагу. Трой ощупал свой пустой пояс. Даже полноправный гражданин не имел никакой надежды попасть в Дикие Земли, так как люди леса, следопыты, свои привилегии строго соблюдали. А вот он, дипплмен, через два дня все же отправится с Рерном!

ГЛАВА 4

Все эти события пришлись на период затишья в магазине. Дневные покупатели уже ушли, а вечерние еще не появлялись. Кайгер ушел в свой кабинет, а его служащие собрались во дворе. Трой слышал механическое повторение новостей дня в коммуникаторе Кайгера, через открытое окно над головой.

— ...необъяснимая и внезапная смерть саттор-командующего Варана Ди.

Трой даже жевать перестал. В двух шагах от него стоял флиттер с ящиком, в котором находилась еда, предназначенная для животных саттор-командующего Варана Ди. Ее нужно было доставить на его виллу...

— ...вышел в отставку из руководства Советом в прошлом году,— продолжал коммуникатор,— хотя многолетний опыт давал ему возможность оставаться консультантом по многим специальным проблемам. Как утверждают, он выступал советником при заключении договора с Панарком-Два. Слух этот представители правительства не отрицали, но и не подтвердили. Передаем обращение Совета: «С глубочайшим прискорбием...»

Монотонный голос замолк, и из-за внезапного перерыва тишина стала еще более заметной. «Необъяснимая и внезапная» смерть, как сказал коммуникатор, недавнего руководителя и главы Совета Троя не касалась. Десять лет назад все могло быть по-другому — рука Троя остановилась на полпути ко рту. Превратить Норден

в военную базу кораблей класса «саттор» решил именно Варан Ди, решил неожиданно... Впрочем, теперь это уже не имело значения.

— Хоран! — У входа во двор появился торговец. Заметив раздражение своего хозяина, Трой отставил тарелку и поднялся.— Груз на виллу Ди доставьте немедленно.

Что ж, подумал Трой, даже после смерти хозяина животному необходима еда. Но почему именно он и почему так срочно? С таким поручением обычно направляли служащих со двора. Но времени на вопросы не было, и он, заняв сидение водителя, взлетел. Лента с программой полета была уже установлена, и Трою ничего другого не оставалось, как смотреть вниз и быть готовым в случае необходимости взять управление на себя. Впервые он наслаждался одиночеством и отдыхом.

Небо Корвара в хорошую погоду затягивала золотая дымка, напоминающая ему чем-то Рерна и путешествие в Дикие Земли. Он два раза навещал ястреба после ухода охотника, и при втором посещении птица, расправив крылья, зашевелилась на насесте, а это было хорошим признаком. Ястреб был самцом примерно двухлетнего возраста, следовательно, в самом лучшем возрасте для обучения. Он не ударил Троя, когда тот извлек его из клетки, как пытался ударить Кайгера и работника, помогавшего ему, хотя был очень диким. Может, птица спокойно поедет с ним?

— Посадочное предупреждение! Посадочное предупреждение! — вылетели слова из динамика на приборном щитке, и загорелась лампочка.

Трой поднял голову. Над ним, как ястреб, готовый обрушиться на добычу, висел патрульный флиттер.

— Назовите себя! — прозвучал приказ.

Трой нажал кнопку сообщения о цели и маршруте своего полета. Если патрули расследуют обстоятельства загадочной смерти саттор-командующего, то посадку на вилле Ди ему не разрешат. Но, к удивлению Троя, его не остановили и разрешили продолжать полет. Он приблизился к вилле командующего.

Варан Ди, подобно всем корварским аристократам, соорудил себе жилище по моде других планет, избрав модель Квана. Искусно полуразрушенной стены, прикрытой специальными щитами, не могли закрыть даже розово-серые кусты. Трой пытался представить себе, во сколько кредитов обошлась доставка всего этого с Квана, хотя у него не было никаких сомнений в том, что саттор-командующий и глава Совета получил это законным путем.

Взвалив ящик с провизией на плечо, он пошел ко входу на виллу. В саду было много людей в форме патрульных, внимание которых сосредоточилось на скрытом зарослями небольшом сооружении, очень отличавшемся от других строений виллы. В отличие от полупрозрачной и ярко сверкающей виллы, это сооружение представ-

ляло собой сплошной каменный блок, вызывая воспоминание о примитивной цивилизации, старше виллы на много тысячелетий.

Оттуда вышел человек, и внезапно Трой замер. Как его встревожило невидимое прикосновение в таможне, так и здесь он услышал беззвучный крик о помощи. На его мозг, как удар кулака, подействовали чувства ужаса и еще больше — необходимость передать какую-то информацию. Он, не раздумывая, ответил бессловесным вопросом на эту мольбу о помощи: «Что?.. Где?.. Как?»

Вышедший из каменного сооружения человек повернулся и сделал хватательное движение, словно пытался поймать что-то, вырвавшееся и скрывшееся в ветвях деревьев. Лишь качающаяся листва указывала на движение к вилле... или к Трою?

Трой едва успел поставить ящик, когда с нагнувшейся ветки спрыгнуло маленькое тело и опустилось ему на плечо. Вокруг шеи обернулся гибкий змеиный хвост, а в одежду вцепились маленькие лапки. Он поднял руки, ощупывая маленькое пушистое дрожащее тельце. Прижавшееся к нему круглой и широкой головкой животное как будто хотело свернуться в шар. Трой успокаивающе погладил его по шерсти.

— *Убить...*— вспыхнуло в его мозгу, а вместе с этим словом нечеткая дрожащая картина — обвисший человек в кресле. Картина тут же исчезла, как только Трой помотал головой, но остался излучаемый животным страх.— *Опасность... Опасность не только для животного, которого он держит, но и для людей...*

К Трою устремились двое патрульных, а с ними человек, несший животное, и в этот момент он внезапно понял, что должен защитить это существо, даже вопреки законам Корвара.

— Ссс...— успокаивал он животное, поглаживая его и стараясь установить контакт с ним, обещая помощь и защиту.

— Кто вы?

Устроив животное поудобнее на плече, Трой ответил: — Хоран,— и подбородком указал на флиттер в воздухе, на корпусе которого ясно виднелась надпись: «От Кайгера».

Один из патрульных, откашлявшись, доложил с ноткой уважения:

— Это поставщик животных и птиц, Джентльхомо. Саттор-командующий, очевидно, заказывал это животное...

Человек с суровым лицом и жесткими глазами, которому докладывал патрульный, смотрел на Троя так, словно тот представлял маловажную проблему, которую все же необходимо было решить.

— Что вы делаете здесь?

— Доставка, Джентльхомо.— Трой коснулся ящика носком ноги.— Особая пища для животных командующего.

Жестоколицый взглянул на второго патрульного, и тот кивнул.

— Заказано на сегодня, Джентльхомо. Это специальная импортная пища для...— он запнулся на незнакомом названии животного...— для кинкажу.

— Для чего? Это еще что за существо?

— Земное и очень редкое,— ответил подчиненный.— Саттор-командующий им чрезвычайно гордился.

— Кинкажу... с Земли...— Как бы стараясь рассмотреть животное, прижавшееся к Трою, офицер сделал шаг вперед.— Зачем тогда оно рылось в столе саттор-командующего, если это животное? На это у вас есть ответ?

— *Опасность!* — Трой в этом внезапном предупреждении не нуждался, так как ясно читал выражение лица офицера.

— Многие животные довольно любопытны, Джентльхомо.— Трой пытался отвлечь внимание офицера.— Разве корварианские катаны не разворачивают любой попадающий им в лапы сверток?

Когда разговорчивый патрульный кивнул в знак согласия, Трой продолжил:

— Животные подражают особенно действиям тех людей, с которыми они связаны. Очевидно, кинкажу повторял жесты саттор-командующего, что же еще? Другой цели тут, конечно же, и быть не может...

И вдруг Трою пришло в голову, что именно это животное и делало. Неужели у офицера есть какие-то сведения?

— Возможно,— согласился тот,— но чтобы таких недоразумений больше не было, забирайте кинкажу и вместе с ним возвращайтесь к Кайгеру. Пока не будет выяснено обстоятельство внезапной смерти Саттор-командующего, он за него отвечает. Передайте ему, что это приказ коменданта Западного сектора.

— Будет сделано, Джентльхомо.

Трой сначала хотел посадить во флиттер животное, а уж потом поставить ящик но кинкажу не отцеплялось от него. Теперь оно, помимо страха, излучало чувство срочности, тревоги, связанной с каменным сооружением. Животное стремилось в это здание, чтобы завершить выполнение какого-то задания, но Трой не мог больше оставаться здесь, и тогда животное впервые начало кричать, издавая резкие звуки, словно усиливая безмолвную беседу.

— Убирайтесь! — приказал комендант и вернулся в садовое сооружение, а патрульные двинулись на Троя.

Спорить с ними он не собирался и кое-как втащил во флиттер ящик. Хотя кинкажу и продолжал громко протестовать, но отцепляться от него, как заметил Трой, не собирался. А как только они поднялись, животное успокоилось, очевидно признавая поражение. Сидя на руке Троя и уцепившись за него хвостом, кинкажу рассматривал окружающее с чем-то, напоминающим разумный интерес, только попыток общения больше не было.

Как только флиттер приземлился во дворе магазина Кайгера, кинкажу, передвинувшись к дверце кабины, похлопал по ней передними лапами и вопросительно взглянул на Троя. О желании освободиться говорила каждая линия его закругленного тела. Не желая быть свидетелем того, как животное ловко скачет, Трой схватил его за хвост. Выйдя из флиттера, он направился в кабинет торговца, крепко держа кинкажу.

В коридоре показался Кайгер, который остановился, увидев кричащее животное в руках Троя. И опять Трой ощутил напряженное беспокойство, какое возникло при встрече экс-космонавта и Рерна.

— Что случилось? — спросил Кайгер обычным тоном и прошел в свой кабинет. Трой последовал его молчаливому приглашению.

Прекратив попытки сбежать, кинкажу снова прижался к груди Троя, как бы моля о защите, но не возобновляя мысленных контактов.

Трой сжато передал обо всем происшедшем на вилле Ди, не упоминая о мысленном контакте с кинкажу. В суровой школе Дипла он слишком рано познал, что знание может служить не только оружием, но и защитой, и это заставило его хранить в тайне мысленный контакт с двумя видами земных животных до тех пор, пока получше не узнает Кайгера.

Кайгер сел в кресло, не пытаясь оторвать животное от Хорана, лишь растирая пальцами шрам на виске.

— Это очень ценный образец,— произнес он, как только Трой закончил,— и вы правильно сделали, что привезли его обратно. Он любопытный, как песчаный фолли, и нечего было представителям закона доводить его до истерики. Поместите его в пустую клетку, дайте воды, орехов и оставьте одного.

Приказ Трой выполнил, хотя сделать это было очень трудно, потому что животное вцепилось в него очень крепко, считая Хорана более надежным убежищем, нежели клетка в этом непрочном мире. Как только Трой закрыл клетку, пленник тотчас же свернулся в шар в дальнем углу, подставив взгляду лишь упрямую пушистую спину.

За те несколько дней, которые Трой провел у Кайгера, он привык ожидать ранних ночных часов, когда оставался один внутри главного здания. Два основных обхода он делал в соответствии с приказом, а перед сном каждую ночь совершал собственные визиты: навещал ястреба, щенков с голубыми перьями, встречающих его вытянутыми лапами и ревнивыми криками, и некоторых других любимцев. Сегодня же он подошел к клетке с кинкажу. Пушистый шар по-прежнему находился в дальнем углу клетки.

Предлагая дружбу и лучшее понимание, Трой пытался сознательно вступить в мысленный контакт, но кинкажу, если и понял

его, никак этого не проявил. Разочарованный Трой покинул комнату, предварительно включив коммуникатор.

Вернувшись в свой закуток и вытянувшись на койке, он попытался сопоставить события дня, но, вспомнив о Рерне и его предложении испытать ястреба в Диких Землях, размечтался, и его мечты скоро перешли в крепкий сон.

Проснулся Трой неожиданно, вскочил, но тут же, ударившись плечом о стену, сел, бешено мотая головой. Перед глазами стоял туман, но боли не было. Он открыл глаза. Было уже далеко за полночь, но для обычного обхода было еще рано. И все-таки Трой решил совершить обход, раз уж проснулся.

Он надел башмаки и хотел встать, но был вынужден прижать к вискам пальцы. Какое-то тупое давление оставалось, а это было неестественно. Трой протянул руку и из ниши под койкой достал оружие. Хотя такой формы нападения он раньше никогда не испытывал, но сразу понял, с чем столкнулся. Он подошел к двери и выглянул в коридор, держа наготове станнер.

Справа находился закрытый как обычно кабинет Кайгера; из коммуникатора никаких звуков не доносилось. Никаких звуков! Но отсутствие звуков тоже было странным, так как Трой привык к сопению, вздохам, щелканью — множеству звуков, доносившихся обычно из клеток.

Отсутствие звуков животных и тупое давление в голове говорило о том, что где-то в помещении действовал «слиппер» — незаконное устройство, приводившее живые существа в беспамятство, поэтому законным оружием «слиппер» быть не может. Правда, уровень его поражения низок и действует он только на животных, но не на Троя. Почему?

Держа станнер наготове, Трой толкнул дверь кабинета Кайгера, но она не поддалась. Замок не поврежден. Тогда Трой скользнул вдоль стены и задержался у комнаты с аквариумами. Бульканье воды и слабые всплески означали, что подводные жители действию «слиппера», по-видимому, не подвержены.

Хоран подошел к комнате животных. Ни звука. Вдвойне подозрительно. Прижимаясь к стене, Трой приблизился к решетчатой двери, за которой находился сигнал тревоги, соединенный с охраной во дворе и квартирой Кайгера. Он протянул руку к кнопке.

— *Опасность!* — вспыхнуло в его мозгу.

Трой полуобернулся. Луч, прошедший очень близко от его лица, вызвал невольный вскрик. Полуослепший Трой выстрелил из станнера и бросился на пол.

На возникшую в коридоре темную фигуру парализующий луч, казалось, никакого воздействия не оказал, ибо, когда Трой снова встал, фигура уже исчезла, и он услышал только щелчок закрывшейся двери.

Хоран с трудом добрался до стены, нажал сигнал тревоги и услышал, как разрывается на части ненормальная тишина помещения. Может быть, охрана во дворе сможет задержать беглеца.

ГЛАВА 5

В ответ на сигнал тревоги из клеток не донеслось ни звука, и это укрепило уверенность Троя, что где-то в помещении установлен «слиппер». Включив свет полностью, он начал поиски.

В клетках, погруженные в глубокий искусственный сон, лежали все обитатели, за исключением кинкажу. На Троя смотрели маленькие бусинки глаз, а маленькие лапки цеплялись за сетку. В его мыслях Трой уловил скорее оживление, чем страх. Значит, сигнал об опасности означал не мольбу о помощи, как это было на вилле Ди, а предупреждение ему. Глядя в эти бусинки, Трой провел пальцем по сетке.

— Если бы ты сказал мне, что скрывается за этим,— прошептал он.

— *Кто-то идет...*— отпрянув и мгновенно свернувшись в шар, кинкажу занял прежнюю позицию в углу клетки.

Споткнувшись о какой-то предмет на полу, Трой нагнулся и подобрал тускло-зеленую трубку — «слиппер». Он снова посмотрел на кинкажу. Внешне животное находилось во власти глубокого гипнотического сна, как и все остальные обитатели клеток, но если действию «слиппера» поддались животные, то люди — нет.

По коридору бежали два стражника, а за ними с гораздо более смертоносным оружием в руке — бластером, вероятно, наследием прошлой его космической службы, Кайгер.

Показав «слиппер», Трой рассказал о нападении и о нападавшем, оказавшемся неуязвимым для его станнера.

— Личная защита, по всей вероятности,— выпалил нетерпеливо Кайгер.— Что похищено?

Пройдя вдоль линии клеток и дойдя до конца, он остановился и внимательно осмотрел кинкажу. Трой промолчал о том, что животное противостояло действию «слиппера» и своим предупреждением спасло ему жизнь, что-то его удерживало от откровенности с Кайгером. Кроме того, ему очень хотелось узнать, что скрывается за вторжением в магазин.

— Я никакого ущерба не видел,— доложил Трой.

Кайгер провел рукой по сетке клетки кинкажу, но пушистый шар не шелохнулся. Подойдя к Трою и взяв его за подбородок, торговец повернул лицо к свету.

— У вас ожог,— произнес он почти обвиняющим тоном.

— У него был бластер,— пояснил Трой.

— Что здесь происходит? — отодвинув локтем стражника, стоявшего в дверях, появился патрульный с бластером наготове.

— У нас был посетитель,— ответил Кайгер,— и принес вот это...— кивнул он на трубку «слиппера», лежавшего на клетке.

Патрульный склонился над ним.

— Ущерб?

Кайгер взял молодого человека за плечо и стал выталкивать перед собой в коридор.

— Пока никакого, если не считать этого ожога. Мэнги! Тансвел! — стражники вытянулись.— Проверьте остальные помещения и доложите мне. Вам поможет этот офицер,— кивнул он на патрульного.

Трой стоял спокойно, пока Кайгер накладывал на его ожог защитное покрытие.

— Вам просто повезло. Чуть задело.

— Было темно, и кроме того он торопился.

Словно пытаясь проникнуть в самую глубину его мозга, Кайгер продолжал очень внимательно смотреть на юношу.

— Он, вероятно, действительно торопился,— заметил торговец.— Но я все же удивлен. «Слиппер» свидетельствует, что это работа Гильдии... Там есть у меня пара недругов, которые могли бы это организовать,— он слегка нахмурился,— только люди Гильдии так не суетятся...

— По всей видимости, новичок.

— Новичок? — переспросил Кайгер, снова кладя руки на стол.— А что вы знаете об этом, Хоран?

— В таможне я заметил одного нового члена Гильдии.

Теперь Трой верил в окружение Кайгера. Он не стал бы ничего рассказывать прирожденному торговцу, разве что дело оказалось бы гораздо серьезнее, но космонавту, жившему по другому этическому кодексу, многое можно было рассказать.

— Испытание для новичка? Возможно. А он знает вас?

— Видел в таможне, как и я его.

— Между вами какие-то счеты?

— Личные? Нет. Он жил в Диппле, я знал его имя, хотя мы никогда не общались.

— Глупая попытка. Если только он чему-то хотел помешать. Перепродать здесь он ничего бы не смог.

Трой и сам этому удивлялся. В Тикиле, где воровство превратилось в искусство, охотились только за легко перемещаемыми ценностями. Для чего же пытаться похитить животных, нуждающихся в специальной пище и в особом обращении? Здесь была лишь одна возможность.

— Может, наняты каким-нибудь любителем? — сделал он предположение, памятуя об обещаниях, сделанных торговцем по-

купателям.— Единственное на Корваре уникальное животное могло послужить приманкой.

— Его пришлось бы скрывать, а это невыгодно.

Кайгер нашел самое слабое место. Да, ценность такого животного — именно в возможности демонстрировать его ревнивым соперникам.

— Кому-то помешать получить его?

Кайгер снова взглянул на Троя, который решил, что отыскал подходящее объяснение, попавшее если не в самую цель, то весьма к ней близко.

— Возможно. В этом гораздо больше смысла. Хорошо, можете ложиться, а я сам проверю все.

Это было прямое приказание, поэтому Трой отправился прямо к себе и на этот раз разделся. Ему не хотелось спать, и он попытался расслабиться, закрыв глаза. И внезапно как будто круг мыслей возник в воздухе,— так же много лет назад над бегущими животными нависал аркан Ланга Хорана — обостренная чувствительность Троя уловила мысленный контакт нескольких мозгов.

— *Он быстро умер, поэтому не было времени найти доклад.*

— *Необходимо вернуться!* — это был резкий и грубый приказ.

— *Нет. Плохо. Человек видел, как Шанг искал доклад. Будут подозрения!*

— *Никаких подозрений не должно быть!* — снова приказной тон.

Выраженного в словах протеста не было, только чувство чрезвычайного страха. Открыв глаза, Трой сел на койке. Он весь дрожал, словно сам испытал этот страх. Но кроме страха он ощущал и решимость бороться.

— *Будут вопросы, если подозрения возникнут.*

Грубый молчал. Может, он размышлял? Трой сжал кулаки. А правильны ли его подозрения? Кайгер и кинкажу? Но как? Почему? Земные животные, способные к коммуникации, используются для... Кайгер не землянин. А может, землянин? Чтобы быть уверенным, необходимо знать другие миры, а Трой слишком плохо их знал. Он вспомнил день найма, когда Кайгер расспрашивал его о прошлом.

Земля, во всяком случае до войны, была центром Конфедерации, но из войны вышла ослабленной. Тем более, слишком много ее союзников потерпели поражение. Она превратилась из господствующей во второразрядную и даже в третьеразрядную планету, а Конфедерация рассыпалась на три небольших государства.

Мысли Троя снова прервались, и он услышал голос хозяина.

— *Кто приходил ночью?*

— *Тот, кто не знает ничего. Он за пределами плана, и соприкосновения не было.*

— *Но его кто-то нанял. Нужна приманка для ловушки.*

Трой понял, что если он прав и мыслями обмениваются Кайгер и кинкажу, то такое животное, чтобы послужить приманкой для хозяина, может быть украдено. Только почему он не ответил на мысленное обращение Троя? Может, кинкажу боялся хозяина и берег Троя на случай спасения, как на вилле Ди?

— *Враг за пределами плана? Против меня?*

— *Против вас,*— подтвердил кинкажу, если это был он.— *Он получил приказ вызвать тревогу и убить вас, как только вы придете.*

— *Убить,*— билось в голове Троя.

Он попытался уловить ответ, но его не было. Наконец Трой уснул. Спал он беспокойно, часто просыпаясь и прислушиваясь, но ничего не слышал, кроме звуков просыпающихся от гипнотического сна животных и птиц.

Утром, когда клетки были вычищены и обитатели их накормлены, Кайгер позвал Троя к клетке ястреба. Большая птица, очевидно, выходила из оцепенения. Она настороженно поворачивала из стороны в сторону увенчанную гребешком высоко поднятую голову. Для того, чтобы отрастить плюмаж, птица была еще очень молода, и все же это была прекрасная особь с радужно-черным гребнем на ярко-золотой голове. На крыльях золотой блеск груди и алый цвет спины бледнели, переходя в оранжевый, а темный хвост и черные лапы контрастировали с остальным оперением.

На бесчисленных мирах — человеческих, гуманоидных и даже негуманоидных — разумные существа тренировали для охоты птиц типа ястреба, и теперь, когда высокоразвитая цивилизация возвращалась к примитивным искусствам и развлечениям, охота при помощи обученных птиц и животных, а не с совершенным оружием убийства, процветала. Ястреб, с его умом, способностью к обучению и склонностью не убивать, а хватать добычу, оказался высокоценным предметом торговли.

Трой, видя состояние птицы, провел пальцами перед клеткой. Раньше это действие вызывало у ястреба приступ гнева, теперь же он лишь повернул голову и снова уставился на дверцу.

— Может, попытаться его приручить? — спросил Трой.

Кайгер щелкнул пальцами с другой стороны клетки, но ястреб не рассердился, а только вновь повернул голову.

— А вот,— торговец кинул Трою специальную рукавицу.

Ястреб закричал. Открыв дверь, Хоран просунул защищенную руку внутрь. Ястреб, наклонив голову, провел клювом по защитной ткани рукавицы, но не ударил, а прямо с насеста перескочил к Трою на запястье. Очень осторожно Трой вынес птицу в коридор.

— Оллахууу!

Оба резко обернулись на этот охотничий клич. Слегка улыбаясь, с ними рядом стоял Рерн.

— Вашего друга, похоже, уже можно выпускать,— заметил он.

Ястреб раскачивалея и распускал крылья, радуясь освобождению из клетки. Его когти цепко держались за руку Троя, тем самым показывая, что птица не хочет улетать.

— Прекрасно,— поздравил Рерн Кайгера.— Если он также и на охоте будет хорош, вы, торговец, совершите выгодную сделку.

— Испытайте, Джентльхомо.

— Почему бы и нет? Похоже, что в Дикие Земли мне придется отправиться раньше, чем я рассчитывал. Прошу отпустить этого человека вместе с птицей на день раньше.

Кайгер дал согласие, но готовность, с которой он дал Трою лагерный ранец, породила у Хорана какое-то опасение.

Возможностей побыть с кинкажу наедине у него не было, ибо рядом с ним всегда оказывался либо сам Кайгер, либо кто-то из служащих, поэтому животное все время оставалось свернутым в шар. Трою очень хотелось взять его с собой, но он не знал, как объяснить свое желание.

Флиттер Рерна был очень хорошо приспособлен к дальним полетам, а в Диких Землях мог бы послужить и убежищем.

Когда Трой, неся птицу, занял место, Рерн уже ждал его. Пилота не было, а охотник оказался неразговорчивым. Вместо пышного городского наряда на нем были пятнистые, желто-коричневого цвета мягкие кожаные брюки и куртка из того же материала, в глубоком вырезе которой виднелась загорелая кожа. Драгоценные кольца, державшие его локоны, заменила кожаная лента. На талии охотника был лишенный украшений пояс со множеством ячеек, в которых находились станнер, нож для рубки ветвей и множество различных инструментов и приспособлений.

Флиттер под искусным управлением Рерна спирально поднялся выше обычных путей и устремился на север. Тщательно ухоженные сады отходили все дальше и дальше, а перевалив через хребет, они оставили позади всех жителей Тикила. Территория под ними была хоть и необитаема, но все же находилась под господством человека, так как на ней располагались многочисленные охотничьи домики, гораздо слабее присутствие человека ощущалось только за Ларшскими горами. Такое положение охотничьими кланами сохранялось сознательно. Они превратили Дикие Земли в загадку, и без их руководства перевалить Ларш теперь никто не осмеливался.

Неожиданно требовательный крик ястреба нарушил тишину в кабине флиттера, и, пока Трой успокаивал его, Рерн впервые с начала полета заговорил:

— Выпустите его из клетки.

Трой заколебался. Если птица попытается взлететь, отказавшись сесть ему на руку, это приведет к неприятностям, а с другой стороны, нужно научить птицу путешествовать без клетки, если

он хочет использовать ястреба в будущем. Надев рукавицу, он просунул руку в приоткрытую дверцу и даже через ткань почувствовал хватку когтей птицы. Трой осторожно положил руку на колено. Ястреб сидел спокойно, поворачивая голову с хохолком и разглядывая кабину и небо. Трой тоже успокоился и, в свою очередь, взглянул на вздымающуся зубчатую стену на фоне неба — Ларш.

Но они не полетели прямо через горы, а свернули к северу и некоторое время летели вдоль горной стены. Только через час показался проход — ущелье между двумя пиками. За ущельем появилась земля, затянутая туманом, о которой в Тикиле знали мало.

Рерн начал по спирали опускать флиттер, как только они миновали ущелье. Теперь под ними была путаница из меньших пиков и холмов, виднелись две реки. Стараясь разглядеть как можно больше, Трой прижался к прозрачной стене кабины. Толстый слой тумана лежал между флиттером и землей.

Охотник с нетерпеливым ворчанием вновь изменил курс. Внезапно вспыхнул красный глазок на контрольном щите, но они продолжали лететь без отклонений.

— Предостережение! — из динамика прозвучал приказ Патруля, хотя законы Тикила здесь не действовали.

— Предостережение принято,— произнес Рерн в микрофон.— Говорит Рерн Доупрабон.

— Правильно. Предостережение снимается.

Трою очень хотелось задать вопрос, но Рерн опередил его.

— Справа от вас... мы как раз пролетаем...

Флиттер опускался по пологой дуге. Здесь не было тумана и никакой растительности. Среди скал и песка виднелись развалины. То, что они искусственного происхождения, было ясно даже на расстоянии.

— Что это?

— Рукарв. «Проклятое место».

ГЛАВА 6

Но они не пролетели над этими останками чужой цивилизации, предшествовавшей первой высадке людей на Корваре, прямо, а направились на север. Трою было известно, что виденное ими — лишь часть руин. Под поверхностью на многие мили тянулись коридоры и залы. Рукарв полностью никогда не был исследован.

— Сокровище...— пробормотал он.

Рерн невесело улыбнулся.

— Если оно не плод воображения, то никогда не было найдено. Даже после экспедиции Фауклова.

Они миновали голую поверхность с руинами, и теперь под ними

тянулась окружавшая пустыню Рукарва богатая растительность.

— А почему пустыня вокруг руин? — спросил слишком заинтересованный Трой, забыв о разделяющем их расстоянии.

— Объяснений имеется с полдюжины,— отозвался Рерн,— но только одно из них логично, хотя, вероятно, ложно. Рукарв такой же, каким был двести лет назад, во время первой исследовательской высадки. Фауклов и его люди, по-видимому, обнаружили причину этого прежде, чем сошли с ума и перебили друг друга.

— Их вызыватель работает?

— Приборы спасательного отряда зарегистрировали волну откуда-то из глубины,— ответил уклончиво Рерн,— но немедленно заглушили излучение, едва увидели происшедшее с Фаукловым и остальными. Теперь, окруженный барьером, Рукарв находится под постоянным заглушающим действием. Ближе двух миль к известным входам в глубину не может приблизиться ни один флиттер. Время от времени мы задерживаем пустоголовых искателей сокровищ, пытающихся проникнуть за барьер, а поездка в штаб-квартиру и просмотр трехмерных изображений случившегося с экспедицией Фауклова от желания посетить Рукарв излечивает их полностью.

— Если действует вызыватель...— Трой размышлял над тем, что могло произойти в подземных переходах.

Фауклов был известным археологом, добившимся выдающихся успехов в восстановлении дочеловеческих цивилизаций благодаря использованию вызывателя — прибора, находящегося все еще в стадии экспериментальной разработки. Помещенный в некогда населенное живыми существами сооружение, этот прибор, при правильном управлении, воспроизводил в инфракрасном диапазоне картины происходившего здесь давным-давно. Споры о датировке и значении уловленных прибором Фауклова сцен продолжались до сих пор, но с тем, что археологу удалось увидеть прошлое, согласились все. И эти призрачные видения становились часто предметом дальнейших многообещающих исследований.

Загадка Рукарва привлекла его три года назад. Исследуя верхние уровни подземной крепости, кроме голых коридоров и помещений люди ничего не нашли. Разрешение на использование вызывателя Совет Фауклову дал, оговорив для Корвара право на все, найденное с помощью прибора. Результатом было кровавое побоище, о котором нигде подробно не сообщалось. Работавшие вместе много лет люди, вероятно, сошли с ума. Последствия были ужасны.

— Вызыватель если и работал, то слишком хорошо,— ответил Рерн.— Спасательный отряд его не нашел. Он помещен, вероятно, слишком глубоко. И как только поняли, что происходит, его заглушили. Ага, вот и маяк!

В сумерках было ясно виден мигавший на земле свет. Сделав

круг, Рерн аккуратно посадил флиттер на посадочное поле на краю леса из гигантских деревьев, полностью закрывших золотой край неба. Ястреб на руке Троя, расправив крылья, издал новый крик.

— Хочется поработать, крылатый брат? — рассмеялся Рерн.— Но подожди до рассвета.

Из-за древесной стены вышли два человека в кожаной одежде, как у Рерна, только у одного за плечом виднелся охотничий лук. Мельком взглянув на Троя, они принялись внимательно рассматривать ястреба.

— От Кайгера,— Рерн указал на птицу без всяких приветствий,— а это — Трой Хоран, приручающий ее.

Снова беглый взгляд, словно Троя классифицировали.

— Добро пожаловать к огню, к очагу,— произнес один из двоих, вероятно, формальное приветствие, но Трой понял, что он чужак в этом мире, присутствие которого лишь терпят.

Причину оценки жителей Диппла он понял и принял уже давно, но тут потому почувствовал себя уязвленным, что Рерн с ним держался по-другому. И снова к нему на помощь пришел тот же Рерн.

— Всадник с Нордена,— спокойно, без следа насмешки в голосе сказал он,— у очага Доупрабона всегда встретит радушный прием.

— На равнинах Нордена больше нет всадников,— не успокоился Трой.— Я житель Диппла, Джентльхомо.

— Равнины остаются в памяти,— ответил Рерн.— А ястреба, если он поедет с нами, оставьте вне клетки. Сегодня мы ночуем на пятом посту Лиги.

Тропа, достаточно различимая в полутьме, вилась меж деревьев, но Трой был уверен, что трое рейнджеров Диких Земель и в темноте нашли бы путь. Тропа вела вверх, пока среди деревьев не показались уступы скал, а потом оборвалась над обрывом у озера.

Пятый пост находился в стене утеса. Люди, охраняющие эту дикую местность, хотели почему-то скрыть свое жилище, словно они шпионили среди вражеских постов. Трой прошел в замаскированную дверь и оказался в большом помещении, в глубине которого виднелись ниши, служившие спальнями.

Воспоминания зашевелились в голове Троя. Фермы Нордена тоже были сооружены из дерева и камня людьми, которые больше полагались не на машины, а на свои силы и умение.

Ястреб крикнул, и из одной ниши раздался в ответ похожий крик. Прежде чем птица взлетела, Трой успел перехватить ее лапы. Вытянув шею и подняв гребень, ястреб испустил глубокий вопрошающий возглас. Рерн прошел вперед и отбросил занавес. В нише, на одном из трех насестов, сидела птица, абсолютно не похожая на ястреба Троя.

Если ястреб был огнем, то эта птица — дымная тень. Ее голова

была круглой и без хохолка, уши с кисточками торчали прямо, возвышаясь над пушистым серым оперением, а глаза, в свете костра необычайно большие и темные, как будто целиком состояли из зрачков. В размерах птица ястребу не уступала, а мощные когти и изогнутый клюв выдавали в ней хищника.

Она смотрела на ястреба только с интересом, не проявляя вражды. Один из лесных жителей протянул руку в перчатке, и птица перепрыгнула на этот новый насест.

— Овхи,— пояснил Рерн.— С ястребами они хорошо уживаются.

До этого Трой никогда не видел этих несравненных ночных охотников, хотя много слышал о них. Он смотрел, как рейнджер, вынеся птицу из пещеры, подбросил ее вверх. Мгновение спустя они услышали охотничий клич:

— Ооооовхиии!

Кивком головы Рерн указал на насест, и Трой поднес к нему руку с ястребом. С минуту ястреб осматривал насест, потом перескочил на него и стал ждать, когда Трой предложит ему ужин.

Как только Рерн, Трой и их багаж оказались в пещере, рейнджеры покинули их, так как у каждого жителя леса под контролем была большая территория, которую нужно было обходить днем и ночью. Говорили они мало, и Трой подумал, что их сдерживает его присутствие. Ухаживая за ястребом, он старался быть незаметным.

После ухода рейнджеров они сели у огня на широкие толстые подушки, набитые чем-то, издававшим приятный аромат травы, которые заменяли стулья, и Рерн распаковал ранец с едой.

Во время еды Трой слушал рассказ охотника о жизни рейнджеров, об изучении Диких Земель, об охране природы, но не вмешательстве, о стремлении не нарушать хрупкое экологическое равновесие.

Здесь была прекрасная древесина, использовать которую можно было только под надзором охотничьих кланов, были травы, используемые на других планетах как лекарства, а также ценные животные. Таким образом, Дикие Земли являлись кладовой, ключи от которой держали кланы и, в случае необходимости, удержали бы их силой.

Дальше к востоку, в лесистых долинах и на обширных равнинах между браконьерами и охранниками происходили сражения, но кланам пока удавалось справляться с грабителями, поскольку Корвар был объявлен планетой удовольствий. Трой многое знал из этого, но Рерн говорил о датах и местах, называл имена.

Хотя рассказ был захватывающим, Троя такой сказкой нельзя было отвлечь, и разговорчивость Рерна начала его удивлять.

— Металлических руд на Корваре нет,— продолжал тем вре-

менем Рерн,— но если бы их месторождение здесь нашли и сняли запрет на разработки...

— А это возможно? — спросил неожиданно Трой, осознавая, что готов сам защищать Дикие Земли от уничтожения. В нем медлительно шевельнулось что-то, вспомнилось из чувства самосохранения. Он хотел подобно ястребу испытать крылья в открытом небе, на свободе.

— Мы мало чему научились,— губы Рерна сухо изогнулись.— Я могу назвать сам сотню планет, погубленных из-за жадности. Не только сгоревшие во время войны, нет, а убитые за многие годы. Пока Корвар сохраняется нами в качестве планеты удовольствий для владык других миров, большинство из которых невероятно жадны, он останется неприкосновенным, так как никто не хочет жить на опустошенной планете. В сохранности Корвара заинтересованы и обитатели вилл, пока у них власть и богатство. Но сколько это будет продолжаться? Помимо сказочных сокровищ Рукарва, могут быть и другие, гораздо более доступные сокровища.

— У вас было двести лет, а у Нордена — меньше ста, благодаря саттор-командующему Ди!

— Годы не утешают, когда человек видит конец образа жизни, который он любит. Что прошлое, когда будущее готово к убийству? Да, за Норден отвечает саттор-командующий, умерший в собственном саду от яда, и убийца еще не найден.

Откуда Рерн знает все о Ди? О яде никаких сообщений не было. Трой ощутил себя крысой-софару, на которую упала тень ястреба. Неужели Рерн хочет расспросить его о кинкажу, или чувство собственной вины заставляет его всех подозревать?

Но на разговоре о командующем Ди охотник не задержался, а принялся расспрашивать Троя о детстве. Любой другой корвариан показался бы Трою нахальным, но Рерну от отвечал правдиво, так как в его вопросах звучала искренность, не уклоняясь, как привык это делать. Он даже не скрыл, что в его памяти воспоминания о Нордене подернулись легкой дымкой.

— Здесь тоже есть равнины. Подумайте об этом,— загадочно сказал Рерн и поднялся одним легким движением.— Сильный человек многому может научиться, если есть достаточно времени. Ваша койка крайняя, Хоран. Пусть вас ночью не навестят злые сны,— снова ритуальная фраза.

Трой проверил состояние ястреба. Птица спала, подобрав одну ногу в перья, как делают птицы его вида. После этого Трой лег на койку, указанную ему Рерном, которую заполнял не пластипен, а сухая трава, подавшаяся под ним и охватившая его тело. Его ноздри заполнил слабый аромат, и он уснул без всяких сновидений.

Проснувшись, он увидел, что дверь пещеры распахнута, сна-

ружи доносились птичьи голоса. Трой протер глаза и скатился с койки. Очаг погас, в помещении никого не было. Наружу его выманил воздух нового дня в Диких Землях, и он посмотрел вниз на долину и озеро. Что-то поднималось и опускалось недалеко от берега, и он, присмотревшись, понял, что это пловец. Трой спустился по высеченным в скале ступеням вниз, где увидел сброшенную спальную пижаму. Он сбросил свою, проверил температуру воды пальцами ног и неуклюже прыгнул.

Трой барахтался около берега, так как не был таким искусным пловцом, как тот, которого он видел. Его движения раскачали цветы, падающие с деревьев, что окружали ручей, питавший озеро. Почувствовав под ногами песчаное дно, он встал, дрожа. Лепестки прилипли к его коже.

— Ужасно холодная вода, Джентльхомо,— сказал он подошедшему вброд Рерну.

Тот остановился, чтобы выжать воду, и, взглянув на Троя, рассмеялся.

— Новое развлечение — цветочная ванна?

— Не я его выбирал, Джентльхомо,— вторя ему, ответил Трой, снимая с себя лепестки.

— Меня зовут Рерн. Здесь мы не ходим тропами Тикила, Хоран.— Он вытерся пижамой, обернул ее вокруг себя и сунул ноги в сандалии. Потом немного постоял, глядя на озеро, и его лицо странно расслабилось.

— День прекрасен, и мы отправимся на плато под Стансилом, чтобы проверить способности нашего крылатого друга.

Снова флиттер понес их на северо-восток, и опять растительность под ними уменьшилась, но не в голую плешь превратилась, как в Рукарве, а перешла в обширную равнину с высокой травой и редкими низкими кустами. Дважды пролетали они над стадами жвачных, и когда мощными скачками животные убегали, высоко задрав хвосты, их рогатые головы гневно тряслись.

— Дикий скот,— сказал Рерн.

— Но у них чешуйки... или что-то похожее,— Трой вспомнил о своих тупанах, утраченных на Нордене, которые также паслись и также могли убегать от летящего флиттера.

— Пластинки эти — затвердевшие мышцы, похожие на кокон насекомых,— поправил его Рерн,— а не чешуйки, как у рыб или рептилий. Стада уменьшаются с каждым днем, телят рождается мало, только мы, к сожалению, не знаем почему. Есть сведения, позволяющие считать, что когда-то они были домашними.

— У тех, из Рукарва?

— Вполне возможно, хотя кто знает...— пожал плечами Рерн.

— Они после себя оставили только эти развалины? Я слышал лишь о Рукарве.

— А это еще одна загадка. Почему у цивилизации единственный город? Может, это только передовой пост исчезнувшей задолго до выхода человека в космос межзвездной цивилизации? Фауклов хотел подтвердить или опровергнуть эту теорию. Правда, на Корваре к северу за равнинами есть еще один след, который очень мал, но это все. Не думаю, чтобы здесь они были туземцами. Да и нанста — дикий скот — слишком чужд остальным животным Диких Земель, чтобы казаться автохтонами. Просто пережившие своих неизвестных хозяев одичавшие стада давно исчезнувшей расы.

Равнины оборвались, и снова появились хребты и холмы. Но вот флиттер приземлился на ровной, казавшейся отрезанной от всего мира площадке. Под золотым светом прекрасного утра тянулось ровное цветущее поле с несколькими разбросанными на нем деревьями. Присутствие человека здесь совершенно не чувствовалось, и, если бы Троя не привез сюда Рерн, он подумал бы, что первым вступает на эту землю.

Рерн посадил флиттер на полоску гравия у воды, зеркало которой было меньше, чем у озера, но больше, чем у пруда. Они вышли и ощутили свежий ветерок. Ястреб расправил крылья и закричал.

— Пусть охотится. Ооооахуууу! — и Рерн подбросил ястреба. Поднявшись по большой дуге, птица исчезла в небе.

ГЛАВА 7

Грело солнце. Трой лежал на траве, от которой поднимался давно забытый им в Диппле крепкий аромат. Он не спал, но чувствовал сонливость.

На поднятом к небу участке Корвара они провели удивительное утро. Даже ястреб, насладившийся свободой и ветром в облаках, спокойно сидел на насесте, сооруженном Троем из срезанной ветки дерева. Насекомых было мало: не слышалось гудения, не ощущалось укусов.

Трой встал и отошел от флиттера, обходя стороной насест и лежащего Рерна. Ветер трепал его коротко остриженные волосы, бился о тело. Трой неожиданно мысленно увидел картину прошлого — множество клеток в комнате и меховой шар — животное, свернувшееся в поисках спасения.

Эти кошки, кинкажу... ястреб, легко поддающийся приручению. Но земные животные — тут была разница, как будто они сделали большой шаг навстречу человеку. Трой ощутил, как его охватывает возбуждение... Неужто это правда? Перед ним открывался новый мир.

Испытывая сильное желание рассказать о своих догадках охот-

нику, он оглянулся на Рерна. У него была надежда, что тот поверит ему, ибо никто на Корваре не обращался с ним как со свободным и равным человеком, то есть как просто с Троем Хораном, а не обычным жителем Диппла. С того момента, как они вступили в Дикие Земли, в нем росло ощущение жизни, полноты существования. Все еще сомневаясь в мудрости своего решения, Трой повернулся к Рерну, но было слишком поздно — небо больше не было пустой золотой аркой. На скорости, указывающей на срочность, спускался второй флиттер.

Рерн, готовый к действиям, сел в траве. Флиттер коснулся земли недалеко от их собственного, и из кабины выскочил человек в поношенной кожаной одежде рейнджера, поверх которой была надета куртка городского жителя. Он торопливо заговорил с охотником, после чего Рерн подозвал Троя.

— Вас отвезет в Тикил Харс,— сказал он резко, не объясняя причины изменения планов.— Кайгеру скажете, что ястреб мне нужен, только заплачу позже,— он замолчал и на одну-две секунды задержал взгляд на Трое, словно хотел что-то добавить к этому краткому прощанию, но тотчас же отвернулся и, ни слова не говоря, сел в свой флиттер.

Слегка сердясь на свои недавние мысли, Трой посадил ястреба на руку и присоединился к Харсу во втором флиттере. Машина Рерна, круто взлетев, направилась на север, к штабу Кланов, а Харс выбрал кратчайший путь в Тикил. После полудня Трой снова оказался в магазине Кайгера, где в коридоре его встретил торговец.

— А где охотник Рерн? — спросил экс-космонавт, заглядывая за спину Троя и ища охотника.

Пока Трой все объяснял, Кайгер слушал его, поглаживая шрам на лице, но у молодого человека создалось впечатление, что торговец ждет более важной информации, чем сообщение о продаже ястреба.

— Вы как раз вовремя,— сказал Кайгер.— Посадите его в клетку и помогите кормить животных.

Когда Трой подошел к клетке кинкажу, один из служителей, в это время наполнявший водой ванночки, даже головы не поднял. Только в клетке мехового шара не оказалось. На Троя смотрело совершенно другое существо: остроносое и остроглазое.

— Вернулись? Очень кстати.— Служащий прислонился к стене.— Вашу работу пришлось делать нам. Как дела?

— Продал ястреба.

Хотя за время его отсутствия из клетки исчезло одно земное животное, а на его месте оказалось другое, происходящее больше не интересовало Троя, хотя он был полностью уверен, что новичок — то самое животное, которое Кайгер показывал Великому Первому Лидеру — лиса.

Одно животное — нет, два! Внезапно он увидел забившееся в угол второе животное, повернувшееся к миру спиной, как кинкажу. Еще он заметил, что глаза первого животного, как когда-то глаза кошек, внимательно изучают его. Один стоит на страже... Почему он подумал так?

— *Один сторожит, а другой спит.*

Ответ пришел ниоткуда. Лиса, казавшаяся встревоженной вначале, спокойно села, как это делали кошки...

— Кто эти новые? — пытаясь скрыть свой интерес к обитателям клетки, спросил Трой у служащего.

— Вы не будете о них заботиться, дипплмен, приказ босса. Он ухаживает за ними сам.

— Хоран!

Чувствуя себя почему-то виноватым, Трой оглянулся. У входа стоял Кайгер.

— Уходите отсюда и помогите Джинги.— Он сам провел Троя в помещение морских свинок.

В дальнем конце помещения на столе стоял переносной аквариум, в который наливал маслянистую жидкость из другого аквариума Джинги, обычно обслуживающий этих животных. Взглянув на существо, прилипшее к стенке аквариума, Трой не поверил, что такие могут существовать не в безумном воображении, а в действительности. Каких только странных животных видел он во плоти, а не на трехмерной проекции, но это существо было не странным, оно было невозможным, его вид вызывал ужас. Чувствуя подступающую тошноту, Трой попытался отвести от него взгляд, но не смог.

У края стола стоял маленький человечек в одежде чиновника административного бюро и внимательно следил за действиями Джинги. Это был бесцветный и незапоминающийся человек. Он положил обе руки на стол, жадность сверкала в его глазах, а бледный язык двигался по бледным губам взад и вперед, как у ящерицы.

— Прекрасно, торговец Кайгер, прекрасно!

— Только не для меня, горожанин,— Кайгер быстро взглянул на обитателя аквариума.— Эти хур-хуры...— он замялся в поисках подходящего слова, потом закончил: — Их трудно назвать прекрасными, горожанин Драгур.

— Что вы, торговец Кайгер, они просто очаровательны...— Маленький человечек стал похож на поднявшего крылья ястреба, готового ударить.— Они прекрасны! Для моей коллекции великолепнейшее пополнение.— Он посмотрел на Троя.— Этот молодой человек поможет при перевозке? Надеюсь, он знает, как обращаться с такой ценностью? Пока этот бесценный образец не погрузится в мой бассейн, за него несете ответственность вы.

Трой не желал иметь ничего общего с хур-хуром и собирался сказать об этом, но, заметив взгляд Кайгера, вовремя вспомнил

о своем семидневном контракте, который надо будет скоро возобновить. В конце концов аквариум, наполняемый Джинги, прочен, к тому же рядом ждет непрозрачная оболочка, а на содержимое можно и не смотреть.

Тем временем Джинги взял стержень и очень осторожно ввел в аквариум, а потом ткнул им хур-хура. Неспособный отвести взгляд, Трой с зачарованным отвращением смотрел, как чудовище своими щупальцами обследовало стержень и присосками прижалось к нему. Стержень вместе с хур-хуром Джинги перенес в контейнер и, захлопнув крышку, начал прилаживать ремень для переноски.

Трой очень неохотно поднял цилиндр, ощущая его дрожь: вероятно, хур-хур исследовал свою новую тюрьму, и его пальцы чуть было не разжались.

— Осторожно! Осторожно! — приплясывал Драгур вокруг Троя, пока тот надевал через плечо ремень. На помощь своему служащему пришел Кайгер.

— Они не такие уж хрупкие, горожанин. А вот и еда для него.— Он почти насильно сунул в руку покупателя небольшой ящичек, в котором суетились и визжали, словно предчувствуя свое ужасное будущее, маленькие животные. Зная, каким оно будет, Трой взглянул на цилиндр и подавил приступ тошноты.

Но, как обнаружилось в дальнейшем, Трой обязан был не только донести контейнер до флиттера Драгура, а и сопровождать его до дома. Пилотировал флиттер сам Драгур со скоростью чуть превышающей скорость пешехода и, в отличие от Рерна, много болтал. В разговоре он к Хорану не обращался, напротив, как бы мыслил вслух. Его мысли касались соперничества с неким Мазели, который в иерархии их учреждения мог превзойти Драгура, но у которого в коллекции не было хур-хура.

— Прекрасно! — довольный Драгур свернул на ведущую к окраинам Тикила дорогу.— Он в это никогда не поверит, никогда! Я приглашу его в следующий клубный день вместе с Вилвинсом и Соркером. Я проведу его по комнате и покажу лупанских улиток, бросающихся червей, дам ему возможность похвастаться имеющимся у него, а потом...— Сняв одну руку с руля, Драгур похлопал по крышке контейнера.— Потом — хур-хур!.. О, он никогда со мной не сравнится! Никогда! — Внезапно маленький человечек вспомнил о существовании своего спутника.— Не так ли, молодой человек? А когда торговец Кайгер даст сертификат, подтверждающий, что это единственный экземпляр... ведь при жизни животного он не привозит другой экземпляр, правильно?

Этого Трой не знал, но благоразумие продиктовало ему утвердительный ответ.

— Да, горожанин.

— Значит, хур-хура в коллекции Мазели никогда не будет. Никогда! Живут они лет двести или триста, а это, по словам торговца, молодая особь. О, Мазели может хотеть, но не получит! Такого маленького красавца у него не будет! — Драгур в возбуждении снова похлопал рукой по крышке цилиндра.

Вероятно, его возбуждение передалось животному, которое так заметалось, что Трой вынужден был держать цилиндр обеими руками.

— Осторожно, молодой человек, осторожно! Что вы делаете? — Драгур возмущенно уставился на Троя, остановив флиттер.

— Мне кажется, оно сильно возбуждено, горожанин,— ответил Трой, держа обеими руками трясущийся цилиндр.— Оно, вероятно, желает обратно в аквариум.

— Да, да, разумеется.— Рывком тронув флиттер, Драгур поехал с гораздо большей скоростью.— Скоро, очень скоро мы будем...

Драгуру принадлежал один из небольших домиков, расположенных на границе с торговой зоной. Он одной рукой прикоснулся к замку, а другой поманил Троя. Встретившая Хорана атмосфера была какой угодно, но только не соблазнительной. Вентиляция и дезодорация в магазине Кайгера делали атмосферу пригодной для дыхания, здесь же запахи морских животных были в тысячу раз сильнее.

Комната представляла собой морское дно в миниатюре. Свет был притушен и слегка зеленоват. В центре комнаты находился бассейн, а вдоль стен на скамьях стояли аквариумы.

— Молодой человек, стойте на месте! — Обойдя бассейн, Драгур направился к столу в темном углу комнаты. Вытащив пустой аквариум, он поставил его в ряд с остальными и начал с усилием переливать жидкость из нескольких стеклянных контейнеров, время от времени принюхиваясь к полученной смеси.

Трой переминался, так как тяжеловесный контейнер продолжал дергаться, и ремень врезался в плечо. Хоран с удовольствием убрался бы из этой конуры со страшилищами и дурным запахом. Многие из обитателей казались ему не более привлекательными, чем хур-хур. Смесь наконец-то удовлетворила Драгура. Как художник, кладущий последний мазок на свой шедевр, он добавил что-то, похожее на гнилой корень, и подозвал Троя.

Неужели Драгур думает, что Трой в состоянии пересадить хур-хура по методу Джанги? Если это так, то на этот раз покупатель сильно ошибается. Делать это Трой не собирался.

Но доверить такую ответственную работу новичку Драгур вовсе не жаждал. Как только Трой снял контейнер, Драгур велел ему отойти, а сам ловко извлек хур-хура и поместил его в новый дом.

— Ну, вот и все!— Драгур вернул Трою магазинный контейнер.— Теперь необходимо оставить его в одиночестве на три дня, навещая только для кормежки.

— Это все, горожанин?— коротко спросил Трой, чувствуя, что не может и минуты остаться в этой вонючей комнате.

— Что?— Драгур, казалось, забыл о нем.— Ах, да, это все, молодой человек. А мы не виделись с вами раньше? Не вы в последний раз доставляли мне продукты?

— Нет. Я у Кайгера недавно.

— Да, я помню, в последний раз приходил Зул. А как вас зовут, молодой человек?

— Трой Хоран.

— Трой Хоран? Это иноземное имя.

— Я с Нордена.— Трой подошел к двери, надеясь вдохнуть свежего воздуха.

— Норден?— Драгур мигнул, как бы представляя звездную карту, на которой можно поместить Норден.— Значит, вы, как и торговец Кайгер, космонавт? То есть бывший космонавт?

— Я из Диппла.

— Ага,— промямлил Драгур, проявляя обычную для горожанина смесь замешательства с раздражением.— Заверьте торговца Кайгера в моем удовлетворении. Я очень-очень доволен. И напомните ему, пожалуйста, что это должен быть единственный экземпляр.

— Об этом пункте, горожанин, торговец помнит, я уверен.

Драгур проводил его до двери и указал на ближайший движущийся тротуар, но не вернулся в дом до тех пор, пока Трой не удалился на достаточное расстояние. По всей вероятности, он хотел убедиться, подумал Трой, что выходец из Диппла убрался.

К сожалению, этим день раздражения и разочарования не закончился. Так хорошо начавшееся утро, когда он проснулся в Диких Землях, закончилось очень плохо, потому что вечером Трой у клеток увидел Зула. Маленький человечек двигался быстро, несмотря на небольшую хромоту, и возвращению Троя совершенно не обрадовался.

Подходил к концу семидневный контракт, Трой помнил об этом все время, но Кайгер не обязан его возобновлять. А с возвращением Зула он наверняка не сделает этого. Трой почти ничем не был занят; поскольку Зул отобрал у него, в сущности, всю работу, а когда Трой принес воду к клетке лис, тот отослал его прочь. Об окончании действия контракта он ожидал услышать всякий раз, как только видел Кайгера, но тот молчал до самых последних минут перед закрытием магазина. Троя позвали в комнату животных, где он увидел Кайгера и явно чем-то недовольного Зула.

— Будете совершать ночные обходы, как обычно,— приказал Кайгер.

Он положил свою широкую руку на плечо Зула и повернул его с такой легкостью, словно маленький человечек ничего не весил.

Взгляд, которым желтолицый наградил Троя, заставил последнего уже не в первый раз пожалеть о том, что не имеет права носить на поясе нож.

Свой первый обход Трой совершил, как только магазин закрыли и животные успокоились, и осмотрел каждое помещение. Он не мог объяснить, что искал и почему чувствовал растущее беспокойство. Торговое помещение и комната птиц были в полном порядке. Ястреб, когда Трой прошел мимо него, позволил ему провести пальцами по гребню и мощным клювом, способным убить, слегка прикоснулся к его ладони.

Но вот он в помещении животных. И только тут Трой осознал, чем вызвано его беспокойство. Что произошло с кинкажу? После его возвращения никто не упоминал о животном, а на его месте находились лисы. Может быть, животное, как ценную часть наследства, передали наследникам саттор-командующего Ди?

Внезапно Трой понял, что должен обязательно найти животное, которое просило его о помощи. Выйдя из комнаты, он направился к своей койке и лег на нее. Если одним способом он не нашел кинкажу, то, возможно, подействует другой.

ГЛАВА 8

Глаза Троя были закрыты. Стараясь впасть в то состояние, в котором он слышал бессловесный разговор, Трой расслабил нервы и мышцы. Коммуникатор доносил обычные звуки животных и птиц, но Трой старался не слушать.

— *...здесь. Вне...*

Не слова, а скорее впечатления, сигналы или мольба.

Открыв глаза, Трой сел... шепот прекратился. Он снова лег, сердясь на отсутствие у себя самоконтроля и стараясь снова уловить ниточку разговора.

— *Вне... вне... опасность...*

Он лежал и, затаив дыхание, напряженно вслушивался.

— *Из...*

Ну конечно, мольба, он был в этом уверен. Но откуда и от кого? Наткнувшись на обрывок веревки посреди большой комнаты, он должен теперь найти ее всю.

— Где?— он постарался выразить мысленный вопрос неизвестному как можно отчетливее, и тотчас же воспринял такое удивление, что чуть уши не закрыл.

— *Кто?*— прозвучал ясный и настойчивый вопрос.

— Трой...— послал он свое имя, но в ответ ощутил замешательство и разочарование, так как в этой призрачной беседе имена ничего не значат.

Тогда он постарался создать картину своей внешности, напряженно думая о своем лице, о каждой его детали.

Хотя чувство замешательства ослабло, но он был уверен, что контакт не прервался.

— Кто?— молча задал он встречный вопрос, уверенный, что обращается к кинкажу, но получил искаженное изображение треугольной маски, острого носа, торчащих ушей и блестящих глаз — лиса!

Не ожидая никаких неприятностей, Трой соскользнул с койки. Если вернутся Кайгер или Зул, он всегда сможет оправдаться тем, что проверял источник неизвестного звука. Только выходя из маленькой комнаты, он почему-то взял из стенной ниши станнер и, бесшумно двигаясь по коридору, направился к помещению животных.

Лисья клетка была накрыта покрывалом. Подняв его, Трой осмотрелся. Оба животных сидели и глядели на него. В скудно освещенном помещении ничего необычного видно не было. Никакого вторжения, как и в том случае, когда своим предупреждением спас ему жизнь кинкажу.

— Что случилось?— ему не показалось странным, что в этот момент он стоит перед клеткой и мысленно задает вопрос двум земным лисам.

— *Большой... он опасен.*

Словно кто-то, обладающий ограниченным запасом слов, пытается выразить сложную мысль.

— Большой — Кайгер?

— *Да*!— последовал быстрый и энергичный ответ.

— А что такое?

— *Он боится и поэтому считает, лучше смерть...*

— Смерть лучше для него?— Трой крепче сжал станнер.

— *Для тех, кто знает... для всех, кто знает...*

— Я?— быстро спросил Трой, хотя у Кайгера не было причин подозревать его.

Ответа не последовало. Или он своим вопросом поставил перед ними новую загадку, или они были неспособны дать ответ, поэтому решили не отвечать совсем.

— Вы?

— *Да...*— но в этом «да» звучала нотка сомнения.

Он подумал о кинкажу, и одна из лис тут же отступила к задней стенке клетки.

— *Он был здесь, а теперь его нет.*

— Где?— попытался понять Трой и мысленно увидел закутанную, но не помещенную в магазин клетку.— Во дворе?— спросил он.

После недолгого молчания последовал уклончивый ответ:

— *Холодный воздух, много запахов, может быть, снаружи...*

Неужели лиса получает сведения от кинкажу? Что ж, возможно, это и правда.

— *Клетка закрыта... не видно.*

Подходит. Должно быть, животное во дворе, в одной из транспортных клеток, но ночью найти ее трудно. А что дальше?

— Спрятаться?

Уловив его мысль, они ответили на нее. Стоящая лиса тяжело дышала и высовывала из пасти красный язык.

Трой обдумывал проблему. Какие причины заставили Кайгера спрятать кинкажу, чтобы потом уничтожить? Если в это вмешаться — значит напроситься на неприятности. Торговец не только разорвет контракт, но и внесет Троя в черный список, и тогда Трою уже не получить работу в Корваре. С жителями Диппла в прошлом случалось такое из-за гораздо меньшего... Следовательно, нужно закрыть лисью клетку, выйти из помещения и забыть обо всем, тогда он будет в безопасности...

В безопасности? Он взглянул на животное. Кинкажу, лисы и даже кошки знали о его способности общаться с ними. Допустим, они передадут информацию Кайгеру. Этот прерванный разговор прошлой ночью... Если бы только Кайгер знал, что Трой «слышал» его... Да, отказ от помощи может быть опасен.

Не делая больше попыток разговаривать с лисами, Трой задернул на клетке покрывало, сунул станнер за пояс и, прокравшись к задней двери, осторожно выбрался во тьму.

Как он охранял магазин изнутри, точно так же совершал обходы двора и старший служащий, поэтому присутствие Троя у клеток крупных животных может их разбудить и вызвать шумный протест, что сразу же его выдаст. Хоран не имел ни малейшего представления о местонахождении клетки с кинкажу, если она вообще здесь.

Скользя вдоль стены и прижимаясь к ней левым плечом, он перебегал открытое пространство от одного укрытия к другому, направляясь к двери склада, откуда доносился запах сена, семян и сухих растений. Эти смешанные ароматы напоминали ему двадцатичетырехчасовое пребывание в Диких Землях. Может быть, именно в эти мгновения у него родилась идея — туманная мечта о возможности спасения, если Кайгер надумает отправить его назад, в Диппл.

Дверь под его легким нажимом подалась, и он вошел. Дверь за ним тотчас же закрылась, но сквозь щели можно было видеть большую часть двора. Где же здесь спрятана клетка? И кто спрятал: Кайгер или кто-то из служащих?

Вероятнее всего, это Кайгер или Зул. Трой был уверен, что Зул не хотел, чтобы он оставался в магазине.

Внезапно что-то шевельнулось у двери, ведущей в личные помещения Кайгера. Какая-то фигура двинулась на открытое место,

и Трой узнал Зула. Двигаясь вдоль ряда загонов, Зул укрывался в тени, очевидно, не желая, чтобы его заметили. Ни одно животное не встревожилось, так как все привыкли к его запаху. Потом он исчез, словно прошел сквозь стену. Но теперь, если он шел беззвучно, послышались чьи-то шаги с противоположной стороны двора. Когда они приблизились к складу, Трой затаил дыхание, осторожно прикрыл дверь полностью и напряженно ожидал, будет ли проходящий охранник ее открывать.

Как только шаги без остановки миновали дверь, Хоран опять приоткрыл ее. Уходящего охранника он не видел, зато услышал, как закрылась дверь на противоположном краю двора, а потом увидел прятавшегося от охранника Зула.

Миновав еще несколько загонов, Зул остановился перед последним в ряду, где содержались два небольших трасси с Лонгуса... Это были похожие на оленей почти ручные создания. Дверь в загон открылась, и Зул исчез за ней.

— *Повинуйся!*

Мысль-угроза была как удар, и Трой обхватил голову руками. Но в ответ не было ни согласия, ни возражения. Трой представил себе стоящего перед завешенной клеткой Зула, пытающегося подчинить себе пушистый шар.

— *Слушай!* — снова резкий приказ.— *Ты будешь повиноваться!*

И снова полная тишина. Воля против воли, животное против человека? Трой прижался к холодной поверхности двери лбом и напряженно прислушивался к дуэли, которая несомненно происходила во дворе.

Проходили минуты. Зул выскользнул из загона и, прокравшись к стене, исчез в проходе, которым пользовались приходившие в магазин космонавты. Досчитав до пятидесяти, Трой вышел из склада и направился к загону трасси.

Когда он поднял щеколду и вошел, животные зашевелились. Никакой клетки не было видно, и Трой вначале решил, что он ошибся, но когда начал копаться в груде сена у задней стены загона, то ушиб палец о какую-то твердую поверхность. Сидя на корточках, Трой начал развязывать покрытие клетки, и ему пришлось покопаться, так как узлы были двойные.

Кинкажу не двигался и не пытался общаться, хотя, как предполагал Трой, должен был знать о его действиях. Покров был снят, но из-за недостатка света, который пробивался через щели, он не мог ничего разглядеть в клетке. Тогда он чуть приоткрыл дверцу. Маленькое существо, вероятно, готовилось к бегству, потому что молнией вылетело из клетки, опрокинув Троя и взметнув вихрь сена, протиснулось в щель под изгородью и исчезло. Искать его во дворе было бесполезно, так как быстро передвигающееся древесное животное типа кинкажу могло укрыться в сотне мест.

Захлопнув клетку, Трой завязал покрывало, потом стряхнул со своего комбинезона сено и снял с пояса контрольное устройство. Зачем напрашиваться на неприятности? Оставалось надеяться, что исчезнувший кинкажу теперь в большей безопасности, чем когда находился в клетке. А для Кайгера и Зула его пустая тюрьма пусть составит утреннюю загадку.

Трой вернулся в свой угол с твердой уверенностью, что его хозяин принимает участие в гораздо более важной игре, чем контрабанда, и в этой игре каким-то образом участвуют животные. Засыпая, он думал о том, сколько четвероногих землян с необычными способностями размещено на Корваре и зачем.

Если кинкажу и сбежал, то на следующее утро никакой тревоги не было. Все шло как обычно, только большую часть работы в помещении Зул взял на себя, а Троя направили мыть и чистить загоны. Но в полдень его вызвали в комнату птиц, так как Зул не мог справиться с ястребом.

Гневный крик птицы Трой услышал еще в коридоре. Хмурый Кайгер велел ему поторопиться. Зул приплясывал от ярости, время от времени поднося ко рту окровавленную руку, и что-то приговаривал на гала-бэйзике.

— Надо его успокоить,— сказал Трой торговцу.

Кайгер кивнул и вытащил Зула из помещения. Ястреб бил крыльями и широко разевал клюв.

Приблизившись к птице, Трой стал издавать монотонные звуки, которые, как он установил раньше, действовали успокаивающе на всех обитателей клеток. Только не следовало торопиться. Рассердить ястреба до такой степени, что он стал бросаться на стены клетки, означало причинить непоправимый, если не физический, то эмоциональный вред. Сосредоточившись, Трой старался неосознанно установить с птицей умственный контакт, как с земными животными. Хотя ответа он не получил, но ястреб успокоился, и Трой смог взять его на руку. Он хотел вынести птицу на открытое пространство, где бы она окончательно пришла в себя, но поблизости встал Кайгер.

— Во двор,— предложил он.

Через час хорошее настроение птицы восстановилось, и Трой вернул его в клетку. Когда он снимал перчатку, к нему присоединился Кайгер.

— Отлично сделано. Мы сможем вас использовать. Согласны на полный контракт?

Еще бы не согласиться. Это было то, на что он и надеяться не смел — контракт, который даст ему права гражданина! Полный контракт не может быть отменен, если только в случае очень серьезного преступления, и навсегда освободит его от Диппла. Отныне все законы Корвара будут не против него, а за него. Однако... ос-

тавались сомнения и дело кинкажу. Где-то в глубине души Трой уже понял, что не хочет быть верным работником Кайгера, привязанным к магазину обычаем и этикой. Чего он хочет, Трой лишь смутно ощутил в то утро в Диких Землях... Свободы... Он хочет свободы, которой невозможно найти в Тикиле. Глупо, конечно. Трой подавил свои желания и посмотрел на хозяина со всей благодарностью, какую только мог выразить.

— Я согласен, торговец.

— Еще один день старого контракта, и мы заключим новый. Тем временем,— Кайгер посмотрел на ястреба,— я свяжусь со штаб-квартирой охотников в городе. Нам не нужны неприятности с ним, и, если все будет в порядке, вечером вы сможете отвезти птицу.

Но через час Зул вызвал Троя к Кайгеру. Поглаживая шрам, торговец ходил взад-вперед по кабинету. Хотя он не производил впечатления человека, легко поддающегося тревоге, но теперь это не был спокойный и удовлетворенный поставщик роскоши в Тикиле.

— Сейчас мы закрываем,— сказал Кайгер.— Вы остаетесь в магазине. Ни на какие вопросы по дверному коммуникатору не отвечайте, но обходы совершайте как обычно. Меня не будет, но патрульные предупреждены, и в случае возникновения каких-либо неприятностей не пытайтесь справиться сами, а немедленно включайте тревогу.

Интересно, чего ждал Кайгер? Вооруженного нападения? Тем временем торговец надевал ночной плащ с капюшоном, предназначенный для посещения менее респектабельных районов Тикила, а у него на поясе Трой заметил бластер. Видя мрачное выражение его глаз, Трой понял, что вопросы здесь неуместны.

Зул, к удовлетворению Троя, сопровождал хозяина. Теперь, когда магазин закрыт, а час еще ранний, появилась возможность понаблюдать за двором. О том, что кинкажу останется здесь, Трой не думал, разве что ему нужна импортная пища и он привязан к ее источнику. Но, возможно, уже сегодня вечером он подтвердит или опровергнет эту версию.

Только два места были постоянно закрыты в течение дня — склад, в котором прятался ночью Трой, и личные апартаменты торговца. Нет надежды осмотреть их, так как они открываются только от прикосновения рук Кайгера... или от луча бластера. На складе есть десятки укромных местечек среди множества ящиков и контейнеров, где может найти убежище испуганное животное. Итак, кинкажу на свободе, лисы в помещении для животных. Трой не мог избавиться от мысли, что эти трое находятся в контакте. А нельзя ли связаться с беглецом через двоих, оставшихся в магазине? И почему они еще в магазине? Великому Первому Лидеру, насколько знал Трой, не сообщали о прибытии животных.

Трой направился в помещение для животных, вооружившись

ящиком с птицей. Клетка лис была завешена, и он развязал завязки. Одно животное спало или делало вид, что спит, а другое лежало с открытыми глазами. Трой глядел на них и не мог поверить в их возможности.

Стараясь заложить в свою мысль требовательность, которая была у Зула, он спросил:

— Где другой?

Лежащая лиса зевнула и с клацаньем захлопнула челюсти, давая понять, что не интересуется Троем. Подавляя нетерпение, он попытался снова — безрезультатно. Даже если между беглецом и лисами контакт существовал, то Трою об этом они сообщать не собирались. Следовательно, действовать придется самому.

Возвращаясь со двора, он услышал гудение коммуникатора и подошел к ближайшему телеэкрану. На экране возникло лицо Кайгера.

— Хоран?

— Да, торговец.

— Свои обязанности по охране передайте Джинги, а сами доставьте ястреба в штаб-квартиру охотников в районе Террант. Ясно?

— Ясно,— ответил Трой, хотя надежды на исследование склада рухнули.

Приведя одежду в порядок, он выбрал клетку для нервозной птицы. Вернулся ли из своей загадочной поездки Рерн? Вероятно, он это узнает.

ГЛАВА 9

Поздно вечером Тикил меньше заполнен людьми, чем днем. Чтобы попасть в штаб-квартиру охотников, Хоран вызвал флиттер для полетов через весь город, а для возвращения решил использовать движущиеся дороги.

Перед самым зданием, когда он шел к такой дороге, его остановил Харс.

— Вы видели Рерна?

— Я принес ястреба по приказу торговца Кайгера,— Трой был настроен воинственно...

Рерн, за непродолжительное время их знакомства, ни разу не дал почувствовать Трою, что он из Диппла, а при контактах с другими рейнджерами Трой постоянно помнил о своем поясе без ножа и о том, что у него нет родной планеты.

— Вас хочет видеть Рерн.

— Но мне сказали, что его здесь нет.

— Идемте! Он находится в другом месте.

На этот короткий приказ Трой испытал сильное искушение ответить «нет», ибо никакого контракта с Рерном он не заключал. Но его очень заинтересовало, почему Харс был направлен на его поиски.

Проходя через толпу, как через лес, Харс привел Троя к маленькому ресторанчику, одному из тех заведений, которые возникали повсюду для развлечения публики, но тут же исчезали, как только внимание корпораций и публики привлекало какое-нибудь другое развлечение.

— Четвертый кабинет,— сказал ему Харс и отошел.

Ресторан обслуживал служащих различных магазинов, поэтому костюм Троя подозрений не вызывал. Занавески в двух кабинетах были задернуты, что означало, что там происходит частный прием, а в четвертом сидели двое мужчин.

Прислонившись плечом к стене, сидел Рерн в ливрее магазинного служащего. Его собеседником был человек в темном костюме без каких-либо знаков различия. От него, как от человека, привыкшего брать на себя ответственность с ранних лет, исходило ощущение властности.

— Хоран,— Рерн произнес его имя как приветствие, хотя это было, скорее всего, представление незнакомцу.

— Рогаркил,— кивнул Трою незнакомец.

Рерн пригласил молодого человека присесть и спросил:

— Вы заключили с Кайгером постоянный контракт?

— Заключу... завтра...— Трой ощутил легкое беспокойство, хотя не знал причину.

— А пока у вас контракт кратковременный?— спросил Рогаркил.

— Да.

— А если вам предложат другую работу?

— Я дал слово торговцу Кайгеру, поэтому он должен разрешить мне переход.

— Когда имеешь дело с благородным человеком,— сухо улыбнулся Рогаркил,— всегда возникает определенное неудобство, а связаться с бесчестным — значит заблудиться, еще не сделав первого шага по тропе. Итак, вы сейчас человек торговца Кайгера?

— Да.

Этот разговор о чести и бесчестии встревожил Троя еще больше. Чего они хотят от него? Но Рерн не дал ему возможности поразмыслить над тем, что скрывается за этими вопросами.

— Вы можете на некоторые вопросы ответить, не нарушая контракта. Например, правда, что торговец Кайгер для Великого Первого Лидера приготовил земное животное — лису?

— Этот заказ вы слышали сами, Джентльхомо.

— Он ввозит также и других земных животных?

— Да, Джентльхомо, но это общеизвестно.

— Пара кошек для Джентльфам Сан дук Вар, кинкажу для саттор-командующего Ди...

— Я кормлю животных и чищу клетки,— ответил Трой,— а не заключаю сделки и не вижу значительных покупателей...

— Но ведь среди клеток, которые вы чистите, есть и клетки экзотических животных,— прервал его Рерн.— Вы их видели своими глазами, молодой человек?

— Я был с горожанином Зулом при получении в порту кошек...

— Именно тогда вы и попали в неприятность?

Трой медленно перевел взгляд с одного на другого.

— Джентльхомо,— сказал он негромко,— если вы патрульные в штатском, то у меня есть право знать это, ибо закон Тикила защищает человека, даже если он из Диппла.

— Вы в праве не доверять нам, молодой человек,— улыбнулся Рогаркил,— но мы не патрульные и не представляем закон в Тикиле, а просто дело касается Кланов. Вы понимаете, что это значит?

— Джентльхомо, у людей даже в Диппле есть рты и уши. Мне известно, что Кланы гораздо старше законов города. Как говорят, власть Кланов превосходит власть генерал-губернатора Совета. Но это законы Кланов и для Кланов, а я из Диппла. Я должен руководствоваться законами города, если хочу отсюда выбраться. Почему вы задаете мне такие вопросы, я не знаю, но придерживаюсь условий контракта. То, что я скажу, вы можете узнать из записей патрульных. Да, я видел кошек; я принес кинкажу с виллы саттор-командующего, потому что животное там напугали; я видел лис, которые до сих пор в магазине... Но кого интересуют подобные сведения?

— А мы именно это и стараемся узнать,— ответил загадочно Рогаркил.— Законы Кланов, как вы сказали, городом не правят, это правда, но кроме города они действуют везде... Запомните это.

— Это угроза или предупреждение, Джентльхомо?

— Только предупреждение, так как у нас есть причины считать, что вы, молодой человек, ходите по краю водоворота. Смотрите, как бы вам не попасть в течение.

— Это все, что вы хотели спросить у меня?

Взмахом руки Рогаркил отпустил Троя, но Рерн встал следом за ним.

— Я хочу увидеться с торговцем Кайгером.

— Только не сегодня. Магазин закрыт.

Они посмотрели на него так, словно он сказал что-то необычное.

— Почему?

— Кайгер ушел по какому-то делу.

Рерн повернулся к своему спутнику и произнес фразу на незнакомом Хорану языке.

— Для вашего распорядка это необычно?

— Да.

— Так... что ж, должно быть, у торговца Кайгера есть личные дела... В две драки нельзя вмешиваться, уделяя одинаковое внимание обеим. Ну а лисы еще у вас? — С этим вопросом он повернулся к Трою.— А где кинжаку, которого вы принесли от саттор-командующего? Тоже в магазине?

Трой пожал плечами.

— Его в клетке не было, когда я вернулся из Диких Земель. Его, вероятно, вернули наследникам саттор-командующего. Это весьма ценное животное.

— Кайгер его не возвращал,— коротко ответил Рерн и холодно посмотрел на Троя.

— Из клетки он исчез,— повторил упрямо Трой, так как не собирался к этому ничего добавлять, не зная, какой водоворот имели они в виду.

— Парень, по-своему, конечно, прав,— сказал Рогаркил.— Обычный работник и не может знать больше, тем более если он связан условиями контракта... Очень жаль, Хоран. При других обстоятельствах мы могли бы оказаться друг другу полезными. По своим стремлениям и желаниям всадник с Нордена очень похож на охотника с Корвара.

— На Нордене сегодня нет всадников,— заметил Трой и посмотрел на Рерна.

Тот кивнул, и Трой понял, что может уходить. Он поднял руку в знак прощания и вышел из кабинета. Но почему его мучает предчувствие, что он только что безвозвратно захлопнул дверь, ведущую в новый мир? Он ощутил разочарование.

Пробиваясь сквозь толпу, Трой почти не замечал окружающих. Он подошел ко входу во двор магазина и, нажав сигнальную кнопку, приготовился ждать, когда охранник откроет ему дверь. Но, к удивлению Хорана, та открылась сама от прикосновения его ладони, и он увидел тускло освещенный проход.

Он вспомнил, что оставил станнер в комнате, а без оружия и средств обороны проникать во двор не собирался. Дверь должна была быть закрыта. А необычно тусклый коридор — тоже предупреждение. Его может ожидать ловушка.

Трой снял украшенный серебряными пряжками пояс. Полоска кожи, отделанная металлом — единственное его оружие. Он двинулся по проходу вдоль стен, крепко сжав в руке конец пояса и прислушиваясь к тишине двора.

Тихое бормотание животных в загонах могло скрывать нападение. Но с какой целью и откуда?

Достигнув конца прохода, Трой прижался к стене и осмотрел двор. Что-то не так с южной стороны... И тут он заметил разни-

цу: дверь в личное помещение Кайгера, которую он открытой никогда не видел, теперь была распахнута настежь. В центре двора стоял флиттер. Принадлежал ли он магазину, определить Трой не мог.

Но открытая дверь и ожидающий флиттер — это еще не все. Атмосферой ожидания была пропитана вся сцена, словно готовая к выходу актеров. Может быть, из загонов потому доносились лишь приглушенные звуки, что животные тоже ощутили это ожидание? И снова у Троя возникло ощущение ловушки, словно она издавала запах, хотя он точно знал, что ловушка предназначена не для него.

Для кого же тогда? Для Кайгера? Пожалуй. Хоран заметил намеки на личные затруднения торговца, а может быть, даже кровную вражду. И Кланы интересовались экс-космонавтом. В сущности, Трой Хоран добыча для них ничтожная, а вся эта операция проводится ради добычи более важной.

Благоразумие советовало ему убраться со двора и без дальнейших расследований лечь на свою койку, если, конечно, удастся уйти незамеченным. А как в отношении Зула? Маленький человек ушел вместе с Кайгером, но вдруг он надумает вернуться отдельно? Охранники во дворе? Правда, со своего места ни одного охранника он не видел.

Внезапно внимание Троя привлекло какое-то движение, но не во дворе, а наверху одного из загонов. Еще одно такое же движение... Что-то маленькое и темное быстро пересекло полосу света, за ним другое такое же. Для Зула слишком мало... Бежавшие из клетки животные? Тогда почему они устремились не со двора, а во двор? Собираются... Почему он так подумал?

Измерив расстояние между собой и ближайшим укрытием, Трой как можно быстрее прыгнул и застыл, затаив дыхание и прислушиваясь.

В направлении к полуоткрытой двери помещения Кайгера метнулась еще одна тень. Это не было прежнее скользящее движение, а бег, торопливый и слишком быстрый, чтобы Трой мог что-либо рассмотреть. Но он был уверен, что это что-то проникло в квартиру торговца.

Трой двинулся вперед и тут же у самой земли увидел круглые горящие огоньки — глаза одичавшего животного. От удивления он взмахнул поясом, и еще одна тень исчезла в двери.

Теперь тревога смешалась с любопытством, и он тоже двинулся к открытой двери, пересек последние метры и, ожидая нападения, вошел.

Сюда не доносились звуки со двора, но в ушах Трой ощутил биение крови. Это был не звук, а какое-то вызывающее страх давление, но Трой не мог уйти.

Так как ночное освещение было выключено, Трой двинулся вперед на ощупь, пока его нога не коснулась ступеньки. Шаг за шагом поднимался он, а ковровое покрытие заглушало звук шагов. Биение крови в ушах усилилось.

Когда лестница кончилась, он остановился и прислушался. Хотя не было слышно никаких звуков, он чувствовал, что он тут не один. Темнота была полная, а об очертаниях того места, где находился он, Трой представления не имел. Разгулявшееся воображение населило комнату стремящимися к нему людьми. Присев, Трой начал размахивать над полом поясом.

Вдруг справа от него в нескольких футах мелькнул свет. Когда глаза к нему привыкли, Трой увидел, что свет пробивается из-под приоткрытой двери.

Он находился в прихожей, куда выходили три двери, расположенные справа от него. Свет выбивался из последней. Кругом ни звука, но отступить он уже не мог. Он чувствовал, что кто-то или что-то ждет здесь и ему придется посмотреть этому в лицо.

Трой быстро и легко двинулся к двери, коснулся рукой ее поверхности, хотя уверенности в том, что находящееся внутри его не чувствует, не было.

В комнате сидел Кайгер, но не в удобном кресле, а на табурете без спинки и ручек, прижавшись спиной к стене. В руках он держал цилиндр длиной примерно в фут, один конец которого стоял на полу между его ног. Его глаза были открыты и смотрели на Троя так, словно молодой человек не существовал. Человек в сознании не может сидеть так неподвижно, но распахнуть дверь и шагнуть вперед Троя заставил именно этот застывший взгляд.

Проведя языком по внезапно пересохшим губам, Трой подошел ближе. Кайгер не шевельнулся и продолжал сжимать цилиндр. В маленькой комнате кроме небольших полированных шкафчиков вдоль стены ничего не было.

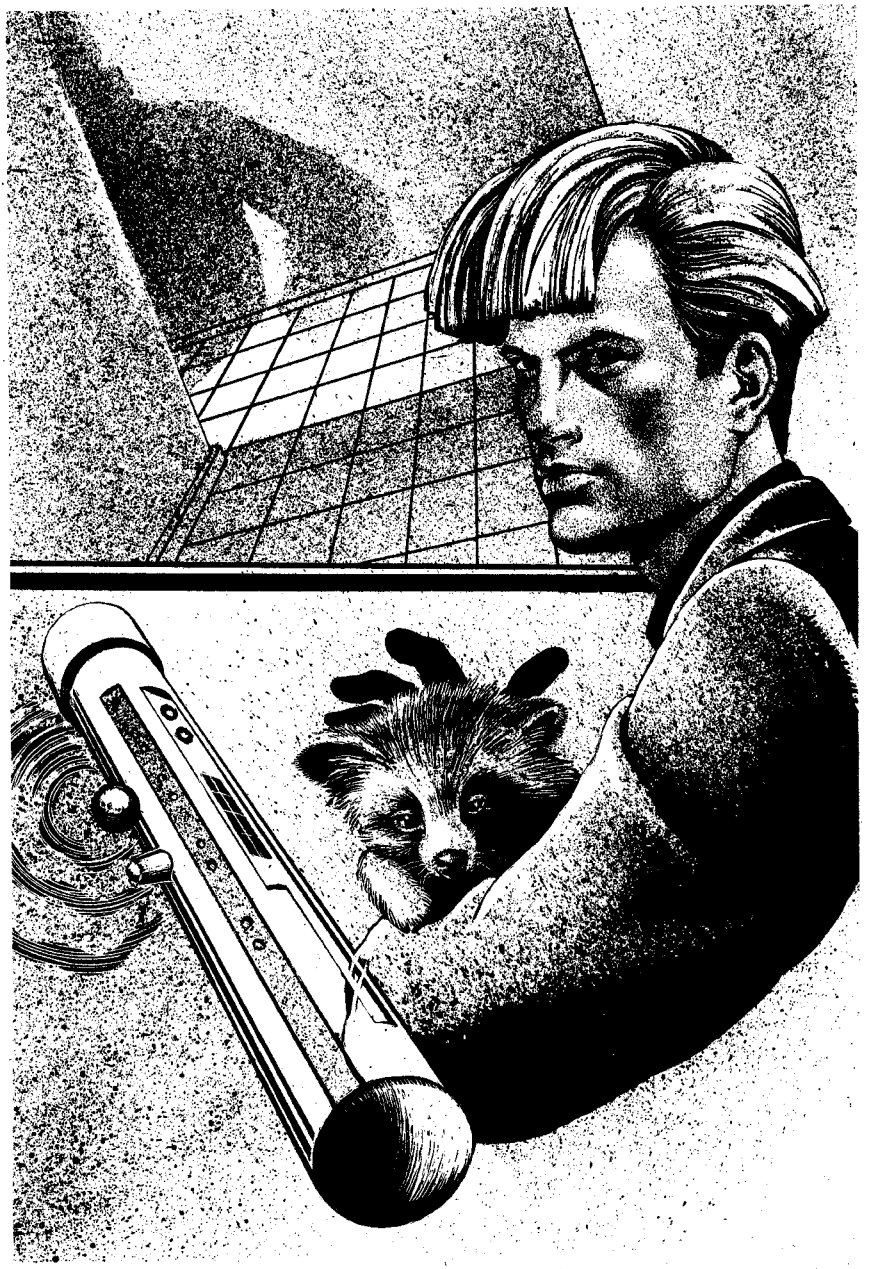
Трой заговорил и тут же об этом пожалел, ибо его слова гулко отдались в пустоте:

— Торговец Кайгер, что-нибудь случилось?

Кайгер продолжал смотреть. И только теперь Трой осознал, что торговец мертв. Он быстро повернулся, чтобы увидеть человека, приоткрывшего дверь, но увидел только полосы на стене. Черные, красные и белые линии складывались в карту Тикила. Карта Тикила, а в ней щель — приоткрытая дверь.

Трой остановился справа от сидящего человека. Ни раны, ни других следов насилия он не нашел, но поза и вся комната говорили, что Кайгер умер неестественной смертью. Кроме того, существа, виденные им во дворе...

Чтобы в коридор был доступ света, Трой оставил дверь открытой, а сам вышел в прихожую и толкнул две другие двери. Одна



вела в спальню, другая в небольшую столовую, но обе комнаты были пусты.

Трой вернулся в комнату Кайгера, и тут перед ним из ниоткуда возникли тени: черная кошка, ее голубовато-серая напарница, кинкажу и две лисы. А ведь Трой был готов поклясться, что они благополучно сидят в своей клетке. Похоже, что теперь перед ним весь земной импорт Кайгера. Сверкали зубы, стояла дыбом шерсть и как удар ощущалась объединенная угроза.

— Нет!— на этот страх и гнев он ответил словом и жестом: отбросил пояс и вытянул вперед руки ладонями вверх.

Первой успокоилась черная кошка, протянула перед ним лапы, и Трой опустился на колени.

— Нет,— повторил он уже спокойнее.

Раздалось фырканье, на его запястье сомкнулись острые зубы, но не больно, а как бы в знак соглашения.

Внезапно снизу донесся звук. Кто-то шел, не пытаясь скрывать своего приближения. Трой бросился было к двери, но тут же понял, что его силуэт снизу будет хорошо виден, и прижался к стене. Хотя это все продолжалось несколько секунд, тем не менее, когда он оглянулся, животных уже не было. Он не мог догадаться, куда они исчезли, но по их исчезновению понял, что они опасались вновь прибывшего.

Трой не мог исчезнуть так же, поэтому подобрал пояс, немного отступил и стал выжидать.

В полоске света появился Зул. Он широко раскрыл глаза и посмотрел сначала на Троя, а потом на неподвижное тело Кайгера. Его губы дернулись, обнажая зубы, как у рычащего зверя, и он с ножом в руке бросился на Троя.

ГЛАВА 10

Уклонившись от удара, Трой взмахнул поясом, и конец его с металлическим украшением попал в цель: маленький человечек закричал и так отдернул руку, что ударился о цилиндр, который держали мертвые пальцы Кайгера. Тело торговца последовало за упавшим цилиндром и опустилось на пол так, словно было без костей. Зул испустил такой нечеловеческий крик, какой не смогли бы издать никакое животное и никакая птица.

В то же мгновение Трой ощутил прекращение биения крови у него в голове. Зул, как будто забыв о своем гневе, попытался схватить цилиндр, подкатившийся к ногам Троя.

Трой сильно пнул трубу, и она, вертясь, полетела по комнате, потом ребром ладони ударил Зула по шее так, что маленький человек, хватая открытым ртом воздух, упал.

К тому времени, когда Зул очнулся и сел, по-прежнему тяжело дыша, Трой успел подобрать нож и цилиндр и, положив их на шкаф, подошел к Зулу. Это походило на насильственное усмирение разъяренного животного. Он был вынужден оглушить желтолицего, а затем, несмотря на отвращение, связать ему руки его же собственным поясом.

Застегивая свой пояс, Трой обратил внимание, что открытые глаза Зула устремлены на тело Кайгера, а лицо исказила непонятная Трою гримаса. Потом Зул осмотрелся, с усилием приподняв голову, словно искал что-то более важное, чем Трой. Его внимание сосредоточилось на трубе, конец которой выступал над шкафом, и он пополз по полу. Но на его пути встал Трой. Злобная гримаса исказила лицо Зула, он плюнул и попытался подняться.

Взяв трубу, Трой вместе с ней направился к красной кнопке тревоги, расположенной на стене, считая, что чем быстрее он вызовет представителей власти, тем ему легче будет объяснить происшедшее.

— Нет!— впервые заговорил Зул.— Только не патрульные!

— Почему? Мне скрывать нечего. А тебе?

Яростное движение Зула приблизило его к ряду шкафов, и он сел, спиной прижимаясь к стене.

— Не патрульные!— повторил он, и это звучало скорее как приказ, чем просьба.— Пока нет...

— Но почему?

Темные глаза Зула уставились на трубу в руках Хорана. Он явно разрывался между необходимостью сохранить тайну и попросить о помощи.

Но Трой продолжал настаивать.

— Из-за земных животных?

Зул застонал, его маленькое тело окаменело, а лицо выразило крайнее удивление — а возможно, и другие чувства, которые Трой не сумел прочесть.

— Что ты знаешь?— спросил Зул хрипло, как будто ему не хватало дыхания.

— Достаточно,— ответил Трой неопределенно, надеясь этим вызвать пленника на откровенность.

— Их нужно быстро убить,— Зул облизнул губы.— До появления патрульных.

Трой изумился, так как не ожидал этого и не собирался выполнять.

— Это почему?

Взгляд Зула стал уклончивым и подозрительным.

— Ты ничего не знаешь, дипплмен, если не знаешь этого. После смерти хозяина они опасны, опасны для всех нас. Убей их, чтобы потом не пожалеть, что сам не умер.

Преодолев разделявшее их расстояние одним прыжком, Трой наклонился, схватил Зула за воротник и, поставив на ноги, прижал к шкафу.

— Ты скажешь, почему опасны эти животные,— потребовал он, вкладывая в свои слова как можно больше силы и угрозы.

— Потому что...— Зул отвел глаза.—...они больше, чем просто животные. Они думают, понимают приказы, докладывают...

— Какие приказы и кому докладывают?

Зул сглотнул, на его лбу выступил пот, но Трой чувствовал, что пленник не его боится, а кого-то другого.

— Они получают приказы от того, кто их вызывает,— Зул снова устремил взгляд к трубе.— Ему же они и докладывают...

— Что?

— Информацию.

Разрозненные отрывки сложились в единую картину. Домашние животные... способные понимать своих хозяев, собирать информацию... помещенные в дома, где есть доступ к высокоценной информации...

— И это приказывал делать Кайгер?— Трой скорее утверждал, чем спрашивал.

— Да. Поэтому до прихода патрульных животных нужно вызвать и убить. Дай мне вызыватель.

— Нет.

Итак, Зул не знал, что животные уже пришли по вызову мертвого или умирающего. Как только он принял решение, тут же ощутил волну эмоций, которые заполнили комнату: страх, смутная борьба, решимость бороться. Ему сразу же стало понятно, что он снова настроился на спрятавшуюся пятерку. Если животные и использовались Кайгером, то были только лишь орудием.

— Если их захватят патрульные, то они все равно уничтожат их, только предварительно попробуют выяснить все, что им известно,— продолжал Зул.— Поэтому самое лучшее убить животных сейчас.

Трой ощутил, что его собственная решимость, объединенная с решимостью остальных, крепнет с каждой минутой.

О смерти Кайгера пока знают только находящиеся в комнате и... еще его убийца, а о животных — никто... Или знает? Но все равно, небольшой запас времени у него есть. Им овладела уверенность, что он не даст Зулу уничтожить животных и сделает все, чтобы уберечь их от рук преследователей.

Нужно бежать — только куда? И в памяти возникла картина плато — высоко на свежем ветру. Возможно, конечно, и не туда, но Дикие Земли занимают половину континента, и найти там одного человека и пять маленьких животных — долгая и трудная задача. А к тому времени ему, возможно, удастся найти другое решение.

— Я должен вызвать их и убить.— Зул терял спокойствие, и голос его звучал громче.— Быстро! — Сузившиеся от злобы глаза смотрели на Троя.

— Спокойно!

Зажав ладонью рот Зула, Трой тем самым подкрепил свои слова и, не обращая внимания на яростные рывки пленника, установил с животными контакт.

— Уходите все отсюда — прочь!— в эту мысль он вложил всю свою силу.

Не зная, почему должен спасти эту пятерку, он чувствовал, что это важно не только для них, но и для него. Зул, если даже и понял его действия, ничем этого не проявил.

Краем глаза Трой уловил мгновенное движение. Черная кошка, возникшая ниоткуда, обогнула вытянутую руку Кайгера, вкрадчиво прижимаясь к ковру. Зул замер. Подойдя к нему, кошка угрожающе фыркнула, каждой линией тела выражая ненависть.

— Их не нужно созывать, Зул,— сказал негромко Трой.— Они уже давно здесь и отсюда уйдут в безопасность.

И вот они появились: вторая кошка, бок о бок с лисой, и самым последним — кинкажу, который быстро взобрался на Троя, как на дерево.

— Нам придется пройти немного вместе,— сказал Трой, держа Зула одной рукой, а другой засунув за пояс нож.

Он бросил трубу на пол, а черная кошка тут же закатила ее лапками под шкаф. И все животные, кроме сидящего на Трое кинкажу, выскользнули во двор.

Зул, ошеломленный беззвучным появлением животных и их совместными с Троем действиями, подчинился толчку и пошел по лестнице во двор, как управляемый робот.

Трой подумал о запасах во флиттере. Очень многое теперь зависело от случая и удачи.

Остановившись у входа, он выглянул во двор, продолжая держать Зула. Флиттер стоял на том же месте, а из загонов и клеток доносились обычные звуки, но ни следа охранника, который должен был находиться на дежурстве.

Уловив движение у флиттера, Трой понял, что животные уже там... В этот час воздушные дороги полны обитателей вилл, возвращающихся из Тикила с ночных развлечений. Это интенсивное движение скроет их от патрульных.

Трой принял решение и почувствовал спад возбуждения. Впервые за долгие годы он решил испытать свободу, которую почувствовал лишь слегка в поездке с Рерном. Оставалась проблема, требовавшая немедленного решения — это Зул, которого Трой продолжал подталкивать перед собой до тех пор, пока они не достигли склада.

С момента, как они покинули кабинет с мертвым Кайгером, Зул не оказывал сопротивления, не желая, как и Трой, привлекать к себе внимание.

Внутри склада Трой толкнул пленника в угол и начал быстро действовать. Зная, что Кайгер кормил земных животных специально импортируемой пищей, он сложил в мешок все контейнеры, какие только отыскал. Под пристальным взглядом Зула Трой затянул мешок. В оружейном отсеке флиттера должен был находиться станнер, а у него за поясом — нож Зула.

— Мы будем вас искать и убьем,— заговорил наконец желтолицый.— Тебя будут искать и патрульные. Тебе не удастся скрыться. Теперь тебя тоже ждет смерть.

— Из-за того, что я слишком много знаю?— поинтересовался Трой.

— И из-за этого тоже. Мы не можем позволить, чтобы это всплыло наружу.

— И вы пошлете за мной патрульных?

— Рассказывать им о животных нет необходимости,— загадочно улыбнулся Зул.— Они придут, увидят мертвеца и, узнав, что один из служащих сбежал, сразу все поймут. Объяснений не потребуется.

— А если они обнаружат, что бежали, предположим, двое?— спросил Трой, хотя вовсе не собирался брать Зула с собой, потому что это все равно, что бомба со взведенным механизмом во флиттере, и все же... исчезновение двух служащих, причем один из них — старый помощник экс-космонавта, может сбить закон со следа.

Трой взвалил мешок на плечо и повел Зула к флиттеру, но план его не удался... Из коридора, ведущего к квартире Кайгера, неожиданно раздался крик. Не двигаясь, Зул мертвой тяжестью повис на Трое, и тот с трудом дотащил его до флиттера, потеряв слишком много драгоценного времени. Он бросил Зула во флиттер и забрался сам, надеясь, что животные уже там.

— *Здесь!*— эта уверенность появилась как бы из ниоткуда, и Трой поднял машину в воздух.

Тем временем в комнате Кайгера вспыхнул свет. Должно быть, охранники обнаружили тело. Следовательно, было необходимо как можно лучше воспользоваться оставшимся запасом времени.

Трою пришлось влиться в главное движение, хотя оно направлялось не на восток, а на север, и не сворачивать, пока не кончится район вилл. Кроме того, пришлось придерживаться допустимой лишь на пассажирских линиях скорости.

Включив коммуникатор на приборном щитке, Трой внимательно слушал, пытаясь уловить малейшие признаки тревоги, ибо слова Зула не были простой угрозой. Однако он может не остерегаться патрульных, оказавшись в Диких Землях.

Рейнджеры Кланов, организованные так, чтобы противостоять

любому вторжению в их земли, беспокоили его гораздо больше, так как хорошо знали Дикие Земли. Будущее казалось Трою мрачным, но он, сделав выбор, отступать не собирался.

Рерн! Сумеет ли он, загнанный в угол, обратиться к охотнику? *Он снова ощутил раздвоенность, какую испытал в то утро на* плато. Одна половина его сознания стремилась к откровенности с охотником, желанию свободы, какая была у рейнджера и его товарищей, а другая — оставалась настороженной, недоверчивой и лишенной иллюзий.

Над их флиттером пролетел патрульный корабль, и Трой замер в ожидании приказа приземлиться. Но государственный флайер улетел, и Трой облегченно перевел дыхание. Движение становилось редким, так что скоро можно будет свернуть с обычных линий. Трой видел мерцание огоньков вилл. Он повернул направо, включил огни и быстро полетел на восток, поняв, что его не заметили, лишь спустя некоторое время. Никакого предупреждения по коммуникатору. Но *его, несомненно, разыскивали бы повсюду, если люди* из магазина Кайгера поставили в известность патрульных. Да, Зул! Неужели он все еще предпочитает держаться от закона в стороне?

Маленький человечек в своем последнем предупреждении сказал «мы», а не «я». Кто же это «мы»? Вне всяких сомнений, Зул просто подчиненный, а Кайгер... Если Кайгер не был хозяином животных, то кто тогда? Очевидно, кто-то в Тикиле, настолько влиятельный, чтобы помешать официальному расследованию? По словам Зула, за Троем будут вестись две охоты, а в Диких Землях добавятся еще и Кланы.

Безрадостная улыбка скривила губы Троя. К рассвету, когда придется приземлиться, ему необходимо забраться далеко в Дикие Земли, и он, вспомнив горную цепь, которую они пролетали с Рерном, поднял флиттер, хотя автомат не допустил бы столкновения, так как система была включена.

Сбоку и у ноги он ощутил тепло. К нему прижался кинкажу, а остальной пушистый экипаж вскарабкался на второе сидение. Чтобы облечь свои туманные планы в слова, Трой начал говорить, не думая о том, поймут ли его животные.

— Впереди Дикие Земли... там только одни рейнджеры и туземные животные, но очень много убежищ...

— *И хорошая охота,*— быстро ответил кто-то из них, и Трой ощутил растущее возбуждение, рожденное ожиданием, а не страхом или необходимостью защищаться. И это чувство разделяла вся пятерка.

— Хорошая охота,— повторил он.— Деревья, равнины, реки, горы, скалы...

— *Хорошо быть свободным*!— эти слова возникли в общем чувстве удовлетворения.

— Хорошо быть свободным!— подхватил Трой.— Свободным от Диппла, Тикила и вообще от людей.

Над головой посветлели звезды. При свете поднявшейся над горами луны были видны снежные вершины. Ни тревоги, ни преследования все еще не было, хотя беглецы пролетали над первым хребтом Ларша, уже в Диких Землях. Карты у Троя не было, но он знал, что доберется до равнин, направляя машину на северо-восток.

Он вытянул руки, переключив управление полностью на автопилот. С самого рассвета он находился в напряжении, и от этого в плечах возникла боль.

— К рассвету мы сядем на равнине,— сказал он своим товарищам,— где нашего следа никто не найдет.

Справа от него сидела черная кошка и смотрела в небо, а на коленях свернулся в шар кинкажу.

Он, очевидно, задремал, потому что вспыхнувший на приборном щитке красный огонь застал его врасплох.

— Предупреждение! Предупреждение!

Этот металлический голос Трой уже слышал раньше, только не мог вспомнить когда. Его руки устремились к приборам, чтобы выключить автопилот, но все было бесполезно — автопилот не выключался. Стуча кулаком по выключателю автопилота, он неожиданно вспомнил — Рукарв!

— Предупреждение!

Чтобы положить конец этому металлическому голосу, Трой потянулся за микрофоном, готовясь произнести положенные слова, но опоздал... Из темноты сверкнул белый луч, и флиттер, теряя скорость, нырнул и полетел вниз.

ГЛАВА 11

Впоследствии об этом спуске-падении Трой мог мало что вспомнить. Его швыряло из стороны в сторону, и тогда, изловчившись, он сбил замок автопилота, и флиттер на некоторое время снова стал послушен. Он поднял нос машины, и она сделала гигантский прыжок. Хотя это действие свободы им не вернуло, зато флиттер оказался за пределами действия перехватившего их в воздухе луча, прорвавшись через какую-то тугую преграду... Колеса коснулись земли... удар... звезды и луна исчезли...

После такого приземления во рту остался привкус крови, голова и грудь болели, перед глазами была тьма. Но когда он повернул голову, то увидел пробивающийся свет.

— *Наружу...*— уловил он, и мимо, задевая его большое тело, скользнуло животное.

Нажав плечом на дверцу, которую, вероятно, заклинило при приземлении, Трой каким-то образом открыл ее. При этом он упал, и мягкие легкие лапки пробежали по нему — это их владельцы вырвались на свободу.

Трой выполз следом за ними и тут же попытался осмотреться. Под ним оказалась необычно ровная поверхность. Ощупывая окружающее, его руки наткнулись на песок, покрывавший очень ровный камень. Он повернулся и увидел, что флиттер каким-то невероятным образом застрял под какой-то аркой. Когда же он обошел вокруг машины, ему стало понятно, что произошло. Защитные устройства Клана и последняя попытка Троя привели их в необычное убежище. Глубоко в песке сидели округлые купола и разрушенные стены, лишенные окон и дверей. Их занесло в самый центр Рукарва.

— Где вы?— попытался он позвать животных, и только сейчас осознал, что не знает их имен. Тогда он стал мысленно изображать кошек, черную и голубую, лис, кинкажу.— Где вы? Ранены? Убежали? Вернитесь!— позвал он их так громко, что услышал эхо, так странно звучащее здесь.

На одной из разрушенных арок мелькнула тень. Это был ответивший на его зов кинкажу. Он устремился к Трою, взобрался на него и словно обнял своим удивительно цепким хвостом. Трой прижал к своей щеке его круглую голову и погладил. Быстрыми прыжками приблизились лисы. Остановившись перед ним, они задрали носы и принюхались к ветру. Глаза у них блестели.

— Идите сюда!— позвал Трой кошек, но ответа не получил.

Отпустив кинкажу, Трой вернулся к месту крушения. Там он разыскал атомный фонарик, включил его и в конусе света увидел *застрявший под аркой нос машины*, похожий на толстую нитку в ушке иголки.

Осветив машину, Трой застыл от неожиданности. С зажатой между двумя обломками лапой лежала серо-голубая кошка и тяжело дышала открытым ртом. Время от времени она облизывала эту лапу. Ее устремленные на Троя глаза выражали боль. Сидевшая рядом с ней черная кошка при виде Троя испустила несколько резких требовательных криков.

Трой укрепил фонарик, освободил тонкую лапу и вынес кошку из машины. Потом достал из кабины медицинскую сумку и стал оказывать помощь: прикрепил к лапе дощечку и перевязал. Покончив с этим делом, он вынес из флиттера мешок с продольствием, станнер и несколько инструментов. Приближался рассвет. Так как никто в запретной зоне до сих пор не появился, у Троя появилась уверенность, что преследователей остановило какое-то автоматическое устройство, следовательно, у них есть возможность спастись. Только одного он не знал, есть ли вокруг Рукарва охрана.

Оставив Троя собирать снаряжение, черная кошка с лисами

растаяли в темноте. На страже остался лишь кинкажу, время от времени помогавший Трою выносить из машины мелкие предметы. Трой был так занят, что думать мог только о следующем необходимом движении. Он присел на корточки, и в это время из-за соседнего купола вышла черная кошка.

— *Стена... невидимая стена...*

— Вокруг этого?— указал Трой на руины.

— *Да. Мы пытались преодолеть ее во многих местах.*

Материализовался один из страхов Троя. Предназначенный для защиты от вторжения барьер, установленный Кланами вокруг Рукарва, не выпустит пленников. Как же тогда удалось ему прорваться на флиттере?

Черная кошка подошла к раненой и стала ее облизывать. На открытом пространстве появилась лиса.

— *Много нор... Может быть, в них можно охотиться?*

— *Здесь под землей опасность?*— эту мысль Трой уловил от своих остроухих товарищей.

— *Еще нет...*— ответ загадочный.

Верхние галереи таинственного сооружения незнакомого народа исследовались многими любопытными без какого-либо вреда для себя до тех пор, пока экспедиция Фауклова не превратила название Рукарва в синоним ночного кошмара. Неужели это место сделал проклятым вызыватель?

По словам Рерна, действию прибора положили конец рейнджеры, значит, подземные коридоры могут приютить беглецов на некоторое время. Трой чувствовал усталость, он должен отдохнуть, а здесь, в самом центре запретной территории, они будут в полной безопасности.

— Мы идем... в нору.

Трой надел рюкзак, приготовил станнер и двинулся за животными, осторожно прижимая к груди раненую кошку. Оседлавший его, как коня, кинкажу время от времени движением лапок напоминал ему о своем присутствии.

Лисы и черная кошка повели его к соседнему куполу, у которого был вырублен большой участок стены или одним из искателей сокровищ, или кем-нибудь из злополучной экспедиции Фауклова. Окружающую тьму населяли все слышанные Троем фантастические сказки, но спокойное поведение животных внушало ему уверенность. Он знал, что в случае опасности они предупредят его, потому что у животных чувства гораздо острее, чем у людей. По стенам и по земле в такт ходьбе заплясал конус света от свисавшего с пояса атомного фонарика. Кроме стен, мостовой, каменных плит, уложенных с большой точностью и искусством, ничего не было видно. В дальнем углу купола показался темный спуск, который вел в настоящий Рукарв. Независимо от их движения вокруг клубился похожий на ту-

ман мрак, поглощая и ослабляя свет фонаря. Один из лис, шедший впереди, начал спуск в глубину, а его товарищ вместе с черной кошкой с нетерпением поджидали Троя.

Тщательно подкрепляя мысли словами, Трой предупредил:

— В этом месте была большая опасность.

— *Нет... ничего нет...*— послышался ответ, и ему подумалось, что это черная кошка.

Башмаки Троя застучали о камень спуска.

— Ничего нет,— повторил он,— но, может быть, дальше...

— *Здесь вода.*

Это внезапное заявление изумило Троя, потому что он не подумал о воде, когда собирал припасы. Значит, животные еще лучшие проводники, чем он мог надеяться, если в таком лабиринте смогли учуять воду.

— Где?

— *Мы ждем...*

По лестнице они спустились на три этажа. На каждом этаже в сторону отходили абсолютно пустые и совершенно одинаковые коридоры. Осветив их фонарем, Трой подумал, что без проводника в этом лабиринте можно легко заблудиться, и, чтобы запомнить путь, начал считать коридоры.

Воздух был сухим и вполне пригодным для дыхания, следовательно, где-то должна находиться вентиляционная система. Несколько раз Трой ощущал дуновение свежего ветерка с поверхности. На четвертом уровне Трой обнаружил, что одна лиса продолжает спускаться в глубь Рукарва, а остальные животные ждут его. Если чувство направления не утратилось окончательно, значит, они пошли прямо на восток. На мгновение Трой почувствовал надежду, что подземный коридор выведет их за пределы невидимой стены, и они смогут свободно уйти в Дикие Земли.

Если не считать слоя пыли столетней давности, в которую нога погружалась по щиколотку и которая заглушала звук шагов, то кроме стен из красно-серого камня и мощеного пола больше ничего не было. Эти стены дважды прерывались круглыми отверстиями, но Трой, направляя на них свет, видел лишь совершенно пустые круглые углубления, неспособные вместить человека. Назначение этих углублений было очередной загадкой Рукарва.

Ведущий на восток коридор обрывался большим колодцем, в который вела очень узкая и крутая винтовая лестница. Разведчики снова двинулись вперед, и Трою ничего другого не оставалось, как последовать за ними.

По мере спуска атмосфера менялась и становилась все более влажной. Стены становились холодными и мокрыми на ощупь, и Трой понял, что лис был прав. Судя по атмосфере, где-то внизу находился большой источник воды.

С повышением влажности появился запах застоявшейся воды и какого-то зловония. На стенах появились ручейки. Усилилось ощущение жажды.

Круги, круги... бесконечные круги по лестнице вызывали головокружение. Боковых коридоров здесь не было. Ноги болели, и каждый синяк на теле добавлял в эту пытку свою долю. Трой потерял всякое представление о времени. Порой ему приходила в голову мысль, что если бы понадобилось повернуть назад и подняться на поверхность даже в тот коридор, откуда они начали спуск — для этого он не нашел бы сил. У него было желание добраться до конца лестницы, свалиться и отдохнуть.

Свет фонарика упал на мостовую. Спрыгнув на нее, Трой осветил дно колодца. Вода... Но как тело ни кричало о жажде, как рот ни пересох, Трой не смог заставить себя приблизиться к угрюмо текущему ручейку, вода в котором была похожа на масляно-черную ленту и казалась толстой, разбухшей и состоящей из слизи. По ней, от одного берега к другому, пробегала небольшая рябь и ударялась о каменный парапет. Большие круглые отверстия, находившиеся под лестницей, служили входом и выходом для этого шириной в ярд потока. Кроме лестницы, по которой они спустились, других выходов не было. Когда Трой подошел к ожидавшим его у выхода ручья черной кошке и лисам, то увидел, что туннель шире ручья, а рядом с водой идет узкая тропа.

— Туда?— его вопрос гулко отдался в воздухе.

Кинкажу гневно забормотал, а раненая кошка добавила протестующий крик, нажав ему на грудь здоровой лапой. Углубившаяся в туннель тройка оглянулась, давая понять, что это и есть настоящий выход.

Рябь на воде приобретала зловещее значение. Трой присмотрелся и заметил, что она идет против течения. Он подумал о том, насколько же глубок этот ручей на самом деле и что под его поверхностью двигалось. Когда Трой шел вдоль ручья, это что-то сопровождало его, но лишь только он направлял туда луч фонаря — это что-то исчезало и оставалась лишь чернильная жидкость.

Зловоние становилось все сильнее. Неожиданно Трой снова ощутил приток свежего воздуха, только не мог догадаться, откуда он идет. Как бы в ответ на свет фонарика, на стенах стали вспыхивать искорки. Их становилось все больше, они собирались группами. Когда Трой повернулся назад, чтобы еще раз посмотреть на рябь, то заметил, что искорки за ним не гаснут, а продолжают голубовато светиться. Он выключил фонарик и снова оглянулся. Свечение сохранялось там, где свет коснулся стен, но впереди было темно, значит, чтобы вспыхивать, искоркам, чем бы они ни были, нужен был свет. Полосы этого свечения расширялись, и Трою почудилось, что он различает рисунок, похожий на зигзаг. Он пришел

к выводу, что эти искры не природное явление, а, скорее всего, создание неизвестного художника.

Фонарик Троя осветил впереди отверстие, около которого его ждала кошка. Трой прибавил шаг, радуясь возможности уйти от ручья.

Выйдя из отверстия, Трой оказался в обширной подземной пещере, приспособленной когда-то для своих целей неизвестными строителями Рукарва. Окружающее пространство поглощало луч фонарика, и Трой остановился, немного обескураженный увиденным. А увидел он город в миниатюре: отдельные сооружения без крыш, бегущие между стен дороги. Но эти стены! Именно от этих стен исходило зловоние, и Трой бессознательно отшатнулся от них. Но потом, присмотревшись повнимательнее, заметил, что это как бы растущие из земли пластины грибов-гигантов. Между началом этих структур и выходом из туннеля находилось открытое пространство, покрытое чем-то вроде песка или гравия, которое Трой поспешил пересечь.

— *Дорога вокруг...*

Трой понял, что кто-то из проводников уловил его нежелание и разделяет его.

— *Идем!*— прозвучало требовательно, и Трой перешел на быстрый шаг, не зная, сможет ли выдержать его.

Но вот он обошел выступ города грибов и увидел яркую полоску, очень похожую на родной мир, и его быстрый шаг перешел на бег.

Это был островок безопасности, расположенный в середине чуждого нечеловеческого мира.

Здесь была вода, и откуда-то сверху, или через естественную щель, или искусственное устройство, пробивался свет, солнечный свет. Небольшой пруд, питаемый пробивавшимся из песка ручейком, с чистой водой. Опустив раненую кошку, Трой прикоснулся к воде губами.

На берегу этого пруда росли два-три тонких, как шнурок, небольших растения. Трой напился, открыл мешок с продуктами и разделил содержимое среди своего отряда. Потом положил голову на мешок и свернулся. Он слишком устал, чтобы заботиться о другом выходе из этого мертвого грибного мира. Словно не доверяя тому, что лежит за пределами этого солнечного света, животные собрались вокруг него.

Живет ли здесь кто-нибудь? Рябь на воде ручья как будто подтверждала это. Могли быть и другие, для которых домом служат улицы между грибными стенками. Но на все эти размышления у Троя не оставалось сил.

Последнее, что он запомнил, это тепло пушистых тел, прижавшихся к нему.

ГЛАВА 12

Когда Трой проснулся, то подумал о том, что спал лишь мгновение. По-прежнему на бассейн падал солнечный свет, окружающее не изменилось, кроме одного: за исключением раненой кошки, все животные исчезли. Когда Трой взглянул на нее, кошка, облизывая раненую лапу, замурлыкала. Трой покачал головой, так как все еще окончательно не проснулся.

Из сумрака грибных зарослей, держа во рту тело какого-то животного, показалась черная кошка, которая, не обращая внимания на Троя, положила мертвого подземного жителя перед своим товарищем.

Мертвое существо — комбинация множества лап, глаз на стебельках, бесчисленных сегментов покрытого пластинами тела, было не менее кошмарно, чем хур-хур. Но для кошек оно, вероятно, было съедобно, и они дружно пообедали.

У Троя появилось еще одно доказательство о сути деятельности Кайгера, если даже в этом подземелье животные нашли себе пищу. Следовательно, они не нуждались в особой пище, торжественно доставлявшейся владельцам в Тикиле.

— Хорошая охота?— спросил Трой у черной кошки.

— *Хорошая,*— ответила она и завершила свой туалет облизыванием лап.

— Остальные тоже хорошо поохотились?— спросил Трой.— Где животные охотятся в этих грибах и кого преследуют?

— *Они едят,*— ответила кошка кратко.

Трой встал и отряхнул с одежды крошки, не собираясь оставаться в этом подземелье-городе или пещере дольше.

— Выход здесь есть?— спросил он у кошки.

Но для животных, очевидно, охота была важнее исследований, поэтому ответом ему было как бы пожатие плеч.

Трой снова сел и стал разглядывать кошек. Раненая кошка продолжала есть, и хотя была очень голодна, ела аккуратно. Трой был уверен, что об обмене мыслями между ними она знает.

Хоран чувствовал, что власти над пятью земными животными он не имеет, хотя по какой-то случайности мог общаться с ними, а вот контакт с Кайгером у животных был яснее и полнее, даже если главную роль в этом играло вызывное устройство, которое сжимали руки мертвеца, он был в этом убежден.

Поскольку в их планы входило бегство, поэтому они и сопровождали его, и привели сюда. Но он знал также, что, если он не установит с ними более тесный контакт, они покинут его без всякого сожаления. Они приняли его командование в городе, потому что там было много людей, а здесь они в нем больше не нуждаются.

Неприятно было думать, что его смутные мечты о союзе чело-

века и животных могут остаться мечтами. Выпущенный ястреб вернется на его призыв, насладившись радостью свободной охоты, эти же охотники, имея разум и собственную волю, вступят в союз с ним только лишь по доброй воле. Древние отношения человека с животными были нарушены.

Эти мысли помогли Трою лучше понять желание Зула уничтожить животных. Человек всегда верил в свое превосходство, поэтому мало кто из людей согласится на контакт с существами, считавшимися собственностью. Трой знал, что не оставил бы животных в Тикиле и не уступил бы требованиям Зула. Но почему? От мысли, что он имеет дело с игрушкой человека, которой он владеет и повелевает, просто с домашним животным, ему сейчас придется отказаться. Но они не были и людьми, чьи мысли и желания он мог бы себе представить.

Закончив туалет, черная кошка села, окружив лапы хвостом, и уставилась на Хорана. Под ее немигающим взглядом Трой беспокойно заерзал.

— *Ты хочешь выйти?*

— Да,— честно ответил Трой, готовый смиренно принять то, что дают животные.

— *Это место... не наше... не человеческое...*

— Да, людей... что-то похожее на людей, но другое... еще до людей,— кивнул Трой.

— *Здесь старая опасность.*— Серо-голубая кошка закончила есть и, подняв здоровую лапу, смотрела на Троя.

— Здесь несколько лет назад с людьми произошло несчастье.

Некоторое время обе кошки молчали или обменивались мыслями, недоступными Трою.

— *Ты не похож на других,*— эта мысль принадлежала черной кошке, и Трой порадовался, что может различать мысли одной от другой, следовательно, животные для него становились все более личностями.

— Нет.

— *Очень немногие люди знают нашу речь, а те, кто знает, все равно используют прибор. Ты же особый тип человека, потому что с самого начала разговаривал с нами без него,*— это была серо-голубая.

— Возможно. А вы можете «говорить» со всеми?

— *Да. Мы говорили с большим человеком, потому что у него был прибор. С тобой говорить мы не собирались, но ты услышал. И все же мы не должны подчиняться тебе.*

«Должны подчиняться...» Неужели они должны подчиняться каким-то людям и с ними «разговаривать»?

— Конечно,— согласился Трой.— Я не знаю, почему слышу ваш разговор, но я его слышу.

— *Теперь, когда умер большой человек, за нами охотятся.*

— Да.

— *Нам было сказано, что, если мы попытаемся освободиться, за нами будут охотиться.*

Серо-голубую прервала черная кошка.

— *Человек, мы свободны и можем тебя оставить. Если мы не захотим сами, ты нас не найдешь!*

— Вы правы.

Снова пауза и немигающие глаза. Потом к нему, задрав хвост, подошла черная кошка и села на задние лапы. Протянув руку, Хоран почувствовал прикосновение язычка.

— *Выход есть,*— и кошка повернула голову к грибному городу, глядя туда так же напряженно, и тогда из лабиринта в сопровождении кинкажу появилась лисья пара. Они остановились возле Троя, и он уловил обрывки бессловесного разговора:

— *Не тот, кому нужно повиноваться... но с нами охотится на тропе... даст нам свободу...*

От имени всех заговорила черная кошка:

— *Человек, мы свободны, но будем охотиться с тобой вместе.*

— Да, вы свободны. Я не заставлю вас идти со мной и пойду по своей тропе.

Он хотел сказать, что принимает и их союз, и условия, стараясь выражаться как можно яснее.

— *Выход...*— повернулась кошка к остальным.

Напившись из пруда, лисы убежали, а кинкажу остался, болтая в воде передними лапками. Трой дал ему сухой бисквит, который тот шумно съел, потом повернулся спиной к стене пещеры и пошел.

— *Мы пойдем туда.*— Кошка повернулась вправо от бассейна, в сторону лежащей между грибным городом и стеной пещеры полоской чистой земли.

Вымыв два контейнера из-под пищи, Трой наполнил их водой и напоил обеих кошек. Потом поднял раненую, с комфортом устроившуюся на его согнутой руке, и двинулся за черной кошкой.

Хоран шел, изучая окружающее. Ни грибные стены, ни стены пещеры не изменились. Когда они отошли от солнечного пятна подальше, Трой зажег фонарь. Повернув мордочку к грибам, у него на руке шевельнулась кошка.

— Там что-то... живое? — Трой потянулся к висевшему на поясе станнеру.

— *Уже неживое... старое...*— уловил он быструю ответную мысль.—*Нашел Саргон...*

— Саргон?— в мыслях возникла мордочка лиса-самца.— У вас и имена есть? — Это открытие сделало их менее загадочными и более близкими.

— *Человеческие имена!*— в ответ звучали презрение и намек

на то, что существуют и другие, недоступные человеческому разуму имена. И прочитав это в кошачьем ответе, Трой улыбнулся.

— А мне можно использовать человеческие имена, я ведь человек?

Элегантную леди, которую он нес, такой довод убедил.

— *Саргон и Шеба,*— возникли мордочки лис.

— *Шанг,*— кинкажу.

— *Симба, Сахиба,*— она сама и ее товарищ.

— Трой Хоран,— завершая представление, ответил серьезно он, и тут же, возвращаясь к ее ответу, повернулся к серо-голубой кошке.— Это старое... оно сделано... или когда-то жило?

— *Когда-то жило...*— мгновенно ответила Сахиба.—*Не человек... и не мы... а другое.*

Недостаточно возбужденное любопытство Троя не позволило ему ринуться в грибной город, но он подумал, не лежат ли там останки одного из первоначальных обитателей Рукарва.

— *Отверстие. Шанг обнаружил отверстие... вверху,*— передала новое сообщение Сахиба, здоровой лапой указывая на стену пещеры.

Изменив направление, Трой поднялся по небольшому склону и обнаружил возбужденно болтавшего кинкажу, который сидел у отверстия, прикрытого кустом. Вспыхнувший свет фонарика осветил узкий проход, не похожий на искусственный, и вряд ли он вел далеко.

Остановившись и принюхиваясь, с разных направлений появились лисы. Слабое дуновение ветерка, которое ощутил Трой, уносило зловоние грибов, намекая на другое место, более чистое. Возможно, это выход, но ступить туда животные вроде бы не торопились.

— Опасность?— воспринимая их колебание как предупреждение, спросил Трой.

Высоко подняв голову и слегка шевеля усами, к отверстию подошел Симба.

— *Что-то ждет... давно ждет...*

— Животное? Человек?

Его вопрос, казалось, сбил Симбу с толку.

— *Давно ждет...*— повторил он.—Может, уже не живет... но все еще ждет.

Трой попытался понять значение сказанного, когда вспрыгнувший ему на плечо кинкажу заставил его вздрогнуть.

— *Спокойно, мы идем сюда...*— это был Шанг.—*Здесь выход...*

— Идем?— Трой глядел на Симбу, словно ждал его окончательного решения.

Во взгляде кота появилось какое-то мягкое выражение, когда он посмотрел на Троя, как будто, проявив к его мнению уважение, Трой сделал еще один шаг на пути взаимопонимания между ними.

— *Мы идем... осторожно... Я не понимаю этого...*

Очевидно, лисы были согласны с Симбой, потому что вместе с ним исчезли в расщелине. Трой шел сзади, атомным фонариком освещая дорогу. Было ясно, что это не искусственный проход, а действительно расщелина. Она была на несколько футов выше головы Троя, но зато очень узкая. Трой надеялся, что она и дальше останется такой. Дуновение свежего ветерка стало гораздо заметнее, как только они углубились в расщелину. Трой был уверен, что помимо затхлости Рукарва он ощущает запах естественной растительности.

Они прошли немного, и щель, как бы подкрепляя уверенность Троя, что она ведет на поверхность, начала подниматься. Подъем сначала был легок, но затем стал круче и круче, и наконец Трой был вынужден пересадить Сахибу на мешок с едой, чтобы при подъеме использовать обе руки. Теперь он начал чувствовать и другие запахи: какой-то, неуместный среди скал и более подходящий для цветущего сада, залитого солнцем, необычный аромат и гораздо менее приятный, как будто уже начали разлагаться цветы.

Фонарик осветил новый подъем, неровная поверхность которого, к счастью, давала возможность цепляться. Симба и Шанг поднимались довольно легко, лисы же с большим трудом... Добравшийся до конца подъема Трой был встречен дневным светом. Выключив фонарик, он быстро пошел вперед.

— *Нет!*— загадочное предупреждение пришло от нескольких животных сразу, и Трой застыл, глядя вперед.

Между ним и выходом висела какая-то сеть. Он стоял неподвижно и на фоне этой сети ясно видел кота и лис.

— *Ушло...*— мгновенная мысль как позволение подойти...

Дорогу на самом деле преграждала сеть, сквозь которую были видны растения и яркий дневной свет. Болезненно-белая сеть шла концентрическими кругами, а в ее центре находилась какая-то жилка. Неохотно приблизившись к ней, он увидел, что кот и лисы также держатся на некотором расстоянии и еще кое-что: вдоль кругов сети многочисленные останки насекомых, пустые каркасы, приклеенные к нитям сети. Трой взмахнул ножом и сеть поддалась, но не порвалась, как очень прочная и эластичная материя.

Сеть, очевидно, была покрыта чем-то вроде клея, потому что нож прилип к ней и она потащила его за собой. Чтобы освободить нож, Трой был вынужден дернуть сильнее, и эта попытка чуть не вырвала нож из его рук.

Прохода не было. Но Трой вспомнил, что у него есть другое оружие. Сняв мешок, на котором сидела Сахиба, он порылся в нем и среди имущества, взятого с разбитого флиттера, нашел небольшую трубку. Сигнальная вспышка. Но ее можно использовать и для других целей.

Трой внимательно осмотрел сеть, не дотрагиваясь до самой паутины. Нити покрывал толстый слой пыли, указывающий, что сеть висит здесь очень давно. Трой снял с трубки крышку и направил ее в центр паутины. В центр, как копье, ударило яркое оранжевое пламя, языки которого стремительно побежали по нитям от середины к краям. В лицо Трою ударило такое зловоние, что он закашлялся. Через мгновение перед ним открылся свободный проход, а от стен отделилось лишь несколько дымных струек.

Как только дым рассеялся, обожженное пространство первым пересек Симба, за ним лисы, а сзади них шел Трой с Сахибой и Шангом на руках.

О том, что они, хотя и вышли из грибного города, но попали не на поверхность Корвара, он понял только тогда, когда они отошли от утеса довольно далеко. Была тут и растительность и что-то, похожее на солнечный свет, пробившийся через отверстие в крыше, забранное какими-то светлыми полосками, между которыми виднелась непонятно на чем державшаяся матово-белая поверхность. Трой посмотрел наверх и увидел золотистое облако тумана, отделившееся от одного из пересечений полос. Облако стало медленно опускаться на поверхность, но, не достигнув и половины пути, превратилось в небольшой дождь, который обрызгал листья растений каплями жидкости.

И только теперь Трой обратил внимание на разницу между здешней растительностью и обычными растениями на поверхности. Невдалеке виднелся огромный ярко-оранжевый цветок с четырьмя лепестками, который свисал с куста без всякой поддержки. Аромат же у этого цветка был какой-то угнетающий, тяжелый. Симба, подойдя к нему и принюхавшись, тут же фыркнул и изогнул спину, прижимая уши. Трой тоже направился к цветку, но, подойдя на допустимое отвращением расстояние, с удивлением обнаружил, что его ноги ступают по высохшим останкам мелких животных. Внезапно он почувствовал тошноту и взмахнул ножом, и только тогда заметил, что это совсем и не цветок, а сеть, искусно сплетенная из множества нитей. Как только лезвие ножа коснулось этих нитей, ожило кроваво-красное сердце цветка и устремилось вперед.

Перед глазами Троя возникли смутные очертания существа со множеством лап, распахнутой пастью и роговым хвостом с жалом на конце. Но Симба молниеносно ударил это существо лапой с вытянутыми когтями и подбросил в воздух. Как только оно ударилось о землю, Саргон моментально растоптал его и, принюхавшись, тут же отступил, яростно растирая нос лапами.

В ожидании нового нападения Симба сел и стал гневно размахивать хвостом из стороны в сторону.

— *Плохое место,*— спокойно констатировала Сахиба, и Трой готов был с ней согласиться.

Теперь, как ни странно, предводителем выступал кинкажу Шанг, который с плеча Троя перепрыгнул на вершину ближайшего дерева и через мгновение только раскачивающиеся ветки указывали его путь. Уклонившись от нового искусственного дождя, Трой сел, чтобы разделить еду со своими разносортными товарищами. Им нужно было позаботиться о пище и воде, прежде чем заняться решением новых загадок.

ГЛАВА 13

Закачавшиеся ветви предупредили о возвращении кинкажу. Шанг спрыгнул на землю и, подняв небольшое пыльное облачко, устремился к Трою.

— *Человеческое!..*— в этом сообщении было столько возбуждения, что Трой, не понимая, говорит он о предмете или о человеке, отставил контейнер с водой.

— Где? Что?— быстро спросил Трой.

Казалось, Шанг вообще не способен был определить «что» и, подняв передние лапы, указал на заросли. Так как в этих делах Трой привык признавать превосходство, он посмотрел на них.

Симба смотрел на заросли растительности, подергивая усатой мордочкой. Раньше Хоран не обращал внимания на разные мелочи в поведении животных, теперь же замечал малейшие изменения. Не спеша Сахиба присоединилась к своему товарищу и уселась в такой же позе.

— *Зовущая вещь...*— сообщила Симба.

Трой ощутил приступ беспокойства. Существовавшая «зовущая вещь» ассоциировалась с Рукарвом, а он, вспоминая легенды и слухи, не хотел иметь с ней ничего общего.

— Старая? — он не знал, как Симба получил ответ.

— *Нет.*

— С нею человек?

На Троя уставились синие глаза Симбы с их непроницаемой глубиной, и он уловил его изумление. Создалось впечатление, что Симба получил по закрытым для человека каналам серию информации, которая смущала его отсутствием важных звеньев.

— *Человеческая вещь...*— Дрожавший от возбуждения Шанг сделал несколько шагов к зарослям, но возвратился, посчитав, что вещь необходимо исследовать. Однако Трой ждал решения кошек.

— Вещь опасная?

Призыв к осторожности был усилен, хотя ни Симба, ни Сахиба прямого ответа не дали. Зато Саргон и Шеба, словно повинуясь приказу, целеустремленно направились в кусты. Подобрав Сахибу и упаковав продукты, Трой приступил к изучению растительнос-

ти, пытаясь отыскать тропу или хотя бы менее густые заросли, чтобы можно было пройти.

Свет от странной крыши над головой тускнел, и Трою не очень хотелось углубляться в заросли, но, заметив между двумя кустами просвет, он решительно шагнул туда.

Уже через несколько секунд он совершенно заблудился. Ему приходилось прорубать себе проход с помощью ножа среди лоз и цепких ветвей, поэтому не было возможности придерживаться определенного направления. Он подумал даже, что вся растительность эта посажена специально как барьер или даже огромная ловушка. Шанг указывал путь, прыгая с одного куста на другой, а информацию разведчиков передавала Сахиба.

Прорвавшись сквозь густую преграду, Трой чуть не упал и снова очутился на открытом месте. Его глазам предстала кошмарная картина: отверстие в стене пещеры с мощеной площадкой перед ним, а в центре площадки стояла явно принадлежавшая его времени и культуре машина, нацелившаяся на это отверстие. Металлопластиковый корпус широким своим концом был обращен к отверстию в стене, и Трой сразу ощутил слабую вибрацию, исходящую от машины, как только ступил на площадку. Машина не только находилась в рабочем состоянии, но и работала!

Кот, лисы и кинкажу сидели в ожидании, слева от машины, и глядели на отверстие.

Когда Трой взглянул на машину по линии ее конуса, возглас удивления и ужаса замер на его губах. То, что слегка дрожало на такой же паутине, что преграждало им путь из грибного города, было, по всей вероятности, когда-то человеком, совершенно высохшим, так как ушла не только жизнь, но и большая часть тела. На грудной кости свисала голова, на которой еще виднелись остатки пыльных волос, но Трой был рад, что не видит лица черепа.

Внимательно осматривая паутину, Трой обратил внимание на то, что она не только закрывает отверстие, но и расстилается по стенам пещеры нитями различной толщины — от нитки до пальца. Очевидно, эту паутину сплело существо — кроваво-красное сердце цветка, только очень большое.

Жертва мертва. А где же хозяин паутины?

Трой пришел к выводу, что догадывается, сколько времени висит этот скелет и что за машина перед ним, все еще способная к действию, хотя и милосердно заглушенная. Это была часть ужаса, окружавшего Рукарв. В точке, выбранной Фаукловым, был установлен вызыватель, определивший, что здесь можно получить ответ.

В других местах вызыватель давал только призрачные картины, но здесь призрак обрел тело и способность использовать его, повинуясь какому-то капризу пространства, времени и природы! Из

далекого страшного прошлого, из коридоров Рукарва появилось разумное, или нет, существо. Было ли оно хозяином этих коридоров или же их тайным жителем, не столь важно. Главное, что оно было таким же врагом строителей, как и людей Фауклова. И это существо напало на тех, кто его оживил.

По всей вероятности, владельцем паутины было одно из тех немногих чудовищ, выползших из пещер Рукарва, так как большинство исследователей было обнаружено на поверхности со следами отчаянного сопротивления и борьбы друг с другом. Ужас, вероятно, не только свел их с ума, но и заставил бежать на поверхность.

На поверхность! Трой отчаянно старался поставить под контроль свое воображение, ухватившись за эту мысль. Установив вызыватель, люди Фауклова бежали отсюда. Значит, выход отсюда есть? Может быть, это отверстие? Но какой смысл нацеливать вызыватель на тоннель, что привел сюда исследователей? Нет, оно не было выходом. Для мертвого археолога это отверстие имело какое-то другое значение. Старые россказни о сокровищах? Неужели Фауклов нашел ключ к ним и решил отыскать место их сокрытия в прошлом?

Но Трой знал только одно — его ничто не сможет заставить исследовать тоннель за телом мертвого человека, пытавшегося сделать когда-то то же самое. Он посмотрел на своих животных. Они были внимательны, но не встревожены.

— Только мертвый?— спросил он.

К нему подошла Сахиба с намерением устроиться на его руке.

— *Мертвый здесь...*— ответила она с нотой удивления.

— Здесь?— повторил Трой.

— *Здесь и не здесь,*— она покачала головой.

Трой не понял, что она хочет этим сказать.

— Человек мертв?

— *Да.*

— А то, что сплело паутину-сеть?

— *Оно... мертво...*— Сахиба слегка потерлась о его плечо серо-голубой головкой.—*Оно мертво здесь, но ждет...*

Трой все понял.

— Вызыватель!

Машина не могла материализовать живых существ из прошлого, так как ее заглушали установки рейнджеров, но зато действовал вызыватель. Как только прервется излучение, вернется хозяин паутины!

Трой взглянул на контрольный щиток машины. Здесь было столько циферблатов, шкал и кнопок, что он не знал, на что нажимать. Да и откуда ему знать как она выключается? А экспериментировать он не собирался.

Симба, похожий на выслеживающего добычу охотника, медлен-

но подполз к паутине и передними лапками осторожно ощупал основание сети. Что-то яркое выкатилось из пыли, и Симба подкатил это к ногам Троя.

Трой нагнулся и поднял ало-красное металлическое кольцо. Как только его пальцы сомкнулись на нем, кольцо мгновенно изменило цвет. В нем вспыхнули точно такие же одиночные и групповые искры, как и на стенах тоннеля. И Трой понял, что в руке у него не вещь мертвеца, а единственное сокровище Рукарва, найденное людьми и принадлежащее этим подземельям. Неужели оно было вызвано из прошлого и материализовалось, благодаря работе вызывателя? А может, оно было найдено в тоннеле человеком, бежавшим с кольцом к выходу на свободу и наткнувшимся на эту паутину?

Искры на кольце засверкали ярче и... Пораженный, Трой нахмурился. Поднятое им кольцо было мало для его пальцев, а теперь в его руке лежал браслет. Сахиба принюхалась и протянутой лапой коснулась браслета. Браслет на ладони повернулся, Трой машинально сжал пальцы... Браслет скользнул по руке и сжал его запястье.

Удивленный Трой попытался его снять, но браслет остался неподвижен. Он плотно обхватывал руку, не причиняя никаких неудобств. Трой ощупал его, но никаких соединений или щелей не обнаружил. Каким же образом он смог поменять свой размер?

Привлеченная мельканием искр, Сахиба трогала браслет. Что это, просто украшение или оружие? Если же оружие, то для обороны или для наступления?

— Хорошее или плохое?— спросил он вслух в надежде, что обостренные чувства животных дадут ответ.

— *Старое,*— Сахиба зевнула.

Трой оставил это и вернулся к главной проблеме.

— Выход? — Должна же здесь быть дорога.

Подойдя к краю мощеной площадки, на которой стоял вызыватель, он осмотрел поверхность, ища какие-нибудь следы тех, кто после установки машины бежал отсюда.

Сначала его сопровождали Симба и лисы, но потом они ушли вперед, а Шанг исчез в кустах. На краю площадки Трой обнаружил сломанные ветки, вновь затянутые свежими ростками. Руководствуясь этими указателями, он с помощью ножа принялся пробивать себе путь. И когда уже совсем стемнело, оказался у подножья лестницы.

Лестница очень походила на ту, что несколько часов назад привела их на эту странную территорию. А может, прошло уже несколько дней? Трой совсем потерял представление о времени.

У подножья этой лестницы они и разбили свой лагерь. Трой недоверчиво поглядывал на темные джунгли. То, что до сих пор они

других животных, кроме «цветов», не встретили, не значило, что здесь никого больше нет. Теперь он зависел от чувств своих товарищей больше, чем прежде.

Деля продукты, Трой обратил внимание, что животные не собираются охотиться.

— Что, плохая охота?

— *Охота... для других...*— ответил Симба, глядя на темную растительность.

— Другие...— Трой старался не думать о мертвеце в паутине. Да, для других здесь есть охота.

Неужели тьма оживляет тех, кого призвал из прошлого вызыватель? Несмотря на усталость, он предпочел бы лучше подняться по лестнице, чем оказаться в этой паутине. Его охватил ужас.

— То, что поймало человека?— этот вопрос вырвался у него против воли.

— *Нет,*— уверенно ответил Симба.—*Другое существо... Это их место...*

В тот же миг среди этих небольших джунглей раздался долгий и протяжный вопль, полный боли и ужаса, вопль от ощущения приближающейся смерти. И это был не крик животного. Вокруг Троя сгрудились настороженные и ощетинившиеся спутники. Трой включил фонарик.

— Прочь отсюда! Вверх...

Их не надо было уговаривать. Первыми к лестнице бросились лисы, за ними последовали кинкажу и Трой, неся Сахибу и мешок. Замыкал шествие Симба, который все время оглядывался и испускал низкое рычание.

Они поднимались, освещая фонариком только очередной виток, и вскоре оказались в наклонном скальном тоннеле над поверхностью пещеры.

На этом уровне в разных направлениях отходило пять дорог. Пыль, которую осветил фонарь, очевидно, была потревожена ногами убегавших людей. Снова подъем и новые коридоры. На этот раз только четыре.

Трой сильно устал, болели ребра, дыхание вырывалось с трудом, и он все чаще и чаще останавливался, чтобы перевести дыхание. Только необходимость скорее вырваться на свежий воздух, в знакомый ему мир, тянула его вверх. Он поднимался как в тумане, шатаясь от стены к стене и натыкаясь на них. От усталости язык не повиновался ему, и он не разговаривал с животными, даже не осознавая, здесь ли они. Кроме того, ужас, изгнавший его из пещеры, не ослабевал, а наоборот, возрастал, пока не затуманил его мозг.

Потом был серый свет, свежий холодный воздух с запахом дождя, очистивший его мозг. Смутно осознавая, что он на поверх-

ности, Трой ухватился за стену, скользнул по ней вниз и упал. Мягкий теплый дождь лил ему на лицо, на тело, пропитывая одежду.

Внезапно он очнулся. В его голове, как крик, способный порвать барабанные перепонки, прозвучало слово:

— *Опасность!*

Трой поднял голову. Дождь кончился, и перед ним лежала полоска солнечного света. Он потряс головой, пытаясь прийти в себя, и тут услышал звук приземляющегося флиттера.

Флиттер?!

Бессознательно повинуясь инстинкту, Трой спрятался за стену, давшую ему частичное убежище, стараясь одновременно определить место посадки машины. Где-то близко. Он находился в окружении куполов и стен наружного Рукарва. На запретной территории могли появиться только те, кто выслеживал его. Но кто? Патрульные, Зул или рейнджеры?

Впервые за все это время он оглянулся в поисках животных и не обнаружил их. Исчезла даже раненая Сахиба. Кто же тогда его предупредил? Они? Очевидно так, если он до сих пор настроен на контакт с ними.

Звук флиттера усилился. Трой вжался в тень от стены и увидел пролетавшую между двумя куполами машину. Это был флиттер рейнджеров.

Трой направился назад к спуску и обнаружил, что большая часть отвращения к глубинам перед опасностью с воздуха исчезла.

К его изумлению, так как он был открыт для наблюдения с воздуха, флиттер повернулся и скрылся за ближайшим куполом.

Звук постепенно замер в отдалении, и Трой сел, вздохнув с облегчением.

— Симба, Сахиба...— позвал он их мысленно.

— *Один идет.*

Трой не знал, откуда пришел этот ответ, но постарался успокоить животных.

— Флиттер улетел.

— *Один идет,*— повторился ответ.— *Один от большого человека.*

От большого человека — Кайгера? Неужели Зул?

— Где?

Трой испугался, что не получит ответа, но тут из-за купола, за которым исчез флиттер, показался Шанг и тут же снова исчез. Трой последовал за ним, осторожно пересекая пространство между стеной и куполом. Добравшись до купола, он достал станнер и бесшумно, придерживаясь за купол, начал медленно передвигаться вперед. Ни птиц, никакой другой жизни, кроме насекомых, в пустыне Рукарва вообще не было. И ни следа животных, не считая Шанга.

ГЛАВА 14

Первую вибрацию, слабый звон в крови и костях, вызывавшее воспоминания о тьме и сомнениях биение, Трой уловил, вероятно, потому, что его тело было плотно прижато к куполу.

Биение становилось сильнее и, вопреки осторожности, притягивало к себе, вынуждая Троя бежать к его источнику.

Придерживаясь укрытия, он продолжал двигаться, подавив в себе этот импульс, и внезапно уловил эмоции животных: безнадежный страх, отчаяние и беспомощность.

Трой понял причину этого страха. Находясь где-то впереди, Зул использовал оставшийся в мертвых руках Кайгера цилиндр, и животные шли навстречу своему концу, не имея возможности сопротивляться. То, что помогало в общении, тянуло их, как на веревке...

Но ведь он-то может сопротивляться! Зул же ведет его именно туда, куда нужно. Продолжая держаться в укрытии и прекратив сопротивление, Трой позволил скрытому компасу вести себя: мимо куполов к открытому месту с несколькими скальными отложениями.

Когда Трой удостоверился в цели, он тут же свернул направо и, выходя из зоны действия трубы, с тыла обошел ничего не подозревавшую засаду. Сейчас очень многое зависело от того, был ли Зул один. Добравшись до скального выступа, Трой полупригнулся и начал его обходить. Труба продолжала действовать, следовательно, Зул еще не выманил животных из укрытия. Но как только Трой подошел к самой высокой скале, звук неожиданно оборвался. Это послужило как бы сигналом, что нужно забыть о скорости и подумать об осторожности.

Трой обогнул скалу, держа наготове станнер, и увидел ожидаемое. Находящийся здесь Зул одной рукой придерживал на коленях трубу из комнаты Кайгера, а другой — бластер. Перед ним, ощетинившись, рыча и прижимаясь к земле, стояли животные, выражавшие всю свою ненависть напряженными движениями.

Трой прицелился в руку и нажал курок. Конечно, он бы с большим удовольствием выстрелил Зулу в голову, но побоялся, что тот, в состоянии оцепенения, воспользуется бластером.

Парализующий луч так удачно ударил по пальцам, что даже сам Трой, не ожидавший такого успеха, удивился. От неожиданности и шока Зул закричал, и эхо скал было ответом на этот крик. Онемевшие пальцы выпустили бластер. Зул потянулся за ним другой рукой, но уронил трубу. Трой попытался выстрелить второй раз, но кончились заряды. Тогда он прыгнул на открытое место и бросился к бластеру. Но Зул, прижимая к груди онемевшую руку, тоже потянулся к нему. Трой выброшенной вперед ногой отбил бластер от Зула, но и от себя тоже.

Но и с одной рукой Зул дрался очень хорошо. Неповрежденной рукой, тянувшейся к бластеру, он перехватил лодыжку Троя. От потери равновесия тот пролетел несколько шагов и с такой силой врезался в стену, что моментально все старые шишки и синяки дали о себе знать.

Зул приближался. На солнце сверкнул нож. Зная, что Зул был опытным бойцом, Трой ни секунды не сомневался, что ужасный удар ножом снизу вверх сразу же завершит эту схватку. Но так как его правая рука была парализована, а левой он владел значительно хуже, то у Троя оставался крошечный шанс. Увернувшись от рукоятки станнера, он ударил Зула по голове, но в ответ получил такой резкий и болезненный удар по ребрам, что не смог удержаться от крика.

Пошатнувшись, Зул свалился со скалы, а Трой воспользовался моментом и, прислонившись, тут же осмотрел бок. Он ожидал увидеть там торчащий нож, но тот лежал на земле, расколотый на две половины, а вот повыше и пониже найденного в Рукарве удивительного и странного браслета виднелась красная полоса. Стальное лезвие треснуло, как сухая палка, ударившись о браслет, и благодаря этому Трой остался жив.

Прижав руку, чтобы уменьшить кровотечение, Трой склонился над Зулом, неподвижно лежащем на спине. Он дышал.

— *Сзади...*

Получив это предупреждение, Трой хотел повернуться, но споткнулся о руку Зула и упал на колени. Это падение спасло ему жизнь: над его головой сверкнул луч бластера. От озонного запаха разряда Трой закашлялся, но тут же быстро укрылся за скалой, подчиняясь инстинкту самосохранения и не обращая внимания на мучительную боль в руке и боку. Выходит, Зул не один, а это значит, что на раненого и безоружного Троя идет охота, а все преимущества, к сожалению, на стороне охотников.

Трою было известно лишь одно безопасное для них место — коридоры Рукарва. Он надеялся, что их зловещая репутация задержит преследователей и даст им выигрыш во времени. Вот если бы он смог достать выбитый из рук Зула бластер! Но в данный момент это было невозможно.

Трой постарался установить с животными контакт, уверенный, что они разбежались в поисках убежища, когда он выбил трубу из рук Зула.

Труба! У беглецов нет вообще никаких шансов, пока она находится в руках Зула. Трой осмотрелся и увидел ее выступающий из-под камня конец. Как же ее достать? Если он покинет убежище, значит, обречет себя на верную смерть. И Трой начал лихорадочно искать хоть какое-нибудь оружие.

Выбрав прямоугольник камня, отколовшийся от ближайшего

купола, он швырнул его в трубу. От этого удара труба треснула, и конец ее разбился. Трой тут же хотел встать, чтобы убедиться, что ее починить невозможно, но раздумал. Пока им везет.

Ожидая выстрела каждую секунду, Трой пополз, прижимая к груди раненую руку. В отверстие, из которого они выбрались, полные надежд, несколько часов назад, он вполз каким-то чудом. И только он успел скатиться по склону вниз, ударил ожидаемый им луч. Ему в глаза попала яркая вспышка, и раздался треск раскалывающегося камня. Уже находясь за пределами досягаемости луча, он все еще не верил, что до сих пор жив.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, не последует ли за ним охотник, и он прислушался. Последняя вспышка ослепила его, и он плохо видел, зато очень хорошо услышал шум флиттера. Другой это или возвращается прежний? Звук этот послужил как бы сигналом, и вверху на одно-два мгновения показались темные фигуры. К нему присоединились животные.

Они вместе отступили на первый уровень и здесь остановились. Ни звука не доносилось сверху. Может, разведчики рейнджеров заметили происходящее? Трой знал, что Зул вполне способен присоединиться к преследователям, так как был парализован только частично. Будь у него бластер...

— *Здесь.*

Трой набрался решимости и на мгновение включил фонарик. Сахиба! Рядом с ним, неловко подвернув раненую лапу, полусидела-полулежала серо-голубая кошка, возле нее — Симба, а перед ним лежало то, о чем он только что мечтал — оружие. Схватив его, Трой ощутил влажность от кошачьей пасти на стволе. Он проверил заряды. Истрачено меньше трети, следовательно, теперь он может защищаться.

— *Они идут,*— предупредил Саргон.

— Сколько их? — спросил Хоран.

— *Пока один... но есть другие... они еще наверху.*

Один... Кто именно? Зул или другой, с бластером? Трой посмотрел в коридор, в котором можно было легко заблудиться, и решил, что известная опасность лучше, чем новые враги, тем более, если преследователи и сзади, так как был уверен, что Зул от них не отвяжется. Он надеялся, что в подземных джунглях найдет способ переиграть противника.

Теперь возникла проблема пищи и воды. Правда, внизу есть вода, но мешок с продуктами остался наверху. Конечно, если они не будут чересчур разборчивы в еде, то, возможно, найдут и пищу. Он знал, что съедобную добычу животные смогут отыскать даже в грибной пещере.

— Вниз! — скомандовал он, и подобрав Сахибу, усадил ее в подвязанную полу куртки, тем самым освободив здоровую руку.

Хотя рана на левой руке болеть перестала, но при малейшем движении кровь появлялась снова.

Кроме звука его дыхания, стука башмаков и легких шагов животных ничего слышно не было, но, когда они спустились еще на один уровень, разведчики заверили Троя, что преследование продолжается. Теперь их цель указывал бледный свет впереди.

Трой спрыгнул с лестницы и обнаружил, что здесь опять стоит причудливый день. Вероятно, благодаря какой-нибудь хитрости строителей Рукарва сюда пробивались настоящие солнечные лучи.

Трой нырнул на сухое место, так как тонкие облака проливались дождем, и вновь оказался у той стены, с которой свисали остатки паутины. Нечаянно задев одну из нитей, он был вынужден сделать рывок, чтобы освободиться, ибо это была одна из паутин, послуживших для людей Фауклова смертельной ловушкой.

Неожиданно в голову Троя пришла идея. Внимательно присмотревшись к нитям, он обнаружил, что они цеплялись лишь на отдельных участках скальной поверхности, а не по всей длине, как он думал первоначально. Трой сунул бластер за пояс, ухватился за обвисшую нить и попытался ее вытянуть. Ему удалось это сделать, так как нить, по всей вероятности, была очень старой.

Нитей было множество, одни тонкие, другие толще, и, хотя Трой работал с большой осторожностью, работа спорилась, несмотря на то, что ему не всегда удавалось предотвратить их склеивание, поскольку внешняя сторона нитей была очень липкая.

Работая одной рукой, ему удалось соорудить паутину, хотя и не такую совершенную, как висевшая у входа в пещеру. Свою ловушку он с особой тщательностью разместил у основания лестницы перед выходом на прорубленную им тропу в джунглях.

Он не знал, по какой причине ему не мешали закончить работу, но находившиеся на лестнице животные тревоги не поднимали.

Прикрыв сеть опавшими листьями и слегка припорошив пылью, Трой сделал знак животным перепрыгнуть через нее. Он надеялся, что преследователь не заметит ловушки, так как на его взгляд, взгляд человека, сеть была замаскирована удачно. После этого спрятались и они: Трой и Сахиба между лестницей и стеной, а остальные под растительным покровом.

И все же его одолевали сомнения, сработает ли ловушка без наживки? Прошло больше часа, но никаких следов преследования. Неужели их преследователь — или преследователи — побоялись спускаться следом за ними? Трой обнаружил, что у животных терпения гораздо больше, чем у человека. Кожа его зудела, болели бок и рука, его мучили приступы голода и жажды, превратились в пытку все те раздражители, о которых обычно не подозреваешь. Отталкивающая раньше растительность теперь заманивала, обещая пищу и воду... И все же, несмотря на эти физические неудобства, здесь

царило зловещее воспоминание о том, что хуже самой большой опасности.

Стараясь держать себя в руках, Трой отгонял от себя усталость и смутные страхи. Он не знал, сколько еще сможет продержаться. Ловушка. Для этой ловушки обязательно нужна приманка.

Дрогнул куст. Это Шанг спрыгнул с него к лестнице и, немного постояв, держа хвост вопросительным знаком, начал подниматься.

— Вернись,— позвал его Трой.— Хоть ты и можешь быстро передвигаться, но этого недостаточно, чтобы избежать луча бластера.

И все-таки зверек его не послушался и скрылся из виду. Наживка была готова. У него под рукой шевельнулась Сахиба, и от боли в ребрах Трой поморщился.

— Идет один? — с надеждой спросил Трой, когда его менее острая способность к контакту уловила обмен мыслями Сахибы с кинкажу.

Но хотя его мучило нетерпение, он все же понял, что докучать животным вопросами сейчас не время.

Снова в джунглях сгустились сумерки, соединяя друг с другом пятна теней.

Когти Сахибы впились в руку Троя.

— *Идет один!* — Он вздрогнул и достал бластер, посадив кошку позади себя.

На лестнице послышался топот. К кустам пролетел стрелой Шанг. Топот стал громче. Это был топот человеческих ног. Наверху блеснула вспышка, которую Трой еле успел заметить, и тут же исчезла. Атомный фонарик? Очевидно, идущий разглядел серый свет пещеры и теперь двигается на него.

— Это Зул? — спросил Трой Шанга.

— *Нет.*

Раз это не Зул, тогда это тот, который стрелял в него из бластера. Трой приготовил оружие, хотя не был уверен, что сможет сжечь человека, даже спасая свою жизнь. В Диппле драки велись кулаками и ногами, а нож был общепринят почти на всех земных мирах, не только на Корваре, но эта штука в руке... Только вот смогут ли эти сомнения остановить противника?

Топот затих. Неизвестный остановился или повернул назад?

— *Нет!* — прозвучал уверенный ответ животных.

Значит, противник крадется. Пригнувшись, Трой устроил бластер поудобнее и стал ждать. Но только долгое ожидание не подготовило его к неожиданному прыжку с лестницы. А вот сеть он разместил очень хорошо, и человек, опустившийся на четвереньки, запутался в ее клейких нитях. Он метался, дергался в разные стороны, и поэтому запутывался еще сильнее.

Трой встал у стены, радуясь, что ему не пришлось стрелять.

— *Еще один...*

Симба обошел бьющегося пленника и, выходя на открытое место, посмотрел наверх.

Сверкнул луч бластера, но нацеленный не в Троя, а в человека, извивающегося на земле. Паутина и одежда пленника задымились. Связанный мгновенно откатился в сторону, и в ту же секунду по тому месту, где он только что находился, ударил второй выстрел.

Выстрелы осветили маскировочную одежду человека, и Трой смог убедиться, что это не Зул, а один из рейнджеров. Тогда Хоран послал вверх по лестнице ответный луч, и оттуда с криком слетел другой человек. Как только упавший перестал двигаться, Трой бросился к нему.

— Я был уверен, что найду вас здесь, Хоран.

Это был Рерн, и желание освободить рейнджера у Троя быстро пропало. Однажды он чуть не попросил помощи у него, но помешала подозрительность, которая вспыхнула снова, оживленная инстинктом преследуемого. Причин бояться Рерна у него было не меньше, чем Зула, поэтому он смотрел на охотника, держа бластер наготове.

Рерн перестал дергаться и попытался поднять голову.

— Не делайте глупости, Хоран, ведь за вами охотятся.

— Я знаю,— оборвал его Трой.— Вы здесь...

— За вами охотится нечто большее, чем рейнджеры Клана, Хоран,— *нахмурился Рерн.— Вас хотят видеть только мертвым.*

Внезапно его изумленный взгляд устремился мимо Троя. Хоран тоже посмотрел туда. В своей обычной беззвучной манере материализовались Шанг, Симба, Саргон и Шеба. Они глядели на Рерна тем неподвижным взглядом, который до сих пор смущал Троя. Прихрамывая, из укрытия вышла Сахиба.

— Вот оно что...— протянул Рерн, продолжая разглядывать животных.— Следовательно, это и есть самые опасные преступники Корвара?

ГЛАВА 15

— Нет, Рерн, вы ошибаетесь, они совсем не преступники,— Трой позволил себе заговорить таким голосом, каким никогда не осмеливался разговаривать с людьми не из Диппла.

Это место не Тикил, жители которого боятся ходить сюда. *Здесь нет подчиненного «охотника» или «Джентльхомо», нет бесправного, безоружного горожанина, а есть один из группы, готовый принять любое сражение за свою свободу.*

— А разве вам неизвестна их служба Кайгеру?

— Известна.

— Но вы не могли в этом участвовать,— возмущенный Рерн задавал вопрос как бы самому себе.— А может, участвовали? — он изучал Троя таким же немигающим взглядом, как у Симбы.

— Никакого участия в планах Кайгера, какими бы они ни были, я не принимал и его не убивал... если у вас на этот счет есть какие-либо сомнения. И никакие мы не преступники!

— Мы?

Трой сделал шаг назад, присоединяясь к животным. И теперь они стояли против рейнджера единой линией.

— Понимаю,— кивнул Рерн.— Действительно «мы».

— И что вы хотите предложить? — сменил тему Трой.— Учтите, если мы не найдем отсюда безопасный выход — все умрем.— Голос его звучал абсолютно спокойно.

— Не только рейнджеры Клана ведут охоту за вами. Хотя, как я опасаюсь, есть приказ стрелять, не задавая вопросов, их вам нужно бояться меньше всего.

— Ваш приказ? — Трой приготовил оружие.

— Нет. Клан предпримет свои шаги, как только об этом узнает, я вам обещаю.— Глаза его сузились, а в голосе зазвенел лед, и хоть держал он себя в руках, Трой оценил его справедливый гнев.— Убить беглеца, а потом покаяться, свалив все на несчастный случай, очень легко. Именно такую игру затевают ваши друзья наверху.— Он кивнул в сторону тела, лежащего у подножья лестницы.— А чтобы избежать этой банды, у вас есть один шанс из тысячи...

— *Идет один.*— К лестнице снова подошел Симба.

Трой стоял в нерешительности. Он мог бросить пленного Рерна здесь и, скрывшись в джунглях, отыскать вход в грибной город или, оставшись здесь, принять сражение.

Глаза Рерна смотрели то на человека, то на кота.

— У нас посетитель?

— У нас? — Трой интонацией выделил местоимение.

— Это не мой человек.

И Трой почему-то поверил ему. Значит, идет враг.

— У вас есть выбор,— заметил Рерн.— Если вы спрячетесь в кустах, тогда они долго не найдут вас.

— А как же вы?

— Какое это имеет значение, если вы считаете меня одним из ваших преследователей? — ответил охотник с легкостью.

— Но ведь он хотел вас убить!

— Я же сказал вам, они действуют по принципу: убитый по ошибке человек лучше живого свидетеля.

И Трой сделал выбор. Он ухватился за нить и перетащил рейнджера под лестницу, так как не было времени освобождать его, а бросить беззащитного человека под огонь бластера Зула или его банды он не мог.

— Кто идет? Зул? — обратился он к Симбе.

— *Зул,*— подтвердил кот.

Трой был уверен, что приближается вооруженный враг, но времени для подготовки ловушки уже не было, как и не было надежды на еще один удачный выстрел. Тогда он присел на корточки возле Рерна, надеясь на удачную засаду.

— Освободите меня,— попросил Рерн, напрягая мышцы.

— Не могу,— ответил Трой.— Эти нити можно уничтожить лишь огнем.— Он стал смотреть на лестницу.

— И что это за веревка такая? — спросил Рерн резким шепотом.

— Часть паутины... со стены.— Он кивком головы указал на свисавшие со скалы нити, и Рерн замолчал.

Свет заметно потускнел. Трой вспомнил старую стоянку в этом месте и свою уверенность в том, что в джунглях скрывается своя опасная жизнь. От растительности было свободно только одно место — площадка с вызывателем. Пока машина не действует... А что, если попытаться добраться до нее, пока нет Зула?

В голове Троя заметались мысли: дождаться Зула и постараться подстрелить его в этом неверном свете или отойти к вызывателю, развязав ноги Рерну?

Он повторил вопрос коту и в его мысленном ответе уловил удивление.

— *Зул начинает бояться...*

— Нас? — Трой не мог поверить в это, отлично зная, что Зул не боялся, сражаясь с ним наверху, а животные для него были лишь беспомощными существами, которыми можно управлять. Так кого же боялся Зул? Может, присутствие Рерна сдерживает его? А если попытаться для переговоров использовать охотника?

— *Зул боится того, чего не может видеть,*— ответ Симбы был по-прежнему изумленным, и это на мгновение пробудило собственную тревогу Хорана.

Чем больше темнело, тем чаще вспоминался высохший человек в паутине. Но Зул здесь не был и ничего не знал о паутине и вызывателе. Так чего же он тогда боится?

— *Он не глазами видит, а мыслями,*— вмешался Симба.— *Он не ощущает, что ожидает его.*

— Выходит, он может с вами говорить?

— *Нет,*— ответил Саргон.— *Без вещи, которая зовет, он разговаривать не может. Сейчас Зул видит множество теней, в каждой из которых скрывается враг.*— Лис вышел из укрытия, обошел мертвеца и, поднявшись на одну-две ступеньки, посмотрел наверх.— *Он хочет идти, но его не пускает страх.*

А есть ли у Зула основания для страха? Взглянув на ночные джунгли, Трой понял, что пробраться к вызывателю, как он планиро-

вал, они не смогут. Как будто скрывавшееся там не живое и не мертвое животное набиралось из тьмы жизненных сил, и уловить присутствие этого существа ему помогла способность общаться с животными.

— Что это? — спросил Рерн, глядя на растительность и прижимаясь к стене плечами.— Что это там бродит?

— Надеюсь, ничего живого,— ответил Трой, потом опустился на колено и, уменьшив силу разряда в бластере, слегка повел стволом вдоль нитей, опутавших ноги охотника. Нити дрогнули и исчезли.

— Ничего живого? — повторил Рерн.

— Его призвал вызыватель Фауклова. Он продолжает работать, несмотря на то, что ваша машина его заглушила. Вызванное существо, как мне сообщили животные, частично находится в нашем измерении.

— Что? Значит, наш друг боится спуститься в логово дракона?

Трой снова присел на корточки. У него мелькнула мысль, что Рерн тоже способен настраиваться на его разговор с животными, но он тут же отбросил ее, потому что был уверен, животные знали бы об этом и его предупредили.

— Вы умеете разговаривать со своими животными,— продолжал Рерн,— и, наверное, думаете, что я тоже могу?

Трой кивнул в знак согласия.

— Умственный контакт. Теперь-то я знаю, а до этого только догадывался. Зул человек необычный. Большинство из нас — смешанных рас, результат столетней звездной колонизации, а Зул — бушмен, представитель примитивного земного племени охотников и жителей пустыни, обладающих врожденным инстинктом Диких Земель. Сейчас, правда, они редко встречаются, хотя у таких людей сохраняются чувства, утраченные нами. Раз уж он учуял нашего демона, значит, спуститься вниз его даже долг не заставит. Сейчас он, скорее всего, останется наверху и закроет выход, потому что думает, что этот демон будет охотиться на нас, и я вполне согласен с разумностью такого решения.— Рерн шевельнул плечом, окончательно освобождаясь от паутины.— Я не рискнул бы ночевать в таком месте,— признался он с беспокойством в голосе.

— Вы были здесь, когда нашли Фауклова?

— Нет. О существовании этого места мы даже не подозревали. Никто не предлагал исследовать эти уровни после того, что видели вверху. Мы считали, что теперь вызыватель безвреден. Но меры будут приняты, если только мне удастся отсюда выбраться.

— Зулу спешить некуда, и он будет нас поджидать, а если мы попробуем выбраться — легко подстрелит,— говоря так, Трой между тем размышлял, говорить ли о другом выходе или нет, так как знал, что без воды и пищи этот путь им вторично не осилить.

— Да, он устроит засаду в любом из коридоров. Тогда давайте вызовем помощь, раз уж мы не можем подняться. Если вы освободите меня полностью,— он снова попытался освободить руки,— я вызову подкрепление.

— Нет,— ровно и быстро ответил Трой.

— Почему? — поинтересовался Рерн.

— Вы что забыли, что мы преступники?

— Можно заключить перемирие, если враг общий, а у меня в Диких Землях есть кое-какая власть.

И Трой задумался. В Диппле доверие очень редкий товар. Ему очень хотелось довериться этому человеку. Но если он ему доверится, то тем самым даст в руки Рерна оружие, как если бы отдал бластер. И опять подозрительность боролась с желанием поверить.

— Перемирие, пока мы отсюда не выберемся. Если хотите, я поклянусь на ноже,— предложил Рерн.

Но Трой отказался.

— Если я доверюсь вам, то мне достаточно слова. Перемирие и преимущество во времени для меня.

— Охота не прекратится, поэтому шансов у вас нет,— предупредил Рерн.— Вам лучше сдаться на волю закона.

— Закон? — Трой хрипло рассмеялся.— Чей закон, охотник? Право Клана, кодекс патрульных или закон уничтожения Зула? Конечно, мы легкая добыча, я знаю, поэтому дайте слово, что у нас будет в запасе хотя бы полдня.

— Сколько времени вы сможете выиграть, столько у вас и будет, но я сомневаюсь, что его будет слишком много.

— Мы рискнем,— и Трой пережег остальные нити.

— Хоран, почему всегда «мы»? — спросил Рерн, растирая запястья.

— Человек пользовался животными как орудием,— ответил Трой медленно, пытаясь словами выразить то, что сам не совсем понимал.— Теперь же, сделав из них оружие, какие-то люди хотят обратить его против хозяина. И это не вина орудия. Теперь это не орудие, а...

— ...товарищи? — закончил его мысль Рерн, растирая мышцы и внимательно глядя на Троя.

— А вы откуда знаете?

— Просто я один из тех, которые имеют способность восхищаться прекрасным инструментом, особенно тогда, когда они перестают быть только инструментами...

— Вы поняли...— Трой посмотрел на Рерна с оттенком симпатии.

— Увы, немногое. Желающих иметь только инструменты, а не товарищей, гораздо больше. По вашему следу, Хоран, всех охотников Галактики пошлет боязнь человека утратить превосходство.

От вашей расы, когда ей угрожает то, чего она не понимает, помощи не ждите. Вы получите время, но что сделаете с ним, зависит от вас. А теперь нам нужно постараться выбраться отсюда, пока нами не заинтересовались.— Он кивнул на джунгли.

В руках Рерна оказался небольшой предмет, который он достал из кармана. Светя фонариком, он на маленьком циферблате тщательно набрал номер и улыбнулся Трою.

— Это настроенный на вызов помощи передатчик. Чтобы наши люди не наткнулись на компаньона Зула, я добавил предупреждение. Наверху его могут ждать один или два человека, потому что он, как нам стало известно, связался с Гильдией в Тикиле, прежде чем сюда явиться. Как мне кажется, он нанял людей с бластерами.

— Но у него нет денег, чтобы расплатиться с Гильдией! Значит, это он ограбил Кайгера?

— А вы не подумали о том, что в их организации на Корваре возможен другой главарь, не Кайгер? И этот другой, ее возглавляющий, способен предотвратить утечку информации с помощью воздействия на власти. В Тикиле вы объявлены убийцей и похитителем ценных животных.

— Я был уверен, что все так и произойдет,— Трой был в отчаянии. Объявлен убийцей! А это означает, что, прежде чем задавать вопросы, патрульные будут стрелять. Но ведь это не Тикил, а Дикие Земли, следовательно, перед преследователями у него есть некоторые преимущества.

— Вы сказали, что не убивали его?

— Он был уже мертв, когда я его увидел,— и Трой пересказал события, предшествующие его бегству из Тикила.

— Я охотно верю вам, ведь у Кайгера были опасные знакомства. А вы не думали о том, что я мог бы снабдить вас алиби? Ведь вы могли говорить со мной и Рогаркилом во время смерти Кайгера.

— Вы сказали об этом патрульным? — испуганным голосом спросил Трой. Почему Рерн раньше не говорил об этом, если это правда?

— Пока нет...

— Вам нужно что-то получить от меня?

— Возможно.

— Не интересуюсь. Без вас обойдусь.— Он не сомневался, что Рерн сдержит слово. Только почему он не оправдал Троя перед патрульными? Может, он хочет подтолкнуть его туда, куда нужно Клану? Ему вспомнилась встреча в кафе. Нет, Трой не собирался возвращаться на прежние пути, испытав счастье свободы.

— Как хотите,— не стал спорить Рерн, поднес к уху передатчик и, прислушавшись, кивнул.

— Они уже идут, скоро доберутся до Зула. Они пустили перед собой газ.

Неплохо. У Зула нет защиты против такого оружия.

— Они арестуют его?

— Вы этого хотите? — взглянул на него охотник.

— А почему бы и нет?

— Считать Зула главным причин нет, потому что он полностью находился в подчинении у Кайгера, а оставленный на свободе, он может привести к настоящему хозяину.

— Что ж, если у них будет желание и время, то конечно,— ответил Трой.— У меня же сейчас более важная задача.— Он задумался. Рерн, безусловно, прав, и связи Зула до конца проследить просто необходимо. Он и сам бы охотно согласился, если бы не животные. Только он не может тратить короткое время перемирия на Зула, он должен его использовать с большей пользой.— Ваш ход,— предложил он.

— Наш ход сделан,— сказал Рерн и жестом указал на лестницу.

— Зул?

— Его нет, но на втором уровне спит человек Гильдии, нанятый для патрульных. Зул из зоны видимости выскользнул и думает, что ему удалось скрыться. Пусть себе думает, мы все равно следим за ним.

Значит, Зул нужен Рерну, раз он собирается его выслеживать. Очевидно, полученные сведения он хочет использовать в борьбе Клана с властями Тикила. Подняв Сахибу, Трой жестом предложил охотнику идти вперед.

— Хотя у меня есть бластер, а с вами мы заключили перемирие, ваши товарищи наверху, как мне кажется, не будут так великодушны?

— Осторожность не повредит,— улыбнулся Рерн,— но мне кажется, Хоран, вы измените свое мнение о рейнджерах. Идемте.

Подъем показался Трою таким же длинным, как и спуск в колодец. В коридорах первого уровня никого не оказалось. Они стали подниматься дальше. Саргон и Симба шли чуть впереди, как пара разведчиков, которым даже среди людей не было равных, в чем Трой нисколько не сомневался. Шанг восседал на его плече, а Шеба шла рядом. На Рерна животные не обращали внимания, но Трой был уверен, что они следят за рейнджером.

Выход они увидели, как только миновали второй уровень, и Трой заставил себя подумать о будущем. На механический транспорт нечего было и надеяться, ибо перемирие не распространялось так далеко, зато они имели возможность уйти пешком, потому что барьер вокруг Рукарва должны были убрать, чтобы выпустить преследователей. Правда, у него были сомнения, что, усталые и голодные, они смогут преодолеть большое расстояние, но, если им удастся добраться до края леса, животные будут спасены. А когда животные окажутся в безопасности, он сможет подумать и о себе.

— *Люди ждут,*— предупредил Симба.

Люди Рерна. Что ж, этого и следовало ожидать.

— Это не враги,— успокоил животных Трой.

— Бросьте бластер! Вы обнаружены!

Внезапно Трой уловил движение впереди. Он схватил Рерна и загородился им, как щитом. Послышалось гневное восклицание рейнджера.

— Так вот цена слову Клана! — Трой раздраженно сплюнул.— Чем же лучше ваша клятва на ноже? — Он подтолкнул к выходу несопротивлявшегося охотника.— Мы выходим, с нами вождь охотников. Я поджарю его первым, как только вы начнете стрелять.

Послышалось какое-то неясное бормотание, но выстрелов не последовало.

ГЛАВА 16

Рерн был очень молчалив и на обвинения Троя никак не реагировал, и это сильно обеспокоило молодого человека. Он хотел увериться, что рейнджер не ведет его в ловушку, поэтому ждал объяснений. Правда, когда у него возникла возможность все как следует обдумать, он понял, что увиденный им в коридоре Рукарва мундир рейнджерам не принадлежит.

— *Люди...*— поступило новое предупреждение животных.

Держа по-прежнему несопротивлявшегося Рерна, Трой прижался спиной к куполу и стал осматривать сцену. Несомненно, он видел рейнджеров, хотя их охотничья одежда сливалась с развалинами, а чуть позади — на это он уже и не надеялся — стоял флиттер.

— Скажите своим людям, чтобы они отошли от флиттера,— потребовал Трой хриплым голосом.— Ну!

— Отойдите от флиттера,— послушно повторил Рерн бесцветным, как у робота, голосом, но Трой ощутил его гнев, хотя черты лица охотника оставались неподвижными.

Зашевелившиеся рейнджеры стали медленно отходить от машины. Когда они отошли на достаточное расстояние, Трой начал подбираться к ней, продолжая держать Рерна между собой и людьми Клана. Животные, как он надеялся, уже опередили его.

Как только Трой достиг цели, он размахнулся и рукояткой бластера ударил Рерна по голове, тем самым излив свой гнев. Ноги охотника подкосились, и он без звука свалился на землю. Забравшись во флиттер, Трой повернул рукоять взлета. От резкого движения машина подпрыгнула, и толчок швырнул Троя на приборный щиток. Сахиба протестующе взвизгнула. Но благодаря такому быстрому подъему они выскользнули из зоны досягаемости бластеров и оказались в безопасности.

Трой знал, что машина сама доставит его в самое сердце Диких Земель, поэтому, не раздумывая, повернул на восток. Конечно, их будут преследовать, но если другого флиттера в Рукарве нет, то он сумеет выиграть драгоценное время.

Неподвижный взгляд Троя уперся в ночное небо. Пища, вода, убежище... Ощущение сильной усталости мешало Трою размышлять, зато не убавило решимости посадить флиттер где-нибудь в Диких Землях, чтобы там спрятаться вместе с животными.

— *Прекрасно,*— сказал Симба.— *В этих землях отличная охота, и люди нас отсюда не выгонят.*

— Остается Зул,— напомнил Трой.

— *Да, остается Зул,*— согласился с ним Симба,— *но мы сумеем расставить для него ловушку.*

Потом Трой, очевидно, уснул, а когда проснулся от света в глазах, то какое-то мгновение никак не мог вспомнить, где находится. И только взглянув на золотое утреннее небо с пятнами облаков, сразу все вспомнил. Тем временем флиттер продолжал лететь на восток.

Под ними расстилалась волнистая равнина, а далеко впереди, в дымке тумана, темнела полоска растительности — или лес, или неровная местность. По всей вероятности, они пролетели большую часть открытой местности за ночь и теперь находились там, куда охотничьи отряды Тикила никогда не забирались.

Протерев сонные глаза, Трой снова начал думать. Выследить их теперь можно только по флиттеру, и если он, приземлившись, предположим, на краю отдаленного леса, с автопилотом отправит флиттер назад, это может сбить преследователей с толку.

Но как только он потянулся к приборам, его время кончилось. Флиттер нырнул, пойманный парализующими лучами. Удивленно оглянувшись, Трой увидел другой флиттер, следующий за ними. Возможно, Трой вышел бы из затруднения, будь он более искусным пилотом, но он только увеличил скорость, стараясь добраться до леса, ибо через несколько минут он не сможет даже пошевелиться.

Почувствовав, что колеса прорываются сквозь длинную траву, Трой в конце концов посадил машину, решив, что его пассажирам здесь легче будет спрятаться. Он направил флиттер к выступающему участку леса, открыл дверь и, не дожидаясь полной остановки, отдал животным последний приказ:

— Всем наружу и прятаться!

Он сам высадил Сахибу в густую траву, где ее поджидал Симба, а лисы и кинкажу уже исчезли. Потом решительно поднял машину вверх, стараясь увести ее как можно дальше от этого места, где оставил своих друзей.

Флиттер задрал нос и взревел, а Трой, беспомощный и неспо-

собный коснуться пальцами приборов, был прижат к сидению. Теперь ему оставалось только ждать.

Под действием луча он не мог даже головы повернуть, и сидел, мокрый от пота. Проходили минуты. Ему стало ясно, что его хотят взять живым, так как вполне могли подстрелить и в воздухе. Он не знал, плохо это или хорошо и кто его захватчики: патрульные, рейнджеры или люди Зула. Но скоро он все узнает.

Дверца кабины распахнулась. Скосив глаза направо, он увидел голову и плечи человека, сунувшегося в кабину. Ни лесной одежды рейнджеров, ни мундира на нем не было. Отряд Зула?

Между тем, не обращая внимания на беспомощного пленника, человек внимательно осмотрел кабину, заглянул под кресла и в багажное отделение. Конечно же, он искал животных, в этом не было никаких сомнений. У Троя слегка поднялось настроение. Вывод напрашивался сам собой: или они не заметили его короткой остановки у леса, или не поняли ее значения. Поэтому они ожидали найти во флиттере шесть пленников, а обнаружили одного.

Искавший попятился к двери, и Трой услышал его голос:

— Здесь нет.

Трою было известно, что с парализующим лучом бороться невозможно. Прижатая поясом рукоять бластера врезалась ему в грудь, но дотянуться до нее он не мог. От напряжения в висках стучала кровь, но он был не в состоянии сделать ни малейшего движения.

От усилий разглядеть дверь кабины у Троя начали болеть глаза, но ждать пришлось недолго. Место своего наемника занял Зул с искаженным злобой лицом. Не поверив докладу первого, он сам все внимательно осмотрел и только после этого взглянул прямо на Троя.

— Они ушли,— ответил Хоран на его немой вопрос, а потом добавил, довольный тем, что ему повинуются голосовые связки: — Ты их никогда не найдешь.

Ничего не сказав, Зул вышел из кабины и отдал какой-то приказ. Дверца рядом с Троем распахнулась, и его непослушное тело вывалилось из кабины прямо лицом в траву. Падение вывело его из зоны действия лучей и, он попытался подняться, но резкий удар по шее снова свалил его.

Когда Трой пришел в себя, то обнаружил, что на сей раз его связали обыкновенной веревкой, но попытка освободиться убедила его, что веревка не хуже парализующего луча. Кроме того, у него были завязаны глаза.

Каковы же были намерения у похитителей, если они его не убили? Когда Трой убедился, что упакован, как обычный багаж, он стал соображать, где же он. Через поверхность, на которой он лежал, ему передавались вибрация и толчки, подогнутые под тело ноги затекли,

но он не мог их выпрямить, и он пришел к выводу, что находится в багажнике флиттера, либо того, на котором летел он, либо того, на котором его выследил Зул.

Еще Трой предположил, что они направляются в Тикил, поскольку отрядом командует Зул, и, возможно, к тому, кто отдавал приказы после смерти Кайгера.

Его мысли снова вернулись к животным. Они рассчитывали найти их во флиттере, но ошиблись. Но, может, их уже обнаружили, пока он лежал оглушенный? Вряд ли.

Трой сделал попытку вступить с животными в мысленный контакт, но... ответа не получил. Значит, их не нашли.

Он ничего не слышал, кроме звуков, обычных для летящего на большой скорости флиттера. Он не знал, сколько времени находился без сознания, его мучил голод, а еще больше жажда. Он не мог вспомнить, когда последний раз ел, а тем более пил. Все эти неудобства мешали ему осмыслить, что его ждет в конце пути.

Трой зашевелился, пытаясь выпрямить ноги, и вдруг почувствовал изменение темпа полета. Пилот рывками сбрасывал скорость, готовясь спуститься на более низкую линию. А может, они уже приближаются к Тикилу?

Трой попытался разобраться в звуках, доносившихся до него. Да, никаких сомнений, они спускаются. Неожиданно послышался свисток патрульного флиттера. Неужели их остановят? Трой замер.

Но мотор продолжал работать без изменений, значит, пират сумел дать правильный ответ и приказа садиться не последовало. Теперь они летели на допущенной на городских линиях скорости, когда готовишься к посадке. А где эта посадка?

От напряжения, с которым Трой пытался оценить все услышанное и почувствованное, болело все тело. Он предвидел приземление флиттера, потом ощутил легкое прикосновение колес к земле, и мотор заглох.

Он заставил себя расслабиться, чтобы они подумали, что он все еще без сознания.

Донесся порыв свежего ветра, потом послышались шаги. Рядом с его головой приоткрылась одна панель. Его так грубо вытащили, что ноги ударились о мостовую, и потащили дальше.

Окружавшая пленника атмосфера, несмотря на завязанные глаза, дала Трою ключ к разгадке своего местонахождения, так как такая комбинация сильных запахов могла существовать только в одном месте — во дворе магазина Кайгера. Выходит, он оказался там, откуда бежал всего несколько дней назад!

Сначала стражники бросили Троя на землю, и он услышал скрип открываемой двери, потом опять подняли и потащили. Его нос ощутил перемену запаха, и он понял, что находится в помещении склада. Его грубо швырнули на мешки с зерном, но так, что он

оказался в полусидячем положении. Трой свесил голову, стараясь как можно правдивее изобразить бессознательное состояние.

Возможно, похитителей это и убедило, но они не хотели оставлять его в таком состоянии. Он получил сильный удар по лицу, отбросивший его голову к мешку, а потом еще один...

— Что? — Трой понял, что больше ни к чему притворяться.

— Очнись, дипплмен! — раздался голос Зула, и Трой сообразил, что здесь есть кто-то еще, потому что маленькому человеку не под силу было втащить его в сарай.

— Что? — снова спросил Трой.

— Используй рот для этого.— К его губам с такой силой прижали край металлического сосуда, что он ощутил боль, и ему в рот хлынул какой-то отвратительный на вкус суп, потекший по подбородку. Но ему пришлось сделать большой глоток обжигающего месива, ибо сопротивление было бессмысленно.

— Думаешь, поможет? — спросил Зул у кого-то.

— Еще ни разу не подводило,— ответил другой.— Будет резвый, как камень. Вам ведь это нужно? Мы, горожанин, дело свое знаем.

Выпущенная голова Троя снова упала вперед. Его тело вместе с теплом из желудка окутывало оцепенение, поглощавшее и мышцы, и нервы так, что он совершенно не мог двигаться. Все ясно, один из используемых Гильдией неизвестных наркотиков. А это означало, что работа с привлечением специалистов высоко оплачивалась. Где же Зул разыскал нужные связи и добыл деньги?

Охватившее тело оцепенение дошло и до мозга. Усталость и равнодушие охватили Троя, и он поплыл на мягком облаке, постепенно поднявшемся выше любого флиттера...

Холодно... очень холодно... холод в голове... нет, во рту... Трой сделал судорожный глоток, и холод проник внутрь.

— Вы обещали, что он будет готов...— Эти слова чуть-чуть коснулись его мозга.

— Работа не совсем обычная... очевидно, его желудок совершенно пуст.— Слова, как молоток, стучали в висках, вызывая головную боль.

По плечам и рукам стекал холод, от которого Трой даже дрожать был не в состоянии.

— Приведите его в порядок! — прозвучал резкий приказ.

В рот, заполняя его полностью, хлынула новая порция жидкости. Трой глотнул и почувствовал, что вкус ее на сей раз был сладковатый. Жидкость прогнала холод, возвращая жизнь его телу...

К его губам прижалась рука, скользнула на горло, проверяя пульс, а потом на сердце.

— Он приходит в себя и скоро будет готов.

Исчезли усталость, голод, жажда. Трой очнулся в прекрасном

состоянии, но доверять этому ощущению полностью пока опасался, боясь, что это могло быть результатом применения наркотиков. Его оставили в покое.

Обоняние подсказало Трою, что он по-прежнему находится в складе Кайгера, опираясь плечом на мешок зерна. Времени для него не существовало, поэтому он не знал, сколько его миновало с того момента, как он выпустил животных в Диких Землях.

Мысли о животных снова всколыхнули его мозг. Он попытался установить мысленный контакт, но ответом было молчание.

Внезапно до него донесся топот, скрипнула дверь, послышались шаги, и он ощутил запах человеческого пота. Троя очень удивило его обострившееся обоняние.

Кто-то снял с его ног веревку и грубо схватил за плечо.

— Вставай, дипплмен! Теперь сам пойдешь!

Не успел он сделать и пару шагов, как больно ударился об угол ящика. Вслед за этим последовал сильный толчок, заставивший его зашататься. Подталкиваемый в спину, он вышел во двор, где гудел готовый к полету флиттер.

Два человека подвели его к машине и снова затолкали в багажник. В двух обстоятельствах Трой был уверен полностью: что перевозкой распоряжается Зул, так как его голос доносился с кресла пилота, и что перевозкой его занималась Воровская Гильдия, на которую работали самые высокооплачиваемые и опытные стрелки из бластеров. И он понял, что на побег и даже на сопротивление всякую надежду нужно оставить.

ГЛАВА 17

Они вылетели со двора на улицу, мягко коснулись колесами мостовой и превратили флиттер в наземную машину. Из этого следовало, что цель расположена не на одиночных виллах, а в деловом районе города. Что это могло быть? Мастерская... контора? По всей вероятности, это такое место, где человек с повязкой на глазах и в сопровождении стражников не привлечет внимания. А если к тому же сейчас ночь, то в районе мастерских и контор такая встреча пройдет совершенно незаметно.

Трой попытался сориентироваться в географии Тикила и пришел к выводу, что задача эта безнадежная. Вот если бы ему развязали глаза...

Один поворот, другой... Скорость, по-прежнему, оставалась в пределах допустимой... Конечно же, принималась все меры предосторожности, чтобы не вызвать у патрульных никаких подозрений, а специалисты у Гильдии были отличные. И Хоран решил, что они направляются в штаб-квартиру Гильдии, хотя не очень-то в это верил. Скорей всего, ему предстояла встреча с настоящим хозяином

Зула. Они сделали еще один поворот. Во флиттере царило молчание, и только по уличному шуму Трой определил, что наступил вечер. Флиттер влился в поток возвращающихся домой, следовательно, они направлялись в район мастерских.

Наконец машина остановилась. Обостренные чувства обоняния и слуха подсказали Трою, что один человек наклонился над ним через перегородку.

— Слушай, ты, дипплмен,— прозвучали сухие слова,— сейчас пойдешь сам, спокойно и без шума. Никаких лишних движений, иначе тебе конец. Понял? — И Трой поверил в эти угрозы.

Он кивнул в знак согласия, не имея ни малейшего желания сопротивляться. Ему помогли выйти из флиттера, крепко держа за руки, и он, не торопясь, пошел по тротуару.

Он ощутил запах растительности и решил, что они в жилом районе. Потом была небольшая пауза, словно они ждали, когда их впустят, потом снова шли. Звуки шагов были глухими.

Неожиданно голова Троя дернулась. Он вдруг понял, где находится, и пришел в полное замешательство, так как второго такого сочетания запахов в Тикиле встретиться не может!

Что общего имеет коллекционер морских животных Драгур с тайным хозяином Кайгера? Но если взглянуть на все это с другой стороны, то... Мысли Троя понеслись скачками. Увлечение этого человека надежно прикрывало его связи с магазином, тем более, что это увлечение было искренним, Трой мог поклясться. Единственным минусом был характер этого человека. Поэтому представить себе Драгура таинственным и могущественным лидером заговора Трой просто не мог.

Уловив слабый всплеск от движения какого-то подводного животного, Трой постарался припомнить расположение комнат.

— Вот нужный вам человек, в целости и сохранности.

— Отлично,— послышался высокий голос Драгура,— только договор, как мне кажется, выполнен не полностью. Один он мне не нужен, гильдиец. Мне нужны все.

— Я свое дело сделал, горожанин, а об остальном спросите у этого. Договаривайтесь с Большим Человеком, меня же отпустите.

— Передайте вашему Большому Человеку, что договор об оплате придется пересмотреть,— выпалил Драгур.— Договор не выполнен, потому что разговор шел о полной доставке.

— Это может не понравиться Большому Человеку, горожанин,— стражник не угрожал, а просто констатировал факт.

— Да неужели? Что ж, я согласен с ним! — фыркнул Драгур.— Можете сообщить ему и это.

— Раз нет платы, значит, нет и пленника.— Рука, лежавшая на плече Троя, сжалась сильнее.

— Вы что, хотите забрать его с собой?

Наступила гнетущая тишина.

— Где вы это взяли? — медленно спросил стражник.

— Я же вас не спрашиваю о вашем источнике снабжения оборудованием,— ответил Драгур.— Вы немедленно уберете руки от моего пленника и вернетесь к своему флиттеру. Большому Человеку доложите обо всем и добавите, что, если мы не придем к разумному соглашению, наши взаимовыгодные отношения на этом закончатся. Позволю напомнить так же, что договор с вашей организацией об охране еще не истек и разрывать контракт я не намерен.

Стражник отпустил плечо Троя, отошел от него с возгласом разочарования, и через некоторое время хлопнула дверь. Драгур засмеялся.

— Он свяжется с Большим Человеком немедленно. Лучше сейчас получить нагоняй, чем потом сгореть за то, что не доложил.

— Гильдийцы любят деньги,— сказал молчавший до поры Зул.

— А мы разве не любим? Но нарушать обещания они не имеют права. Они нарушили контракт, доставив только одного вместо всех, поэтому должны нести ответственность. Но об этом поговорим позднее, а теперь, Зул, устройте поудобнее нашего гостя.

Веревку, которая стягивала запястья, развязали, и Трой стал растирать руки. Потом сняли повязку, и он заморгал от света.

— Весьма энергичный молодой человек...

Все свое внимание Трой сосредоточил на говорившем.

Кресло, в котором сидел Драгур, было необычно. Высокая спинка из стеклянной плиты представляла собой аквариум, где в маслянистой жидкости плавало, заглядывая через плечо хозяина, кошмарное чудовище. Аквариумами служили также и ручки кресла. В одном находились хищные крабы, а в другом — трамджанская рифовая змея. Аквариум с крабами был открыт, потому что Драгур время от времени кидал туда маленьких визжащих зверьков, тем самым утоляя голод своих любимцев. Очевидно, это кресло было предназначено вызывать тошноту у собеседников и отбивать охоту спорить. Надо отдать должное, действовало это очень эффективно.

У Драгура на коленях лежало поражающее нервную систему игольчатое ружье, которое способствовало быстрому и охотному уходу гильдийца.

— Вероятно, вы очень устали,— продолжал Драгур своим высоким голосом.— Путешествие было очень длительно и не совсем комфортабельно. Зул, дайте Хорану стул. Так вам будет удобнее. Представьте себе, я верю в комфорт. Ага, мои хорошие, вот вам. Прыг! — Он что-то бросил крабам.— Вы заметили, мой мальчик, какая у них энергия, какое мужество! Если рассказать кому-нибудь об этом, никто не поверит. Но я неоднократно наблюдал, как можно нужными средствами заставить животное или человека намного превысить свои возможности...

— С таким ружьем, например...

В это время Зул принес стул, который, к удовольствию Троя, не был снабжен аквариумом.

— Нет, это очень грубый стимулятор, который следует использовать лишь в исключительных случаях, а вот действие под угрозой наказания или смерти может длиться гораздо дольше. Когда пройдена критическая точка сопротивления, человек согласится на все, лишь бы избежать боли. А у этих ружей свое назначение, поэтому я предпочитаю гораздо более привлекательные способы.

— И какие же? — спросил Трой, избегая смотреть на прыгающих крабов.

— Например...— Низкое гудение помешало Драгуру закончить фразу.

Зул с бластером в руке исчез за дверью, а Драгур направил на Троя свое игольчатое ружье.

— Очень возможно, что я ошибся,— сказал он,— и случай этот потребует более грубых средств. Ведите себя спокойно, Хоран, иначе я нажму курок, а какие результаты это вызовет, вы, очевидно, знаете. То же самое произойдет, если вы надумаете кричать. Если это недружественный посетитель, то его ожидает сюрприз...

Драгур свободной рукой захлопнул крышку аквариума, и звуки морских обитателей стали слабее, зато за дверью послышался шум борьбы, потом последовал глухой удар. Драгур, как заметил Трой, даже головы не повернул, по-прежнему сосредоточив все свое внимание на пленнике.

— Действительно, гость,— произнес он чуть слышно.— По-видимому, сработала одна из наших маленьких ловушек, и мы скоро все узнаем.

И они узнали. Медленно появился Зул, возглавлявший небольшую процессию. За ним, словно на резиновых ногах, шел человек, которому влепили заряд станнера. Поддерживал его тот самый гильдиец, который осматривал флиттер Троя в Диких Землях. Но Троя поразила личность пленника. Рерн!

Сколь неожиданно для Троя было его появление в пещерах Рукарва, столь же невероятен был его теперешний приход именно в этот дом.

— Приветствую благородного охотника! — с сарказмом произнес формальную фразу приветствия Драгур, рассматривая нового пленника.— Мне не совсем понятно, с какой целью и почему в мой скромный дом без приглашения, да еще через черный ход пытается проникнуть представитель Клана? Зул, пожалуйста, стул для нашего нового гостя. А здесь становится на удивление многолюдно.— Он взглянул на стражника, усаживающего Рерна.— Вы свободны, гильдиец. Я доложу Большому Человеку о вашем усердии. Надо полагать, охотник Рерн, голова ваша достаточно ясна, чтобы заметить и

оценить это маленькое приспособление должным образом.— Ствол ружья чуть переместился и теперь имел возможность одним выстрелом поразить обоих пленников сразу.— У нас шел очень серьезный разговор, охотник,— сказал Драгур, качая головой,— а вы нам помешали.

— За вмешательство я приношу свои извинения,— произнес формальную фразу Рерн, не утративший самоконтроля, несмотря на оцепенение в мышцах.

— Вы очень любезны, благородный охотник, но время торопит, а то бы мы продолжили нашу беседу позднее в более благоприятных условиях. Хоран, у вас ведь с Кланом нет связей? Или есть? Хотя, постойте, неожиданное прибытие благородного охотника наводит на размышления.

— Ваши люди, горожанин, оставили след,— вежливо ответил рейнджер,— а мы, как всем известно, интересуемся любым следом, который из Диких Земель ведет в Тикил.

— Интересуетесь! — Драгур повторил это слово, словно вдумывался в его значение, а потом взглянул на Троя, готового ответить. Трой понятия не имел, почему Рерн оказался здесь, но с Кланом не хотел иметь ничего общего.

— С Дикими Землями связей у меня нет.

— Я разделяю вашу уверенность, и легко поверю, что с ними у вас никакой связи нет, как нет симпатий к властям Корвара.

— Но я и не гильдиец.

— А я разве предполагал это? Просто я констатирую некоторые весьма неприятные факты. К Дипплу и к законам, которые вас там держат, никакой привязанности и быть не может, а с другой стороны,— он достал белую карточку из внутреннего кармана и показал Трою,— вот ваше разрешение покинуть эту планету.

— И куда же мне теперь отправиться?

— На Норден.

От неожиданного ответа Трой почувствовал шок, словно получил укол игольчатого ружья, но как только возбуждение немного улеглось, верх взяла осторожность, которой он научился за все эти годы. Он постарался ничем не выдать своего волнения и удивления, так как понял, что Драгур самый опасный человек из всех, с кем Трою довелось встречаться. И вовсе не из-за оружия, лежавшего у него на коленях, а из-за того, что оружие это применять не было нужды. Он был прав, говоря, что существуют другие способы воздействия на человека. И эти способы он продемонстрировал на Трое Хоране с большим эффектом.

— Как? — спросил Трой почти спокойно.

— Предположим, что у меня есть...

— Лакомый кусочек для краба? — закончил за него фразу Трой, боясь сильнее, чем перед дулом игольчатого ружья.

— Совершенно верно, лакомый кусочек. Норден находится под охраной Конфедерации, и Долина Морозных Пастбищ на нем принадлежит Хоранам. Прекрасные пастбища, плодородная земля, превосходные леса, дом с пристройками и фруктовый сад. Для вас, Хозяин Пастбищ Хоран, чудесное маленькое королевство. Всадники вашей семьи остались бы довольны... Только вот какая жалость — столетие процветания и... все сметено по приказу человека, даже не приближавшегося к планете, потому что командующий Ди в свои приказы очень верил.

Конечно, многое вам придется начинать заново. Хотя тупаны немного одичали, но их можно легко взять под контроль. Вам будет разрешено самому набрать себе всадников, а Конфедерация окажет любую помощь, какая вам только понадобится.

— А не слишком ли много обещаний, горожанин? — Трой прочно овладел своими чувствами, поэтому каждое новое слово Драгура действовало как удар хлыста, ибо ему не верилось в правдивость сказанного.

— Я никогда не обещаю того, чего не могу выполнить, Хозяин Пастбищ Хоран.

И Трой ему поверил.

— Корвар — планета Союза,— напомнил он, пытаясь проверить уверенность Драгура с другой стороны.

— Это для меня ничего не значит,— убежденно ответил тот.

— И что вы хотите в обмен на Норден?

— Небольшую услугу, Хозяин Пастбищ. Успешно выполнить маленькое задание. По какому-то капризу судьбы, вы — единственный в мире, кто способен общаться с моими бывшими слугами, которых я хочу вернуть. Я прошу вас помочь мне в этом.

— Ах, вот оно что! За то, чтобы получить Норден и все, чем владел десять лет назад мой отец, я должен выдать животных! Как все просто.

— У вас уникальные слуги,— вмешался в разговор Рерн.

— Вы правы, благородный охотник. Они — результат многолетних экспериментов и единственные представители своих видов...

— На Корваре...— продолжил за него Рерн.— Да, оставшаяся в Диких Землях пятерка — единственные представители своих видов на Корваре. На других планетах аналогичные орудия использовались другими агентами Конфедерации и в других местах.

Драгур слегка повернулся в своем причудливом кресле.

— То, что происходит на других планетах, благородный охотник, ни меня, ни Клан никоим образом не касается. Как только ко мне вернутся мои слуги, могу заверить вас, подобной деятельности на Корваре больше не повторится. Раз эксперимент потерпел неудачу, мы вынуждены отступить и признать поражение.

Трой и в это поверил: — А животные как же?

— Они теперь бесполезны. Мне кажется, Хозяин Пастбищ, что вы без колебаний пожертвуете жизнями животных ради возвращения на Норден.

Облизнув пересохшие губы, Трой напряг всю силу воли.

— А вы уверены, что я приведу их?

— Разумеется, нет, но вы — единственная моя связь с ними, поэтому мой краб, как мне кажется, прыгнет за этим лакомым кусочком с удвоенной энергией... Вы не согласны со мной?

— Да! — ответил Трой внезапно охрипшим голосом.— Да, согласен! — повторил он и краем глаза увидел, как Рерн повернул голову в его направлении, и на его благородном лице появилась слабая гримаса отвращения. Только в данный момент мнение Рерна не имело для него значения, потому что ему нужно было думать о будущем. Драгур прав: краб прыгнет, и прыгнет очень высоко.

— Видите, благородный охотник, как просто решаются дела,— проговорил Драгур, обращаясь к Рерну.— Клану незачем вмешиваться. Значит, животные все еще в Диких Землях, Хозяин Пастбищ, я правильно полагаю?

— Перед тем, как ваши люди поймали меня парализующим лучом, животные покинули флиттер.

— Как легко все понять, зная факты. Но что ж, отлично! Беспокоиться теперь не о чем. Вы же, благородный охотник, будете в Диких Землях нашим пропуском для прохода. Вас сюда привел счастливый случай, и как раз вовремя. Поневоле станешь верить в судьбу и в разные суеверия. А теперь — ближе к делу. Мы организуем небольшой отряд — я, Зул, вы, благородный охотник, Хозяин Пастбищ Хоран и мой гильдиец. До завтрашней полуночи, если все пройдет хорошо, мы все закончим. Никаких неприятностей, как мне кажется, не предвидится.— Он слегка приподнял ствол ружья.

Трою показалось, что Рерн игнорировал это предупреждение, потому что голос его, когда он заговорил, звучал абсолютно спокойно.

— Ни к чему спорить, горожанин. Я к вашим услугам.

— Другого разговора я и не ждал, благородный охотник,— сказал Драгур.— Мы отправляемся немедленно.

ГЛАВА 18

Трой и понятия не имел, насколько далеко углубились они в Дикие Земли. Через патрули Клана, как Драгур и предвидел, Рерн провел их довольно легко. Они продолжали движение на восток, хотя рассвет уже перешел в день. Трой не спал, а просто сидел, прижав голову к стенке кабины, и правой рукой машинально гладил ровную поверхность браслета, надетого в Рукарве помимо его воли, пока это ритмичное движение не совпало с ритмом его мыслей.

Хотя флиттер шел на предельной скорости, мысль его, разумеется, летела намного быстрее и дальше. Он пытался представить себе то место, куда спрятались животные. Когда это было? Несколько часов назад или несколько дней?

Симба? Ему необходимо связаться с Симбой и через него установить контакт с другими животными. Если он сможет убедить кота прийти на место встречи вместе со всеми и подождать там...

Норден... Нет, ни о Нордене, ни о радости свободной скачки он не должен думать, так как воспоминания причиняли ему почти физическую боль. Он должен сосредоточиться на предстоящем, заставить себя забыть обо всем другом.

Возможно, что кроме него есть еще кто-то, способный общаться с животными, вопреки утверждениям Драгура. Тогда почему же они так хотят, чтобы он помог им?

Трой сидел с угрюмым лицом и сильно напряженным телом. Над его глазами пролегали глубокие морщины. Он даже не догадывался, что Рерн наблюдает за ним внимательно и с большим интересом.

Поворот направо, поворот налево... Пальцы его скользили по браслету, а вперед летел молчаливый призыв. Он не замечал присутствующих в кабине, что-то жевал, не ощущая вкуса. Он сильно устал, но продолжал безответный поиск, прилагая огромные усилия. Росло отчаяние. Вероятно, они видели его арест, и поэтому на связь с ним не рассчитывали. Флиттер находился далеко над равниной, когда наступила ночь. Гильдиец, управлявший машиной, протестовал, желая остановиться на ночь, но Драгур на это не обратил никакого внимания. И все же довольно скоро им пришлось приземлиться.

— Простите нас за необходимую предосторожность,— сказал с вежливой насмешкой агент, обращаясь к охотнику,— но нам придется связать вас, поскольку вы находитесь на своей домашней территории. Правда, к нашему юному другу такие ограничения не относятся.

Рерн не возражал даже тогда, когда его уложили между Зулом и гильдийцем со связанными руками и ногами. Трой и этого совершенно не заметил и почти мгновенно уснул. Усталость, навалившаяся на него тяжелым грузом, тащила его во тьму, хотя и там не было отдыха. Вздыхая и ворочаясь, он даже во сне старался выполнить свою задачу, поэтому проснулся весь в поту.

Над головой бледнели звезды. Это наступал рассвет решающего дня, когда они придут в лес. Неожиданно к Трою вновь пришло впервые посетившее его на плато чувство свободы и вольной жизни, а через мгновение исчезло. Трой лежал неподвижно, бессознательно продолжая сжимать браслет, и это прикосновение к странному металлу подействовало на него успокаивающе. Он увидел смутные очертания молодого дерева, под которым сидел Симба... Он ждал...

— Ищи!

Рука Троя прижала ко лбу холодный металл Рукарва и мысленная картина стала резче.

— *Ты идешь?*

— Иду,— дал Трой краткий ответ.— Будьте готовы к моему приходу,— он пытался найти более убедительные доводы, чтобы уговорить их прийти к месту приземления Драгура.

— Итак, Хозяин Пастбища, вы наконец вступили в контакт?

Трой отнял руку от лба и хмуро посмотрел на агента Конфедерации. Причин отрицать правду не было. Он сделал все, что мог.

— Отлично, Хоран. Примите мои поздравления. Со своей частью договора вы, я уверен, прекрасно справитесь. Устраивать ловушку мы направимся после еды.

Трой ел не торопясь, размышляя. От ответа Симбы и от его влияния на остальных теперь зависело все. Он потерпит полное поражение в том случае, если его связь с животными недостаточно крепка и ему просто не поверят. Повторных попыток связаться с животными он не делал, поскольку всю нужную информацию он передал в утреннем контакте. От их решения зависит его будущее. Ждут ли его или нет — об этом он узнает только после приземления.

На краю леса флиттер коснулся земли с безукоризненной точностью в середине яркого и спокойного утра. Направив ствол игольчатого ружья на Рерна и Троя, Драгур приказал всем выйти.

— И где же они? — спросил агент, глядя на лес.

— Там,— кивнул Трой.

Да, они были там, в укрытии, и ждали. Другое дело, покажутся ли они. Трой весь сжался, когда увидел гильдийца, настраивавшего бластер на широкий диапазон, и приготовился прыгнуть, если тот попытается коснуться курка. Но агент вмешался сам.

— Никакой стрельбы, пока мы не убедимся в их присутствии,— выпалил он и повернулся к Трою.— Выманите их.

— Воздействовать на животных против их воли без прибора я не могу, они не послушаются. Я могу лишь удерживать их на месте.

Секунды на две в нем возник страх, что Драгур не пожелает вступить в тень деревьев, но разумность слов Троя убедила агента, и его прежняя вежливость моментально исчезла.

— Марш!

Повинуясь, Трой шагнул вперед, а Драгур шел сзади, держа ружье наготове. Обогнув куст, он склонился над травой.

— Здесь! Симба, Саргон, Шеба...

Бросившись на землю лицом вниз, Трой перевернулся. Раздался крик Драгура. Поднявшись на ноги, Трой увидел размахивающего пустыми руками Драгура. Ему в плечо тремя лапами вцепился Симба, а четвертой без всякой жалости рвал ему лицо. Ему в ноги вцепились клыки обоих лис.

Трой поднял оброненное Драгуром ружье, когда на него с низко

нависшей ветки прыгнул Симба. Теперь он был вооружен и мог встретить Зула, прорвавшегося через заросли.

— Стой! Брось оружие!

Расширившимися глазами Зул взглянул на открывшуюся его глазам картину и неохотно выпустил бластер, упавший на землю.

— И ты тоже!

Подталкивавший Рерна гильдиец молча повиновался. Из укрытия выскользнула пушистая тень с длинным хвостом, взяла бластер Зула в пасть и, отдав его Трою, вернулась за оружием гильдийца. Симба присоединился к лисам, гнавшим Драгура к Трою.

Агент Конфедерации свалился у ног Рерна, ослепленный, вопящий от боли и деморализованный неожиданным, невероятным нападением. Симба фыркнул и последний раз рванул лицо Драгура когтями. Очнувшийся Рерн переводил изумленный взгляд с Троя на животных-воинов.

— Это все вы спланировали? — громко спросил он.

— Это МЫ спланировали,— поправил его Трой, засовывая бластеры за пояс и держа под прицелом ружья остальных.

— Захватите горожанина Драгура,— приказал Трой гильдийцу.— Возвращаемся к флиттеру.

Спорить против игольчатого ружья никто не рискнул. Первым к машине направился гильдиец, таща стонавшего агента, за ним шел Зул, потом Рерн, а замыкающим — Трой. Он не видел животных, но был уверен, что они охраняли фланги.

Когда они подошли к флиттеру, Трой приказал рейнджеру выгрузить запасы воды и продовольствия.

— Вы останетесь здесь? — без удивления спросил Рерн.

— МЫ останемся здесь,— снова поправил его Трой, следя за тем, как охотник выносит из флиттера необходимые для выживания в Диких Землях вещи.

Как только из флиттера было вынесено все нужное, гильдиец по приказу Троя оказал Драгуру первую помощь и, связав его, посадил в машину. После того, как он проделал то же самое с Зулом, Рерн связал его самого.

— А что будет со мной? — спросил рейнджер, когда в машине оказался последний житель Тикила.

— Если хотите, можете отправляться вместе с ними,— ответил Трой и добавил после минутного колебания:— За удар по голове в Рукарве прошу прощения.

Охотник смотрел на него спокойно, с ничего не выражающим лицом, и только искорка какого-то чувства сверкала в его глазах.

— Вы по-своему были правы. Клятвопреступник не заслуживает уважения.— За его спокойными словами Трой улавливал какой-то не вполне понятный второй смысл.

— Выходит, что ожидавшие были патрульными, а не вашими

людьми? — спросил Трой, желая получить подтверждение возникшим у него подозрениям.

— Неужели вы заметили это?

— Разумеется, и у меня было время подумать.— Трой дал понять собеседнику, что это извинение вряд ли приведет к чему-нибудь.

— Я вернусь, понимаете?

Трой улыбнулся. Его опьянила победа, на него ошеломляющее действие оказала свобода от напряжения последних дней, последних часов, и бороться с этим чувством было очень трудно.

— Как хотите, Рерн. В знании Диких Земель я с вами навряд ли сравнюсь, но все вместе мы можем поспорить...

— Мы? — Охотник оглянулся, но никого не увидел, хотя они все были здесь, и даже Сахиба сидела под опущенной веткой куста.

— Да, МЫ.

— А как же Норден?

Трой не ожидал такого удара от Рерна, и улыбка померкла на его губах. Рука с браслетом потянулась к поясу с уже поблекшим металлическим украшением.

— Краб не прыгнул,— ответил он ровно.

— Вероятно, не та наживка,— покачал головой Рерн.— Здесь Дикие Земли, а вы не тренированы. По нашим законам, пока вы сами не попросите, я вам помочь не смогу, а вы просить не будете, иначе это будет означать, что вы сдались,— он замолчал, словно ожидал подтверждения Троя.

— Я знаю,— кивнул Трой.— Отныне против нас и вы, и все ваши. Только не слишком надейтесь на успех, Рерн.

Он проследил за вертикально взлетевшим флиттером, потом увязал припасы, перекинул ремень ружья через плечо, и они углубились в лес, по-прежнему держа направление на восток. Заход солнца, снова ночь и опять утро — лучи солнца в лесной глубине приобрели зеленоватый оттенок. Скрываться в лесу от преследователей было легче. Выследить с воздуха их невозможно, а если они надумают идти за ними пешком — чуткие животные моментально обнаружат их. Сахиба снова уютно устроилась на руках Троя. Симба с лисами вместе рассыпались по земле, а Шанг продвигался по верхушкам деревьев. Никаких хищных животных им не попадалось, кроме одного, пытавшегося напасть на Симбу, но Трой подстрелил его из бластера прямо на лету. Смыкавшиеся обширным защитным занавесом Дикие Земли не казались Трою угрожающими. Как раздуваемый ветром туман над головой, уносились воспоминания о Нордене. Он вместе с животными жил в новом мире, а все остальное для них становилось маленьким кошмаром, далеким забытым сном.

Уже на пятый день пути Трой начал замечать изменения. Местность стала подниматься, а через просветы между деревьями он

один или два раза заметил горные пики. Он надеялся найти там какую-нибудь пещеру, тем более что тучи грозили им бурей.

— *Впереди люди!*

От неожиданности Трой застыл, ухватившись за дерево. Он совсем забыл о возможном преследовании, и крик Симбы, как копье, вонзился в его мозг. В этом крике были боль и гнев, и страх охватил Троя. Парализующий луч! Та же сила, пригвоздившая его к сидению флиттера, но ни флиттера, ни преследователей он не видел.

— Они далеко? — спросил Трой разведчиков.

— *Идут нам навстречу выше по склону.*— И только теперь до Троя донеслись отдаленные звуки.

— *Они поставили ловушку и рассыпались.*

Трой попытался подавить растущую панику животных. Ловушка! Но откуда они узнали, что Трой с товарищами намерен выйти из леса именно здесь? Может, они повсюду установили барьер из парализующих лучей? Так, на всякий случай.

Он не мог поднять руку, следовательно, не было возможности использовать ни ружье, ни бластер, и, напрягая бесполезные мышцы, ощутил во рту горечь. Но им ничего другого не оставалось, как ждать появления врага. У него на руках закричала Сахиба, остальные же поняли его объяснения о ловушке и успокоились. Теперь каждый маленький мозг, Трой был уверен в этом, занимался решением общей проблемы. И занимались они совместно.

Трой быстро коснулся мозга каждого по очереди — Симба, Саргон, Шеба, Шанг. Выбор пал на черного кота, боевая техника которого основывалась на подкрадывании и молниеносном ударе. Как бы им освободить Симбу?

Пришедшее на ум Трою решение было единственной их фантастической возможностью. Всю силу своего мозга Трой сфокусировал на картине освободившегося Симбы, который украдкой убегал из зоны действия луча вверх по склону. Остальные восприняли эту картину и тоже напрягли всю силу своего разума.

По лицу Троя стекали струйки пота. Надеяться на то, что сила мозга может разорвать путы луча, мог только безумец. Но такую надежду они смогли питать из-за ощущения свободы в последние дни. И в тот момент, когда им овладело ощущение слабости и истощения, Трой понял, что они освободят Симбу.

Ни Трой, ни управляющий парализующей установкой человек не заметили метнувшейся по склону холма черной молнии.

Он услышал крик боли и в тоже мгновение почувствовал себя свободным. Упав на колено, он приготовился стрелять, но этого делать не пришлось. Из-за скалы, выше по склону, с поднятыми руками появился Рерн. Выскочившие из травы животные собрались около Троя, который снова оказался в оборонительном кругу.

— Вы смогли освободиться от парализующего луча! — восклик-

нул восхищенно Рерн, спускаясь ровной походкой и не отводя от Троя взгляда.

— А вы сумели найти нас,— ответил Трой, осознавая свое полное поражение, несмотря на временную победу.

— Да, мы вас нашли,— согласился Рерн, поднимая руку.

По склону с поднятыми руками начали спускаться еще двое людей. Один был Рогаркил, а другой — пожилой человек в форме атташе Совета.

— Вы сами видели,— бросил ему через плечо Рерн.

— Просто мы недооценили опасность! — ответил атташе Совета резким и грубым голосом, тяжело дыша.

— Опасность относительна,— возразил ему охотник.— Нож не утратит остроты, если его перевесят с одного пояса на другой. Поэтому, прежде чем принять решение, подумайте над этим.

Было видно, что атташе очень не нравилось, что Рерн разговаривает с ним на равных, но был вынужден мириться, пока находился в Диких Землях. Он сжал рот в недовольной гримасе.

— Я с вами не согласен, охотник!

— Это ваше право, Джентльхомо,— спокойно сказал Рогаркил.— Рерну нужно не ваше согласие, а чтобы вы обо всем рассказали Совету для более внимательного изучения дела. Кроме того, я считаю, что отбрасывать новую вещь только потому, что она незнакома, нельзя, а нужно проверить ее полезность. Это Дикие Земли.

— И вы здесь правите! Совет это запомнит!

— Это тоже ваше право,— пожал плечами Рогаркил.

Чиновник последний раз взглянул на Троя и животных, повернулся и стал подниматься вверх по склону, где к нему присоединилась группа патрульных, вышедших из-за скал.

— Мир? — спросил Рерн и улыбнулся.

После минутного колебания Трой убрал ружье и побежал к убежищу, указанному рейнджерами. Это было маленькое пространство между двумя наклонными скалами, а их по-прежнему две группы: Трой и животные — с одной стороны, люди Клана — с другой.

— По дороге в Тикил ему придется подумать,— сказал Рерн.

— Нам тоже,— согласно кивнул Рогаркил.— Мы должны быть готовы, как только они примут решение.

— А почему вы сделали это? — поинтересовался Трой, так как из услышанного понял, что Клан принял его сторону.

— Потому, что мы верим в то, что, как ни меняй ножны, нож остается ножом, и сказали об этом Хавтолу,— ответил Рерн.— Оружие может нанести удар своему владельцу, как это произошло с Кайгером, умершим из-за личной вражды. А если бы этого не случилось, нападение на Совет и на сам Корвар завершилось бы успешно, ибо шпионаж был направлен против Корвара. Нас это тоже касается, потому что наши гости, правители Галактики, как мы го-

ворили вам в Тикиле тем вечером, должны быть защищены. От комфорта и безопасности зависит сохранение нашего образа жизни. Если что-то угрожает всему этому, значит, угрожает и Клану. Пусть это оружие Конфедерация испытывает на другой планете, это забота Совета, но у нас этому положен конец. Мне кажется, что ни Кайгер, ни Драгур, ни стоящие за ними, не понимали всех возможностей, скрывающихся в изготовленном ими оружии. Что произойдет, если несколько разделенных рас вдруг объединятся вместе и станут работать не как слуги и хозяева, а как равные...

— А кто лучше Клана может изучить эти возможности? — добавил Рогаркил.

Напряжение охватило Троя. Слишком многое уже решено, так что пора и ему с животными предоставить право голоса.

— А как считает Трой Хоран? Краб на эту наживку прыгнет или нет? — наклонившись немного вперед, Рерн пытался голосом заглушить звуки бури.— Конечно, право узнать вас получше, в обмен на права рейнджера, для вас и всех членов вашей организации хуже звания Хозяина Пастбища на Нордене...— он замолчал, а Трой недовольно сморщился... правда, боль быстро прошла.

Мысли Троя коснулись мыслей пятерых. Он не станет их убеждать. Принять решение они должны все вместе, но если нет — что ж, игольчатое ружье еще у него в руках.

Но вот пришел ответ. Подняв подбородок, Трой с холодным спокойствием посмотрел на рейнджеров.

— Если дадите письменную гарантию...

— Что ж, осторожность — хорошее качество человека и его друзей. Ну, а договор, пока вы с ним согласны, силы не теряет. Если бы вы разрешили мне присоединиться к вашей компании, я с большим желанием, признаюсь честно, взглянул бы на жизнь кошачьим взглядом.

Встретившись со взглядом Рерна, молодой человек перевел дыхание. Исчезли равнины Нордена, зато всплыло другое воспоминание: пещера в утесах над озером и говорящий об этом мире и его очаровании голос Рерна.

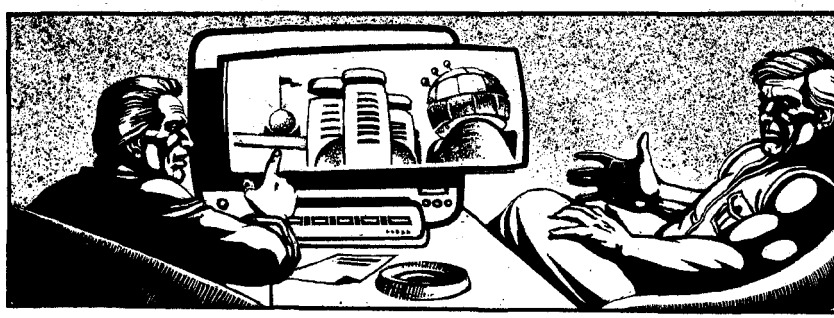
— Почему? — он задал этот вопрос машинально, не думая, что он, такой ясный для него, для остальных может оказаться непонятным. Но мысль его словно коснулась мысли Рерна.

— Мы люди одного типа, всадник с Нордена,— ответил охотник и добавил, взглянув на животных: — В конце концов мы все будем едины.

— Да будет так,— согласился с ним Трой, уверенный, что теперь он говорит правду.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛОРД КОР!

повесть



Долгие споры об опасности вмешательства в прошлое начались в 3450 году (по старому земному летоисчислению), когда Эл Зим сделал важное открытие, создавшее возможность путешествий во времени.

Для предотвращения беспорядочных исследований были предприняты строгие меры, несмотря на то, что Зим с помощниками дали обещание быть предельно осторожными.

За отбором и обучением работников в бюрократической системе наблюдения около 3456 года поддерживался строгий контроль. Вмешательство допускалось и даже разрешалось лишь «в случае необходимости», но только не на планетах, которые, благодаря влиятельным кругам, были включены во внутреннюю систему.

История на некоторых планетах, открытых в постоянно расширяющемся пространстве поиска, приняла мрачный оборот. Такие миры были объявлены открытыми «для общего блага», и организовалось Бюро Изучения и Воздействия во времени, для укрепления позиций которого было вполне достаточно небольшого ослепления, вызванного удачными возвратами мертвых миров к жизни. От столь разрекламированной выгоды не в силах были отказаться даже самые осторожные консерваторы. Естественно, были и неудачи, но о них упоминалось, в основном, лишь в секретных отчетах, которые под неразглашенным кодом были заботливо проглочены компьютером Центра.

Вся операция к 3500 году была достаточно усовершенствована, чтобы более или менее гладко следовать информации, которую получали от ЦАТ, главного компьютера, хотя и у него обнаружились пределы.

Но люди не машины: случались провалы. Поэтому создали второй отборный корпус, который даже из поражения был способен извлечь победу.

ГЛАВА 1

— Что за отговорка «ошибка компьютера»? — фыркнул Грид Трапнелл.— Конечно, если иметь немного воображения, можно подумать, что это лишь от небольшой перегрузки. Взгляните, снова знак неправильного перемещения. На этих листках знак недостатка местных данных, получаемых от группы обследования.

Годдард, контролер из Пятого Отряда, отродясь был лишен всяческих эмоций. Поговаривали, что Годдард — всего лишь придаток электронного мозга компьютера ЦАТ, и младшие сотрудники этому иногда верили. Теперь он не отрывал глаз от телеэкрана.

Просто так в помещение Годдарда не заходили. Посетители не задерживались у него долго и не тратили зря его драгоценное время, потому что он тщательно культивировал искусство доставлять им неудобства. Один лишь Трапнелл мог развалиться в жестком кресле, и только его сапоги оставляли на приглушенной зелени ковра пыльный след.

Грид Трапнелл одет был далеко не по форме: изношенные сапоги, брюки мешковатые и в пятнах, стянутая широким поясом с металлическими украшениями рубашка совсем истрепалась, о чем свидетельствовали бахромчатые остатки рукавов на проймах. Руки, загорелые дочерна, были голы. Поскольку нравиться Годдарду не входило в его расчеты, он с явным удовольствием смотрел на болтающиеся лохмотья.

— Недостаточная местная информация...— протянул он лениво.— Так и должно быть. Они ею, по крайней мере,— он вытянул руки, подсчитывая на пальцах,— до четырех последних заходов не пользовались.— Потом добавил: — Я заверил лист.

Такое упоминание не могло пойти ему на пользу, но, по крайней мере, зарегистрировалось на включенной Годдардом пленке.

Взглянув на него бесцветными глазами, Годдард заговорил голосом, напоминавшим металлическую гнусавость робота:

— Оправдание фальсифицированного рапорта.

— Я этому не верю! — Вскочив как от толчка, Трапнелл хлопнул себя по коленке, подняв тучу пыли.— Они не могли такого допустить!

— У них не было выбора.

Было ли в глазах Годдарда какое-нибудь чувство? Радоваться допущенной Первым Постом ошибке он не мог, так как это был самый высокомерный Пост, требовавший подборки документов от людей Годдарда, но их помощи никто никогда открыто не признавал, еле-еле мирясь с их существованием.

Трапнелл был слегка возбужден: рассчитывать на большее, когда Годдард отозвал его из заслуженного отпуска, он не мог. Чтобы Первый Отдел допустил ошибку — такого никогда не бывало.

Бросив взгляд на экран, Годдард прогнусавил:

— Валлек.

Это слово ничего не говорило Трапнеллу, но на экране появилась картинка. Перед их глазами в стекле возник блестяще расцвеченный пейзаж. На переднем плане вытянулся город: стены, башни, поля с неправдоподобно зеленой растительностью — все сияло золотым блеском. Но архитектура города была чужая.

Трапнелл быстро оценил и отметил сцену.

Город заменила новая панорама: пустынная местность. Золотое небо, сгущающееся до оранжевого, внизу коричневая земля. Никакой растительности — лишь потрескавшаяся почва с торчащими гребнями скал. На горизонте — горная цепь.

Изображение пустыни сместилось к одной из гор, склон которой пересекал утес, украшенный резьбой и инкрустацией из металла и драгоценных камней так, что сверкал под желтым небом.

— Храм Орма,— отметил Годдард.

Потом были другие картины, среди которых — расселина с каменными стенами, украшенными фресками.

Годдард, пока они рассматривали эту то ли передачу, то ли еще что, снабжал ее краткими замечаниями и наконец выключил обзор.

— Таково положение. Сегодня Валлек лежит в точке Шестого сектора, но это радиоактивный пепел.

— Ядерная война? Непонятно. Выглядело это на уровне феодальной цивилизации.

— Ты видел все в расщепленном времени,— сказал Годдард.— Будущее с того времени приобретает стремительное развитие. Короче говоря, жрецами Червя с этого времени объявлена Священная война — их оракул сделал пророчество, которое привело к поражению короля Кора города Ланаскола. Их теократия через десять лет распалась и уступила дорогу завоевателю с Юга. Он установил направление, из которого через двести лет развилась технократия, превратившая Валлек пятьсот лет спустя в пепел. Если мы поможем — жрецы Червя этой войны не начнут.

— Как будем действовать? Через оракула?

— Вот именно. Ты получишь краткий инструктаж. Только дело в том, что их оракул — всегда кретин и долго не живет. Жрецы приступают к поискам, как только он умирает, и всегда ищут вокруг Валлека. Они должны найти ребенка-идиота мужского пола, который родился в момент смерти оракула. Ребенок должен быть обязательно полностью безмозглым.

— Но слова, подсказанные каким-нибудь жрецом, он же должен выговаривать?

— Да, вроде бы,— согласился Годдард,— но луч-разведчик открыл, что это не так. Жрецы, когда им нужно пророчество, сажают

оракула в кресло смотреть на так называемого «Гулящего Червя» и оставляют там на ночь. Когда они за ним приходят, он отвечает отличным, разумным языком, хотя обычно издает только звуки. Метода мошенничества мы обнаружить не можем, так как вход к «Гулящему» строго охраняется. По словам ЦАТ, дело тут не только во вмешательстве какого-либо жреца, тем более, что сейчас никакого военного пророчества быть не должно.

— А каким образом мы можем быть уверены, что наш южный завоеватель в конце концов так или иначе не возьмет верх?

— ЦАТ сказал — нет. Развитие высокой цивилизации пойдет совершенно другим путем, если Ланаскол будет продолжать существовать как сильная власть. Тебе понятно преимущество оракула-идиота?

— Вы считаете, им занимались? Вполне достаточно простых звуков. Может быть, его заменяли?

— Вот это тебе и придется выяснить. Как сказал ЦАТ, в него вложили неправильную информацию, и наш человек никогда не вернется.

— Но...— Трапнелл вздрогнул.

— Вот именно — но! Когда ЦАТ выдал официальную еженедельную сводку, это все раскрылось. Поднялась тревога, и мы нашли искаженные пленки.

— Кто имел доступ, легко выяснить...

— Как сообщил ЦАТ — искажение было на обратной стороне разведывательных пленок.

— Здорово! У нас есть там постоянный агент?

— Разумеется. ЦАТ начал проверку в этом направлении, и стало ясно, что вмешался кто-то со стороны.

— Не может этого быть!

У Трапнелла было такое состояние, словно его вдруг обругал лежащий под ногами зеленый ковер. Он всю жизнь верил только фактам...

— Мы потребовали у ЦАТ ответа, но он, сославшись на недостаток информации, не сказал ни «да», ни «нет». Таким образом, есть две версии: первая — в нашей Службе есть изменник, вторая — что на этой линии мы просто ничего сделать не можем. В конце концов для любой империи, конфедерации или еще чего-нибудь в этом роде Галактика чересчур велика. Здесь может быть и другая Служба, хотя мы с такими, к счастью, не встречались до сих пор.

— Тогда с какой целью исказили рапорт?

— Тут могло быть несколько причин: мы находимся под наблюдением; мы хотим спасти Валлек, а другие, возможно, этого не желают и, испытывая нас, могут подставить ногу.

— Нечего сказать, хорошенькое дельце вы мне подсунули! — прокомментировал Трапнелл.— Значит, разыгрывая оракула, я по-

путно стараюсь узнать, кто не желает меня там видеть. Между прочим, у Первого Отдела есть какие-либо сведения о том, что произошло с их человеком?

— Еще нет. Видишь ли, дело очень срочное и постоянный агент встревожен, поэтому тебя ждут для инструктажа. До того, как ты предположительно начнешь прочесывать, а это должно обязательно произойти, у тебя только пять планетных дней.

— Когда мы приходим, они всегда там?

— С тех пор, как они запарились, мы там не были. Не забывай, работа двойная.

— Как будто я могу забыть! — ответил Трапнелл и вышел.

Трапнелл лежал в камере-передатчике с плотно сжимающим шлемом на голове, ожидая, когда техники дадут готовность, и удивлялся, почему он до сих пор здесь работает. Он устал, несмотря на то, что в любое время мог уволиться. Сколько жизней он прожил? Не сосчитать, хотя все они прошли в опасностях. Он даже был дважды убит, но вовремя спасен поспешившими вытащить его техниками. А сколько раз тело, занятое им, подвергалось пыткам, увечьям и всяческим болестям! Кроме того, всегда было одно условие: он должен быть помещен обязательно в тело почти полного идиота, а это означало осложнение при транспортации. Поэтому, чтобы принимать и поддерживать человека действия, постоянные агенты пользовались другой техникой, но в таком случае у них никакой надежды на возвращение не было. Он, по крайней мере, в такой постоянной ссылке не был.

Как всегда, до последней минуты он страдал от желания сбросить шлем и закричать, что отказывается идти.

Потом техник повернул выключатель...

Пробуждаться после транспортации всегда было страшно, так как жертва некоторое время испытывала чувство жалкой дезориентации, поэтому Трапнелл терпеть не мог открывать глаза в новом окружении и осматривать свое новое тело. Но он силком заставлял себя смотреть, так как отсрочки не предоставлялось.

Он посмотрел вверх, на складки не то полога, не то балдахина. Они были не того живого цвета, ассоциировавшегося с этим миром, темно-перламутрового мерцания. Повернув голову, он увидел свечение желтого неба в окне, затянутом изящно сделанной сеткой. По бокам висели шторы того же перламутрового цвета, что и балдахин.

Руки его скользнули по шелковой поверхности. Он, очевидно, лежал на богатой постели. Рискнув подняться на локтях, он увидел

в ногах постели металлические кольца, из которых выходили скрывающиеся под простынями цепи. Он отбросил простыни в сторону и увидел прикованные лодыжки. Пленник!

Возможно, он не в состоянии вести растительную жизнь. По-видимому, он был, наоборот, подвижен, несдержан и склонен к побегу. Решетка на окне была, вероятно, дополнительным барьером.

Роль, которую предстояло играть Трапнеллу, должна была автоматически начаться в ближайшее время, и он осмотрел свои оковы. Инструкция должна была это предвидеть.

Когда он задвигался, пытаясь определить длину цепей, они слабо и мелодично звякнули. Он осмотрел свое тело, полагая, что оно маленькое и слабое, или жирное и нездоровое, но оказалось, что кожа была загорелая, а ноги и все остальное — сухие и мускулистые; на бедре — давно заживший сморщенный шрам, едва напоминавший о ране.

Когда он пробежал кончиками пальцев по лицу, то нашел под левым глазом второй шрам, причем свежий. Странно. Откуда могли быть подобные шрамы у человека-идиота, с детства опекаемого жрецами?

Цепи от его движений зазвенели. К занавескам балдахина подошел человек. На нем не было красной одежды, какую носили жрецы, как говорилось в инструкции.

При взгляде Трапнелла на подошедшего должен был включиться инструктаж, но этого не произошло.

О возрасте человека другой расы судить трудно, но прибывший был, похоже, средних лет. На нем были сапоги, выше — кожаные краги, туника без видимых застежек с широкими и длинными рукавами и высоким воротником тусклого, темно-синего цвета. На груди серебром был вышит какой-то символ, в отдельных частях узора сияли драгоценные камни. На поясе из серебряных звеньев висела кобура с оружием в виде жезла.

Человек производил впечатление опытного бойца. Его кожа была темно-коричневой, а волосы — черные, хотя на свету, когда он прошел мимо окна, они показались темно-рыжими.

Обеспокоенный отсутствием инструкций, Трапнелл уставился на вошедшего. Передатчик впервые не дал ему возможности приготовиться к намеченной роли, и как ему держаться здесь, он не имел никакого представления.

Может, передатчик ошибся, и он не туда попал... Пока не включится инструктаж, он должен быть очень осторожен, или хотя бы пока сам не поймет, что произошло.

Словно узнав Трапнелла, человек воскликнул:

— Лорд Кор! — голос его был резким и возбужденным.— Твой разум восстал из тьмы!

Лорд Кор — Кор-Кинг? Но он же не в Храме Орма, а в Ланас-

коле! Все ясно, он был не тем и не там, где предполагал. Не зная зачем, он поднес руку к голове.

— Твоя рана еще болит, лорд Кор?

«И в самом деле, это должен быть болезненный рубец от тяжелого удара»,— подумал Трапнелл.

Рана в голову. Субъективные ощущения при обмене тел отсутствовали, следовательно, он попал в тело, которое из-за ранения в голову превратилось в тело идиота? Что ж, если так — тогда у него, вероятно, есть шанс. Конечно, это могло быть логическим объяснением ошибки, но все-таки почему же он не добрался до оракула?

— Болит... немного,— пробормотал он.— Я... я не могу... вспомнить...— ему больше ничего не оставалось, как дать такое объяснение и пользоваться им как прикрытием.

— У тебя, похоже, треснул череп, лорд Кор,— заверил тот.— Много дней ты блуждал во тьме, не узнавая ни Кор-Кинга, своего отца, ни леди Яракому, самую близкую тебе. Ты был слаб, как грудной младенец, и тебя кормили с ложечки, а когда начал бредить,— он покачал головой,— то мог бы нанести вред себе, если бы мы...

— Если бы мы — что, Джирант? — Позади человека возник второй, на зеленой тунике которого не было символов, зато был белый плащ с прорезями вместо рукавов, края которого украшали странные красные знаки.

Наконец-то сработал инструктаж Трапнелла: это был врач или один из ученых Валлека.

Обойдя Джиранта, человек приблизился к Трапнеллу и, сжав его запястье, пристально поглядел в глаза.

— Хорошо,— сказал он, немного помолчав, и мягко ощупал заживающий шрам.— Это лучше, чем мы надеялись, лорд Кор,— быстро высказал он свое мнение.— Скажи, что ты помнишь?

— Ничего,— покачал головой Трапнелл.— Я даже не помню ни твоего имени, ни его,— показал он на человека в синем.

Последний хотел сказать что-то, но врач махнул ему рукой.

— Некоторых трудностей следовало ожидать, хотя то, что ты пришел в себя, уже хорошо. В дальнейшем, вероятно, хотя бы частично, вернется память. Для этого вполне достаточно поговорить с тобой о прошлом, что с удовольствием сделает любой.— Он смотрел очень спокойно, словно его последнее замечание имело какой-то особый смысл.

— Ты,— показал он на Трапнелла,— второй сын Кор-Кинга Герноута, лорд Кор-Кенрик. Три месяца назад находился на юге, в Вардене, в команде пограничной стражи. Вас атаковал Кевин, а после сражения ты был найден умирающим. Джирант старался сохранить твою жизнь до того, как сможет отвезти тебя в Ланаскол, домой. Дыра в твоем черепе была достаточной, чтобы мозг вышел

наружу, тем более твои действия все это время доказывали, что так оно и произошло.

Слова его содержали мало уважения, а если лорд Кор был рангом выше, то врач этот был очень невежлив. Но Трапнелл, который обязан был думать о себе, как о Кенрике, нашел резкость ученого бодрящей.

— А ты кто?

— Аттикус, лекарь. Меня ты будешь видеть часто — гораздо чаще, чем раньше, когда тело твое, лорд Кор, хорошо тебе служило.— И он повернулся к Джиранту: — Не лучше ли сообщить королю, что лорд Кор пришел в сознание?

— Обязательно.— Джирант поспешно вышел.

Аттикус как будто прислушался к затухающему звуку его шагов за закрытой дверью, а потом посмотрел на своего пациента.

— Человек обязательно встретится с затруднениями, если у него, помимо прочего, проломлена голова,— быстро произнес он.— Только не все будут довольны прояснением твоего разума, имей в виду.

«Вот это я попался,— подумал Трапнелл.— Здесь, похоже, тоже какая-то заваруха!»

— И кто они? — спросил он торопливо, надеясь получить от Аттикуса хоть какую-то помощь.

— Главная — леди Яракома,— сделал паузу Аттикус, следя за эффектом своих слов, но видя, что пациент этого имени не узнал, нахмурился.— Если ты не можешь вспомнить ее, значит, действительно плывешь по течению, лорд Кор.

— Расскажи. Я не помню.

— Она — главная наложница твоего старшего брата Фолкварда. Желая следовать старинному обычаю, чтобы обеспечить себе родословную, она решила забраться и в твою постель, но ты отказался. Теперь она боится, что наследство ее господина подвергнется опасности, если ты возьмешь другую наложницу. Поэтому, если ты лишишься разума, страх этот недолго будет ее держать. К тому же, здесь есть и такие, которые, стань она единственной супругой принцев, хотели бы возвыситься. Таким образом, в заговоре, желающем тебе болезни, она — главная.

— А вне этого заговора?

— Так как Пограничный Варден единственный, кто против всякого союза с Кевином, есть много желающих тебе всего, кроме здоровья.

— Следовательно, здесь придется бороться с неприятностями?

— Вот именно, лорд Кор. Мы живем в тревожное время, хотя любое другое имеет свои тревоги и заботы для живущих в нем. Кевин двигается на юг, но глаза его устремлены на Ланаскол, который он желал бы смести со своего пути. И еще говорят, что жрецы Черв-

кричат о каком-то пророчестве, странном пророчестве, надеясь на взлелеянный ими дурацкий голос, который выскажется за гибель людей и народов.

— Новое пророчество? — ухватился за эти слова Трапнелл.— Когда же оно, по их мнению, будет произнесено?

— В течение пяти дней. Они направили посла к королю с приглашением приехать и послушать, но он на их приглашение — а скорее, я бы сказал, на их приказ — ответить не решается. С тех пор, как Пираты Дупта стали почитать жрецов и платить им дань, стала расти их надменность, вместе с их весом. Будь я жрецом Червя, то повнимательнее следил бы за дарами, преподносимыми Пиратами, чтобы кровью, капающей с этих даров, не запятнать рук своих. И кроме того, я задал бы себе вопрос, почему у кого-то возникает вдруг нужда в Черве. Ведь в скрюченных телах Пиратов нет благочестия. А для Кор-Кинга — еще одно беспокойство.

Не зная, что еще делать, Трапнелл кивнул.

— Очень хорошо, лорд Кор,— сказал врач,— что сын, на которого он может положиться, снова встанет за его спиной. Кор-Кинг не должен лезть в нору Червя. Ты очнулся своевременно.

— Твоя речь, Аттикус, очень откровенна.

— Скажи спасибо мне, лорд Кор,— мрачно улыбнулся лекарь.— Говоря открыто, я доказал правоту свою, что буду делать и впредь.

В открывшуюся дверь вошел Джирант.

— Кор-Кинг и леди Яракома,— возвестил он.

ГЛАВА 2

Ночью, при свете трех лун, лорд Кор, вцепившись в ограду балкона, смотрел вниз, на город. В этой неразберихе, насколько он помнил из своей неудачной инструкции, можно было найти помощь: здесь находилась штаб-квартира постоянного агента. Проблема заключалась в поиске этой квартиры. Трапнелл, будучи лордом Кором, только что поднявшимся со смертного одра, когда все считали, что пришел его конец, и предполагать не мог, что туда его отпустят одного. Он боялся, что Аттикус для его же, лорда Кора, блага следит за ним, но ему нельзя было тратить время: в течение пяти дней от оракула поступит сигнал к восстанию, которое положит конец всему, что теперь лежит перед его взором. Следовательно, действовать нужно немедленно, прямо сейчас. Чтобы не сбиться с дороги и не потревожить какого-нибудь стражника, он начал изучать дорогу, в то же время прикидывая, с какой стороны здания ему выйти.

Балкон, на котором стоял Трапнелл, был одним из трех на одном уровне. Налево от него высокой резной двухэтажной аркой нависал другой, огражденный перилами.

Гардероб лорда Кора он уже осмотрел и выбрал самую неприметную, какую только мог найти, одежду. Сапоги он повесил на шею, предварительно связав.

До следующего балкона добраться было трудно, но он, стиснув зубы, прыгнул и ухватился за перила. Нащупав опору для ног, он подтянулся. Проделать это ему помогло то, что его новое тело было ухоженным и сытым, но в первую очередь, конечно же, прежние тренировки. Остальное было уже просто, так как лестницей прекрасно служила резьба на арке.

Очутившись на мостовой, Трапнелл огляделся. Из окна третьего балкона струился тусклый свет, а его собственное и то, что находилось над аркой, были темными.

Встретить тут часового он не опасался, поэтому спокойно перелез через запертые церемониальные ворота для торжественных случаев и, никого не увидев, заскользил по улице вдоль глухой стены, так как окна сюда выходить не могли — это считалось бы оскорблением правителя.

Трапнелл, теперь полностью считавший себя Кенриком и называющий себя так, дошел до магистрали и, подражая походке других прохожих, двинулся дальше. Сейчас модно было носить ночью плащ с капюшоном, что благоприятствовало Кенрику. Времени оставалось очень мало, а нетерпение так велико, что он еле сдерживал себя, чтобы не бежать. Ему необходимо было сообщить о происшедшей ошибке, и тогда останется шанс на то, чтобы добраться до оракула и в конце концов выполнить задание, с которым он послан. Такие случаи, когда посланный оказывался в подобных обстоятельствах, а посредник вынужден был до него добираться, бывали в прошлом, но тогда действия посредника были предусмотрены ЦАТом...

Оставив размышления, Трапнелл заторопился вперед к своей непосредственной цели.

Прохожих в этот час было мало, но нырять в подъезд, чтобы переждать ночную стражу, ему приходилось дважды. Когда он добрался до бокового тупичка, сработала часть его инструктажа: под тень навеса, мимо двух дверей...

Он быстро дошел до места и в темноте, так как поблизости уличного фонаря не было, ощупал стену. Наткнувшись пальцами на указанный паз, он провел по нему до кнопки и трижды нажал. Ему послышался слабый звонок, и он прижался к двери. По переулку, стараясь насколько можно не производить шума, кто-то шел. Кто? Другой агент или кто-то выслеживающий?

Внезапно Кенрику вспомнилась приходившая недавно с королем в его комнату женщина с мягким голосом и опасно-сладким выражением лица. С подобными женщинами, использующими свое тело в качестве оружия, он встречался на многих мирах. Аттикус был

прав: леди Яракома боялась. Прекрасно играя свою роль, она надеялась без труда завоевать лорда Кенрика, хотя и поправившегося, но все забывшего. Если за ним следит она, что вполне могло быть...

Рука его лежала на пруте в кобуре. Принципа действия этого оружия он не знал, но все же понял, что нажатие кнопки высвобождает какую-то форму энергии.

Встревоживший его слабый звук не повторился. Ничего, кроме нескольких дверей вдоль переулка, Трапнелл не видел. Но почему на звонок никто не отвечает? Держа правой рукой оружие, левой он ощупал дверь позади себя. Может, еще раз позвонить?

Но именно в этот момент дверь бесшумно открылась.

— Семь-девять-два.

— Одиннадцать-десять-три,— донеслось из темноты, чьи-то пальцы крепко схватили его за руку и быстро потянули. Он вошел, и дверь за ним закрылась. Он последовал за хозяином руки, продолжая держать оружие и прислушиваясь к шуршанию ткани. Вскоре он очутился в небольшой, слабо освещенной комнатке, стены которой были увешаны длинными полосами материи, маскирующими какой-то вход. Материя была черная, как ночь, с вытканными по ней серебряными рунами. Освещалась комната шаром на подставке, стоящей точно в центре. По обеим сторонам лампы друг против друга располагались два стола из черного дерева. Обо всем этом говорилось в инструктаже, поэтому он сразу же узнал женщину, которая его сюда привела. Она была молодой, казавшейся высокой из-за худощавости, с овальным лицом и четкими чертами. Красно-коричневая кожа и темно-рыжие распущенные волосы были как у народа Ланаскола. Как и на занавесях, на ее черном платье были такие же серебряные оккультные знаки. На руках — черные перчатки, пальцы которых заканчивались когтевидными ногтями, также вышитыми серебром.

— Николь,— сказал он.

— Правильно,— произнесла она тихим контральто,— а ты кто, одетый под лорда Кор-Кенрика? Я не могу дать тебе убежище и провести через тайную дверь, потому что ты не тот, за кого себя выдаешь. И кроме того, о твоем приходе меня не предупредили.

Он расстегнул ворот плаща.

— Произошло непредвиденное. Меня послали заменить оракула в Храме Орма, а я оказался в этом теле.

Она посмотрела на него поднимающимися к вискам глазами.

— Здесь есть приспособление, которым можно проверить твой рассказ. Я должна верить тебе, так как оно твоих слов не отрицает, но, чтобы переход заканчивался подобным образом, такого никогда прежде не случалось.

— Здесь был агент Первого Отдела, от которого мы не получили ни слова.

— Все правильно, но я ничего не знаю. Храм для женщин закрыт, поэтому там я не могла следить за ним. Жрецы охраняют его настолько основательно, насколько, зная этот примитивный мир, можно себе представить. Я действую в основном через это,— она показала на шар,— и многое узнаю только здесь. Сейчас в Храме много чужих, даже Пираты из Дупта. У меня есть объект, с которым я мысленно контактирую во сне, но он дает очень краткие ответы. Жена прислужника в Храме, приходящая ко мне за предсказанием, прекрасно поддается зондированию во сне, но знает очень мало. И все же мне известно, что жрецы имеют близких друзей, готовых к перевороту, и главной мишенью этого переворота будут два человека: первый — человек, чье тело носишь ты, и второй — сам Кор-Кинг. Слухи я проверила очень тщательно, потому что зондированием спящего мозга пользуюсь по мере возможности. И я уверена, что лорд Кор-Кенрик стал жертвой предательского удара. О леди Яракоме я предупредила аптекаря Аттикуса, но до оракула добраться, даже через этот клубок интриг, так и не смогла...

Положив руки в странных перчатках на шар, она почти закрыла его.

— Ты надеешься заменить его, если с ним встретишься?

— Случалось и такое, но я думаю, что у меня будет шанс увидеть оракула, поскольку Кор-Кинг приглашен в Храм Орма и я могу прийти туда открыто. Мне бы только не опоздать, иначе этот план просто отменят,— ответил Траппелл.

— Твоя задача будет нелегка,— кивнула она,— поскольку Храм Орма охраняется.

— Осталось всего несколько дней, Николь.

— Мы...

Но что собиралась сказать Николь, Кенрик так никогда и не услышал. Откинувшись назад, Кенрик ухватился за материю на стене, которая разорвалась от тяжести, и он упал. Падая, он увидел, что и Николь вся как-то смята. Его последней мыслью было то, что они подверглись неожиданной мозговой атаке, а затем тьма сомкнулась над ним.

* * *

Сознание возвращалось так медленно, словно человека вырвали из глубокого сна и потребовали решить задачу, хотя он еще не очнулся. Его избитое тело перекатывалось взад и вперед по неустойчивой, поднимающейся и опускающейся поверхности. В ушах шумело. Когда Кенрик почувствовал боль, он встревожился.

При попытке встать он обнаружил, что его руки и ноги связаны, а узлы, для полной гарантии, соединялись дополнительной веревкой.

Повязку на глазах и кляп во рту заменял надетый на голову мешок. Кенрик заставил себя вспомнить, что произошло. Он находился у агента Николь, когда их обоих ударило так, словно в мозг проникло излучение станнера... Но такое оружие, существующее в далеком будущем, здесь неизвестно!

Можно передать личность, чем Служба и занималась на протяжении многих лет. Хотя процедура замены была сложна, лучи-разведчики справлялись с этим довольно легко, но передавать оружие — это невозможно! Если только Годдард надумал проверить свои предположения в отношении каких-то параллельных сил человека... разумеется, с разрешения Службы...

Но если можно транспортировать такое оружие, следовательно, они опередили ЦАТ. Эта мысль была пугающей.

Николь упоминала о том, что в Храме Орма собираются чужие. Не было ли среди них путешественников из другого времени и пространства? Они каким-то образом обнаружили появление Кенрика, поэтому глупо недооценивать противника. А не принимала ли Яракома участие в какой-нибудь поощряемой ими интриге? Они могли прислать ее, как Служба прислала Николь. Это предположение не было приятным, да и размышлять сейчас не было никакого смысла. Кенрик напрягся, оценивая прочность своих пут, но все его попытки оказались тщетными, и не было никакой надежды на освобождение.

Через частично просвечивающий мешок на голове можно было определить, что сейчас день. Кенрик мечтал о воде, потому что было жарко, как под палящим солнцем.

Поверхность под ним наклонилась вперед, и он сполз вниз, ударившись о стенку. Раздались приглушенные крики. По ним и по последующей тряске он сделал вывод, что везший его экипаж вышел из-под контроля.

Неожиданно он почувствовал под собой что-то мягкое, которое яростно вертелось, пытаясь его скинуть с себя. Но тут повозка затряслась, загрохотала и наконец резко остановилась. Послышался глухой стон. Неужели Николь? Он сделал попытку откатиться, но кто-то, оттолкнув, вцепился в его плечи.

Насаживая в руки занозы, он завертелся на неровной поверхности и скатился на землю. Закрывающий его лицо мешок заскрипел по гравию. От неожиданного падения у него перехватило дыхание. Он задыхался, а чьи-то грубые руки, взявшие его под мышки, проволокли по гравию и в полусидячем положении наконец прислонили к камню, излучавшему тепло. Около его горла зашевелились пальцы, мешок слетел, и Кенрик чуть не ослеп от пылающего солнца. Он сощурился и увидел троих мужчин в грубой одежде. Кругом лежал рыжий песок — это была пустыня. Мерцание горячего воздуха походило на то, что показывал ему на обзорном экране Годдард.

Один из троих свистнул пронзительно, сунув пальцы в рот, и в ответ получил точно такой же свист, донесшийся откуда-то неподалеку. Кенрик повернул голову, чтобы осмотреться, и увидел рядом со скалой темное пятно смятого и разорванного платья Николь. Она сидела, опустив голову и скрючившись, ее лицо скрывали волосы, поэтому Кенрик не мог определить, в сознании она или нет.

— Мы доставили,— сказал свистевший и, хотя в нем чувствовалась тревога, требовательно протянул руку. К нему подошли два его товарища. Лица всех троих выражали огромное желание как можно скорее удрать, лишь только покончат с делом.

— Мы доставили,— повторил первый мужчина.— Платите! — Очевидно, сумма, обещанная за работу, придавала им решимости.

Кенрик не мог видеть того, к кому обращался мужчина, мешала скала, из-за которой вылетел кошелек, пойманный мужчиной на лету. Взвесив его в руке, как бы по весу подсчитывая содержимое, он спрятал его в свою тунику и в сопровождении своих товарищей быстро ретировался. А плативший так и остался для пленников невидимым.

Прикрыв глаза от палящего солнца, Кенрик испытывал ощущение, словно жарился в печке. Неужели он так и останется связанным в этой безводной пустыне?

Когда кто-то мысленно до него дотронулся, он чуть не вскрикнул, настолько прикосновение потрясло его. Но это было не зондирование эспера. Это зондирование было абсолютно чуждое, имевшее механическую природу и напоминавшее слабое покалывание, поэтому на его полосу частот попадало лишь изредка. Оно напоминало то оружие, с помощью которого они были захвачены.

Конечно же, и у Трапнелла, и у Николь мозг был экранирован, иначе агентов не отправляли, а любое вторжение в их мысли показало несомненное сходство этих людей. Неравномерная работа этого зонда говорила о том, что либо им не слишком часто пользовались, либо им пользовался не специалист, не умеющий наладить регулировку правильной частоты.

Так это или не так, но попытки продолжались, и Кенрик представил себе невидимое искажение с возмущением в центре зонда. Покалывание наконец-то прекратилось. Полный провал! В сильном напряжении Кенрик ожидал появления хозяина, заплатившего за их похищение, но шло время, а никто не появлялся. Кругом стояла полная тишина.

Неожиданно зашевелилась Николь, и он увидел ее щеку.

— Он ушел,— сказала она, с трудом произнося слова пересохшим ртом.

Она говорила так уверенно, что Кенрик позволил себе немного расслабиться и поразмышлять. Поскольку их оставили в таких условиях и в таком положении...

— ...то мы умрем до наступления ночи,— закончила Николь, словно прочитав его мысли.— Нас здесь просто-напросто бросили, а здешнее солнце убивает очень быстро.

— Как...— начал он.

— Погоди! — подбородком она указала на ямку в земле.— Возможно, тут решение.

Это было круглое, в палец толщиной, отверстие, вокруг которого валялись кусочки гравия и песок. Вдруг из этого отверстия показался красноватый шар — голова членистого существа, вылезшего и поднявшегося на плоские суставчатые ноги. В передней части головы были размещены три глаза, а под ними, как жесткая борода, болталась бахрома щупальцев, ниже растянулся грубый нарост из черных волокон, похожих на волосы.

— Это огненный червь,— пояснила Николь слабым и от этого тягучим голосом.— Он любит соль. Глянь на наши путы!

Кенрик посмотрел. Узлы из ткани были пропитаны их потом. Пот... Соль...

Николь, похоже, знала об огненных червях, хотя в инструкции об этом ничего не говорилось.

Извиваясь, Кенрик задвигал ногами и, оттолкнувшись от поддерживающего его камня, стукнулся о землю. Это не остановило его. Продолжая извиваться, он стал продвигаться к отверстию, куда при первом же движении Кенрика юркнул огненный червь.

Наконец он устал и прекратил движение. Болела ободранная щека, нещадно палило солнце, но он не поддавался панике, надеясь, что предположение Николь, вопреки всему, окажется правильным.

ГЛАВА 3

От точных, болезненных уколов немели руки. Кенрик догадался, что огненный червь нашел соль не только на веревке, и с трудом сдержался, чтобы не откатиться назад. Боль усилилась, и его воображение рисовало картину, как мучитель питается живой плотью.

У него не было уверенности, что это пиршество принесет пользу, поэтому лежать было еще труднее, но он все же держался. Когда же резкая боль заставила его откинуться, он понял, что его мучениям наступил конец. Его руки были свободны от веревки, и он смог выпрямиться.

Обдирая онемевшие руки, Кенрик откатился в тень, кое-как добрался до высокого валуна и некоторое время пролежал в полной неподвижности.

А вокруг дыры, от которой он откатился, шла толкотня. Подняв головы, словно стараясь увидеть или унюхать исчезнувшую жертву, туда-сюда сновали несколько червей.

Освободив ноги от пут, Кенрик смог ясно разглядеть Николь, которая дремала, облокотившись спиной о скалу, удерживающую ее от падения. Он подполз и перевернул девушку, чтобы освободить ее от веревок. Она не двигалась, и он надеялся, что боль от прикосновения его онемевших пальцев при распутывании узлов приведет ее в сознание.

Наконец он освободил Николь, прислонил ее инертное тело к своему плечу и откинул волосы. Глаза ее были закрыты, но из раздвинутых потрескавшихся губ слышалось слабое дыхание.

— Николь!

Слегка встряхнув девушку, он похлопал покусанными руками по щекам, оставляя на ее лице пятна крови.

Николь глубоко вздохнула и приоткрыла глаза. Ободренный, он втянул ее в небольшую тень от камня, подальше от логова огненных червей, из которого вереницей выползали его многочисленные обитатели. Скоро они снова начнут угрожать.

— Что...— повернула голову девушка.

— Все в порядке, мы свободны.

С видимым усилием Николь открыла глаза и, подняв руки, посмотрела на свои распухшие кисти.

— Огненные черви?

— Да. Вероятно, им понравилось, и они хотят еще.

— Мы...— зашептала она, облизывая пересохшие губы.— Нам лучше бы уйти...

Он сделал усилие, чтобы справиться со своими ногами. Вокруг, как стволы деревьев в лесу, стояли камни, но ни листьев, ни веток не было, и негде было укрыться от палящего солнца. Вдали ничего не было видно, и он опасался, что и освободившись, они все равно умрут в этой огненной печи.

Он наклонился, чтобы помочь пытающейся подняться Николь. Она прислонилась к нему и, подняв руки, небрежно откинула назад волосы.

— Пошли.

Поддерживая друг друга, они обошли сначала один камень, потом другой... Внезапно Николь вскрикнула, указывая на что-то распухшей рукой.

Он считал, что камни здесь были лишь капризом природы, а на деле оказалось другое: из твердой, высохшей земли несомненно вырастала арка, в тень которой можно было попасть только ползком, поскольку поддерживающие ее столбы от времени сильно осели. И все же она давала возможность выжить. Поэтому Кенрик, шатаясь и волоча за собой девушку, направился туда.

В отверстие вдоль изъеденного камня они проползли на коленях, решив, что если переждать здесь день, то ночью, может быть, идти будет легче.

Кенрик полз словно слепой, так как после яркого солнечного света глаза не сразу привыкли к темноте. Неожиданно поверхность под ними заколебалась, и они провалились вниз, погрузившись в глиняную пыль, гравий и обломки камней. Поднявшаяся от падения пыль почти похоронила их. Они еле откашлялись и пришли в себя, когда пыль снова улеглась.

— Николь! — позвал Кенрик, ощупывая вокруг себя и ища девушку, погружая пальцы в массу ее волос.— Николь!

В ответ он услышал, как мусор с грохотом снова покатился вниз, и принялся с новой силой откапываться, опасаясь, что новый поток похоронит их окончательно.

Освободившись, он вновь принялся искать девушку, пока его рука не обнаружила спокойное биение ее сердца. Прежде чем исследовать яму, в которую они свалились, он принялся вытаскивать Николь из-под обломков.

Но это оказалась не яма.

Отверстие пропускало немного света, при котором с помощью вытянутых рук Кенрик определил, что они очутились в чем-то вроде коридора, входом в который и служила эта арка, заваленная камнями и землей с давних времен.

Здесь царила прохлада, и он вспомнил, что в естественных пещерах температура тем ниже, чем глубже погружаешься в них. Подобный принцип, вероятно, действовал и здесь. Зато его следующее открытие было более серьезным. Когда он снова сделал попытку подняться на склон, тот под ним пополз. Вся поверхность была настолько подвижной, что с нее все скатывалось.

— Где мы?

Голос Николь подбодрил его, и Кенрик с благодарностью протянул к ней руку.

— В каком-то коридоре.

— Темно... Прохладно...— сказала она удивленно.— А как мы отсюда выберемся?

— Нам нужно найти другую дорогу,— откровенно ответил Кенрик,— потому что обратно подняться здесь невозможно. Но есть ли там воздух? И как идти в темноте?

Николь придвинулась к нему, и в ее руках неожиданно вспыхнул мягкий свет шара. Она рассмеялась дрожащим смехом.

— Я колдунья, дающая в Ланасколе советы добрым людям, друг мой,— голос ее окреп,— поэтому мне известны кое-какие приемы, помогающие проникнуть в мозг. Ну а здесь они помогут гораздо больше. Сейчас мы точно узнаем, где находимся.

Шар давал немного света, но как бы в ответ точками засветились стены. Николь качнулась вперед с тихим восклицанием, и Кенрик быстро поддержал ее. Она поднесла шар к одной из светящихся точек. Объединенный свет вспыхнул ярче и сильнее.

На вопрошающий взгляд Кенрика она ответила:

— Они влияют друг на друга одинаково. Этот шар — одна из тайн, ответивших на мой зов, и загорается от моего прикосновения. Похоже, что создавшие это место имели в здешних стенах неограниченные запасы руды орма. Мне кажется, что мы больше не будем блуждать в потемках.

Они двинулись вперед с той скоростью, какую могли позволить их избитые тела. Дорогу освещали загорающиеся на стенах точки.

Высыпание руды орма сначала следовало произвольно, и дно, пока они шли, опустилось немного ниже. На стенах появилась резьба, и на глазах, мечах и боевых копьях изображений загорались световые точки.

Резьба изображала чудовищных огненных червей с волосатыми спинами, на которых ехал верхом человек или похожий на человека гуманоид. Этот всадник сражался не просто с другим человеком, а с преследующей его крылатой рептилией.

Показывая на змеиную шею существа и на кожистое крыло, Николь сказала:

— Ядовитые зубы Дупта! Возможно, они принадлежали Пиратам Дупта! Они живы и сегодня поднимаются...

— А огненные черви? Посмотри-ка! Может, такие или им подобные тоже существуют?

— Этого я не знаю. Мне известно только то, что у жрецов Орма есть свои секреты. В место, которое носит название Дороги Червя, они сажают своего оракула, так что, по всей вероятности, это единственный огромный огненный червь. Но если ядовитые клыки Дупта известны и в наши дни...

— Неужели такой чудовищный огненный червь существует? Невозможно поверить...

К удивлению Кенрика, воздух был все еще пригоден для дыхания, хотя он считал, что этим путем никто не ходил уже много лет. Стены по-прежнему покрывали сцены битв, лишь прохлада постепенно уступала место холоду.

Они не знали, как далеко ушли, так как двигались с частыми остановками, давая отдых ноющим ногам. Их все сильнее мучила жажда.

Во время одной из таких остановок Кенрик и произвел свое открытие, которое много обещало: приложив к стене ладонь, он тут же отдернул ее, так как в одной из впадин на ноге огненного червя его пальцы почувствовали воду. Он попросил Николь поднести свет поближе и опять дотронулся до углубления в стене. В каменной резьбе они обнаружили влагу, которую можно было вылизать, и в нем вспыхнула надежда, что дальше им повезет еще больше, и он заторопился вперед.

По ступенькам они начали спуск мимо темных стен, в которых

отсутствовали залежи руды орма, воздух становился сырым. Спуск казался бесконечным, но они спешили, и, когда дошли до конца лестницы, свет шара отразился от водной поверхности.

Это был не каприз природы, а искусственный круглый бассейн с водой, из которого они вдоволь напились, жадно погружая руки в воду. Николь утолила жажду, села, стряхивая с подбородка и ворота разорванного и испачканного платья капли воды, и вздохнула.

— Как ты думаешь, даст нам Высшая Судьба пищу? — спросила она, как бы надеясь на чудо в самое ближайшее время.

Ее вопрос напомнил Кенрику, что он очень голоден. С тех пор, как он обедал вместе с королем во дворце Ланаскола, утекло много времени.

Он встал и наклонился, чтобы взять шар, оставленный Николь. Его слабый свет в этой темноте казался благом, хотя позволял видеть или на шаг в глубину, или в сторону от стены, скрывая все остальное во мраке.

Только теперь, утолив мучительную жажду, он ощутил острый запах, происходивший не от сырости, а напоминавший принесенный откуда-то ветром едкий дым.

Он боялся уйти от воды, так как не был уверен, что они снова найдут ее в этой норе. Они, по всей вероятности, находились глубоко под поверхностью пустыни, а куда шли — сказать затруднялся.

Когда он высказал свои мысли вслух, девушка кивнула, оторвала от подола кусок, скрутила обрывок и, подпоясавшись, подоткнула юбку.

— У нас нет выбора,— сказала она.— Впереди должна быть другая дверь, ибо этот путь сделан с какой-то целью.

Как и в первую встречу, Николь была совершенно спокойна, словно была полностью уверена и в себе, и в их будущем, чему Кенрик очень позавидовал. Она взяла у него из рук шар, и они пошли вдоль стены.

Здесь пол был без уклона, ровный, на стенах отсутствовала резьба, но создавалось впечатление, что кто-то очень часто бывает тут. Об этом говорили гладкие полосы, проходившие как раз по середине стены, словно этот кто-то терся о камни.

Кенрик обрадовался, когда справа замаячила другая стена. Им показалось, что они вышли в другой коридор: в каменном ложе вдоль основания стены бежал ручеек — очевидно, из того бассейна, где они пили.

Осветив ручей, Николь засмеялась:

— Высшие Силы благосклонны к нам. По крайней мере, сейчас у нас есть вода.

Но кроме воды было еще кое-что: им в лицо ударил тот же сильный и резкий запах. Схватив Николь за руку, Кенрик заставил ее остановиться, а сам стал внимательно прислушиваться.

На руках сильно болели раны, оставленные огненными червями. Вспомнив резьбу в верхнем коридоре, он подумал об огромном огненном черве, на котором можно было ездить...

Как он ни прислушивался, кроме запаха здесь ничего не было, и они осторожно двинулись дальше. Слева в стене находилось отверстие, из которого выходило это ужасное зловоние. Там, по всей вероятности, разлагался труп. Стараясь быть как можно дальше от этого зловещего прохода, Кенрик притянул девушку к себе, но та неожиданно вскрикнула и отскочила от него, увидев что-то на полу.

Это была ветка винограда толщиной в руку с кистью незрелых ягод. Две ягоды были раздавлены до белой мякоти, а четыре других — целы.

Николь схватила ветку.

— Столовый виноград! — воскликнула она ликующим голосом, словно нашла сказочное сокровище.— Вот и наша пища!

Каждый из сорванных плодов был размером с кулак Кенрика. Он ел и удивлялся, откуда здесь взялся виноград. Тем временем, Николь, съев одну виноградину, а другую оставив про запас, подошла ко входу в зловонное место. Кенрик, посчитавший своей обязанностью последовать за ней, поразился тому, что осветил шар. Пространство, насколько он мог видеть, было забито увядшими и гниющими плодами винограда вперемешку с другими фруктами. Вся эта масса выглядела так, словно ее придавливали все новыми поступлениями. Ему было непонятно, для чего здесь такая коллекция.

Поставив шар на пол, Николь отстегнула скрепляющие платье пряжки, сбросила сделанный из обрывка пояс и через минуту осталась в одном белье.

— Пошли! — скомандовала она и, расправив сброшенное платье, начала складывать в него подгнившие плоды, откидывая мятые. Кенрик помогал ей. Набрав узел пищи, они вышли в коридор, на более чистый воздух.

— Кто приходит сюда, как ты думаешь? — спросил Кенрик, пристраивая узел на плечо с помощью лямки.

— Это жилище огненного червя,— ответила Николь.— Их природа требует пребывания под землей и растительной пищи, которая перед употреблением должна сгнить и забродить. Но...

— Объем пищи — это невероятно! — заметил удивленно Кенрик.

— ...ни один из маленьких червей пустыни не смог бы откатить такую крупную виноградину под землю или разрыть эту кучу.

И Кенрик почти поверил, что в этой норе есть черви-гиганты. Тем более, что на резьбе был изображен человек верхом на черве, хотя эта резьба могла быть и древней. Только, если об этом

даже Ни́коль никогда не слышала, такое содружество человека и червя кончилось, вероятно, много веков назад. Тем не менее...

— А мы не рядом с Храмом Орма? — спросил он.

— Мне бы тоже хотелось знать. Думаю, нас не жрецы Червя похитили, ибо у них своя магия, а зондирование мозга — не их дело.

— По словам ЦАТ, они хотят начать войну. А если предположить, что они готовят армию всадников на огненных червях, то что могут сделать люди Ланаскола? Тем более, если к жрецам присоединятся еще и Пираты...

— В таком случае, Кор-Кингу армию не собрать,— сказала она.— А зачем им пророчество при таком отряде?

— Они, возможно, сами верят в него. Ты мне лучше скажи, что тебе известно о жрецах Орма?

— Лишь то, что я узнала с помощью луча-разведчика, собирающего для ЦАТ информацию, ну и кое-что от своего помощника. Они, насколько я понимаю, при зарождении их иерархии не выходили за пределы Храма. Потом низший класс ордена отважился выйти. Но они имели дело исключительно с Кор-Кингом и его высшими придворными, твердо держась в стороне от простого народа. Время от времени, чтобы распространить новое пророчество, жрецы составляли послания, вызывая в Храм или самого короля, или кого-нибудь из знати. Обычно ходили короли, но, как рассказывали, однажды двое отказались и их немедленно покарала судьба. Доказать же какую-нибудь связь между жрецами и последовавшими бедствиями никому не удалось. Нынешнего же короля до сих пор еще ни разу не приглашали. Но ЦАТ, как я слышала, узнал чуть больше...

— Ты говорила, что у них есть тайна и особая защита...

— Да. Один из отказавшихся им повиноваться Кор-Кингов исчез после того, как послал на штурм Храма отряд. Все, кто вернулся, находились в шоковом состоянии. Произошло это лет двести назад, но по некоторым историческим сообщениям можно предположить, что у жрецов тогда были гигантские огненные черви.

— Отсюда следует, что вся ответственность ложилась на того, кого приглашали жрецы,— прокомментировал Кенрик.— Такой урок должен был произвести эффект. Но мы, однако, отдалились от сути. Часть этих растений свежая, следовательно, тот, кто их клал, имеет доступ к внешнему миру, только не к пустыне, конечно же.

— Это было бы, пожалуй, самое лучшее,— сказала Николь, подтыкая повыше нижнюю юбку.— Давай, пошли.

Надежда на выход и запас пищи настолько их воодушевили, что они пошли быстрее. Пройдя мимо второго отверстия в стене, откуда воняло еще сильнее — там гниение шло, очевидно, доль-

ше — они остановились у развилки. Хотя обе дороги казались одинаковыми и шли в одном направлении, какой-то выбор все-таки был.

Они свернули в левый туннель, считая шаги, так как намеревались вернуться назад, если шагов через двести не будет обнаружено что-нибудь похожее на выход.

Вспоминая о виноградной лозе и думая о сборщике урожая, который мог вернуться с новым грузом, Кенрик спешил как одержимый, ибо встреча с гигантским червем сулила для них скорый конец.

Туннель шел ровно, без воодушевляющей кривизны подъема, пока свет шара не упал на дверь, откуда не было зловонного запаха. Осторожно войдя в дверь, они увидели высоко над головой слабый свет. Стена над ними имела выступ, на котором, вырезанное из цельного куска камня, стояло высокое кресло с подлокотниками. По подлокотникам, на которых играл свет, шли металлические полосы, и такие же полосы шли и по низу кресла.

Ниже выступа располагалась площадка. На равном расстоянии друг от друга шли туннели, похожие на тот, через который они шли. Ничего, что указывало бы на присутствие в этих туннелях живого существа, слышно не было.

При виде кресла, готового принять того, кто будет вынужден в нем сидеть, в Кенрике тут же сработала инструкция: это было место для оракула, которого оставляли привязанным, чтобы он получил пророческий дар.

ГЛАВА 4

— Кенрик!

Чьи-то руки пытались удержать его в плену. Это было похоже на пробуждение от сна. Стоя у стены, он пытался взобраться на выступ и сесть в ожидающее его кресло, в то время как девушка упорно цеплялась за него, удерживая его внизу.

Внезапно власть инструктажа нарушилась, и он, разжав руки, вцепившись в выступ, увлек за собой Николь.

— Я влез бы! — Он старался не смотреть вверх, чтобы кресло вновь не потянуло его к себе.

— Нет! — Хватка у Николь была жесткая.— Ты лорд Кор-Кенрик, а не оракул. Помни об этом!

— А как же инструкция?

— Да, я знаю,— шепот ее действовал сильнее крика.— Ты назначен сидеть наверху, однако передатчик ошибся, и ты должен играть в совершенно другой пьесе, лишенной правил. Одно совершенно точно — мы в Храме Орма, а не под пустыней, и, возможно, сумеем удрать.

Она была права и спасла его от помутнения разума. Он был не оракул, и они, похоже, на самом деле достигли определенной точки.

— Удрать — да, но попробуй убежать, если нападут огромные огненные черви! — хрипло рассмеялась девушка.— Это наиболее секретная и лучше всего охраняемая часть Храма Орма. Предположим, мы пойдем наверх по дороге, известной тебе по инструктажу, и наткнемся на оракула. Тогда что?

— Может быть, меня трансформируют?

Он, по странному повороту судьбы, находился от того места, где должен был быть по первоначальному плану, на расстоянии вытянутой руки. Его миссия, если бы он мог трансформироваться, не пропала бы зря. Мысль эта дала ему новый заряд энергии, и он осмотрел стены еще раз.

— Прекрасно! — ее голос был, как и в пустыне, низким и грубым.— Ты должен быть целиком Кенриком до тех пор, пока не найдешь его, иначе тебя быстро и легко сожрет стража.

Услышав впереди какие-то звуки, Кенрик схватил Николь за талию и оттащил к одному из туннелей. Прижавшись к стене, они стали ждать.

Она спрятала шар, и они остались в темноте, но, чтобы увидеть существо, выплывающее из туннеля, здесь хватало и слабого зеленоватого света.

Гигантский огненный червь, именно такой, каким они его представляли. По сравнению с этим чудовищем, маленькие черви пустыни выглядели просто гротескными. Он был точно таким, как на настенной резьбе, и на нем вполне можно было ехать.

Николь молчала, вцепившись ногтями в руку Кенрика. На спине червя было привязано широкое седло или сидение, но, как прикинул Кенрик, слишком широкое для одного всадника. К заостренному переднему концу сидения были привязаны вожжи, концы которых терялись в бахроме щупальцев животного. Очевидно, всадник, натягивая эти вожжи, мог управлять червем. Выйдя из туннеля полностью, червь остановился на открытом месте, тупо глядя тремя глазами. Видел ли он двоих беглецов? Во всяком случае, никакого интереса он к ним не проявлял, а стоял в задумчивости, только двигающиеся щупальцы, из которых тянулись нити слюны, показывали, что он живой.

Кенрик, поскольку червь стоял неподвижно, шагнул вперед, чтобы получше рассмотреть снаряжение червя. Перед седлом были прикреплены ножны таким образом, чтобы всадник мог легко до них дотянуться. И, к удивлению Кенрика, ножны были не пустые. Он видел то, что в этом месте и времени существовать просто не могло. И у него перехватило дух. Там, в штабе, его тело — тело Грида Трапнелла — было упаковано в защитное устройство, кото-

рое сохраняло тело живым до возвращения его разума. Но здесь он был человеком, носившим другую покрышку из костей и мяса, если так можно выразиться.

В этих ножнах находилось знакомое ему по собственному миру оружие — бластер. Транспортировать через камеру неодушевленные предметы нельзя, а сделать бластер здесь никто не мог, так как его производство требует высокой технологии.

Вмешательство в мозг Кенрика проводил не знающий частоты чужак. А нельзя ли предположить, что здесь действует организация, развивающаяся параллельно его собственной, которая сумела сделать важное открытие, позволяющее транспортировку без необходимости замены? Кроме того, ему очень хотелось взять оружие в руки, чтобы удостовериться, что это действительно тот бластер, каким он его знал.

Раз на этом огненном черве ездили верхом, может ли Кенрик к нему подойти? Пока он раздумывал, огненный червь поднял голову, повернулся к туннелю, из которого только что вышел, и снова поплелся обратно в отверстие.

— Ты видел, что находится в ножнах? — спросила Николь.

— Похоже на бластер.

— Как он мог оказаться здесь, если не принимать во внимание, что его нельзя передать и никакой кузнец Валлека сделать его не мог? Возможно, мы ошибаемся, думая только о передаче? Что, если бластер был доставлен из другого мира, скажем, четырестапятьсот лет...

Кенрик хотел закончить ее фразу словом «назад», но передумал, вспомнив, что они сейчас и сами в прошлом.

Николь тем временем продолжила:

— В глубоком космосе люди не пионеры. До нас многие побывали на этих трассах, а мы среди звезд считаемся очень молодой расой.

Все это, конечно, так, но бластер! Он мог оказаться тут, если был привезен из мира, подобного миру Трапнелла. Для организации подобная информация с Валлека могла бы иметь большую ценность, чем всякая другая. Кенрик уже был готов взять это оружие, но Николь подскочила к нему, словно угадала его мысли.

— Зверя послали с помощью ультразвука, который мы не слышим, но почувствовать можем.

— Я ощущаю,— кивнул Кенрик.

Николь снова засмеялась.

— Ты не знаешь, есть ли женщины в жилище жрецов? А если не знаешь, то напряги свое воображение и представь себе их. Уверяю тебя, что я предпочла бы умереть, чем жить со жрецами. Кстати, о нашем присутствии могли уже сигнализировать защитные устройства.

— Я думаю, что охрана не осмелится прийти к креслу оракула.

— А может, это просто легенда, и жрецы хотят, чтобы посторонние верили в нее. Кто может подсказать оракулу, каково должно быть пророчество? Огненный червь? Нет, жрецы эти проходы знают очень хорошо.

И они двинулись следом за огненным червем. Та часть Грида Трапнелла, что была Кенриком, ступала мягко и неслышно. Руки, тоскуя по оружию, сжимались и разжимались. Без оружия он, будучи тренированным бойцом, чувствовал себя голым. К тому же густой и терпкий запах червей говорил ему, что впереди опасность.

Пол постепенно пошел вверх, и далеко впереди, похоже, забрезжил дневной свет. Следовательно, они выходили на поверхность земли. Шли они медленно, держась поближе к середине, и прислушивались...

Холод нижних коридоров отступал. И вот они уже в конце туннеля.

Стоя в пустом пространстве и оглядываясь вокруг, они увидели ловушку, замыкающую дорогу — так как это, на самом деле, была ловушка. С их стороны и с противоположной из стен узкого желоба выступали столбы, которые поддерживали металлическую сетку, полностью окружавшую огороженный земляным валом карман. В него выходило несколько туннелей, и предназначался он явно для того, чтобы огненные черви не расползались.

В дальнем конце кармана находилась платформа с кучей растений, очевидно, сброшенных сюда со скалы. Тут копошились несколько огненных червей, которые, забирая своими роговыми щупальцами груз, уносили его в туннели.

Кроме этих червей были и другие, побольше и покрытые густой черной шерстью. Кенрик не мог уверенно сказать, который из них только что прополз мимо, так как седло было на каждом черве.

— Внизу,— прошептала Николь ему на ухо.

В самом деле, сразу под ними находился один из ездовых монстров. Он так низко присел, что его плоское брюхо лежало на земле. Кенрик затруднялся сказать, тот ли это был, но в седельной сумке лежало оружие.

Вероятно, животное спало, так как голова его была опущена, а щупальцы свернуты в плотный узел. Кенрик спустил мешок с плеч.

Камень здесь был шершавый, даже в глубоких ямах, которыми, вероятно, пользовались черви — достаточно глубоких для рук и ног человека, решившего воспользоваться стеной как лестницей.

Спускался Кенрик лицом к стене, опасаясь, как бы червь не проснулся и не бросился на него. Наконец, весь в поту, он встал у подножья скалы.

Теперь, идя по окружности, он поглядывал на червя и прикиды-

вал, успеет ли схватить горсть песку и ослепить его. Но животное лежало спокойно, его бока мерно поднимались от дыхания. Червь распластался так, что Кенрик достал из ножен бластер без особого труда, сам не веря собственной удаче.

Бластер был странно легким и совершенно непохожим на привычное оружие. Сунув его за ремень, чтобы освободить руки, Кенрик преодолел обратный путь со всей скоростью, на какую был способен.

По виду оружие походило на бластер: барабан, ствол, две рукоятки, одна из которых выдвигалась, прицельное устройство — телескопическое, но такой дальности, какой не имело оружие, знакомое Кенрику.

Оно было сделано из какого-то очень легкого и очень твердого сплава. Кенрик попытался поцарапать его острым камнем, пряжкой ремня и не смог. Очевидно, он был с одного из зведолетов, скитавшихся по Галактике задолго до того, как подняла глаза к Луне, спутнице ее мира, раса Кенрика.

— Сделано для гуманоида,— прокомментировала Николь.

Да, рукоятка и баланс были предназначены для человеческой руки. Кенрик не решился испытать его, отложив это на случай тревоги. Но зато теперь была решена часть его задачи.

— Ты пользовалась когда-нибудь бластером?

— До траспортации сюда? — улыбнулась Николь.— Нет. Я изучала некоторые виды оружия, например, станнер, но тяжелое оружие мне не нужно. Когда я стала постоянным агентом, мои знания пригодились мне как колдунье, а в этом звании прибегать к материальному оружию ни к чему. Я предпочитаю полагаться на другие методы.

— Почему ты выбрала постоянное назначение? — спросил Кенрик.— На это идут очень немногие женщины.

— А тебя разве не предупредили, что никогда не следует задавать такие вопросы? Я сделала единственно возможный выбор, и все шло хорошо, если бы не несчастный случай.— Она пожала плечами.— Что же, на этом бесхитростном уровне это в конце концов компенсация за жизнь. Конечно, у тебя был хотя бы один посыл туда, где ты пожелал бы остаться, когда тебя отзывали, поэтому теперь у них есть встроенное принуждение вернуться. Раньше это была добровольная ссылка. Жизнь колдуньи в Ланасколе меня вполне устраивает. Наш хозяин — ЦАТ — хоть и машина, но расточительства боится. Однако сейчас не время для подобных дискуссий. Ты о чем думаешь?

— Это очень простое оружие,— сказал он,— и неважно, тренировалась ты или нет. Одна кнопка, относящаяся к контролю вспышки любого луча, заряжена, а прицел — безопасный. Вооруженная, ты сможешь защищаться...

— Следовательно, ты намереваешься выслеживать оракула?

— А у меня есть выбор?

— Будь ты в своем теле, может, и нет, но ты находишься в теле человека, которого считают здравомыслящим руководителем, а главным образом, победителем в сражениях.

— Ему, кажется, не слишком повезло в последний раз.

— Предательство и удача не ходят рядом, и леди Яракома знает об этом гораздо больше, чем следует. Если сумеешь вытянуть язык из ее лживого рта, то можно кое-что узнать.

Заметив, с каким удивлением Кенрик посмотрел на нее, Николь продолжила:

— Я не могу хорошо отзываться о леди Яракоме, так как многое слышала о ней. Она — зло, гниль в сердце Ланаскола, больший источник неприятностей для Валлека, чем жрецы Орма, хоть и не такой явный, как они. Ну, если ты отдаешь мне это,— она сжала рукоятку оружия,— тебе пора в разведку. Я не стану тебя отговаривать, а спрячусь неподалеку от комнаты с креслом и буду ждать...

Они закусили и, пока он готовился к подъему на стену, она спросила:

— Ты представляешь, куда идти?

— Я узнаю, где кресло, а инструктаж, вероятно, подскажет дальнейшее. Луч-разведчик, пока не заглох, обрисовал все достаточно точно.

— А что, если инструкция затемнит твой разум именно в тот момент, когда он понадобится тебе?

— Не знаю, но у меня нет другого проводника. Я обязан найти оракула. Здесь, очевидно, замышляется какое-то предательство, если сюда заманивают короля...

— А ты хочешь в одиночку выступить в его защиту? Не забывай о том, давнишем короле и его исчезнувшей армии.

Видимо, она увлеклась своим мрачным пророчеством, потому что предсказывать будущее клиентам составляло ее профессию, и голос производил сильное впечатление. Но на Кенрика внушение не действовало. Его призывает долг, а она, имея бластер, сможет защитить себя.

Не оглядываясь, Кенрик забрался на выступ, где было кресло. Он должен думать только об одном, а Николь выкинуть из головы. Его задание прежде всего.

Кресло соответствовало описанию инструкции, с металлическими обручами на подлокотниках и спинкой, готовой поддержать безмозглое существо, когда жрецы оставят его здесь на всю ночь. От кого-то жертва получала настолько сильный сигнал, что он мог оставаться в мозгу, не способном командовать телом, и мог заставить тело произносить разумные слова. Как же это делалось? Безус-

ловно, от идиота связной фразы не добьешься, не говоря уж о риторическом пророчестве. Что же тут — фокус или тайна? Как же еще, не играя роли оракула, он сможет раскрыть и расстроить планы жрецов?

Осторожно сев в кресло, Кенрик коснулся спинки — она была холодной. Откинуться на нее он не мог, не положив руки на подлокотники — мешали металлические обручи. Сидящий, схваченный ими, попадал в тиски и не мог двигаться.

Как только Кенрик откинул голову на каменное возвышение, у него сразу же появилось ощущение, похожее на удар мозгового зонда. Повернувшись, он кончиками пальцев прошелся по задней стороне спинки и нащупал какую-то квадратную выпуклость, из которой исходила бьющая в пальцы пульсация, словно тут был источник энергии. Кенрик отдернул руку — от этого потока исходило что-то тревожное.

Следовательно, посаженный здесь человек-оракул вынужден прижать голову к спинке с этим предметом и сидеть до тех пор, пока его не освободят. Что это давало? Какую-то, действующую достаточно сильно форму инструктажа, способную оставить отпечаток в мозгу идиота? Или же — это важное обстоятельство — только пустой мозг идиота мог полностью воспринять инструктаж? Ведь именно так впечатывала инструкцию в мозг агента передаточная камера. Но ведь это не новое устройство, так как эти оракулы действовали на протяжении столетий, и оно никак не могло быть результатом предательства в Службе или вмешательства кого-то из другого мира. Если бы инопланетяне на любом отрезке времени посетили Валлек, то существовали бы какие-то намеки на это событие, хотя бы в виде легенды. Эти сведения эксперты инструктажа Службы дали бы в ЦАТ, и важность такой информации немедленно отметил бы компьютер.

Отсюда следует сделать вывод, что в кресле была какая-то разновидность передатчика энергии. Кенрик обошел вокруг спинки, которая была такой высокой, что представляла собой чуть ли не стену. Еще раз осмотрел камень с лицевой стороны, но кроме естественного холода ничего не ощутил. Хотя он не узнал, через кого организовывается пророчество, что было очень важно, но, во всяком случае, понял, каким образом это делается.

Так, обходя кресло кругом, он оказался перед дверью, о которой из своей мнемограммы знал, что через нее вводили оракула. Значит, дорога эта теперь не только для них — он тоже пойдет по ней.

Кенрик открыл дверь и попал в темный и узкий проход с гладкими стенами. Он пошел по нему, пока не наткнулся на лестницу, по которой стал подниматься, ощупывая каждую ступеньку ногой. Носки его сапог слегка постукивали. Он начал считать ступени, зная, что в темноте это полезно. Когда он досчитал до двадцати, его вы-

тянутая вперед рука уперлась во что-то твердое. Он нащупал дверь с поперечными металлическими полосами, а затем и что-то вроде щеколды, какие обычно встречались в Валлеке.

Если дверь заперта — все пропало. Кенрик быстро потянул засов, и он поддался. «Может, я самый большой дурак на свете,— подумал Кенрик,— но я войду, потому что выбора у меня нет».

Он открыл дверь и шагнул в опасность.

ГЛАВА 5

Ровный проход напоминал обычный туннель. Свет исходил из небольших вкраплений руды орма, не составляющих рисунка. Осторожно оглядевшись, Кенрик никого не увидел и закрыл глаза. Помнит ли он, где находится кресло оракула? Найдет ли сразу к нему дорогу? Ему не выжить в этой неудачной транспортировке, если инструктаж опять выйдет из строя. Его жизнь будет зависеть только от интуиции, от слабого намека.

Так, размышляя и настороженно прислушиваясь, шел он по пыльному туннелю. Оглянувшись назад, он увидел лишь контуры двери, настолько тусклым было освещение. Коридор перед ним заворачивал вправо, выходя на лестницу. Он обрадовался, зная, что главная часть Храма находится наверху.

Постепенно вкрапления руды исчезли, и ему опять пришлось полагаться больше на осязание, чем на зрение. Еще одна окованная металлом дверь, словно они обе предназначены для защиты. Но как ни ощупывал он ее, щеколды не находил.

Кенрик огорчился и прислонился к стене. Дверь, похоже, открывалась лишь с той стороны. И все же он не собирался сдаваться. Начав с верхней части, он снова обшарил всю поверхность, но металлические полосы были вделаны плотно и имели по краям зазубрины вроде бахромы. Он вспомнил червей... Николь внизу... Но у нее бластер...

Кенрик прошел пальцами уже три полосы, но никакого намека на задвижку или ручку не обнаружил. Четвертая полоса оказалась сломанной. Он уцепился за нее и дернул. Послышался характерный щелчок... только открылась не вся дверь, а лишь узкая панель, через которую он протиснулся с огромным трудом. Панель со стуком повернулась на место, едва только он оказался по ту сторону двери, и он обнаружил признаки того, что дверь когда-то была запечатана.

Дальше была еще одна лестница, и опять появился свет руды орма. Лестница сузилась так, что Кенрик задевал плечами стены. Внезапно ему показалось, что из-за правой стены до него доносится бормотание голосов. Кенрик остановился, рассматривая стену,

и обнаружил металлический кружок, открывающий смотровое отверстие. Он заглянул в него.

Его глазам открылся длинный холл с рядами покрытых резьбой и раскрашенных столбов, напоминавших поднявшихся на хвост червей, поддерживающих потолок. Эти столбы-черви не были полностью похожи на живых из-за ужасающей раскраски, но это придавало им еще более злобный вид. Они были сильно попорчены, кое-где отломаны ноги, не хватало щупальцев, а поперек их нарисованной брони шли трещины. Значит, столбы были очень древние. Между этих столбов двигались жрецы.

В инструктаже Кенрика говорилось об их красных мантиях с большими воротниками и когтевидным орнаментом, сделанным или из высушенных щупальцев, или их превосходной имитации. Большинство были в капюшонах, скрывающих лицо, а у двоих, стоящих перед отверстием, капюшоны были откинуты, и их лысые головы блестели. Похоже, это были молодые люди.

Кевин? В племенной татуировке на щеках ошибиться было нельзя. На эту маркировку откликнулась часть Кенрика в этом заимствованном теле: слыша свое свистящее дыхание, он сознавал, что руки его хватаются за пустые ножны.

Тот, кто разговаривал с Кевином, был почти карликом. Мантии на нем не было, и его коренастую фигуру снизу прикрывали только штаны, соединенные с сапогами, сделанные из жесткого материала, похожего на кожу. При движении они переливчато блестели, будто покрытые опаловой чешуей. Широкие плечи и выпуклая грудь этого карлика густо заросли грубыми черными волосами, а с кончика подбородка странной прядью свисал пучок таких же волос, хотя лицо было гладким. Причесанная поросль на голове удерживалась гребнем. Волосы на теле наполовину скрывали изобилие оправленных в металл драгоценностей.

Пират? Значит, правда, что в Храм Орма пришли люди Дупта. Да, чтобы удостовериться в затевающемся для Ланаскола бедствии, достаточно одного только взгляда на эту трехстороннюю партию.

Как Кенрик ни старался, слов разобрать он не мог, лишь одно бормотание. Но так как цель его поиска была еще впереди, он решил не задерживаться у глазка и отошел, размышляя о значении увиденного.

Союз Пиратов с любым племенем был сам по себе из ряда вон выходящим событием. Пираты всегда были враждебны всем остальным, хотя причины, по которым они исключили себя из человеческой расы, были давным-давно забыты. Их можно было рассматривать как особый вид, настолько они были чужды всем другим. Набеги они совершали с воздуха, и выследить их никто не мог, потому что их настоящая родина была тайной. Пираты были неуязвимы

еще и потому, что технология Валлека до воздухоплавания пока не дошла.

Летали они на гигантских крылатых рептилиях, в какой-то мере напоминавших живших до возникновения человека древних ящеров родного мира Кенрика. В сражении эти звери были сами по себе страшны, но управляемые человеком — ужасны вдвойне. Численность пилотов в отряде, совершавшем набег, намеренно не превышала более десяти человек вместе с верховыми животными, так как они устрашали и в таком малом количестве. Чтобы не рисковать лишними потерями ради короткого путешествия, пираты грабили пока торговые караваны, фермерские общины, рыбачьи поселки.

Кенрик обнаружил еще один глазок, на этот раз слева. Он считал, что находится над холлом, но когда посмотрел в этот глазок, то увидел небольшую комнату. Там стоял массивный стол со столешницей из сверкающего камня киффа, на толстых ножках-тумбах, во главе этого стола, почти под самым глазком, стоял стул с резной высокой спинкой, на другом конце — второй, а вдоль стола — скамьи. Все стены, кроме той, с глазком, были увешаны полосами красной ткани, создающими неприятное впечатление ловушки, которая вот-вот схватит и задушит сидящих за столом.

Но сидящие за столом четверо мужчин, казалось, чувствовали себя спокойно. Они сидели друг против друга попарно, а гладкая поверхность стола отражала всех четверых.

Первым был жрец в красной мантии одинакового цвета с драпировкой стен, лицо его было скрыто капюшоном и виднелись только двигающиеся руки, поэтому временами создавалось впечатление, что он сливается со стенами. Другим был пират, очень похожий на только что виденного в соседней комнате. Он играл чем-то металлическим, судя по звуку, прикрепленным в его руке и снабженным страшными когтями, в которое он сунул пальцы, как в перчатку. Двое других сидели напротив. Один был в одежде придворного из Ланаскола. На груди его туники была вышита эмблема. Кенрик непроизвольно коснулся своей эмблемы, сравнивая. Королевский герб! Неужели Кор-Кинг уже здесь? Не мог же кто-то из его людей сидеть с пиратом так по-приятельски. Значит, напрашивался только один ответ: леди Яракома. Только она, при своих растущих амбициях, могла бы предпринять такой шаг — связаться с врагами короля и послать сюда своего представителя. У Трапнелла возникло сильное желание, чтобы в эту минуту в нем проснулась собственная память Кенрика.

Четвертый был одет как горожанин низшего класса. Его лицо светилось от удовольствия, что он сидит рядом со знатью, что его слушают жрец и пират, хотя говорил очень тихо, так что Кенрик улавливал лишь понижение или повышение тона.

Этот четвертый, достав палочку для письма, стал что-то быстро

чертить на столе, но не успел закончить изображение, как занавески слева сдвинулись в сторону и в проеме возник еще один жрец. Он остановился в проходе, пропуская вперед невысокого человека, закутанного в явно широкую для его щуплой фигуры мантию. На уровне плеч мантию окаймляли перекрещивающиеся полосы ржаво-оранжевого цвета, а воротник был отделан тщательнее, чем у других. Сидящие за столом переглянулись и встали, за исключением пирата, который, усмехнувшись, остался сидеть, подчеркивая тем самым свое явное нежелание проявлять учтивость.

Маленький человек с раздражением оттолкнул руку жреца, протянутую ему для опоры, но к стулу во главе стола двинулся такими нерешительными и колеблющимися шажками, что жрец, готовый в случае надобности помочь, придвинулся ближе.

Усевшись, маленький человек поднял обе руки, похожие на лапы с когтями, вроде той металлической перчатки, какой продолжал играть пират. Пока он откидывал мантию, они беспрерывно дрожали.

Пронзительно зазвучал высокий старческий голос жреца:

— Ты просил слова... Говори! Пользуйся случаем! Время сейчас самое подходящее. Не имеет значения, если ты нарушишь Церемониал — это учтется.

Повысив голос, человек с палочкой для письма заговорил так, что Кенрик смог слышать каждое слово.

— Не следовало, конечно, тревожить готовящихся к великому дню Светлейших Орма, но дело в том, что Мастер Меча Совард, ваш брат по сердцу и надежде, принес сюда плохие новости. Хотя трижды проклятого Кенрика и ясновидящую крепко связали, место, где их оставили, теперь пусто. Их там не было, когда его люди пришли на Место Древних камней, они исчезли. Так же безрезультатно искали их и пираты с неба.

— Дурачье,— прошипела мумия на стуле, и Совард отшатнулся, словно жрец изрыгнул смертельный яд.— Как всем известно, Место Древних Камней проклято. Естественно, что вы и следов их не найдете, е с л и Орм увидел, что может взять их сам. Итак, это и есть твои великие новости?

— О, Верховный Жрец Орма, а если за их исчезновение Орм с его бесконечной мудростью не ответственен? Что, если они ухитрились сбежать? Смогут ли они со своими рассказнями добраться до Ланаскола?

Презрительно захохотавший пират заговорил с таким сильным акцентом и так неправильно выговаривая слова, что Кенрик понимал его с большим трудом.

— Пустыню с высоты обыскать легко, и наши люди все сделали как надо. Их там просто нет.

— Правильно,— сказал человек, который писал.— Совард

уверил нас, что король собирается прийти. Есть ли хоть какой-то шанс, что беглецы встретятся с его разведчиками?

Завертевшись, Верховный Жрец взглянул на придворного.

— А зачем королю идти с разведчиками? Ты что-то знаешь об этом? Ему было послано Великое Слово Орма. Против Орма он не пойдет,— жрец сделал паузу и противно хихикнул.— Нет, нет... Разве он не помнит, что ни один из Кор-Кингов, поднявший оружие против Орма, не вернулся до сих пор? — усилившееся хихиканье сотрясало его хилое тело. Его провожатый нерешительно протянул руку, придвинувшись ближе, но его господин справился со своим дьявольским весельем и, откинувшись на спинку стула, вытер бледные губы рукавом мантии.— Теперь ответь мне,— снова заговорил он уже окрепшим голосом,— правда ли, что король идет с разведчиками и почему?

— Это все из-за Лорда Кор-Кенрика,— ответил Совард.— Путь к дому колдуньи мог начертить любой из Глаз короля. Глаз много, но даже наследник не все знает. А именно они и обнаружили там следы борьбы. Помимо этого есть доклад хранителя ворот, в котором упоминается повозка с завязанным верхом, проезжавшая совсем недавно. До ушей моей леди это дошло слишком поздно, и она ничего не смогла поправить. Единственное, что она могла и поспешила сделать, так это облить грязью всю эту историю, намекнув на отношения Кенрика с колдуньей и на противоестественное стремление мужчин к злу. Но Кенрик вел себя очень осторожно, так что эта грязь к нему не пристанет, тем более многие помнят, почему она так его ненавидит — пусть Тысяча Зубов Намура обгладывает его плоть с костей!

Но тут впервые заговорил сидевший на скамье жрец:

— Светлейшие, вспомните свои же слова о том, что не только оскорбление Орму, но и величайшая глупость примешивать к таким важным делам женщину...

Но его колкий тон сильнее слов задел придворного.

— Так говорить о Леди — это...

— Прекратите тявканье! — Верховный Жрец снова задал тот тон, который прозвучал только что.— Женщина служила нам как могла, доводя многие тайные дела до наших ушей, хотя захват лорда Кора совершен был очень и очень скверно. Сейчас самое главное, чтобы король повиновался Слову, ибо он, похоже, действует не как слуга, а как враг. Но ничего, он скоро поймет, что он — слуга! Орм давно намекал о приходе новых времен, когда он ясно произнесет свои Слова, которые станут законом не только для Храма Орма, но и для всего Валлека! Очень долгим было ожидание в ночи, но теперь наступает рассвет. Когда Кор-Кинг услышит слова истины от оракула, он не сможет им противоречить. И пусть не валяет дурака, пытаясь спорить, ибо среди его народа вполне доста-

точно правоверных, желающих его прикончить. Итак, через несколько дней мы станем достаточно крепкими пальцами и руками Орма, чтобы держать! — Он вытер рукавом выступившую на губах слюну. Все склонили головы, даже светлый незнакомец кивнул, только пират, выказывая Орму не больше почтения, чем его последователям, оскалился.

— Нужно сделать еще очень много,— голос Верховного Жреца потерял твердость и снова стал ворчливым.— Больше нас не беспокойте, предстоит слишком много дел. Надо подготовить оракула...

Он попытался встать, но ноги не слушались его, и два жреца подошли помочь ему. Он не оттолкнул их, а потащился между ними. Остальные молча ждали. Как только задвижка щелкнула, пират засмеялся.

— А у этого старика, оказывается, еще достаточно разума, и спланировал он все даже очень здорово,— немного помолчав, пират взглянул на Соварда сузившимися глазами, потом на незнакомца.— Выходит, главный планировщик — он? Совсем неплохо. Но зря он верит в свою божественную сказку, что появится Орм на гигантском огненном черве и завоюет мир. Это все для дураков. Но вот что хочет знать Всеобщая Мать Дупта: какая т е б е от этого выгода? Есть три причины для клятвенного сотрудничества, по крайней мере, на то время, пока не уберут Кор-Кинга. Всем известно, чего хотят люди Кевина, что леди Яракома желает видеть королем своего мужа и чтобы у него не было соперников, вроде любимца горожан и хорошего бойца Кенрика. Жрецы кричат о полученном из уст безумного дурака пророчестве, что Орм идет править миром. Но ты не назвал причин, побудивших тебя предлагать свою помощь. Должен тебе заметить, незнакомец, когда ты говоришь о войне и возможных способах перехитрить врага, речь твоя прекрасна.— Он сплюнул и слюной провел на столе черту, перечеркивающую накрест ту, что была сделана палочкой для письма.— Нам была обещана хорошая добыча и возможность испытать южные фланги. А какова твоя доля? До нас дошли слухи, что ты не из этого мира. Кроме того, ты поделился с нашими людьми необычным оружием. Поэтому Всеобщая Мать Дупта хочет знать, чего ты этим добиваешься?

— Совершенно правильно, я не из этого мира, а оружие это и его действие ты видел. А если исполнится наше желание, то его в будущем будет гораздо больше и оно станет намного мощнее. А мой выигрыш от этой помощи намного меньше твоей доли, пират. Нам нужна руда орма, которая есть только в Валлеке. Поскольку жрецы считают ее потом Орма, купить эту руду у Храма мы не можем. Но если поможем Верховному Жрецу в достижении его цели, то судьба может улыбнуться нам и Орм осыпет нас милостями.

— Или же вы сами ее возьмете. Никто не осмелится отказать тебе, пока гнездо червей в таком возбуждении.

Совард весь передернулся и быстро взглянул на чужестранца, но тот и ухом не повел.

— Может, и возьмем,— согласился он.— А это поперек горла тебе или смутит Всеобщую Мать?

— Отнюдь нет. Нам нравится игра, а до руды орма нет никакого дела,— он посмотрел на Соварда.— Давай, горожанин, добывай, если сможешь, трон для своей девки, а уж усидит ли она на нем, это другой вопрос. Все понимают, что важен настоящий момент.

Соскользнув со скамьи и тяжело ступая, пират вышел, даже не попрощавшись. Совард нервно провел рукой по столу.

— Я пиратам не доверяю.

— А кто доверяет? — пожал плечами его собеседник.— К сожалению, приходится обращаться к ним, потому что у них есть то, в чем мы сейчас очень нуждаемся — воздушный путь. Кроме того, в сражении они очень сильны, в чем мы хорошо убедились раньше.

— Да, но они не держат данного слова...

— Не обращай внимания, он, как и все его собратья, держится нагло. Но мы сможем отделаться от пиратов, как только отпадет надобность в них.

— Ты, а не мы,— снова взглянул на чужака Совард.— Ты показывал чертеж приспособлений, которые помогли вам разыскать их вонючее гнездо, ты уверил нас в том, что его под контролем держат ваши люди с огненным оружием, но никто об этом здесь не знает.

— Это правда, можешь не сомневаться. Пока пиратам выгодно, они нам служат, а как только все кончится — они изменят нам и тогда...— Он сломал палочку для письма пополам.— А теперь — час поздний, как сказал его Светлость.

— Интересно узнать, его оракул выполнит задуманное? — Совард стал медленно подниматься, ожидая ответа.

— А разве раньше бывало по-иному? Мне кажется, идиот произнесет пророчество. Ну а если на короля это не подействует, то придется ему разъяснить, что для Валлека наступают другие времена.

— Если, конечно, он придет.

— Что, есть причина сомневаться в этом? — резко спросил чужак, поворачиваясь к Соварду.

— По вызову Орма он может и не прийти, но... Если он будет думать, что речь идет об освобождении Кенрика... Плащ Кенрика и некоторые другие его вещи у Малтуса, как и хороший рассказ наготове... Все, что может, сделает и леди Яракома. Если он не послушает зова Орма, в таком случае, послушается другого...

— Будь Кенрик сейчас в наших руках, мы бы его прижали.

— Пройти через пустыню пешком и без воды невозможно, даже если рядом будет колдунья. Здесь ее могущество кончается. И если тело Кенрика не валяется в Местах Древних Камней, значит, солнце пустыни сожгло его.

— Проверка точности сведений о походе короля возлагается на тебя, друг мой.

— Я разве не понимаю? — упрямо кивнул Совард.— Он придет, будь уверен.

Инопланетянин, как и пират, резко поднялся.

— А я и уверен,— сказал он.

Услышав вполне достаточно, Кенрик закрыл отверстие. Значит, несмотря на столь необычный Союз Яракомы, жрецов Червя, Кевина, Пиратов и таинственного чужеземца, маленькая надежда все же оставалась. Раз Совард с чужаком решили освободиться от Пиратов, как только отпадет нужда в них, следовательно, и Пираты готовят план против своих союзников.

Но для Валлека этот, пусть и ненадежный Союз принесет гибель, если поможет разбить короля. И так ли важен оракул? Нуждающиеся в оракуле, как в запальнике, жрецы Орма и так достаточно верны, но другие уже потихоньку скидывают со счетов этот возбудитель — все их планы зависят от захвата Кенрика, поэтому и переместился приоритет. Теперь самое главное — предупредить Кор-Кинга, а не оракула разыскивать. Король не попался в ловушку, расставленную врагами в пустыне, потому что каждый из них пытался тянуть в свою сторону, ибо находились друг от друга в зависимости. Возникший хаос пойдет Кор-Кингу лишь на пользу.

Возможно, что это и не ошибка, что он попал в тело Кенрика. Влиянию пророчества король мог и не поддаться, а сына своего он послушает. И несмотря на укоренившееся принуждение инструктажа, Кенрик его разрушил. Сейчас ему необходимо разыскать Кор-Кинга и поставить в известность о затевавшемся, потом подготовить Ланаскол, прежде чем все это выплеснется через край.

Кенрик все спланировал, пока спускался по ступенькам. Правы были заговорщики, говоря, что пешком да при контроле с воздуха Пиратами преодолеть пустыню невозможно. Ведь с собой нужно нести продукты и воду.

Следовательно, был только один выход: огненные черви! На них ездили, поскольку некоторые были под седлом. А раз кто-то мог ездить, сможет и Кенрик. Он должен это сделать.

Дойдя до выступа с креслом, он остановился. Ему в голову пришла еще одна идея, что пластина в кресле, находящаяся против головы оракула, каким-то образом связана с пророчеством. Он был уверен в этом, словно получил информацию из инструктажа. А если попробовать испортить ее, повлияет ли это на ход событий?

Он решил сделать это совершенно открыто, чтобы жрецам сразу бросилось в глаза разрушение. Он надеялся, что если его фокус наведет подозрения на кого-то из их союзников...

Предвкушая удовольствие, он осклабился. Его замысел даст даже двойной результат: провалит затею с оракулом и посеет в стане врагов раздор.

Кенрик быстро спустился вниз, спеша к ожидавшей его в туннеле Николь. Та с нетерпением поспешила ему навстречу.

— Дай-ка...— Выхватив оружие из ее рук, он повернулся.

— За тобой погоня?

Кенрик ничего не ответил ей, а прицелился в высокую спинку кресла и нажал кнопку. Пронзая воздух, в кресло ударил луч яркого света. Кресло со страшным шумом взорвалось и почернело, осыпая пол каменными обломками, словно под пластиной заложили взрывчатку. Ошеломленный результатом, Кенрик на какое-то мгновение застыл, на миг оглохнув. Придя в себя, он испугался за девушку и стал отталкивать ее назад, к туннелю, пытаясь тем самым заслонить от каменного дождя, который, к счастью, их не задел.

— Поскольку этот грохот привлечет сюда охрану, нам нужно действовать очень быстро,— сказал Кенрик и вкратце объяснил ей причину произведенного взрыва.— Мне хочется знать систему управления ездовыми червями,— закончил он, изложив свои дальнейшие планы.

Николь достала из руды орма свой шар.

— Облегчая гипнотическое внушение, этот шар дает контроль над человеческим мозгом,— сказала она.— Не знаю, окажет ли он действие на червя, но попробовать можно.

— Значит, можно до них как-то добраться, если используют для езды. Давай искать ход.

— А что будет потом, если допустить, что мы нашли ход и сели на них? — спросила девушка.

— Искать короля,— Кенрик обрисовал ситуацию.— Если предупредить его...

— Новый путь к победе на военном поприще! — засмеялась она.— Если заговорщики захотят узнать, кто их предал, каждый будет подозревать другого.

— При условии, если это сработает,— Кенрик притушил в себе растущее возбуждение, которое могло помешать ему трезво мыслить,— иначе все провалится. Нужно найти и вывести отсюда червя, преодолеть пустыню и, скрываясь от Пиратов, вовремя добраться до Кор-Кинга...

— А вот как раз то, что нужно нам в первую очередь,— неожиданно сказала Николь, показывая на туннель, ведущий к загону на открытом воздухе.

Подняв глаза к проходу, Кенрик увидел громадную трехглазую голову с судорожно подергивающимися ротовыми щупальцами, словно животное чего-то боялось. Его, очевидно, напугал взрыв. Кенрик еще крепче сжал бластер, потому что вид вылезшего из туннеля червя был устрашающим. Он мог броситься на людей, желающих сесть на него, охваченный страхом и яростью.

Николь подышала на шар, поднеся его к губам, затем пристально посмотрела сквозь него и подбросила вверх. Взлетев, шар приземлился перед червем слабой искоркой света.

Мотая безобразной головой, животное тут же остановилось, опустило голову, словно обнюхивая шар, и застыло с обвисшими щупальцами.

Быстрым движением руки Николь дала понять Кенрику, чтобы он оставался на месте и на всякий случай прицелился в средний глаз червя.

Она встала перед животным так, чтобы шар находился между ними, и стала что-то рисовать в воздухе, делая руками движения, похожие на плетение сети. Кенрик понял, что таким образом Николь пытается подавить мысли животного.

Через некоторое время она закончила свои действия, подошла к червю ближе и хлопнула в ладоши. Ожили вялые щупальцы червя, свернулись у него под подбородком в клубок, и он, сгибая суставчатые ноги, тяжело присел. Когда брюхо его легло на землю, Николь наклонилась и подняла шар. Кенрик помог ей сесть в седло, сел перед ней сам и взял поводья. Для червя это, видимо, служило сигналом, так как он моментально поднялся.

Кенрик направил гигантского червя по коридору, по которому они шли вначале, правя им, как лошадью. Двигался червь быстро и точно, иногда боками задевая и приглаживая поверхность стены, уже достаточно выглаженную многими поколениями червей. Добравшись до озерца перед лестницей, они спешились, вдоволь напились сами, напоили червя, сожалея, что нельзя взять воду с собой.

По лестнице они поднимались пешком. Впереди шла Николь, неся шар, как маяк. За ней, намотав поводья на руку, шел Кенрик. Позади, тяжело вздыхая, тащился червь, с трудом преодолевавший подъем. На всех давил груз усталости, так как с того момента, как они пришли в себя в пустыне, ни Кенрик, ни девушка еще не спали. Находясь под землей неизвестно сколько времени, они затруднялись сказать, что сейчас наверху — день или ночь. Ноги Кенрика отяжелели так, словно он прошел пустыню по щиколотку в песке.

Девушка качнулась вперед и упала, несмотря на то, что упиралась рукой в стену. Кенрик помог ей подняться и посадил в седло, а сам, поддерживая и одновременно направляя животное, взялся

за край пластинчатых доспехов червя. Ступеньки окончились, отнимая у него последнюю силу. Он забрался в седло.

Разные стены уносились назад так быстро, что у Кенрика создалось впечатление, что он спал прямо на ходу, подобно усталым солдатам. Но как только червь остановился, он мгновенно очнулся и осмотрелся. Не было светящихся резных стен, а только серовато-тусклый свет над ним да барьер из обломков камней.

Они стояли в пустыне у осыпавшейся ямы, через которую попали в туннель. Кенрик потянул лежавшую в седле девушку, хрипло окликая. Она зашевелилась и попыталась его оттолкнуть, что-то забормотав. Червь хрюкнул и, полагая, что всадница, лежавшая в седле неподвижно, сейчас слезет, присел. Но она не слезла, а просто скатилась и осталась лежать, чуть-чуть приоткрыв глаза. Она, очевидно, как и Кенрик страдала от жажды. Но воды негде было взять, и Кенрик от отчаяния ударил червя по плоскому боку. Где был его разум? Нужно немедленно вернуться в нору, чтобы поискать другую дорогу...

Покачнувшись, Кенрик свалился в песок. Девушка снова закрыла глаза. Гигантский червь слегка шевельнулся. Все трое уснули.

* * *

Просыпался Кенрик медленно, с ощущением, что кто-то трясет его за плечи и окликает, чтобы разбудить. Голова его билась о скалу, он ничего не видел и в попытке защитить глаза старался поднять руку.

Ослепительный свет лился из зияющего отверстия. Склонившаяся над ним Николь облегченно вздохнула, отпуская его плечи и протягивая половинку плода. Брызнувший в лицо сок разбудил Кенрика окончательно. Он жевал, утоляя и голод, и жажду одновременно, зарывшись лицом в мякоть плода. Обглодав жесткую корку, Кенрик стал оглядываться, ища вторую половинку.

— Осталось мало,— ответила Николь на его молчаливый вопрос,— а червь тоже голодный. Чтобы проложить путь, ему нужен стимул, а это — пища.— Она указала на отверстие в оползне.

— Пища, а не шар?

— Некоторые плоды для нас слишком перезрели,— ответила Николь, кривя губы в подобии улыбки.

В мешок, сделанный из платья, она сложила остатки плодов, отложив в сторону заплесневелые и загнившие, которые потом завернула в обрывок тряпки и выбросила в отверстие.

— Я вскарабкалась на барьер, нашла щель и сунула туда приманку, но червь, чтобы достать ее, пробил барьер. А теперь,— она посмотрела в отверстие,— он доедает остатки своего обеда.

Решение на редкость простое, и Кенрик вздохнул глубоко. Он совершенно забыл про мешок с продуктами, так сильно устал. Но кроме усталости его сознание поглощали чисто мужские заботы.

— Не бойся, червь не убежит,— успокоила его Николь.— Он питается для нас уже негодной пищей. Вероятно, они привыкли к тому, что их кормит человек, уже с давних пор.

— Сколько времени я спал?

— Я не знаю, так как тоже спала. Проснулась я ночью, а сейчас день. Мы можем двигаться. Пока едем, ночь будет нам укрытием.

Кенрик кивнул в знак согласия.

Они пролезли в отверстие и оказались в пустыне. Червь, не торопясь, жевал брошенное Николь гнилье, но тут же подогнул ноги, завидя их. Они уселись в седло и тронулись в путь. Николь показала на уходившую в небо острой вершиной голубую скалу.

— Я помню ее. Оставившие нас здесь люди повернули в ту сторону, но пошли ли они в Ланаскол или в Храм Орма, я не знаю. Нам бы только выбрать правильное направление. Я найду дорогу, лишь только появятся звезды, ибо чтение звезд — часть моего колдовства. Я знаю звезды, располагающиеся над Ланасколом, поэтому нужно подождать.

Тяжело задвигался червь, словно готовясь в путь, и Кенрик заколебался. Фантастические обнажения породы были им хорошим ориентиром и могли уберечь их от бесполезного хождения по кругу. Кенрик был в нерешительности, не зная, какой путь избрать.

— Судьба слишком долго была к нам благосклонна,— сказала наконец Николь.— Нужно идти наугад, лучшего пути я не вижу. Давай выберем путь и проверим, приведет ли он нас в Ланаскол?

Кенрик привел в движение червя, натянув поводья. Хотя с момента вылупления из яйца червь по песку не ходил, он явно был предназначен именно для таких путешествий. Широкая мягкая подошва суставчатых ног этого истинного порождения пустыни позволяла легко идти даже по песку.

Оставив руины далеко позади, они пробирались вдоль скал, пока не выбрались на состоявший из песчаных дюн участок, хотя встречались тут скальные обнажения, которые были похожи на череп с обломанными челюстями, выбеленный солнцем. Мучившее их в начале путешествия солнце теряло силу. Начинало смеркаться.

Правя к подножью скал, Кенрик все время думал о прямой линии, по которой они продвигались до сих пор. Он наметил другую цель, надеясь на скорое появление звезд.

Вскоре стемнело настолько, что стало трудно ориентироваться. Поднялся холодный ветер, пронизывающий до костей. Сожалевший об отсутствии плаща Кенрик неожиданно вспомнил о Николь, которая мерзнет еще сильнее, поскольку пожертвовала своим платьем.

— Прижмись ко мне и нам станет теплее,— предложил он.

Николь послушно прильнула к нему, продолжая глазами обшаривать небо, мерцавшее первыми звездами.

— Вот она, звезда-ориентир! Мы доверились судьбе и оказались правы. Пойди мы чуть левее, то не увидели бы этого яркого отблеска, являющегося вершиной треугольника, а в основании с двумя менее блестящими точками...

Да, созвездие вырисовывалось достаточно ясно.

— В Ланаскол нас приведет Стрела Атту,— продолжала тем временем Николь.

Им не долго пришлось дышать пылью, так как вскоре ветер утих. Червь продолжал идти, не чувствуя усталости. Время от времени он сворачивал то вправо, то влево, чтобы обойти острые скалы, но тут же, повинуясь поводьям, выпрямлял путь.

Николь прислонилась к Кенрику и дремала, чему он был искренне рад.

Он не знал времени наступления рассвета, но о его приближении догадался по бледно-лимонному небу, которое начало темнеть до оранжево-желтого цвета, да по вновь поднимавшейся жаре. За его спиной зашевелилась Николь. Крепко державшиеся за него руки опустились.

— Покорми зверя,— попросила она хриплым шепотом.

Все правильно. Он откажется везти их, если его не покормить. Червь присел, как только Кенрик бросил поводья, и захрюкал, словно что-то выпрашивал. Сойдя на землю, Николь отошла чуть в сторону и развязала мешок с продуктами, от которого пошла страшная вонь. Но червь завернул голову на этот запах и, раскрутив щупальца, задвигал ими в предвкушении этой гнили.

Порывшись в мешке и выбрав один плод, девушка разрезала его острым краем скалы и обнажила перезревшую мякоть, большую часть которой кинула червю, оставив себе самую малость.

— К сожалению, оставшиеся плоды испортились,— проговорила она мрачным голосом.— Для следующей кормежки червя мы немного оставим, а для нас...

— Подожди!— Кенрик вытянул руку вперед, тем самым привлекая внимание Николь к темной точке в небе, которая с каждой секундой увеличивалась в размерах. И как нарочно, ни одной скалы достаточного размера, чтобы спрятаться. Вдруг это Пираты?

— Садись! — Рванув девушку за плечи, он толкнул ее к червю, надеясь добраться до гребня скалы, видневшейся вдали.

ГЛАВА 6

Хотя животное и выражало протест кашляющим хрюканьем, но все же, повинуясь приказу двинуться вперед, покорно согнуло

ноги. Двигался он медленно, и они ничем не могли заставить его ускорить движение, пока не донесся пронзительный визг с неба.

Чешуйчатое тело на долю секунды сжалось от внутренней конвульсии, потом снова вытянулось, и животное припустилось таким галопом, что всадники вынуждены были уцепиться за седло, чтобы не свалиться.

Визг повторился гораздо ближе и громче. Это был патруль Пиратов. Между широкими крыльями летящих ящеров Кенрик разглядел маленькие фигурки людей. Один из ящеров, видимо, ведущий, начал снижаться.

— Поводья!— Кенрик отбросил их Николь и схватился за бластер.

Он выстрелил. Ослепительно сияющий луч ударил по переднему ящеру, который тут же исчез в огненной вспышке. Вверх метнулась вторая рептилия, летевшая недалеко от лидера, и Кенрик выстрелил второй раз. Но этот выстрел прошел мимо цели, так как червь в этот момент сделал неожиданный рывок. Ящер с пронзительным визгом отклонился, но луч все же слегка задел его, и он поднялся вместе со стаей вверх, тяжело махая крыльями.

Не имея представления о дальнобойности этого оружия, Кенрик выстрелил еще раз, но расстояние было слишком велико. От взлетевшего справа и впереди гейзера из песка и гравия поднялась волна пыли, заслонившая цель от глаз Кенрика.

Ослепленные, они не могли пробиться под сомнительную защиту скал, так как бомбардировка сверху продолжалась, окружая их барьером из песка и земли. Вертевшийся и мотавший головой червь внезапно остановился и так сильно встряхнулся, что всадники не успели оглянуться, как оказались на земле, в песчаном шторме.

Кенрик вскочил на ноги и рванулся к червю. Одной рукой он уцепился за его пластину, заметив, что тот головой погружается в песок. Двигая ногами, животное закапывалось!

Что же делать? Потянуть поводья он не мог, так как передал их Николь, а если червь зароется в песок, то они станут жертвами Пиратов.

— Николь!— крикнул он в отчаянии.

Несмотря на то, что рот его забило песком, она услышала.

— Я здесь!

Ее согнувшуюся фигурку он разглядел с другой стороны червя. Она тянула за поводья изо всех сил, удерживая животное. Кенрик засунул бластер за пояс, перебрался на ее сторону и стал ей помогать. Время от времени ему приходилось отстреливаться, давая понять Пиратам, что они настороже. Атака прекратилась, а с ней и вызванный ею песчаный шторм. Но Пираты продолжали крутиться вне досягаемости, хотя Кенрик так их и не видел.

Взошедшее солнце принесло зной. Их червь лучше бы подумал о чем-нибудь другом, чем о своем самосохранениии. Они, оставшись здесь, скорее всего, умрут, не дождавшись вечера. Врагам победа в этой односторонней битве будет обеспечена, стоит им только пригвоздить их к месту.

Червь наконец немного успокоился и высунул из песка переднюю половину тела. Кенрик немного расслабился.

— Тебе помочь?— спросил он у Николь.

— Да, если червь не поднимется. А ты что хочешь делать?

— Посмотрю, чем это они взбаламутили песок.

Зигзагами Кенрик подобрался к куче земли и песка, держа бластер под мышкой. Он обнаружил яму без единой песчинки, из которой поднимался небольшой смерч. На дне этой ямы лежал металлический предмет, отражавший солнце. Прикладом бластера Кенрик перевернул его, чтобы получше рассмотреть.

Как он и предполагал, эта штука была сделана не в Валлеке. Это был тонкий диск, закругленный с одного конца и загнутый вверх с другого, на котором находился вращающийся при движении гибкий круг из маленьких лопастей.

Кенрик слышал, что есть такое оружие где-то в Галактике, но видеть его не приходилось. Называли его овоидом.

Такое оружие вносило сильное смятение во время атаки. Сияющие лопасти овоида были, вероятно, необычайно прочными, если при вращении могли поднимать такой объем песка и земли. Следовательно, и Пираты имели такое оружие. Но если уж они использовали его для захвата двух человек, значит, свободно могли воспользоваться им и против армии. Если сбросить эту штуку рядом с отрядом короля или прямо на отряд, то можно очень легко перехватить по одиночке ослепленных и разметенных во все стороны людей.

Рядом с ним неожиданно упал овоид. Его мгновенно завертевшиеся лопасти начали врубаться в песок, поднимая такую пыль, что Кенрик был вынужден отскочить в сторону, прикрывая глаза рукой.

— Что это?— вскрикнула Николь.

Окруженный клубами пыли, Кенрик отступил назад, но наткнулся на червя и пригнулся, так как фонтан песка не иссякал. Было похоже, что овоид врезался в землю, где только можно. Кенрик огляделся, прикрыв глаза. Он увидел уже два фонтана, правда, они были гораздо ниже. Сколько же это будет продолжаться?

Кенрик подполз к лежавшей под защитой полузасыпанного червя Николь и рассказал о находке.

— Стало быть, у Пиратов на вооружении изобретения другого мира.

— Если они действительно из другого мира.

Но это, насколько он мог судить, был другой, чуждый мир с высоким технологическим уровнем.

Тем временем струя песка становилась все тоньше и тоньше, пока не иссякла совсем, но защиты от солнца не было. Пираты по-прежнему кружили над ними, хотя их осталось лишь трое. По-видимому, они решили, что главное сделано, а остальное доделает пустыня. Кенрик также не находил выхода, когда неожиданно услышал взволнованный крик девушки:

— Взгляни-ка! — Она отгребла от тела червя песок, и в воздухе распространился сильный запах.

Они начали раскапывать песок и обнаружили липкую жидкость, капавшую на песок из-под нижних пластин тела животного. Песок, смоченный этой жидкостью, затвердевал, как раковина, образуя стенку, которая тянулась по всей длине червя. Похоже, что червь при необходимости способен построить себе защитный туннель. Они переглянулись, и обоим пришла в голову одна и та же мысль, что продвижение червя под землей, вероятно, можно каким-нибудь образом контролировать...

— Шар!— вспомнила Николь о своей драгоценности.— А можем ли мы быть абсолютно уверены, что червь, даже если выкопает дорогу, выберет правильное направление?

— Конечно же, нет,— ответил Кенрик,— но это даст нам хоть какое-то укрытие от солнца и Пиратов. А может, и время выиграем.

Эта мысль воодушевила его.

Девушка подползла к голове животного, держа в руке шар. Червь приостановил закапывание, хотя раковина уже доходила до уровня его глаз. И эти находившиеся над поверхностью тусклые глаза увидели шар, который Николь поставила перед ними. Сможет ли она еще раз подчинить червя своей воле?

Наконец она подняла шар и повернулась к Кенрику.

— Не знаю...— Новый смерч, вызванный червем не дал ей договорить.

Червь заработал с такой же силой, что и овоид, только с гораздо большей скоростью, направив всю свою энергию на то, чтобы как можно скорее уйти под землю.

Животное уже скрылось из глаз, разметая во все стороны песок и землю, и его продвижение отмечала ложившаяся холмом над отверстием струйка земли. Заметили ли происходящее Пираты? Вдруг они захотят проверить... Кенрик стиснул бластер, готовый уцепиться даже за соломинку.

Нагнувшись над холмом, Кенрик заглянул в яму. Он увидел второй ряд выброшенной земли, а дальше шли гладкие стены, образованные выделениями червя. С одного бока был вход в туннель.

Итак, здесь была защищавшая от жары и наблюдения сверху потайная нора. Позвав Николь, Кенрик соскользнул в яму и помог спуститься туда девушке. Вход в туннель был по ширине туловища

червя, но он постарался и, покрутившись, сделал для них подобие комнаты. Их радости, что они наконец-то будут в тени, не было предела.

Протиснувшись туда и осмотрев нору, повторяющую форму червя, Кенрик выбрался обратно, боясь, что животное, продвигаясь дальше, задушит их выбрасываемой землей.

Они выигрывали время, но надолго ли? Сколько они продержатся без воды и фруктов, поддерживавших их раньше?

— Червь не зарывается? — спросила Николь.

— Нет. Спит, наверное. Мы сможем ночью...

— Если только доживем,— ответила девушка ничего не выражающим голосом.

— Пираты, потеряв нас из виду, могут снизиться, и у нас появится шанс. Когда они будут близко к поверхности, мы их встретим...

Увидев, что девушка закрыла глаза, дыша поверхностно и слабо, Кенрик решил, что она или не слышит его слов, или не хочет слышать. Но она, однако, ответила ему, не открывая глаз:

— Как гласит пословица, утро вечера мудренее, и это иногда оказывается правдой, лорд Кор-Кенрик. Давай спать.

Но он не мог, как она, уйти в сон, словно в убежище, поэтому решил довольствоваться ролью часового, но не для того, чтобы охранять, а просто хотелось быть наготове.

С оцепенением, которое навалилось на него, было трудно бороться, а оно мешало связно мыслить. Он пытался вспомнить все происшедшее с ним с момента его появления в Валлеке. Он пришел к выводу, что в штабе должны были уже давным-давно узнать, что он не оракул. Но если они знают, кто он сейчас, почему не организовывают возвращение?

Отправка агента в неверную точку, насколько ему было известно, могла произойти только в самые первые экспериментальные дни, теперь же это будет в обязательном порядке зафиксировано в получаемых ЦАТом конфиденциальных сведениях.

Была ли попытка послать другого агента, если с ним они промахнулись? А если была, то не совершили ли они ошибку, разрушив кресло оракула на Дороге Червя? А вдруг ту пластину жрецы использовали как-то по-другому? Если да, то как?..

Внезапно Кенрик проснулся. Он увидел сыплющийся в яму песок и понял, что именно вывело его из состояния сна. К вершине холма кто-то подошел. Придвинувшись к Николь и одной рукой прикрыв ей рот, чтобы она не могла издать никакого звука, другой рукой Кенрик потряс ее, пробуждая. Как только глаза ее открылись и взглянули вполне осмысленно, он показал на яму. Очевидно, подошедший тоже прислушивался, потому что песок перестал сыпаться.

Неожиданно к ним в яму влетел овоид, который моментально взбил землю своими лопастями. До туннеля облако пыли не дошло, но Кенрик решил, что эта завеса может послужить для иной атаки, и приготовил бластер.

Он не ошибся в своем предположении. В яму спрыгнула темная фигура, отшвырнувшая вращающийся овоид с дороги. Вылетел сноп огня, но Кенрик тоже успел выстрелить. Его выстрел был более удачен, и от атакующего начали отваливаться куски горящей плоти. Николь вскрикнула, заметив, что туника Кенрика горит, подожженная лучом, и начала сбивать тлеющие лоскутья. Кенрику повезло, ему только чуть опалило кожу, противник же был убит.

Опасение, что попытку могут повторить, заставило Кенрика поспешить к отверстию. Он провел бластером, как веером, по вершине холма, смахнув ее. Это яростное движение как раз и спасло его, так как раздался вопль боли. Кенрик увидел отшатнувшегося от отверстия человека, который закрывал руками лицо, и узнал в нем пирата.

А кто же был тот, лежавший в яме?

Кенрик подошел к нему и вгляделся внимательно. Хотя лицо убитого было уничтожено взрывом, видно было, что человек этот не из Ланаскола и не из Кевинов, так как кожа его была слегка зеленоватого цвета, а остатки волос — пятнисто-серые. Инопланетный гуманоид. С трудом сдерживая тошноту, Кенрик обыскал остатки одежды, напоминавшие космическую униформу.

Кроме остатков ремня с различными инструментами, большая часть которых уже расплавилась, он ничего не нашел. Ничего, что указало бы на происхождение этого человека. Его смерть дала им возможность завладеть тяжелым короткоствольным оружием, похожим на первое, но без телескопического прицела. Кенрик взял его для Николь.

Но в первую очередь его интересовало, каким образом до них добрался этот человек. Этому могло быть лишь одно объяснение: приземлившийся поблизости пират высадил его с летающей твари, которая кому-нибудь наверху подала тревожный сигнал.

Кенрик принял единственное возможное решение: перейти от обороны к атаке. Выстрелом из бластера он сплавил песок на вершине холма в гладкую поверхность так, что взобраться по ней было просто невозможно.

Он повернулся к Николь, которая рассматривала тяжелое оружие.

— Стреляй сюда... и сюда...

Повиновавшись, она прожгла вспышкой дыры для рук и для ног. С помощью этих дыр Кенрик выбрался из ямы и распластался на холме, держа наготове бластер. Прямо перед собой он увидел рептилию, готовящуюся к взлету, а между крыльями — вцепивше-

гося в стропы человека, слабо покачивающегося взад и вперед.

Кенрик выстрелил. Хотя пальца с кнопки он не снимал, вспышка оказалась очень короткой. Он повторил выстрел, но вспышки не было. Заряд кончился в самое неподходящее время.

Неудачный выстрел не причинил вреда твари, а только напугал и привел в такую ярость, что она сбросила своего седока и двумя-тремя ударами большого клюва убила его, а затем развернулась и понеслась прямо на Кенрика, не успевшего даже опомниться. Но он тут же пришел в себя и, бросившись назад, прыгнул в яму.

Взобравшийся на холм громадный ящер поднял столб пыли, подобно овоиду. Кенрик и Николь согнулись в туннеле, стенки которого под ударами ног и тела рассвирепевшего чудовища трещали и расходились. Ящер балансировал на краю ямы и вытягивал шею в попытке добраться до людей.

Выстрел Николь вызвал у рептилии глухой крик, и она рухнула в яму, заполнив ее полностью.

Неожиданно земля вздрогнула. Это зашевелился заснувший червь. Он опять начал закапываться. Люди оказались в ловушке. С одной стороны на них посыпался шквал песка и земли, а с другой — визжал и бился в агонии чудовищный ящер, который своей тушей блокировал выход.

Последовал новый мощный толчок, похожий на землетрясение. Это рептилия просунула к ним клюв, раскидав вокруг входа землю. Они подались назад, в только что вырытую землю, но нацелившийся клюв все же дотянулся до Николь, расцарапав ей плечо до крови.

Затолкав девушку себе за спину, Кенрик приготовился к отражению третьей атаки, но вновь задрожавшая земля помешала нападению.

Ящер пытался встать и вылезти из ямы, но у него ничего не получалось, и он дико кричал и вертелся в бессильной ярости.

Используя драгоценную минуту отсрочки, Кенрик стал протискиваться мимо ящера, когда его дернула Николь.

— Посмотри!

ГЛАВА 7

Солнечный свет, ворвавшийся в туннель, был доказательством тому, что червь как зарылся, так и решил выбраться на поверхность. Они стали двигаться за червем, несмотря на то, что их душила рыхлая земля.

Неожиданно возникла новая туча песка, и их глазам представилась картина боя: громадный червь добрался до ящера, погребенного в яме. Поскольку летающие ящеры были плотоядными, а

черви нет, старая ненависть к врагам возникла с новой силой.

Песчаный водоворот вскоре прекратился. Они увидели червя, который склонил голову с яростно двигающимися щупальцами и следил за слабым движением под густым песчаным покровом.

Кенрик быстро взглянул наверх, но Пиратов не увидел. Очевидно, они покинули этот район, оставив одного на страже. Куда же они подались? Может, бомбить отряд Кор-Кинга?

Пока он раздумывал, Николь достала шар.

— Можем ли мы ехать...

— Должны!— ответил Кенрик неуверенно, так как сомневался в возможности контролировать червя после такого сражения.

Все стихло, холм был молчалив и спокоен, только червь продолжал горбиться над могилой своего врага. Но он моментально поднял голову, как только Кенрик взялся за поводья, и, свернув щупальцы в подобие бороды, с готовностью подогнул ноги, предлагая людям свое седло.

Еще перед нападением Кенрик выбрал направление, которое указал червю с помощью поводьев, и тот качающейся походкой возобновил движение.

Внезапно у Кенрика возникло ощущение, что с его глазами происходит что-то непонятное, и он подумал, что на него сильно действует жара, давая возможность видеть несуществующее. Но как только он прищурился, тотчас же понял, что это не обман зрения: справа, недалеко от вершины одной из скал вспыхнул свет. Хотя наверху не было видно ни одного пирата, но от основания скал поднимался хорошо знакомый ему смерч.

В плечо Кенрика вцепилась Николь.

— Это сигнал!

— Похоже,— буркнул он.

— Ты что, не понимаешь? Это сигнал Ланаскола!

— А вдруг это изменники...— предположил он, сам не веря своим словам.

У него возникло сильное желание ощутить в руках оружие, которое в данный момент бесполезно лежало в седельных ножнах, но увы... желание и осуществление — две разные вещи. И он повернул червя на мигающий свет.

Песчаный шторм, бушевавший у подножья скалы, прекратился; очевидно, зарядка овоида была рассчитана на определенное время. И теперь появилась возможность разглядеть выскочивших из-за скалы людей.

— Лорд Кор!

Человек шел по песку, с трудом вытаскивая ноги и глядя то на Кенрика, то на гигантского червя, словно не верил своим глазам.

— Я слышал, что люди, попавшие в пустыню, иногда видят мираж,— сказал он,— но я уверен, что ты не иллюзия.

— Да, действительно, это я.— Кенрик опустил поводья, и червь присел.— Джирант, скажи мне — правда, что король идет именно этим путем?

— Правда. Мы — разведчики, а он позади. За нами с воздуха охотятся пираты. Они нас здесь захватили, применив неизвестное оружие, имеющее власть над песком. С помощью этого оружия они заставляют песок сражаться с нами. Они пока улетели, но обязательно вернутся. Нам нужно предупредить Кор-Кинга и его людей. Только скажи нам, лорд Кор, где ты был и что это за чудовище? Глаза короля в городе узнали, что тебя обманула колдунья...— Он повернулся в сторону Николь.

— Это неправда, леди Николь никогда не обманывала меня,— ответил Кенрик.— Нас обоих взяли в плен. Мне точно известно, что в Ланаскоде есть предатели, но это не колдуньи, уверяю вас. А теперь дайте мне лошадь...

— Лошади разбежались, как только началась песчаная буря.

— Но нужно добраться до короля, только как вас тут оставить...

— Не беспокойтесь, крепость в этих скалах надежная и выдержит любое нападение.

— Те, кто сражается вместе с Пиратами, имеют смертоносное оружие, бросающее огонь издалека,— предупредил Кенрик, доставая из седельной сумки бластер.— От такого оружия лучше всего укрыться за скалами.

— Понятно,— кивнул Джирант.— А они будут на таких же чудовищах, как твое?

— Очевидно, да, потому что этот из их конюшни. Как только появится возможность, я вам пришлю помощь...

— Спасибо, лорд Кор, но мы знаем обычаи человека, которому служим, поэтому нет надобности в этом обещании.— Джирант поднес ко лбу два пальца.— Пусть сопутствует тебе удача!

— Я не знаю, куда ехать. Подскажи направление.

— Видишь на юге каменную стену? В ней есть двойной проход с выступом в середине. Под этой стеной был наш последний ночной привал, поэтому держись ее, лорд Кор.

Кенрик сел на своего червя, и тот тут же начал свой неутомимый бег. Кенрик не спускал взгляда с неба, но Пираты пока не показывались.

Песок был не потревожен, значит, бомбежки не было. Жара понемногу спадала, но Кенрик все равно страдал от жажды, потому что постеснялся попросить у Джиранта воды. За его спиной, положив голову ему на плечо, прижалась Николь, страдавшая от жажды и голода не меньше его.

Переход затянулся. Ему казалось, что холм, к которому они стремились, находится совсем близко, но чем дольше они ехали, тем дальше отодвигался их ориентир, и только теперь он осознал,

насколько обманчиво расстояние в пустыне. Сзади до него доносилось дыхание девушки.

Внезапно перед ними заволновалась и закрутилась поверхность песка, и появилось множество огненных червей с вооруженными всадниками в седлах. Их червь вознамерился присоединиться к своим товарищам, и попытки Кенрика остановить его ни к чему не привели. Он подумал о том, что стоило хоть одному всаднику на них взглянуть, и от них останется только уголь, но когда он осторожно скосил глаза, то увидел, что бластеров у всадников нет. У них были черные трубки, стреляющие парализующими дротиками, длинные пики, боевые мечи — короче, обычное вооружение Валлека. Где же, в таком случае, бластеры? Может, их было слишком мало для вооружения такого отряда? А может, хозяева этого оружия просто не доверяли своим союзникам? Очевидно, для деморализации сил Ланаскола было вполне достаточно одного только вида этих червей.

Не выказывая никаких признаков усталости, их червь упорно пробивался вперед, в авангард отряда. Так как отряд двигался не торопясь, один червь мог совершенно спокойно обогнать его, не привлекая ничьего внимания.

— Пригнись ниже, как только можно,— попросил Кенрик девушку и сам согнулся почти вдвое, так что от запаха червя щипало глаза и ноздри, а по лицу хлестала грубая шерсть.

Возбужденный обществом себе подобных, червь мчался раскачивающимся галопом, отчего его пассажиров мотало из стороны в сторону.

Кенрик не решался посмотреть на всадников, окружавших его. У них было дело особой важности и неотложности, и он уповал на судьбу, надеясь, что она им поможет.

Внезапно червь затрясся, послышались крики, песок закрутился рядом с ними, и они оказались в самом центре атаки. Кенрик вцепился в седло и закрыл глаза, но червь так резко остановился, что они мигом очутились в песке. Смутно осознавая, что червь снова станет зарываться, Кенрик отпустил поводья и вместе с Николь отполз в сторону, к скале, надеясь укрыться от крутящегося песка. Он уцепился за камень, Николь за него, и оба закрыли глаза.

Он не знал, сколько времени продолжалась эта заваруха, когда почувствовал, что кто-то пытается оттащить его от скалы. Он попытался встать, не отпуская девушку, но не смог.

Открыв глаза, Кенрик увидел человека со знакомыми знаками на груди — стража Кор-Кинга — и хотел что-то сказать, но вместо слов из горла вылетел только хрип. К его губам кто-то поднес чашу с водой, которую он с жадностью осушил.

Утолив жажду, он тут же вспомнил о девушке. Его мозг пронзила страшная мысль, что она умерла, и, поднявшись с помощью стражника, он спросил:

— А где Николь?

— Посмотри, лорд Кор, она здесь...— Они расступились.

Николь лежала на земле, а один из стражников осторожно вливал ей воду в рот.

— Она жива,— кивнул он Кенрику.— Это просто обморок.

— Где король? У меня к нему важное сообщение...

— Он здесь, лорд Кор.

Повернувшись, Кенрик увидел прямо перед собой высокого человека, закованного в броню и в шлеме с эмблемой из драгоценных камней.

* * *

Осел последний песчаный смерч, солнце начало клониться к закату. Прислонившись к скале, на которой было множество выступов, удобных для сидения, Кенрик взглянул направо, где усаживался король. Холмы, разбросанные повсюду, указывали местопребывание спокойно отдыхающих под землей червей. Их наездники были либо убиты, либо взяты в плен в момент самозарывания животных, и теперь их допрашивали офицеры Кор-Кинга.

— Похоже, что они бросились в атаку,— заметил король,— абсолютно не подозревая о склонности животных прятаться под землей во время песчаных бурь. Все, что ты рассказывал о их подозрительности, явилось естественным результатом плохого планирования, а следовательно, не послужит укреплению взаимных симпатий.

— У них возникли подозрения уже после того, как я оружием чужеземцев сжег трон оракула, а теперь, когда новое оружие — овоиды, вместо победы принесло поражение, мне кажется, что ни о каком доверии к чужакам не может быть и речи, хотя нам нужно этого оружия опасаться.

— А еще измены в самой нашей сердцевине,— добавил Кор-Кинг, снимая шлем и потирая виски.

Теперь Кенрик рассмотрел его. Кор-Кинг принадлежал к тому же типу, что и все жители Ланаскола: красно-коричневая кожа и темно-рыжие волосы, лишь возле ушей виднелись серебряные пряди в два пальца шириной. Но, поскольку правильные черты лица короля носили следы большой ответственности и деятельной жизни, седина эта не являлась свидетельством старости.

Пока король разглядывал пустыню, Кенрик изучал его лицо. Этот Кор-Кинг, чье Правление так и останется неприкосновенным, чтобы в далеком от этих сумерек будущем, которое можно прочитать только на машинах другого мира времени, Валлек не стал грудой пепла, выглядел гораздо моложе своих лет.

Фантастический рассказ Кенрика король выслушал и принял спокойно, хотя его, по всей вероятности, одолевали сомнения. Он мог подумать, что его сын, так долго лежавший без разума, помутился рассудком и болтает невесть что. Наверное, настоящий Кенрик не был склонен к откровенности и не поощрял ее.

— Чужеземцам нужна руда орма, поэтому они хотят иметь дело со жрецами. Об исключительных свойствах руды мы давно знаем. Суеверные Кевины боятся, чтобы она не обернулась против них, поэтому готовы истолочь ее в порошок. Этой рудой пользуются и колдуньи. Да, Кенрик, говоря о колдуньях, я имел в виду Николь, которая для нас славно поработала. Поинтересуйся от моего имени о ее желании, и если это в нашей власти...— Король сделал жест обеими руками.

— Мне кажется, она не потребует вознаграждения.

— Очень возможно,— король мягко рассмеялся,— но награда приходит в конце. Кроме того, есть и другая женщина, которая, вертясь и выкручиваясь как могла, тоже работала на свой лад. Я имею в виду леди Яракому, о которой ты ничего не сказал, кроме того, что на совете жрецов присутствовал ее человек. Ты на удивление сдержан, хотя она в последнее время только о тебе и говорила.

— Ничего удивительного.

— Я тоже так полагаю. Она говорила, насколько я помню, что из-за раны ты все еще не в своем уме, поэтому и попал под влияние чар колдуньи, пользующейся тобой для своих грязных целей.

— И вы поверили этому?

Голос короля звучал ровно, и в нем ничего нельзя было прочесть. Неужели леди Яракома все еще пользуется влиянием?

— Просто это выглядело логично. О некоторых фактах, очевидно подтверждающих это, мне докладывали мои Глаза. К счастью, у меня есть Глаза более тайные, и один из них был направлен мной по определенному следу, как только мне стало известно о стычке на границе и о твоем тяжелом ранении. И тут выплыло такое, что дало мне возможность осознать свою полную слепоту. Как оказалось, леди Яракома и в прошлом была тебе ненадежным другом. Возможно, именно поэтому она так рвалась ухаживать за тобой, когда ты находился в тяжелом состоянии. Хотя, сказать по правде, наедине с тобой она никогда не оставалась.

— Мне, вероятно, следует быть ей за это искренне благодарным,— улыбнулся Кенрик и тотчас же услышал смешок Кор-Кинга, хотя в темноте его лица уже не видел.

— Твой брат, когда дело касалось женщин, кроме смазливого личика никогда ничего не видел, поэтому я на него не сержусь. А в общем — он достойный сын и храбрый человек, хотя вот этого,— он поднял шлем,— я ему не доверю, ибо в таком случае судь-

ба Ланаскола будет под угрозой. А если леди Яракому обвинить открыто, то она расколет королевский дом сверху донизу. Многие рады будут послушать произносимые ею тщательно подобранные слова. Так вот, может так случиться, что твой брат года на два поедет в варварскую и опасную страну для охраны западной границы и торговли с приморскими жителями. Свою наложницу взять с собой он не сможет, и она, в поисках утешения и поддержки, выразит желание удалиться на все это время в Башню Семи Молчаливых под опеку Мудрых Женщин.

Об этом месте Кенрик ничего не знал, но в том, что вероломная невестка будет находиться под неусыпным наблюдением Кор-Кинга, он ничуть не сомневался.

— Я думаю, для Леди этого будет достаточно,— сказал он.— А что со жрецами, чужеземцами и их союзом с пиратами и Кевином?

— Будем надеяться, что посеянные тобой семена раздора взойдут, тем более моим послушным Глазам дан приказ мутить воду, подливать масло в огонь, извлекая из всего этого пользу. Пираты, конечно, могут решиться штурмовать Ланаскол, но я в этом сомневаюсь. Без своего оракула жрецы Червя на некоторое время парализованы. Никто ничего внушить оракулу не сможет, так как твой детальный отчет будет широко распространен. И вполне возможно, что твой рассказ станет сагой, возвеличивающей наш Дом и его правление. Что же касается иноземцев, то ими займутся мои Глаза. Надо узнать о них больше, потому что нам известно только, что им служат черви. Наша природа и природа пустыни всегда были препятствием выходу за пределы пустыни, а если мы на червей посадим наших разведчиков, то это препятствие устранится.

Кенрик кивнул.

— Не все пойдет гладко, ибо одна стычка исход войны не решит, и ты это понимаешь как достаточно испытанный боец. Союз их теперь, я думаю, развалится, а поодиночке они для нас не страшны, мы возьмем их голыми руками. Я благодарю тебя за сообщение, Джиранта — за предупреждение сигнальными вспышками. Так всегда поступают храбрые люди — это мое личное мнение. Теперь мы можем возвращаться в Ланаскол, а здесь оставим разведчиков, посадив их на червей. Дома нам нужно дождаться возвращения подготовленных к набегам Пиратов или иноземцев Глаз. Ведь испокон веков человек думал о том, что далеко лежит, а осторожный — старался предвидеть, именно поэтому я и подумал о твоей колдунье, ибо около себя нужно иметь только таких.

Король, как показалось Кенрику, бросил на него многозначительный взгляд, и ему неожиданно расхотелось искать в словах скрытый смысл, потому что выполнить свою миссию так, как предполагала Служба, было не в его власти. Но, поскольку защита Ланаскола была крепкой, в правлении Кор-Кинга он был твердо уверен.

* * *

Комната, в которой между драпировками стоял Кенрик, была, пожалуй, чуть шире той, в которой принимала своих клиентов Николь, но не длиннее. Ткань пахла травами.

— Теперь нам осталось только вынырнуть,— не глядя на Николь, произнес Кенрик.— Король рассматривает меня как партнера в своих замыслах, поэтому заслуживает лучшего, а если меня отзовут, то ему останется или олух безмозглый, или мертвец. У достаточно умных людей это обязательно вызовет подозрения. Так и доложи. Такая информация даже ЦАТ встряхнет.

— Так и произошло,— ответила Николь.

— Да? Именно так? — Он повернулся, чтобы разглядеть выражение ее лица, но не смог, ибо она стояла в темном углу комнаты. Может, такую же маску, с которой она принимала своих клиентов, она приготовила для него?

— ЦАТ, если можно так выразиться, признался.

— В чем признался ЦАТ?

— В том, что переключатель в передаточной камере в последнюю минуту действовал по собственной инициативе ЦАТ.

— Ты понимаешь, что говоришь?— спросил Кенрик, шагнув вперед. Он не хотел верить, хотя в глубине его сознания давно притаился страх, что компьютер однажды выйдет из-под контроля человека и начнет действовать по-своему.

— ЦАТ подготовил другой посыл, исходя из заключения, что поддержка Кор-Кингу, которую могла оказать наша операция, важнее оракула...

— И поэтому выбрал меня, да? А Годдард знал?

— Нет, конечно. Никто не знал, пока тебя не переслали. Но самое главное, о чем они узнали позднее,— ЦАТ не настроил возвращение.

— Что?!

— Замена прошла по цепи, проследить которую они все еще не могут, поэтому твое возвращение небезопасно. Попытку может постигнуть неудача, поэтому, мне кажется, ты не станешь рисковать.

— Нет, конечно,— почти рассеянно ответил Кенрик, пытаясь осознать, что ЦАТ сделал с ним. Надежды на то, что они быстро найдут эту цепь, нет. ЦАТ просто-напросто ее скроет.

— Но это еще не все,— сказала Николь.— Когда я спросила ЦАТ о состоянии дел, он прервал со мной связь.

Когда прошел первый шок, Кенрик уже мог мыслить спокойно.

— Выходит, я стал вроде бы как добровольным п о с т о я н н ы м а г е н т о м. Что ж, как видно, мне придется идти этим путем.

— Тебе он очень подходит.

Николь подошла к окну, и стало заметно, что с ее лица полностью сошли следы их пребывания в пустыне.

— Не призывай на ЦАТ гнев богов Валлека...— он сделал неудачную попытку засмеяться.— Ладно, нет больше Грида Трапнелла, а есть настоящий Лорд Кор-Кенрик. Ну что ж, пора выступать под этим именем.

— А именно?

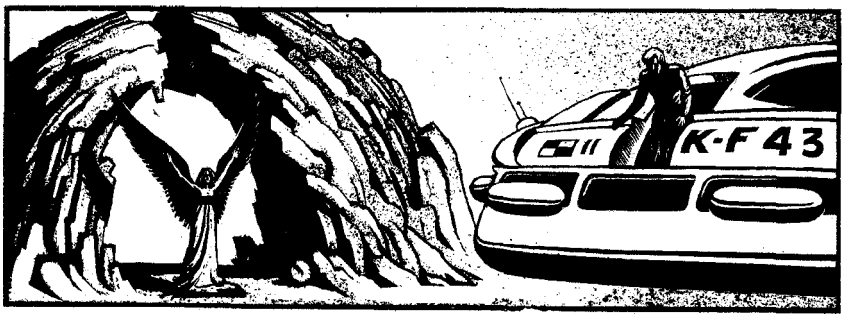
— Король желает, чтобы ты вошла в его семью. Он откровенно разговаривал со мной прошлой ночью. Мне понятны его заботы. Поскольку леди Яракома едва ли делала честь клану, ему для брачных уз с родом Кор хотелось бы самому выбрать женщину.

Глаза Кенрика напоминали руду орма, хотя лицо оставалось спокойным. Усмехнувшись, он подошел к Николь и сказал:

— Хоть король и хитер, но он прав. Мне кажется, что я смогу помочь ему возвыситься, даже если воспротивится ЦАТ!

Кенрик замолчал, имея на то свои причины.

Фантастические рассказы



МЫШЕЛОВКА

То, что я наблюдал на Марсе, подобно старому анекдоту, где тип, смастеривший самую лучшую мышеловку, едва справился с дельцами, которые проложили федеральное шоссе прямо к двери его дома.

Гиды туристических групп называли Сэма Леваттса «пауком пустыни», следуя местному колориту, хотя для него более подходило определение «спившийся забулдыга». Занимаясь горными изысканиями, он излазил все сухие земли за пределами Террапорта вдоль и поперек. Результатами этих вылазок были «Звездные камни», «Гормельская руда» и разные мелкие безделушки. Получаемый от их продажи доход позволял ему сводить концы с концами и пить не просыхая. Надравшись до чертиков, он вновь созерцал видения и грезил наяву. И когда, напившись в очередной раз, он начинал заплетающимся языком описывать виденную им «прекрасную леди», это относили к очередной его галлюцинации. Тем более, что никаких леди в Террапорте не было и в помине, а те особы женского пола, которые встречались в клоаках, удостаивавшихся внимания Сэма, никак не подходили под это определение.

Так Сэм и просуществовал бы в роли мирного созерцателя грез, если бы не встретил Лена Коллинза. Вот тогда и началась эта операция под названием «Мышеловка».

О «песчаных монстрах» немало наслышан любой самый темный турист, прибывающий в Террапорт и садящийся в пестро раскрашенный пескоход. Их уцелело не так уж и много. Несмотря на то, что эти монстры совершенно спокойно переносят песчаные бури и огромные перепады температур, они рассыпаются в прах при малейшем прикосновении к ним пальцем. Поэтому они охраняются так, словно являются частью сокровищ Марсианской короны, на которые лет двадцать назад наткнулся Черный Скрэгг.

Желающим полюбоваться, например, «Бронированной жабой» или «Человеком-пауком» предусмотрено расстояние в двадцать футов. Смотри, любуйся, но не приближайся — схлопочешь электрошок и очутишься вверх копытами.

С того времени, когда под чьими-то руками рассыпался первый монстр, музеи родной планеты установили общую премию. Они надеялись, что отыщется такой человек, который найдет способ сцементировать песчаных чудовищ для их транспортировки, поэтому время от времени повышали размер премии. И когда сошлись пути Сэма Леваттса и Лена Коллинза, премия исчислялась астрономической цифрой.

Многие пытались решить эту задачу. Первыми занялись этим, разумеется, те, кто был занят в сфере производства клеев, пластиков, аэрозолей. Годы ушли на это. Но всех, кто выходил из ракет, возвещая миру о потрясающих свойствах клейкости своего очередного изобретения, ожидало горькое разочарование. Все уцелевшие монстры находились под бдительной опекой Космического Десанта, переписанные и застрахованные, поэтому изобретения не на чем было испытать.

Но Лен Коллинз и не надеялся добраться до этих сокровищ. Вместо этого он пришел в самый любимый притон Сэма, разыскал там его и начал поить раз за разом. Не прошло и получаса, а Сэм уже считал его другом по гроб жизни. Приняв пятую дозу, он начал свои излияния о Прекрасной Леди, обитающей в тени двух Красных скал. При этом он размахивал ослабшей рукой, пытаясь указать направление.

Ощутив тягу к прекрасному, Лен тотчас же пожелал приобщения к этому возвышенному идеалу и с этого вечера привязался к Сэму намного прочнее, чем обитатель Луны к своим кислородным баллонам. А следующим утром на зафрахтованном Леном частном пескоходе они покинули Террапорт.

Через две недели в город тихонько прокрался Коллинз, заказал беспересадочный билет до Нью-Йорка и, забурившись в отеле, просидел там до того момента, когда началась посадка на ракету.

Четырьмя ночами позднее в «Пламенной Птице» объявился измученный бессонницей Сэм со страшным солнечным ожогом на подбородке. Но самое удивительное, что он был абсолютно трезв и холодно злобен — впервые в истории Марса. Сев за столик, он просидел весь вечер, употребляя минеральную, напугав тем самым парочку родственных душ до умопомрачения.

Прекрасный сюжет для хорошего телевизионщика, умеющего внимательно смотреть и использовать любую возможность!

Раз в неделю по вечерам я совершал обход всех имеющихся здесь злачных мест, подыскивая нечто колоритное для наших шестичасовых передач. И эта внезапная смена пристрастий у Сэма

явилась самым многообещающим и распаляющим любопытство сюжетом, одним махом перечеркивающим найденное ранее. Поскольку, строго конфиденциально, наша передача предназначена для семейной и туристической публики, я приступил к прощупыванию Сэма. Но на все попытки слышал лишь рычание.

Тогда я решил нанести удар ниже пояса. Как бы между прочим, я сказал, что у всеми любимого монстра «Муравьиный Король» людьми из Бюро Путешествий Трех Планет обнаружен еще один мастер по цементу, находящийся в шоке.

Сэм с отсутствующим видом сделал глоток минералки, погонял ее языком во рту, проглотил и скорчил такую гримасу, которой можно было бы распугать всех монстров. После этого он обратился ко мне:

— А что думают ученые по поводу происхождения этих монстров?

Я недоуменно пожал плечами.

— Поскольку они не имеют возможности изучить этих чудовищ без того, чтобы их не разрушить, то все их объяснения не стоят выеденного яйца. Поэтому, как известно, и назначена такая огромная премия за изобретение способа сохранения этих монстров для исследования.

Ни слова не говоря, Сэм сунул руку в карман комбинезона и достал какую-то картонку. Это была довольно четкая фотография, хотя и снятая при недостаточно хорошем освещении.

Она изображала две огромные скалы, изогнутые по направлению друг к другу и образующие почти завершенную арку, под защитой которой стояла женщина. Ее стройное тело, как и у лучшей половины человечества, обладало отчетливыми изящными линиями, только за спиной у нее находились распростертые в величественном взмахе крылья. Создавалось впечатление, что она уже стоит на цыпочках и вот-вот взлетит. Глядя на ее неразличимые черты лица, можно было сразу сказать, кто она на самом деле, ибо у всех песчаных монстров вместо тонких черт были лишь контурные намеки.

— Где?..— спросил я.

— Теперь уже нигде,— ответил Сэм, сплевывая.

С угрюмым заострившимся лицом он выглядел старше лет на десять и гораздо крепче обычного.

— Нашел я ее года два назад. В отличие от остальных, она была совершенством, поэтому я все время возвращался, чтобы посмотреть на нее. А этот...— Сэм изрыгнул такой поток великолепной космической словесности, какую редко доводилось слышать,— ...этот гад Коллинз споил меня и, воспользовавшись моим состоянием, заставил показать ее местонахождение. После этого он вырубил меня, опрыскал ее каким-то дерьмом, чтобы погрузить в песко-

ход... Она продержалась не более пяти минут и...— Он сцепил пальцы.—...подобно остальным, превратилась в пыль.

Обнаружив, что неотрывно разглядываю фотографию, я вдруг начал осознавать, что во мне пробуждается большое желание на несколько минут оказаться наедине с этим Коллинзом. До сих пор я видел лишь кошмарных тварей, без которых вполне мог обойтись, но эта, как правильно подметил Сэм, была просто прелесть. Единственная в своем роде. Ничего подобного мне видеть не доводилось, хотя, кто его знает, возможно, где-то еще есть такие, так как сухие земли не исследованы полностью.

Сэм кивнул головой, словно прочитал мои мысли.

— Можно попытаться поискать, вреда от этого не будет. У всех этих монстров я заметил нечто общее: они всегда встречаются возле красных скал, подобных этим,— он пальцем указал на фотографию,— поросших чем-то вроде мха зеленовато-голубоватого цвета.

Его взгляд снова уперся в стену кабака, но мне показалось, что его взор простирается гораздо дальше, за пределы этих стен и песчаных холмов Террапорта, в просторы сухих земель. Я догадывался, что Сэм выложил далеко не все.

Изображение на фотографии настолько крепко врезалось мне в голову, что следующим вечером я вновь посетил «Пламенную Птицу». Хотя Сэм не появлялся здесь, информация о нем имелась. Завсегдатаи кабака поговаривали, что он, набрав провизии месяца на два, отправился в пески.

Прошло время, уже несколько недель, но о Сэме ничего не было слышно. Зато мои сны стала посещать его крылатая женщина, вызывая ненависть к Коллинзу. Несмотря на неизгладимое впечатление, оставшееся от фотографии, я бы ничего не пожалел, лишь бы только взглянуть на оригинал.

Следующий год ничем особенным не отличался от предыдущих, если не считать трех длительных отлучек Сэма, результаты которых он тщательно скрывал. Бросив пить окончательно, он сумел подправить свои финансы, загнав пару привезенных из пустыни Звездных камней. Интерес к монстрам, а точнее, к проблеме вяжущего материала у него возрос еще больше. По словам пилотов, Сэм регулярно делал запросы на Землю по поводу новых статей по этому вопросу.

Пошли сплетни, что он свихнулся на этой почве, и ему дали прозвище «песчаного психа». Я старался не принимать всерьез все эти разговорчики, пока в одно прекрасное утро не увидел его выезжающим из города. И тогда я почти уверовал в правдоподобность этих слухов. К обычным водяным бочкам его исследовательского краулера была принайтовлена доселе невиданная мною штуковина. Это была огромная проволочная клетка.

Пока я пытался хоть как-то осмыслить увиденное, Сэм притормозил около меня, чтобы попрощаться, но, видя мои вытаращенные глаза, ухмыльнулся. В этой ухмылке я углядел что-то порочное.

— Чему удивляешься, парень? Просто я хочу заловить одну песчаную мышку. Будь спок! Головастому человеку наблюдения за песчаными мышами дают очень многое.

После этих слов я уже не сомневался в полной безнадежности Сэма. Поскольку марсианские песчаные мыши живут в песке, сложилось общее мнение, что вещество, распространенное в этих краях, служит им едой и питьем, следовательно, эти твари ни в одном своем проявлении не схожи со своими земными тезками, поэтому связываться с ними ни один здравомыслящий человек не станет. И теперь мне оставалось только гадать, в какую форму выльется его помешательство. Но когда после двухнедельного отсутствия Сэм вернулся с тем же оборудованием, за исключением клетки, и с той же ухмылкой на лице, я стал теряться в догадках. Конечно, если бы у меня был зуб на Сэма, то я бы наплевал на эту ухмылку, а так — просто не знал, что и подумать.

Тем временем снова появился Лен Коллинз и возобновил свои старые трюки — шатался по кабакам, прислушиваясь к разговорам изыскателей.

В момент появления Лена Сэм находился в городе, но, несмотря на это, они все же встретились. Заглянув как-то в «Пламенную Птицу», я увидел их, сидящими за одним столом. Лен, как и прежде, окружал его заботой и вниманием, а Сэм упивался импортированным с Земли виски, словно газированной водой из канала.

Завидя меня, Сэм придвинул к столу еще один стул и, к вящему неудовольствию Коллинза и к моему удивлению, настоял на моем присоединении к их компании.

Когда дело касается хорошей истории, я становлюсь толстокожим и меня ничего не волнует, а поскольку приглашение Сэма, как подсказывал мне мой опыт, сулило возможность услышать какую-то новую его тайну, я проигнорировал неудовольствие Коллинза и подсел к их столу.

Как только я устроился поудобнее, Сэм тотчас же поведал об открытии им нового монстра. Судя по его словам, это было нечто потрясающее, перед чем бледнеет даже крылатая женщина. Слушая это, Коллинз буквально истекал слюной и облизывался. Я попытался заставить Сэма замолчать, но все было впустую. В конце концов я уступил его настоянию присоединиться к экспедиции, чтобы своими глазами увидеть это великое чудо и удостовериться в правдивости его слов.

Не испытывавший нужды в деньгах, Коллинз горел нетерпением провернуть все как можно быстрее и не скупился на расходы, поэтому вместо пескохода мы взяли ветроплан. В кресло пилота

сел Сэм. Не знаю, как Коллинз, но я обратил внимание, что Сэм был пьян в гораздо меньшей степени, чем когда трепался в кабаке, поэтому позволил себе слегка расслабиться. Кроме того, у меня было предчувствие, что вся эта авантюра закончится благополучно.

Красные скалы, которые мы искали, являли собой довольно мрачное зрелище, торча из песка, как клыки. Мы не заметили никаких скульптур, и в этом ничего удивительного не было. Обычно они находились в тени этих утесов, поэтому с воздуха их было довольно трудно обнаружить.

Выйдя из приземлившегося ветроплана, дальше мы отправились пешком, увязая в песке по щиколотку.

Сэм, мурлыкавший что-то себе под нос и шатающийся больше обычного, неожиданно запел настоящим довольно приятным баритоном. Однако двигались мы без каких-либо затруднений.

Коллинз, несший небольшой, снабженный шлангом бак, так торопился поскорее испытать его, что буквально наступал Сэму на пятки и, как только тот остановился, врезался в его спину. Но Сэм этого, кажется, не заметил. Он показывал рукой перед собой и по-дурацки ухмылялся.

Сгорая от нетерпения увидеть крылатую женщину или что-то более удивительное, я проследил за направлением его руки, но ничего не увидел, если не считать клубов чего-то зеленеющего, выступающего из песка примерно на фут. Ничего, даже отдаленно напоминающего монстра, здесь не было.

— Ну и где же твое чудо? — спросил Коллинз, падая на одно колено, споткнувшись о Сэма, и роняя аэрозольное ружье.

— Оно перед тобой,— ответил Сэм, показывая на зеленоватое образование.

Когда Коллинз взглянул на этот отталкивающего вида нарост, его загорелое лицо превратилось в темно-пурпурную маску. Рассвирепев, он подскочил к зеленой кочке и от всей души крепко пнул ее.

— Ты иди...— зарычал было он, намереваясь произнести слово «идиот», но не успел.

В это же мгновение Сэм плашмя рухнул в песок, увлекая за собой и меня. Я начал отчаянно отбиваться, но его огромная лапища прижала мою голову, давя на загривок. Я трепыхался, заглатывая песок и гравий, словно наколотый на булавку жук, но с Сэмовой ручищей ничего поделать не мог.

Я услышал идущий со стороны скал приглушенный крик и какой-то странный чмокающий звук, но из-за Сэма ничего не видел. Но как только он отпустил меня, я вскочил и, сжав кулаки, намерился наброситься на него. Сэма рядом не было.

Подбоченясь, он стоял поодаль у скал, обозревая что-то с нескрываемым удовольствием.

Теперь там действительно был монстр — антропоидная фигура из красного материала и с размытыми чертами. Но все же это было довольно странное создание, не похожее на тех чудищ, которых я насмотрелся в свое время. Тем временем Сэм проворно поднял бак и направил шланг на монстра.

— Ну-ка, посмотрим, вдруг это его гениальное изобретение сработает!

Выпустив тонкую струю бледно-голубого аэрозоля, Сэм начал обрабатывать полусогнутую фигуру.

— Но...— я хотел было возразить, не переставая отплевываться, и вдруг меня озарила внезапная догадка.— Ты хочешь сказать, что это штука...

— Да, это Коллинз. Он любил пинаться, демонстрируя таким образом свой крутой норов, и ее пнул, когда она начала рассыпаться. На этом я и сыграл, потому что был уверен, что он и на этот раз поступит именно так. У этих зеленых сфер есть одна особенность: если их задеть и позволить скрытой внутри твари коснуться тебя, и — бац! — готовый монстр. Эту особенность я случайно обнаружил, спасаясь от песчаной мыши. Вероятно, она думала лишь о своем обеде, поэтому приблизилась к одной из этих тварей чересчур близко. Я и опомниться не успел, как вдруг — бабах! — и готово. Потом тоже самое произошло еще с одной мышью, которая преследовала меня и столкнулась с такой же пушистой сферой. Я перепрыгнул через нее на бегу, а она врезалась — еще один монстр. И только тогда я все понял. Ну а теперь, Джим, взгляни, кажется, на этот раз у него получилось!

Сэм пальцем ткнул в монстра, но он остался стоять. Статуя выглядела прочной.

— Выходит, что когда-то эти твари были живыми! — воскликнул я и тут же непроизвольно вздрогнул, вспомнив ужасный облик некоторых из них.

— Выходит так,— кивнул Сэм.— Только мне кажется, что не все они обитали на Марсе, так как было обнаружено довольно много различных видов. Думаю, не земляне первыми высадились здесь. Трудно представить, что гигантская жаба и человек-муравей когда-то жили вместе. Надеюсь, что в будущем смогу купить межзвездный корабль и тогда отправлюсь искать мир, откуда прилетела моя прекрасная леди. Бедняжка! Она не могла летать на своих крыльях из-за здешней слишком разреженной атмосферы.

Сэм помолчал немного.

— Послушай, Джим, помоги мне доставить это произведение искусства в Террапорт. Если ты помнишь, за нее учеными обещано огромное вознаграждение.

Его деловитость подействовала на меня заразительно, так что я подчинился ему без единого слова.

Надежды Сэма оправдались, чему я искренне обрадовался. За этого монстра он получил столько, что смог купить межзвездный корабль, на котором, не откладывая задуманное в долгий ящик, отправился странствовать. Теперь он находится где-то в районе Млечного Пути. Он верит, что когда-нибудь встретит свою мечту. А уникального монстра поместили в Межпланетном Музее на обозрение туристов, которые совершают паломничество сюда целыми толпами.

А я с тех самых пор стал избегать красных скал и зеленых пушистых сфер. Когда же мне приходится встречать предметы, вызывающие почему-либо мое неудовольствие, я никогда их не пинаю — себе дороже.

ТАЙНА «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРСА»

Имя Стины из Службы Космических Сообщений произносилось подобно титулу героини звездных видеосериалов, надоевших всем до чертиков. Можете мне поверить. Поскольку к написанию сценариев многих сериалов была приложена и моя рука, то я, разумеется, в этом понимаю толк. Но в отличие от грациозных и очаровательных созданий этих звездных видеосерий, Стина походила на бесцветную мучную пыль. Ни разу в жизни я не видел, чтобы она носила иную одежду, кроме комбинезона, висевшего на ней, как на вешалке, а ее волосы цвета серого гипса, по-моему, никогда не знали расчески.

Стина никогда не делала попыток изменить что-либо и довольствовалась второстепенной ролью, отведенной ей жизнью. Свободное время она предпочитала проводить в насквозь прокуренных портовых кабаках, которые довольно часто посещали пилоты межзвездных линий. Приходя сюда, Стина постоянно садилась в самый неприметный угол. Ее всегда можно было найти здесь, если возникала необходимость. Говорила Стина очень мало и больше слушала, а если уж открывала рот, то все посетители разом замолкали и начинали слушать ее с большим вниманием. В том, что Стина не бросает слов на ветер, не раз убеждались даже самые прожженные космические волки. Счастливчикам, которым удалось послушать Стину, навсегда врезались в память не только ее скупые слова, но и она сама.

Являясь первоклассным оператором на больших компьютерах, она не боялась остаться без работы и постоянно кочевала с места на место, из порта в порт, задерживаясь на какое-то время там, где ей взбредет в голову. Постоянно имея дело с машинами, она потеряла свою индивидуальность и со временем сама стала походить на них, серых и обтекаемых.

Именно рассказ Стины о ритуалах аборигенов Джованской Луны спас Баба Нельсона от смерти, всплыв в его памяти как предупреждение спустя несколько месяцев. Именно заявление Стины вызвало лихорадку, которая за одну ночь не только помогла увеличить состояние, но и обогатить тех, кто потерял всякую надежду, когда в кусочке камня, небрежно брошенного на стол Кини Кларком, она признала необработанный слайтит. И, наконец, тайна «Императрицы Марса», разгаданная именно Стиной.

Благодаря ее фотографической памяти и огромному запасу знаний многим повезло в жизни, поэтому им иногда хотелось отблагодарить ее хоть каким-либо образом. Стина категорически отказывалась принимать любые подношения, тем более кредитки, если они были дороже стакана минеральной воды из канала. Но единственным счастливчиком, избежавшим отказа, оказался Баб Нельсон, подаривший Стине Бэта.

В один из прекрасных вечеров, приблизительно через год после авантюрного происшествия на Джаване, Стина как обычно находилась в «Свободном падении», когда туда ввалился Баб с котом под мышкой. Бэт, очутившись на столе Стины, заурчал, выгибая спину, а она спокойно взглянула на него и еле заметно кивнула. С этого момента худая и невзрачная женщина и здоровенный кот стали неразлучной парой, путешествующей вместе всегда и всюду. И за все это время Бэту довелось ознакомиться с таким количеством портовых кабаков, какого не снилось даже иному межзвездному пилоту за всю его космическую службу. На любом столе, за которым бы ни сидела Стина, он чувствовал себя как дома. Любимым напитком Бэта стал вернальский сок, который он аккуратно пил прямо из стакана, научившись этому довольно быстро.

А теперь, как мне кажется, пришло время поведать вам чертовски интересную и правдивую историю, касающуюся Стины, Бэта, Клиффа Морана и «Императрицы Марса». Можете мне поверить — я собственноручно оформлял первую версию этой истории, находясь как раз там, где все это начиналось, в «Королевском Ригеле».

Близилась полночь, когда в кабак ввалился измученный неурядицами Клифф Моран. Находясь в сквернейшем состоянии, он имел такой вид, что краше в гроб кладут. Ни для кого не было секретом изобилие неприятностей, сыпавшихся на его плечи одно за другим. Всех удивляло и одновременно восхищало мужество и стойкость, с которыми он переносил все эти напасти, ибо даже половина их могла бы согнуть в дугу дюжину менее крепких парней. Последней неприятностью, о которой мы знали, являлся арест его корабля за неуплату долгов. Для Клиффа, пробившего свой жизненный путь с самого дна венапортских трущоб, потеря корабля означала возврат к начальному рубежу, к нищете, к потере надежды, к перспективе смерти под забором ночлежки.

Доведенный до отчаяния, он пришел в кабак, надеясь утопить свои горести в спиртном. Заказывая столик, он уже находился в таком состоянии, что даже легкое прикосновение вызвало бы у него звериное рычание.

Но появление на столе первой бутылки привлекло и первого гостя.

Из своего угла выползла Стина, пересекла зал и без всякого приглашения присела к столу Клиффа. На ее плечах пушистым воротником разлегся Бэт, обожавший такой способ передвижения. Ее появление сильно удивило Клиффа, и он на какое-то мгновение забыл о своих невзгодах, потому что Стина никогда не навязывалась, если была возможность остаться в одиночестве. Даже с нашей стороны, ей-богу, было бы проявлено гораздо меньше внимания, появись в этот момент в баре один из камнелюдей с Ганимеда, чтобы заказать себе выпивку.

Она отодвинула в сторону заказанную им бутылку своей худой рукой с длинными пальцами и произнесла:

— «Императрица Марса» возвращается.

Нахмурившийся Клифф закусил губу. Упорства у него было хоть отбавляй. Не всякому бы удалось сесть в командирское кресло космического корабля, находясь на самом дне венапортских трущоб. Для этого нужно быть сделанным из гранита не только снаружи, но и внутри. Но мы не знали его мыслей и могли лишь гадать об этом.

Такой куш, как «Императрица Марса», являлся пределом мечтаний любого звездолетчика. Многие пытались сорвать этот куш за пятьдесят лет ее блужданий по заброшенной орбите, но среди этих многих не было пока счастливчиков.

«Императрица Марса» была покинутой прямо в открытом космосе межзвездной прогулочной яхтой, набитой неисчислимыми богатствами. Экипаж и пассажиры загадочно исчезли, и этих людей никогда больше не видели. Время от времени яхту обнаруживали, вычисляли орбиту и даже высаживались на ней, но... Те из счастливчиков, кто отваживался войти внутрь яхты, либо бесследно исчезали, либо возвращались с единственной мыслью убраться от «Императрицы» как можно быстрее и по возможности подальше. Никто из побывавших там не мог дать какого-либо внятного описания виденного. Поэтому любой, приведший яхту на базу или же просто почистивший ее трюмы и каюты, стал бы обладателем довольно солидного состояния.

Клифф грохнул кулаком по столу и воскликнул:

— Отлично! Мне это подходит! Я готов!

Посмотрев на него своим спокойным взглядом, каким она смотрела на возникшего перед ней Бэта в первый день знакомства, Стина слегка кивнула.

Все, рассказанное мною, я видел собственными глазами, а остальное дошло до меня по частям спустя месяцы, когда я находился на другом конце системы.

Боясь получить бумагу об изъятии корабля, Клифф торопился и поэтому этой же ночью стартовал.

Занятый своими проблемами, он ничего не видел и лишь в открытом пространстве с удивлением обнаружил, что на борту находятся два пассажира. Это были Стина и Бэт. Что там произошло между Стиной и Клиффом — никто никогда не узнает, но я, зная привычки Стины, был уверен, что Моран никаких разъяснений не получил.

Она была здесь, потому что решила принять участие в этой игре. Вот и все. Возможно, Клифф подумал, что она имеет какие-то права, а может, решил плюнуть и не связываться, не знаю.

Как бы там ни было, но «Императрицу Марса» они увидели все трое. В черном пространстве внезапно возник сияющий мертвым светом бортовых маяков призрачный корабль. Помимо бортовых огней были включены и другие, даже носовой красный предупредительный сигнал, отчего корабль выглядел зловеще, словно населенный призраками «Летучий Голландец».

Демонстрируя высший класс мастерства, Клифф подвел свой корабль к «Императрице Марса» и без всяких усилий пристыковался к ее шлюзам с помощью магнитных присосок. Несколько минут спустя все трое ступили на борт покинутой яхты. Воздух, сохранившийся в ее кабинах и коридорах, имел еле уловимый гнилостных запах, заставивший Бэта принюхиваться. Но даже для человеческих ноздрей, менее чувствительных, он был заметен.

Клифф, разумеется, сразу же направился в пилотский отсек, а Стина с Бэтом начали осмотр яхты. Все двери в каюты были закрыты, и Стина, по мере продвижения, открывала каждую, окидывая быстрым взглядом внутреннее содержимое. Только в каюте, скрывавшейся за пятой дверью, она задержалась для более подробного исследования, как поступила бы любая женщина.

Кто именно обитал в этой каюте, когда «Императрица Марса» стартовала в этот бесконечный круиз, при желании можно было узнать лишь в архивных фоторегистрационных карточках, но в том, что это была женщина, сомневаться не приходилось.

Пол каюты был завален грудами радужных шелков, вытряхнутых из двух дорожных саквояжей. Туалетный столик заполняли разные коробочки: кристаллические, из ценных пород деревьев, украшенные бриллиантами. И несмотря на то, что там были и другие приманки, изобретенные на погибель женским душам, эти коробочки притягивали к себе Стину, как магнит.

Рассматривая содержимое туалетного столика, Стина совершенно случайно взглянула в зеркало... Взглянула и замерла.

За ее спиной находилась покрытая тонким шелковым покрыва-

лом кровать, в центре которой переливалась кучка драгоценных камней, словно кто-то, играючи, высыпал содержимое коробки с ювелирными изделиями. Бэт, стоя у изножья кровати с задранным хвостом, выгнул спину и следил за камнями и еще за чем-то.

Продолжая следить за отражением постели, Стина, не глядя, взяла первый попавшийся флакон с духами и сделала вид, что оценивает запах. Тем временем из кучи драгоценностей в воздух поднялся браслет, украшенный камнями, и начал вызванивать чарующую, но смертельно опасную песнь сирен. Создавалось впечатление, что им с ленивой грацией поигрывала чья-то невидимая рука. Но Бэт, не принявший какого-либо решения, не отступал, продолжая чуть слышно шипеть.

Вернув флакон на место, Стина поступила так, как не поступил бы ни один из тех рассказчиков-хвастунишек, чьи сногсшибательные истории она наслушалась в различных кабаках за долгие годы.

Она двинулась в обход комнаты, не выказывая ни малейшего беспокойства, ни единого признака спешки и, хотя дошла до кровати, драгоценностей даже не коснулась. Не смогла сделать этого. Она продолжала разыгрывать дурочку еще минут пять, а за это время Бэт принял решение.

Отпрыгнув от постели, он направился к двери, словно сопровождал что-то, держась на разумном расстоянии. Он дважды мяукнул, и Стина, следовавшая за ним, широко распахнула двери.

Бэт целеустремленно прошел прямо по коридору, подобно держащей горячий след гончей, а Стина, державшаяся сзади, удерживала шаг, словно никуда не торопилась. Нечто, шедшее впереди, было невидимым, но Бэта это не смущало.

Судя по всему, они направлялись в рубку пилота, почти наступая на пятки преследуемой невидимке, если они у нее, конечно, были. Внезапно Бэт изогнулся и застыл на пороге. Стина бросила взгляд на приборные панели, пилотские кресла, где работал Клифф Моран. Он даже не шевельнулся, видимо, толстый ковер заглушал и без того бесшумные башмаки Стины, и продолжал, напевая что-то сквозь зубы, проверять цепи управления. Очевидно, после многолетнего застоя механизмы реагировали на команды с задержкой и довольно неохотно.

Для человека в кабине никого постороннего не было, но не для Бэта. Он продолжал преследовать это движущееся нечто, явно не доверяя, ибо оно ему очень не нравилось. Вот он сделал шаг-другой. Его изогнутый позвоночник, каждый вздыбившийся волосок выдавал его явственное отвращение. И в тот же миг Стина увидела что-то, мелькнувшее темным силуэтом на фоне согнутой спины Клиффа, словно невидимка пересек пространство между ними.

Почему оно стало заметным только на фоне Клиффа, а не на

фоне стен коридора или сидений, или на покрывале постели, на котором в сидящем или лежачем положении поигрывала своей добычей? Что видел Бэт?

Стина стала ворошить хранилище своей памяти, служившее ей в течение многих лет верой и правдой, когдла со щелчком открылась почти забытая дверца. Резким движением она сорвала свой комбинезон и набросила на спинку ближайшего кресла.

А урчание и хрипение Бэта между тем усилилось. Испускаемые им горловые звуки являлись его боевой песней. Но вдруг, к удивлению Стины, он начал пятиться назад, к ее ногам, отступая от чего-то, с чем не мог сразиться, продолжая смотреть на это что-то с вызовом.

Стина подумала о том, что было бы хорошо, если бы Бэт смог заманить это к креслу со свисающим комбинезоном, чтобы оно оказалось на его фоне. Это был их единственный шанс, и кот должен это сделать!

Шум, производимый ими, очевидно, все же привлек внимание Морана.

— Что за...

Он встал с кресла, удивленно вытаращив глаза.

Зрелище было довольно впечатляющим. Перед ним стояла Стина с обнаженными плечами и руками и с распущенными волосами. Не обращая на него никакого внимания, она сжала зубы и сузила глаза, прикидывая и вычисляя их единственный и спасительный шанс. А извивающийся на брюхе Бэт завывал, как демон.

— Кинь бластер,— приказала Стина спокойным тоном, словно они продолжали находиться в кабаке «Королевский Ригель».

Поддавшись ее спокойствию, Клифф так же спокойно кинул ей оружие, которое она поймала на лету и тут же прицелилась недрогнувшей рукой.

— Стой на месте и не двигайся! — крикнула она Клиффу.— Бэт, замани его назад.

Бэт испустил последний горловой вопль, наполненный гневом и ненавистью, и нырнул в убежище между ее башмаками. Стина тут же сдавила бластер большим и указательным пальцами и выпустила заряд прямо в комбинезон, превратив материал в кучу пепла. Лишь несколько кусков продолжали невредимо трепетать над обожженным местом, словно нечто заслонило их от смертоносного разряда.

Подпрыгнувший вверх Бэт завизжал так, что вынудил их поморщиться...

— Что за...— снова начал было Клифф.

— Погоди! — Стина сделала предупредительный жест левой рукой, продолжая напряженно следить за действиями кота, который дважды обежал рубку с пеной на морде.

Внезапно он затормозил в дверях, оглянулся назад и, выдержав долгую томительную паузу, громко чихнул.

Стина и Клифф тоже почувствовали густой и маслянистый запах, непохожий на обычный запах, который оставляет после себя выстрел из бластера. Изящной походкой почти на кончиках когтей Бэт пересек ковер, возвращаясь в рубку, и, проходя мимо Стины, гордо поднял голову. Потом он несколько раз чихнул и дважды фыркнул в сторону несгоревших клочков комбинезона, как бы отдавая таким образом дань поверженному врагу, и начал с наслаждением облизываться, мыть лапками мордочку и приглаживать взъерошенную шерстку. Стина вздохнула с облегчением и опустилась в кресло пилота, протягивая Клиффу бластер.

— Объясните же мне наконец что здесь происходит, черт побери? — взорвался Моран, беря возвращенное оружие.

— Видишь ли, оно оказалось серое. Оно было серого цвета. Знаешь, я не различаю цветов, только оттенки серого, поэтому и смогла увидеть его. Мой мир весь серый, как и у Бэта, но у него есть преимущество. Он может видеть и ниже нашей полосы восприятия, и выше. Но, как оказалось, я тоже это могу.— Несмотря на дрожащий голос, Стина горделиво вздернула подбородок, и Клифф увидел на ее лице выражение осознания своей ценности, которого никогда раньше не замечал. Откинув назад свои удивительные волосы, она не спешила упрятать их под густую сетку.

— Когда эта тварь прошла между нами, она на фоне твоего комбинезона дала другой оттенок серого и образовался силуэт. Именно поэтому я ее и увидела. Решив, что это наш единственный спасительный шанс, я сбросила свой комбинезон, накинула его на спинку кресла и стала ждать появления этой твари на его фоне. Вот и все, Клифф.— Стина помолчала некоторое время, чтобы перевести дыхание, и продолжила:

— Мне кажется, сначала мы ее заинтересовали, и она, зная, что невидима для нас, нападать не торопилась. Зашевелилась она только тогда, когда Бэт своими действиями выдал ее присутствие. Дождавшись ее появления на фоне моего комбинезона, я выстрелила. Как видишь, все очень просто...

— Так что же, все-таки, это было? Я что-то не понимаю.

— Как мне кажется, «Императрица Марса» оказалась заброшенной именно из-за этой твари, проникшей или из космоса, или из какого-то другого мира,— пожала плечами Стина.— Поскольку ее цвет не воспринимаем для человеческих глаз, для нас оно было невидимым. Обитая здесь все эти годы, оно убивало, удовлетворяя свое любопытство.

Стина очень кратко обрисовала происшедшую в каюте сцену, когда странное поведение драгоценностей указало ей на присутствие чего-то неизвестного и таинственного.

— Ты думаешь, что эта тварь не единственная на борту? — спросил Клифф, продолжая держать в руке бластер, ибо такая перспектива его совсем не радовала.

Стина бросила взгляд на Бэта, спокойно совершавшего ритуал полного омовения.— Нет, не думаю,— ответила она.— Но если что, Бэт доложит. Он, кажется, ясно их видит.

На их счастье, других тварей на борту яхты не оказалось, и две недели спустя Клифф вместе со Стиной и Бэтом привели «Императрицу Марса» в лунные карантинные доки.

Таким образом кончается история Стины, которая, подобно счастливому супружеству, в летописях не нуждается.

Стина нашла человека, который узнал ее серый мир и разделил его с ней и Бэтом, не сочтя это для себя слишком обременительным. По-видимому, это был настоящий союз по любви.

Когда я в последний раз видел Стину, она была одета в плащ ригельской выделки красного цвета, а на запястьях — целое состояние из сверкающих джованских рубинов. Счета Клиффа в ресторане всегда выражались трехзначной цифрой, а перед Бэтом постоянно стоял ряд стаканов с его любимым напитком — вернальским соком.

Иными словами, счастливая семья на отдыхе...

ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ

— Что делать будем? — Лесли до боли сжала руки от желания бежать насколько хватит сил.

Только Рик не бежал, а спокойно стоял, как бы оберегая брата, чтобы тот не последовал за Мэтом, и держал Алекса за пояс.

— Делать ничего не будем,— ответил он медленно.

— Но люди спросят! Будет задана масса вопросов. Ты только оглянись.— Лесли указала на происходящее за его спиной.

Алекс изо всех сил боролся за свою свободу.

— Мэт! — извиваясь и колотя Рика кулаками, вопил он во всю глотку.— Пусти! Пусти меня к Мэту!

— Ты, креветка, послушай меня,— встряхнул его Рик.— Мэт ушел, и нам его не догнать. Пошевели мозгами и взгляни: ты видишь Мэта? Ведь не видишь?

Лесли удивлялась спокойствию Рика, потому что он принял все так, словно такое случается каждый день — вроде как ходишь в школу, смотришь телепередачу или еще что-нибудь в этом роде при полной безопасности. Как он может просто стоять и разговаривать с Алексом, словно он взрослый, а Алекс — надоеда, каким иной раз он бывает? Глядя на Рика с удивлением, она старалась не думать о случившемся.

— Мэт! — голос Алекса, прекратившего борьбу, прозвучал так, как будто он сейчас заорет. А если уж он орал...

Он мог кричать очень долго... Но тогда придется отвечать на вопросы. А если они скажут правду, никто-никто в мире не поверит им! Не поверят, даже когда увидят изменения здесь, в поле, и скажут, что у нее, у Рика и у Алекса помутился рассудок. И, возможно, отправят в больницу или куда-нибудь еще! От этих мыслей Лесли вздрогнула и перевела дух. Нет, правду они никогда не скажут! Если только Алекс может проболтаться или кого-нибудь спросить о Мэте. Что они могут поделать с Алексом?

Ее глаза вопрошающе смотрели на Рика, а он спокойно держал вырывавшегося младшего братишку, прижатого к его талии, глядя на него требовательно и выжидающе. Рик мог объяснить Алексу почти все, и Лесли это знала, но сможет ли он сделать это теперь?

— Креветка, послушай, Мэт ушел,— Рик, обняв Алекса за плечи, сел на землю.— Мы с Лесли пойдем в школу...

— Придет автобус, а вы должны меня караулить,— фыркнул Алекс,— значит, пойдете домой,— лицо его осветилось.— А Мэт вернется? Он в школу пошел? Только сегодня суббота, а по субботам ты и Лесли в школу не ходите. Так куда же ушел Мэт? А автобус где? Здесь только все сжевавший старый бульдозер, опрокинувшийся прямо на виноградник...

Он взглянул через плечо Рика на гибель участка.

— Нет,— сказал Рик твердо,— Мэт пошел домой, а не в школу. Помнишь, на Рождество к нам приезжали Питер с дядей Портером и тетей Фран? Они приезжали погостить. Вот и Мэт с Лиззи гостили у нас, а потом, как и Питер, ушли домой.

— Но Мэт сказал, что это его дом! — возразил Алекс.

— Это когда-то был его дом,— все тем же тоном взрослого сказал Рик.— Джимми Райк, например, жил в конце улицы, а потом, когда отца перевели в Сан-Луис, он переехал туда.

— Но Мэт был уверен! Он сказал, что это дом его! — нахмурился Алекс.— Он неоднократно повторял, что снова дома.

— Правильно, сначала говорил,— кивнул согласно Рик,— но потом он уже сомневался, что бывал здесь. Припомни-ка!

Алекс не завыл, как этого опасалась Лесли, хотя все еще хмурился. И она вдруг ощутила к Рику какое-то благоговение и даже гордость, что он смог удержать Алекса от истерики.

— Рик, хотя Мэт и знает многое, но машин почему-то боялся. Почему?

— Потому что он их никогда не видел. Там, где он живет, машин нет.

— Каким же образом они добираются в магазины, в воскресную школу и в обычную, и вообще куда-либо? — изумился Алекс.

— Просто у них другие способы, Алекс. Поэтому он и ушел

домой, так как боялся машин, а кроме того, понял, что дом этот — не его.

— Но я все равно хочу, чтобы он был здесь!..

— Мало ли, чего ты хочешь,— ответил Рик.— А Мэту было бы плохо здесь, потому что он боялся, тебе понятно?

— Ему было бы хорошо со мной. Мы стали бы вместе играть.

— А ты помнишь, что Мэт не хотел даже в дом заходить? А когда свет зажгли, что было?

— Он спрятался, а Лиззи ему все время твердила, что они пойдут обратно. Вот если бы не Лиззи...

Лесли подумала о Лиззи. Мэт не старше Алекса — что бы ни было написано на камне, явно не старше. А Лиззи и старше, и быстрее соображает. Ее тошнило от наших ответов на ее вопросы, но она верила в случившееся. Она была уверена в том, что нельзя сдвигать камень, чтобы это место еще кого-нибудь не поймало, чтобы никто туда не проскользнул через...

Через что? Лесли сделала попытку вспомнить все, что говорили Лиззи и Мэт о том месте, где они пробыли сто десять лет — с т о д е с я т ь, как написано на камне.

Этот камень они нашли, когда разыскивали Алекса после его побега. А искать его им доводилось довольно часто. Удирал он примерно в неделю раз, научившись открывать хитрые запоры.

Это было месяца через два после их приезда, еще до того, как в конце улицы построили новые дома. Сельская местность вокруг сначала всем очень понравилась, теперь же все изменилось и испортилось. Правда, пустые места недолго оставались пустыми — уже несколько дней с помощью бульдозеров люди начали их уничтожать, и в той стороне земля вся была изрыта, деревья и кустарники сломаны и выкорчеваны. Действительно ли Лиззи может остановить все это, как она говорила?

Как здесь было хорошо прошлой весной! Тут был огромный куст сирени и часть старого фруктового сада.

И этот камень был там. Они ходили смотреть, удивляясь каждый раз, хотя в нем было что-то пугающее.

Алекс первым обнаружил камень, когда убежал, хотя его скрывали кусты и высокая трава. Взгляд Лесли машинально повернулся в том направлении — камень все еще находился там, хотя это только казалось, а точнее угадывалось, так как лишь его уголок проглядывал сквозь листву.

Алекса они нашли в тот момент, когда он палочкой очищал высеченные на камне буквы от мха и грязи. Он даже не пытался удрать от них, как делал обычно, настолько был увлечен. Ему было очень интересно узнать, что написано на камне, и он попросил Рика прочитать. Лесли мысленно повторила высеченное на камне:

«Долгая ночь ожидания.
В память о наших дорогих детях,
Лиззи и Мэтью Мендель, исчезнувших
в этом месте 23 июня 1861 года.
Может быть, Господь Бог вернет их
любящим родителям.
Воздвигнуто в знак долгих лет
ожидания 23 июня 1900 года».

Звучало это как-то странно, так что сначала Лесли приняла его за обычное надгробие и немного струхнула. Но Рик пояснил, что слова читаются не как на кладбище, куда они ходили с цветами на могилы дедушки и бабушки в День Поминовения, а здесь что-то другое, ибо высечено «исчезли» вместо «умерли».

Воодушевленный мыслью, что здесь какая-то тайна, Рик начал расспросы соседей, но никто ничего не знал, потому что из всех недавно выстроенных домов их дом — самый старый. По словам отца, это был фермерский дом, который со временем перестроили, добавив ванную комнату.

Лиззи и Мэт...

Рик направился в библиотеку с намерением узнать о произошедшем здесь сто лет тому назад, не упоминая о камне — это была их собственная тайна, о которой лучше помалкивать. Заинтересованная мисс Адамс предоставила ему переснятые на пленку старые газеты. Рик узнал все, что можно о Лиззи и Мэтью, просмотрев через проектор пленки и найдя в одной из них заметку.

Лесли помнила записи Рика почти дословно: одиннадцатилетняя Лиззи и пятилетний Мэтью Мендель несли в поле завтрак отцу, который у изгороди разговаривал с проезжавшим мимо доктором Льюисом Моррисом. Они оба видели идущих к ним Лиззи и Мэтью, которые вдруг исчезли прямо среди поля.

Потрясенные мистер Мендель и доктор не сразу поверили своим глазам, а когда бросились искать, то никого уже не нашли. Дети исчезли. Прошел почти год, когда миссис Мендель, постоянно ходившая на то место в надежде, что дети появятся там же, где пропали, прибежала домой с известием, что слышала голос Мэтью, звавшего ее. Направившийся туда вместе с ней мистер Мендель тоже услышал, как бы издалека: «Мама!» Потом голос исчез, и они его больше ни разу не слышали.

В найденных Риком газетах это все описывалось, но никак не объяснялось. Остались только тайна и камень. Обшарив всю библиотеку, Рик все же раскопал книгу некоего Чарльза Форта с рассказами об исчезнувших людях. Из этих рассказов некоторые читались тяжело, поэтому Рик и Лесли выбирали только те, в которых упоминалось похожее на Лиззи и Мэта. Но эти исчезновения,

к сожалению, также не имели никаких объяснений, а из пропавших никто не вернулся... кроме Лиззи и Мэта.

Но если Лесли, Рик и Алекс об этом расскажут, кто им поверит? И что это даст? Возможно, люди, зная это, не попадут в ловушку. Вдруг кто-то на том месте, где лежит камень, построит дом, и в одно прекрасное время исчезнет или мальчик, вроде Алекса, или девочка, вроде Лесли, или даже их родители? А может, нужно наоборот говорить об этом, и говорить до тех пор, пока им кто-нибудь настолько поверит, что запретит на этом месте любую стройку?

— Мэт хотел найти свою маму,— в мысли Лесли ворвался голос Алекса,— и все время только об этом и говорил. Рик, а где была мама Мэта, когда его потеряла?

Не зная, как объяснить Алексу, Рик впервые растерялся.

Лесли встала, ощущая дрожь и легкую тошноту. Но так как самое худшее осталось позади, она почувствовала себя настоящей девочкой.

— Алекс,— произнесла она естественным тоном,— Мэт, наверное, уже нашел свою маму, потому что сначала не там искал. Как вы с мамой потеряли друг друга на Рождество, когда ходили смотреть Санта-Клауса, помнишь? Ты маму искал, а она — тебя, и в конце концов вы встретились. Вероятно, мама Мэта тоже нашла его.

Лесли надеялась, что Алекс ей поверит, потому что он больше не вырывался из рук Рика и смотрел так, словно оценивал каждое ее слово.

— Ты так думаешь? — спросил он недоверчиво.— Мэт опасался, что никогда не найдет свою маму, потому что она не пришла, когда он звал ее.

— Она придет. Мамы всегда приходят,— Лесли старалась говорить уверенно.— И Лиззи поможет, ибо она превосходно умеет все и вся заставить действовать.

Она вспомнила, как Лиззи неоднократно доказывала свое умение. Вначале она была ошеломлена и испугана, не поняв, что делала Лиззи перед тем, как снова исчезнуть вместе с Мэтом, потом удивлялась. Чему Лиззи училась в другом месте и зачем? На их вопросы она не отвечала, словно боялась говорить о том, что лежит по ту сторону... и того, что посередине между т а м и з д е с ь.

Если даже видеть действия Лиззи своими глазами, в них трудно поверить.

Припарковавшиеся здесь бульдозеры и другие машины сами собой задвигались: бульдозер упал на бок, на него навалились другие машины, а некоторые даже сломались! Но еще более удивительное произошло потом: сунув руки в карманы своего платья, похожего на фартук, и достав горсть семян, она стала их тут и там разбрасывать.

Семена, как знала Лесли, прорастают не меньше недели, эти же росли прямо на глазах, покрывая части машин, до которых мгновенно дотянулись плотным ковром. Распустились цветы, появились из ниоткуда бабочки. Такого количества бабочек Лесли никогда не видела.

— Как это, Рик?..— она только показала на происшедшее, не в силах выразить словами свое удивление.

Пожав плечами, словно не хотел и думать о случившемся, брат вместо ответа сказал:

— Лес, послушай-ка, уже поздно, а нам нужно вернуться до прихода родителей. Ведь вещи, которыми пользовались Мэт и Лиззи, остались в летнем домике. Папа после обеда начнет стричь газон и пойдет за носилками в домик. Увидев то, что мы оставили, он наверняка будет спрашивать, и мы обязаны будем рассказать все, хотя ничего хорошего из этого не получится.

Рик был прав, и Лесли огляделась вокруг с сожалением. Ничего больше она не боялась, просто ей хотелось постоять здесь и посмотреть. Потянув Алекса за руку, она удивилась, что он не спорил и не вырывался, лишь слегка икал, как всегда бывало после истерик, и подумала, что Рик удивительно хорошо умеет обращаться с Алексом.

Через свою личную дыру в заборе они пробрались на задний двор и направились к летнему домику, предназначенному для хранения инструментов, а также для игр в дождливую погоду. Сейчас там лежали спальные мешки и сумки, даже грязная посуда, которую необходимо поскорее вымыть. Трудно поверить, но Мэт никогда раньше не пробовал ни джема, ни арахисового масла, хотя ему очень понравилось. А молоко? Лиззи никак не могла понять, почему люди не доят коров, а берут его у своих дверей в бутылках, и даже опасалась его пить. Зато кока-кола ей не понравилась. Она сказала, что у нее вкус какой-то чудной.

— Я хочу, чтобы здесь был Мэт! — уставившись на спальный мешок, Алекс нахмурился.— С ним было так весело...

— Конечно, весело. Выше нос, креветка, а теперь помоги мне убрать все это до прихода папы.

— А зачем?

О боже! Неужто Алекс опять ударится в бесконечные вопросы? Сложив посуду в картонную коробку, в которой сегодня утащила с кухни еду, Лесли убрала с постели Мэта покрывало.

— Я расскажу по дороге, пошли,— услышала она слова Рика; вероятно, мама была права, когда говорила, что обращаться с Алексом лучше всех в семье умеет Рик, если, конечно, захочет.

Оглядевшись внимательно, она проверила, все ли убрали мальчики. Вроде бы все в порядке, и теперь папа может спокойно прийти. Он не узнает, что две ночи и день здесь были Лиззи и Мэт.

Две ночи и день... Лиззи и Мэт вчера прятались от посторонних глаз, пока Лесли и Рик были в школе. К дому Лиззи не подходила, а когда Алекс позвал Мэта посмотреть сделанный папой и Риком поезд, стоявший в общей комнате, не пустила его. Ее единственным желанием было видеть газеты. Она сразу прочла принесенные Лесли газеты и несколько журналов, собранных их мамой для Армии Спасения, потому что засыпала их вопросами, как только они вернулись из школы.

Именно тогда она и сказала, что они с Мэтом вернутся туда, отуда пришли, так как в этом ужасно путаном мире, где все неправильно, они оставаться не могут. Тогда Рик рассказал Лиззи про надпись на камне и о том, когда ее сделали. Она поначалу не поверила и называла его лжецом. Тогда он, как только стемнело, проводил ее к камню и осветил фонариком надпись. Лиззи слегка всплакнула, но потом, показав на машины, спросила, что делается на поле. На объяснения Рика она горячо возразила, что из-за опасности делать этого нельзя, так как для достижения цели имеется много других способов. А в том, другом мире, о н и не хотят, чтобы люди плохо поступали и все испортили.

Лиззи злилась, когда Рик вел ее обратно, но не на него, а вообще на все, и заставила его пройти до места, откуда можно было видеть шоссе, по которому мчались машины. Потом Рик говорил, что она, испугавшись, со всей силой вцепилась ему в руку, хотя продолжала смотреть. Вернувшись, она предложила Мэту уйти и взять с собой Рика, Лесли и Алекса. Она высказалась, что им жить з д е с ь не может понравиться, и чуть больше рассказала о том, что было т а м: птицы, цветы, но нет шума, нет носившихся где попало машин, бульдозеров, роющих землю.

Не подумав, Лесли спросила:

— Зачем же вы хотели сюда вернуться, если уж там все так замечательно? — и тотчас же пожалела о своих словах, потому что лицо Лиззи болезненно искривилось.

— Потому что здесь папа и мама, а Мэт еще маленький, поэтому мы все время тоскуем по ним. Те, другие, в жизни выбрали свою дорогу, и его тоска им очень не нравится. Потому мы и старались вернуться. К тому же, я кое-что принесла для мамы,— Лиззи показала им два пакета из больших серебристых листьев, сколотых длинными шипами, внутри которых вперемешку находились крупные и мелкие семена.— Они з д е с ь вырастут,— кивнула она в сторону поля.— Правда, вид у них будет несколько странным, зато вырастут быстрее любых других. Посадите из них одно в землю,— она показала на семена,— и вы у в и д и т е его прорастание своими глазами, вот святой крест. Я принесла много семян, потому что мама очень любит цветы, жаль, что ее здесь нет. Но вот странное дело — там, по ту сторону, чувствуют, что здесь растут цветы и дру-

гие растения. А пока з д е с ь есть растения и цветы, говорят они, и правильно, о н и в безопасности.

— В безопасности от чего? — удивился Рик.

— Вероятно, от чего-то, что может их изменить, как они думают. Видишь ли, кроме нас с Мэтом, там были и другие. Мы встретили двоих: Сьюзен и Джима. Она меня постарше и одета очень странно, как леди на старинной картинке, а его я видела очень редко, поскольку он проводил в лесу большую часть времени. Сьюзен очень хорошая. Когда мы пришли т у д а, она пригласила нас остановиться у нее. Но порой мы чувствовали себя очень неуютно, так как она была замужем за одним из них.

У них есть правило: первым делом они интересуются, нет ли у вас чего-нибудь железного. Для них железо — вред, пользоваться им о н и не могут, потому что оно их обжигает очень сильно. Кроме того, они говорили, что если мы останемся там долгое время, то изменимся. Мы ели и х пищу, пили и х питье — похоже на сидр и очень вкусно. Людей о т с ю д а это изменяет, и пришедший т у д а человек довольно скоро становится на н и х похожим. А изменившийся вернуться сюда уже не захочет, а Сьюзен, насколько я понимаю, уже почти стала такой.

— Но вы же не изменились и вернулись,— уточнила Лесли.

— А ведь вы пробыли там сто десять лет, — сказал Рик. — Почему вы не изменились?

— Нет, нет! — застучала кулаками по полу летнего домика Лиззи.— Не может этого быть! Мы не могли быть там столько времени! Я считала дни! Мы нашли место прохода через десять дней и стали звать родителей, чтобы они забрали нас домой!

— Следовательно, время там течет по-другому,— сказал задумчиво Рик.— Лиззи, вы на самом деле пробыли там столько лет. Ведь сейчас, как ты знаешь, одна тысяча девятьсот семьдесят первый год, а не одна тысяча восемьсот шестьдесят первый, что можно доказать.

— Я и так верю,— потерла глаза концом своего фартука Лиззи,— поскольку ты показал мне совершенно чужой мир: все эти быстро несущиеся машины, появляющийся и исчезающий свет, когда нажимаешь на стене кнопку, построенный на пахотной земле моего отца дом, все, что я прочитала здесь. Конечно, я в это должна поверить, но как это трудно! Но к этому миру со зловонным воздухом, с шумом и грохотом мы с Мэтом больше не принадлежим. Я считаю, нам, зная что з д е с ь, нужно уйти т у д а.

— Каким образом вы вернетесь? — поинтересовался Рик.

— Я не тупица,— слабо улыбнулась Лиззи,— и хочу сказать, что знаю их правила: необходимо взять что-нибудь оттуда и надеть на себя. Оно нас потащит обратно и на той стороне выпустит. Для мамы я принесла семена, а для нас захватила кое-что. Я по-

думала, что мы с Мэтом, может быть, будем ходить в гости т у д а, ведь Сьюзен была к нам очень добра. Вот принесенным я теперь и воспользуюсь.

Порывшись в кармане под пакетами с семенами, она извлекла две цепочки, плотно сплетенные из травы, к каждой из которых было привязано по маленькому, не больше ногтя на мизинце, наконечнику от стрелы.

— Покажи! — протянул руку Рик.

Но Лиззи держала цепочку таким образом, чтобы он не смог достать.

— Рик, это наконечники от стрел индейцев, которыми о н и пользуются для своих целей. Сьюзен называла их «эльф-пулями». Если мы их наденем, то они, как бы то ни было, унесут нас отсюда. Мы уйдем завтра.

Лиззи на вопросы Рика и Лесли не отвечала, хотя они очень хотели узнать побольше о т о м мире. Как видно, у Лиззи, подумала Лесли, для этого есть причины. Лиззи была убеждена, что т а м им с Мэтом будет лучше, чем з д е с ь, но ей было искренне жаль, что Рик, Лесли и Алекс останутся в этом мире. Она намекнула, что если взяться за руки, то т у д а можно пройти всем вместе.

— Извини, но нет,— покачал головой Рик.— Мы принадлежим этому миру, здесь наши родители.

— Я так и думала,— кивнула Лиззи,— но здесь так все безобразно. Как вам может здесь нравиться, я просто не понимаю,— она зажала в руке крошечный наконечник.— А т а м так красиво! Что вам тут делать, где земля вся застроена домами, воздух наполнен дурными запахами, и днем и ночью носятся машины? — Лиззи взяла один из журналов.— В школе я читаю лучше всех, и когда в школу приходят посетители, мисс Джейн всегда заставляет читать вслух,— сказала она, не хвастаясь.— Я здесь прочитала о том, как для вас все стало плохо: воздух, вода, чересчур много народу и тому подобное. Этому, похоже, нет конца. Разве не так?

— Мы это изучали в школе,— кивнула согласно Лесли,— и знаем.

— Так вот, т а м, могу поспорить, этого не случится! О н и не допустят!

— И как они это остановят? — поинтересовался Рик.

Лиззи, покачав головой, сказала только:

— Просто о н и идут другим путем. Мы вернемся с Мэтом, потому что живем т а м, а не здесь. Там, по крайней мере, больше похоже на то, к чему привыкли мы. Нам необходимо уйти в тот же час, что и тогда — в полдень.

— Но откуда ты знаешь? — удивился Рик.

— Таковы правила. А вы уверены, что не хотите пойти с нами?

— Лишь до поля,— ответил Рик за всех.— Нам легко это сде-

лать, так как сегодня суббота. У мамы утром свидание с парикмахером, у папы встреча с министром Чемберсом, и он проводит маму, а потом, перед возвращением домой, они вместе поедут за покупками. В поле по субботам тоже никто не работает, поэтому мы предполагали устроить там пикник.

— Когда же вы здесь появились, если ушли в полдень? — спросила Лесли.— Мы с вами встретились около пяти. В это время нас на углу высадил школьный автобус, а Алекс пришел встречать...

— Мы прятались,— пояснила Лиззи.— Вы похожи на нас, поэтому нам повезло...

Лесли подумала, что этой первой встречей с девочкой чуть повыше ее, с длинными белокурыми косами, она никогда не забудет. Одета она была очень странно — по-старушечьи, но не совсем, и в большом фартуке, похожем на платье. С ней рядом был Мэт в каких-то необычных штанах и короткой рубашке. Оба были разуты и выглядели несчастными и растерянными.

Лиззи вертела головой во все стороны, словно искала то, что должно было быть прямо перед ней.

— Где дом Менделей? — спросила она подошедших почти сердито (Лесли сообразила, что это просто страх).

Не будь надписи на камне и истории, разысканной Риком, они бы не поняли, что имела в виду Лиззи, но быстро сообразивший Рик ответил, что теперь в бывшем доме Менделей живут они и пригласил Лиззи и Мэта в гости. Хотя это казалось невероятным, но по дороге она догадалась, кто такие Мэт и Лиззи.

Теперь они снова ушли. Лесли попыталась вспомнить, что сделала Лиззи, надев на шею себе и Мэту травяные цепочки и взяв мальчика за руку. Первым делом она выбросила семена на землю, потом протянула палец в сторону бульдозера и других машин, срывших остатки ферм, знакомых Лиззи.

Лесли вздрогнула, вспомнив это. Она не сомневалась в желании Лиззи и Мэта исчезнуть и ожидала этого, но что по мановению пальца девочки бульдозер плюхнется на землю, и подумать не могла. А другие машины? Они падали и ломались, словно их швыряли. И ко всему этому пустили ростки семена, затем выросли виноградные лозы, трава, цветы, стремительно тянулись вверх небольшие деревца — совсем как замедленная съемка по телевидению. Если Лиззи способна такое выделывать, то чему она т а м училась?

Все это Лесли вспоминала, вытирая посуду. Тем временем вернулись Рик и Алекс.

— Все убрано,— отрапортовал Рик,— а Алекс наконец-то уразумел, что о Мэте не стоит болтать.

— Спасибо, Рик, я очень на тебя надеялась. Послушай, как могла Лиззи, только показывая пальцем, заставлять машины двигаться? А почему растения так быстро выросли?

— Откуда я знаю! — раздраженно ответил он.— Я видел то же, что и ты. Только нам следует помнить, что мы должны держать язык за зубами и вместе с другими удивляться тому, что сталось с полем.

— Может, они увидят это в понедельник, когда выйдут на работу,— сказала Лесли с надеждой.— А в понедельник — школьный день, автобус нас увезен очень рано, хотя Алекс с мамой останется. Рик, а что, если кто-нибудь увидит и расскажет?

— Да, я не подумал... Тогда завтра утром мы это сами откроем. Мы сможем удержать Алекса, если будем здесь, когда люди взбудоражатся. С ним все время будет кто-либо из нас.

Но у Алекса были свои планы. Лишь только начало светать, Рик разбудил Лесли.

— Что? В чем дело?

— Молчи,— скомандовал Рик.— Алекс убежал.

— Как? Куда?

— А ты как думаешь? Ушел, открыв засовы!

Ушел т у д а? Дрожа от страха, Лесли натягивала свитер и джинсы. Но как Алекс мог... Как Лиззи и Мэт в первый раз? Нужно было сразу же рассказать папе и маме, не опасаясь, что им не поверят, а теперь Алекс может исчезнуть на сто лет.

Рик стоял у задней двери, когда она сбежала по лестнице. Промчавшись через задний двор, они пролезли сквозь дыру в заборе... Оставленные бульдозером рытвины исчезли, под утренним ветерком шелестела пышная листва, а птицы... Никогда в жизни не видела Лесли столько самых разных птиц, выглядевших такими ручными. Они качались на ветвях, прыгали по земле и клевали фрукты, но не кислые яблоки, а золотистые плоды, висевшие на кустах и падавшие на землю от спелости. А цветы...

— Алекс! — позвал Рик.

Алекс был там. Он не был поглощен таинственным ходом т у д а, где они никогда его бы не нашли, а просто сидел под кустом, осыпанный белыми цветами. Он ел плод, соком которого перемазал лицо, и разговаривал с кроликом! У него на коленях сидел настоящий живой кролик. Алекс давал этому кролику свой плод, и его лицо, измазанное соком, выглядело счастливым и сияющим, впервые с тех пор, как ушел Мэт.

— Это просто здорово,— сказал он, вставая, чтобы сорвать еще один плод с ветви, но Лесли стремительным движением схватила его.

— Берегись, Алекс!

— Глупая! — он извивался, пытаясь вырваться.— Глупая Лес! Здесь, наконец-то, стало отлично! Гляди, кролик пришел, потому что знает. И птицы. Это х о р о ш е е место,— Алекс, вырвавшись, подошел к кусту и сорвал два плода.— Ешь, тебе понравится.

— А можно ли ему это есть? Полезно ли это для него? — спросила Лесли.

Отдав один плод Лесли, другой Алекс протянул Рику.

— Ешь! Это вкусно!

Лесли, словно повинуясь, поднесла ко рту желтый сладкий плод, хорошо пахнущий всем, что она любила, и откусила кусочек. Вкус... не был похож ни на яблоко, ни на сливу, ни на апельсин... вообще ничего из того, что она ела раньше, он не напоминал. Но это было очень вкусно. Она заметила, что Рик тоже ест.

Алекс повернулся к кусту как только увидел, что брат съел плод, и стал рвать один, два, три, четыре...

— Ты голодный...— начала Лесли, но взяв второй плод и разломив пополам, одну половинку бросила на землю птичкам, находившимся у ее ног.

Ничего странного для нее в этом не было. Надо делиться с живым существом, и неважно, что оно носит: перья, мех или просто кожу, они все равно — одно.

Рик огляделся и сказал:

— Для мамы и папы.

За густой растительностью поля не было видно, но Лесли, глядя на вцепившиеся в забор виноградные лозы, была уверена, что это все только начало.

— Лес, ты помнишь, что говорила Лиззи? — спросил Рик медленно.— Фрукты о т т у д а изменяют людей. Ты какую-нибудь перемену чувствуешь?

— Нет,— она вытянула палец, на который села птичка, поглядывающая на Лесли блестящими бусинками глаз. Девочка засмеялась.— Нет, никакой разницы я не чувствую.

— Раньше я не видел таких ручных птиц,— Рик был в замешательстве.— Да... не знаю, не знаю... Пойдем, отнесем это папе и маме.

Когда они подошли к ограде, за которую держались две ползучие вешки, Лесли, поглядев вдоль улицы, где строения образовывали на утреннем небе чудовищный контур, и на дом, и спросила:

— Скажи, Рик, почему людям хочется жить в таких безобразных местах, где воняет?

— Не знаю. Только все это изменится, тебе это известно.

Лесли вздохнула с облегчением. Конечно, ей известно. Начавшееся изменение будет до тех пор продолжаться, пока з д е с ь не станет как т а м, и рухнет навсегда власть железа.

Власть железа? Как бы отгоняя мысль, сбивающую с толку, Лесли тряхнула головой. Ну конечно же, она всегда это знала. Только почему слова эти показались ей страшными?

Власть железа ушла, а долгая ночь ожидания подошла к концу.

ДАРЫ АСТИ

Даже сюда, на черную террасу перед забытым горным прибежищем Асти, долетал удушливый запах дыма горящего Мемфира, и казалось, что рассветный ветер приносит снизу, из разграбленного города, слабые мучительные стоны тех, кого варвары Клема предают мучительной смерти. Конечно, пора было уходить.

Варта, последняя из дев-жриц Асти, вздрогнула. Покрытое чешуей существо, свернувшееся у ее ног, повернуло свою голову рептилии так, что его золотистые глаза встретились с аквамариновыми, слегка раскосыми, из-за чего смотревшими вызывающе с нежного белого лица.

— Мы идем?

Она кивнула в ответ на этот безмолвный вопрос, мысленно переданный ей Луром, и повернулась к темной пещере — последнему обиталищу Асти. Некогда, более тысячи лет назад, когда стены Мемфира были юными, Асти жил среди людей внизу. Но в роскоши и праздности, в которых погряз Мемфир, империя империй, Асти не нашлось места. И посему Он и те, кто служил Ему, поднялись на этот горный склон. И она, Варта, была последней, самой последней из тех, кто преклонял колена в часовне Асти и возвышал голос в утреннем гимне — ибо Лур, как и весь его народ, был нем.

Но даже добыча, взятая в Мемфире, не могла утолить жадности косматых воинов, разбивших сегодня врата города. Лестница, ведущая к Храму Асти, видна достаточно ясно, и они порешат взобраться наверх, надеясь найти сокровища, которых не существует. Потому что Асти был богом аскетов, и ему угодны были голые стены и пустые алтари. Его последний жрец упокоился в нише-гробнице три года назад, и некому было удерживать врата против захватчиков.

Варта прошла между высоких гладких колонн; Лур следовал за ней, грива на его спине встала дыбом, когти на передних лапах клацали в ровном ритме. Так они вошли во внутреннюю часовню Асти, где Варта отвесила грациозный поклон перед восседающей на троне огромной фигурой в плаще с надвинутым капюшоном, чьи скрытые от прочих глаза сфокусировались на собственной простертой руке.

А над раскрытой широкой ладонью этой руки висел в воздухе круглый оранжево-красный шар солнца — двойник того, что освещало Эрб. Вокруг миниатюрного солнца вращались по своим орбитам четыре планеты системы, каждая — повинуясь тем же космическим законам, что и миры, которые они представляли.

— Мемфир пал,— голос Варты показался грубым ее собственному слуху. Она так редко говорила на протяжении нескольких

последних месяцев! — Зло поднимается, чтобы захлестнуть наш мир, как и было предречено в Твоих Откровениях, о, Владыка Миров и Творец Желаний. Посему, подчиняясь приказу, отданному в древности, я должна покинуть Твое жилище. Позволь же мне исполнить Закон...

Трижды ее гибкое тело простиралось на камнях у трона правосудия Асти. Затем она встала и, с доверчивостью ребенка к отцу, положила ладонь на протянутую руку Асти. Под ее рукой камень не был холодным и жестким, но, казалось, был согрет изнутри, как человеческая рука. Долгое время стояла она так, а затем подняла руку — медленно, осторожно, словно сжимала в ней нечто драгоценное.

И, как только ее ладонь рассталась с рукопожатием Асти, крохотное солнце и его планеты последовали за ней, вися теперь над ее ладонью, как прежде над ладонью статуи. И закутанная в плащ фигура сразу утратила какое-то достоинство, теперь это была просто глыба обработанного камня. И Варта больше не оглядывалась, следуя со своим спутником, чтобы найти нужное место в стене храма, известное ей из многократно читанных древних летописей. Найдя камень, который искала, она так повернула руку, чтобы слабое свечение, исходившее от крохотного солнца, озарило серую поверхность стены. Послышалось скрипение, словно бы давно заржавевшего металла, и блок повернулся, открывая перед ними узкую дверь.

Перед тем, как ступить внутрь, жрица подняла руку над головой, а когда отвела ее, солнце и планеты зависли в форме диадемы прямо над спутанными прядями ее темно-рыжих волос. Когда она двинулась по тайному пути, пять шаров вращались вокруг нее, и во тьме солнце засияло ярче, освещая дорогу.

Они стояли на вершине лестницы, и топот шагов, когда они стали спускаться, эхом разносился сквозь бездну, казавшуюся бесконечной. Но и об этом тоже говорилось в хрониках, и Варта не испытывала страха.

Сколько времени они спускались в недра горы и дальше, во чрево самого Эрба, Варта так и не узнала. Но, когда ноги ее уже подкашивались, и ее начал терзать настоящий голод, они вошли в коридор, кончавшийся комнатой, выдолбленной в цельной скале. И здесь, покопавшись в сундуке, оставленном людьми, рожденными в дни юности Мемфира, Варта нашла то, что должно было помочь ей на избранном ею пути.

Сняв тонкие шелка и драгоценности — знаки служения Асти, она натянула на свое обнаженное тело кожаный костюм, покрытый чешуей, блестевшей и переливавшейся в лучах миниатюрного солнца. Здесь были также капюшон, полностью скрывавший голову, украшенные когтями перчатки и перепончатая обувь — словно

шкуру ящерицы величиной человека выдубили и сделали из нее эту одежду. И Варта подозревала, что так оно и было — не всегда один лишь род человеческий владел Эрбом.

Съестные припасы тоже были там, сохранившись нетронутыми в герметических контейнерах, лежавших в мешке из ящеричьей кожи. Варта без страха отведала порошковые концентраты и поделилась ими с Луром, чья собственная чешуйчатая шкура защищала его от опасностей пути.

Она сложила снятые регалии и убрала их в сундук, с сожалением погладив их мерцающую поверхность, прежде чем захлопнуть крышку. Никогда больше служанка Асти не наденет нежные цвета Его Храма. Но она и так уже была достаточно нагружена, когда, взвалив на себя мешок с едой, двинулась из опустошенной комнаты вперед, на узкую тропу, где естественные скальные щели были расширены орудиями людей.

Но, когда скальная дорога закончилась краем ущелья, Варта задержалась, застегивая горловые крепления своего шлема-капюшона. Через незамутненный кристалл в его глазных отверстиях она видела клубы желтого газа, бившего из-под основания скальной стены, по которой ей предстояло спуститься. Если летописи Храма говорят правду, эти клубы газа несут смерть всем пришельцам из верхнего мира. Остается только надеяться, что приспособления чешуйчатого костюма ее не подведут.

Длинные когти удобно надевались на кончики пальцев, а когти на перепончатой обуви позволяли быстро спускаться, цепляясь как руками, так и ногами. Но спуск был долог, и она уловила от Лура мысль об усталости, прежде чем они достигли нагромождения камней у подножия скалы. Пары газа стлались туманом вокруг них, пока они продвигались, разыскивая дорогу вдоль основания скалы.

Времени в нижнем мире Эрба не существовало. Варта не знала, все ли еще длится нынешний день или уже настало завтра, когда они достигли перекрестка дорог. Она почувствовала, как Лур прижался к ней, заставляя отступить, притиснувшись к скале.

— Кто-то приближается,— мыслепередача была ясной.

Через мгновение она тоже увидела темную фигуру, крадущуюся сквозь газ. Она двигалась медленно, казалось, балансируя на ходу так, будто каждый шаг причинял ей боль. Но существо неуклонно приближалось к стыку двух дорог.

— Это не враг...

Но она не нуждалась в подсказке Лура. Странное существо, похоже, не представляло опасности.

С последним изгибом тощего тела существо вскарабкалось на камень и встопорщило грубую шкуру, покрывавшую костистые плечи. Оно было длинным, серым, с тусклыми провалами глаз и оскаленным зубастым и безгубым ртом.

— Кто ты, посмевший ступить на забытые пути и потревожить покой Стража Бездны?

Вопрос визгливым стоном вонзился в ее мозг, и руки ее дернулись, чтобы зажать уши.

— Я — Варта, Дева Асти. Мемфир разрушен варварами из Внешних Стран, и теперь я ухожу, как некогда приказал Асти.

Страж серьезно выслушал ее ответ. В своей скелетообразной лапе он сжимал прут, и теперь начертал им в пыли перед перепончатыми башмаками Варты некие символы. Когда он сделал это, девушка остановилась и быстрым росчерком когтя перчатки изменила две линии. Создание Бездны кивнуло безволосой головой.

— Асти не правит здесь. Но во времена перед давними, давними и еще более давними с нами здесь был заключен договор Его Именем. Ступай свободно мимо нас, Женщина Света. Перед тобой две дороги...

Пауза, которую сделал Страж, была столь продолжительна, что Варта осмелилась ее нарушить.

— Куда они ведут, Страж Тьмы?

— Вот эта уведет тебя вниз, в мою страну,— он указал прутом направо.— И это путь смерти для созданий верхнего мира. Другая... в наших старых легендах говорится, что она может вывести странника в верхний мир. Но правда ли это, доказательств я не имею.

— Но именно ее я должна выбрать.— Она отвесила легкий поклон груде костей и склизкой шкуре на камне, и та склонила голову со строгой учтивостью.

Вместе с Луром, протиснувшимся немного вперед, она шагнула на дорогу, уходившую прямо за завесу тьмы. И она не обернулась, чтобы взглянуть на Тварь из мира Бездны.

Они снова принялись карабкаться среди скользких камней, где находили страшные следы злобных созданий, обитавших в этой опасной тьме. Но солнце Асти освещало их путь, и, возможно, какое-то свойство его лучей отпугивало тех, кто оставил эти следы.

Когда они вползли на широкий каменный выступ, когти на перчатках Варты превратились в стертые обломки, и все ее тело разламывала ноющая боль. Лур лежал, задыхаясь, рядом с ней, его красный язык высунулся из обведенного пеной рта.

— Мы снова на путях людей.— Лур первым заметил следы орудий на камне, где они лежали.— По воле Асти мы, кажется, одолели этот лабиринт.

Не было никаких признаков смертоносного газа, поэтому Варта решилась снять шлем и поделиться со своим спутником концентратами из мешка. Воздух, которым они дышали, был свежим, сырым и холодным, исходившим из верхнего мира.

Уступ поднимался вверх, сперва под острым углом, затем более полого. Лур скользнул вперед и просунул голову и плечи в щель

в скале. Уцепившись за шипы на его загривке, Варта позволила ему протащить себя сквозь эту узкую расселину в ласковую тьму наземной ночи.

Они рухнули рядом. Варта пристроила голову на гладком боку Лура, и так они уснули, пока солнце и планеты Асти покровительственно кружились над ними.

Варту разбудило хлопанье крыльев в воздухе. Маленькая, сияющая драгоценными красками летающая ящерица из тех, что обитают в глубине джунглей, пыталась поближе познакомиться с мирами Асти. Но когда Варта махнула рукой, так издала скрежещущий звук и спикировала вниз, в заросли кустов. Однако отблеск солнечного света на окружающих камнях свидетельствовал, что день уже в разгаре. Варта подергала Лура за гриву, чтобы разбудить его.

В камнях, громоздящихся вокруг места их ночлега, была регулярность, наводящая на мысль, что они среди руин, оставленных людьми. Но эта часть гор не была исследована — власть Мемфира не достигала сюда.

— Много мертвых вещей из прошлого,— багровые ноздри Лура раздувались.— Но это было очень давно. Люди больше не владеют этой страной.

Варта весело рассмеялась.

— Если здесь нет людей, значит, варварские орды не придут сюда утвердить свое право. Асти привел нас в безопасное место. Давай осмотрим страну, которую Он даровал нам.

Здесь была дорога, ведущая вниз от развалин, дорога, все еще видная, несмотря на наслоения земли и обломки камней. И она привела их в изобильную лощину, где урожай, щедро ниспосланный Асти, не был потревожен человеком. Варта без труда дотягивалась до круглых кроваво-красных плодов — известных ей деликатесов, выращиваемых в садах Храма, в то время как Лур охотился в зарослях. А затем они пообедали добычей, доставшейся им так легко и без страха.

Окруженная джунглями дорога оборвалась, и они оказались на краю пустыни, покрытой стекловидным шлаком, в котором отраженное солнце сияло раскаленным блеском. Варта, защитив глаза, попыталась рассмотреть, где эта пустыня кончается, но, если за ней в отдалении и была полоса зелени, ее скрывало дрожащее горячее марево.

Лур, чтобы исследовать шлак, положил на него переднюю лапу, но тут же ее отдернул.

— Это прожигает плоть. Мы не сможем идти здесь,— таков был его приговор. Варта повернулась налево, где, в некотором отдалении, параллельно их пути тянулась горная цепь.

— Тогда давай держаться джунглей. Посмотрим, нельзя ли пройти по ним в обход на ту сторону. Но что создало это? — она

указала на стекловидную поверхность, не решаясь коснуться ее.

— Война.— Язык Лура высунулся, словно ловя какого-нибудь жука.— Этот забытый народ сражался ужасным оружием.

— Но что за оружие может сотворить это? Мемфир такого не знал...

— Мемфир был стар. Но, возможно, здесь жили те, кто воздвиг на Эрбе города до того, как в Мемфире слепили первую глиняную мазанку. Люди со временем забывают знания. Даже в Мемфире владыки последних дней забыли мудрость своих древних саг — и поэтому так легко были побеждены варварами.

— Если даже у людей и была мудрость, чтобы создать такое оружие, то не вдохновленная Асти.— Она отвернулась от слепящего блеска.— Давай уйдем.

Но когда они попытались пробиться сквозь джунгли, это оказалось тяжело — до тех пор, пока они не достигли гребня скалы, протянувшейся, словно язык от горы в проклятую долину. И вдоль него медленно продолжили путь.

— Здесь рядом вода...— Мысли Лура отвечали желанию девушки. Она нетерпеливо облизнула губы.— Сюда,— ее спутник неожиданно свернул налево, и она последовала за ним по склону скалы.

Инстинкт Лура был, как всегда, безошибочен. Перед ними была вода, небольшое озеро. Но когда Лур приблизил свою зубастую морду к его гладкой поверхности, грива его снова встала дыбом. Варта, настороженная странной реакцией Лура, отвела руку, которой собиралась зачерпнуть воды. Его ноздри раздувались, длинная шея вытянулась, и он водил головой взад-вперед над прозрачным мелководьем.

— Что там?

— Это не вода, которую мы знаем,— ровно ответило чешуйчатое существо.— В ней есть жизнь.

Варта засмеялась.

— Рыба, водяные змеи, твоя собственная дальняя родня. Ее запах ты и уловил.

— Нет. Сама вода живая... хотя и не живая.— Его мысли удалились от нее, словно он решал какую-то проблему. Ни один человек не мог проникнуть в его мысли, если он этого не хотел.

Варта уселась и принялась внимательно рассматривать воду и берега. Впервые она заметила словно бы странные яркие заплаты под поверхностью воды. Синие, зеленые, желтые, пурпурные, они медленно дрейфовали, когда слабые волны бились о берег. Но они были не живые, она была почти уверена в этом, они выглядели частью самой воды.

Наблюдая за продвижением одной зеленой заплаты, она бросила случайный взгляд на ветку. Это был сломанный побег турби, такого же дерева, с какого она срывала плоды меньше часа назад. Над

водой свешивалась гроздь плодов, лопнувшая увядшая кожица обнажала сладкую мякоть. Но под поверхностью воды...

Дыхание Варты со свистом вырвалось сквозь зубы, и голова Лура резко повернулась к ней, словно он уловил ее мысль.

Ветка под водой была полностью покрыта прекрасными зелеными цветами, цветами, что естественным путем распускались на турби семь месяцев назад и давно сменились сладкими плодами, такими же, как те, что свисали сверху.

Девушка, сопровождаемая Луром, подобралась поближе к воде, чтобы выудить ветку. Это удалось ей с первой же попытки, когда она ухватилась за кончик, торчавший из воды. Она принюхалась — в воздухе стоял сладковатый аромат — запах цветущего турби.

Она внимательно изучила цветы — они по всем признакам были свежими и превосходными.

— Она сохраняет,— Лур уселся и поболтал передней лапой в спокойной воде.— То, что попадает в нее, сохраняется таким, каким было в момент погружения.

— Но если этим цветам семь месяцев...

— Или, возможно, семь лет,— поправил Лур.— Кто может сказать, когда эта ветка впервые погрузилась в озеро? Хотя цветы не завяли, даже когда их вынули из воды. Это, конечно, тайна.

— О которой я хотела бы знать больше!

Варта отбросила ветку и пошла вдоль берега озера.

Еще дважды они находили такие же свидетельства сохранения цветов и листьев, когда доставали их из опалесцирующей воды.

Само озеро представляло собой длинную и узкую полосу, один конец которой упирался в стеклянную пустыню, другой — омывал подножие горы.

Именно у склона горы их ожидал величайший сюрприз из всех. Учуял его Лур, прежде чем они увидели его среди камней.

— Работа людей,— заявил он,— но очень, очень старая.

И действительно, обломок крушения, найденный ими, должен был быть старым, возможно, старше, чем Мемфир. Та часть, что оставалась над водой, почти полностью разрушилась. Рыжие пятна ржавчины на скалах указывали, где она лежала. Но под водой был гладкий серебристый корпус, сияющий и не тронутый временем.

Варта положила руку на ржавый обломок, застрявший между двумя камнями, и тот рассыпался в прах. Но однако,— несколькими футами ниже был прочный металл!

Лур бродил по берегу среди обломков, изучая их.

— Это была машина, в которой путешествовали люди,— донеслась его мысль.— Но они были не такими, как люди Мемфира. Возможно, даже не сыновья Эрба.

— Не сыновья Эрба! — ее изумление было так велико, что она заговорила вслух.

Лур, повернув голову, посмотрел на нее.

— Разве люди Эрба, даже в древних хрониках, сражались оружием, способным создать стеклянную пустыню? Есть другие планеты, помимо Эрба, и, может быть, эта странная штука — небесный корабль с такой планеты. Все возможно по воле Асти.

Варта кивнула.

— Все возможно по воле Асти,— повторила она.— Но, Лур,— ее глаза округлились от удивления,— возможно, именно воля Асти привела нас сюда, чтобы мы нашли это чудо! Возможно, он хочет как-то использовать и нас, и его!

— В конце концов, мы можем проверить, что лежит там, внутри.— Любопытство Лура было иного рода.

— Как? Мы вдвоем не сможем вытащить эту штуку из воды!

— Да, но мы можем войти в нее.

Варта нащупала застежки шлема на своих плечах. Она понимала, что имеет в виду Лур — костюм, что защищал ее в нижнем мире, непроницаем ни для чего на поверхности, или, хотя бы, для всех субстанций, известных его создателям — так же, как собственная шкура Лура полностью защищает его плоть. Но создатели ее костюма, возможно, ничего не знали о живом озере, и что, если она ничем не защищена против странного содержимого воды?

Она прислонилась к скале. Над ней планеты и солнце Асти следовали своим установленным путям. Планеты Асти! Если это Его воля привела их сюда, тогда сила Асти облечет ее безопасностью. По воле Его она покинула Мемфир путями, по которым прежде не ступал ни один человек Эрба. Смеет ли она сомневаться, что с ней сейчас пребывает Его защита?

Лишь мгновение потребовалось, чтобы поправить перепончатые башмаки, натянуть и застегнуть шлем, закрепить застежки перчаток. Затем она шагнула вперед, вздрогнув, когда вода заплескалась вокруг ее лодыжек. Но Лур обогнал ее, и голова его без страха погрузилась в воду, когда он проползал через иззубренный вход в корабль. Большая часть помещения была заполнена разбитыми механизмами, вид которых ничего не говорил Варте. Ни один из этих металлических предметов явно не претерпел никакой порчи за время, прошедшее с момента крушения. Под ее испытующими руками все они были прочными и цельными.

Лур протиснулся в маленькую дверь, скрытую грудой свернутых проводов и плат, и, когда Варта пролезла через это препятствие, чтобы присоединиться к нему, они оказались перед барьером, преодолев который, очутились в том, что некогда было жилой частью корабля.

Варта опознала скамьи, стол и другие предметы явно домашней обстановки. Но от тех, для кого это место некогда было домом, не осталось и следа. Лур, бросив единственный взгляд на обстановку,

осторожно прокрался к дальнему концу комнаты, и теперь был заметно обеспокоен.

— Там что-то сзади, что-то, прежде бывшее живым.

Варта приблизилась к нему. Ей стена казалась лишенной и намека на дверь, однако Лур тщательно обследовал ее длинными когтями, то и дело налегая на гладкую поверхность всем своим весом.

— Здесь нет двери,— с сомнением сказала она.

— Дверь... ага... здесь,— Лур, наверное, впервые за всю свою посвященную Храму жизнь выпустил на полную длину страшные боевые когти и принялся орудовать ими в узенькой щели. Мускулы на его лапах вздымались и опадали под чешуей, от напряжения он оскалил зубы. Что-то обозначилось — узкая темная линия, явно — край двери. Затем время или сила Лура победили запоры древнего механизма. Дверь подалась так неожиданно, что они оба ввалились внутрь, и дыхание Лура вырвалось, как огромный пузырь.

Запечатанный отсек был едва ли больше чулана, но зато не пустой. На стене было распластано существо с четырьмя конечностями, чью фигуру так скрывал герметический костюм, что Варта могла лишь догадываться, что существо это близко к ней. Металлические обручи приковывали его к стене, но голова его свесилась вперед так, что лицевая пластина шлема была опущена.

Девушка медленно прорезала воду, заполнявшую каюту, и взялась за забрало шлема узника. Осторожно подцепив металлическую пластину перчатками, она подняла ее до уровня своих глаз.

Глаза под забралом были закрыты, как у спящего, но у его бронзовой кожи был теплый здоровый оттенок, столь отличный от ее собственной бледности. Кроме того, узник имел, помимо двух глаз, прямой нос, четко очерченный рот — так же, как и люди Эрба. На голове у него росли волосы, черные и жесткие, на подбородке — щетина.

— Это мужчина,— услышал Лур ее мысль.

— А почему бы и нет? Ты что, ожидала увидеть змею? Какая жалость, что он мертв...

Варта ощутила жаркую волну, поднявшуюся к горлу в ответ на прозвучавший в утверждении намек. Временами ее раздражала способность Лура читать мысли. Он поднялся на задние лапы, чтобы заглянуть на доспехи, скрывающие их находку.

— Да, жаль,— повторил он.— Но...

Видение цветов турби мелькнуло в ее мозгу. Подсказка Лура, или эта дикая мысль исходила от нее самой? Однако корабль был так стар — слишком стар.

Мелькнул красный язык Лура.

— Попытка — не пытка,— лукаво посоветовал он, и, ухватив когтями обруч, сжимающий правое запястье узника, попробовал его крепость.

— Но металл на берегу... он рассыпался в прах при моем прикосновении...— возразила она.— Что, если мы вытащим его на берег только для того, чтобы...— она содрогнулась от картины, нарисованной ее воображением.

— Разве цветы турби увяли, когда их достали из воды? — парировал Лур.— В этих запорах есть какой-то секрет...— он нетерпеливо тянул и дергал.

Варта старалась помочь ему, но даже их объединенных усилий недоставало против силы, удерживающей обруч.

Задыхаясь, девушка прислонилась к стене каюты, а Лур уселся на пол. Подплыла одна из странных цветных заплат, яркий багрянец, подобный драгоценности, лениво кружился поблизости. Варта прослеживала взглядом за ее курсом и так наткнулась на нечто совсем забытое — солнце Асти.

— Асти!

Лур тоже взглянул вверх.— Сила Асти!

Варта подняла руку, задержала ее на время под солнцем и затем потянула его вниз, осторожно, медленно, словно в храме Мемфира. Потом сделала шаг к пленнику. Под шлемом над ее губой выступили бисеринки пота, пульс громом отдавался в висках. То, что она пыталась сделать, ужасало ее. Она задержала солнце на одной линии с наручником на запястье. Она должна избегать контакта с плотью, ибо сила Асти может убивать. Из солнца вырвалось красно-оранжевое сияние, ударившее в металл. Узкая красная полоса поползла по гладкой поверхности оков, поползла и расширилась. Варта отвела руку, отпуская солнце, а когти Лура погрузились в металл. Под его хваткой тот развалился, как трухлявое дерево.

Девушка ощутила легкий укол почти пугающего наслаждения. Выходит, древние легенды говорили правду! Как жрица Асти она владела такими силами, что невозможно даже представить! Она быстро уничтожила второй обруч и вернула солнце и планеты на их прежнее место над собственной головой, в то время как пленник рухнул на пол своей темницы.

Волоком они вытащили его из разбитого корабля на свет Эрба. Варта откинула шлем и глубоко вдохнула воздух, не тот воздух, что был сотворен магией ящеричьей кожи. Лур сидел, его ноздри снова раздувались. Он и унюхал источник выше по склону горы, источник, чья вода не имела ничего общего со странной жизнью озера. Они вскарабкались туда и вволю напились.

На берег озера Варта вернулась неохотно. В глубине души она была уверена, что человек, которого они вытащили из корабля, действительно мертв. Лур мог настаивать на примере с цветами, но здесь был человек, и он пролежал в воде бесчисленные века.

Поэтому, приблизившись нога за ногу, она нашла Лура поглощенным делом. Он разгадал секреты космического костюма и стя-

нул его с неизвестного. Затем он легко коснулся когтистой лапой обнаженного плеча и стремительно обернулся к Варте.— Он жив...

С трудом осмеливаясь поверить, она опустилась на колени рядом с Луром и коснулась их находки. Лур оказался прав — кожа была теплой, и она ощутила слабый ритм поверхностного дыхания. Припомнив слышанные истории и положив руки под нижние ребра, она принялась делать массаж. Дыхание стало глубже.

Потом человек слегка повернулся, его рука дернулась. Варта с Луром отшатнулись. Поначалу девушка попыталась осторожно коснуться спящего мозга — так же, как она читала мысли тех редких жителей Мемфира, кто в его последние дни поднимался по ступеням Храма.

Многое из того, что она сейчас прочла, смутило ее или казалось настолько чуждым Эрбу, что ничего для нее не значило. Но она увидела огромный город, мгновенно поглощенный огненной смертью, и почувствовала ужас и раскаяние человека, ибо в этом отчасти была и его вина, ужас и раскаяние, толкнувшие его к открытому мятежу, за что его и заточили. Последним была тьма и страшное воспоминание о двери, отрезающей его от света и надежды.

Звездный человек слабо застонал, плечи его напряглись, будто он тщетно пытался освободиться от оков.

— Он думает, что все еще узник,— заметил Лур.— Для него жизнь начинается с того самого момента как оборвалась,— как и для цветов турби. Смотри — вот он пробуждается.

Веки поднимались медленно, словно человеку ненавистно было то, что он должен был увидеть. Затем глаза его расширились, когда он заметил Варту и Лура. Он поднялся, изумленно озираясь и нелепо шаря вокруг руками. Нащупав неуклюжий костюм, снятый с него Луром, он начал натягивать его, глядя на остальных так, будто опасался какого-то нападения.

Варта обратилась к Луру за помощью. Она умела читать мысли и пользоваться безмолвной речью Лура. Но его народ знал искусство мысленной связи задолго до того, как первый жрец Асти наткнулся на их тайну. Пусть теперь Лур успокоит чужака.

Лур осторожно проложил путь к чужому сознанию, избегая простых мысленных коммуникаций, что могли бы его напугать. Сначала человек с древнего корабля отвечал вслух, но эти резкие грубые звуки ничего для них не значили. Только после того, как Лур повторил свои инструкции, он попытался передать прямые мысленные послания, неуклюже и бессвязно.

Картины иного мира, иной звездной системы стали более ясными и объемными, как только звездный человек начал понемногу осваиваться с новым видом коммуникации. Он принадлежал к расе, что пришла на Эрб со звезд и обнаружила, что на этой планете нет людей. Поэтому они основали колонии и воздвигли гигантские го-

рода — совсем не похожие на Мемфир — и веками жили в свое время в мире и согласии. Потом на их далекой родной планете вспыхнула великая война, и весь их мир настигла огненная смерть. Те, кто спасся в последней битве в открытом космосе, прилетели в колонии Эрба. Но с этой горсточкой людей пришло и безумие, погубившее их собственную планету, и они разрушили города Эрба, утверждая, что весь их народ должен быть уничтожен. Человек, которого они спасли, восстал против одного такого безумного лидера и был заточен непосредственно перед атакой на крупнейший из колониальных городов. После этого он ничего не помнил.

Варта перестала следить за ходом беседы — теперь Лур лишь объяснял звездному человеку, как они его нашли и вытащили из разбитого корабля. На Эрбе не было людей, сказал он,— а как же ее собственный народ, те, кто построил Мемфир? Да и варвары, какими бы безжалостными и жестокими не казались они по меркам Мемфира, конечно же, люди! Откуда же тогда они взялись, люди Мемфира и предки варварских орд? Ее руки коснулись чешуйчатой кожи костюма, что она носила, а потом провели по собственной гладкой коже. Неужели одно породило другое, и она по крови происходит от народа Лура?

— Вовсе нет! — Разум Лура, такой же быстрый, как его мелькающий язык, уловил эту паническую мысль.— Ты — одной крови с этим космическим странником. Люди из разрушенных колоний, должно быть, бежали, чтобы спастись. Посмотри на этого человека — разве он не похож на мужчин Мемфира, какими они были в древние дни величия города?

Чужак был высоким, выше, чем мужчины Мемфира, и в нем чувствовалась сила, какой никогда не обладали изнеженные горожане. Но Лур, конечно, был прав — это был человек ее расы. Она улыбнулась с неожиданным облегчением, и он улыбнулся в ответ. И в сознании обоих прозвенел тихий смех Лура.

— Асти в Бесконечной Мудрости Своей зрит сквозь века. Мемфир пал из-за праздности и грехов своего народа, и варвары теперь должны уйти в северные страны. Но по мне, это значит, что замысел Асти, еще не свершился. Каждому из вас Он предоставил вторую жизнь. Не пренебрегай Дарами Асти, Дочь Эрба!

И снова Варта почувствовала, как горячая кровь приливает к ее щекам. Но она больше не улыбалась. Вместо этого она задумчиво разглядывала иноземца.

Даже Дева Храма не может противостоять приказам Всемогущего. Дары от Руки Асти нельзя отвергать.

Сквозь замешательство чужака до нее донеслось хихиканье Лура.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ». Роман. Перевод *Л. Дейч* . . . 3
ГЭРАН ВЕЧНЫЙ. Роман. Перевод *Н. Хохловой* 165
КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ. Роман. Перевод *Л. Дейч.* 271
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛОРД КОР! Повесть. Перевод *Л. Дейч.* . . . 383
МЫШЕЛОВКА. Рассказ. Перевод *Л. Дейч.* 442
ТАЙНА «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРСА». Рассказ. Перевод *Л. Дейч.* . . 449
ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ. Рассказ. Перевод *Л. Дейч.* 456
ДАРЫ АСТИ. Рассказ. Перевод *Н. Резановой* 468

Литературно-художественное издание

НОРТОН АНДРЕ

ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ

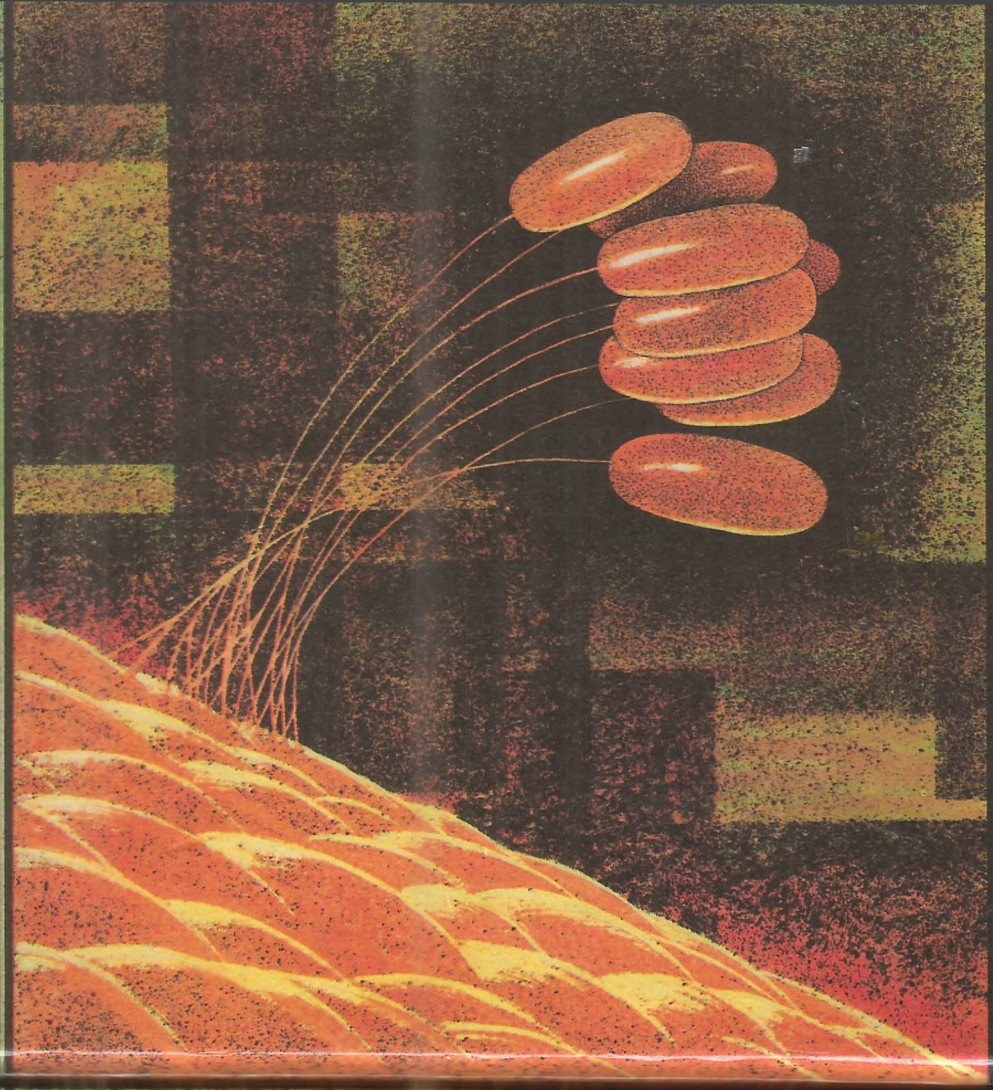
Фантастические произведения

Редактор *Н. В. Резанова*
Художественный редактор *А. В. Гришин*
Технический редактор *Г. В. Стачева*
Корректоры *Е. В. Карельская, И. С. Пигулевская*

Сдано в набор 18.11.92. Подписано в печать 15.04.93. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,90. Уч. изд. л. 32,11. Усл. кр.-отт. 29,29. Тираж 50000 экз. Заказ № 3888. С 016.

Издательство «Флюкс» 603000, Н. Новгород , ул. Костина, 20

ГИПП «Нижполиграф» 603006, Н. Новгород, ул. Варварская, 32.



Андре Нортон

ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ